

Археологические вести

— 30 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

30
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

**30
(2020)**

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 30 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 368 с.: ил.

В очередной номер журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии и истории. В разделе «Новые открытия и исследования» рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до средневековья. В ряде работ обсуждаются вопросы хронологии археологических памятников разных эпох, в частности, чустской культуры в Ферганской долине, тагарской в Минусинской котловине, уточняется датировка основного культурного горизонта поселения раннежелезного века Марьянское 1, находящегося в Краснодарском крае, и время сокрытия двух гнёздовских кладов рубежа IX–X вв. Кроме того, две статьи посвящены изучению первоначальных укреплений Старой Ладogi и результатам исследования палеопочв, подстилающих культурный слой этого памятника.

В специальном разделе «Актуальные проблемы археологии» представлены результаты изучения поселения Балка Лисовицкого эпохи бронзы на Таманском полуострове, обосновывается место происхождения и распространения больших прямоугольных пряжек из сибирского гагата в эпоху хунну, а также обсуждается вопрос об особенностях древнерусских фортификационных сооружений. Отдельный раздел посвящен истории науке, также в журнале приводится информация о международных конференциях. Среди авторов журнала ученые из различных научных центров России.

The current issue of “Archaeological news” includes articles devoted to the most recent researches in the sphere of archaeology and history. The section “New discoveries and studies” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the Middle Ages. A series of articles discuss questions of chronology of archaeological sites of different epochs, in particular, of the Chust culture in the Fergana Valley and the Tagar culture in the Minusinsk Kettle; a more precise dating is proposed for the main cultural horizon of the Early Iron Age site of Maryanskoye 1 in Krasnodar Kray and the date of burying of two Gnezdovo hoards at the turn between the 9th and 10th century. In addition, two articles are dedicated to studies of the original fortifications of Staraya Ladoga and the results of investigations of palaeosoils underlying the cultural layer of this site.

The special section “Topical problems of archaeology” presents the results of the investigation of the settlement-site of “Lisovitsky Balka” of the Bronze Age on the Taman Peninsula; the provenience and distribution of large rectangular buckles from Siberian jet of the Xiongnu period are grounded, and the problem on the features of Old-Russian fortifications is discussed. A separate section is dedicated to the history of science. This yearbook also presents information on international conferences. Among the authors of the volume there are researchers from different scientific centres of Russia.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — пластина-пряжка, Салхит, Монголия (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172)

First page of cover — plate-buckle, Salkhit, Mongolia (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172)

Четвертая страница обложки — пряжка, могильник Культобе в Южном Казахстане (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5)

Fourth page of cover — buckle, cemetery of Kultobe in Southern Kazakhstan (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Содержание

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. К. Анисюткин.</i> Технология первичной обработки камня комплекса слоя 5 эоплейстоценовой стоянки Байраки в Приднестровье	11
<i>Ю. Г. Кутимов, И. Ж. Тутаева.</i> Археологические комплексы степного типа и проблема абсолютной датировки чустской культуры Ферганской долины	29
<i>Л. С. Марсадолов.</i> Об абсолютных датах Большого Салбыкского кургана и салбыкского этапа тагарской культуры (ответ на статью Н. Ю. Кузьмина)	43
<i>А. В. Субботин.</i> К вопросу о границах распространения тагарских памятников в Минусинских котловинах	54
<i>А. М. Бутягин, А. К. Каспаров.</i> Очерк экономики архаического Мирмекия	72
<i>С. В. Кашаев, Р. А. Мимоход, Н. И. Сударев.</i> Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2	82
<i>А. В. Иванов, П. А. Ларенок, А. А. Подорожный.</i> О горизонте второй–третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское 1 в Нижнем Прикубанье	97
<i>В. А. Горончаровский, А. Е. Терещенко.</i> К вопросу об идентификации раннего типа синдских монет	116
<i>Н. Н. Николаев.</i> Погребальная обрядность детских захоронений хунну (на примере локальной группы кургана № 18 могильника Оргойтон)	125
<i>Н. В. Григорьева.</i> Древнейшая Ладожская крепость: хронология и стратиграфия (по итогам раскопок у Раскатной башни)	134
<i>В. М. Горюнова.</i> Еще раз о датирующих возможностях раннегончарной керамики (Гнёздовские клады 1973 и 2001 гг.)	154
<i>Н. И. Платонова, Г. М. Левковская, Д. А. Брицкий, Л. А. Карцева, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева, П. А. Миляев, Д. В. Збукова.</i> Старая Ладога, СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской трансгрессии. Новые материалы и старые проблемы	163

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приложение I к статье Н. И. Платоновой и др. А. Л. Александровский. Раскоп 6 на Земляном городище и шурф 2019 г. на Варяжской ул.: стратиграфия, хронология, погребенные почвы</i>	<i>186</i>
<i>Приложение II к статье Н. И. Платоновой и др. С. Н. Шадрина. Первые находки стоматоцист золотистых водорослей (Chrysophyceae) из палеопочв Старой Ладogi</i>	<i>190</i>
<i>Приложение III к статье Н. И. Платоновой и др. Н. Б. Балашова, Г. А. Киселев. Результаты СЭМ-исследований диатомовых водорослей из погребенных почв, подстилающих культурные отложения Старой Ладogi</i>	<i>193</i>
<i>Приложение IV к статье Н. И. Платоновой и др. Е. С. Чавчавадзе. Определение древесин из палеопочвы 1 Староладожского Земляного городища по СЭМ-микрографиям (предварительные результаты)</i>	<i>196</i>
<i>Г. И. Зайцева, Н. Д. Булова, С. А. Ришко, А. А. Семенцов, О. В. Лохова. Методы стабильных изотопов в исследованиях археологических объектов (применяемые методы и последние результаты)</i>	<i>200</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>А. В. Кияшко. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря</i>	<i>207</i>
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус. Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н. э. в Туве</i>	<i>223</i>
<i>Н. С. Курганов, С. В. Хаврин, И. А. Григорьева, К. С. Чугунова, А. В. Поволоцкая, Д. В. Панькин, А. В. Курочкин. Комплексное исследование инкрустированных пряжек эпохи хунну</i>	<i>254</i>
<i>В. Ю. Коваль. Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации</i>	<i>263</i>

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Е. Мусин. Научная литература «на грани коронакризиса»: анонс новейших польских публикаций по археологии средневековья</i>	<i>277</i>
---	------------

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК–ЗАПАД

<i>Международная конференция «Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культуругенез» (Москва, 3–5 февраля 2020 г.) (С. А. Васильев)</i>	<i>284</i>
---	------------

СОДЕРЖАНИЕ

Международная археологическая конференция «Вещь в контексте погребального обряда» (Москва, 28–30 января 2020 г.) (С. А. Яценко, М. Е. Килуновская)	287
---	-----

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Л. П. Рудакова.</i> Императорское Русское военно-историческое общество и изучение памятников Древней Руси. 1908–1914 гг.	290
<i>Н. А. Павличенко.</i> Российская эпиграфика после Латышева (1921–1941). I. Керамические клейма	301
<i>Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева, Е. Г. Панкратова.</i> Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания	312
<i>Н. А. Сулягина.</i> Основные направления исследований археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг.	330
<i>Н. А. Абрамова.</i> «Уголовное дело № 2782-31 по обвинению Репникова Н. И. и группы лиц в контрреволюционной деятельности»	343
<i>Н. И. Демирова.</i> Личный архив В. А. Городцова и опыт его научного использования (по материалам учетно-справочной документации ОПИ ГИМ)	349

AD MEMORIA

Памяти Владимира Алексеевича Завьялова (10.02.1946–01.08.2020) (М. Т. Кашуба, В. А. Алёшкин, Г. Пушнигг)	356
Памяти Анатолия Николаевича Кирпичникова (25.06.1929–16.10.2020) (С. В. Белецкий, В. А. Лапшин)	360
Памяти Константина Константиновича Марченко (06.09.1939–01.10.2020) (Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский)	363
Список сокращений	366

Contents

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>N. K. Anisyutkin.</i> Technology of primary knapping in the complex of layer 5 at the Eioleptocene site of Bayraki in the Dniester region	11
<i>Yu. G. Kutimov, I. Zh. Tutaeva.</i> Archaeological complexes of the steppe type and the problem of absolute dating of the Chust culture of the Fergana Valley	29
<i>L. S. Marsadolov.</i> The absolute date of the Great Salbyk Kurgan and the Salbyk stage of the Tagar culture (a response to the article by N. Yu. Kuz'min)	43
<i>A. V. Subbotin.</i> On the problem of the boundaries of the distribution of Tagar sites in the Minusinsk Depressions	54
<i>A. M. Butyagin, A. K. Kasparov.</i> An essay on the economy of archaic Myrmekion	72
<i>S. V. Kashaev, R. A. Mimokhod, N. I. Sudarev.</i> Burials with horses at the necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2	82
<i>A. V. Ivanov, P. A. Larenok, A. A. Podorozhnyj.</i> The horizon of the second and third quarter of the 6 th century BC at the settlement of Maryanskoye 1 on the lower Kuban River	97
<i>V. A. Goroncharovskiy, A. E. Tereshchenko.</i> On the problem of identification of the early type of Sindian coins	116
<i>N. N. Nikolaev.</i> Funerary rite of Xiongnu children's burials (at the example of the local group of kurgan no. 18 at the cemetery of Orgoyton)	125
<i>N. V. Grigor'eva.</i> New evidence on the earliest Ladoga fortress. Chronology and stratigraphy (results of excavations near the Raskatnaya tower).....	134
<i>V. M. Goryunova.</i> Once more about the dating possibilities of the early wheelmade pottery (Gnezdovo hoards of 1973 and 2001)	154
<i>N. I. Platonova, G. M. Levkovskaya, D. A. Britskiy, L. A. Kartseva, V. A. Lapshin, N. V. Grigor'yeva, P. A. Milyaev, D. V. Zbukova.</i> Staraya Ladoga: SEM investigations of plant remains from palaeosols separated through deposits of the Ladoga transgression. New materials and old problems	163

CONTENTS

<i>Appendix I to paper by N. I. Platonova et al.</i> <i>A. L. Aleksandrovskiy.</i> Excavation no. 6 at Zemlyanoye Gorodishche and exploratory trench of 2019 in Varyazhskaya ul.: stratigraphy, chronology, buried soils	186
<i>Appendix II to paper by N. I. Platonova et al.</i> <i>S. N. Shadrina.</i> The first findings of chrysophycean stomatocysts (Chrysophyceae) from palaeosoils of Staraya Ladoga	190
<i>Appendix III to paper by N. I. Platonova et al.</i> <i>N. B. Balashova, G. A. Kiselev.</i> Results of SEM investigations of diatomaceous seaweeds from buried soils underlying the cultural deposits of Staraya Ladoga	193
<i>Appendix IV to paper by N. I. Platonova et al.</i> <i>E. S. Chavchavadze.</i> Identification of wood from palaeosoil no. 1 from Zemlyanoye Gorodishche of Staraya Ladoga through SEM microphotographs (preliminary results)	196
<i>G. I. Zaytseva, N. D. Burova, S. A. Rishko, A. A. Sementsov, O. V. Likhova.</i> Methods of stable isotopes in investigations of archaeological objects (application and last results)	200

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>A. V. Kiyashko.</i> Settlement of the Bronze Age Lisovitsky Balka IV in Taman: general view and characterisation of the metal inventory	207
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus.</i> Buckles from Siberian jet in burials of the Xiongnu epoch of the 2 nd –1 st century BC in Tuva	223
<i>N. S. Kurganov, S. V. Havrin, I. A. Grigor'yeva, K. S. Chugunova, A. V. Povolotskaya,</i> <i>D. V. Pan'kin, A. V. Kurochkin.</i> Interdisciplinary investigation of jet buckles of the Xiongnu epoch with inlay	254
<i>V. Yu. Koval'.</i> The problems of reconstruction of the mediaeval Russian wooden fortifications	263

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>A. E. Musin.</i> Scientific literature on the “verge of coronavirus”: announcement of the most recent Polish publications on the archaeology of the Middle Ages	277
--	-----

THE EAST–WEST COOPERATION

International conference “East Europe, Caucasus, and Near East in the Stone Age: chronology, sources and cultural genesis” (Moscow, February 3–5, 2020) (<i>S. A. Vasil'yev</i>)	284
---	-----

CONTENTS

International archaeological conference “Artefact in the context of burial rite” (Moscow. January 28–30, 2020) (S. A. Yatsenko, M. E. Kilunovskaya)	287
--	-----

HISTORY OF SCIENCE

<i>L. P. Rudakova.</i> The Imperial Russian Military Historical Society and studies of monuments of Old Rus. 1908–1914	290
<i>N. A. Pavlichenko.</i> Russian epigraphy after Latyshev (1921–1941). I. Ceramic stamps	301
<i>Yu. A. Vinogradov, M. V. Medvedeva, E. G. Pankratova.</i> The Taman Expedition of the State Academy of the History of Material Culture: history of the foundation	312
<i>N. A. Sutyagina.</i> The main objectives of the investigations of the archaeological collection of 1924–1935 from Noin-Ula kurgans	330
<i>N. A. Abramova.</i> “Criminal case no. 2782-31 charged against counter-revolutionary activities of Repnikov N. I. and a group of individuals”	343
<i>N. I. Demirova.</i> Personal archives of V. A. Gorodtsov and the experience of their scientific use (after materials of registration and inquiry of OPI SHM)	349

AD MEMORIA

Ad memoriam Vladimir Alekseyevich Zav'yalov (10.02.1946–01.08.2020) (M. T. Kashuba, V. A. Alyokshin, G. Puschnigg)	356
Ad memoriam Anatoliy Nikolayevich Kirpichnikov (25.06.1929–16.10.2020) (S. V. Beletskiy, V. A. Lapshin)	360
Ad memoriam Konstantin Konstantinovich Marchenko (06.09.1939–01.10.2020) (Yu. A. Vinogradov, V. A. Goroncharovskiy)	363
List of Abbreviations	366

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Технология первичной обработки камня комплекса слоя 5 эоплейстоценовой стоянки Байраки в Приднестровье¹

Н. К. Анисюткин²

Аннотация. Статья посвящена технологическому анализу комплекса раннего палеолита Приднестровья — слоя 5 стоянки Байраки, который датируется эоплейстоценом (эпизод харамильо, 1 млн лет). В коллекции (888 экз.) представлены все категории каменных изделий, включая нуклеусы, отщепы и чешуйки, галечные формы и орудия на отщепах. Каменная индустрия основана на крупных галечных формах из песчаника и многочисленных мелких изделиях из кремня. Сопоставление индустрии слоя 5 с комплексами олдована указывает на их заметное сходство при сравнении разновременных индустрий единого технокомплекса Mode 1.

Annotation. The paper deals with technological analysis of the complex of the Early Palaeolithic of Transnistria from layer 5 at the site of Bayraki dating from the Eioleptocene (Jaramillo event, 1 mil. BP). Among the collection (888 items), all the categories of lithics are represented including nuclei, flakes and chips, while the pebble forms are tools on flakes. The stone industry is based on large pebble forms from sandstone and abundant small flint artefacts. Comparison of the industry from layer 5 with Oldowan complexes demonstrates their marked similarity. These nonsimultaneous industries can be attributed to a single technocomplex of Mode 1.

Ключевые слова: Восточная Европа, Приднестровье, Байраки, олдован, микроиндустрия.

Keywords: Eastern Europe, Transnistria, Bayraki, Oldowan, micro-industry.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-11-28

Введение

Открытие в начале XXI в. палеолитических местонахождений в отложениях эоплейстоценового³ возраста, расположенных на юго-западе Восточно-Европейской равнины, стало закономерным итогом многолетних археологических работ по изучению регионального раннего палеолита. Важно подчеркнуть, что определенный задел был сделан еще в середине 1980-х гг. Тогда в Приднестровье (Молдавия) на VII надпойменной

террасе Днестра удалось обнаружить два местонахождения раннего палеолита, где архаичные каменные изделия были связаны с вскрытыми на склонах древними лессово-почвенными отложениями (Анисюткин, 1987; 1994). Так, на местонахождении Погреба в ископаемой почве впервые удалось обнаружить совместно с каменными орудиями два зуба трогонтериевого слона (*Mammuthus trogotharii Pohl.*), являющегося типичным представителем тираспольского фаунистического комплекса (Анисюткин, 2010).

Поиск древнейшего раннего палеолита на VII надпойменной террасе стимулировали находки отдельных окатанных отщепов в нижней части склона местонахождения Большой Фонтан, где отчетливо прослеживались отложения пойменного и руслового аллювия данной террасы. К этому времени было установлено, что аллювий рассматриваемой террасы надежно датируется эоплейстоценовым временем (Антропоген и палеолит..., 1986; Адаменко и др., 1996).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Понятие «эоплейстоцен», применяемое геологами нашей страны, эквивалентно понятию «ранний плейстоцен» по международной шкале.

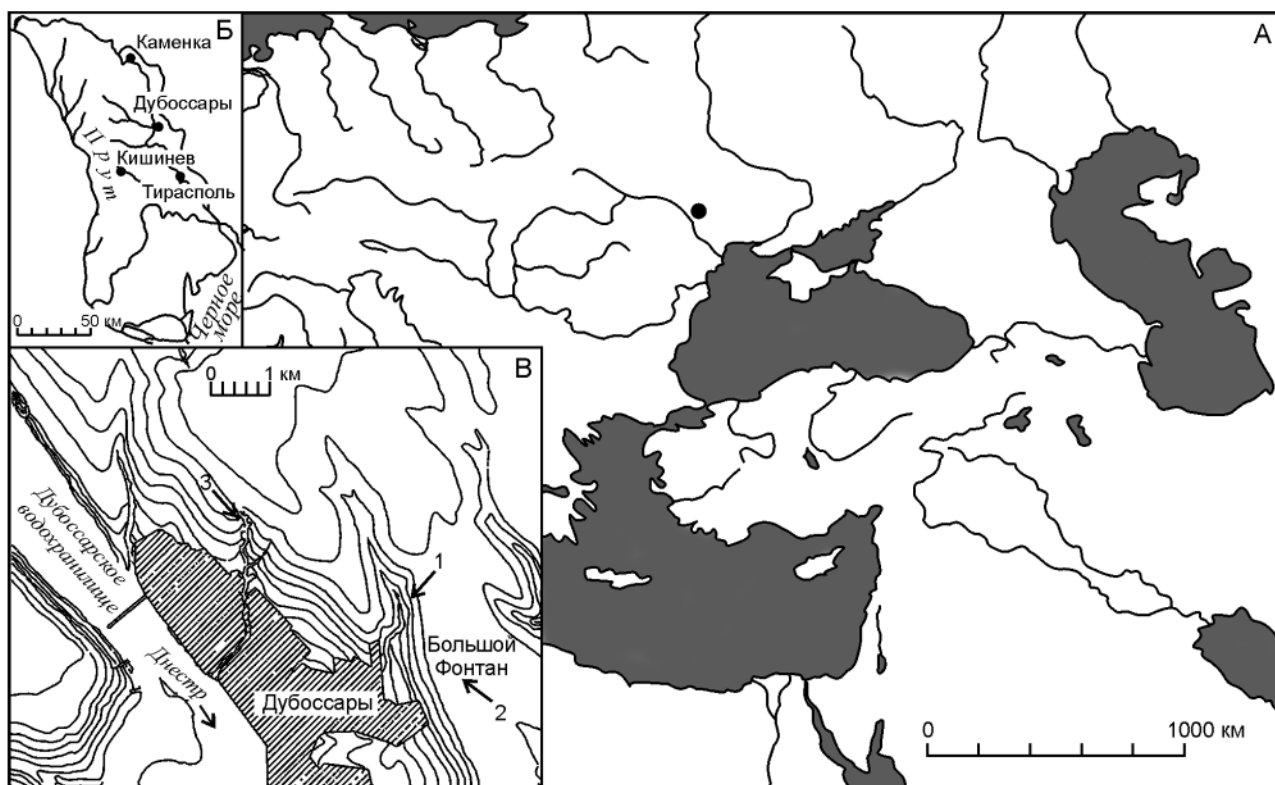

Рис. 1. А — расположение стоянки Байраки на юге Восточно-Европейской равнины; Б — памятники раннего палеолита в пределах Молдовы и Нижнего Приднестровья; В — памятники раннего палеолита в окрестностях города Дубоссары: 1 — Байраки, 2 — Большой Фонтан, 3 — Крещесты

Fig. 1. A — location of the site of Bayraki in the south of the East-European Plain; B — lower Palaeolithic sites within the boundaries of Moldova and Lower Dniester region; B — Early Palaeolithic sites around the city of Dubossary: 1 — Bayraki, 2 — Bolshoy Fontan, 3 — Crecești

Однако начать исследования удалось лишь спустя более двух десятков лет. Прекращение работ было связано с развалом Советского Союза и наступившим затем периодом нестабильности в Республике Молдова. Исследования смогли возобновиться в 2010 г. и ознаменовались открытием ожидаемого объекта, который был выявлен в 1,5 км севернее местонахождения Большой Фонтан (прежде Дубоссары 1) в балке Байраки. В данном случае на VII надпойменной террасе левобережья Днестра был обнаружен самый ранний палеолитический памятник Восточно-Европейской равнины возрастом около 1 млн лет (рис. 1). Несколько позднее синхронный объект Крещесты удалось открыть в 3 км северо-западнее балки Байраки (Анисюткин и др., 2012; 2013).

Первые памятники эоплейстоценового возраста были выявлены в пределах юга России — в Дагестане и на Тамани — в начале XXI в. (Амирханов, 2007, 2016; Анойкин, 2008; Щелинский,

Кулаков, 2007). Гораздо раньше артефакты этого времени были известны за Карпатскими горами, уже в пределах Центральной Европы. Там они обнаружены в нижних слоях местонахождения раннего палеолита Королево 1 с датой для культурно-хронологического комплекса VII, равной 850 тыс. лет (Гладилин, Ситливый, 1990; Кулаковская, 2003; Степанчук, 2006). Эоплейстоценовая каменная индустрия открыта и исследуется также на Балканах в нижних слоях пещеры Козарника (Иванова, 2009).

Важно напомнить, что Приднестровье относится к числу тех регионов бывшего Советского Союза, где четвертичные отложения были наиболее полно и детально изучены. Эти масштабные работы всегда были нацелены на комплексное исследование плейстоценовых отложений, связанных с хорошо выраженной «лестницей» речных террас Днестра. Так, в районе г. Тирасполь удалось установить, что аллювий VII надпойменной

террасы имеет эоплейстоценовый возраст, соответствуя палеомагнитной эпохе матуяма. Здесь отложения руслового аллювия датированы эпизодом харамильо (около 1 млн лет). Дополнительным подтверждением явились две термoluminesцентные даты — 0,94 и 1,1 млн лет (Антропоген и палеолит..., 1986. С. 56). Подобная датировка, как полагал в начале работ А. Л. Чепалыга, ожидалась и для аллювиальных слоев стоянки Байраки, расположенной на этой же террасе у г. Дубоссары. Исследования, проведенные учеными из Института географии РАН и Института геологии РАН в 2010–2014 гг., подтвердили ожидания — аллювиальные отложения нижних слоев стоянки были эоплейстоценовыми, а слои 5 и 6 однозначно соответствовали палеомагнитному эпизоду харамильо. Не противоречила этой дате и находка в слое 3 обломка нижней челюсти зюссенборнской лошади (*Equus (Alohippus) aff. sussenbornensis W.*), которая считается характерной для таманского фаунистического комплекса (Четвертичная система..., 1982. С. 272).

В отличие от местонахождений Дагестана и Тамани, артефакты комплекса Байраки оказались более молодыми. К тому же, согласно предварительным данным, каменная индустрия стоянки Байраки существовала в иных экологических условиях (Чепалыга и др., 2011).

Изучение индустрий, сопоставляемых по совокупности технических и морфологических признаков с олдованом (Mode 1), позволило получить интересную информацию о специфике региональных комплексов этого времени. Основные системы анализа, как известно, были разработаны на африканских материалах, но был учтен и собственный опыт. В этом случае полезно принять во внимание опыт исследования олдованского комплекса, проведенного Х. А. Амирхановым на юге Йемена еще в 80-х гг. прошлого века (Амирханов, 1991).

В данной ситуации публикации российских ученых представляют особый интерес, позволяя несколько по-иному оценить полученные данные, обратив внимание на своеобразие изучаемых комплексов (Амирханов, 1991; 2017; Шелинский, 2014; Проблемы палеолита Дагестана, 2012; Анисюткин, 2017).

В предлагаемой здесь статье анализируется технология комплекса древнейшего раннего палеолита юго-запада Восточно-Европейской равнины, представленного коллекцией слоя 5 стоянки

Байраки с многочисленными артефактами, достаточными для полноценного научного анализа (Анисюткин и др., 2015).

Используемые источники

Стоянка Байраки была открыта в 2010 г. и изучалась российско-молдавской археологической экспедицией, включая ученых из ИИМК РАН, Института культурного наследия Академии наук Молдовы, а также геологов и палеогеографов из Института географии РАН и Института геологии РАН, в 2011–2014 гг. Междисциплинарные исследования на стоянке организовал и курировал профессор А. Л. Чепалыга (Институт географии РАН). Благодаря грантам этого ученого экспедиция смогла продолжить работы также в 2013 и 2014 гг.

Археологические и редкие палеонтологические находки связаны с древними отложениями балки Байраки, расположенной в северной (верхней) части ныне не действующего гравийного карьера на окраине молдавского г. Дубоссары. Координаты местонахождения: N 47°16'27" и E 29°11'10" (Анисюткин и др., 2012; 2013; 2015).

Геоморфология и стратиграфия

Относительно короткая балка Байраки, расположенная на северо-восточной окраине г. Дубоссары, прорезает древнюю VII (Кицканскую) надпойменную террасу левобережного Днестра. В верхней части она представлена пологой ложбиной, частично заполненной голоценовым гумусированным делювием. Склоны балки имеют разное геологическое строение. Правый борт сложен более молодым двух- или трехслойным делювием, который соответствует эрозии среднечетвертичного времени. Изучаемый ключевой участок с более древними отложениями, вскрытый в раскопе и серии разрезов, расположен на левом склоне западной экспозиции балки, на месте бывшего гравийного карьера.

Для получения ясного представления о стратиграфии стоянки кроме закладки основного раскопа были проведены дополнительные работы. В сезоны 2011 и 2012 гг. сплошной зачисткой протяженностью более 70 м вправо от раскопа был вскрыт левый борт балки в ее верхней прирвовочной части, где мощность четвертичных отложений заметно увеличивается. Разрезы вскрыли элементы разновозрастного погребенного рельефа. В заполнениях палеорезов (на склонах и днищах) обнаружены новые стратиграфические слои.

Общая площадь раскопа составила около 30 кв. м. Характер сохранности отложений и их последовательность на участке раскопа имели свои особенности. Все три ископаемые почвы лежали на склоне одна на другой почти без перерыва, создавая сложности при их разделении. Эту проблему позволили решить расчистки, где удалось обнаружить слои и горизонты, отсутствующие или слабовыраженные в пределах раскопа. Мощность общего разреза раскопа — более 9 м, где на долю субэаральных отложений приходится более 3 м. В целом отложения можно подразделить на три толщи.

Верхняя толща представлена голоценовой почвой без археологических находок мощностью около 1,5 м.

Толща отложений четвертичного возраста начинается с лессовидного суглинка желто-коричневого цвета мощностью 0,2–0,4 м. Ниже лежат три слоя ископаемых почв, включая верхнюю почву коричневого цвета, мощность которой не превышает 0,6 м, и лежащую ниже среднюю красноцветную почву, состоящую из двух горизонтов и имеющую мощность 0,4 м.

Самой нижней является гидроморфная ископаемая почва типа глеезема, выделенная почвоведом С. А. Сычевой. Эта почва мощностью более 0,6 м, сформирована на поверхности пойменного аллювия. Она относится к эоплейстоценовому времени. Почва разбита вертикальными трещинами, идущими из средней почвы и заполненными красноцветным суглинком, имеющим слоистую структуру.

В разрезе расчистки ниже по склону удалось выделить два лессовидных горизонта, связанных с палеоврезами, разделяющих эти ископаемые почвы. Палеомагнитный анализ образца суглинка, перекрывающего нижнюю гидроморфную почву, показал обратную намагниченность.

Пойменная фация аллювия, перекрытая нижней гидроморфной почвой, характеризуется чередованием белесовато-голубой супеси с ржавыми прослоями опесчаненных глин. В нижней части этих отложений выявлен бедный археологический слой 4. Мощность пойменных отложений различна и варьирует от 4,2 до 4,8 м.

Старичный аллювий характеризуется отложениями чередующихся прослоев серого алеврита и оранжево-бурых глеевых слойков, окрашенных в процессе ожелезнения, которым сопутствуют карбонатные стяжения. Общая горизонтальная

слоистость данных отложений нарушается на отдельных участках проседанием грунта. Толщина алевритовых прослоев достигает 10 см, глеевых слойков — около 3 см. Границы слоя четкие, общая его мощность — около 70 см. Ниже по склону эти отложения резко падают вниз, срезая песчано-гравийные отложения руслового аллювия с артефактами.

Лежащий ниже русловой аллювий достигает в раскопе мощности свыше 3 м. Он подразделен на три литологических слоя.

Верхний литологический слой 9 представлен отложениями светло-коричневого цвета, состоящими из крупнозернистого песка с тонкими линзами очень мелкого гравия. Это отложения пляжного типа. Здесь выявлены многочисленные каменные артефакты, включая крупные галечные формы и мелкие орудия из кремня. Среди них имеются окатанные изделия. Ниже прослеживаются песчанистые отложения темного окраса из-за марганцевых включений на коричневом мелко-галечном субстрате. По-прежнему много артефактов из кремня, реже песчаника, по-разному окатанных, приуроченных к линзам неплотной породы. Среди нескольких небольших обломков неопределимых костей найден фрагмент пяточной кости мелкого *Cervidae*. Основанием слоя является прослой светло-серого песка с включениями мелкой гальки, к северному краю разреза близкого к выклиниванию, с единичными слабо окатанными кремневыми находками. Этот литологический слой 9 имеет мощность около 1 м (550–640 см).

Слой 10 состоит из нескольких горизонтов. Найденные здесь артефакты были отнесены к археологическому слою 5. В слое увеличивается количество гравийно-галечного материала. Нижний горизонт перенасыщен разноразмерной галькой, но крупных галек нет. Здесь встречаются многочисленные, нередко окатанные артефакты и мелкие обломки неопределимых костей. Этот слой имеет мощность около 1,5 м (640–780 см).

Слой 11. Галечник, местами сцементированный, — конгломерат. Ниже, в гравийно-галечном слое, встречаются единичные интенсивно окатанные кремневые изделия. Это переотложенный археологический слой 6. Глубина залегания — 780–800 см.

Всего на раскопе обнаружено 6 слоев с находками каменных артефактов раннего палеолита. Они заметно деформированы эрозионными

процессами и не являются подлинными культурными слоями, а могут рассматриваться как горизонты распространения археологических находок разной сохранности.

Лучшую сохранность имеют немногочисленные кремневые изделия из слоя 2 и, возможно, слоя 4. Сильно разрушенными и даже переотложенными следует считать слои 1 и 6 (рис. 2).

Не исключено, что между красноцветной и лежащей ниже гидроморфной почвами с археологическими слоями 2 и 3 был еще один разрушенный древней эрозией археологический слой. На это указывает находка чопперовидного скребла из делювиального суглинка. Образец этого суглинка, отобранный для палеомагнитного анализа, показал обратную намагниченность, свидетельствуя о начале палеомагнитной эпохи матуяма. В этом случае перед нами самая поздняя в разрезе находка каменного артефакта эоплейстоценового возраста.

Анализируемая коллекция каменных изделий слоя 5 происходит из нескольких горизонтов находок разной сохранности, указывающих на существование ряда сезонных стоянок на береговой линии реки или лимана. Люди селились здесь неоднократно, скорее всего, на обширной песчаной косе или острове. При подъеме уровня воды места стоянок затапливались, но не подвергались интенсивным размывам. На это указывает наличие в слое обильных чешуек и мелких отщепов кремня размерами менее 15 мм. Как свидетельствует практика, подобные предметы обычно не сохраняются в слоях, разрушенных водными потоками. В этом плане показательно, что в нижних горизонтах литологического слоя 10, где увеличивается количество гравийно-галечного материала, чешуйки и очень мелкие изделия единичны. Нет чешуек и в переотложенном слое 6. Наиболее насыщенные мелким материалом, включая чешуйки, были именно верхние горизонты, представляя пляжные отложения верхней части литологического слоя 9. Здесь, на участке около 5 кв. м, найдено отчетливое скопление многочисленных кремневых изделий, включая большинство нуклеусов и чешуек, малочисленных на прочей части раскопа.

В качестве примера укажу, что среди находок самого нижнего слоя мустьерской стоянки Кетросы, связанного с отложениями пойменного аллювия, полностью отсутствуют кремневые чешуйки и мелкие отщепы. Зато они обильны в субэриальных отложениях лежащего выше основного

культурного слоя 2 хорошей сохранности (Анисюткин, 2013).

Каменная индустрия археологического слоя 5. Коллекция всех горизонтов слоя 5 рассматривается как единый комплекс. В пределах слоя каменные изделия, включая нуклеусы и орудия, практически неразличимы. Это же можно отметить и по поводу сохранности поверхности артефактов: в одном и том же горизонте имелись как окатанные, так и неокатанные предметы.

Сырье. По составу каменного сырья коллекция артефактов из слоя 5 весьма разнородна, что указывает на использование нескольких месторождений источников сырья. Крупные рубящие орудия изготовлены преимущественно из галек твердого косоуцкого песчаника. Единственное галечное орудие сделано из менее прочного девонского песчаника. Подавляющее большинство мелких изделий и нуклеусов изготовлены из черного желвачного, а также серого и темно-серого кремня. Малочисленны изделия из яшмо-кварцита, кварца и роговика.

Черный (сеноманский) желвачный кремнь обнаружен в известняках сарматского возраста, выходы которых расположены ниже по долине балки Байраки на небольшом удалении от стоянки. Кроме того, эта разновидность кремня известна из руслового аллювия более древних террас, насыщенного мелкими окатанными желвачками и галечками.

Также местное происхождение имеет серый (туронский) кремнь. Менее окатанными и более износоустойчивыми являлись изделия из темно-серого мелового кремня, близкого по тональности к черному, но имеющего светло-серые вкрапления. Именно из такого сырья изготовлены наиболее хорошо сохранившиеся орудия. Для этого сырья свойственна высокая пластичность, обеспечивающая качественный раковистый излом. Вместе с тем раскалывание этого кремня было затруднено из-за обилия каверн и значительной распространенности меловой корки.

Преобладал черный кремнь (52 %), серый кремнь был менее многочислен (44 %). Важно обратить внимание на то, что применяемое кремневое сырье было весьма низкого качества. Так, два желвака серого кремня размерами около 10 см, найденных в отвалах карьера, имели трещиноватую структуру. С них, как показали эксперименты, не удалось снять отщепов размерами крупнее 3 см.

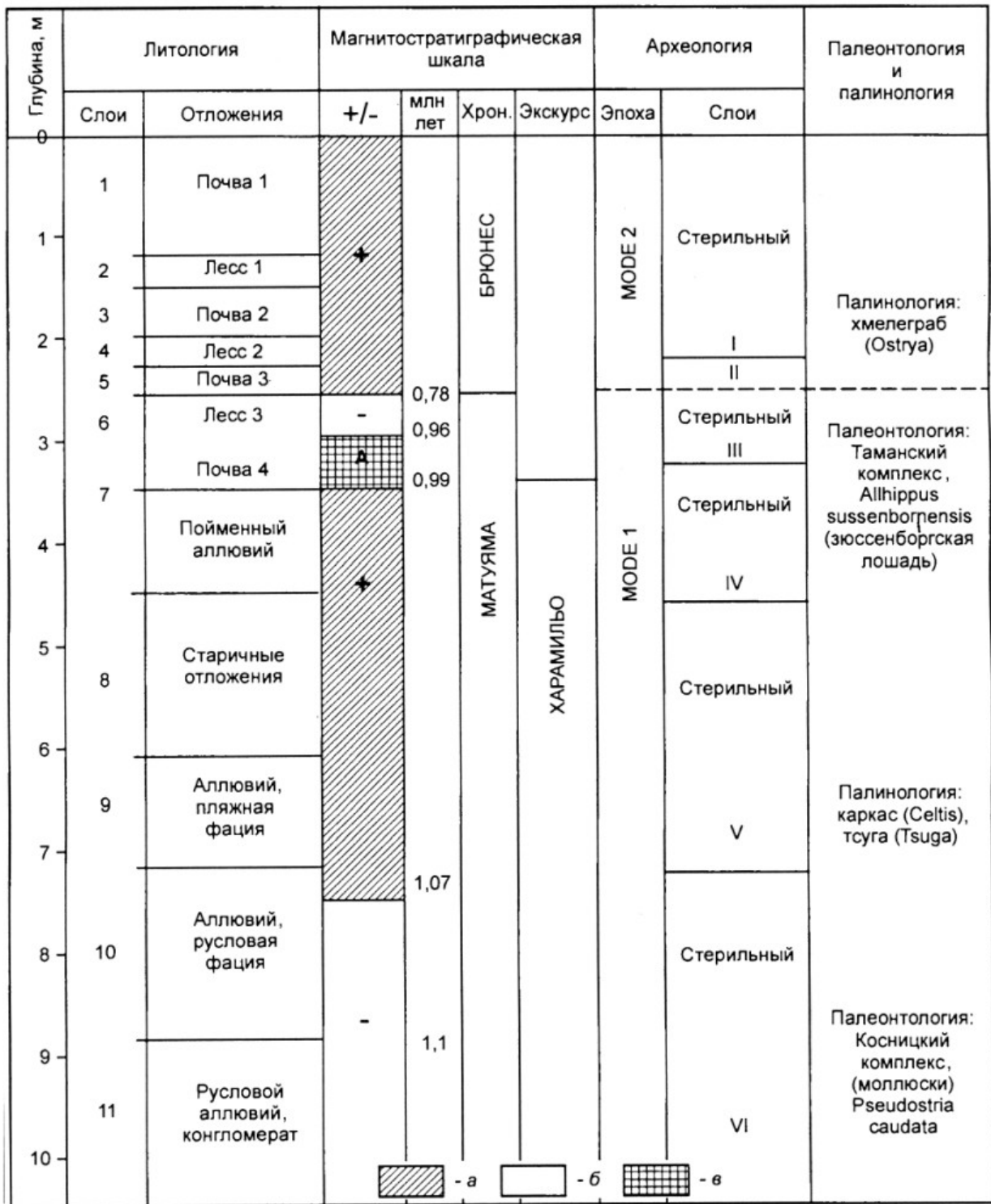

Рис. 2. Геохронологическая позиция стоянки Байраки в биостратиграфической и магнитостратиграфических шкалах: а-в — намагненность (а — нормальная, б — обратная, в — аномальная)

Fig. 2. Geochronological position of the site of Bayraki in the biostratigraphic and magnetostratigraphic scales: а-в — magnetization (а — normal, б — inverse, в — abnormal)

Сохранность поверхностей артефактов слоя 5 различна. Преобладают окатанные предметы, но степень оглаженности поверхностей разная. Среди сильно окатанных изделий нет предметов со следами соударений. Окатанность связана с особенностями расположения того или иного участка стоянки. Важно, если иметь в виду современные реалии, что люди обитали здесь, скорее всего, в конце лета — начале осени в периоды низкого стояния уровня воды. Во время паводков места стоянок оставались. Артефакты оказывались затопленными на небольшой глубине и перемещались вместе с частицами песка. Изделия, попавшие на участки с более заметным течением, окатывались наиболее интенсивно. Напротив, предметы с участка со слабым течением или быстро погребенные оставались слабо окатанными или неокатанными.

Анализ коллекции

Всего в комплексе имеется 888 артефактов, большая часть которых была найдена на участке в 5 кв. м, где было выявлено около 700 экз. Представлены все категории изделий, включая орудия, нуклеусы, отщепы, осколки и многочисленные чешуйки. Отбойники из галек песчаника и кварцита найдены в количестве четырех предметов. Одна из песчаниковых галек использовалась в качестве ретушера.

Приведу в табл. 1 данные о коллекции слоя 5, где представлены все категории находок, включая нуклеусы, орудия и продукты раскалывания.

Таблица 1. Общие данные о количестве изделий слоя 5
Table 1. General data on the number of artefacts in layer 5

Находки	Количество, экз.
Нуклеусы	40
Отщепы и чешуйки	651
Орудия на отщепах и осколках	140
Галечные орудия	53
Отбойники (ретушеры)	4
Итого	888

Сколы. Отщепы и чешуйки являются наиболее многочисленной категорией находок. К чешуйкам условно отнесены изделия размерами менее 12 мм. Единичными образцами представлены мелкие пластинки и резцовые сколы, которые можно рассматривать как результат применения техники дробления (рис. 5, 11, 13).

Для общего представления о сколах используется серия из 200 хорошо морфологически выраженных предметов, включая вещи со вторичной обработкой (рис. 3, 4, 5). Длина изделий определялась по оси скалывания. Средняя длина отщепов достигает лишь 32,3 мм. Наиболее крупный из них, изготовленный из гальки яшмо-кварцита, имеет длину 64 мм, а самый мелкий отщеп с ретушью — 13 мм.

Таблица 2. Размеры отщепов слоя 5
Table 2. Dimensions of flakes from layer 5

Размеры отщепов, мм	Количество, экз.	Доля, %
Очень мелкие, 12–20	40	20
Мелкие, 21–50	148	74
Средние, > 50	12	6
Итого	200	100

Как следует из табл. 2, господствуют изделия мелких размеров. Преобладают отщепы длиной 21–49 мм, среди которых обильны предметы с общим индексом массивности более 30. Стандартных форм нет. Много укороченных реберчатых отщепов. Несмотря на разнообразие форм, в коллекции имеются выразительные пластинчатые отщепы (рис. 3, 6; 4, 4, 10; 5, 7, 10) и даже подобие неретушированного «леваллуазского» острия на мелком и тонком треугольном отщепе с удаленной ударной площадкой (рис. 5, 9).

Ограничение дорсальных поверхностей отщепов было разным (табл. 3). По характеру огранки спинки выделены четыре группы изделий. К первой отнесены первичные отщепы с корочным покрытием, ко второй — отщепы с единичными снятиями, к третьей группе — предметы, где негативов снятий выявлено не более трех, и к четвертой — отщепы, на спинках которых есть негативы от более чем трех снятий.

Таблица 3. Количество негативов сколов на спинках кремневых отщепов
Table 3. Number of negatives of blows on the backs of flint flakes

Наличие сколов, шт.	Количество, экз.	Доля, %
Нет (первичные)	18	10
Единичные	44	24,5
2–3	98	54,4
> 3	20	11,1
Итого	180	100

Отщепы с немногочисленными негативами сколов преобладают. Это можно объяснить как характером сырья, представленного в основном кремневыми желваками и гальками небольших размеров, так и примитивностью техники первичного раскалывания камня.

Среди отщепов с сохранившимися ударными площадками заметна общая для индустрий типа Mode 1 тенденция преобладания естественных площадок. Обратимся к табл. 4.

Таблица 4. Типы ударных площадок отщепов
Table 4. Types of striking platforms of the flakes

Тип площадок	Количество, экз.	Доля, %
Естественные	102	51,0
Гладкие	41	20,5
Двугранные	6	3,0
Фасетированные	4	2,0
Неопределимые	47	23,5
Итого	200	100

Среди определимых ударных площадок преобладают естественные, то есть сохраняющие корку, реже представлены гладкие площадки, единичны двугранные и грубо фасетированные площадки. Последние виды площадок трудноопределимы и не являются полным аналогом фасетированных площадок. Они случайны и не указывают на намеренную подправку. К неопределимым ударным площадкам отнесены точечные и линейные, но преобладают площадки, разбитые при раскалывании. Выявлены как скошенные, так и прямые площадки.

Ударные бугорки слабо выступают или не выступают. Найдены отщепы с неконическими основаниями (рис. 4, 6, 7). Выпуклые ударные бугорки характерны для очень мелких отщепов или чешуек.

Так, заметная часть отщепов длиной свыше 40 мм была превращена в орудия (рис. 3, 6, 13). К примеру, самый крупный отщеп из яшмо-кварцита применялся как нож с угловой режущей кромкой и подправкой полукрутой ретушью поперечного края (обушка), в котором можно заметить аналог атипичным орудиям клювовидной формы типа Bill-hook, но без выемки (рис. 3, 13). На относительно крупном отщепе удлиненной формы (длиной 47 мм) было изготовлено комбинированное орудие, сочетающее типичное боковое скребло и выразительное клювовидное острие типа Bill-hook (рис. 5, 15).

Нуклеусы

Общее число предметов сложно определить точно по причине невыразительности морфологии, что характерно для индустрий этого времени. В целом выделено 40 достаточно четко выраженных нуклеусов (рис. 6; 7). По площади раскопа они распределены весьма неравномерно. Значительная их масса сосредоточена лишь в восточной части раскопа на площади около 5 кв. м, где найдено 25 нуклеусов. Преобладают остаточные формы мелких размеров длиной 3–5 см. Это указывает на то, что сырье приносилось на стоянку со стороны. На месте стоянки сырьевого материала нет. В отложениях слоя 5 отсутствуют галька и обломки кремня, пригодные для раскалывания. Мелкие галечки песчаника и яшмы диаметром не более 2–3 см, постоянно встречаемые в слое, были малочисленны.

Нуклеусы подразделены на одноплощадочные — 5 экз., двухплощадочные — 3 экз., радиальные — 4 экз., многоплощадочные (многогранные) — 6 экз., но преобладают атипичные — 22 экз. Найдено несколько предметов с плоскостным расщеплением. Среди них особо выразительным является одноплощадочный, который можно сопоставить даже с нуклеусами среднего палеолита (рис. 6, 11). Характерно почти полное отсутствие стандартных форм с подготовленными для раскалывания площадками. Нуклеусы по причине примитивности техники раскалывания слабо сработаны, а полезная масса их не была использована в полной мере.

На нуклеусах в качестве ударных площадок чаще всего использовались естественные поверхности. Дополнительная подготовка площадок и плоскостей скалывания отсутствовала. В качестве нуклеусов применялись и чопперы. В свою очередь многие из ядрищ переоформлялись в орудия. Чаще всего это были нуклевидные скребки (рис. 7). Преимущественно использовались многоплощадочные ядрища шаровидной формы (рис. 7, 8). Скребок рабочий край оформлялся отвесной ретушью на том или ином участке с острой кромкой. Иногда рабочий край выделялся подправкой с вентральной плоскости (рис. 6, 7).

Подобное явление можно считать весьма характерным для индустрий Mode 1. Похожие скребковидные формы прослеживаются не только в палеолите Африки (Harris, Isaac, 1976; Schick, Toth, 2006), но и, к примеру, в комплексах стоянок Тамани, где они описаны как

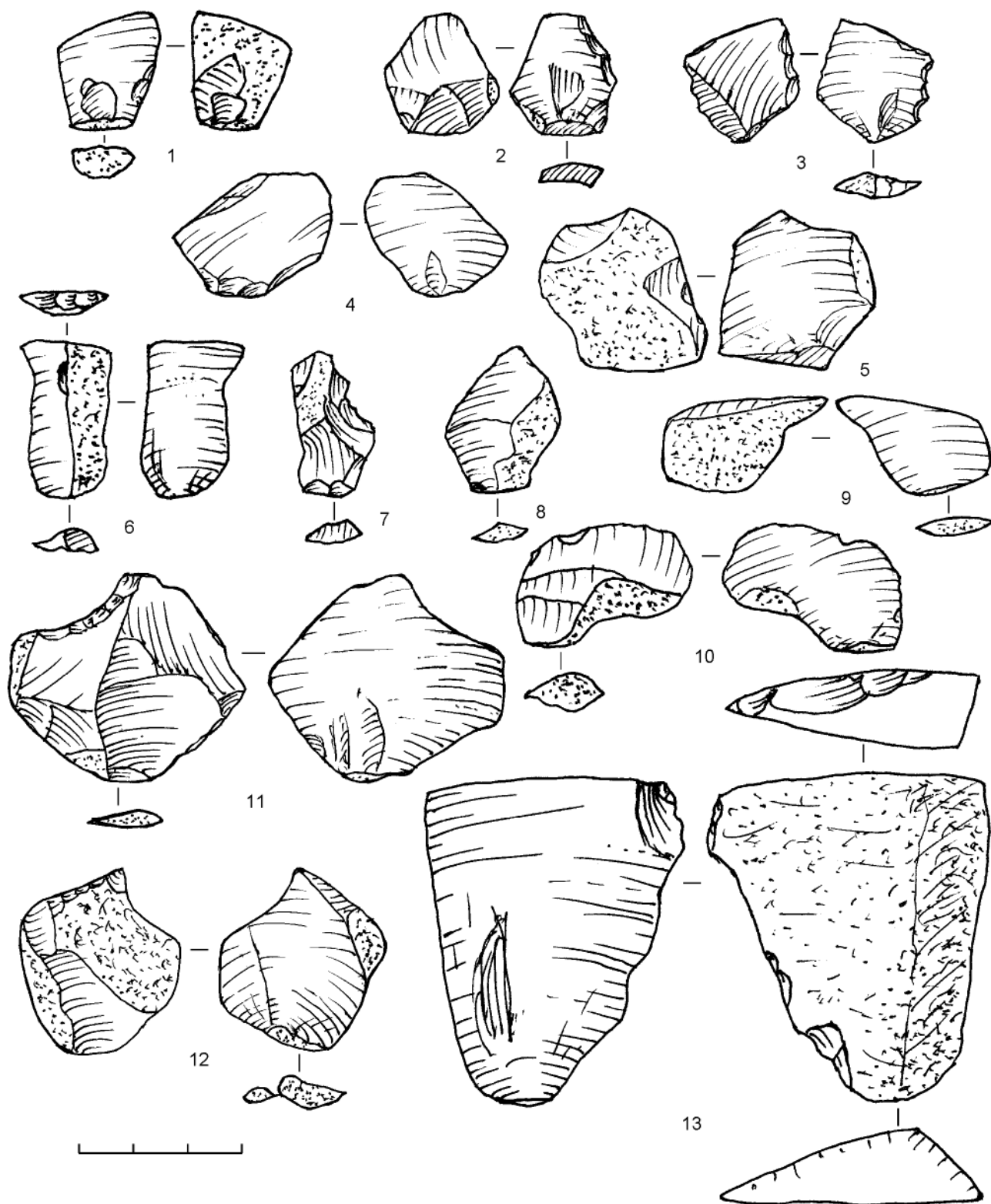

Рис. 3. Стоянка Байраки. Слой 5. Кремневые орудия: 1, 4, 5, 8-10, 12 — отщепы; 2, 3, 7, 11 — отщепы с ретушью; 6 — пластинка с крутой ретушью поперечного конца; 13 — нож с угловой режущей кромкой и поперечной ретушью дистального конца

Fig. 3. Site of Bayraki. Layer 5. Tools: 1, 4, 5, 8-10, 12 — flakes; 2, 3, 7, 11 — flakes with retouch; 6 — blade with abrupt retouch of the transversal end; 13 — knife with an angle cutting edge and transversal retouch of the distal end

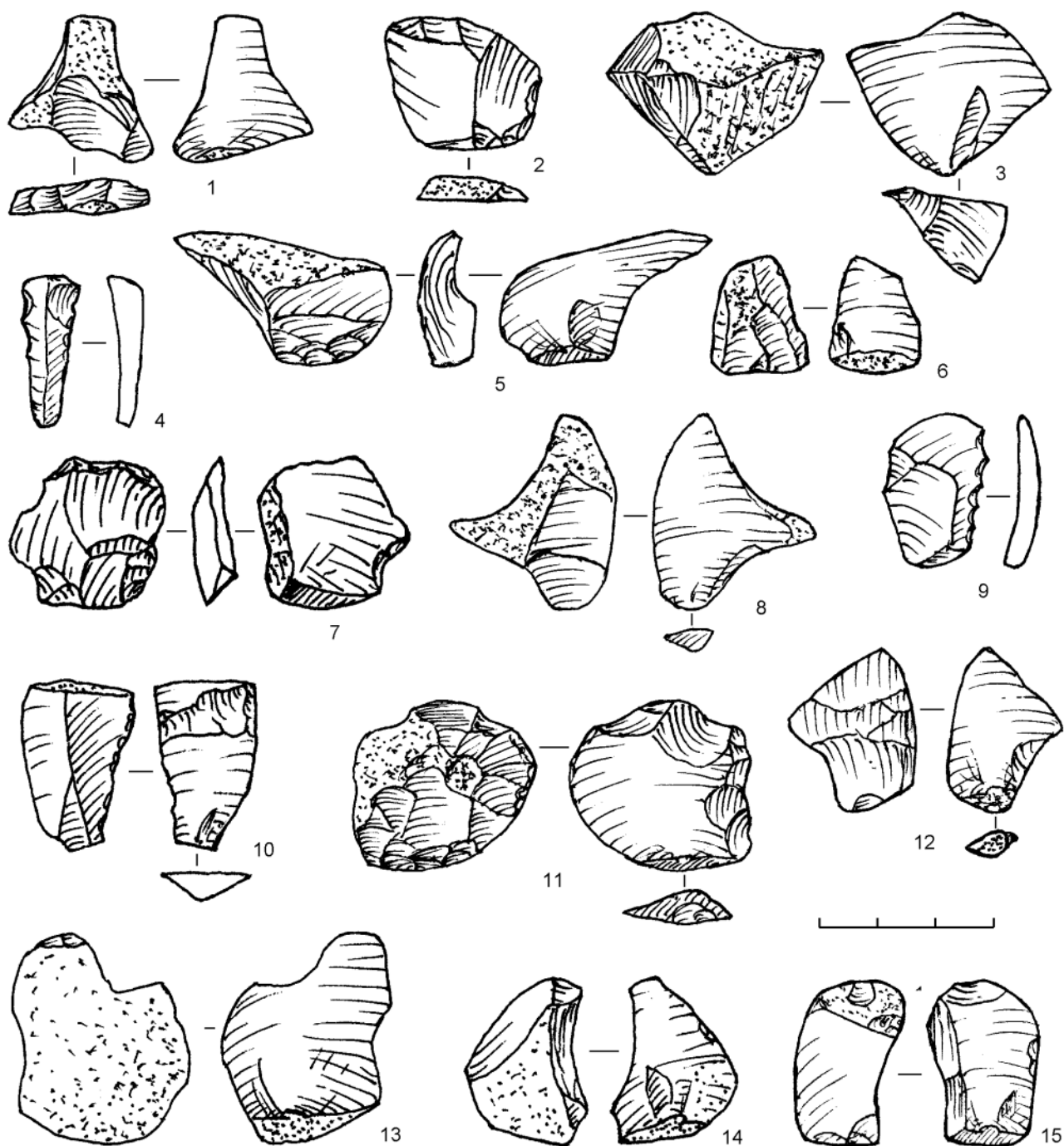

Рис. 4. Стоянка Байраки. Слой 5. Кремневые орудия: 1, 3 — отщепы с точечными площадками;

2, 9, 11 — отщепы с ретушью и следами утилизации; 4 — пластинка с мелкой ретушью;

5, 12, 14, 15 — реберчатые отщепы; 6-8, 13 — отщепы; 10 — пластинчатый отщеп

Fig. 4. Site of Bayraki. Layer 5. Tools: 1, 3 — flakes with point striking platforms; 2, 9, 11 — flakes with retouch and traces of use; 4 — blade with fine retouch; 5, 12, 14, 15 — ridge flakes; 6-8, 13 — flakes; 10 — blade-like flake

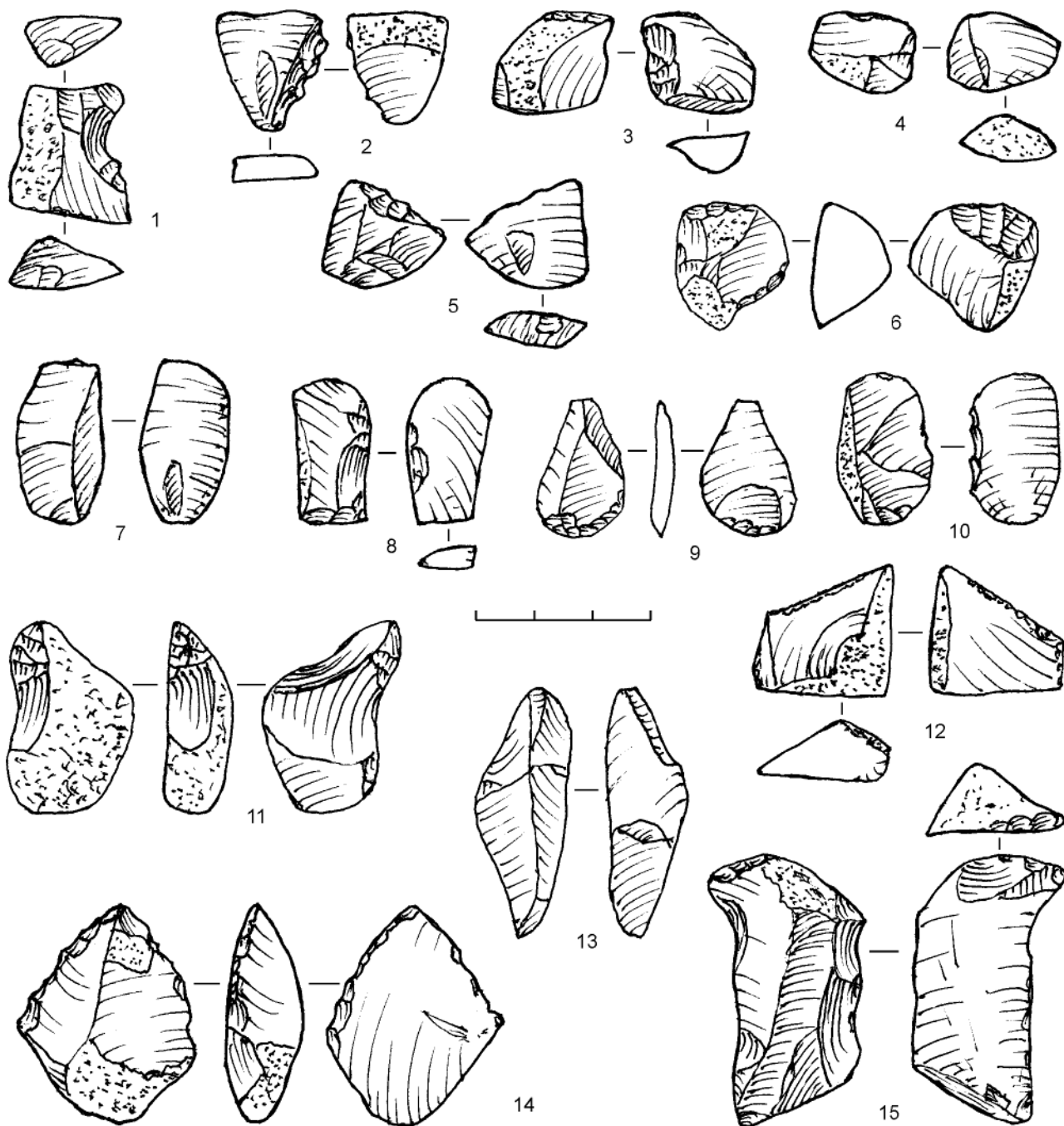

Рис. 5. Стоянка Байраки. Слой 5. Кремневые отщепы и орудия из них: 1, 11 — клювовидные орудия типа Bill-hook на обломках отщепов; 2 — зубчатое орудие; 3, 5, 8 — скребла; 4 — отщеп; 7, 10 — пластинчатые отщепы; 6 — скребок на отщепе; 9 — треугольное острие на тонком отщепе; 12 — отщеп с ретушью; 13 — обломок с резцовым сколом; 14 — острие на отщепе; 15 — комбинированное орудие (скребло и форма типа Bill-hook)

Fig. 5. Site of Bayraki. Layer 5. Flint flakes and tools on them: 1, 11 — becs of the Bill-hook type on fragments of flakes; 2 — denticulate tool; 3, 5, 8 — end scrapers; 4 — flake; 7, 10 — blade-like flakes; 6 — end scrape on flake; 9 — triangular point on thin flake; 12 — flake with retouch; 13 — piece with a burin blow; 14 — point on flake; 15 — combined tool (end scraper and a form of the Bill-hook type)

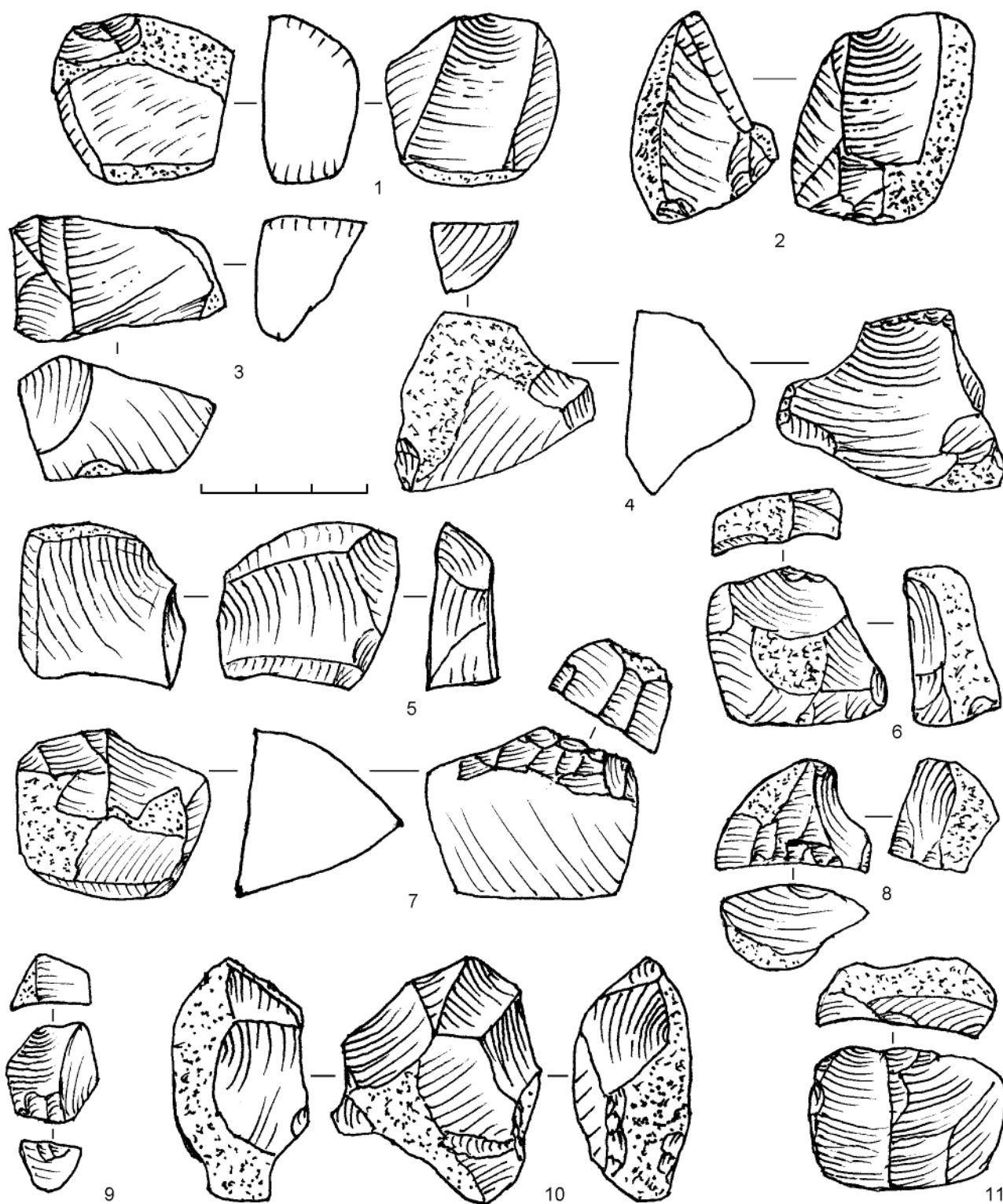

Рис. 6. Стоянка Байраки. Слой 5. Кремневые нуклеусы и нуклеидные орудия: 1, 2, 4, 11 — одноплощадочные; 3, 9 — двухплощадочные; 5 — многоплощадочный; 6, 10 — радиальные; 7, 8 — нуклеидные орудия (7 — вентральная подправка создает скребковидный рабочий край)

Fig. 6. Site of Bayraki. Layer 5. Flint nuclei and core-shaped tools: 1, 2, 4, 11 — single-platform; 3, 9 — double-platform; 5 — multi-platform; 6, 10 — radial; 7, 8 — core-shaped tools (7 — ventral resharpening produces a scraper-like working edge)

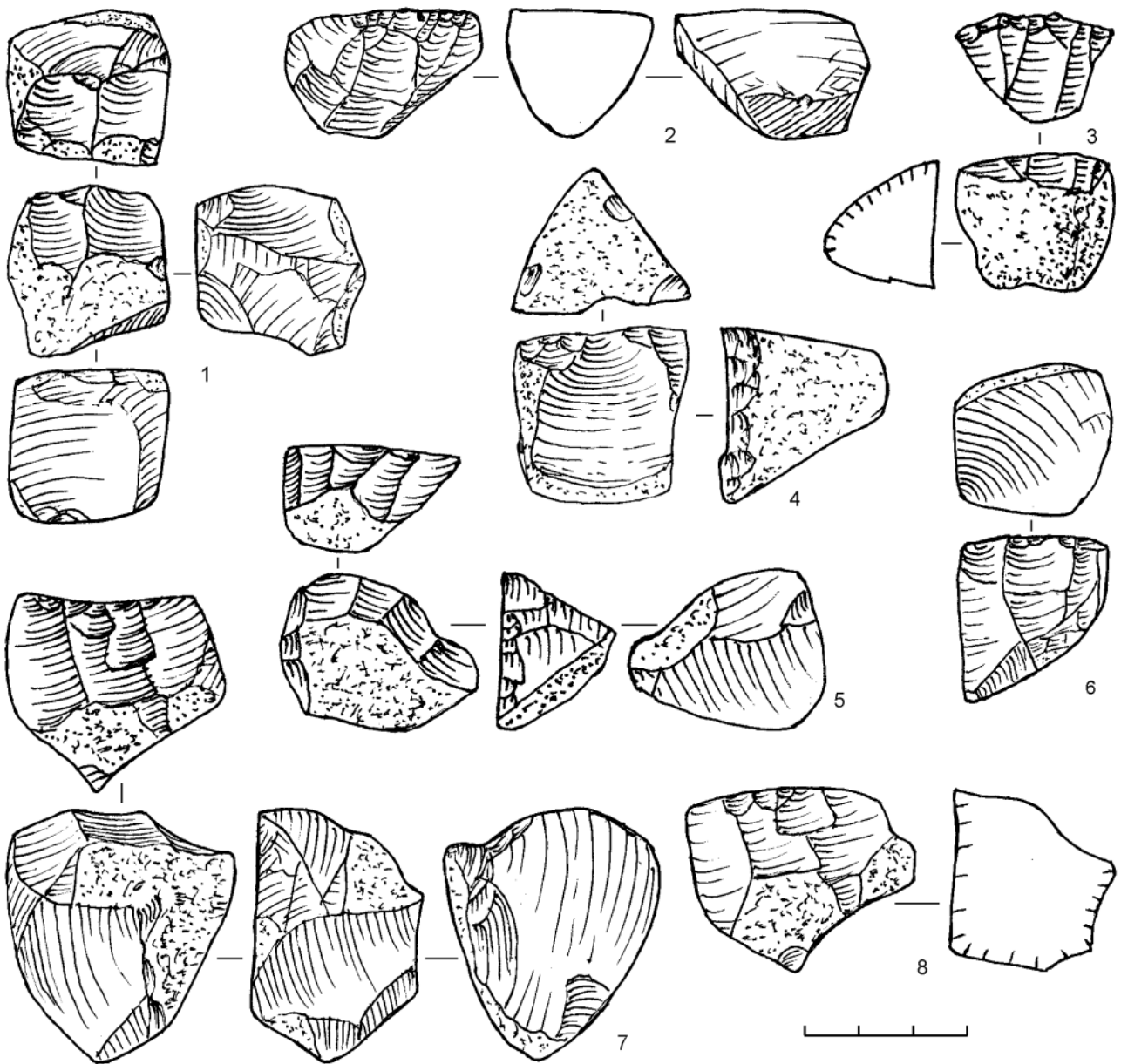

Рис. 7. Стоянка Байраки. Слой 5. Кремневые нуклеусы и нуклеидные формы: 1, 4, 6 — нуклеусы (1 — многоплощадочный шаровидной формы; 4, 6 — одноплощадочные); 2, 3, 5, 7, 8 — скребки нуклеидные (7 — на многоплощадочном ядрище)

Fig. 7. Site of Bayraki. Layer 5. Flint nuclei and core-shaped tools: 1, 4, 6 — cores (1 — multi-platform of globular shape; 4, 6 — single-platform); 2, 3, 5, 7, 8 — core-shaped end-scrapers (7 — on a multi-platform core)

чопперовидные скребла и нуклеидные скребки (Щелинский, 2014).

В целом анализ ядрищ и отщепов указывает на неразвитость техники первичного раскалывания камня. Об этом свидетельствует полное отсутствие предварительной подготовки как поверхностей скалывания, так и ударных площадок,

а также массивность и многообразие форм отщепов. Обилие мелких орудий, вероятно, можно считать вынужденной мерой, зависимой, прежде всего, от особенностей сырья, из которого изготовление отщепов более крупных размеров весьма затруднительно. Впрочем, этот вывод требует дополнительной проверки.

Сопоставление с комплексами олдована

По всем показателям комплекс слоя 5 соответствует примитивным и неразвитым каменным индустриям, которые сопоставимы с олдованскими. Для получения отщепов широко применялись различные приемы скалывания, включая биполярную технику и дробление. Раскалывание шло под острым углом между рабочей площадкой и плоскостью скалывания. Для изготовления орудий нередко использовались угловатые обломки с острыми краями, полученные техникой дробления. Среди отщепов нет стандартных форм. Основная часть отщепов имеет мелкие размеры, укороченные пропорции и значительную массивность.

По размерам отщепов комплекс слоя 5 входит в круг каменных индустрий технокомплекса типа Mode 1 с преобладанием мелких изделий. Для примера использованы опубликованные комплексы олдована Африки и Юго-Западной Европы (Испания), включая такие как Гона, Эйн Ханеш, Кооби Фора, Барранка Леон, Фуэнте Нуэва, где средняя длина отщепов находится в пределах 32–38 мм. В их число входит и комплекс слоя 5 со средним показателем длины отщепов, равным 32,3 мм.

Для олдована характерно обилие артефактов, сохраняющих на своих поверхностях значительные участки корочного покрытия, что свидетельствует о неразвитости технологии. Для подтверждения этого сопоставим данные слоя 5 с комплексами подлинного олдована, используя методику, разработанную американским исследователем Н. Тотом. Данная методика основана на анализе коллекции известной стоянки Кооби Фора (Isaac, 1983). По материалам из слоя FxJj 50 удалось выявить технологическую цепочку получения отщепов при раскалывании галечного материала. Предложенный пример недостаточно учитывает многообразие сырья и способов его раскалывания. Так, представлен лишь один из возможных вариантов частично двусторонней оббивки галек. Тем не менее этот пример показался мне интересным и используется в исследовании. По наличию корочного покрытия отщепы подразделены на семь условных типов (рис. 8).

Тип I: отщепы (первичные), целиком покрытые коркой.

Тип II: отщепы с покрытой коркой площадкой и частичной коркой на дорсальной поверхности.

Тип III: отщепы без корки на дорсальной поверхности, но с корочной площадкой.

Тип IV: отщепы первичные, но с выделенной сколом гладкой площадкой.

Тип V: отщепы с частичной коркой лишь на дорсальной поверхности и гладкой площадкой.

Тип VI: отщепы без корки.

К типу VII отнесены предметы с неясными признаками, которые в данном исследовании не рассматриваются.

Для сопоставления, напомним еще раз, используются материалы олдована разного возраста, начиная с древнейшей африканской стоянки Гона возрастом 2,6 млн лет и комплекса Кооби Фора (слой FxJj 50) — 1,6 млн лет. В качестве примера приводятся коллекции стоянок Барранка Леон (БЛ) и нижнего горизонта слоя 3 Фуэнте Нуэва (ФНЗ) из Южной Испании, которые по возрасту (1,2 млн лет) близки Байракам.

Важно отметить, что на памятниках использовалось разное каменное сырье: в Африке это преимущественно изверженные породы, а в Европе — кремь, кварцит и известняк (Semaw, 2006; Isaac, 1983; Fajardo, 2009).

Для контраста даны материалы двух более поздних комплексов раннего палеолита Приднестровья. В одном случае это коллекция стратифицированного материала из местонахождения Ярово, определенная как тейяк. Комплекс датируется концом раннего — началом среднего палеолита. Второй, более ранний, комплекс, связанный с отложениями миндельского или даже кромерского времени, представлен коллекцией местонахождения Большой Фонтан. Использованный здесь кремь отличался хорошим качеством. Тем не менее среди отщепов и орудий из них преобладали изделия мелких размеров, подавляющая часть которых не превышала 50 мм (Анисюткин, 2001; 2010). Обратимся к табл. 5.

Из анализа табл. 5 следует, что в комплексе слоя 5 стоянки Байраки многочисленны изделия со значительным корочным покрытием. Среди них преобладают отщепы I–III типов (66,7 %). Несколько меньше изделий с частичным корочным покрытием или без него (типы V и VI; 28,6 %). Можно обратить внимание на малое количество отщепов типа IV.

Среди стоянок африканского олдована также преобладают первые три типа отщепов. Особенно это показательно для древнейшего комплекса Гона, где сколов с сохранившейся галечной коркой особенно много. Для комплекса Кооби Фора эта группа отщепов (типы I–III) лишь

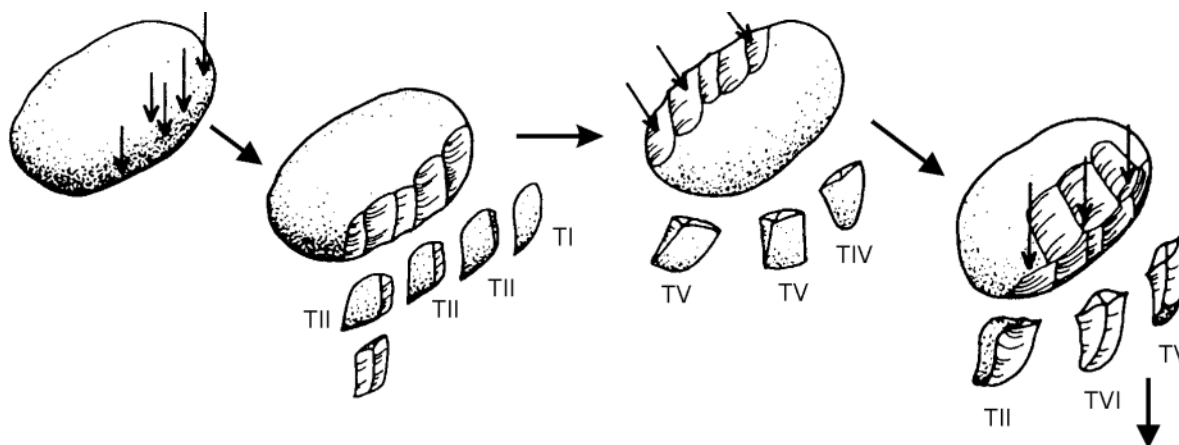

Рис. 8. Схема последовательной обработки гальки, основанная на реальных материалах стоянки Кооби Фора. Представлены этапы раскалывания и образование «типов» отщепов (Toth, 1982; Isaak, 1983). Т — тип

Fig. 8. Scheme of the consecutive working of a pebble studied on the basis of real materials from site of Koobi Fora. Phases of knapping and formation of “types” of flakes (Toth, 1982; Isaak, 1983). T — type

Таблица 5. Сопоставление комплекса отщепов слоя 5 стоянки Байраки с индустриями олдована и раннего палеолита

Table 5. Comparison of flakes from layer 5 at the site of Bayraki with Oldowan and Early Palaeolithic industries

Комплекс	Доля типа, %					
	Тип I	Тип II	Тип III	Тип IV	Тип V	Тип VI
Байраки	14,0	28,7	24,0	4,7	14,6	14,0
Гона	2,0	29,0	45,0	2,0	10,0	12,0
Кооби Фора	7,6	23,0	13,4	7,1	28,4	20,5
Барранка Леон	7,8	3,2	13,8	5,05	18,8	49,7
Фуэнте Нуэва 3	14,7	8,2	8,8	0,98	21,5	44,1
Ярово	0,0	0,7	0,7	2,1	50,5	46,0
Большой Фонтан	3,1	5,0	6,2	5	48,4	32,3

незначительно превосходит вторую. На рассматриваемых стоянках преобладало сырье из эффузивных пород. Причем, нужно подчеркнуть существенную разницу в возрасте. Сходную с Кооби Фора картину дает североафриканский вариант олдована из Эйн Ханеш (Алжир), где основой сырья был кремний. Здесь разница между группами также небольшая (Sahnouhi, 2006).

Для каменных индустрий с юга Испании характерна несколько иная картина. Так в комплексе ФНЗ отчетливо преобладает группа отщепов типа V и VI (более 65 %). Группа же отщепов типа I–III составляет почти 32 %. Похожую тенденцию можно заметить в комплексе БЛ, где группа типа I–III достигает почти 25 %, а V и VI — 68,5 %. В данном случае некоторое различие можно объяснить влиянием более качественного сырья, использованного в комплексе БЛ, где абсолютно

преобладает кремний. В комплексе же ФНЗ кремний и известняк использовались в равном количестве (Fajardo, 2009).

Резкий контраст с показателями каменных индустрий олдована дают комплексы приднепровского раннего палеолита. Здесь группа изделий с корочным покрытием слабо представлена в тейяке, но более заметна в раннем палеолите. В коллекции Ярово она составляет всего 1,4 %, а в Большом Фонтане — 14,3 %. Напротив, группа отщепов типов V и VI достигает в Ярово наибольшего значения — 96,5 %. Также много этих отщепов и в коллекции БФ (более 80 %). В комплексе Ярово мало естественных (галечных) ударных площадок, но относительно много в Большом Фонтане, где их количество достигает четверти всех отщепов с определяемыми площадками.

В данном случае перед нами две разные технологические системы. В олдоване она еще не

выработана и почти целиком зависит от качества сырья. В раннем же палеолите мы имеем дело с клетонской технологией, которую можно назвать первой стандартизированной технологией палеолита. Здесь уже имеет место более совершенная и относительно более экономная система использования полезных качеств каменного сырья, позволяющая получать больше нужных сколов с одного ядрища. Особенно показательна тейякская индустрия Ярово, где также господствует технология клетона, но уже присутствуют нуклеусы с подготовленными ударными площадками. К тому же, если иметь в виду ранний палеолит, часто приносимое на стоянку сырье было уже опробовано или даже подготовлено для расщепления.

По совокупности показателей, выявленных на основе методики Н. Тота, показавшей свою продуктивность, комплекс отщепов стоянки Байраки имеет более заметное сходство с представленными комплексами африканского олдована, несколько отличаясь от более близкого ему по возрасту испанского. Частично это можно объяснить весьма плохим качеством сырьевого материала в Байраках. В коллекции испанского олдована кремьен, известняк и кварцит имели более хорошее качество. Сырье отличалось более крупными размерами. Из одного нуклеуса было получено большее число отщепов, что естественно отражалось на показателях, увеличивая количество изделий без корки или с незначительным корочным покрытием. Особенно много здесь отщепов без галечной корки.

Из анализа публикаций олдованских комплексов Тамани и Дагестана мы получаем сходную картину. Так, В. Е. Щелинский отмечает обилие на стоянке Родники первичных и полупервичных отщепов. В коллекции преобладают отщепы с естественными площадками. Исследователь обращает особое внимание на явную архаичность технологии. Отмеченные особенности, связанные с наличием в коллекции значительного количества отщепов крупнее 50 мм, можно объяснить спецификой исходного сырья, в качестве которого использовался твердый окварцованный доломит, имевший форму плитчатых отдельных и их обломков разных размеров, включая весьма крупные (Щелинский, 2014). По совокупности технологических признаков комплексы таманского олдована имеют существенное сходство (Щелинский, 2013). В комплексах дагестанского олдована основой применяемого сырья были кремьен и известняк. Здесь выделены два

варианта — «мелкоорудийная индустрия раннего палеолита» и типичный олдован. Для первого варианта использовался мелкогазмерный кремьен более низкого качества, а для второго (комплексы Айникаб и Мухкай) — более качественный кремьен и известняк (Анойкин, 2017; Амирханов, 2016).

Заключение

Анализ техники первичного раскалывания камня индустрии слоя 5 стоянки Байраки указывает на сходство комплекса с индустриями типа Mode 1 или олдованом. Почти все технологические показатели оказались сопоставимыми. Их вариативность можно объяснить особенностью применяемого сырья. Тем не менее примитивная техника первичного раскалывания камня давала себя знать при весьма разном сырьевом материале, включая сырье более высокого качества. Так, в коллекции каменной индустрии стоянки Кермек на Тамани, где крупные формы могли быть зависимы от использования качественного крупногазмерного сырья, все же обильны отщепы небольших размеров, не превышающие 50 мм (Щелинский, 2013). В коллекциях рассматриваемых памятников, включая Байраки, преобладают примитивные и слабо сработанные нуклеусы, а также мелкие отщепы, отличающиеся массивностью и многообразием форм. Господствуют отщепы и нуклеусы со значительным корочным покрытием. Отметим сочетание крупных галечных форм и мелких орудий на отщепках.

Наши материалы, соответствующие концу отмеченной эпохи, не имеют принципиальных отличий от более ранних комплексов. В плане технологии все индустрии не проявляют элементов развития. Изменения можно проследить лишь в наборах каменных орудий, прежде всего сделанных на отщепках. Среди них впервые прослеживаются серии стандартных форм (Анисюткин, 2017; 2020). Появление таких форм можно рассматривать как пример адаптации древнейших «колониатов» Северного Кавказа к суровым природным условиям обитания на новой для них территории Юго-Запада Восточно-Европейской равнины.

В дальнейшем, если иметь в виду общую тенденцию развития, наиболее заметные изменения в технологии древнейшего раннего палеолита связаны с появлением серий крупных отщепов, которые стали заготовками новых форм орудий ашельского типа, соответствуя развитым индустриям типа Mode 2.

- Адаменко и др., 1996 — Адаменко О. М., Гольберт А. В., Осюк В. А., Матвишина Ж. Н., Медяник С. И., Моток В. Е., Сиренко Н. А., Чернюк А. В. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев: Феникс, 1996. 200 с.
- Амирханов, 1991 — Амирханов Х. А. Палеолит юга Аравии. М.: Наука, 1991. 344 с.
- Амирханов, 2007 — Амирханов Х. А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. Предварительные результаты. М.: Таус, 2007. 52 с.
- Амирханов, 2016 — Амирханов Х. А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавраевЪ, 2016. 344 с.
- Анисюткин, 1987 — Анисюткин Н. К. Новое местонахождение раннего палеолита у с. Погребы на Нижнем Днестре // Молдавское Приднестровье в первобытную эпоху. Кишинев: Штиинца, 1987. С 4–15.
- Анисюткин, 1994 — Анисюткин Н. К. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. № 3. С. 6–16.
- Анисюткин, 2001 — Анисюткин Н. К. Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб.: Европейский Дом, 2001. 310 с.
- Анисюткин, 2010 — Анисюткин Н. К. Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXV). С. 172–187.
- Анисюткин, 2013 — Анисюткин Н. К. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. СПб.: Нестор-История, 2013 (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН; Вып. 7). 172 с.
- Анисюткин, 2017 — Анисюткин Н. К. К вопросу о стандартизации каменных орудий в индустриях эоплейстоценового возраста на юго-западе Восточной Европы // Вестник Московского университета. М.: МГУ, 2017 (Серия XXIII: Антропология, № 1). С. 133–140.
- Анисюткин, 2020 — Анисюткин Н. К. К вопросу об эволюции эоплейстоценовых каменных орудий на территории Восточно-Европейской равнины // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2020. Вып. 27. С. 24–37.
- Анисюткин и др., 2012 — Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И., Очередной А. К. Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки в 2011 году // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 4 (52). С. 19–27.
- Анисюткин и др., 2013 — Анисюткин Н. К., Степанчук В. Н., Чепалыга А. Л. Крецешты, новое местонахождение раннего палеолита с галечной индустрией на Днестре: Каменные изделия, геологические условия, возраст // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / Ред. С. А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 89–103.
- Анисюткин и др., 2015 — Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И. Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 21 (2015). С. 11–30.
- Анойкин, 2008 — Анойкин А. А. Ранний палеолит предгорной зоны каспийского побережья Дагестана (по материалам долины реки Рубас) // Ранний палеолит Евразии; новые открытия: Материалы междунар. конф. (Краснодар–Темрюк, 1–5 сентября 2008 г.). Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2008. С. 33–35.
- Анойкин, 2017 — Анойкин А. А. Палеолит Приморского Дагестана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06 / Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2017. 31 с.
- Антропоген и палеолит..., 1986 — Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев, 1986). Кишинев: Штиинца, 1986. С. 76–78.
- Гладилин, Ситливый, 1990 — Гладилин В. Н., Ситливый В. И. Ашель Центральной Европы. Киев: Наукова думка, 1990. 268 с.
- Иванова, 2009 — Иванова С. Раннопалеолитни ансамбли от пещерата Козарника // Саха loquuntur: в чест на 65-годишнината на Николай Сираков. София, 2009. С. 29–57.
- Кулаковская, 2003 — Кулаковская Л. В. Новые аспекты исследования Королево // Археологический альманах. Донецк, 2003. № 13. С. 158–169.
- Проблемы палеолита Дагестана, 2012 — Проблемы палеолита Дагестана / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2012. 292 с.
- Степанчук, 2006 — Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы: Зелена Буковина, 2006. 463 с.
- Чепалыга и др., 2011 — Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Садчикова Т. А. Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на

- Днестре: возраст, палеоландшафты, археология // БКИЧП. М., Наука. 2012. № 71. С. 123–140.
- Четвертичная система..., 1982 — Четвертичная система. Стратиграфия СССР. М.: Недра, 1982. Полутом 1. 337 с.
- Щелинский, 2013 — Щелинский В. Е. Кермек — стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. С. 153–171.
- Щелинский, 2014 — Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: Периферия, 2014. 168 с.
- Щелинский, Кулаков, 2007 — Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Богатыри (Синяя балка) — раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. 2007. № 3. С. 7–18.
- Fajardo, 2009 — Fajardo B. The oldest occupation of Europe: evidence from Southern Spain // The cutting edge: new approaches to the archaeology of human origin / Eds. K. Schick, N. Toth. 2009 (Stone Age Institute Publication Series; No. 3). P. 115–136.
- Harris, Isaac, 1976 — Harris J. W. K., Isaac G. The Karari industry: Early Pleistocene archaeological evidence from the terrain east of Lake Turkana, Kenya // Nature. 1976. Vol. 262. P. 102–107.
- Isaac, 1983 — Isaac G. Early stages in the evolution of human behaviour: the adaptive significance of stone tools // Zesde Kroon-Voodracht Gehouden Voor de Stichting Nederlands Museum voor Antropologie en Praehistoire. Amsterdam, 1983. P. 5–32.
- Sahnouhi, 2006 — Sahnouhi M. The North African Early Stone Age sites at Ain Hanech // The Oldowan: case studies into the Earliest Stone Age / Eds. N. Toth, K. Schick. Gasport Stone Age Inst. 2009. No. 1. P. 77–112.
- Semaw, 2006 — Semaw S. The oldest stone artifacts from Gona (2,5–2,6 Ma), Afar, Ethiopia: implications for understanding the earliest stages of stone knapping // The Oldowan: case studies into the Earliest Stone Age / Eds. N. Toth, K. Schick. Gasport Stone Age Inst. 2009. No. 1. P. 43–76.
- Schick, Toth, 2006 — Schick K., Toth N. An overview of the Oldowan industrial complex: the sites and the nature of their evidence // The Oldowan: case studies into the Earliest Stone Age / Eds. N. Toth, K. Schick. Gasport Stone Age Inst. 2009. No. 1. P. 3–42.

Technology of primary knapping in the complex of layer 5 at the Eioleptocene site of Bayraki in the Dniester region

N. K. Anisyutkin

The paper is devoted to analysis of the technology of the assemblage of lithics of the earliest Palaeolithic of Mode 1 type provenient from layer 5 of the site of Bayraki. The site was discovered in Transnistria (Moldova) in 2010 and was investigated in 2011–2014 when interdisciplinary studies were here conducted. The latter were carried out by archaeologists from Russia and Moldova, as well as by geologists, palaeogeographers and geophysicists from institutes of geology and geography of the Russian Academy of Sciences. Six Early Palaeolithic layers have been distinguished including layers 3, 4, 5 and 6 dated to the end of the palaeomagnetic Matuyama epoch. The lower layers (5 and 6) were formed during the palaeomagnetic Jaramillo event (ca 1 mil. BP). In layer 5, 888 lithics from flint and solid sandstone have been found including 40 cores, 651 flakes, 140 tools on flakes, 53 pebble choppers and 4 pebble hammerstones. Flint scales and small flakes are predominating in the collection. Totally, the complex under consideration corresponds to industries of Mode 1 type. Comparison of the collection from layer 5 with complexes of different times of the Oldowan of Africa, Spain and southern Russia (Dagestan and Taman) has demonstrated their marked similarity although no indication of an evolution has been noted.

Археологические комплексы степного типа и проблема абсолютной датировки чустской культуры Ферганской долины¹

Ю. Г. Кутимов, И. Ж. Тутаева²

Аннотация. Согласно данным естественнонаучных методов датирования, в настоящее время нижняя граница абсолютной хронологии чустской культуры позднего бронзового — раннего железного века Ферганской долины определяется XV–XIV вв. до н. э. Это существенно противоречит стратиграфическим и сравнительно-типологическим наблюдениям на памятниках «общности лепной расписной керамики» Средней Азии. Анализ взаимовстречаемости чустских и степных компонентов на памятниках Ферганской долины позволяет определять время существования чустской культуры в пределах XII–IX вв. до н. э.

Annotation. According to the results of natural-scientific methods of dating, the lower boundary of the absolute chronology of the Chust culture of the Fergana Valley of the Late Bronze Age — Early Iron Age is presently dated to the 15th–14th century BC. However, this date runs contrary to stratigraphic and comparative-typological evidence from the sites of the “Community of painted pottery” of Central Asia. Analysis of the mutual occurrence of Chust and steppe components at sites of the Fergana Valley allows archaeologists to define the time of the existence of the Chust culture to within the 12th–9th century BC.

Ключевые слова: Средняя Азия, Ферганская долина, поздний бронзовый век, чустская культура, памятники степного типа, абсолютная хронология.

Keywords: Central Asia, Fergana Valley, Late Bronze Age, Chust culture, sites of the steppe type, absolute chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-29-42

Территория распространения чустской культуры позднего бронзового — раннего железного века охватывала практически всю северо-восточную часть современной Ферганской долины. Среди ее наиболее известных и изученных памятников:

¹ Кутимов Ю. Г. выполнил свою часть исследования в рамках выполнения программы ФГНИГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Кутимов Ю. Г. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: yuriuz@ Rambler.ru. Тутаева И. Ж. — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: stavri-das.win56@yandex.ru.

поселение Чуст, площадью 4 га и культурным слоем от 1,5 до 3,0 м, с этого первого памятника началось изучение чустской культуры, археологические исследования на котором с перерывами велись в 1950–1980-х гг. (Воронец, 1954; Спришевский, 1957; 1963; Заднепровский, 1962; Заднепровский, Матбабаев, 1984); поселение Дальверзин — самое крупное чустское поселение площадью 25 га, культурные отложения которого достигают более 3 м, археологические раскопки здесь проводились Ю. А. Заднепровским в 1950–1970-х гг. (Заднепровский, 1962; 1978) и Б. Х. Матбабаевым в 2000-е гг. (Матбабаев и др., 2006); Ошское поселение площадью около 1,5 га и культурным слоем около 1 м, расположенное на южном склоне горы Сулайман-Тоо, изучено под руководством Ю. А. Заднепровского в 1978–1984 гг. (Заднепровский, 1997).

В настоящее время на территории Ферганской долины известно более 80 памятников чустской

культуры, в основном это поселения различной площади: большие (13–25 га), средние (4–5 га) и малые (до 1 га). Главным образом они концентрируются в северных и восточных областях Ферганской долины, компактными группами располагаясь в границах речных оазисов на расстоянии 20–30 км друг от друга (Древнейшие государства, 1985. С. 193). Одной из наиболее дискуссионных проблем изучения чустской культуры остается проблема ее абсолютной хронологии.

Один из первых исследователей чустской культуры М. Э. Воронец на основании находок бронзовых изделий на поселении Чуст включил ее в круг культур эпохи бронзы и датировал III–II тыс. до н. э. (Воронец, 1954. С. 56–57). В. И. Спришевский отнес хронологические рамки чустской культуры к середине–концу II тыс. до н. э., руководствуясь сходством чустской керамики с материалами южнотуркменского древнеземледельческого поселения Анау и кавказскими аналогиями каменных наконечников булавы (Спришевский, 1957. С. 49; 1963. С. 12). Основным исследователем чустских древностей Ю. А. Заднепровский в одной из своих первых публикаций, посвященной вопросам изучения чустской культуры, датировал время ее существования концом II — началом I тыс. до н. э., сопоставив материалы раскопок Дальверзина с материалами некрополя Сиалк в Иране и памятниками андроновской культуры степной зоны Евразии, в частности Алексеевского поселения (Заднепровский, 1957. С. 56).

В 50-х гг. XX в. на территории Южного Туркменистана были открыты и исследованы памятники типа Яз I (Массон, 1959). Близкое сходство керамических комплексов, характеризующихся наличием лепной посуды, расписанной черной краской по красно-ангобированному фону или красно-коричневой краской по светло-ангобированному фону, дали основания объединить чустские и язовские комплексы в так называемую общность культур расписной керамики. Стратиграфические наблюдения показали, что памятники типа Яз I в Южном Туркменистане непосредственно подстилаются слоями позднего Намазга VI. Это позволило отнести археологические комплексы типа Яз I к концу позднего бронзового — началу раннего железного века и датировать их рубежом II–I тыс. до н. э. (Массон, 1959. С. 91). Исходя из культурных связей чустских и язовских памятников, предполагающих их близкое родство, этим же временем была датирована и чустская культура Ферганы (Заднепровский, 1962. С. 70; 1978).

Применение радиоуглеродного метода датирования позволило Ю. А. Заднепровскому пересмотреть хронологические рамки чустской культуры Ферганской долины. Серия датировок трех основных памятников чустской культурной общности (поселений Чуст, Дальверзин и Ошское), полученная в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА/ИИМК РАН, опубликована и подробно проанализирована в одной из последних монографий исследователя (Заднепровский, 1997. С. 73–76). Судя по полученным результатам радиоуглеродного датирования чустских памятников, разброс шкалы хронологии чустской культуры составляет от XXV до VIII в. до н. э. Однако примерно половина всех взятых на анализ образцов показала возраст в пределах XV–XIV вв. до н. э., что позволило Ю. А. Заднепровскому отнести нижнюю хронологическую границу чустской культуры к середине II тыс. до н. э. (Там же. С. 77). Привлекая в своем исследовании материалы с территории Южного Туркменистана периода Намазга VI, в том числе результаты немногочисленных и зачастую противоречивых радиоуглеродных анализов памятников типа Намазга VI и Яз I, Ю. А. Заднепровский высказал предположение, что хронологические рамки чустской культуры в целом могут быть синхронны периоду Намазга VI и, возможно, включают в себя все II и начало I тыс. до н. э. (Там же. С. 81).

Аналогичная корректировка абсолютной хронологии чустской культуры с помощью естественнонаучных методов исследования была предложена на основе спектрального исследования металлических изделий и сопоставления их химических составов (Рузанов, 1999). Исследователь выделил два этапа развития чустской культуры. Первый этап (дальверзинский) датируется серединой XIV — концом IX в. до н. э. и синхронизируется с такими археологическими комплексами, как Кузали, Молали и Бустан сапаллинской культуры, бишкентской и вахшской культурами, могильниками Чакка, Тандырйул и Дашти-Кози, а также бургулюкской и ранним этапом кайраккумской культуры. Второй этап (чустский) относится к концу IX — первой половине VIII — VII в. до н. э. и синхронизируется с материалами поселения Кучук II кучукской культуры, ранними комплексами Кызылча б и поздними этапами кайраккумской культуры (Рузанов, 1999. С. 32–35; 2013. С. 236).

Рассматривая результаты исследований, основанных на различных способах датировки чустской культуры Ферганской долины, отметим

следующее. Традиционные методы датирования, основанные на сравнительно-типологическом анализе археологических материалов, синхронизируют чувскую культуру с памятниками позднего бронзового — раннего железного века, главным образом с южнотуркменскими комплексами типа Яз I, время существования которых по традиционной шкале хронологии относится к концу II — началу I тыс. до н. э. Результаты естественнонаучных методов датирования (радиоуглеродный и химический анализ металлических изделий) значительно удревняют традиционные хронологические рамки чувской культуры, тем самым расширяя возможный круг культурных связей чувского населения с другими культурами Средней Азии позднего бронзового века. Судя по этим данным, нижняя хронологическая граница существования чувской культуры относится к середине II тыс. до н. э., или к XV–XIV вв. до н. э., а верхняя — к первой четверти I тыс. до н. э., или к VIII–VII вв. до н. э.

Принимая во внимание вышеизложенное, рассмотрим проблему абсолютной хронологии чувской культуры Ферганской долины в контексте культурных связей чувского населения с племенами степного типа. Археологические материалы южных районов Средней Азии наглядно свидетельствуют, что в ходе освоения и жизнеобитания степных племен на территории Средней Азии они вступали в активное культурное взаимодействие с местным населением оседлого типа. Условия обитания в позднем бронзовом веке в Средней Азии способствовали активным контактам земледельческого и скотоводческого населения. Кочевники, заняв удобные пастбища вблизи земледельческих оазисов, получали возможность развивать социально-экономические отношения с оседлым населением. Интенсивность и формы контактов влияли на формирование культурной среды обеих групп населения. На территории Южного Туркменистана фиксируется значительное количество керамики степного типа в культурных слоях древнеземледельческих поселений времени Намазга VI (Кутимов, 1999; 2014). На погребальных памятниках сапаллинской культуры Южного Узбекистана, особенно молалинского и бустанского времени, влияние степного компонента на местную культуру носило самый широкий характер, в результате чего постепенно трансформировались традиционные обычаи и менялись мировоззренческие системы (Авансова, 2013. С. 525). На территории Таджикистана

отмечаются активные культурные контакты древнеземледельческого молалинского населения и степных андроновских фёдоровских племен, в результате которых появляются погребальные комплексы смешанного типа (Виноградова, 2004. С. 72–76; Кутимов, 2019. С. 164–169).

В эпоху бронзы на территории Средней Азии культурное взаимодействие степного и оседлого населения в археологическом отношении фиксируется весьма разнообразно: от наличия в одном археологическом комплексе разнородных предметов материальной культуры (например, степная керамика в культурных слоях оседло-земледельческих памятников или земледельческая керамика в погребениях степного типа) до ярко выраженного культурного синкретизма и появления смешанных археологических комплексов.

При рассмотрении вопросов культурного взаимодействия в позднем бронзовом веке на территории Средней Азии, в том числе и Ферганской долины, необходимо акцентировать внимание на фактах совместных находок разнородных оседло-земледельческих и степных компонентов, которые могут иметь определяющее значение для составления региональных хронологических схем.

Как было отмечено, стратиграфические наблюдения раскопок памятников культуры типа Яз I на территории Южной Туркмении показали, что во всех случаях материалы этого типа перекрывают слои позднего Намазга VI. Вместе с тем на ряде памятников (Намазга-депе, Елькен-депе, Теккем-депе, Серманча-депе) в самых верхних слоях вместе с земледельческой керамикой, типичной для позднего Намазга VI, обнаружена керамика так называемого степного облика. Ее находки свидетельствуют о непосредственных культурных контактах местного оседло-земледельческого и пришлого степного населения. Наиболее показательными в этом отношении являются материалы поселения Теккем-депе, где найдено большое количество керамики степного типа, в том числе фрагменты, изготовленные в смешанных технологических традициях — способ формовки, фактура и орнаментация черепков степные, но при этом их внешняя и внутренняя поверхности в два слоя покрыты ангобом (Щетенко, Кутимов, 1999. С. 120). Типологически данная керамика восходит к саргаринско-алексеевской культурной традиции керамического производства и хронологически относится к заключительному периоду существования андроновской культурной общности, который определяется

в пределах XIV–XIII вв. до н. э. (Кутимов, 1999. С. 320; Щетенко, Кутимов, 1999. С. 119).

Таким образом, заключительные фазы развития культуры времени Намазга VI на территории Южного Туркменистана в целом синхронизируются с саргаринско-алексеевским периодом андроновской культурной общности.

В то же время достоверных случаев совместного нахождения в одном слое саргаринской и язовской керамики на памятниках Южной Туркмении не выявлено, хотя круг памятников типа Яз I достаточно обширен и охватывает не только ее южную прикопетдагскую часть, но и юго-восточные области — дельту Мургаба. На памятниках Южной Туркмении сплошная стратиграфическая колонка слоев от эпохи бронзы до раннего железного века имеется на поселениях Елькен-депе и Улуг-депе.

На поселении Елькен-депе слои с материалом типа позднего Намазга VI (Елькен I) содержат керамику степного саргаринского типа в виде фрагментов посуды с прочерченным орнаментом, налепными валиками и насечками по венчику (Марущенко, 1959. С. 60, табл. V). Слой Елькен II, характеризующийся появлением большого числа лепной расписной керамики типа Яз I, не содержит керамики степного типа, хотя на отдельных фрагментах язовской (?) керамики встречаются гладкие налепные валики (Там же. С. 63, табл. XVIII). Слой Елькен II перекрывает слой Елькен I, при этом в основании слоя Елькен II лежит мощная платформа из глиняных кирпичей (Там же. С. 63). Исследователь поселения Елькен-депе А. А. Марущенко считал, что между керамическими материалами Елькен I и Елькен II имеются параллели, «несмотря на резкое отличие в общем облике» (Там же. С. 64).

На поселении Улуг-депе находки степной керамики отсутствуют. В стратиграфических шурфах В. И. Сарианиди было установлено, что слои с расписной керамикой типа Яз I (Улуг II) лежат на слоях позднего бронзового века с керамикой типа Намазга VI (Улуг III) (Сарианиди, 1972. С. 53–54). Раскопки французской археологической миссии на Улуг-депе выявили, что слои с расписной керамикой типа Яз I (эпоха раннего железа) лежат на слоях времени Намазга V (эпоха средней бронзы), при этом материалы типа Намазга VI (эпоха поздней бронзы) на памятнике встречаются редко (Bendezu-Sarmiento, Lhuillier, 2011. P. 240; Lhuillier et al., 2015. P. 80–81). Учитывая явную недостаточность стратиграфических наблюдений для памятников лепной

расписной керамики, данные стратиграфические противоречия на поселении Улуг-депе вносят дополнительные сложности в понимание не только вопросов хронологии, но также происхождения и культурных связей населения лепной расписной керамики с предшествующими комплексами времени Намазга VI.

По мнению Е. Е. Кузьминой, некоторые металлические изделия общности лепной расписной керамики Южной Туркмении, возможно, имеют степное происхождение и могут быть типологически связаны с саргаринско-алексеевской традицией металлопроизводства (Кузьмина, 2008. С. 318–320).

Таким образом, рассматривая находки материалов степного типа в культурных слоях древнеземледельческих памятников Южной Туркмении, можно сделать следующие выводы: во-первых, степная керамика саргаринско-алексеевского типа массово фиксируется в верхних слоях археологических комплексов времени Намазга VI и в незначительном числе встречается в археологических комплексах типа Яз I; во-вторых, в археологических комплексах типа Яз I отмечается некоторое количество признаков, которые свидетельствуют о культурном влиянии степного саргаринско-алексеевского населения на Яз I (моделирование валиков на посуде, некоторые типы металлических изделий). Видимо, появление комплексов типа Яз I в Южной Туркмении следует относить к позднему саргаринскому, а возможно, даже к постсаргаринскому времени.

Рассмотрим материалы чувской культуры в контексте их культурных связей со степными комплексами Ферганской долины. В настоящее время здесь известно более десятка археологических памятников степного типа позднего бронзового века, представленных стоянками, небольшими могильниками и отдельными погребениями.

Территориально эти комплексы делятся на две локальные группы памятников: южную и западную. Первая группа включает могильники Карамкуль, Вуадиль, Чек, Арсиф, Япаги, Кашкарчи и Ташкуртан, которые расположены в южных районах Ферганской долины и исследованы в 1950–1970 гг. (Гамбург, Горбунова, 1956; 1957; Горбунова, 1995). Вторую группу памятников составляют стоянки степного типа, а также могильники Ходжи-Ягона и Дахана, обнаруженные в западной части Ферганской долины (кайракумская группа памятников) (Литвинский и др., 1962). Степень сохранности археологических комплексов степного

типа Ферганы чрезвычайно плохая, почти все они к моменту раскопок оказались разрушенными или ограбленными.

Погребальный обряд южно-ферганской группы могильников весьма разнообразен. По типам надмогильных сооружений погребения данной группы можно разделить на следующие: а) имеющие насыпь из земли и камня (Кашкарчи) или только камня (Вуадиль, Арсиф, Ташкурган); б) имеющие оградки-выкладки различных форм, сложенные из камней, вкопанных в землю или положенных плашмя (Вуадиль, Чек, Арсиф, Япаги, Карамкуль); в) имеющие прямоугольные длинные каменные выкладки, разделенные на дорожки (Карамкуль, Япаги). Могильные ямы представлены двумя типами конструкций: 1) каменные ящики из плит, стоящих на торцах по стенкам могил и иногда имеющие каменные перекрытия (Вуадиль, Чек, Карамкуль, Арсиф); 2) катакомбы (Япаги, Кашкарчи) (Горбунова, 1995. С. 17).

Вследствие практически полной разрушенности захоронений положение умерших в могилах фиксируется в отдельных погребениях. В могильнике Вуадиль по остаткам костей в погребении № 37 было установлено, что умерший был уложен скорченно на левом боку, с подложенной под голову левой рукой, головой ориентированный на восток (Гамбург, Горбунова, 1956. С. 89). В могильнике Чек в одном из погребений положение костей дает основание полагать, что умерший был уложен на спине, головой на запад (Горбунова, 1995. С. 13). В катакомбных погребениях могильника Япаги умершие были уложены в скорченном положении на левом боку, головой на восток и северо-восток (Там же. С. 25–29).

Погребальный инвентарь представлен керамикой и небольшим количеством металлических изделий. Общее число найденной в погребениях глиняной посуды составляет около 20 сосудов. В основном это горшкообразные сосуды с широким устьем и слабо выраженной шейкой. Венчик у большинства сосудов плавно отогнут, плечики округлые, дно плоское. В единственном случае имеется сосуд с оттянутым валиком. Орнамент весьма редок и в основном нанесен на плечиках: ломаные линии, «елочка», косые и горизонтальные линии, овальные ямки, иногда встречаются незамкнутые и заштрихованные треугольники. Техника выполнения орнамента — гладкий штамп (Там же. С. 17–18). Из бронзовых изделий обнаружены: серьги с широким кованым раструбом и кольца с несомкнутыми концами в могильнике

Вуадиль; спиральные серьги с петлевидной дужкой в могильниках Арсиф, Кашкарчи и Япаги; зеркальца с петелькой в могильниках Арсиф и Япаги. Кроме женских украшений в могильнике Вуадиль обнаружен бронзовый двулопастный листовидный наконечник стрелы со скрытой втулкой, а в могильнике Кашкарчи — нож с намечающимся перекрестьем (Там же. С. 14–15, 20).

Н. Г. Горбунова датировала южно-ферганские могильники концом третьей четверти II тыс. до н. э. и выделила данные памятники в единую «культуру степной бронзы Ферганы», которую она, на основании анализа керамического материала, связывала с фёдоровской андроновской культурой в ее особом, местном варианте (Там же. С. 21).

Как видно, погребальный обряд степных могильников Южной Ферганы весьма разнообразен как по устройству погребальных конструкций, так и по положению погребенных в могилах. Единственный признак, объединяющий все эти комплексы, — полное отсутствие следов использования огня, который часто применялся в погребальном обряде фёдоровской культуры. Западная ориентировка умерших, характерная для андроновских (особенно для фёдоровских) племен, здесь встречается всего лишь один раз в могильнике Чек, но при этом погребенный был уложен на спине, что в принципе никак не увязывается с фёдоровскими погребальными традициями. Весьма интересен погребальный обряд могильника Япаги, где захоронения сделаны в катакомбах, в которых умершие уложены скорченно, головой на восток и северо-восток. В данном случае налицо явное влияние среднеазиатских земледельческих традиций на погребальный обряд пришлого степного населения. Непосредственно в Ферганской долине следы проникновения земледельческих племен фиксируются слабо, в эпоху бронзы территория их обитания охватывала более южные области Средней Азии. Ближайшие аналогии ферганским катакомбам можно найти в погребальных комплексах Юго-Западного Таджикистана (могильники Кумсай, Тандырйул и др.), генетически связанных с сапаллинской культурой Южного Узбекистана. Скорченное положение на боку и северо-восточная ориентировка погребенных были широко распространены в катакомбных погребениях земледельческого населения Юго-Западного Таджикистана (Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 107; Виноградова, 1991. С. 72).

Абсолютная датировка степных памятников Южной Ферганы устанавливается по металлическим

изделиям. Лавролистный наконечник стрелы со скрытой втулкой из могильника Вуадиль и спиральные серьги из могильников Арсиф и Кашкарчи относятся к саргаринскому времени (Аванесова, 1991. С. 43, 57–58). Данную датировку подтверждает керамический материал, где присутствует сосуд с валиком, традиция изготовления которых распространяется в саргаринское время. Общий же облик керамики из могильников Южной Ферганы, их форма и скудность орнамента не имеют сходства с богато украшенной орнаментом керамикой фёдоровской культуры. Большая часть элементов погребальных конструкций также находит близкие аналогии в погребениях саргаринской культуры, где весьма часто применялись каменные ограды различных форм, выкладки, каменные ящики могил, обкладка стенок могил камнями (Зданович, 1979. С. 10). Все эти элементы погребальных конструкций тесно связаны с культурными традициями предшествующего фёдоровского времени. Однако саргаринские погребения от фёдоровских отличает неустойчивая ориентировка погребенных (Там же. С. 11), что характерно также и для ферганских комплексов.

Большинство признаков связывают погребальные комплексы степного типа Южной Ферганы с саргаринским временем андроновской культурной общности. Учитывая общую невыразительность материальных комплексов, могильники Южной Ферганы, по всей видимости, следует относить к заключительным периодам развития саргаринской культуры. Таким образом, по шкале хронологии андроновской культурной общности датировка этих комплексов приходится на конец XIII — XII в. до н. э.

Другая, западно-ферганская, группа памятников степной бронзы расположена в урочище Кайрак-Кумы, на территории Таджикистана. Здесь открыты стоянки степного типа, функционально связанные с древней металлообработкой и металлопроизводством, а также два небольших могильника Ходжи-Ягона и Дахана.

Поселенческие комплексы представлены в основном небольшими стоянками-поселениями с разветвленным культурным слоем. На стоянках найдено значительное количество лепной керамики со штампованным орнаментом, металлические изделия (ножи, наконечники стрел, долота, шилья), каменные литейные формы для отливки топоров и пр. Археологические комплексы кайраккумских стоянок отражают многокомпонентность степных традиций. Большая часть

керамических материалов относится к саргаринско-алексеевскому времени (гладкая профилировка тулова; отогнутый наружу венчик; прочерченный и штампованный гребенчатый елочный орнамент; наlepные валики, украшенные «жемчужинами»; венчики с косыми насечками; отсутствие орнамента на значительной части посуды). Металлические изделия, найденные в Кайрак-Кумах, находят широкие аналогии в фёдоровских, алексеевских, бегазы-дандыбаевских, карасукских и других памятниках степной зоны. Видимо, это можно объяснить тем, что кайраккумская группа памятников представляла собой один из древних центров добычи, производства и обработки металлов, имевший обширные связи с различными регионами степной зоны Евразии и Южной Сибири. Хронологически кайраккумские комплексы эпохи бронзы датируются второй половиной II — началом I тыс. до н. э. (Литвинский и др., 1962. С. 258).

В могильнике Ходжи-Ягона западно-ферганской группы степных погребальных памятников обнаружены три могилы ящичного типа подпрямоугольной формы, ориентированные по сторонам света, каждая из которых была сложена из четырех поставленных на ребро плит. Размеры ящичков составляли в среднем $1,15 \times 0,85$ м, высота 0,5 м. Внутри ящичков найдены отдельные человеческие кости. Погребальный инвентарь составили два бронзовых пластинчатых выпукло-вогнутых браслета с несомкнутыми концами, бронзовая овальная бляшка, три бусины (Там же. С. 117–118).

В могильнике Дахана обнаружено семь погребений. Погребальные камеры представлены каменными выкладками прямоугольной и овальной форм, составленными из нескольких рядов поставленных друг на друга камней, заглубленных в землю примерно на 1 м. Размеры камер — $1,7 \times 1,0$ м. Внутри могилы были заполнены мелкой щебенкой. Сохранность скелетов плохая. Погребальный инвентарь состоял из единственной бронзовой серьги с широким раструбом и глиняного горшка с плавной линией тулова, отогнутым наружу венчиком и плоским дном. На плечики сосуда нанесен гребенчатый орнамент в виде горизонтальных и вертикальных линий (Там же. С. 160–164).

Западно-ферганские погребальные комплексы были датированы первой — началом второй четверти I тыс. до н. э., при этом отмечалось, что устройство могильных камер находит ана-

логии в памятниках андроновской и в особенно карасукской культур — в частности, по мнению авторов раскопок, отсутствие каменных оградок вокруг могил является признаком карасукской культуры (*Там же*. С. 164). Н. Г. Горбунова рассматривала западно-ферганские погребения в одном хронологическом ряду с могильниками Южной Ферганы и относила их к местному варианту фёдоровской культуры, носители которой обитали на территории Ферганской долины в пределах третьей четверти II тыс. до н. э. (*Горбунова*, 1995. С. 20–21).

Конструкции погребальных сооружений — каменный ящик из поставленных на ребро плит могильника Ходжи-Ягона и каменные цисты могильника Дахана — достаточно широко использовались в степной зоне в позднем бронзовом веке, начиная с алакульского до бегазы-дандыбаевского времени. Основным датирующим материалом здесь являются серьги с широким раструбом и пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты, бытование которых относится к фёдоровскому времени. Керамический сосуд из могильника Дахана в целом имеет позднефёдоровские признаки — особенно выразителен орнамент в виде горизонтальных и вертикальных полос, выполненных гребенкой. Это позволяет отнести погребальные комплексы степного типа Западной Ферганы к позднему периоду фёдоровской культуры.

Учитывая достаточно широкое распространение племен степного типа на территории Ферганской долины, время существования которых в целом приходится на XV–XII вв. до н. э., следовало бы ожидать и большего числа свидетельств их культурных контактов с чувскими племенами, если исходить из точки зрения одновременного и долговременного обитания здесь степного и чувского населения. Однако совместные находки степных и чувских материалов на памятниках Ферганской долины достаточно редки, но хронологически при этом весьма показательны.

В курганном могильнике степного типа Ташкурган в ряде погребений были обнаружены чувские материалы: две полусферические чаши, одна из которых покрыта росписью (рис. 1, 1, 2), а также плоскодонный сосуд с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком, внешняя поверхность которого покрыта красной краской, подобно чувской керамике (рис. 1, 3) (*Горбунова*, 1979. С. 22–23). Серия аналогичных по форме сосудов с округлым туловом, отогнутым наружу венчиком и без орнамента (рис. 1, 4–9), совместно с керамикой

чувской культуры (рис. 1, 10–12) найдена в ряде погребений позднего бронзового века хронологически разновременного могильника Дашти-Ашт в Западной Фергане (*Салтовская*, 1979. С. 352–353). Практически аналогичные по форме слабо орнаментированные сосуды имеются в могильнике степного типа Вуадиль южно-ферганской группы (*Гамбург, Горбунова*, 1956. С. 132). Керамика такого типа известна в керамических материалах позднесаргаринского времени на древнеземледельческих поселениях Намазга-депе, Теккем-депе и других на юге Туркменистана. Плоскодонные горшки с плавной профилировкой, отогнутым наружу венчиком и отсутствием орнамента на территории Средней Азии характерны для комплексов позднего саргаринского времени (*Кутимов*, 1999. С. 315).

Находок керамики степного типа на поселениях чувской культуры известно чрезвычайно мало — это единичные находки. Фрагмент верхней части сосуда саргаринского вида с отогнутым наружу венчиком, высоким горлом и штампованным орнаментом на плечиках в виде треугольников с опущенными вниз вершинами обнаружен на поселении Дальверзин (*Заднепровский*, 1962. С. 24–25, рис. 5). Пять фрагментов керамики, украшенных резным и гребенчатым орнаментом (рис. 2), найдены на Ошском поселении чувской культуры (*Заднепровский*, 1997. С. 51–52). Ю. А. Заднепровский без особых оснований датировал их XV–XIII вв. до н. э., тем самым подчеркивая возможность удревнения чувской культуры до середины II тыс. до н. э. (*Там же*. С. 81). Однако по фактуре и мотивам орнаментации данные фрагменты сосудов имеют наиболее близкие аналогии в керамике рассмотренных выше погребальных комплексов юга Ферганской долины, происходящей из могильников Карамкуль, Чек, Арсиф, Кашкарчи, Вуадиль, Япаги и др. Последние по ряду признаков (например, двулопастный листовидный наконечник стрелы с конической втулкой из могильника Вуадиль) следует датировать поздним саргаринским временем.

Одной из наиболее интересных находок степного типа на памятниках чувской культуры является бронзовый двулопастный наконечник копья с прорезьями (рис. 3). Он найден в 1965 г. при раскопках в западной части поселения Дальверзин (*Заднепровский*, 1966). По описанию Ю. А. Заднепровского, стратиграфический шурф был заложен в 20 м от юго-западного угла раскопа V для «выяснения характера культурных отложений на

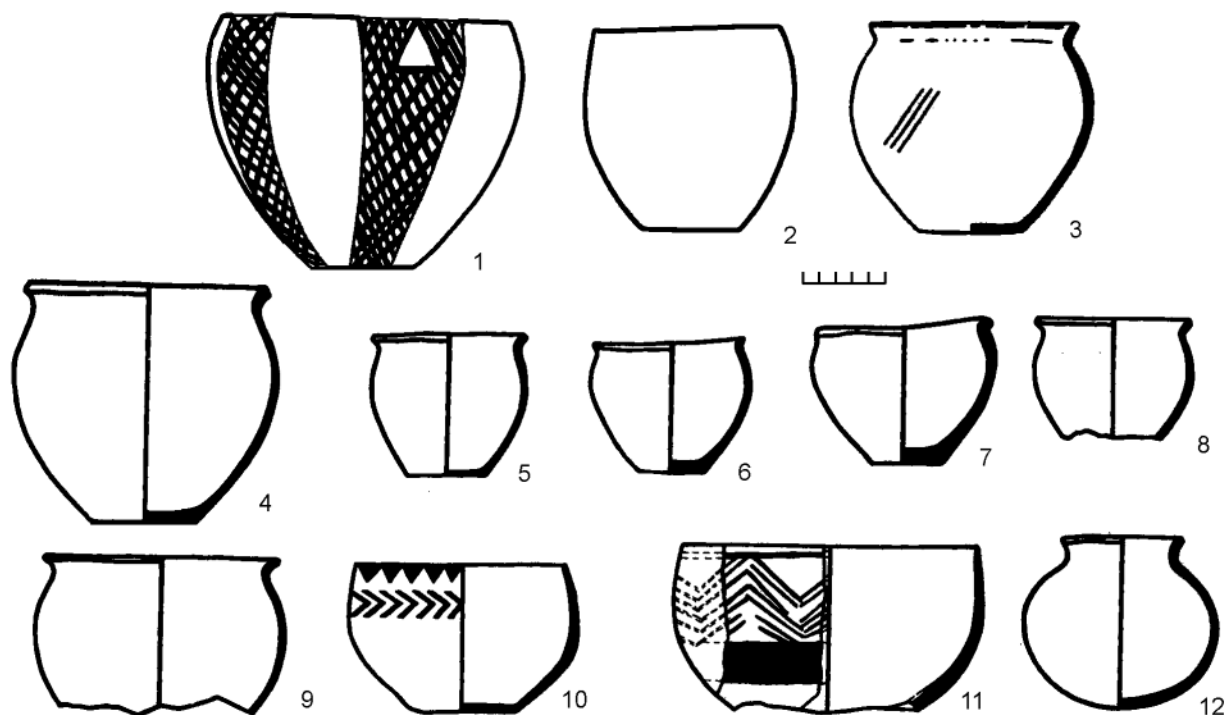

Рис. 1. Керамика из погребальных комплексов Ферганской долины: 1–3 — могильник Ташкурган (Горбунова, 1979. Рис. 2); 4–12 — могильник Дашти-Ашт (Салтовская, 1979. Рис. 2; 3)

Fig. 1. Pottery from burial complexes of the Fergana Valley: 1–3 — cemetery of Tashkurgan (Горбунова, 1979. Рис. 2); 4–12 — cemetery of Dashti-Asht (Салтовская, 1979. Рис. 2; 3)

западном краю холма». Сразу под дерновым слоем залегал рыхлый пылеватый культурный слой, в котором найдены целая каменная зернотерка, обломки каменных зернотерок, а также «много керамики». На отметке 80 см выявлена прослойка плотного суглинка, вероятно, остатки пола помещения. В полу была расчищена небольшая хозяйственная яма, внутри которой найдены бронзовый наконечник копья и обломок бронзового стержня-шила. В нижней части шурфа на глубине 2,2 м обнаружена прослойка угля толщиной 25 см, ниже которой находился материковый лесс (Заднепровский, 1965. С. 16). Следует особо отметить, учитывая большое значение данной находки в качестве хронологического маркера, что наконечник прорезного копья обнаружен в культурном слое — в верхнем стратиграфическом строительном горизонте поселения Дальверзин.

Наконечник копья из Дальверзина имеет перо узкоостролистной формы, максимальная ширина которого приходится на последнюю треть. Прорези на перо окружены невысокими, но хорошо заметными валиками. На лезвийной части с одной стороны пера имеется ряд зазубрин, которые делают его слегка асимметричным. Выступающая

часть втулки сильно удлинена. С боковой стороны фиксируется вытянутое овальное отверстие — результат литейного брака. В нижней ее части располагаются два небольших круглых отверстия для крепления изделия к древку. Наконечник копья был отлит в двусторонней литейной форме, литник у которой располагался со стороны устья втулки. Изделие после отливки было обработано и заточено. Общая длина наконечника составляет 16,2 см, из которых длина пера — 9 см, длина выступающей части втулки — 7,2 см, максимальная ширина пера — 3 см, диаметр втулки — 2,3 см. Обращает на себя внимание большая длина выступающей части втулки. Пропорциональное соотношение длины втулки к длине пера составляет 0,8, то есть втулка занимает почти 45 % от общей длины изделия, что является достаточно высоким показателем по сравнению с другими изделиями этой группы.

Наконечник из Дальверзина — не единственная находка наконечников копий с прорезями на памятниках чувстской культуры Ферганской долины. Аналогичный прорезной наконечник копья обнаружен на небольшом чувстском поселении Заргулдак-тепе в ходе разведочных работ

В. И. Козенковой в 1956 г. в Андижанской области (Козенкова, 1959. С. 57). Рисунок найденного на Заргулдак-тепе прорезного наконечника копья в публикациях отсутствует, однако в литературе неоднократно встречаются упоминания о данной находке (Заднепровский, 1962. С. 47; Кузьмина, 1966. С. 30, 101; Членова, 1970. С. 140). Из описания Е. Е. Кузьминой следует, что изделие имело лавролистное перо и далеко выступающую, круглую в сечении втулку. На пере с обеих сторон фиксировались овальные прорезы (Кузьмина, 1966. С. 30).

Прорезные наконечники копий широко известны в степной зоне Евразии. Основной территорией их распространения является южная половина Восточной Европы, а именно Волго-Уралье и Поднепровье (Бочкарёв, Тутаева, 2019). Здесь традиция использования прорезных наконечников копий была особенно устойчива и бытовала на протяжении всей второй половины II тыс. до н. э. В Волго-Уральском регионе она просуществовала вплоть до начала раннего железного века (Збруева, 1952. Табл. XX, 1, 15, 21).

Дальверзинский экземпляр можно уверенно отнести к так называемому сабанчевскому типу прорезных наконечников, который был широко распространен в степной и лесостепной частях Северной Евразии. Ареал этого типа простирался от Днепра до южных притоков Енисея, заходя на территорию Северного Кавказа и Средней Азии (рис. 4). Для этого типа характерны изделия средних пропорций. Перо имеет преимущественно остролистную форму, в его нижней части располагаются два небольших отверстия. Края этих отверстий, как правило, утолщены или укреплены тонкими валиками. Наиболее яркие экземпляры этого типа отличаются от прочих сильно удлиненной втулкой, длина которой может занимать половину от общей длины наконечника (рис. 5).

Хронологические рамки сабанчевского типа определяются по ряду комплексных находок, датируемых финалом эпохи бронзы. В первую очередь стоит отметить два клада: сабанчевский в Волго-Уральском регионе и клад из станицы Упорная на Северном Кавказе. По мнению большинства исследователей, они датируются XII в. до н. э. (Мерперт, 1965; Антекарев, Козенкова, 1986; Бочкарёв, 2017. С. 175–176). В этих комплексах наконечники копий встречаются с кельтами так называемого младшего кардашинского типа. Последние в свою очередь являются частой находкой в комплексах ранней белозерской

Рис. 2. Фрагменты керамики степного типа Ошского поселения (Заднепровский, 1997. Рис. 45)

Fig. 2. Fragments of pottery of the steppe type from the Osh settlement (Заднепровский, 1997. Рис. 45)

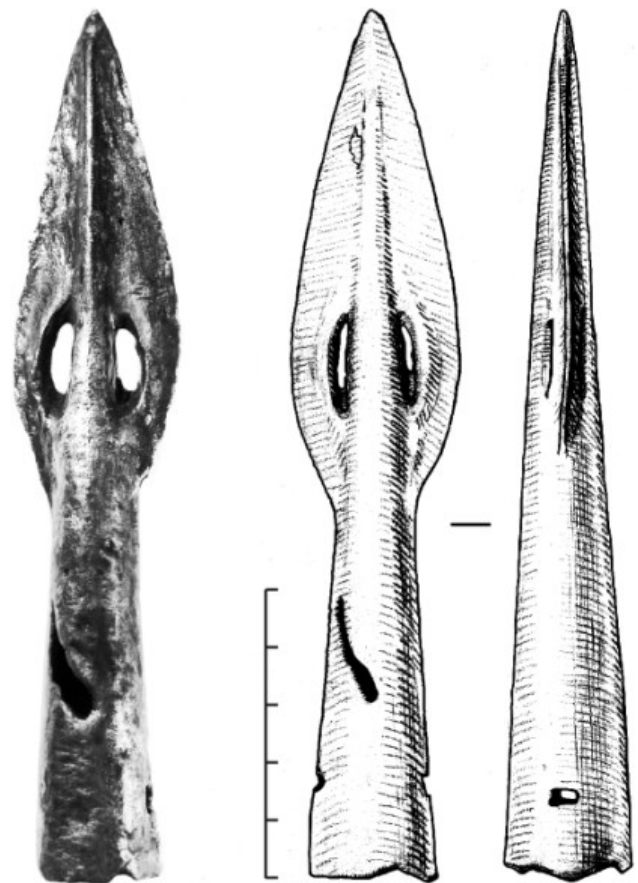

Рис. 3. Прорезной наконечник копья с поселения Дальверзин (Заднепровский, 1965. Л. 48–49)

Fig. 3. Slotted spearhead from the settlement of Dalverzin (Заднепровский, 1965. Л. 48–49)

Рис. 4. Карта распространения наконечников копий сабанчевского типа

Fig. 4. Map of the distribution of spearheads of the Sabancheyev type

культуры Северного Причерноморья. Их относят к VI периоду по периодизации В. С. Бочкарёва, где такие кельты являются одним из важнейших маркеров этого хронологического этапа (Бочкарёв, 2017. С. 174–175). Кроме кладовых комплексов также имеются и погребальные. В первую очередь следует отметить погребения маклашеевской культуры Западного Приуралья. Прорезные наконечники обнаружены в двух погребениях Мурзихинского-II (погр. 227) и Маклашеевского-II (погр. 9А) могильников. Маклашеевская культура датируется финальным периодом эпохи бронзы, то есть XII–X вв. до н. э. На Северном Кавказе следует упомянуть находку наконечника сабанчевского типа из Майртупского-II могильника (погр. 3), который относится к раннему этапу кобанской культуры (Vinogradov, Dudarev, 2000. Р. 399–401). Такие наконечники нередко находят и на поселениях позднего бронзового века. Примером могут служить находки с поселений Лебяжинка-II (Волго-Урал), Хапры (Нижнее Подонье), Черноозерье-VIII (Юго-Запад Сибири). В памятниках раннего железного века для большинства территорий прорезные наконечники копий уже не фиксируются. Исключением является только Волго-Уральский регион, где производство прорезных наконечников продолжалось. Но здесь они приобрели новые формы и потому должны быть отнесены к иному типу, чем сабанчевские.

Таким образом, прорезные наконечники сабанчевского типа следует датировать концом эпохи бронзы, абсолютные даты которого охватывают период XII–X вв. до н. э.

Вероятно, среднеазиатские экземпляры следует связывать с восточноевропейскими типами прорезных наконечников копий. Эта идея ранее уже высказывалась в литературе (Кузьмина, 1966. С. 31), и в последнее время она становится более убедительной ввиду увеличения источниковедческой базы. Согласно хронологической схеме В. С. Бочкарёва, сабанчевский тип прорезных наконечников копий датируется VI–VII периодами, или XII–X вв. до н. э. (Бочкарёв, 2017. С. 196). Территориально прорезной наконечник копья из Дальверзина находится на значительном удалении от основной территории их распространения и является, скорее всего, привозным изделием. Отдаление от основного ареала бытования прорезных наконечников копий данного типа, их малочисленность, а также отсутствие литейных форм для их изготовления на территории Средней Азии существенно влияют на датировку данного копья в сторону омоложения.

Для верхней границы абсолютной хронологии чувской культуры хронологическими реперами являются находки в верхних слоях поселений Чуст и Дальверзин изделий конской упряжи: роговых псалий, бронзовых удил и каменной литейной формы для изготовления трехдырчатого

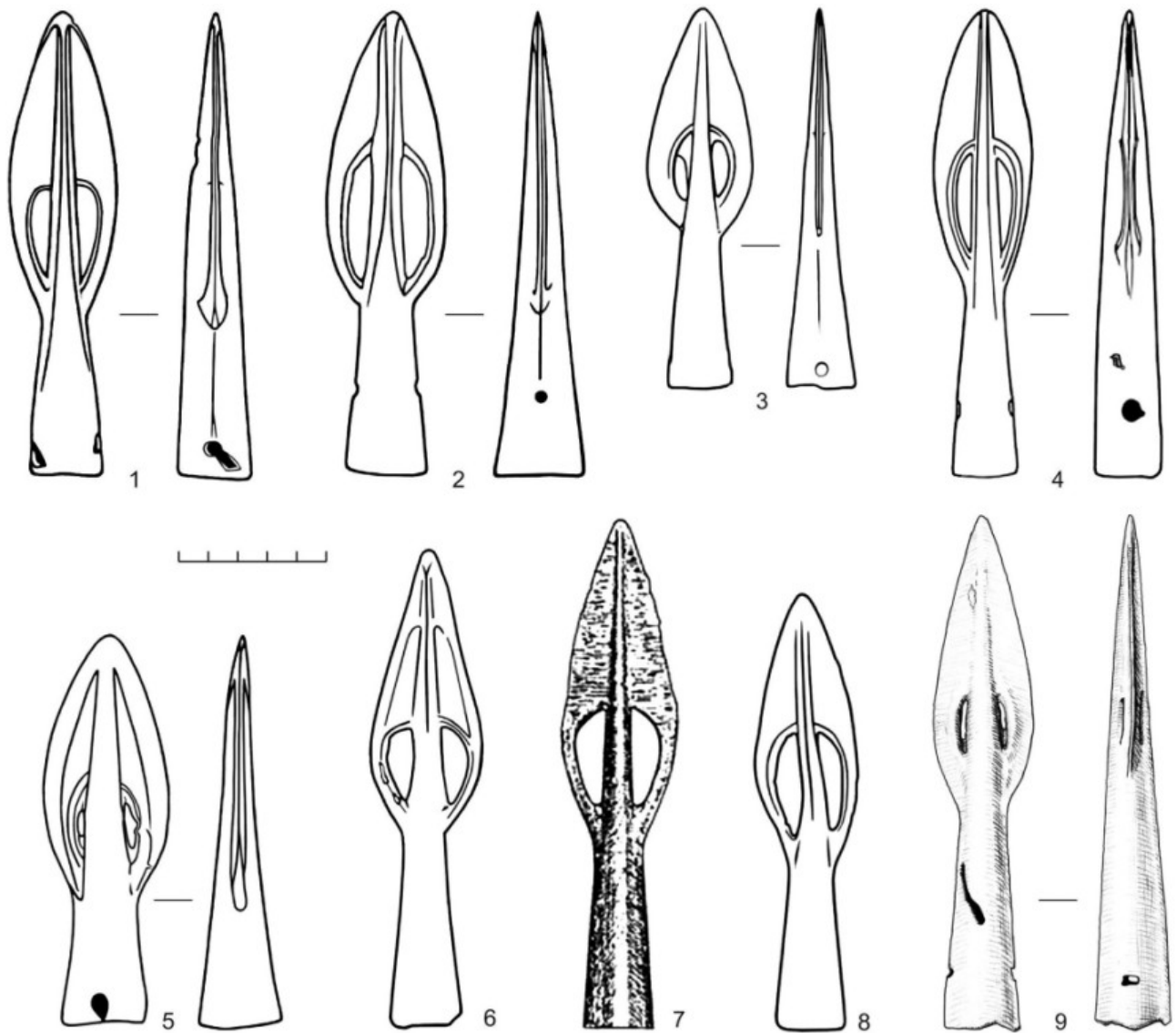

Рис. 5. Прорезные наконечники копий сабанчеевского типа: 1 — Кутан, пос. Иловля, Иловлинский р-н, Волгоградская обл., РФ (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 128); 2 — Солдатское, Великописаревский р-н, Сумская обл., Украина (Там же. Рис. 25, 144); 3 — Новочеркасск, ур. Глушица, Волгоградская обл., РФ (Там же. Рис. 24, 136); 4 — быв. Херсонская губ., Украина (Там же. Рис. 25, 154); 5 — Сабанчеево, Атяшевский р-н, Республика Мордовия, РФ (Там же. Рис. 25, 141); 6 — Черноозерье-VIII, Саргатский р-н, Омская обл., РФ (Там же. Рис. 26, 158); 7 — Упорная, Лабинский р-н, Краснодарский край, РФ (Аптекарев, Козенкова, 1986. Рис. 1, 1); 8 — близ пос. Новосадовый, Белгородский р-н, Белгородская обл., РФ (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 135); 9 — Дальверзин, Андижанская область, Узбекистан (Заднепровский, 1965. Л. 49)

Fig. 5. Slotted spearheads of the Sabancheyevo type: 1 — Kután, settlement of Ilovlya, Ilovlya district, Volgograd oblast, RF (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 128); 2 — Soldatskoye, Velikopisarev district, Sumy Oblast, Ukraine (Ibid. Рис. 25, 144); 3 — Novocherkassk, Glushitsa, Volgograd oblast, RF (Ibid. Рис. 24, 136); 4 — former Kherson Province, Ukraine (Ibid. Рис. 25, 154); 5 — Sabancheyevo, Atyashevo district, Republic of Mordovia, RF (Ibid. Рис. 25, 141); 6 — Chernoozerye-VIII, Sargat district, Omsk Oblast, RF (Ibid. Рис. 26, 158); 7 — Upornaya, Labinsky District, Krasnodar Krai, RF (Аптекарев, Козенкова, 1986. Рис. 1, 1); 8 — near the urban settlement of Novosadovyy, Belgorod district, RF (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 135); 9 — Dalverzin, Andizhan Oblast, Uzbekistan (Заднепровский, 1965. Л. 49)

псалия. На основании близкого сходства обнаруженных на чустских поселениях предметов конской упряжи с материалами различных памятников предскифского периода Восточной Европы, Кавказа, Ирана и Средней Азии время их существования было отнесено к VIII–VII вв. до н. э. (*Заднепровский*, 1962. С. 67–68; *Кузьмина*, 1966. С. 60; *Тереножкин*, 1965. С. 80; 1971. С. 70).

Таким образом, учитывая находки чустских материалов в комплексах степного типа Ферганской долины и степных материалов в слоях поселений чустской культуры, можно сделать следующие выводы. Нижняя граница существования чустской культуры главным образом приходится на позднесаргаринское время, что в абсолютных значениях определяется концом XIII — первой половиной XII в. до н. э. Ее верхняя хронологическая граница устанавливается по находкам изделий конской упряжи предскифского времени, найденных в верхних слоях поселений Чуст и Дальверзин, и должна датироваться концом IX — началом VIII в. до н. э. В целом хронологические рамки чустской культуры Ферганской долины следует определять в границах от позднесаргаринского до предскифского времени, что с учетом современных представлений о хронологии степных культур Евразии приходится на XII–IX вв. до н. э.

При этом можно допустить возможность небольших корректировок как в сторону удреждения (не ранее второй половины XIII в. до н. э.), так и омоложения (не позднее первой половины VIII в. до н. э.). Общий период существования чустской культуры на территории Ферганской долины в пределах 400 лет (XII–IX вв. до н. э.) подтверждается стратиграфией чустских поселений Дальверзин и Чуст, где культурные отложения составляют в среднем от 1,5 до 3,0 м, иногда достигая 3,5 м. Более длительные хронологические рамки чустской культуры (XV–VIII вв. до н. э.) абсолютно несоизмеримы стратиграфической величине культурных слоев чустских памятников.

Датирование чустской культуры более ранним временем (XV–XIV вв. до н. э.) и предлагаемые схемы синхронизации чустских материалов с более ранними археологическими комплексами нуждаются в аргументах, основанных на стратиграфических и сравнительно-типологических наблюдениях. Данные естественнонаучных методов датирования в условиях явно недостаточного их применения в настоящее время при исследованиях памятников «общности лепной расписной керамики» пока не предоставляют возможностей для построения надежных хронологических схем археологических культур позднего бронзового века Средней Азии.

Аванесова, 1991 — *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Аванесова, 2013 — *Аванесова Н. А.* Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2013. 640 с.

Аптекарев, *Козенкова*, 1986 — *Аптекарев А. З., Козенкова В. И.* Клад эпохи поздней бронзы из станции Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3. С. 121–135.

Бочкарёв, 2017 — *Бочкарёв В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *StratumPlus*. Кишинев: ВАШ, 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень. С. 159–204.

Бочкарёв, *Тутаева*, 2019 — *Бочкарёв В. С., Тутаева И. Ж.* Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // *StratumPlus*. Кишинев: ВАШ, 2019. № 2: Вражда и ваджра: сила и слава праистории. С. 167–222.

Виноградова, 1991 — *Виноградова Н. М.* Могильник Тандырыул в Южном Таджикистане // Информа-

ционный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1991. Вып. 18. С. 68–88.

Виноградова, 2004 — *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВ РАН, 2004. 298 с.

Виноградова, *Пьянкова*, 1990 — *Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1990. Вып. 17. С. 98–112.

Воронец, 1954 — *Воронец М. Э.* Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950–1951 гг. // Тр. Музея истории УзССР. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1954. Вып. 2. С. 53–84.

Гамбург, *Горбунова*, 1956 — *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. 1956. № 63. С. 85–93.

Гамбург, *Горбунова*, 1957 — *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1957. № 3. С. 130–135.

- Горбунова*, 1979 — *Горбунова Н. Г.* Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы) // СА. 1979. № 3. С. 16–34.
- Горбунова*, 1995 — *Горбунова Н. Г.* О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 13–30.
- Древнейшие государства, 1985 — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). 496 с.
- Заднепровский*, 1957 — *Заднепровский Ю. А.* Дальверзинское селище // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 50–57.
- Заднепровский*, 1962 — *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА; № 118). 328 с.
- Заднепровский*, 1965 — *Заднепровский Ю. А.* Отчет о раскопках на Дальверзинском поселении в 1965 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. № 83. 1965.
- Заднепровский*, 1966 — *Заднепровский Ю. А.* Работы в Узбекистане // АО 1965 года. М.: Наука, 1966. С. 82–83.
- Заднепровский*, 1978 — *Заднепровский Ю. А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06: Археология / ЛОИА АН СССР. М.: б/и, 1978. 52 с.
- Заднепровский*, 1997 — *Заднепровский Ю. А.* Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 172 с.
- Заднепровский*, *Матбабаев*, 1984 — *Заднепровский Ю. А.*, *Матбабаев Б. Х.* Новые данные о древнеземледельческой чустской культуре Ферганы // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1984. Вып. 7. С. 38–45.
- Збруева*, 1952 — *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 30). 326 с.
- Зданович*, 1979 — *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06: Археология / МГУ им. М. В. Ломоносова, ист. фак., кафедра археологии. М.: б/и, 1979. 19 с.
- Козенкова*, 1959 — *Козенкова В. И.* Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 76. С. 56–62.
- Кузьмина*, 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. В4–9). 149 с.
- Кузьмина*, 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Арии — путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.
- Кутимов*, 1999 — *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // StratumPlus. Кишинев: ВАШ, 1999. № 2: От Балкан до Гималаев: время цивилизаций. С. 314–322.
- Кутимов*, 2014 — *Кутимов Ю. Г.* К вопросу о культурных контактах степного и земледельческого населения в позднем бронзовом веке на территории Туркменистана // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб.: Арт-Экспресс, 2014 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLII). С. 86–96.
- Кутимов*, 2019 — *Кутимов Ю. Г.* Археологические исследования памятников бронзового века в западных районах Таджикистана // Вестник РФФИ. 2019. № 1 (94). С. 163–177.
- Литвинский и др.*, 1962 — *Литвинский Б. А.*, *Окладников А. П.*, *Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе: Изд-во АН Таджик. ССР, 1962. 404 с.
- Марущенко*, 1959 — *Марущенко А. А.* Елькен-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Тр. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН Туркм. ССР, 1959. Т. V. С. 54–109.
- Массон*, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 73). 216 с.
- Матбабаев и др.*, 2006 — *Матбабаев Б. Х.*, *Абдуллаев Б. М.*, *Юлдашев Б.* Исследования памятников Ферганы эпохи поздней бронзы (городища Дальверзин, Ашкалтепа) // Археологические исследования в Узбекистане (2004–2005 гг.). Ташкент: Фан, 2006. Вып. 5. С. 143–152.
- Мерперт*, 1965 — *Мерперт Н. Я.* Сабанчеевский клад // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения. М.: Изд-во АН СССР, 1965 (МИА; № 130). С. 149–155.
- Рузанов*, 1999 — *Рузанов В. Д.* Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА. 1999. № 4. С. 24–37.
- Рузанов*, 2013 — *Рузанов В. Д.* Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд: ИА АН Республики Узбекистан, 2013. 347 с.
- Салтовская*, 1979 — *Салтовская Е. Д.* О работах Аштского отряда СТАКЭ в 1974 г. // Археологические

- работы в Таджикистане. Душанбе: Изд-во АН Тад- жик. ССР, 1979. Вып. 14. С. 343–355.
- Сарианиди*, 1972 — *Сарианиди В. И.* Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // *Успехи среднеазиатской археологии*. Л.: Наука, 1972. Вып. 1. С. 53–55.
- Спришевский*, 1957 — *Спришевский В. И.* Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 года) // *КСИИМК*. 1957. Вып. 69. С. 40–49.
- Спришевский*, 1963 — *Спришевский В. И.* Чустское поселение. К истории Ферганы в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06: Археология / Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1963. 17 с.
- Тереножкин*, 1965 — *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода // *СА*. 1965. № 1. С. 63–85.
- Тереножкин*, 1971 — *Тереножкин А. И.* Даты мингечаурских удил // *СА*. 1971. № 4. С. 71–84.
- Членова*, 1970 — *Членова Н. Л.* Датировка ирменской культуры // *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Материалы совещания 25–31 мая 1970 года / Отв. ред. В. И. Матющенко*. Томск: ТомГУ, 1970. С. 133–149.
- Щетенко, Кутимов*, 1999 — *Щетенко А. Я., Кутимов Ю. Г.* Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *АВ*. 1999. № 6. С. 114–123.
- Bendezu-Sarmiento, Lhuillier*, 2011 — *Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J.* Iron Age in Turkmenistan: Ulug-Depe in the Kopetdagh Piedmont // *Памятники истории и культуры Туркменистана*. Ашгабат: Туркменская гос. издат. служба, 2011. С. 239–250.
- Lhuillier et al.*, 2015 — *Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O.* Ulug-Depe in the frame of Turkmenistan Iron Age: an overview // *Iranian Archaeology*. 2015. Vol. 4. P. 78–89.
- Vinogradov, Dudarev*, 2000 — *Vinogradov V. B., Dudarev S. L.* Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien // *Eurasia Antiqua*. 2006. № 6. S. 361–403.

Archaeological complexes of the steppe type and the problem of absolute dating of the Chust culture of the Fergana Valley

Yu. G. Kutimov, I. Zh. Tutaeva

This work discusses the questions of the absolute chronology of the Chust culture of the Late Bronze Age — Early Iron Age in Central Asia. The territory of the distribution of this culture comprised in antiquity practically the entire north-eastern area of the modern Fergana Valley. According to natural-scientific methods of investigations (radiocarbon, spectral analysis of the metals), the lower chronological limit of the Chust culture is dated to the 15th–14th century BC running contrary to stratigraphic and comparative typological observations at sites of the “Community of Painted Pottery” in Central Asia. The findings of the Chust pottery in association with the pottery of the late-Sargarin type in Tashkurgan and Dashti-Asht funerary complexes of the steppe type of the late Bronze Age in the Fergana Valley (Fig. 1), fragments of the “steppe” pottery from the Osh and Dalverzin settlements (Fig. 2), a bronze slotted spearhead of the Sabancheyevo type (Fig. 3) retrieved from the upper building horizon of the site of Dalverzin, as well as items of horse gear of the late Scythian period from the settlements of Chust and Dalverzin, date the time of the spread of the Chust culture to within the 12th–9th century BC. Dating of the Chust culture to an earlier period (15th–14th century BC) and the proposed schemes of synchronization of the Chust materials with earlier archaeological complexes need arguments based on stratigraphic and comparative typological definitions. The results of natural-science methods of dating, considering their clearly inadequate application at present for investigations of sites of the “community of the handmade painted pottery”, so far yield no possibility for development of reliable chronological schemes of archaeological cultures of the Late Bronze Age in Central Asia.

Об абсолютных датах Большого Салбыкского кургана и салбыкского этапа тагарской культуры (ответ на статью Н. Ю. Кузьмина)

Л. С. Марсадилов¹

Аннотация. Данная статья является ответом на критические замечания в статье Н. Ю. Кузьмина «О новой датировке Большого Салбыкского кургана и хронологии тагарских памятников». Для Н. Ю. Кузьмина в его статье 2020 г. осталось «непонятным», на чем основываются абсолютные датировки археологических памятников тагарской культуры — Салбык, Кобьяк, Биджа, Большой Полтаковский и Новомихайловский курганы. Абсолютные датировки салбыкского этапа тагарской культуры основаны не на радиоуглеродном датировании, а на перекрестном сопоставлении близких по формам и типам разнообразных археологических предметов с опорой на хорошо датированные памятники Южной Сибири VIII–VII вв. до н. э.

Annotation. This paper is a response to the critical notes in the article by N. Yu. Kuz'min "New dating of the Great Salbyk barrow and the chronology of Tagar sites". For N. Yu. Kuz'min, in his article of 2020, it remained "unclear" what is the basis of absolute dating of archaeological sites of the Tagar culture — Salbyk, Kobyak, Bidzha, Large Poltakovsky and Novomikhaylovsky barrows. The absolute dates of the Salbyk stage of the Tagar culture are based not on radiocarbon analysis but on a cross-comparison of diverse similar, in terms of the forms and types, archaeological objects with reference to well-dated sites of Southern Siberia of the 8th–7th century BC.

Ключевые слова: Южная Сибирь, курганы, датирование, аналогии, тагарская культура, Большой Салбыкский курган.

Keywords: Southern Siberia, kurgans, dating, analogies, Tagar culture, Great Salbyk barrow.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-43-53

Общеизвестно, что проблемы абсолютного датирования археологических памятников и предметов были и остаются наиболее сложными и дискуссионными в археологических исследованиях.

Более 60 лет материалы самого крупного и известного мегалитического объекта в Хакасии — Большого Салбыкского кургана, раскопанного экспедицией С. В. Киселева в 1954–1956 гг., оставались полностью не изданными, поэтому археологи этот курган относили к разным этапам тагарской культуры — подгорновскому, биджинскому, сарагашенскому и даже к тесинскому,

то есть к периоду с VII по I в. до н. э. (Марсадилов, 2015. Табл. 1).

В журнале «Археологические вести», 2020 г., вып. 26, была опубликована статья Н. Ю. Кузьмина «О новой датировке Большого Салбыкского кургана и хронологии тагарских памятников» (С. 144–151), которая в целом посвящена критике новой даты Большого Салбыкского кургана в Хакасии.

Основная цель моей статьи 2015 г. — определить абсолютную дату и место Большого Салбыкского кургана (далее — БСК) среди других памятников тагарской культуры. В статье было показано, что БСК не относится к объектам VIII или VI в. до н. э., а датируется VII в. до н. э., вероятно, первой половиной VII в. до н. э. Там впервые были сведены материалы из более чем

¹ Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 197000, Россия; e-mail: marsadolov@hermitage.ru.

60 закрытых, наиболее ярких археологических комплексов VIII–VI вв. до н. э. как тагарской культуры в Хакасии, так и «ключевых» памятников в Туве и Казахстане (Марсадолов, 2015. С. 43–47, рис. 1). При этом не ставилась задача подробно рассмотреть датировки каждого тагарского кургана, раскопанного в предшествующие годы, что ранее было сделано авторами раскопок для ряда могильников (Гришкин Лог, Знаменка, Барсучиха, Подгорное озеро, Черновое, Есино и др.). В небольших по объемам работах (Марсадолов, 2015; 2020) это невозможно сделать, подробно указав на все аналогии для предметов из 60 значимых археологических объектов, поэтому в данной статье на рис. 1 и 2 тонкими линиями обозначены перекрестные аналогии для основных предметов из комплексов, которые частично будут рассмотрены далее.

Мне известно от самого Н. Ю. Кузьмина, что он планирует написать законченную работу по тагарской культуре только через 4–5 лет, но тогда это будет совершенно другая дискуссия, поэтому я оперативно и открыто отвечаю ему на критику моей статьи 2015 г. Чтобы составить свое мнение по этой проблеме и быть объективными, желающие могут ознакомиться с нашими статьями в Интернете (Марсадолов, 2015; Кузьмин, 2020). Во избежание искажений и неправильных толкований разные точки зрения приведены ниже в авторских цитатах. Жирным шрифтом и курсивом в тексте этой статьи мною выделены места, наиболее важные для датировок рассматриваемых археологических объектов.

Следует особо отметить, что в статье Н. Ю. Кузьмина имеются вызывающие недоумение формулировки, например: «метод... „бесперспективен и малоубедителен“ <...> попадая „под магию“, казалось бы достоверных естественно-научных определений, он [имеется в виду Л. С. Марсадолов. — Л. М.] отрывается от реальной археологической основы <...> не владеет этой информацией в полном объеме...» и др. (Кузьмин, 2020. С. 146–148). Большую, многолетнюю и новаторскую работу А. В. Субботина «Нелинейный характер развития тагарской культуры» Н. Ю. Кузьмин кратко оценил одной фразой: «В практическом применении мало что дала монография, посвященная конкретно этой теме» (Субботин, 2014; Кузьмин, 2020. С. 148). На мой взгляд, статья Н. Ю. Кузьмина кроме отрицательных оценок работ других археологов также содержит ошибки и ряд искажений, которые трудно как-то кратко охарактеризовать и назвать

иначе, чем «додумыванием» и «передергиванием» ранее опубликованных научных фактов. Рассмотрим их более детально.

Археология и радиоуглерод

Н. Ю. Кузьмин почему-то предполагает: «Видимо, для Л. С. Марсадолова 659 г. до н. э. стал точкой отсчета...», а также в моей статье 2015 г. «...приведены рисунки вещей из разных курганов некоторых тагарских могильников, сгруппированные на основе радиоуглеродных дат по векам» (Кузьмин, 2020. С. 145–146). Где Н. Ю. Кузьмин усмотрел эту дату в моей статье? Ни о какой «точке отсчета» от «659 г. до н. э.» и «на основе радиоуглеродных дат по векам» в моей статье 2015 г. не упоминается. Там ясно написано: «„Опорными точками“ для датирования и синхронизации материалов из раннетагарских памятников могут служить неоднократно проверенные разными методами даты для эталонных больших курганов соседних регионов и Хакасии VIII–VII вв. до н. э. — Аржан-1, Чиликта-5, Большой Салбыкский курган, Аржан-2, Большой Полтаковский курган и др.» (Марсадолов, 2015. С. 41).

Вышеуказанные хронологические точки, а также перекрестные аналогии по близким формам бронзовых кинжалов, ножей, шильев, костяных гребней, наконечников стрел, глиняных сосудов, П-образных предметов, украшений и изобразительных образов позволили мне наметить как относительную хронологическую последовательность ранних тагарских памятников, так и их абсолютные даты (рис. 1; 2).

Большинство археологов знает о введенном западноевропейскими учеными определении «галльштатское плато» для периода VIII–V вв. до н. э., который характеризуется ненадежными радиоуглеродными датами, двумя и более возможными интервалами для датирования образцов (Радиоуглерод..., 1997). В этот хронологический период и попадают радиоуглеродные определения для Большого Салбыкского кургана. Поэтому я в своих работах, начиная с 1980-х гг., никогда не опираюсь исключительно на радиоуглеродные даты, учитываю их только как один из методов со многими «подводными камнями», привлекаю комплексный анализ разных датировок (Марсадолов, 2015; 2016). Археологическими методами ныне можно датировать объекты скифского времени значительно точнее, чем по радиоуглеродным определениям.

**Датировки этапов тагарской культуры
в работах Н. Ю. Кузьмина**

На протяжении почти 100 лет сибирские археологи предлагали свои хронологические схемы для систематизации тагарских памятников (С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, М. П. Грязнов и др. — см. *Марсадолов*, 2015. С. 36–39).

В 1979 г. Н. Ю. Кузьмин выделил три периода в тагарской культуре:

- 1) *раннетагарский* (VIII–VI вв. до н. э., *баиновско-подгорновское время*);
- 2) *биджинско-сарагашенское время* (V–III вв. до н. э.);
- 3) *тесинский этап* (*Кузьмин*, 1979. С. 44–49).

Позднее Н. Ю. Кузьмин, вслед за М. П. Грязновым и другими археологами, придерживался нижеследующей последовательности этапов тагарской культуры:

- баиновский* — около VIII в. до н. э.;
- черновский* — около VII в. до н. э.;
- подгорновский* — около VI в. до н. э.;
- биджинский* — около V в. до н. э.;
- сарагашенский* — около IV–III вв. до н. э.;
- лепешкинский* — около III в. до н. э.;
- тесинский* — около II–I вв. до н. э. (*Кузьмин*, 1994. С. 57).

В 2020 г. Н. Ю. Кузьмин вновь кратко подвел итоги своих работ по хронологии:

- раннетагарский период*, конец IX — середина/конец VII в. до н. э.;
- средний (биджинский) период*, середина VII — V в. до н. э.;
- поздний (сарагашенский) период*, конец VI — III/II вв. до н. э., «*при возможном сосуществовании смежных комплексов на стыках периодов*» (*Кузьмин*, 2020. С. 148).

Обращает на себя внимание тот факт, что в 2020 г. Н. Ю. Кузьмин не дает название для раннетагарского периода (конец IX — середина/конец VII в. до н. э.), ныне протяженностью около 150–200 лет, хотя ранее он включал в него целых три хронологических этапа по 100 лет — баиновский, черновский и подгорновский, но термин «подгорновский этап» неоднократно упоминается в его статье 2020 г. (*Там же*. С. 146–147). Новые даты среднего и позднего периодов (биджинского и сарагашенского) сейчас хронологически перекрываются между собой на 150 лет? Ранний и средний периоды примерно равны по 200 лет, а поздний, сарагашенский — почти 400 лет? В новой периодизации Н. Ю. Кузьмина не упоминается и

лепешкинский этап (III в. до н. э.), хотя и ныне он неоднократно в своей статье 2020 г. использует название этого этапа для датировки материалов из курганов в Барсучьем Логу, Новомихайловке и др. (*Там же*. С. 146–148).

Н. Ю. Кузьмин сам признается, что созданная им 25 лет назад «первоначальная классификация сарагашенских комплексов (*Кузьмин*, 1994) не получила дальнейшего развития» (*Кузьмин*, 2020. С. 148). Не Л. С. Марсадолов, как это пытается доказать Н. Ю. Кузьмин (см. ранее), а он сам придерживался периодизации тагарской культуры «по векам», ранее датируя биджинский этап около V в. до н. э., а сарагашенский этап — около IV в. до н. э.

Об относительных и абсолютных датировках тагарских курганов

Если другие археологи недостаточно знают тагарские материалы, то на каком современном уровне Н. Ю. Кузьмин сам «владеет этой информацией в полном объеме», можно показать на ряде примеров из его работ.

Уже в первом абзаце статьи Н. Ю. Кузьмина 2020 г. неправильно указана дата, выбитая под руководством С. В. Киселева еще в 1956 г., на каменной плите входа в Большой Салбыкский курган — это не «II в. до н. э.», как это написано у Н. Ю. Кузьмина, а III в. до н. э. (*Кузьмин*, 2020. С. 144; *Марсадолов*, 2015. С. 36, табл. 1).

Далее, чтобы показать свою компетентность как специалиста, Н. Ю. Кузьмин зачем-то повторил историю датирования БСК — в основном изложенную своими словами таблицу 1 из моей статьи (*Марсадолов*, 2015. С. 36), не добавив ничего нового. При этом он исказил точку зрения Э. Б. Вадецкой, его давнего научного оппонента, отметив, что она датировала БСК по «нижнему камню ручной мельницы» (*Кузьмин*, 2020. С. 144). В опубликованной статье Э. Б. Вадецкой (1994), на которую он ссылается, был приведен не только ряд археологических предметов, но и указаны конструктивные особенности и специфические черты погребального обряда БСК и других курганов.

Сложный и длительный процесс датирования БСК мною в 2015 г. был сведен в таблицу 1, чтобы лишний раз не критиковать археологов за высказанные ими в предшествующие годы разные датировки БСК, которые они, возможно, изменили бы после полной публикации материалов из БСК и других тагарских курганов, как это неоднократно

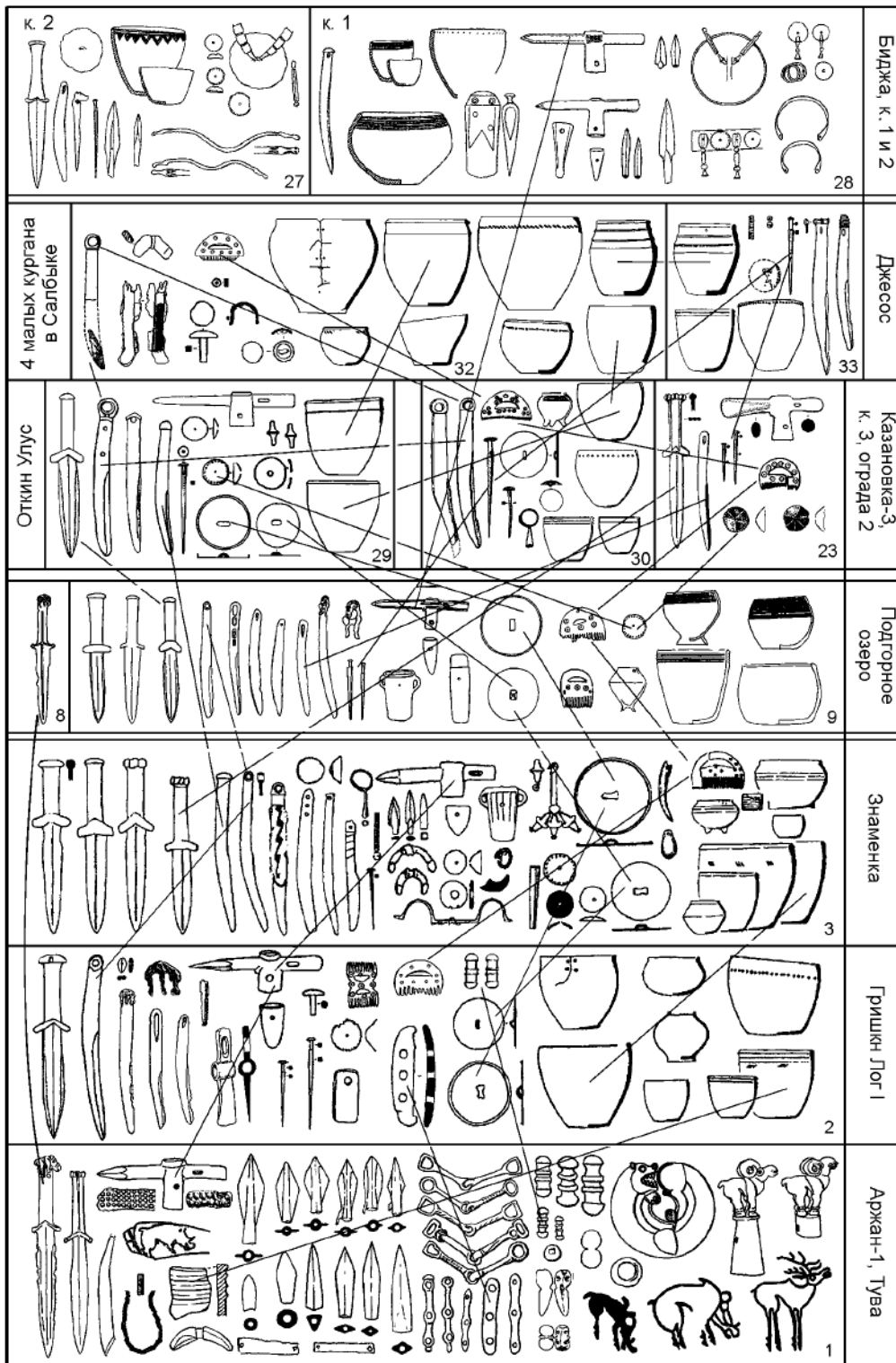

Рис. 1. Сопоставление предметов из археологических памятников VIII в. до н. э. из Тувы и Хакасии. Масштабы и материал разные (порядковые номера археологических комплексов даны по: *Марсадолов* 2015, со ссылками на даты и предыдущую литературу). к. — курган, м. — могила

Fig. 1. Comparison of finds from archaeological sites of the 8th century BC from Tuva and Khakassia. Scales and material differ (the ordinal numbers of archaeological complexes are given after *Marsadолоv*, 2015, with references to dates and previous literature). к. — barrow, м. — grave

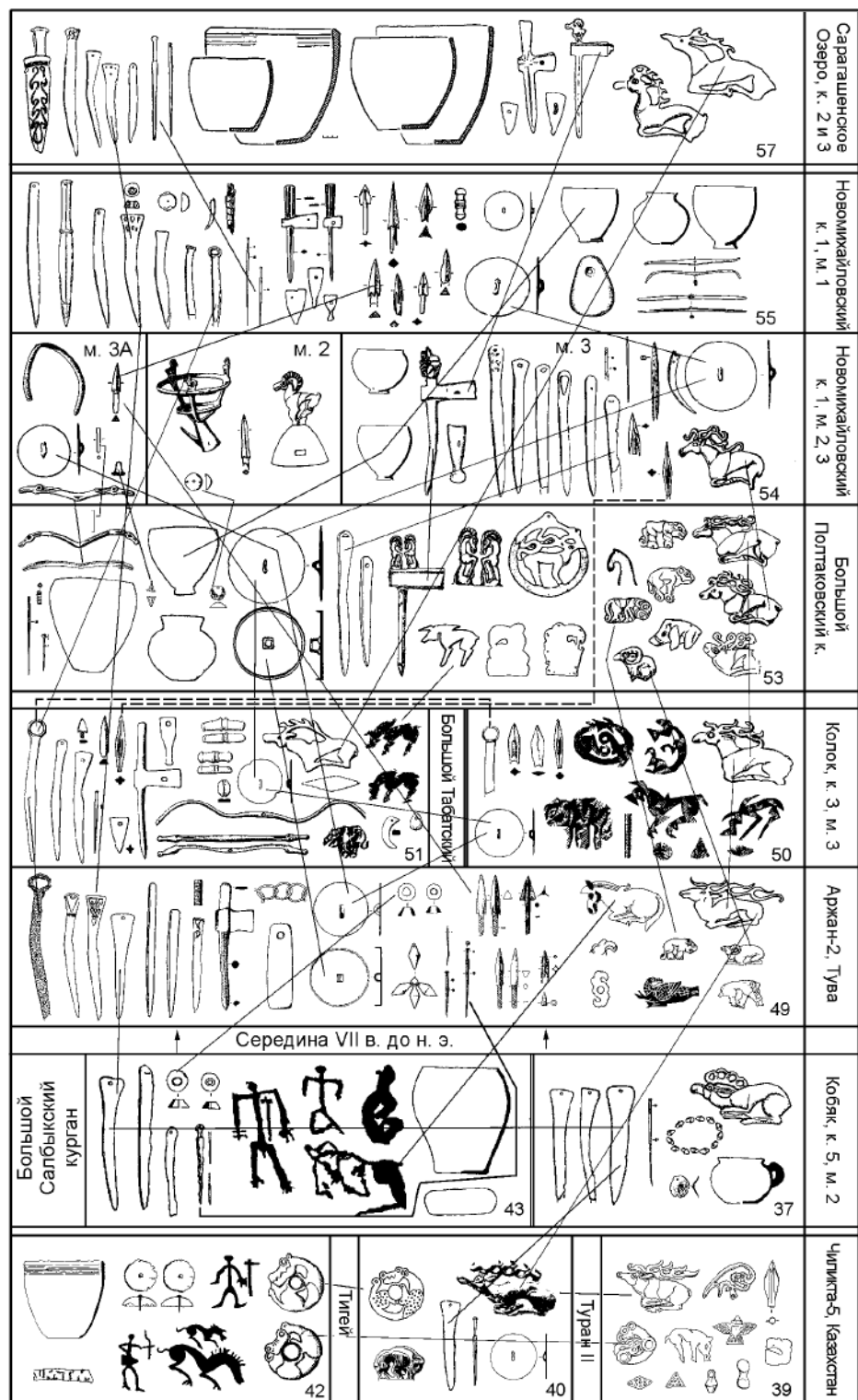

Рис. 2. Сопоставление предметов конца VIII (39) и VII в. до н. э. из археологических памятников тагарской культуры в Хакасии, Казахстане (39) и Туве (49). Масштабы и материал разные. Составлено Л. С. Марсадоловым (порядковые номера археологических комплексов даны по: *Марсадолов, 2015*, со ссылками на даты и предыдущую литературу)

Fig. 2. Comparison of finds of the late 8th (39) and 7th centuries BC from archaeological sites of the Tagar culture in Khakassia, Kazakhstan (39) and Tuva (49). Scales and material differ. Compiled by L. S. Marsadolov (the ordinal numbers of archaeological complexes are given after *Марсадолов, 2015* with references to dates and previous literature)

делали многие ученые при появлении новых фактов, например, М. П. Грязнов после раскопок Аржан-1 (Марсадолов, 2015. Табл. 1).

У Н. Ю. Кузьмина вызывают то «непонимание», то «удивление», то «сомнения» датировки других археологов, но очень часто свои абсолютные даты он не приводит и даже не пытается их обосновать. Отметим явное «передергивание» Н. Ю. Кузьминым четко указанных мной датировок таких памятников, как Салбык, Кобяк, Большой Полтаковский и Новомихайловский курганы.

Н. Ю. Кузьмину «непонятно, на каком основании Большой Салбыкский курган синхронизируется с четырьмя малыми курганами, исследованными, поблизости от большого» (Кузьмин, 2020. С. 146).

В тексте моей статьи и подписях к рис. 1 неоднократно отмечено, что четыре малых кургана в Салбыке более ранние по времени и датируются «4-й четв. VIII — 1-я четв. VII вв. до н. э.», а БСК был сооружен позднее, в «1-й половине VII в. до н. э.». Следует отметить, что ранее археологи датировали четыре малых кургана в Салбыке VIII–VII вв. до н. э., а БСК — V–I вв. до н. э. (Марсадолов, 2015. С. 35–36, 41, рис. 1.3, 32 и 1.4, 43; см. также рис. 1 и 2 в этой статье).

Абсолютная датировка Большого Салбыкского кургана базируется на трех независимых источниках (Там же): 1) археологические аналогии (рис. 1; 2); 2) данные дендрохронологии; 3) определение радиоуглеродного возраста трех образцов дерева. По результатам дендрохронологического сопоставления БСК на 35 лет старше кургана Аржан-2 в Туве, а радиоуглеродный возраст БСК находится в интервале 764–622 лет до н. э. (28 — 95 %).

Если внимательно рассмотреть материалы двух курганов могильника Биджа (рис. 1, 27–28; Липский, 1966), становится очевидно, что найденные там изделия не имеют прямых аналогий с предметами как из малых (рис. 1, 32), так и из большого кургана в Салбыке (рис. 2, 43). Биджа занимает промежуточное положение между малыми и большим курганами в Салбыке и поэтому может быть датирована «4-й четв. VIII — 1-я четв. VII вв. до н. э.» (Марсадолов, 2015. С. 41). Курган № 1 в Бидже более ранний и найденные там предметы (чекан, нож со «шляпкой», сосуды) имеют больше аналогий в памятниках второй половины VIII в. до н. э., а курган № 2 сооружен позднее, и там больше ранних прототипов для предметов первой половины VII в. до н. э. — кинжал, П-образный предмет и др. (рис. 1; 2).

Материалы двух могил кургана № 5 в могильнике Кобяк Н. Ю. Кузьмин помещает в разновременные подгорновский (могила № 1) и в сарагашенский (могила № 2) этапы: «Непонятно отсюда, на каком основании Л. С. Марсадолов относит обе могилы к одному временному диапазону» (Кузьмин, 2020. С. 146). На это ответу следующее: в моей статье в двух местах также указано, что в кургане № 5 могильника Кобяк могила 1 относится к «4-й четв. VIII — 1-я четв. VII вв. до н. э.», а более поздняя могила № 2, как и БСК, датируется «1-й пол. VII в. до н. э.». Под рисунком 1.3, где помещены предметы из этого кургана (наряду с другими комплексами из более чем 12 разных памятников), находится подпись: «Сопоставление предметов 2-й пол. VIII — 1-й четв. VII вв. до н. э.», то есть указан хронологический интервал, в который входят как могила № 1, так и могила № 2 из могильника Кобяк (Марсадолов, 2015. С. 41). Бронзовые ножи с расширенной рукоятью из могилы № 2 могильника Кобяк близки к ножам из БСК, Аржана-2 и других комплексов (рис. 2), а бляха с оленем имеет широкий круг аналогий, что будет показано далее.

Проблемы датировок Большого Полтаковского и Новомихайловского курганов у Н. Ю. Кузьмина наиболее запутаны и поэтому достойны более подробного рассмотрения. Еще в 1993 г. автор раскопок Большого Полтаковского кургана Г. Н. Курочкин отметил: «Материал из могил 2 и 3 Полтаковского кургана по аналогиям в хорошо датированных памятниках укладывается в хронологический промежуток между концом VII и рубежом V–IV вв. до н. э.» (Курочкин, 1993. С. 33).

В начале 1990-х гг. Н. Ю. Кузьмин (1994. С. 27) писал: «Так, например, вызывает сомнение датировка Большого Полтаковского кургана VI–V вв. до н. э. (Курочкин, 1993. С. 4–21, 32–33)». Чем вызвано такое сомнение и как он датирует этот курган, Н. Ю. Кузьмин умалчал. Позднее я датировал Большой Полтаковский курган «2-й половиной VII в. до н. э.» (рис. 2, 53; Марсадолов, 2015. С. 42). В статье Н. Ю. Кузьмина 2020 г. с оговорками отмечено: «По опубликованным материалам раскопок Г. Н. Курочкина, в Большом Полтаковском кургане в основной ограде была одна могила, возможно, VII в. до н. э., остальные — впускные сарагашенские погребения — окружены позднее второй оградой» (Кузьмин, 2020. С. 147), но он не указал номера четырех могил из этого кургана.

В Большом Полтаковском кургане центральной является могила № 4, которую даже Н. Ю. Кузьмин датирует VII в. до н. э. (*Там же; Марсадолов, 2015. С. 42*). В могиле № 4 были найдены немногочисленные изделия, большинство которых имеет аналогии в могиле № 3А Новомихайловского кургана, — бронзовые пронизки-бусы в виде трубочек, конусовидной формы и круглых бляшек (*Курочкин, 1993. Рис. 10; Кузьмин, 1994. Рис. 17, 4–7*). Комплексы предметов из могил № 2 и 3 (бронзовые ножи, чекан, зеркало с вертикальным бортиком, предметы с зооморфными изображениями, бляхи с оленями) и другие аналогии с близкими по времени памятниками позволили мне датировать Большой Полтаковский курган второй половиной VII в. до н. э. (рис. 2, 53).

В статье 2020 г. Н. Ю. Кузьмин утверждает: «В кургане у деревни Новомихайловка были две основные ранние могилы, а третья, лепешкинского типа, ввпущена в насыпь намного позднее; между временем сооружения могил 1, 2 и 3 — разница в несколько сотен лет (*Там же*). Могилы 2 и 3, как это показано у Л. С. Марсадолова на рисунке 1.5 не могут датироваться одним временем» (*Кузьмин, 2020. С. 147*).

Процитируем, что Н. Ю. Кузьмин прежде писал о датах этих же объектов: «Судя по поздним предметам, время сооружения могилы 1 может датироваться концом IV — первой половиной III в. до н. э. <...> Могила 2 сооружена позднее могилы 1, однако, временной разрыв вряд ли был большим, поэтому датировать ее можно также как и могилу 1 — в пределах конца IV — первой половины III в. до н. э. <...> Время сооружения могилы 3 можно отнести ко второй половине III в. до н. э. <...> Таким образом, на основании всего изложенного, памятник в целом может быть датирован в пределах конца IV — второй половины III вв. до н. э.» (*Кузьмин, 1994. С. 27–28*).

Согласно работам самого Н. Ю. Кузьмина получается, что вскоре после раскопок он считал, что все могилы в Новомихайловке (№ 1, 2, 3, 3А) были сооружены в «пределах конца IV — второй половины III вв. до н. э.» (*Там же. С. 28*), то есть за период около 100 лет, а в 2020 г. оказалось, что между ними уже «разница в несколько сотен лет» (*Кузьмин, 2020. С. 147*). «Несколько сотен лет» — это сколько сотен: 200, 300 или 400 лет? В результате таких передергиваний дат Н. Ю. Кузьминым «виноват» оказался я, который в целом датировал

курган в Новомихайловке VII в. до н. э., то есть периодом около 100 лет (рис. 2, 54–55).

Археологические аналогии и абсолютная датировка ряда курганов VII в. до н. э. (рис. 2) опровергают даты Н. Ю. Кузьмина, что раскопанный им курган в Новомихайловском могильнике датируется более поздним временем (*Кузьмин, 2020. С. 147; Марсадолов, 2015. С. 40, 47*).

Датировка отдельных предметов тагарской культуры

При сравнительном анализе вещевых комплексов из Новомихайловки (ножей, чеканов, бронзовых и роговых наконечников стрел, П-образных изделий, бляшек с изображениями оленей и др.) археологи сами могут убедиться, насколько они близки к предметам из курганов второй половины VII в. до н. э. — Аржана-2, Большого Полтаковского, Табата, Колока, курган № 3, и др. (рис. 2). Ряд предметов из Новомихайловского кургана, таких как бронзовое навершие с изображением козла, каменные «трехжелобчатые» застёжки, ранние формы кинжалов и ножей (рис. 2, 54, 55), имеет аналогии не только в памятниках VII в. до н. э., но и в более ранних комплексах, а не в курганах «IV–III вв. до н. э.», как считал Н. Ю. Кузьмин.

Н. Ю. Кузьмин отметил: «К VII в. до н. э. отнесены комплексы вещей сарагашенского времени (*Марсадолов, 2015. С. 46–47, рис. 1.4, 44–52; 1.5, 53–58*), в составе которых присутствуют оленьи бляхи и ножи с расширяющейся рукоятью, столь раннее появление которых пока не обосновано» (*Кузьмин, 2020. С. 147*).

Хотя на этот вопрос Н. Ю. Кузьмина, из его статьи 2020 г., я ответил еще в своей более ранней статье (см. рис. 2; *Марсадолов, 2015. С. 41, рис. 2*), вновь следует ниже рассмотреть следующие факты.

В результате многочисленных раскопок и публикации материалов из памятников VIII–VII вв. до н. э. на территории Евразии за последние 20–30 лет большинство археологов особо не возражает, что комплекс предметов из кургана Чиликта-5 в Казахстане с небольшими поправками может датироваться в пределах конца VIII — конца VII в. до н. э., то есть периодом менее 100 лет, а курган Аржан-2 был сооружен после Чиликты-5.

Изображения оленей с подогнутыми ногами из Чиликты-5 наиболее близки к образам из Турана-II, курган № 3, могила № 2, и, вероятно, предшествуют оленям из курганов Кобяк,

курган № 5, могила № 2; Аржан-2, Колок, курган № 3, могила № 3; Большого Полтаковского, Новомихайловки и др. (рис. 2, 37, 39, 40, 49, 50, 53, 54). Образы свернувшихся хищников из Чиликты-5 также предшествуют более стилизованным изображениям из курганов в Туране-II, курган № 5, могила № 2; Тигее, Колок, курган № 3, могила № 3, и др. (рис. 2, 39, 40, 42, 50).

Бронзовые ножи с расширенной рукоятью имеют много подтипов, но предварительно можно выделить два основных: с «гладкой» и украшенные «прорезными треугольниками». Ножи с «гладкой» расширенной рукоятью были найдены в более ранних курганах — БСК, Туран, Кобяк, курган № 5, могила № 2, и др., а в более поздних курганах — Аржан-2, Новомихайловка, могила № 1, Сарагашенское озеро — были ножи с «прорезными треугольниками» на рукояти (рис. 2). Более детальная типология и хронология ножей и других предметов из тагарских курганов — это большие темы для будущих исследований, так как надо сравнивать не рисунки, а сами предметы.

Еще в 1929 г. С. А. Теплоухов считал, что предметы из минусинских курганов выделенного им второго этапа (могильник у Сарагашинского озера), «имеющие аналогии в скифской и ананьинской культурах, дают возможность относить начало второго этапа не позднее как к VI в. до н. э.» (Теплоухов, 1929. С. 48). Позднее М. П. Грязнов и М. Н. Пшеницына частично опубликовали материалы из этого памятника и отметили, что на одном могильнике у Сарагашинского озера подгорновские и сарагашенские курганы составляют единый комплекс (Грязнов, Пшеницына, 1966). Большая часть материалов из раскопанных курганов в Сарагаше до сих пор не издана, но опубликованные предметы ныне можно датировать VII в. до н. э. (рис. 2, 57).

В конце своей статьи Н. Ю. Кузьмин призывает издавать материалы из ранее раскопанных курганов тагарской культуры. Это правильно, но сам он уже более 25 лет пока не может опубликовать материалы раскопанных им тагарских курганов. Будущие исследователи, несомненно, будут сопоставлять материалы не только по рисункам, но и заинтересуются наличием многочисленных реальных предметов из раскопанных Н. Ю. Кузьминым курганов эпохи бронзы тагарской и тесинской культур в Хакасии. Было бы желательно, чтобы Н. Ю. Кузьмин всем показал не свои

многолетние обещания и многочисленные сомнения, а таблицы сопоставления конкретных комплексов из разных курганов тагарской культуры.

Салбыкский этап в древней истории Хакасии

Даже краткое перечисление вышеуказанных проблем тагарской культуры позволяет сделать неутешительный вывод, что среди археологов пока нет единой или близких точек зрения ни на названия выделенных ими дробных хронологических этапов, ни на время их начала и завершения, ни на относительную и абсолютную хронологию объектов, а одни и те же археологические памятники датируются разными хронологическими этапами.

Особой критике Н. Ю. Кузьмин подверг салбыкский этап тагарской культуры, выделенный мною в 2015 г. и датируемый VIII–VI вв. до н. э. (Марсадолов, 2015; Кузьмин, 2020. С. 148). Сам Н. Ю. Кузьмин до сих пор не может определиться — к какому же хронологическому этапу/периоду относится БСК — к биджинскому, сарагашенскому или лепешкинскому, но он твердо считает, что «*Большой Салбыкский курган не может датироваться началом VII в. до н. э.*» (Там же). Только в его работе 2011 г. БСК имеет абсолютную дату — «*2-я половина III в. до н. э.*» (Кузьмин, 2011. С. 70), то есть дату лепешкинского этапа, который в 2020 г. «выпал» из его хронологической периодизации. Сейчас Н. Ю. Кузьмин и близко даже не упоминает о его собственной абсолютной датировке Большого Салбыкского кургана.

А. Г. Акулов и Е. Д. Паульс при изучении тагарской курганной архитектуры не используют традиционные названия хронологических этапов, которых придерживаются Н. Ю. Кузьмин и ряд археологов, а БСК они относят к ступени С, фазе С2, к VII–VI вв. до н. э. (Акулов, Паульс, 2008. С. 6–8; Марсадолов, 2015. С. 36, табл. 1).

После публикации материалов из пяти больших курганов в Пазырыке ряд археологов в 1950-е гг. «растягивали» их общую датировку на 200–300 лет, но после проведения дендрохронологических исследований стало ясно, что все пять больших пазырыкских курганов сооружены всего за 50 лет, хотя каждый курган индивидуален, и материалы из раннего кургана сильно отличаются от поздних (Марсадолов, 1984). По дендрохронологии последовательность больших курганов на Саяно-Алтае определена с точностью до одного

года, и ряд археологов датируют такие курганы на Алтае и в Туве с точностью 25–50 лет, почти с такими же хронологическими интервалами, как и исследователи памятников скифского времени в Восточной Европе.

В настоящее время все более вероятным представляется то, что не подгорновской, биджинской или сарагашенской, а салбыкской группе родственных семей и племен принадлежала реальная социальная и духовная власть в центральной части древней Хакасии. В окрестностях Салбыка, с радиусом до 50 км, находится огромный пласт нераскопанных больших и средних курганов — самый многочисленный в Хакасии, что подтверждает тезис о сильной концентрации тагарской группировки племен именно в этом районе.

Если сравнить более ранние культуры эпохи бронзы или более поздние средневековые культуры древней Хакасии с салбыкским периодом тагарской культуры, то можно сделать вывод, что только салбыкцы обладали самой большой численностью населения, социальной сплоченностью коллективов — это сильно повлияло на преемственность в многовековом культурно-историческом развитии в древней Хакасии. Целый пласт раскопанных больших и средних тагарских курганов VII в. до н. э. (к сожалению, неоднократно ограбленных) — Большой Салбыкский, Тигей, Кара-Курген, Колок, Табат, Большой Плтаковский, Новая Михайловка и еще более обширный круг нераскопанных больших курганов в окрестностях Салбыка — свидетельствует о существовании в древней Хакасии сильного регионального союза племен, одного из самых многочисленных среди кочевников в Южной Сибири и в Евразии.

«Минусинскую курганную культуру», выделенную С. А. Теплоуховым, С. В. Киселев переименовал в «тагарскую». В связи с новыми раскопками больших и средних курганов в Туве вместо одной крупной «уюкской» культуры, по Л. Р. Кызласову, или «казылганской», по С. И. Вайнштейну, специалисты все чаще употребляют названия культур или этапов: «аржанский», «алдыбельский» и «саглынский» по наиболее значимым эталонным памятникам, хотя и изученным позднее М. П. Грязновым и А. Д. Грачом, но более значимым по вкладу в древнюю культуру. По времени салбыкскому этапу в Хакасии — VIII–VI вв. до н. э. — синхронны 300-летние культурно-

хронологические этапы и в других регионах Евразии: пред- и раннескифский в Северном Причерноморье, аржано-майэмирский–бийкенский на Саяно-Алтае, архаический в Греции и т. д.

Учитывая изложенные выше данные, мною был предложен новый термин — «салбыкский этап», названный по наиболее яркому и монументальному памятнику тагарской культуры (Марсадолов, 2015). Локальные и хронологические пласты рядовых и средних курганов в Подгорново, Бидже, Сарагаше и в других районах древней Хакасии значительно уступают Салбыку не только по размерам каменной ограды (например, Сарагаш — 19 × 15 м, 10 стел, а БСК — 71 × 71 м, 23 стелы), но и по вкладу в развитие материальной, социальной и духовной культуры тагарцев. У другого «гранитного» кургана в Салбыкской долине восточная сторона длиннее западной (около 23 и 21 м), а южная — длиннее северной (19 и 18 м). Стены и вход в ограду были ограничены 11 вертикальными стелами, а упавшая стела в юго-восточном углу имела длину 5,4 м. Тагарские курганы такой «неправильной» («подтрапецевидной») формы, с входом с восточной стороны, с переиспользованными стелами эпохи бронзы в основном относятся к более раннему времени, чем БСК, вероятно, к VIII в. до н. э., что свидетельствует о том, что Салбыкская долина была уже значимой территорией тагарской культуры и в VIII в. до н. э. (Марсадолов, 2011).

Доведенные до совершенства основные конструктивные и сакральные особенности Большого Салбыкского кургана (частично сформировавшиеся и в предсалбыкское время) стали эталоном для последующих погребальных и ритуальных сооружений более чем на тысячу лет не только для тагарской, но также для таштыкской культуры и позднее (Марсадолов, 2010; 2015).

Не исключено, что со временем значение раскопанного С. В. Киселевым (1956) Большого Салбыкского кургана — самого огромного и выдающегося мегалитического памятника тагарской культуры — будет закреплено за салбыкским культурно-хронологическим этапом. На современном уровне знаний с помощью комплексного подхода к тагарским памятникам и с учетом дат «ключевых» объектов из других регионов салбыкский культурно-хронологический этап можно датировать VIII–VI вв. до н. э., а БСК — первой половиной VII в. до н. э. Такие даты снимают проблему «особого пути развития тагарской культуры»,

вопреки до сих пор бытующему среди ряда археологов ранее выдвинутому тезису о длительных культурных «застоях» в тагарской культуре, хотя формы предметов и сооружений на салбыкском этапе (VIII–VI вв. до н. э.) и позднее изменялись довольно быстро (рис. 1; 2).

Постепенно в хронологии памятников тагарской культуры намечается тенденция к тому, что объекты будут датироваться не только по относительным, дробным, многочисленным хронологическим этапам, а будут иметь абсолютные даты, сопоставленные с общей евразийской хронологической шкалой.

- Акулов, Паульс*, 2008 — *Акулов А. Г., Паульс Е. Д.* К изучению тагарской курганной архитектуры // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 5–8.
- Вадецкая*, 1994 — *Вадецкая Э. Б.* Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Материалы заседаний «круглого стола» (22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург) / Ред. А. Ю. Алексеев и др. СПб.: Фонд фундаментальных исследований РАН, 1994. С. 62–69.
- Грязнов, Пшеницына*, 1966 — *Грязнов М. П., Пшеницына М. Н.* Курганы IV–III вв. до н. э. на оз. Сарагаш // КСИА. 1966. Вып. 107: Археологические памятники раннего железного века. С. 62–74.
- Киселев*, 1956 — *Киселев С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // ТД на сессии Отд. ист. наук и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археологических исследований 1955 г. М.; Л.: б. и., 1956. С. 56–58.
- Кузьмин*, 1979 — *Кузьмин Н. Ю.* Основные традиции и особенности изменений погребальных памятников тагарской культуры (по материалам Красноярской и Средне-Енисейской экспедиций) // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. (Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.). Кемерово: б. и., 1979. С. 44–47.
- Кузьмин*, 1994 — *Кузьмин Н. Ю.* Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея в V–III вв. до н. э. СПб.: б. и., 1994 (Арх. изыскания; Вып. 15). 60 с.
- Кузьмин*, 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Кузьмин*, 2020 — *Кузьмин Н. Ю.* О новой датировке Большого Салбыкского кургана и хронологии тагарских памятников // АВ. 2020. Вып. 26. С. 144–151.
- Курочкин*, 1993 — *Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: ИИМК РАН, 1993. 44 с.
- Липский*, 1966 — *Липский А. Н.* Погребения тагарских воинов на р. Биджа // СА. 1966. № 2. С. 312–317.
- Марсадолов*, 1984 — *Марсадолов Л. С.* О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 90–98.
- Марсадолов*, 2010 — *Марсадолов Л. С.* Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. 54 с.
- Марсадолов*, 2011 — *Марсадолов Л. С.* «Гранитный» курган с мегалитической стелой в Салбыкской долине // Древние и современные народы Южной Сибири: язык, история, культура (к 290-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта): Материалы междунар. науч.-практ. конф. (21–24 сентября 2011 г., г. Абакан). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2011. С. 113–122.
- Марсадолов*, 2015 — *Марсадолов Л. С.* Новая датировка Большого Салбыкского кургана // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2015. № 1 (9). С. 35–38.
- Марсадолов*, 2016 — *Марсадолов Л. С.* Проблемы объяснения ряда «искажающих эффектов» при радиоуглеродном датировании археологических объектов // Экология древних и традиционных обществ: Материалы V Междунар. науч. конф. (г. Тюмень, 7–10 ноября 2016 г.). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. Вып. 5, ч. 2. С. 107–113.
- Марсадолов*, 2020 — *Марсадолов Л. С.* Новая датировка кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I в Туве (по материалам раскопок А. Д. Грача) // АВ. 2020. Вып. 26. С. 152–158.
- Радиоуглерод..., 1997 — Радиоуглерод и археология. СПб.: б. и., 1997. Вып. 2. 132 с.
- Субботин*, 2014 — *Субботин А. В.* Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.
- Теплоухов*, 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л.: ГРМ, 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

**The absolute date of the Great Salbyk Kurgan
and the Salbyk stage of the Tagar culture
(a response to the article by N. Yu. Kuz'min)**

L. S. Marsadolov

Problems of absolute dating of archaeological sites and artefacts are among the most complex and arguable ones in archaeology. The Great Salbyk barrow, excavated by the expedition of S. V. Kiselev in 1954–1956, is the largest and most well known megalithic object in Siberia. Over recent 60 years, archaeologists proposed for that kurgan different dates ranging from the 7th to the 1st century BC. In 2015, the author dated the Great Salbyk barrow to the first half of the 7th century BC, while the Salbyk cultural and chronological stage was attributed to the 8th–6th century BC. N. Yu. Kuz'min, in his paper of 2020, noted that the Great Salbyk barrow cannot be datable to the 7th century BC. He did not propose there a new date for this barrow but in his work of 2011 the kurgan has an absolute date of the second half of the 3rd century BC.

The absolute date of the Great Salbyk barrow is based on three independent sources: 1) archaeological analogues (Figs. 1 and 2); 2) dendrochronological evidence; and 3) identification of the radiocarbon age of three samples of wood. According to results of the dendrochronological comparison, the barrow under consideration is 35 years older than the kurgan Arzhan-2 in Tuva while its radiocarbon date is in the range of 764–622 years BC (2 δ — 95 %). In this paper, also absolute dates of archaeological sites of the Tagar culture — Kobyak, Bidzha, Large Poltakovsky and Novomikhaylovsky barrows are proposed, as well as the dates of the objects found in them.

As “reference points” for dating and synchronization of materials from early Tagar sites, the dates of typical large barrows in the neighbouring regions and Khakassia checked by different methods can be taken — Arzhan-1, Chilikta-5, Great Salbyk kurgan, Arzhan-2, Large Poltakovsky kurgan, etc. The cross-parallels have enabled the researchers to establish both the relative chronological sequence of the early Tagar sites and their absolute dates (on the basis of close forms of the bronze daggers, knives, awls, bone combs, arrowheads, clay pottery, ornaments and visual art images — Figs. 1 and 2). At present, a tendency is contemplated in the chronology of sites of the Tagar culture to date the objects not only through relative separate chronological stages but also to gain absolute dates comparable with the general Eurasian chronological scale.

К вопросу о границах распространения тагарских памятников в Минусинских котловинах¹

А. В. Субботин²

Аннотация. В статье описывается динамика изменений тагарской культуры на раннем и развитом этапах ее существования в пределах Минусинских котловин. Подробно анализируются мнения ряда исследователей относительно расширения зоны бытования тагарских племен и трансформации их ритуальной погребальной традиции. Основной вектор тагарской инфильтрации был направлен в лесостепную зону При-Саянья, и первоначальное освоение данной территории тагарским населением началось не ранее VI в. до н. э. Рассматриваются этапы и особенности заселения тагарцами самой северной котловины — Назаровской.

Annotation. This paper describes the dynamics of the evolution of the Tagar culture at the early and advanced stages of its existence in the area of the Minusinsk Depressions. Opinions of a number of researchers concerning the expansion of the zone of settlement of Tagar tribes as well as the transformation of their burial tradition are analysed in detail. The main vector of the Tagar infiltration was directed to the forest-steppe zone of the Sayan region, while the initial occupation of this territory by the Tagar people began not earlier than the 6th century BC. Here the stages and peculiarities of settlement of the northernmost depression, i. e. the Nazarovo one, by the Tagarians are considered.

Ключевые слова: тагарская культура, границы расселения, этапы распространения, курганная архитектура, Назаровская котловина, трансформация тагарского погребального обряда.

Keywords: Tagar culture, boundaries of settlement, stages of distribution, kurgan architecture, Nazarovo Depression, transformation of the Tagar burial rite.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-54-71

Ареал тагарской культуры на территории Южной Сибири, по крайней мере на раннем этапе ее существования, вырисовывается более-менее ясно в отличие от абсолютного большинства археологических культур Евразии. Территории существования культур почти повсеместно фиксируются не более как области компактно расположенных групп однотипных памятников ядра культуры и весьма размытой периферии. То есть в территориальной, или картографической, версии расположения археологические культуры выделяются

на основе групп типов, связанных одинаковым распространением во времени и пространстве, близким совпадением локусов, образующих один сводный локус (Klejn, 1982. P. 156–159).

Однако территории распространения специфических признаков одной археологической культуры (ареалы типов) практически повсеместно не совпадают. Отсюда вытекает, что все периферийные и пограничные районы соседних культур по набору своих характеристик часто оказываются ближе друг к другу, чем к своим центрам. Эта ситуация может быть объяснена теорией нечетких множеств — инструментом математической статистики (Задэ, 2015). Такие факты порождают длительные и не всегда продуктивные научные дискуссии о культурной атрибуции тех или иных групп памятников, о появлении локальных особенностей, вариантов, а также степени взаимовлияния, причинах и следствиях трансформации

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

культур во временном и пространственном векторах их существования (Колпаков, 2013. С. 128).

В данном контексте редким, если не уникальным в археологии, случаем является абсолютный консенсус всех специалистов по археологии Южной Сибири относительно вопроса о рубежах распространения тагарской культуры: трудно проходимые в древности горно-таежные массивы Кузнецкого Алатау с запада, Восточного Саяна с востока, Западного Саяна с юга, окаймляющих практически со всех сторон череду из четырех остепненных межгорных котловин, которые совокупно составляют территорию Минусинской тектонической впадины. Ее протяженность с севера на юг — около 450 км, а с запада на восток — около 250 км.

Территориально Минусинские котловины имеют очень четкие территориальные границы в результате значительной изолированности региона. Это цепочка из четырех отдельных котловин, вытянутых в меридиональном направлении вдоль течения р. Енисей: Минусинской, Сыда-Ербинской, Чулымо-Енисейской и Назаровской. Границы котловин сформированы четырьмя хребтами-перемычками, вытянутыми в широтном направлении. С юга на север — это широкий Джойский хребет на крайнем юге, затем Батеневский кряж, Солгонский кряж и хребет Арга. Единственный коридор, связывающий среднее течение Енисея с лесостепными просторами Западной Сибири, расположен в северо-западной части самой северной, Назаровской, котловины. Последняя представляет собой равнину с грядово-холмистым рельефом в своей самой южной части. Далее к северу котловина менее расчленена и имеет холмисто-увалистый характер и уклон в сторону хребта Арга, который ограничивает всю Назаровскую котловину с севера. Три котловины южнее представлены преимущественно низкогорным холмисто-куэстовым либо грядово-куэстовым рельефом. Климат Назаровско-Минусинской межгорной впадины резко континентальный: большие годовые и суточные колебания температур, малое количество осадков, сильные ветры, небольшая влажность воздуха (Мистрюков, 1991. С. 15–16).

В археологическом отношении Минусинские котловины представляют собой совершенно уникальный регион. В силу перечисленных выше геоморфологических, а также климатических особенностей данной территории плеяда ярких археологических культур, сменявших на протяжении

более двух тысячелетий друг друга в результате миграционных импульсов в основном с запада, обладает особыми признаками, которые явственно выделяют ее из общего культурного контекста. Народы, представленные афанасьевской, окуневской, андроновской культурами и племенами позднего бронзового века, населявшие с энеолита группу небольших котловин, практически со всех сторон окруженных горами, были отрезаны от постоянных тесных контактов с соседними сообществами. В результате такой изолированности их культурологические признаки оказались чрезвычайно самобытными и долгое время не размывались, не смешивались и не трансформировались под внешним воздействием. Это определило их обособленность и четкую «узнаваемость» (Поляков, 2020. С. 44–47). В полной мере это относится и к тагарской культуре.

Феномен тагарской культуры, или, как относительно недавно было обоснованно предложено называть ее, «тагарской археологической общности» (Савинов, 2012. С. 38), заключается в беспрецедентном обилии вещественного материала, который получен в результате массовых раскопок погребальных сооружений и представлен высокохудожественными случайными находками, хранящимися в обширных музейных коллекциях. К тагарскому феномену, безусловно, относится и удивительная монолитность, однородность и единообразие культуры (Членова, 1992. С. 207) во время ее бытования строго в пределах остепненных территорий межгорных Минусинских котловин с горно-куэстовым и грядово-куэстовым рельефом. Следует еще раз уточнить, что это все три южные котловины и самый южный участок северной Назаровской котловины. Именно здесь раннетагарские курганные могильники занимают обширные поля с сотнями и тысячами курганов. М. П. Грязнов допускал, что их даже «сотни тысяч» (Грязнов, 1968. С. 190). Однако, определяя территорию сложения культуры, он подчеркивал, что процесс этот происходил лишь в пределах Минусинской и Чулымо-Енисейской котловин (Там же. С. 187). Тагарская ойкумена охватывала здесь все степи по долинам рек, озер, в ложбинах, на увалах, у подошв крутых склонов гряд, куэст, сопки, особенно имеющих скальные обнажения на обрывах.

Феноменом можно назвать также удивительную динамичность перемен и трансформации основных характеристик тагарской культуры.

В пространственно-временной системе координат это обстоятельство, вкупе с фактами, перечисленными ранее (четкие границы, монолитность), перенесло главный акцент научных исследований тагарской культуры и аналитики на хронологический вектор изучения и интерпретации. Тагарскому культурогенезу во всем комплексе его составляющих компонентов посвящена масса специальной литературы, без малого 100 лет, с момента первой периодизации С. А. Теплоухова (*Теплоухов*, 1929. С. 6–62), ведется оживленная дискуссия, однако в научной среде пока отсутствует консенсус по данной сложнейшей теме изучения культуры³. Наконец, самый яркий и впечатляющий феномен культуры — ее визитная карточка и символ — курганная архитектура (*Акулов, Паульс*, 2010. С. 1). Поражающее воображение как первых исследователей Южной Сибири, так и наших современников, не имеющее аналогий каменное курганное зодчество, без сомнения, является важнейшим источником информации, который позволяет даже без проведения раскопок делать выводы о времени сооружения насыпи, социальном статусе погребенного в ней человека, динамике развития и изменений погребального обряда и ряда других характеристик трансформации культуры.

Мегалитические по своей сути конструкции оград, пространственные композиции насыпей с огромными угловыми и простеночными плитами в могильнике свидетельствуют, в первую очередь, об устоявшихся в тагарском социуме канонах и идеях, а также самой процедуре погребального ритуала, неукоснительно соблюдаемой соплеменниками покойного. Однако зарождение таких традиций, их развитие, трансформация (укрупнение) курганных сооружений в связи с явно прослеживающимся социальным расслоением тагарского общества и динамичным формированием ранговой знати базируются и являются естественной производной от обилия легкодоступного и легко обрабатываемого слоистого песчаника. Это связано с его многочисленными обнажениями в крутых склонах гряд или куэст, особенно в трех южных котловинах. Немаловажным

обстоятельством является также практически повсеместная близость местонахождений скальных обнажений песчаника к местам погребений.

В Минусинских котловинах известно много курганов с каменными оградами, расположенных на всех удобных для захоронения местах. Преобладающее их количество относится к подгорновскому времени. Далеко не полными разведками, активно проводимыми в 1960–1970-х гг., было обнаружено не менее 1500 могильников. Нередко эти могильники насчитывают до 100 и более курганов. Средняя площадь малых подгорновских оград составляет 20–40 кв. м, а крупные ограды достигают 150–250 и даже 700 кв. м. В среднем каждый могильник занимает территорию в несколько гектаров и более (*Вадецкая*, 1986. С. 79–80). Количество могильников и занимаемые ими площади, как полагала исследовательница, отражают имевшуюся в то время перенаселенность местных степей, повлекшую за собой экологический кризис (*Там же*. С. 86–88). Этот кризис, по мнению Э. Б. Вадецкой, выразился в постоянном сокращении пастбищных угодий, которые последовательно переходили в сакральные территории все более увеличивающихся курганных могильников и даже полей.

С последним утверждением согласиться нельзя. Во-первых, потому что потеря или значительное уменьшение материальной базы для привычной хозяйственной деятельности той или иной группы населения является не экологическим, а все-таки экономическим кризисом. Во-вторых, потому что как бы ни были сакрализованы площади, занимаемые каменными оградами многочисленных курганов, выпас скота на них физически возможен. Иное дело, если из хозяйственного использования исключаются участки плодородных пойменных террас, используемых под земледелие, которые уже невозможно вспахать, засеять и собрать урожай, поскольку мощные каменные курганные сооружения было очень трудно, если не невозможно (причем по разным причинам), убрать. Вероятно, в данном случае тагарцы столкнулись с угрозой критической потери или очень существенного уменьшения базы для традиционного сбалансированного скотоводческо-земледельческого хозяйства, функционирование которого успешно привело к значительному росту населения.

О резком увеличении численности тагарского населения и его плотности упоминалось многократно

³ Думается, что отсутствует необходимость излагать историографию данной проблемы, подробно изложенной в ряде основополагающих работ по тагарской эпохе в Южной Сибири и хорошо известной специалистам.

(Грязнов, 1968. С. 190; Вадецкая, 1986. С. 86–88). Так, А. И. Мартынов считает, что в это время произошел небывалый ранее в древней истории и ненаблюдаемый после, вплоть до освоения Сибири русскими переселенцами, демографический взрыв (Мартынов, 1979. С. 77, 149). Автор настоящей статьи на основании статистического подсчета количества погребенных в раскопанных примерно за 250 лет подгорновских и сарагашенских комплексах, рассматривая их в целом как весьма представительную и относительно объективную выборку, предположил радикальный (в несколько раз) рост населения (Субботин, 1995. С. 140–142).

Во все времена проблема давления избыточного для какой-то территории населения самим этим населением решалась однозначно — шло заселение новых земель и расширение зоны хозяйственного освоения (Клейн, 1974. С. 132). Для тагарской культуры единственным вариантом увеличения территории, учитывая непроходимые горные границы с запада, юга и востока, являлось северное направление. Еще С. В. Киселев отмечал, что «в этих курганах мы имеем явное свидетельство о расширении области расселения южных племен» (Киселев, 1951. С. 287).

Именно процесс расширения области тагарского расселения привел к завершению изолированной, «тепличной» инкубации подгорновских традиций, динамика трансформации которых в значительной степени детерминировалась внутренними процессами развития подгорновского общества — началом имущественного расслоения, формированием тагарского нобилитета. Этот процесс нашел отражение в увеличении размеров курганных сооружений, усложнении архитектурных канонов их возведения, появлении многокаменных насыпей, что в целом свидетельствует о своего рода «гонках престижа» — весьма важной составляющей социального неравенства (Акулов, 2018. С. 153–158).

«Выплеснувшись» в конце подгорновского времени за пределы межгорных Минусинских речных и озерных долин, переселенцы — тагарские пионеры — столкнулись с целым рядом новых, как правило, имеющих внешний характер факторов, которые оказали существенное влияние на культуру- и этногенез тагарской культуры в самом начале и далее, на протяжении всего сарагашенского времени ее существования, и значительно позднее.

Во-первых, сюда следует отнести фиксируемые почти всеми исследователями свидетельства западного, происходящего с территорий Алтая и Восточного Казахстана (Членова, 1992. С. 219), иммиграционного импульса, сила которого пока не определена. Возможны все сценарии — инфильтрация отдельных групп, миграция достаточно больших коллективов, инвазия или массовое нашествие, сопровождаемое покорением и подавлением местного населения. Последний вариант все-таки маловероятен, так как сами тагарцы в своем движении из Минусинских степей соединялись и смешивались с редким ирменским (Мартынов, 1979. С. 72, 81) и кулайским (Савинов, 2012. С. 42) населением лесостепей. Продвижение тагарских племен на запад, на территорию большереченской культуры, подтверждается местонахождением тагарских курганов, обнаруженных в междуречьях Чулыма и Томи и даже на левом берегу последней (Мартынов, 1961. С. 297). По мнению ряда специалистов, тагарцы первое время сохраняли свою культурную автономию, но в дальнейшем произошла ассимиляция с местными большереченскими племенами (Илюшин, Ковалевский, 1999. С. 60–64). В пользу этой версии свидетельствует и тот факт, что носители тагарской и большереченской археологических культур имели близкий тип комплексного хозяйства.

Эти массовые подвижки племен из пределов одной культурно-исторической общности в другую приводили в итоге к смешению традиций и широкому заимствованию инокультурной обрядовой практики, причем как в части, касающейся типов, состава и морфологии предметов сопроводительного погребального инвентаря, так и в части модификации над- и внутрикурганной архитектуры.

Во-вторых, следует отметить, что радикальное изменение обряда захоронения в сарагашенское время обусловлено не только вышеназванными аспектами. Значительную роль в этом сыграли также иные по сравнению с Хакасско-Минусинской котловиной природно-климатические и геоморфологические условия новых для тагарской культуры территорий в лесостепи, а также, безусловно, экономические причины — упоминавшийся выше кризис перенаселения.

В лесостепном районе есть благоприятные для земледелия территории, так как здесь, в отличие от Хакасско-Минусинской котловины, выпадает больше осадков, период вегетации

длится 183 дня — срок, значительный для условий Сибири (Кузнецов, 1949. С. 19, 58). Возрастание в сарагашенскую эпоху роли земледелия у тагарского населения лесостепи косвенно подтверждается двукратным увеличением поголовья крупного рогатого скота по сравнению с количеством скота в степной зоне бытования культуры (Мартынов, 1979. С. 103). Такой фактор является надежным маркером домашнего, более оседлого способа ведения хозяйства. Ценность пригодных для земледелия площадей в связи с ростом тагарского населения возрастает, что не могло не повлиять на приоритеты их эксплуатации. Можно предположить, что одной из причин появления у тагарцев коллективных могил является относительно компромиссный способ выхода из тупика нерационального (с хозяйственной точки зрения) использования плодородных участков земель под бесконечно расширяющиеся площади подгорновских могильников. Возможно, наряду с другими составляющими этот фактор явился побудительным мотивом перехода к массовым коллективным захоронениям у тагарских коллективов, населявших не только лесостепь, но и вообще все Минусинские котловины.

В-третьих, говоря о характере модификации над- и внутрикурганной архитектуры, следует еще раз обратиться к природно-географическим особенностям лесостепной территории северной части Назаровской котловины и далее: на север — до Томской подтаежной зоны, близ среднего течения Чулыма, на запад — до среднего течения рек Кия и Яя, на восток — до Енисейского края на правом берегу Енисея.

Достаточно подробное описание данного ландшафта было дано еще Д. А. Клеменцем. Сравнивая природу Ачинского и Минусинского округов, он писал: «В Ачинском округе <...> мы встречаем <...> волнистые черноземные степи с березовыми и осиновыми рощами. Тот же характер носит и средняя часть соседнего, Мариинского округа <...> в Минусинском округе мы встречаем сухие степи, пересеченные невысокими горными хребтами, утесистыми и каменистыми...» (Клеменц, 1889. С. 8). А. И. Мартынов (1979. С. 40) характеризует эти регионы как территории с холмисто-увалистым рельефом, где увалы чередуются с пологими котловинами.

Таким образом, естественное отсутствие в Ачинской и Мариинской лесостепях «невысоких утесистых и каменистых горных хребтов» должно

было создать своеобразную проблему для тагарского населения, осваивающего новые лесостепные просторы. Состояла она в том, каким образом соблюсти традицию сооружения массивных каменных оград с большими и высокими угловыми и простеночными камнями над могилой при незначительной мощности залежей девонского песчаника, выходящих на поверхность лишь в редких береговых обнажениях.

Не исключено, что именно по этой причине практика использования крупных каменных блоков и плит для ограды и покрытия могилы начинает редуцироваться уже в сарагашенских курганах. В результате рудиментарные оградки, там, где они видны или вообще наличествуют, и каменные покрытия самих могил начинают выкладываться мелкими плитками, которые, как правило, со временем закрывались оплывавшими за столетия более крупными и высокими (по сравнению с подгорновскими) насыпями сарагашенских курганов.

Появление курганов с земляными, нередко весьма высокими насыпями на всей территории бытования культуры связано с изменением в сарагашенское время погребального обряда — распространением коллективных могил со срубамидо нескольких венцов и бревенчатым, в несколько накатов, перекрытием. Однако в лесостепи, за северными пределами межгорных Минусинских степных котловин, эти курганы, в полах которых лишь изредка фиксируются каменные угловые плиты оград, являются практически единственным на обширной территории типом могильных сооружений тагарской культуры VI–I вв. до н. э.

Общий вывод из отмеченных выше особенностей погребальной практики в лесостепной зоне распространения культуры состоит в том, что те или иные ландшафты вынуждают людей приспосабливаться к их особенностям, заставляют вырабатывать свои адекватные формы быта и традиций, которые становятся отличительными характеристиками социумов.

Наличие типологических отличий во внешнем виде курганов отмечал еще П. С. Паллас, который в путевых заметках 1768–1774 гг. разделил увиденные им насыпи по Чулыму и Июсу на две группы: «Совсем каменные и земляные бугры с обставленными плитами» (Паллас, 1786. С. 451–452).

В специальной литературе опубликовано несколько карт распространения курганных сооружений в лесостепи. К сожалению, почти все они

имеют очень крупный масштаб и являются скорее весьма условной и приблизительной схемой.

Формы и особенности погребальных сооружений в лесостепном Ачинском округе были впервые подробно описаны Д. А. Клеменцем. В Отчете о раскопках 1888 г. (*Клеменц*, 1889. С. 8–19) он не только описал внешние особенности курганов, которые фиксировал, проезжая по маршруту в Ачинском и Минусинском округах, но и представил карту распространения их различных типов в первом из округов (рис. 1). На этой карте Д. А. Клеменцем были четко обозначены зоны расположения трех типов курганов: курганы с насыпью без камней, курганы плоские с камнями и курганы холмовые с камнями. Можно допустить, что второй тип — это курганы подгорновского времени, а третий тип представляет сарагашенские сооружения. Оба эти типа находятся на территории крайних северных отрогов Кузнецкого Алатау в самой южной части Назаровской котловины и в пределах Чулымо-Енисейской котловины Минусинской впадины. Первый тип именно земляных курганов с высокой насыпью распространен уже в северной лесостепной части Назаровской котловины в увалисто-холмистых ландшафтах, где гор, куэст и гряд со скалистыми обрывами уже практически нет. В определении подгорновских курганов Д. А. Клеменц был совершенно прав, так как большинство тагарских надмогильных сооружений всех Минусинских котловин до сарагашенского этапа представляют собой не курганы в точном смысле этого слова, а ограды, превратившиеся в процессе археологизации в «плоские» объекты (*Савинов*, 1998. С. 113).

Вторая, к сожалению, весьма схематичная, карта была опубликована в 1979 г. и включала информацию о широких разведочных работах, проведенных в 1960–1970-х гг. А. И. Мартыновым в лесостепной полосе Южной Сибири от г. Мариинск на западе до г. Красноярск на востоке (*Мартынов*, 1979. С. 4, 152) (рис. 2). Северная граница зоны обследования пролегла возле г. Ачинск, а южная — по северной границе отрогов Кузнецкого Алатау. В процессе работ было выявлено около 200 курганных групп, суммарно содержащих более 1300 земляных курганов. По мнению исследователя, они принадлежали особому скифо-сарматскому очагу — лесостепной тагарской культуре, существенно отличающейся от соседних районов природно-географическими условиями своего распространения. Все эти

памятники занимают лесостепь (рис. 3), по которой постоянно и последовательно расширялась территория распространения тагарцев во все стороны, кроме южной, на протяжении шести веков — с VI по I в. до н. э. (*Там же*).

Два важных обстоятельства заставляют не согласиться с точкой зрения А. И. Мартынова о принципиальных отличиях лесостепных насыпей от хакасско-минусинских, состоящих главным образом в том, что только 10 % земляных курганов имеют ограды и угловые камни (*Там же*. С. 17).

Первое из них состоит в том, что сооружение земляных курганов связано не только со специфическими природно-географическими особенностями лесостепной зоны, но также и с временными изменениями ранее существующей погребальной практики в позднесарагашенскую и тесинскую эпохи на всей территории бытования культуры. Высокие, как правило, сильно задернованные земляные курганы явно позднетагарского времени, без видимых в полах угловых и простеночных высоких или хотя бы крупных камней и тем более редуцированных оградок, фиксируются во всех четырех котловинах. Это может быть объяснено не только трансформациями ритуальных практик, но в равной мере простым оплыванием земляных насыпей курганов. Ситуация в данном случае может быть выяснена только методически безупречными раскопками таких курганов широкой площадью, включающей всю насыпь и межкурганное пространство.

Возможна также и еще одна причина отсутствия видимых камней в насыпи. Их могло переиспользовать более позднее, генетически не связанное с тагарцами население как для сооружения своих каменных конструкций (*Новоженков*, 2016. С. 49), так и с целью расчистки площадей для земледелия. Особенно это касается русских переселенцев. Благо сами ограды к этому времени уже не были столь монументальны, как в раннетагарское время.

Второе обстоятельство до некоторой степени связано с первым. Дело в том, что начиная с конца 1970-х и все 1980-е гг. Сибирской экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) на северной границе отрогов Кузнецкого Алатау в Шарыповском районе Красноярского края были произведены раскопки значительной группы тагарских могильников, как крупных, так и не очень по количеству насыпей. Зона работ занимает существенную по площади южную часть той

Рис. 1. Карта распространения земляных курганов в средней части Ачинского округа (Клеменц, 1889) с дополнениями А. В. Субботина (а — южная граница распространения земляных курганов)

Fig. 1. Map of distribution of earthen barrows throughout the middle of the Achinsk district (Клеменц, 1889) with supplements by A. V. Subbotin (a — southern boundary of the distribution of earthen barrows)

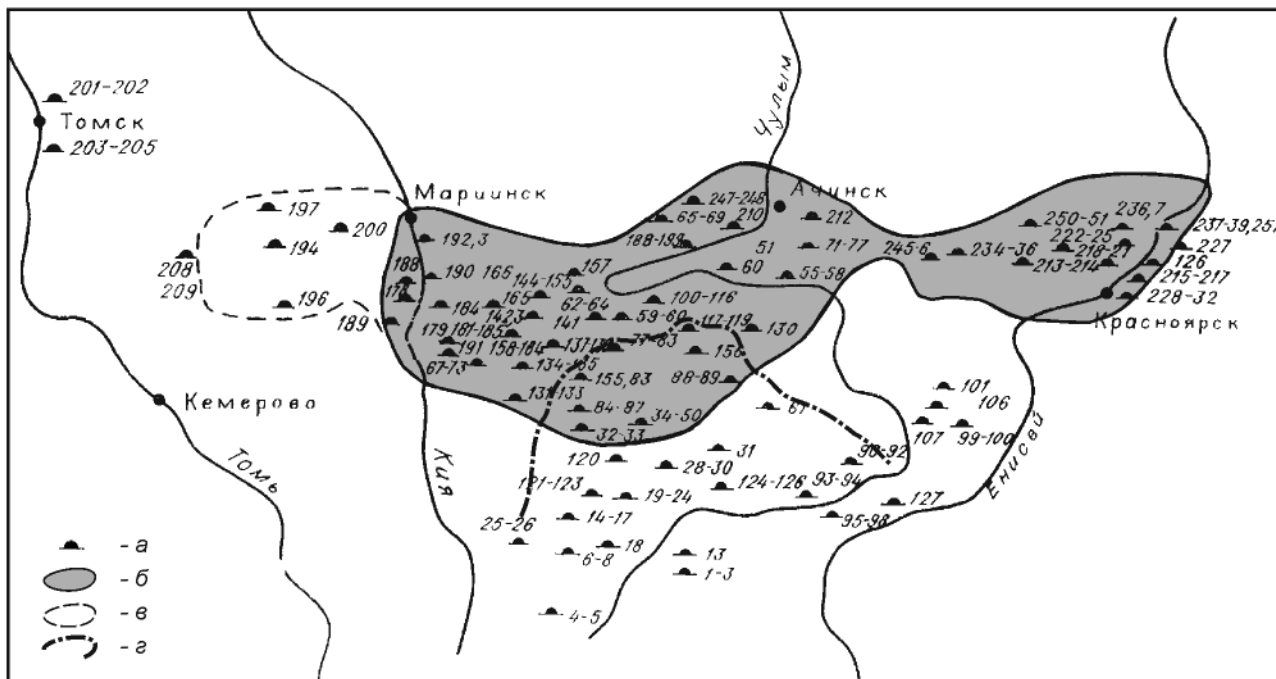

Рис. 2. Карта памятников и случайных находок предметов скифо-сарматского времени на территории лесостепного района (а — курганные могильники; б — граница распространения лесостепной тагарской культуры; в — контактные зоны со значительным количеством памятников лесостепной тагарской культуры; з — территория зоны раскопочных работ Сибирской экспедиции) (Мартынов, 1979. С. 10, рис. 2, с дополнениями А. В. Субботина)

Fig. 2. Map of sites and stray finds of objects of Scytho-Sarmatian time in the forest-steppe region (а — kurgan burial grounds; б — boundary of the distribution of the forest-steppe Tagar culture; в — contact zones with numerous sites of the forest-steppe Tagar culture; з — territory of excavations of the Siberian Expedition) (Мартынов, 1979. С. 10, рис. 2, supplemented by А. V. Subbotin)

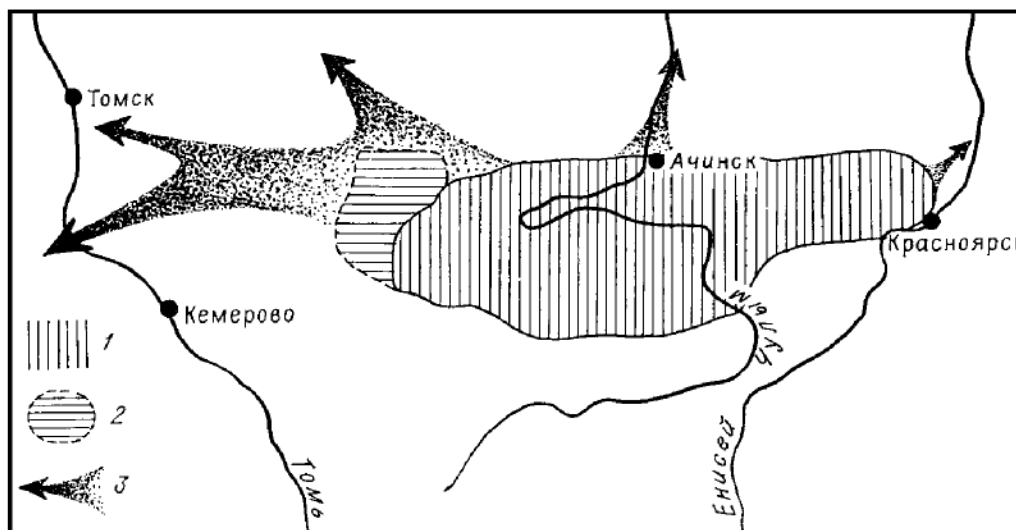

Рис. 3. Расселение племен лесостепной тагарской культуры (1 — основная территория распространения лесостепной тагарской культуры в VI–IV вв. до н. э.; 2 — территории, занятые с III в. до н. э.; 3 — основные направления передвижения лесостепных тагарских племен во II–I вв. до н. э.) (Мартынов, 1979. С. 152, рис. 40)

Fig. 3. Settlement of tribes of the forest-steppe Tagar culture (1 — the main territory of the distribution of the forest-steppe Tagar culture in the 6th–4th cen. BC; 2 — areas occupied from the 3rd cen. BC; 3 — main directions of the migration of forest-steppe Tagar tribes in the 2nd–1st cen. BC) (Мартынов, 1979. С. 152, рис. 40)

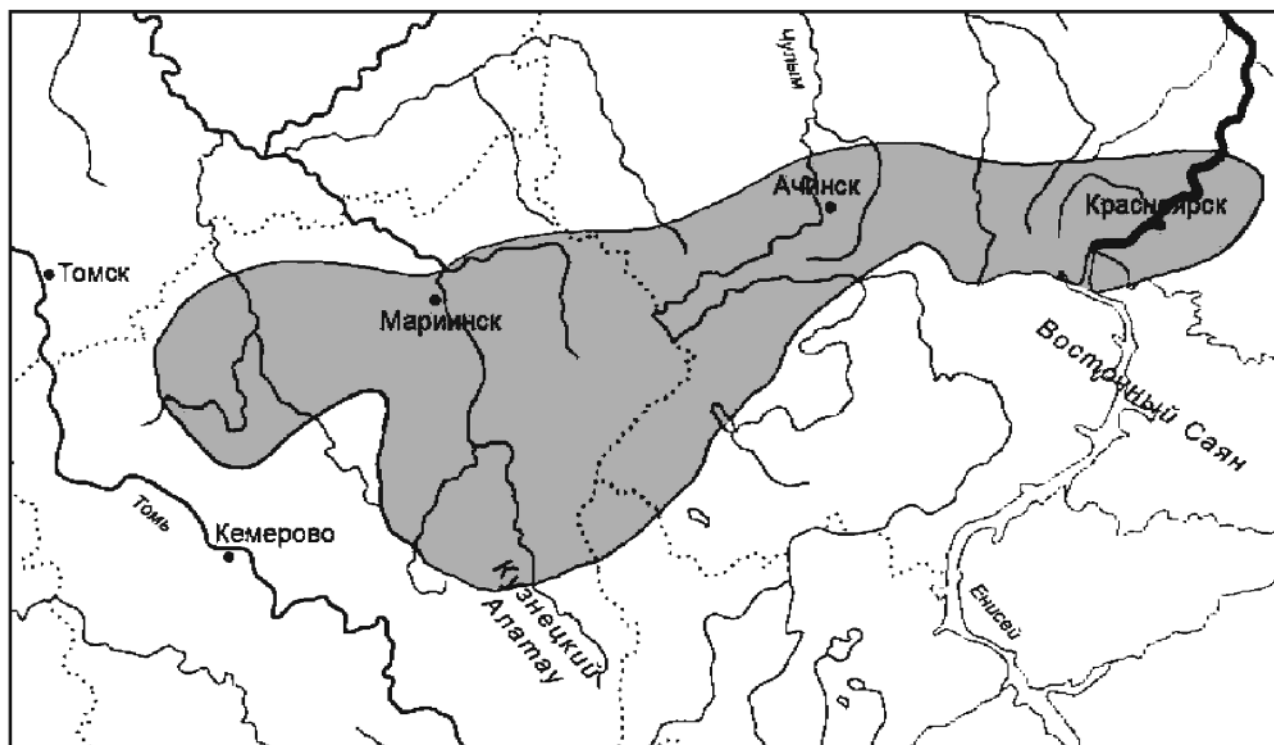

Рис. 4. Территория распространения лесостепного варианта тагарской культуры (Бобров, 2011. С. 11, рис. 1)

Fig. 4. Territory of the distribution of the forest-steppe variant of the Tagar culture (Бобров, 2011. С. 11, рис. 1)

территории, в которой А. И. Мартынов поместил лесостепную тагарскую культуру (рис. 2). Итоги этих масштабных полевых работ пока освещены в литературе в сжатом виде. Однако недавно вышла в свет коллективная монография об исследовании крупного могильника Ашпыл (Вадецкая и др., 2018). В настоящее время готовится полная публикация еще ряда памятников раннетагарского времени (Сопки, Кошколь, Объюл), а в перспективе и самого большого могильника — Березовского.

Совокупно за годы активного функционирования экспедиции было раскопано более 100 разновременных тагарских курганов, подавляющее большинство которых содержали под насыпью и угловые камни, и ограды. Лишь в единичных курганах, относящихся уже к тесинскому времени, были зафиксированы деревоземляные или дерновые ограды и иногда всего лишь по несколько камней в насыпи. В рассматриваемом контексте наличие каменных оград во всех раскопанных Сибирской экспедицией курганах чрезвычайно важно, поскольку ставит под сомнение опорные критерии для определения типологической принадлежности и культурной дефиниции земляных курганов лесостепи.

В главе «Тагарская культура» вышедшего в свет в 1992 г. тома Археологии СССР ее автор не ставила целью показать границы бытования лесостепной тагарской культуры (Членова, 1992. С. 208–209), тем более что она является последовательным сторонником единства тагарской культуры на всей территории ее распространения и исключает существование локального варианта культуры на северо-востоке Кемеровской области. В своей работе она показала лишь незначительную часть памятников лесостепного района — только те, которые были раскопаны А. И. Мартыновым на восточной границе области.

В работе 2011 г. В. В. Бобров приводит карту А. И. Мартынова 1979 г. с теми же границами ареала лесостепных памятников (рис. 4). Исследователь аккуратно обходит остро дискуссионную проблему степени своеобразия культурно-исторических процессов на северной окраине существования тагарской культуры. Он достаточно оправданно выделяет в пределах данной территории несколько относительно изолированных районов, отличающихся спецификой погребальной практики: Мариинскую лесостепь, Назаровскую и Чулымо-Енисейскую котловины,

Красноярскую лесостепь (Бобров, 2011. С. 11, рис. 1). В. В. Бобров резонно отметил условность понятия «земляной курган» и предложил различать на всей этой территории три типа курганов: а) курганы, сооруженные из грунта (дерна); б) курганы под земляным сооружением, содержащие только каменную оградку; в) курганы с оградой, угловыми и промежуточными вертикально установленными камнями. Не определяя ни территориальных, ни временных границ распространения каждого типа, он приходит к выводу, что «для западной окраины ареала тагарской культуры (Мариинская лесостепь) характерны курганы первого типа. В Назаровской котловине и Красноярской лесостепи получили распространение курганы второго типа. В восточных районах Назаровской котловины известны курганы с угловыми камнями» (Бобров, 2011. С. 20).

Д. Г. Савинов, публикуя карту (рис. 5), не ставил перед собой задачу показать топографически точные границы расселения тагарского населения в степи и лесостепи Южной Сибири (Савинов, 2012. С. 43–44). Он методически корректно представил карту в виде схемы территориальных образований и распространения тагарских древностей, графически показав свое видение динамики развития и модификации тагарской культурной традиции. Временной вектор хронологической цепочки из шести звеньев маркирован им римскими цифрами, а географическая привязка территориальных образований — лишь схематичными зонами, выделенными кругами, овалами и стрелками.

Последним по времени, кто в своих публикациях поднимал вопрос границ распространения различных ритуалов тагарской архитектурной погребальной практики, был А. Г. Акулов (Акулов, 2018). Он пришел к выводу, что по характеру, различным деталям оград, высоте, количеству, композиции угловых и простеночных камней можно выделить пять регионов Минусинских котловин с различными архитектурными традициями. Эти традиции были свойственны тому или иному тагарскому социуму (клану, по терминологии автора), занимающему определенную территорию, долину, котловину. Границы этих регионов автором обозначены штрихпунктирными линиями (Там же. С. 151), которые не замыкаются в какие-то кластеры, что на самом деле логично, поскольку данные образования представляют собой лишь ареалы распространения той или иной

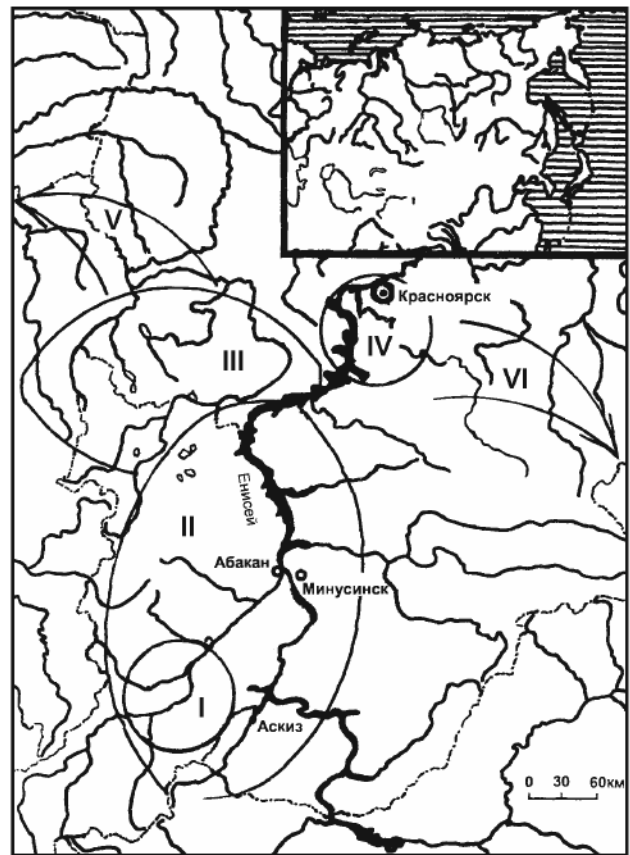

Рис. 5. Схема расположения территориальных образований и распространения тагарских древностей:

I — Асказская группа памятников; II — степная тагарская культура; III — лесостепная тагарская культура; IV — красноярский вариант тагарской культуры; V — северо-западное распространение тагарских древностей (Томское Приобье); VI — восточное распространение тагарских древностей (ангаро-енисейская провинция) (Савинов, 2012. С. 43, рис. 5)

Fig. 5. Scheme of the disposition of territorial formations and distribution of Tagar antiquities: I — Askaz group of sites; II — steppe Tagar culture; III — forest-steppe Tagar culture; IV — Krasnoyarsk variant of the Tagar culture; V — north-western distribution of Tagar antiquities (Tomsk Ob region); VI — eastern distribution of Tagar antiquities (Angara-Yenisey province) (Савинов, 2012. С. 43, рис. 5)

архитектурной традиции. Лесостепной региональный вариант мемориальной архитектуры на карте ограничен с юга чертой, отделяющей его от северного, классического, варианта (рис. 6). Последний включал в себя памятники, состоящие из монументальных раннетагарских могильников в последних отрогах Кузнецкого Алатау в районах Божьих озер, Верхнего Причулымья и северного

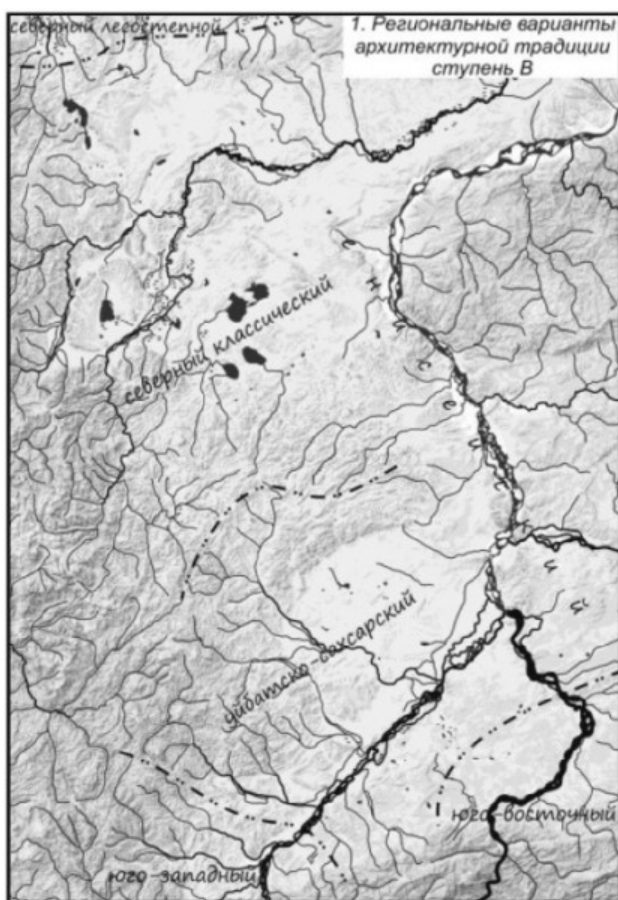

Рис. 6. Региональные варианты тагарской архитектурной традиции (Акулов, 2018. С. 151, рис. 1, 1)

Fig. 6. Regional variants of the Tagar architectural tradition (Акулов, 2018. С. 151, рис. 1, 1)

подножья Солгона. К северу от них, на периферии, как констатирует автор (Там же. С. 153), находится уже «неархитектурный» вариант курганов, отличающийся сильно редуцированными каменными конструкциями, относительной гомогенностью и высокими насыпями. Такие курганы есть и в Минусинских котловинах, но больше их на севере и, по предположению А. Г. Акулова, они принадлежат рядовому населению, хотя встречаются и крупные престижные курганы (Там же. С. 158).

Представленный анализ различных взглядов специалистов на трансформацию тагарской культуры показал, что они базируются на особенностях и деталях тагарского этно- и культурогенеза в той части, которая приводила к последовательному расширению границ культуры на различных этапах ее существования, и дают вполне убедительное и в целом непротиворечивое пред-

ставление об этом процессе. Освоение новых территорий объяснялось рядом причин, среди которых следует назвать как кризис перенаселения, так и зарождение и формирование классового общества и миграционные подвижки населения Южной Сибири во второй половине I тыс. до н. э. Последняя составляющая зачастую рассматривалась наряду с другими как равнозначный фактор трансформации тагарской археологической общности. Динамика изменений фиксируется главным образом в формах погребального ритуала, в составе и морфологии сопроводительного инвентаря. Преэминентность тагарских традиций при этом не подвергалась сомнению, поскольку в ряде антропологических исследований (Козинцев, 1977. С. 67) разница между ранними и поздними группами тагарских черепов не прослеживалась — это свидетельствует о том, что тагарцы как в подгорновское, так и в сарагашенское время представляли один этнос.

Однако не так давно были приведены новые данные по результатам исследования большой краниологической серии из 25 тагарских могильников, которые убедительно показывают существенные различия между населением подгорновского и сарагашенского этапов (Учанева и др., 2017). Если это так, то полное исчезновение носителей конкретных погребальных традиций, проникновение в среду конкретной археологической культуры носителей пришлой археологической культуры (Алёшкин, 2016. С. 174–175) существенно меняют подход исследователей к определению причин и сценария изменений, имевших место в процессе существования в Минусинских котловинах тагарской археологической общности.

В этой связи определение территориальных рубежей бытования культуры на всех этапах ее развития в степной и лесостепной зонах Среднего Енисея становится особенно актуальной задачей.

Поскольку на непреодолимые восточные, южные и западные горные границы четырех Минусинских котловин указывалось ранее, далее речь пойдет лишь о Назаровской котловине, которая связывает изолированные котловины Среднего Енисея с лесостепными просторами Западной Сибири. Выше упоминалось, что в ландшафте котловины имеются как низкогорно-куэстовые рельефы с межгорными долинами на юге, в местах, богатых выходами камня, так и холмисто-увалистые просторы на севере. Именно здесь

начиная с середины I тыс. до н. э. зарождались и отсюда направлялись миграционные потоки, влияния которых отразились в материалах многих культур скифо-сарматского времени данного региона.

Назаровская котловина в археологическом отношении изучена крайне неравномерно. Административно территория котловины разделена между тремя районами Красноярского края: Шарыповским, Назаровским и Ужурским. Археологическая изученность каждого из них представляет собой своего рода шкалу, на которой максимальные показатели отражают ситуацию в Шарыповском районе, а минимальные — в Назаровском, хотя их объединяет общая история археологических исследований. С 1960-х гг. в течение многих лет преимущественно в Шарыповском районе работали специалисты Кемеровского педагогического института. Ими были проведены первые значительные разведки и раскопки. В 1970–1980-е гг. в связи с началом проектирования Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса масштабные раскопки и разведки проводили ученые Ленинграда и Кемерово. Итогом тотальных разведок района и паспортизации памятников в течение ряда лет вплоть до 1990-х гг. явилась первичная учетная документация на более чем 300 памятников, большую часть которых составляли вновь выявленные (Красниенко, Субботин, 1997. С. 113). На территории Назаровского района археологами Красноярского и Кемеровского педагогических институтов были зафиксированы разведками около 20 памятников (Мартынов, 1973. С. 3–89), из которых впоследствии поставлено на учет всего 11 объектов. В Ужурском районе проведены немногочисленные раскопки, но зато учтены практически все курганные могильники и одиночные курганы. База данных составляет более 230 комплектов первичной учетной документации (Красниенко, Субботин, 2013. С. 191).

На карте Назаровской котловины, скомпонованной из археологических карт этих трех районов, точками красного цвета показано расположение около 550 археологических объектов, большинство из которых (свыше 400) представлено разновременными тагарскими курганными могильниками и одиночными курганами (рис. 7). Очевидно, что эти археологические объекты численно преобладают в южной части котловины — в пределах крайних северных отрогов Кузнецкого Алатау и Восточного Саяна. Они расположены вплотную

друг к другу на открытых пространствах пологих склонов межгорных речных и озерных долин. Расстояние между курганными группами зачастую не превышает 200–300 м. По внешним признакам к подгорновскому времени относится не более 10 % из этих могильников. Остальные курганные группы, судя по их внешнему виду и характерным деталям, в подавляющем большинстве датируются сарагашенским временем. Встречаются также, но уже главным образом в северной холмисто-увалистой части котловины, и большие земляные курганы без видимых в полах насыпей угловых камней. Эти курганы преимущественно стоят поодиночке, могильников встречены единицы.

Все это позволяет думать, что заселение тагарцами Назаровской котловины и начало расширения границ культуры в северную сторону происходили в три этапа. По мнению всех специалистов, первоначальное освоение данной территории началось не ранее VI в. до н. э., то есть в позднеподгорновское время. Так как практически все подгорновские кладбища располагаются очень близко к каменистым обнажениям крутых склонов гряд и куэст, можно полагать, что соблюдение традиций возведения традиционных для подгорновцев массивных каменных конструкций над местом захоронения для раннетагарского социума являлось вопросом достаточно принципиальным, и они не могли выйти далеко за пределы удобных местонахождений песчаниковых обнажений.

Количество раскопанных памятников этого времени здесь пока невелико. К этому этапу, преимущественно по количеству погребенных и метрическим данным курганов, специалисты относят погребения могильников Большое Пичугино (Мартынов, 1967), Изыкчуль (Членова, 1964), три кургана могильника Ужур (Красниенко, Субботин, 2013. С. 25–26, 126–134), частично раскопанные могильники Объюл III, Орак и Орак III (Вадецкая, 1986. С. 102, 106). Большинство курганов содержат под насыпью каменные ограды и угловые камни⁴. Примечательно, что все эти

⁴ Лишь в могильнике у с. Большое Пичугино ограда не зафиксирована, что, возможно, объясняется местоположением памятника среди построек и на улицах села. Камни из насыпей могли быть просто вывернуты русскими жителями для удобства коммуникации и сельскохозяйственных работ, а также для вторичного использования в строительстве.

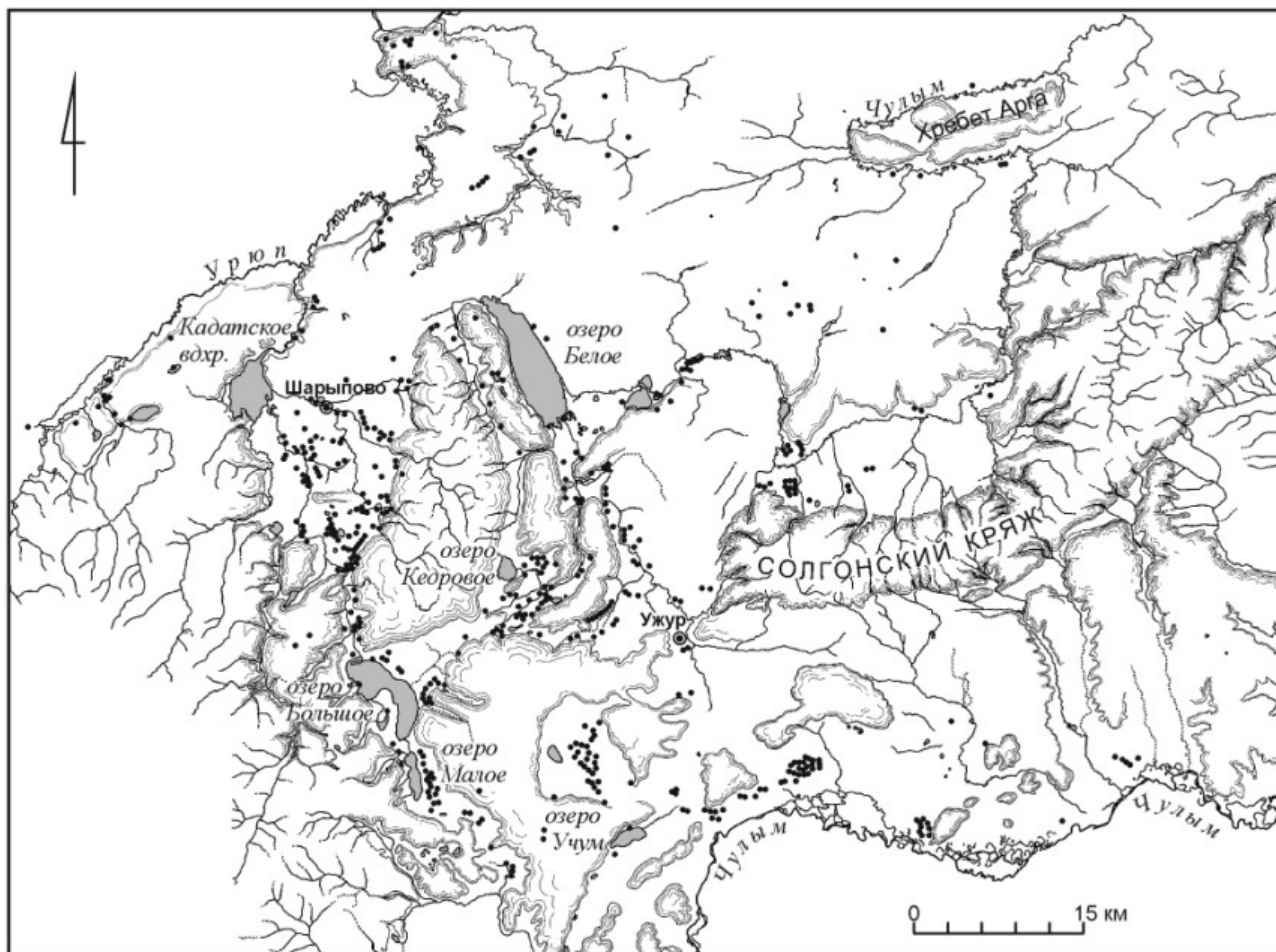

Рис. 7. Курганные могильники Назаровской котловины
 Fig. 7. Kurgan burial grounds of the Nazarovo Depression

памятники находятся на одной линии протяженностью около 90 км, проходящей по крайним северным отрогам горных систем Кузнецкого Алатау и Восточного Саяна⁵.

Вторым этапом освоения данной территории, начиная с раннесарагашенского времени, явилось резкое, почти на порядок, увеличение количества курганных могильников, которые со временем занимают все более или менее пологие террасы речных и озерных долин. Особенностью их надкур-

ганной архитектуры можно назвать уменьшение размеров и высоты угловых, а также простеночных камней. Сами ограды составлены из более мелких песчаных плиток и часто уже не видны под полами насыпей. Нередко курганы имеют вытянутые очертания, что свидетельствует о возведении дополнительных пристроек, в результате чего под одной насыпью располагается не одна, а две-три, иногда и больше могил.

Очевидно, что столь значительное увеличение тагарского населения в сарагашенское время было обусловлено не только увеличением миграционных потоков из трех перенаселенных южных котловин, о чем шла речь выше, но также и встречным движением с запада (Бобров, 1978), откуда в Назаровскую котловину и, безусловно, южнее массово вливались мигранты иного, чем подгорновские племена, антропологического типа (Учанева и др., 2017. С. 84).

⁵ В настоящее время готовится издание материалов раскопок в Шарыповском районе — несколько десятков погребений двух раннетагарских могильников Сопки и Кошколь, исследованных в конце 1980-х гг. Сибирской экспедицией, которые строго вписываются в эту линию. Введение в научный оборот данных материалов существенно обогатит источниковую базу для решения вопросов тагарского культурогенеза на северных границах бытования культуры.

Переселенцы с запада, смешиваясь с тагарцами, несомненно, повлияли на трансформацию тагарских погребальных традиций, однако на раннесарагашенском этапе обычай сооружать каменные ограды, пусть в редуцированном виде, сохранялся. Но плотность населения была столь велика, что строители курганов уже не могли не выйти за пределы межгорных долин. Тагарское население решало эту проблему двумя путями. С одной стороны, могильники начали располагать на большем, по сравнению с подгорновским временем, расстоянии — до 3–5 км — от крайних северных гряд и куэст, а также заготавливать более мелкие камни, размеры которых позволяли перемещать их на приемлемое расстояние с меньшими трудозатратами. С другой стороны, для возведения каменных оград использовали немонолитные песчаниковые обнажения береговых обрывов рек, состоящие, как правило, из сильнотрещиноватого и неглубоко залегающего слоя осадочной породы. Таких мест в Назаровской котловине немало, и как раз многие из них оказались занятыми сарагашенскими могильниками⁶. Эти меры позволили какое-то время соблюдать традиционный погребальный ритуал и значительно расширить зону жизненно необходимых тагарцам новых территорий.

Третий этап освоения котловины приходится на позднесарагашенский, или лепешкинский (*Савинов*, 2011. С. 208–217), и тесинский этапы существования тагарской археологической общности. Именно в это время во всей Назаровской котловине, а за ее пределами на всей территории Томско-Енисейской лесостепи, начинают возводиться большие земляные курганы. Они известны больше как одиночные крупные насыпи, но нередко встречаются рядом с курганными группами или непосредственно в составе сарагашенских курганных могильников. В лесостепной, холмисто-увалистой части котловины и далее на север, восток и запад иных, то есть более ранних, курганов нет. Раскопки

самых поздних курганов показали, что в это время продолжает усложняться внутримогильная деревянная архитектура, почти полностью, особенно на тесинском этапе, деградирует обычай строительства каменных оград и установки угловых камней, продолжает увеличиваться количество погребенных в одной могиле индивидов, меняются другие составляющие обряда.

По сравнению с количеством курганов в почти 400 сарагашенских могильниках Назаровской котловины число выявленных здесь крупных земляных насыпей примерно на порядок меньше. Однако это вряд ли говорит о сокращении тагарского населения в постсарагашенскую эпоху, поскольку в погребениях этих курганов захоронены до нескольких десятков и более человек в одной могиле, или точнее — склепе.

Картографирование более чем 400 тагарских могильников, содержащих почти 3000 курганов, выявленных в результате широких разведочных работ в Шарыповском и Ужурском районах, помимо возможности установить этапы освоения тагарским населением Назаровской котловины позволило обозначить еще одну проблему. Это вопрос расселения тагарского социума, границ территорий, осваиваемых отдельными коллективами: группой племен, племенем, родом, общиной. Применительно к тагарской культуре этот вопрос, основываясь на данных археологических разведок в лесостепном регионе 1960–1970-х гг., впервые затронул А. И. Мартынов. Исходя из топографических особенностей расположения курганных могильников в относительно изолированных друг от друга рельефно ограниченных долинах, он высказал в целом интересную идею бытования в каждой из них родственных племенных групп. С его точки зрения, каждое из таких объединений оставило по 6–7 отстоящих друг от друга на 12–18 км могильников, принадлежавших к одному племенному объединению тагарцев (*Мартынов*, 1979. С. 149–150). Учитывая то, что в лесостепной зоне Ачинско-Мариинского района разведками выявлены практически все курганные могильники, А. И. Мартынов насчитал четыре таких племенных объединения: кийское, сертинско-тисульское, урюпское и шарыповское. Безусловно, его идея перспективна, и научное решение этой проблемы может и должно быть реализовано на уровне отдельных могильников или, как предположил В. И. Матющенко, микрорайонов, то есть локальных групп типологически близких

⁶ Полностью раскопанные Сибирской экспедицией сарагашенские могильники Ашпыл, Березовский, Кадат располагались на краях высоких надпойменных террас рек Кадат и Береш. В могильнике Ашпыл раскопано 30 курганов, содержащих 74 могилы, в которых суммарно было захоронено более 500 человек. В могильнике Березовский исследовано 29 курганов с 43 могилами. Количество погребенных — около 950 человек. В могильнике Кадат вскрыто всего четыре кургана, семь могил, в которых находилось около 250 захороненных.

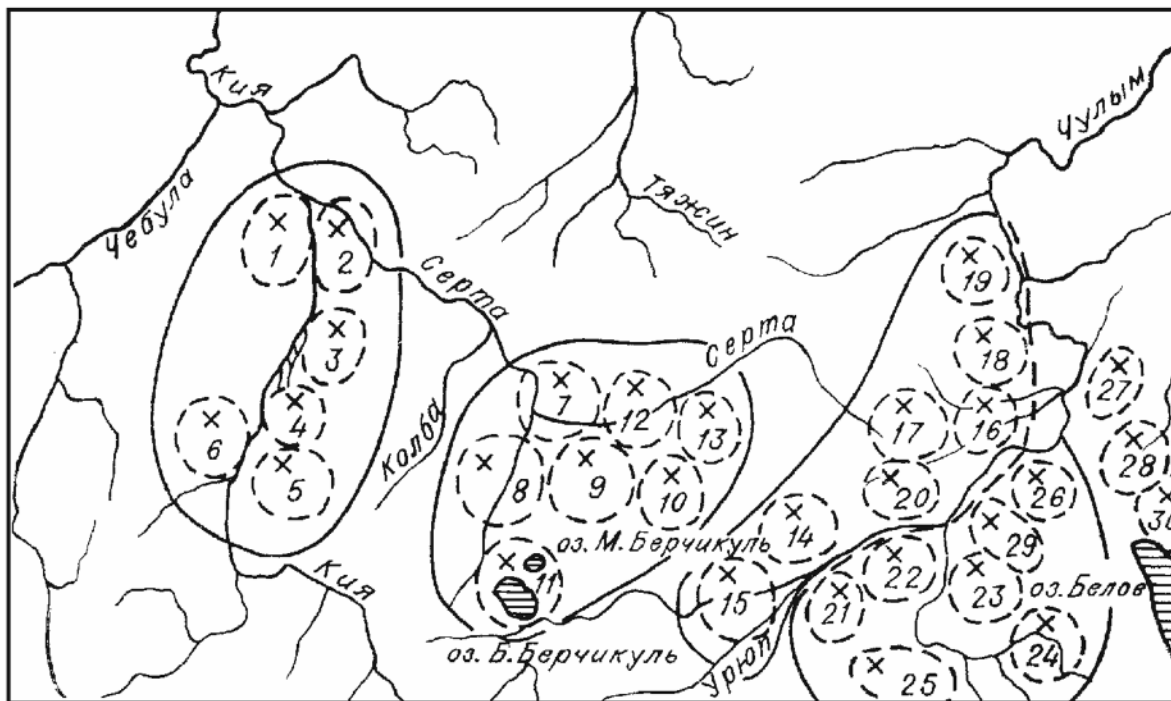

Рис. 8. Карта размещения отдельных родовых групп тагарского лесостепного населения (Мартынов, 1979. С. 150, рис. 39)
 Fig. 8. Map of the distribution of particular clan groups of the Tagar forest-steppe population (Мартынов, 1979. С. 150, рис. 39)

могильников (Матющенко, 1997). Однако очерченные А. И. Мартыновым на основе разведок и раскопок небольшого количества памятников границы расселения отдельных тагарских сообществ оказались весьма условными. Выделенная по итогам разведки в крайней восточной части региона шарыповская племенная группа (рис. 8) состояла всего из семи тагарских коллективов, оставивших по могильнику. В действительности на этой территории, занимающей значительную часть Шарыповского района, сосредоточена не одна сотня могильников, насчитывающих суммарно не одну тысячу курганов, поэтому возле каждого указанного на карте А. И. Мартынова населенного пункта находится не один, а порой до десяти и более курганных могильников.

На полной археологической карте Назаровской котловины (рис. 7) на топографически изолированных территориях речных и озерных долин, ограниченных естественными природными границами в виде гор, холмов и протяженных, но явственно выделяющихся увалов, действительно отчетливо фиксируется несколько мест концентрации тагарских курганных некрополей. Сам этот факт подтверждает гипотезу о системе расселения тагарского населения по удобным

для ведения хозяйственной деятельности участкам. Однако в реальности видно, что количество могильников в каждой такой зоне существенно больше, чем следует из подсчетов А. И. Мартынова, и в каждой долине насчитывается не один, а минимум десяток и более курганных могильников. Учитывая приведенные выше подсчеты количества захороненных лишь в трех полностью раскопанных в том же районе могильниках (см. сноску 4), можно утверждать, что количество тагарского населения той или иной долины могло значительно превышать в какой-то промежуток времени (в первую очередь, в сарагашенское) возможности биологической продуктивности конкретного ландшафта. Данное обстоятельство не отвергает идею анализа расселения тагарцев и определения границ отдельных родовых коллективов, племен и племенных объединений по имеющимся в нашем распоряжении данным, но заставляет искать иные пути приемлемого решения и научного объяснения одного из важных составляющих факторов динамики тагарской археологической общности. Эти задачи выходят за рамки настоящей работы и формируют вопросы, которые предстоит выяснить в процессе будущих исследований.

- Акулов, 2018 — Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. 47). С. 149–163.
- Акулов, Паульс, 2010 — Акулов А. Г., Паульс Е. Д. Тагарская курганная архитектура и отражение в ней процессов социального развития 2010 // [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://elteber.narod.ru/index/0-3> (дата обращения: 15.06.2020).
- Алёшкин, 2016 — Алёшкин В. А. Информативные возможности археологических погребальных памятников // АВ. 2016. Вып. 22. С. 174–186.
- Бобров, 1978 — Бобров В. В. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири: Материалы семинара / Ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 33–42.
- Бобров, 2011 — Бобров В. В. Тагарская культура в северной лесостепи // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симпозиума «Terra Scythica» (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / Отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 11–22.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 178 с.
- Вадецкая и др., 2018 — Вадецкая Э. Б., Субботин А. В., Красниенко С. В. Ашпыл — некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 296 с.
- Грязнов, 1968 — Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. / Глав. ред. А. П. Окладников и В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 187–196.
- Задэ, 2015 — Задэ Л. А. Нечеткие множества // Нечеткие системы и мягкие вычисления. Тверь: Тверской ГУ, 2015. Т. 10, № 1. С. 7–22.
- Илюшин, Ковалевский, 1999 — Илюшин А. М., Ковалевский С. А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. С. 60–64.
- Киселев, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Клейн, 1974 — Клейн Л. С. Генераторы народов // Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. С. 126–134.
- Клеменц, 1889 — Клеменц Д. А. Глава из отчета о раскопках на р. Чулым Ачинского округа около с. Назаровского // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 23. 1889.
- Козинцев, 1977 — Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.
- Колтаков, 2013 — Колтаков Е. М. Классификация в археологии. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 248 с.
- Красниенко, Субботин, 1997 — Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 109 с.
- Красниенко, Субботин, 2013 — Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 192 с.
- Кузнецов, 1949 — Кузнецов К. А. Почвы юго-восточной части Западно-Сибирской равнины. Томск: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1949. 214 с.
- Мартынов, 1961 — Мартынов А. И. О культуре II–I тыс. до н. э. в междуречье Оби и Чулыма // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Изд-во Сиб. отделения АН СССР, 1961. С. 293–299.
- Мартынов, 1967 — Мартынов А. И. К вопросу о происхождении тагарской культуры // ИЛАИКемГПИ. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. Вып. 1. С. 15–38.
- Мартынов, 1973 — Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // ИЛАИ. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1973. Вып. 6. С. 3–89.
- Мартынов, 1979 — Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 206 с.
- Матющенко, 1997 — Матющенко В. И. Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны в Западной Сибири / Отв. ред. С. С. Тихонов. Омск: ОмГУ, 1997. С. 29–43.
- Мистрюков, 1991 — Мистрюков А. А. Геоморфологическое районирование Назаровско-Минусинской межгорной впадины. Новосибирск: ОИГГМ, 1991. 130 с.

- Новоженев, 2016 — Новоженев В. А. Разграбление могил как коммуникативное послание «своей-чужой» // Древние некрополи и поселения: погребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2016 (Тр. ИИМК РАН; Т. 46). С. 41–50.
- Паллас, 1786 — Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Имп. Академия наук, 1786. Ч. II, кн. II. 571 с.
- Поляков, 2020 — Поляков А. В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла минусинских котловин: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2020. 53 с.
- Савинов, 1998 — Савинов Д. Г. Д. А. Клеменц и минусинская археология // Пигмалион музейного дела в России: К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца / Ред. И. В. Дубов. СПб.: Лань, 1998. С. 111–119.
- Савинов, 2011 — Савинов Д. Г. Проблемы хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симпозиума «Terra Scythica» (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / Отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 208–217.
- Савинов, 2012 — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСИС, 2012. 180 с.
- Субботин, 1995 — Субботин А. В. Предварительный анализ периодизаций тагарской культуры // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995 (Археологические изыскания; Вып. 24). С. 136–142.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Учанева и др., 2017 — Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Громов А. В., Лазаретова Н. И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Тюменский науч. центр СО РАН, 2017. № 1 (36). С. 78–87.
- Членова, 1964 — Членова Н. Л. Тагарский курган на р. Изыкчуль // КСИА. 1964. Вып. 102: Племена лесной и лесостепной полосы Евразии в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. С. 119–126.
- Членова, 1992 — Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 206–224.
- Klejn, 1982 — Klejn L. S. Archaeological typology. Oxford, 1982 (BAR. International series; No. 153). 322 p. + Errata and corrigenda in a separate pamphlet, 8 p.

On the problem of the boundaries of the distribution of Tagar sites in the Minusinsk Depressions

A. V. Subbotin

This paper presents analysis of different views on the transformation of the Tagar culture within the region of the Minusinsk depressions. These hypotheses are based on the features and details of the Tagar ethno- and cultural genesis in the aspects which led to a consecutive expansion of the boundaries of this culture at all the stages of its existence. Also a convincing notion about this process is presented. The occupation of new territories was explained by such causes as the crisis of overpopulation as well as the origination and establishment of the class society and migrations of the population of Southern Siberia in the second half of the 1st millennium BC. The latter component often was considered as a factor of equal importance with the other ones for the transformation of the Tagar archaeological unity. The dynamics of the transformations is determined mostly on the basis of the forms of the burial rites and through the composition and morphology of the accompanying grave goods. The continuity of the Tagar traditions has been undoubted because no anthropological difference was traced between the early and late series of Tagar crania. Therefore it was accepted that a single ethnos existed in the Podgornovo and Saragash periods.

However new data that resulted from investigations of a large craniological series from a number of burial grounds demonstrate essential differences between the populations of the Podgornovo and Saragash stages.

In these terms, the definition of the boundaries of the existence of the culture at all the stages of its development in the steppe and forest-steppe zones on the Middle Yenisey has become a very urgent task. Especially obviously this fact is demonstrated by the northernmost Nazarovo Depression where over 400 Tagar cemeteries are known.

Occupation of this depression by the Tagarians and the beginning of the expansion of the culture northwards took place through three phases. Settlement in this area began not earlier than the 6th century BC, i. e. still in the late Podgornovo period. The increase of the Tagar population was occurring exponentially — the number of the Saragash mounds is absolutely prevailing here at the second stage. The third stage is represented by a rather small number of the kurgans, but their occasional excavations revealed graves containing collective interments (up to 100 and more buried). The concluding section of the paper considers the problem of settlement of Tagar sociums (clans, tribes, groups of tribes) throughout territories limited by the landscape and areas of the depression convenient for economic activities.

Очерк экономики архаического Мирмекия

А. М. Бутягин, А. К. Каспаров^{1,2}

Аннотация. В статье собраны все имеющиеся данные по экономике античного поселения Мирмекий в период архаики. Сельское хозяйство в это время отличается ориентацией на выращивание голозерной пшеницы и ячменя, а также бобовых, а в стаде мелкий рогатый скот несколько преобладает над крупным рогатым скотом. В целом такая ситуация характерна и для других греческих поселений Боспора. Небольшое производство обслуживало только нужды самого поселения.

Annotation. The article contains all the available data on the economy of the ancient settlement of Myrmekion during the Archaic time. Agriculture at this time is distinguished by an orientation toward the cultivation of common wheat and barley, as well as legumes, and in the herd, small cattle predominates somewhat over cow. In general, this situation is also characteristic of other Greek settlements of the Bosphorus. Small production served only the needs of the settlement itself.

Ключевые слова: Мирмекий, экономика, сельское хозяйство, производство.

Keywords: Myrmekion, economics, agriculture, production.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-72-81

Хотя археологические исследования северного побережья Чёрного моря продолжают в течение многих лет, первое столетие существования греческих колоний в этом регионе все еще остается недостаточно изученным. Особый интерес вызывает экономика ранних поселений, изучение которой может помочь прояснить причины появления греков на северном берегу Чёрного моря, а также характер взаимоотношений между колонистами, их метрополией и местным населением.

Несмотря на то что при изучении греческих колоний Северного Причерноморья исследователи XX–XXI вв. всегда обращали внимание на экономический аспект колонизации и дальнейшего развития греческих городов, до сих пор не

появилось всеобъемлющего исследования, посвященного экономике античного Северного Причерноморья для всего периода или даже какой-то его части³. Обычно экономические вопросы затрагивались в общих работах, посвященных всему региону или некоторым его областям. Не исключением является и район пролива Боспора Киммерийского⁴, вокруг которого впоследствии образовалось Боспорское царство.

В целом основные направления развития экономики Боспора были обозначены в статье академика С. А. Жебелева (Жебелев, 1953. С. 116–185). Основное внимание он уделил эпохе классики, в первую очередь интересуясь хлебной торговлей с Афинами. В книге В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» специальный раздел «Сельское хозяйство, промышленность и художественные ремесла» был фактически посвящен экономике

¹ Бутягин А. М. — Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: butyagin@gmail.com. Каспаров А. К. — Лаборатория археологических технологий, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: alexkas@yahoo.com.

² Каспаровым А. К. исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0009.

³ При имеющемся количестве источников это тем более удивительно, что относительно недавно вышла обобщающая книга по экономике Степной Скифии (Гаврилюк, 1999).

⁴ Обычно этот регион именуется просто Боспором.

(Гайдукевич, 1949. С. 94–153; *Gajdukevich*, 1971. С. 111–169). Здесь также основное внимание уделялось хлебной торговле, виноделию и ремеслу классического и эллинистического периодов. Именно проблемы земледелия и сельского хозяйства вызвали особый интерес исследователей, в связи с чем сельскому хозяйству было посвящены специальные работы В. Д. Блаватского и И. Т. Кругликовой (*Блаватский*, 1953; *Кругликова*, 1975). Впрочем, в первой из них архаическому периоду было уделено совсем небольшое внимание, а И. Т. Кругликова сосредоточилась на изучении сельских поселений и их организации, в результате чего в тени остались поселения городского типа, в условиях «полисной» экономики также активно вовлеченные в сельскохозяйственную деятельность. В результате цельное восприятие даже этого аспекта экономической активности отсутствует.

Попытка представить единую картину развития боспорской экономики была относительно недавно предпринята в книге В. М. Зубаря и В. Н. Зинько «Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории» (*Зинько, Зубарь*, 2006). При ее подготовке были использованы многие новые археологические материалы и результаты недавних исследований. Архаический период здесь рассмотрен в общем виде, причем ему посвящено менее десятой части текста, где значительное место уделено, как кажется, второстепенному вопросу формы жилища в архаике, а также раннему этапу развития хоры. Такое положение вполне нормально в рамках формы «очерков», тем более что и сами авторы считают, что только поставили многие вопросы истории и экономики Боспора, подчеркивая необходимость широких исторических обобщений (*Там же*. С. 250).

Таким образом, на настоящий момент экономика архаического Боспора известна нам только в общих чертах, и реконструкция ее как целостного явления — дело будущего. Такую работу можно проделать только на основе скрупулезного изучения материалов каждого памятника, на котором изучены архаические слои. К сожалению, таковые на многих поселениях уничтожены или труднодостижимы.

В Мирмекии, однако, удалось исследовать архаический слой на относительно большой площади, что дало материалы для изучения различных аспектов жизни колонистов (*Завойкин*, 2007. С. 17). Напомним, что городище Мирмекий

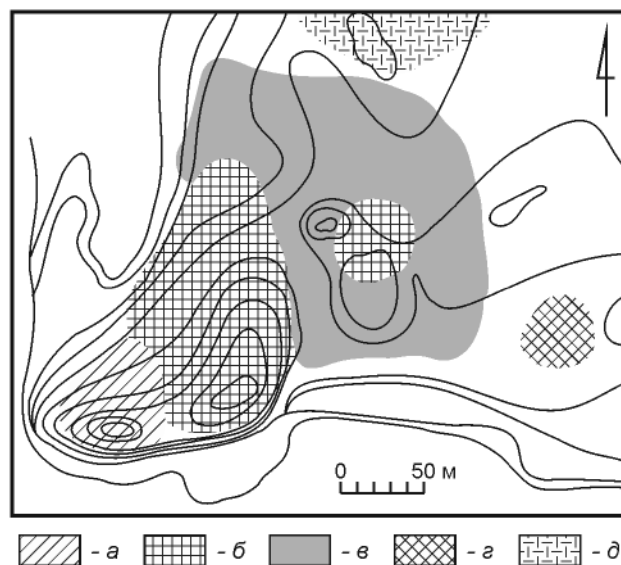

Рис. 1. Развитие Мирмекии в эпоху архаики (а — первая половина VI в. до н. э.; б — вторая половина VI в. до н. э.; в — первая треть V в. до н. э.; г — некрополь второй половины VI в. до н. э.; д — некрополь первой трети V в. до н. э.)

Fig. 1. Development of Myrmekion in the Archaic epoch (а — first half of the 6th cen. BC; б — second half of the 6th cen. BC; в — first third of the 5th cen. BC; г — necropolis of the second half of the 6th cen. BC; д — necropolis of the first third of the 5th cen. BC)

расположено на северном побережье Керченской бухты на территории, прилежащей к Карантинному мысу. В этой небольшой работе мы постараемся обобщить все имеющиеся данные об экономической жизни этого поселения на раннем этапе его развития. Прежде чем перейти к изложению материалов, кратко рассмотрим основные этапы развития Мирмекии в период архаики (рис. 1).

Этот период существования поселения ограничен, с одной стороны, его основанием в конце первой четверти VI в. до н. э., а с другой — полным разрушением во второй четверти V в. до н. э. Внутри этих временных рамок мы можем выделить три этапа, в ходе каждого из которых произошли существенные изменения как в функционировании поселения, так и в характере его застройки.

Время непосредственно после основания колонии в настоящий момент изучено наиболее слабо. Дата основания Мирмекии была уточнена в ходе раскопок Ю. А. Виноградова, когда в 1992 г. была обнаружена группа ям с ранними материалами (*Vinogradov*, 1999. P. 285–290; *Vinogradov et al.*,

2003. Р. 805–806; *Butyagin*, 2001; 2007. Р. 21). Это открытие позволило датировать основание поселения рубежом первой–второй четвертей VI в. до н. э. Такая датировка была подтверждена не очень многочисленными, но постоянно прибавляющимися находками, которые свидетельствуют о том, что поселение начало развиваться ближе к концу первой четверти VI в. до н. э. К сожалению, до настоящего времени никаких строительных конструкций, относящихся к этому этапу, не было обнаружено, за исключением нескольких небольших ям. Кроме того, за это время был сформирован культурный слой толщиной около 0,5 м. Таким образом, условия жизни на поселении в самое раннее время его существования остаются неясными⁵.

Примерно в середине VI в. до н. э. на территории поселения произошел мощный пожар, от которого сохранился слой пепла толщиной 0,1 м, где и было обнаружено большинство фрагментов керамики, относящихся к предыдущему этапу развития Мирмекия (*Vinogradov et al.*, 2003. Р. 806). Толстый слой, образовавшийся в результате этого пожара, говорит о его силе и позволяет нам сделать вывод, что первые дома жителей городища не имели фундаментов и могли быть сделаны из органических материалов, возможно, из дерева, веток и сушеных водорослей. Огонь был настолько сильным, что некоторые фрагменты амфор сплавившись. Такой эффект свидетельствует о том, что количество сгоревших материалов должно было быть значительным, что может косвенно свидетельствовать в пользу существования наземных построек. Вскоре после пожара скала акрополя была окружена небольшой оборонительной стеной, а внутри и вокруг нее стали сооружаться жилые и хозяйственные постройки (*Vinogradov*, 1999. Р. 280–284; *Vinogradov et al.*, 2003. Р. 807–809; *Butyagin*, 2007. Р. 22). Все они представлены заглубленными сооружениями — землянками и полуземлянками. Первоначально стены их наземных частей были сложены из сырцовых кирпичей, а с начала последней четверти VI в. до н. э. появляются каменные цоколи стен

⁵ В данной статье не учтены материалы, которые можно было бы связать с этим временем, так как зерен растений в ранних слоях и ямах не было обнаружено, а тотальное изучение костей животных в Мирмекии было начато экспедицией Государственного Эрмитажа с 1999 г. За годы ее работ не удалось обнаружить материалы первой половины VI в. до н. э.

и облицовка бортов котлована. На настоящий момент обнаружено 11 землянок разных форм и назначения. Площадь поселения существенно расширилась. Возле его восточной границы начал функционировать некрополь (*Butyagin*, *Колосов*, 2018. С. 15–23).

Начало следующего этапа приходится на конец VI в. до н. э., когда все землянки были одновременно засыпаны грунтом и поверх них построены наземные дома традиционной греческой схемы (*Vinogradov et al.*, 2003. Р. 809–811; *Butyagin*, 2007. Р. 22–23; 2015. Р. 128–129). Городские усадьбы достигли значительной площади и включали в себя жилые, хозяйственные постройки и дворы, окруженные оградой. Улицы, расположенные между ними, частично покрыты каменными вымостками. В западной части поселения жилые дома располагались в соответствии с рельефом, а в центральной, более плоской, — открыт участок регулярно спланированной застройки, один из кварталов которой был полностью изучен. Большая часть представленных в статье материалов происходит именно отсюда. В то же время укрепление на скале было увеличено, а старую стену усилил дополнительный панцирь. Появился новый участок некрополя к северу от поселения. Вполне вероятно, что такая масштабная реконструкция стала возможной только благодаря организации процесса и непосредственной помощи Пантикапея, будущей столицы Боспорского царства и крупнейшего городского центра в этом районе. Скорее всего, обновленный Мирмекий стал внешним кварталом Пантикапея, так как по морю расстояние между ними относительно невелико (около 3,5 км). Во второй четверти V в. до н. э. основная часть поселения была полностью разрушена в ходе нападения кочевников. Город был восстановлен только около десятилетия спустя.

Теперь перейдем к материалам, которые могут пролить свет на экономические основы жизни поселения в архаический период. Прежде всего мы рассмотрим данные по сельскому хозяйству, затем по охоте и рыболовству. Следует отметить, что эта картина все еще очень фрагментарна, хотя некоторые тенденции выделяются весьма четко.

Находки зерна в ранних слоях Мирмекия были сделаны в самом начале его планомерного изучения. В 1935 г. в северо-западной части городища был исследован участок «Е», где в слое III, вероятно, являющемся частью пригородной

свалки первой трети V в. до н. э., были обнаружены прослойки золы (возможно, сброс из очагов), в которых удалось найти зерна растений (Гайдукевич, 1952. С. 193). Они были переданы для изучения сотруднику Всесоюзного института растениеводства известному ботанику К. А. Фляксбергеру, который определил зерна мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*), ячменя (*Hordeum sativum*), а также семена винограда и алычи (Фляксбергер, 1940. С. 118). Результаты этих работ впоследствии неоднократно использовались для реконструкции начальной стадии земледелия на Боспоре (Гайдукевич, 1949. С. 95–96; Блаватский, 1953. С. 75; Gajdukevich, 1971. P. 112, 119–120; Кругликова, 1975. С. 181, 184). Следует отметить, что в 1930-х гг. такой комплексный подход к исследованиям встречался редко.

В ходе раскопок Мирмекия экспедицией ЛОИА/ИИМК под руководством Ю. А. Виноградова в 1990 и 1994 г. также удалось собрать коллекцию зерен растений из трех объектов второй половины VI — начала V в. до н. э. В целом везде обнаружен одинаковый набор семян, включавший зерновки голозерной пшеницы (*Triticum aestivum* s. l.) и пленчатого ячменя (*Hordeum vulgare*), а также небольшое количество пленчатой пшеницы (*Triticum dicoecum*), ячменя голозерного (*Hordeum vulgare* var. *colest*), ржи (*Secale cereale*), проса (*Panicum miliaceum*) и овса (*Avena* sp.). Бобовые представлены семенами вики эрвильи (*Vicia ervilia*), гороха (*Pisum sativum*) и чечевицы (*Lens culinaris*). Кроме того, найдены зерно винограда, обломок скорлупки грецкого ореха, одна костянка вишни кустарниковой и часть косточки сливы (Виноградов, 2005. С. 95–96; Пашкевич, 2016. С. 224–230)⁶.

К находкам 1990-х гг. за последнее время прибавились зерна, найденные в архаичных слоях экспедицией Эрмитажа в 2008–2009 гг. Г. А. Пашкевич, рассмотрев суммарно находки 1990–2000-х гг., подвела результаты своей работы в итоговой публикации (Пашкевич, 2016. С. 224–232). Основными культурами, выращиваемыми в то время, были голозерная пшеница (*Triticum aestivum* s. l.) (39 %) и ячмень (*Hordeum vulgare*) (33 %), которые абсолютно доминируют в образцах. Такой состав

посевных культур характерен и для греков Средиземноморья. Кроме того, присутствует просо (*Panicum miliaceum*) (12 %), полба (пшеница двузернянка) и пшеница однозернянка (*Triticum dicoecum*) (вместе 6 %). На объем зерна, хранившийся на городище, может указывать количество следов зубов грызунов на костях животных в хорошо датированных слоях. Это количество в Мирмекии ниже, чем в других боспорских поселениях, что может указывать на небольшое количество зерна, хранившегося на поселении. Бобовые также культивировались, о чем свидетельствует большое количество семян вики (*Vicia ervilia*), а также определенное количество чечевицы (*Lens culinaris*) и гороха (*Pisum sativum*), в сумме составляющих около 10 %. Позже количество ячменя, проса и бобовых сократилось, уступив место обычной пшенице. Также косточки винограда, иногда встречающиеся в позднеархаических слоях, скорее всего сюда попали с импортными винами и изюмом, поскольку никаких следов виноделия до начала III в. до н. э. в Мирмекии не зафиксировано.

В целом современные находки подтверждают вывод Ю. А. Виноградова, сделанный в результате анализа семян, найденных в 1990-х гг. Он обратил внимание на то, что в отличие от Средиземноморья, где для земледелия был характерен «квартет» (оливки, виноград, злаковые, бобовые) (Sarpaki, 1992. P. 61–76; Garnsey, 1999. P. 13), для раннего периода развития Мирмекия, скорее, характерен «дуэт» из злаковых и бобовых с преобладанием первой составляющей (Виноградов, 2005. С. 95–96). Преобладание же среди злаковых голозерной пшеницы и пленчатого ячменя совершенно обычно для Средиземноморья.

Состояние скотоводства на археологическом памятнике изучается путем анализа костных останков животных. Археозоологические материалы из ранних слоев Мирмекия также стали объектом научного исследования еще в 1930-х гг., для чего привлекались сотрудники Зоологического института АН СССР. К сожалению, кости изучались суммарно по всем античным слоям, в результате чего вычленились находки архаического времени не представляется возможным (Гайдукевич, 1952. С. 219–220). Несмотря на это, данные, полученные в Мирмекии, также активно привлекались учеными для реконструкции античного скотоводства в регионе (Гайдукевич, 1949. С. 108; Блаватский, 1953. С. 98). Изучение

⁶ Определение материалов первого комплекса было сделано А. Н. Щегловым, позднее проверено Г. А. Пашкевич. Она определяла и остальные зерна растений.

археозоологических материалов продолжалось в Мирмекии и при раскопках 1950-х гг. К сожалению, в это время были исследованы только кости из эллинистических и римских слоев (Цалкин, 1960. С. 8, 101)⁷.

С 1999 г. началось тотальное изучение всех костей животных, в результате чего были собраны весьма представительные данные⁸. В стаде архаического Мирмекия преобладали овцы и козы. Их останки занимают 36,7 % от всех костей домашних копытных. Крупный рогатый скот уступает им, составив 26,7 %. Кроме того, на кости свиньи и лошади приходится по 6,6 %. Лошадь могла использоваться в пищу, по-видимому, после того, как она переставала служить для езды или работы. Никаких останков одомашненных птиц в ранних слоях обнаружено не было, курица появляется в Мирмекии не ранее второй половины V в. до н. э.

Охота играла определенную роль в первый период развития поселения, но кости диких животных составляют лишь около 1,4 %, что говорит о ее небольшой составляющей в жизни поселения. Собаки, количество костей которых достигает 8,5 %, также были вовлечены в охоту⁹. Регулярно, хотя и не очень часто, древние жители Мирмекия охотились на зайца-русака (*Lepus europaeus*). Также в архаических слоях были обнаружены кости лисы и большое количество костей диких птиц (3,5 %). Жители городища в основном охотились на водоплавающих и голенастых птиц, остатки которых составляют 80 % от всех птичьих костей. По всей видимости, это объясняется наличием рядом с поселением устья реки, где эти птицы могли обитать. Следует учесть, что в весенний и осенний периоды такие пернатые до сих пор в больших количествах встречаются в акватории Керченской бухты, так что массовая охота на них в древности могла иметь сезонный характер. Кроме того, присутствуют кости баклана, обитающего на морском побережье, а также дрофы и стрепета — степных птиц. Наличие последних

может свидетельствовать о специализации некоторых охотников на промысле в степи. Впрочем, степные птицы могли быть и объектом случайной охоты в ходе сельскохозяйственных работ. Из степных животных можно упомянуть и останки благородного оленя, хотя в подавляющем большинстве последний представлен фрагментами рога. Они, возможно, были собраны в степи для дальнейшей обработки, что заставляет считать охоту на оленя маловероятной¹⁰.

Несмотря на то что этот вопрос не связан напрямую с экономическими проблемами, мы хотели бы упомянуть и об останках кошек. Впервые кости кошек были обнаружены в Мирмекии еще в 1950-е гг., но только в эллинистических и римских слоях (Цалкин, 1960. С. 70–71). Среди архаических материалов найдены всего один обломок лопатки и один обломок диафиза большой берцовой кости. Размеры костей позволяют сделать вывод, что эти кошки были одомашнены. Это весьма интересно, так как в древнегреческом доме кошка заменила менее крупную ласку только во II–V вв. н. э., тогда как в архаический период почти не встречается (Кагаров, 1913. С. 205). Вероятно, необходимость охраны зерна и других продуктов заставила жителей Боспора заимствовать у местных племен домашнюю кошку.

В архаике рыболовство в Мирмекии было хорошо развито, о чем говорит значительное число костей рыб, количество которых составляет 10,2 %. Большая часть остатков рыб представлена осетровыми разных размеров, а также карповыми. Не исключено, что на первом этапе развития поселка рыболовство было жизненно важным для его обитателей. Следует отметить, что в архаических слоях найдено 16 костей дельфина, что составляет менее 0,5 % от общего количества костей, но около 5 % костей рыб. Все останки дельфинов принадлежат молодым животным, которые, скорее всего, попали в сети во время рыбной ловли случайно, по неопытности. Жители Мирмекия использовали только нижнюю часть животного, возможно, вытапливая жир для технических целей и используя мышцы для кормления домашних животных, так как мясо дельфина

⁷ Всего В. И. Цалкин изучил 3693 кости из слоев эллинистического и римского времени.

⁸ Коллекция костей животных из архаических слоев составляет 2915 единиц.

⁹ Уже при раскопках 1930-х гг. отмечалось сравнительно большое количество костей собак в Мирмекии (Гайдукевич, 1952. С. 220).

¹⁰ В 2017–2018 гг. в Мирмекии было найдено большое количество отходов косторезного производства, относящихся к IV в. до н. э. Все найденные фрагменты рога оленя были добыты именно таким способом.

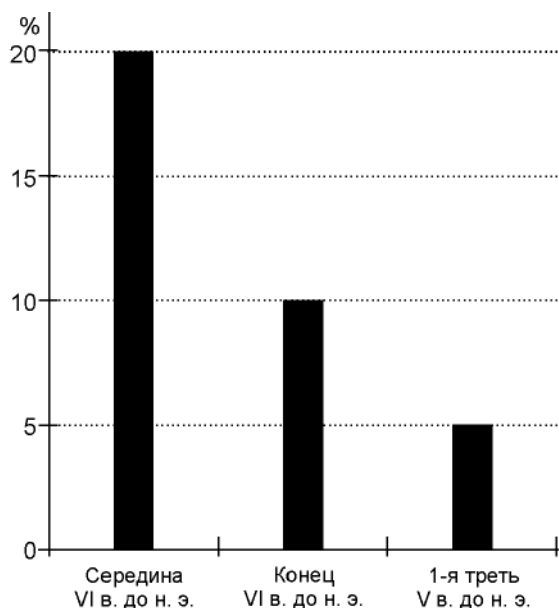

Рис. 2. Изменение доли лепной керамики в архаических слоях Мирмекия

Fig. 2. Change in the distribution of handmade pottery in Archaic layers of Myrmekion

не употреблялось в пищу. Дельфина никогда не ловили специально, но такие находки указывают на хорошо развитое рыболовство с использованием крупных сетей. Однако ситуация с развитием рыбной ловли в Мирмекии еще не совсем ясна. В 2017–2019 гг. удалось открыть новый участок некрополя с могилами второй половины VI в. до н. э. (Бутягин, Колосов, 2018; Butyagin, 2019. P. 167–168). Предварительные данные изотопного анализа человеческих костей показывают, что морская рыба вообще не употреблялась в пищу, а пресноводная — очень редко. Впрочем, нельзя исключить, что проанализированы кости из захоронений представителей местного населения Северного Причерноморья, а греческие колонисты ели рыбу.

Несколько очагов со следами выпечки хлеба были обнаружены в архаических слоях, но до сих пор здесь не выявлено никаких производственных комплексов. Находки пирамидальных ткацких грузил свидетельствуют о характерном для греков домашнем ткачестве. Ситуация с производством керамики сложнее. Было найдено много фрагментов лепной керамики, некоторые из которых могли быть сделаны в Мирмекии, поскольку технология изготовления таких сосудов относительно проста. Лепная керамика представлена почти исключительно формами, характерными

Рис. 3. Карта Боспора с указанием упомянутых в статье археологических памятников (а — с данными по зернам и фауне; б — с данными только по фауне)

Fig. 3. Map of Bosphoros with indication of the archaeological sites mentioned in the article (a — data on grain and fauna; б — showing only the faunistic data)

для местных культур: меотов, тавров и скифов степи. В отечественной литературе до сих пор нет единого мнения о том, как эти сосуды оказались в греческих поселениях. Их могли производить здесь представители местных племен, или же они могли служить контейнерами для купленных продуктов. Доля лепной керамики постепенно уменьшается с середины VI в. до н. э. до первой четверти следующего столетия с 20 до 5 % (рис. 2), тогда как греко-варварская торговля постепенно увеличивается (Бутягин, 1998; Butyagin, 2007. P. 24). Наиболее верным кажется предположение о том, что лепная посуда производилась непосредственно в Мирмекии для бытовых целей представителями варварских племен. К концу архаичного периода они перешли на использование керамики греческих типов или ассимилировались.

Находки монет этого времени очень редки. За период с 1999 г. было найдено две серебряные монеты Пантикапея в слоях первой четверти V в. до н. э. Скорее всего, до середины этого столетия экономика Мирмекии основывалась на продаже продукции рыболовства и сельского хозяйства. Основные торговые операции проводились в близлежащем крупном центре — Пантикапее. В Мирмекии и других относительно небольших поселениях на Боспоре в это время для внутренней

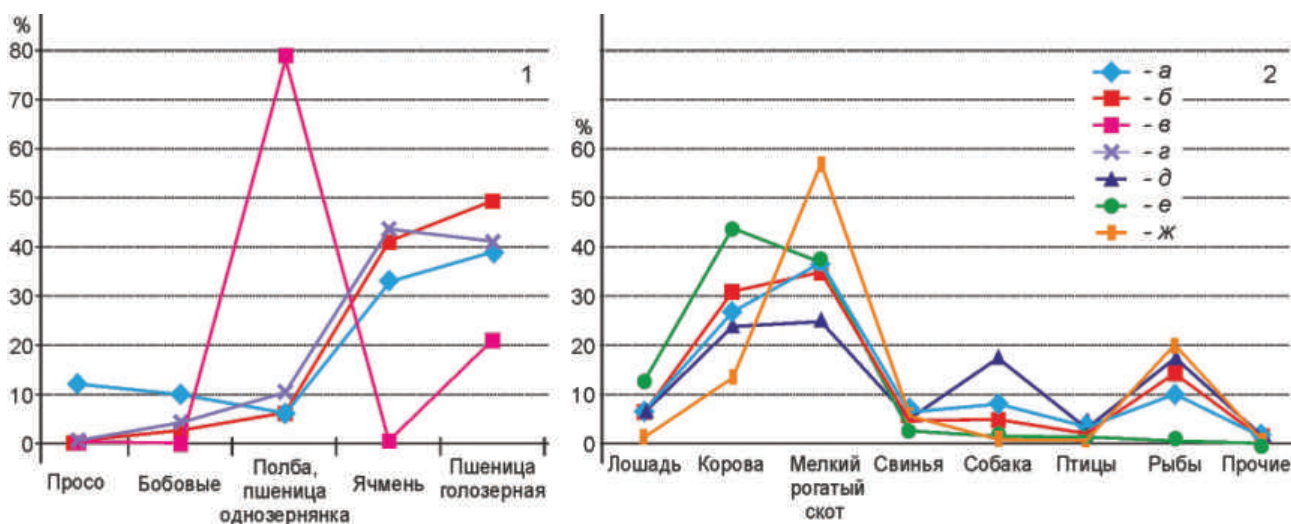

Рис. 4. Сравнение долей остатков растений в слоях поселений Боспора эпохи архаики (Пашкевич, 2016) (1) и костных остатков фауны в греческих поселениях Северного Причерноморья эпохи архаики (2). Условные обозначения: а — Мирмекий; б — Тиритака; в — Тиритака, очаг 50; г — Артющенко; д — Порфмий; е — Пантикапей; ж — Березань

Fig. 4. Comparison of the percentage of plant remains in strata of Bosporan settlements of the Archaic epoch (Пашкевич, 2016) (1) and faunistic skeletal remains at Greek settlements of the Northern Black Sea littoral of the Archaic period (2). Notation: а — Myrmekion; б — Tyritake; в — Tyritake, fireplace no. 50; г — Artyushchenko; д — Porthmeion; е — Pantipakaion; ж — Berezan

торговли, скорее всего, использовался преимущественно натуральный обмен.

В заключение мы хотели бы попытаться сравнить имеющиеся материалы с находками из других памятников этого времени (рис. 3). К сожалению, количество поселений Северного Причерноморья, где имеются подходящие для сравнения данные о костях животных и зернах растений архаического периода, не слишком велико. Имеется информация о находках зерна на Тиритаке и Артющенко 1 (Пашкевич, 2016. С. 221–224, 233–239), а также данные о костях животных из Тиритаки, Порфмия, Пантикапея и поселения на острове Березань (Каспаров, 2006; 2012; 2014).

Судя по информации, предоставленной Г. А. Пашкевич, как в Мирмекии, так и в Тиритаке и Артющенко 1 среди находок зерна архаического периода преобладают образцы голозерной пшеницы и ячменя. Исключением являются находки из очага 50 здания XXXIII, обнаруженного в Тиритаке, в котором содержалось 70 % пшеницы однозернянки и двузернянки (Пашкевич, 2016. С. 234, 239). По всей видимости, эта находка связана с культурой представителей местных племен, присутствовавших на поселении. Другие

образцы из Тиритаки содержат 3–7 % пшеницы двузернянки и однозернянки, что соответствует находкам в Мирмекии (Там же. С. 238–239). В целом ситуация с набором зерна была очень похожей во всех трех памятниках (рис. 4, 1).

Сравнение остатков фауны также показывает, что ситуация в Тиритаке аналогична Мирмекию. Скорее всего, в архаический период эти два поселения имели много общего, включая состав стада и специализацию рыболовства. Существенные различия наблюдаются между Мирмекием и Пантикапеем — основным городским центром в регионе. В частности, существенна разница в количестве рыбных костей, которая показывает, что только небольшие поселения специализировались на рыболовстве. Доля костей диких животных и собак в Пантикапее также не так велика, что может указывать на значительно меньшее развитие охоты в крупном городе (рис. 4, 2; табл.).

Представленная картина, несомненно, нуждается в расширении и более точном определении, но предлагаемые материалы позволяют нам выстроить предварительную схему экономических основ небольшого греческого боспорского поселения в период архаики.

Таблица. Общая структура фауны по археозоологическим данным в ряде поселений Северного Причерноморья в архаический период, %
Table. General structure of the fauna according to archaeozoologic data at a number of settlements of the Northern Black Sea region in the Archaic period, percents

Вид животных	Поселения					
	Порфмий	Пантикапей	Тиритака	Мирмекий	Березань	Скифской культуры степи и лесостепи
	Временные промежутки, до н. э.					
	VI–IV вв. (Каспаров, 2006)	VII–VI вв.	VI — начало V в. (Каспаров, 2014)	2-я половина VI — 1-я половина V в.	1-я половина VI в. (Каспаров, 2012)	VIII–VI вв. (Либеров, 1960)
Лошадь	6,2	12,7	6,4	6,7	1,4	17,9
Корова	23,8	43,7	30,9	26,7	13,4	34,7
Мелкий рогатый скот	24,8	36,7	34,9	36,7	56,7	27,4
Свинья	5,3	2,8	4,9	6,6	5,7	17,6
Собака	17,5	1,7	5,1	8,2	1,0	2,4
Птицы	3,4	1,6	2,2	3,5	0,8	Нет данных
Рыбы	17,5	0,7	14,5	10,2	20,3	Нет данных
Прочие	1,5	0,2	1,1	1,4	0,7	–

Блаватский, 1953 — Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 216 с.

Бутягин, 1998 — Бутягин А. М. Лепная керамика архаического Мирмекия (динамика изменений) // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы науч. конф. / Отв. ред. В. А. Хршановский. СПб.: Изд-во ГМИР, 1998. С. 82–87.

Бутягин, Колосов, 2018 — Бутягин А. М., Колосов В. П. Новый участок архаического некрополя Мирмекия (предварительное сообщение) // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2018. Вып. 16. С. 15–23.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. К изучению зерен культурных растений, найденных в Мирмекии // Херсонесский сборник. Севастополь: Изд. дом «Максим», 2005. Вып. XIV. С. 94–98.

Гаврилюк, 1999 — Гаврилюк Н. А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Изд-во ИА НАНУ, 1999. 420 с.

Гайдукевич, 1949 — Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Гайдукевич, 1952 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. М.; Л.: Наука, 1952 (МИА; Вып. 25). Ч. 1: Итоги

археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. С. 135–222.

Жебелев, 1953 — Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства // Жебелев С. А. Северное Причерноморье / Отв. ред. Д. П. Каллистов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 116–158.

Завойкин, 2007 — Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06 / ИА РАН. М., 2007. 54 с.

Зинько, Зубарь, 2006 — Зинько В. Н., Зубарь В. М. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. Симферополь; Керчь: Изд-во Крымского отд. ин-та востоковедения, 2006 (БИ; Вып. 12). 304 с.

Кагаров, 1913 — Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 327 с.

Каспаров, 2006 — Каспаров А. К. Остеологические материалы поселения Заветное 5 из раскопок 2003–2004 гг. // С. Л. Соловьев, Л. Г. Шепко. Отчет античной комплексной археологической экспедиции. Археологические памятники сельской округи Акры. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006. Т. 2. С. 87–93.

- Каспаров*, 2012 — *Каспаров А. К.* Некоторые замечания о фаунистических остатках из поселения на о. Березань // *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Д. Е. Чистов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. С. 124–129.*
- Каспаров*, 2014 — *Каспаров А. К.* Фаунистические остатки из слоев позднеархаического времени Тиритаки // *Зинько В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 2: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Симферополь; Керчь: Фонд «Деметра», 2014 (БИ; Supplementum 11). Приложение 6. С. 551–578.*
- Кругликова*, 1975 — *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Либеров*, 1960 — *Либеров П. Д.* К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // *История скотоводства в Северном Причерноморье. М.: АН СССР, 1960 (МИА; № 53). С. 110–165.*
- Пашкевич*, 2016 — *Пашкевич Г. А.* Археоботанические исследования Боспора // *Боспорские исследования. Керчь: Керченская городская тип., 2016. Вып. 32. С. 205–299.*
- Фляксбергер*, 1940 — *Фляксбергер К. А.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Чёрному морю // *КСИИМК. 1940. Вып. VIII. С. 117–119.*
- Цалкин*, 1960 — *Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // *История скотоводства в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР (МИА; Вып. 53). 1960. С. 7–109.*
- Butyagin*, 2001 — *Butyagin A. M.* Painted pottery from the early levels of Myrmekion (1992 field season) // *Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum. Colloquia Pontica 7 / Eds. J. Boardman, S. L. Solovyov, G. R. Tsatskheladze. Leiden/Boston: Brill, 2001. P. 179–198.*
- Butyagin*, 2007 — *Butyagin A. M.* Archaic Myrmekion // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC: Proceedings of the International Conference, October 2000, Taman, Russia. BAR International Series 1729 / Ed. S. L. Solovyov. Oxford, 2007. P. 22–25.*
- Butyagin*, 2015 — *Butyagin A. M.* Excavations at Myrmekion in 2006–2013 // *HYPERBOREUS. 2015. Vol. 21, fasc. 1. P. 127–134.*
- Butyagin*, 2019 — *Butyagin A. M.* Investigations of the Myrmekion expedition in 2014–2018 // *HYPERBOREUS. 2019. Vol. 25, fasc. 1. P. 161–169.*
- Gajdukevich*, 1971 — *Gajdukevich V. F.* Das Bosporianische Reich. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. 574 S.
- Garnsey*, 1999 — *Garnsey P.* Food and Society in Classical Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 192 p.
- Sarpaki*, 1992 — *Sarpaki A.* The Paleoethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or Is It a Quartet? // *Agriculture in Ancient Greece: Proceedings of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute of Athens (16–17 May 1990). Acta Instituti Atheniensis regni Sueciae. 42 / Ed. B. Wells. Stockholm; Göteborg: P. Åströms förlag, 1992. P. 61–76.*
- Vinogradov et al.*, 2003 — *Vinogradov Yu. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Yu.* Myrmekion–Porthmeus. Two “Small” Towns of Ancient Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea. T. 1. Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece 4 / Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessalonica, 2003. P. 803–830.*
- Vinogradov*, 1999 — *Vinogradov Yu. A.* Selected findings from the Myrmekion acropolis // *Centre d’archéologie Méditerranéenne de l’Académie Polonaise des Sciences. Études et Travaux 18. 1999. P. 280–293.*

An essay on the economy of archaic Myrmekion

A. M. Butyagin, A. K. Kasparov

The large-scale excavations of the earlier layers of the townsite of Myrmekion allow the archaeologists to reconstruct in general the economy of the city in its archaic period, i.e. from the foundation of the settlement in the first quarter of the 6th century BC until its total destruction in the end of first third of the 5th century BC. By that time, this Greek colony had been transformed from a small area of earth dwellings near the rock of the acropolis to a townlet of a basically regular plan where its residents lived in houses of the construction habitual for the Greeks (Fig. 1). No traces of industry have been so far revealed, except for domestic weaving or production of handmade pottery of the types typical of the local population. The percentage of that pottery was significantly decreased during the second half of the 6th century BC (Fig. 2).

Analysis of the corn and plant seeds conducted by Galina A. Pashkevich showed that the agriculturalists cultivated mainly bare-grained wheat (*Triticum aestivum s. l.*) (39 %) and common barley (*Hordeum vulgare*) (33 %); also there were grown millet (*Panicum miliaceum*) (12 %), spelt (emmer) (*Triticum dicoccum*) and einkorn (*Triticum monococcum*) (totally 6 %). Besides, about 10 % of the samples were constituted by legumes (Fig. 4, 1). This plant composition is considerably poorer than the traditional Mediterranean Greek “quartet” (vine, olive, cereals, legumes), so that, as proposed by Yuriy A. Vinogradov, we can speak about a “duet” of cereals and legumes.

Analysis of the archaeozoological material showed that sheep and goats prevailed in Myrmekion’s livestock (36.7 %). The large horned cattle was less abundant amounting to 26.7 %, while the skeletal remains of pigs and horses constitute 6.6 % each. The settlers hunted grey hare, fox and wild fowl (mostly waterfowl and ciconiiformes). The wild animal species contribute only to 1.4 % of all the animal bones. Among the domestic animals noteworthy is dog (8.5 %), as well as two bones of domestic cats (Fig. 4, 2; tabl.). Of particular importance was fishing, the fish bones constituting 10.2 %; moreover the use of fishing nets can be supposed. Occasionally young dolphins were caught in them.

Comparison of the materials gained suggests that significant parallels were found through the excavations at Tyritake and the rural settlement of Artyushchenko-1 (Fig. 3). It seems that the economy of small maritime settlements in the region showed no essential difference during the period under study.

Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2¹

С. В. Кашаев, Р. А. Мимоход, Н. И. Сударев²

Аннотация. Работа посвящена серии мужских погребений с сопроводительным захоронением коня, обнаруженным на некрополях Волна 1 и Артющенко 2, расположенных в южной части Таманского полуострова. Как правило, эти погребения совершены в сырцовых склепах и обладают хорошим набором погребального инвентаря. Все погребения с лошадьми, открытые в могильниках Волна 1 и Артющенко 2, можно датировать в пределах V в. до н. э.

Annotation. This paper deals with a series of male burials with accompanying goods concerned with horse. They were revealed at the necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2 in the southern area of the Taman Peninsula. Mostly, these burials were made in mudbrick tombs and contain a rich set of funerary gifts. All the burials with horses found at the necropoleis Volna 1 and Artyushchenko 2 are datable to within the 5th century BC.

Ключевые слова: античность, Таманский полуостров, некрополь, погребение, лошадь, инвентарь, греческая керамика.

Keywords: Greek Classic period, Taman Peninsula, necropolis, burial, horse, funerary inventory, Greek pottery.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-82-96

Погребения с лошадьми известны в разных некрополях Боспора и неизменно вызывают интерес исследователей (Иванов, Сударев, 2017. С. 182). Чаще всего их рассматривают как признак, абсолютно чуждый грекам, и даже как признак прямого проникновения варваров в среду греческих колонистов и в состав знати Боспорского государства (Паромов, 1999. С. 106–109; 2000. С. 72–75; Иванов, 2016. С. 236–237). Наиболее

часто их связывают с присутствием скифов или варваров Прикубанья (Иванов, 2016). Реже данный признак рассматривается в контексте взаимовлияния элит и как признак, связанный со статусом погребенного (Иванов, 2016).

Все это побуждает нас обратить особое внимание на эту группу погребений в некрополях Азиатского Боспора, выявленных за последние несколько лет. Такие погребения представлены в некрополях Волна 1 и Артющенко 2. В связи с этим нам показалось уместным посвятить им отдельную работу.

Некрополь Волна 1 находится в юго-западной части Таманского полуострова, в 4,5 км к северо-западу от поселка Волна (рис. 1) и в 7,7 км к юго-востоку от мыса Тузла. Он относится к поселению Волна 1, которое расположено на слиянии древних дорог, ведущих из Прикубанья и Синдики к южной переправе через Керченский пролив (Мимоход и др., 2017а. С. 4; Мимоход и др., 2017б. С. 295).

Одна из этих дорог шла в южном направлении в сторону современной Бугазкой косы и далее, через Благовещенский останец, по Анапской пересыпи — в сторону древней Синдской гавани

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН: Кашаевым С. В. — по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения»; Сударевым Н. И. — по теме государственной работы № 0176-2016-0003 «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир — контакты и взаимовлияния».

² Кашаев С. В. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Мимоход Р. А. — Отдел бронзового века, ИА РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117036, Россия. Сударев Н. И. — Отдел классической археологии, ИА РАН.

Рис. 1. Некрополи Волна 1 и Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова

Fig. 1. Necropolises of Volna 1 and Artyushchenko 2 in the south of the Taman Peninsula

(Горгипшии — совр. Анапы) и далее — в сторону Западного Кавказа и перевалов. Вторая дорога шла в восточном направлении, в сторону современного хут. Белый, где еще в III тыс. до н. э. сформировалась коса-перейма, по которой путники могли перебраться через дельту Кубани на территорию Синдики (совр. Анапский и частично Крымский районы) и далее, на территорию левобережья Кубани и Западного Предкавказья. В районе поселка Виноградный 7 от этой дороги отходил еще один путь — в северо-восточном направлении и далее, на широкие просторы правобережной Кубани (Сударев, 2017. С. 525–535, рис. 1; Гарбузов и др., 2017. С. 64–81; Сударев, Гарбузов, 2015. С. 156–165; Сударев и др., 2018. С. 485–493; Поротов и др., 2017. С. 324–326; 2020. С. 318–323).

Эта система дорог начала формироваться еще в эпоху раннего бронзового века и функционировала на Таманском полуострове в течение всей эпохи бронзы — раннего железного века, но особенно активно она использовалась начиная с XIII–XII вв. до н. э. (Сударев, 2017. С. 525–535, рис. 1; Гарбузов и др., 2017. С. 64–81; Сударев, Гарбузов, 2015. С. 156–165). Таким образом, еще накануне греческой колонизации региона в районе пос. Волна 1 складывается уникальная ситуация. Мы видим пересечение не менее трех разновекторных влияний — западного, южного и восточного³. На месте пос. Волна 1 и вокруг него в период

³ В свою очередь «восточный» вектор можно разделить на направление, связанное с левобережьем Кубани и правобережьем.

поздней и финальной бронзы возникает целый куст поселений, некрополей и колодцев, в материалах которых мы видим все три вектора связей (Горошиников, 2018. С. 17–19; Кияшко, Сударев, 2018. С. 212–218; Волкодав и др., 2016. С. 43–56; Мимоход, Успенский, 2016. С. 86–90; Житников, 2017. С. 95–121; Мимоход и др., 2019. С. 120–144). В том или ином виде все эти связи прослеживаются и позднее, уже в эпоху греческой колонизации, когда мы отмечаем следы взаимодействия на поселении и некрополе Волна 1 как предшествующего населения, так и синхронных грекам синдов, меотов и т. д. Без учета всех этих взаимовлияний полностью понять значение данного памятника будет невозможно.

В ходе раскопок некрополя Волна 1 исследовано около 2000 погребений, датирующихся от второй четверти VI в. до н. э. и до III–II вв. до н. э. В процессе работ на территории некрополя выявлено не менее 16 погребений⁴ лошадей или их частей (Кашаев и др., 2019. С. 25–30). Часть погребений сильно разрушена и малоинформативна, однако во многих случаях мы имеем дело с захоронением в сырцовых ящиках одного или двух погребенных, один из которых — мужчина с оружием. В таких погребениях яма конского захоронения, как правило, врезана в яму человеческого захоронения с южной стороны и либо непосредственно смыкается с погребальной камерой, либо

⁴ В связи с тем что работы продолжаются, точное количество таких погребений будет уточнено после их окончания.

располагается параллельно ей, прорезая лишь блочную стенку склепа. Погребения довольно однотипны, поэтому мы ограничимся описанием самых характерных из них.

Погребение 590 представляло собой сырцовый ящик с полом, выложенным из сырцовых блоков (рис. 2, 1). Погребение имело деревянное перекрытие. В захоронении находился один погребенный. Погребальный инвентарь представлен красноглиняной амфорой, керамическими сосудами, предметами быта и оружием. Были также найдены два наконечника копий со втоком, набор стрел, у левой бедренной кости зафиксированы фрагменты железного меча, а рядом обнаружены остатки железного ножа.

С юга к погребению человека примыкало захоронение коня, сооруженное в яме овальной формы, которое прорезало южную стену из грунтовых блоков, не касаясь при этом пятна погребальной камеры. Погребение датируется второй четвертью — серединой V в. до н. э.

Погребение 597 представляло собой сырцовый ящик с полом, выложенным из сырцовых блоков (рис. 2, 3). Погребение имело деревянное перекрытие. В могиле находились два погребенных, мужчина и женщина. Их сопровождал разнообразный инвентарь, две амфоры, различные керамические сосуды, орудия труда и предметы быта. Оружие представлено мечом и копьем. Погребение датируется второй четвертью — серединой V в. до н. э.

С юга к погребению человека примыкало погребение коня, сооруженное в яме овальной формы, которое прорезало южную стену из грунтовых блоков, не касаясь при этом пятна погребальной камеры. Расположение конских костей свидетельствует, что конь был ориентирован головой на восток. Его череп был смещен и оказался в южной части ящика. Среди костей коня и рядом с черепом встречены фрагменты железных удилов и бронзовых накладок на узду.

Погребение 602 представляло собой сырцовый ящик с полом, выложенным из сырцовых блоков. Погребение имело деревянное перекрытие. В погребении были обнаружены остатки трех погребенных, два из них лежали в анатомическом порядке, а от третьего осталось лишь скопление костей. В погребальный инвентарь входили две амфоры, множество чернолаковых сосудов, украшения. Оружие представлено тремя наконечниками копий, одним целым мечом и одним

фрагментированным, а также набором стрел. В юго-восточной части погребальной камеры располагался бронзовый шлем коринфского типа, группы «Гермиона». Погребение датируется третьей четвертью V в. до н. э.

С юга к погребению человека примыкало погребение коня, сооруженное в яме овальной формы, которое прорезало южную стену из грунтовых блоков, не касаясь при этом пятна погребальной камеры. По расположению конских костей очевидно, что конь был ориентирован головой на восток. В яме конского захоронения были выявлены следующие находки: в восточной части ямы в районе зубов коня — фрагменты железного предмета (возможно, удилов) и нащечник из медного сплава.

Погребение 608 представляло собой сырцовый ящик с полом, выложенным из сырцовых блоков (рис. 2, 5). Погребение имело деревянное перекрытие. В погребальной камере на первом уровне фиксации были расчищены останки одного погребенного, лежащие на полу, сооруженном из грунтовых блоков. Вдоль внутренней стороны левой бедренной кости располагался железный меч. На втором уровне фиксации, после разборки блочного пола, на дне погребальной камеры были зафиксированы кости второго погребенного человека, располагающиеся в центральной и юго-восточной частях погребальной камеры. В северной стенке погребения в блоках было выявлено углубление, в котором было найдено железное копьё. Из погребения происходят амфора и еще несколько керамических сосудов. Погребение датируется второй четвертью — серединой V в. до н. э.

С юга к погребению человека примыкало погребение коня, сооруженное в яме, по форме близкой к прямоугольнику, которое прорезало южную стену из грунтовых блоков, не касаясь при этом пятна погребальной камеры. По расположению конских костей можно определить, что конь был ориентирован головой на восток. В яме конского захоронения в ее восточной части в районе зубов коня был обнаружен железный предмет (возможно, фрагмент удилов).

Погребение 642 представляло собой сырцовый ящик с земляным полом (рис. 2, 4). Оно имело перекрытие из дерева и сырца. В погребении находился один погребенный, с ним были положены амфора и четыре сосуда. Оружие представлено наконечником и втоком копья и железным

мечом, лежащим по диагонали на костях ног. Погребение датируется второй четвертью — серединой V в. до н. э. С юга к погребению человека примыкало захоронение коня, находящееся в яме, форму которой проследить не удалось. По расположению конских костей можно определить, что конь был ориентирован головой на восток.

Погребение 656 представляло собой сырцовый ящик с земляным полом (рис. 2, 2). Оно имело деревянное перекрытие. В погребении встречены кости двух погребенных, мужчины и женщины, а также разнообразный инвентарь. С южной стороны от погребенных лежали железный меч, фрагмент железного копья и три наконечника стрел. Погребение датируется третьей четвертью V в. до н. э.

С юга к погребению примыкало погребение коня, совершенное в яме, по форме близкой к прямоугольнику, которое прорезало южную стену из грунтовых блоков, не касаясь пятна погребальной камеры. По расположению костей можно определить, что конь был ориентирован головой на восток.

Погребение 657 представляло собой сырцовый ящик с земляным полом (рис. 2, б) и деревянным перекрытием. В погребении обнаружены кости двух погребенных, мужчины и женщины, и погребальный инвентарь. Поперек костей ног мужчины лежал железный меч, среди костей женского скелета — два наконечника стрел. Погребение датируется серединой — третьей четвертью V в. до н. э.

С юга к погребению примыкало захоронение коня в яме, по форме близкой к прямоугольнику, которое прорезало южную стену из грунтовых блоков, не касаясь при этом пятна погребальной камеры. По расположению костей можно определить, что конь был ориентирован головой на восток.

Поселение и некрополь Артющенко 2 расположены в южной части Таманского полуострова, на обрывистом берегу Чёрного моря, между мысом Железный Рог и Бугазским озером, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань, в 4 км к юго-востоку от поселка Артющенко и примерно в 13 км к юго-востоку от некрополя Волна 1 (рис. 1).

Поселение Артющенко 2 было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок под руководством Е. Я. Рогова (Рогов, 2000. С. 210). С 1998 г. его раскопки ведет Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН.

Некрополь расположен к востоку от поселения, он был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой–весной 2002 г. Его исследование началось в 2003 г. и продолжается в настоящее время. Южная часть некрополя повреждена береговым обрывом. Высокий берег, на котором он расположен, постоянно разрушается в результате мощной абразии. Ее характер и интенсивность обусловлены геологическими особенностями местности.

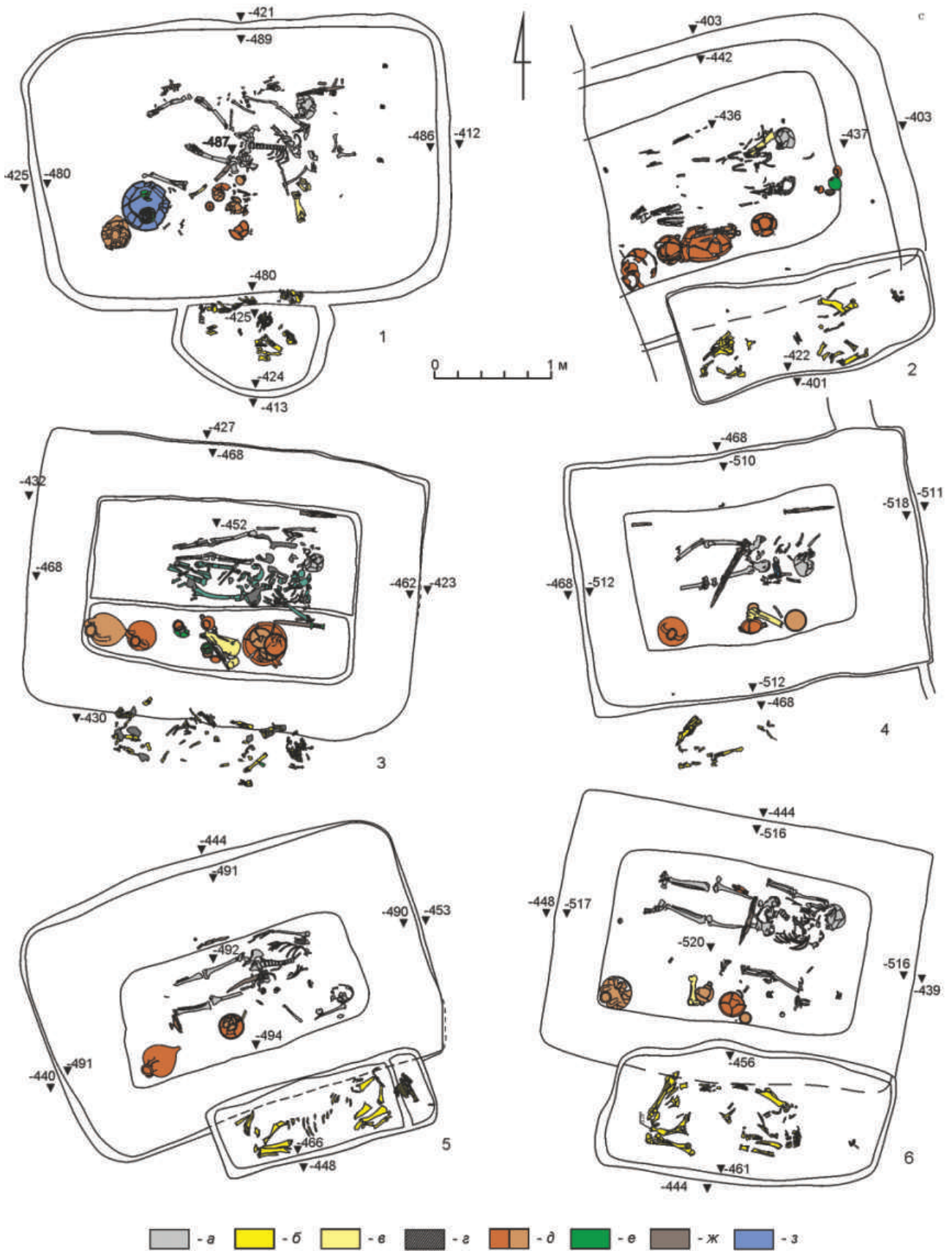
В ходе регулярных раскопок 2003–2019 гг. на некрополе исследована площадь около 5430 кв. м, обнаружено 208 погребений, из которых 18 исследованы за современными грабителями (Кашаев, 2009. С. 188; 2019. С. 230).

Некрополь функционировал в V–II вв. до н. э. Самые ранние комплексы датируются концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э. Значительная часть погребений относится к V–IV вв. до н. э., меньшая часть комплексов — к III–II вв. до н. э. Среди выявленных погребальных сооружений можно выделить несколько основных конструкций: сырцовые гробницы, грунтовые погребения с деревянным, каменным или дерево-сырцовым перекрытием, ямы без перекрытия, подбойные погребения, захоронения младенцев в амфорах.

В ранних могилах (V–IV вв. до н. э.) погребенные в большинстве случаев ориентированы головой на восток. Иногда наблюдается небольшое отклонение к северу или к югу. Помимо основной, восточной, ориентации встречены погребения с западной ориентировкой. В тех случаях, когда погребенный был ориентирован головой на восток, инвентарь располагался у южной стенки могилы, вдоль левой части тела или в ногах погребенного.

В поздних погребениях (III–II вв. до н. э.) встречаются захоронения, ориентированные головой на юг. В этом случае инвентарь иногда расположен в районе черепа. Также имеются погребения с северной ориентацией, и, как правило, все они безынвентарные, их точная датировка затруднительна. Практически во всех погребениях захоронение совершено по обряду трупоположения, встречен лишь один случай кремации, предположительно на стороне.

В могилах зафиксирован различный погребальный инвентарь — амфоры, красноглиняные и чернолаковые сосуды (ойнохои, миски, килики), железное оружие (мечи акинаки, наконечники копий и стрел), орудия труда (ножи,

пряслица), предметы быта (зеркала, киафы) и украшения (кольца, перстни, подвески).

Среди выявленных раскопками погребальных сооружений можно выделить четыре комплекса, относящихся к захоронениям коней (рис. 3). В силу особенностей грунта контуры ям практически не читаются. Все конские погребения соотносятся с погребениями мужчин с оружием.

Погребение 32 совершено в сырцовом склепе (рис. 3, 1, 2). В нем обнаружены останки двух мужчин 45–50 и 25–30 лет. С первым найдены железный меч и наконечник копья, со вторым — меч и кинжал. Помимо оружия в могиле находились амфора и несколько керамических сосудов. Погребение может быть датировано второй четвертью V в. до н. э.

Конское захоронение располагалось к югу от склепа и содержало череп лошади. На черепе обнаружены бронзовый налобник и три пряжки, выполненные в скифском зверином стиле. Две изображали голову оленя с рогами, третья — небольшую фигурку оленя с подогнутыми ногами и запрокинутой головой.

Погребение 40 совершено в сырцовом склепе (рис. 3, 3, 4), принадлежит мужчине 40–45 лет. Справа от погребенного обнаружен наконечник копья, у левой руки — наконечник стрелы, на поясе — железный меч. Помимо оружия были найдены амфора, набор керамических сосудов, орудия труда. По инвентарю погребение можно датировать рубежом первой и второй четвертей V в. до н. э.

Конское захоронение располагалось к югу от погребения № 40. Здесь был найден скелет жеребенка. В районе его черепа обнаружены бронзовая псалия с оконечностью в виде головы лошади и железный кол.

Погребение 64 совершено в сырцовом склепе (рис. 3, 5, 6). Принадлежало мужчине-воину 20–25 лет. В состав инвентаря входили амфора и несколько керамических сосудов. Справа от погребенного обнаружены два наконечника копий, два втока и наконечник стрелы. На поясе — железный

меч акинак, у правой ноги — железный нож. В районе грудной клетки найдены бронзовые колечки и пряжка в виде фигурки оленя. Погребение может быть датировано первой четвертью V в. до н. э.

Захоронение коня располагалось к югу от погребения и содержало скелет лошади (жеребенка). В районе черепа лошади найдены бронзовые колечки, пряжка и фрагменты железных удил. Сложилось впечатление, что часть уздечки положили в могилу, а часть — на голову коня.

Погребение Г5, к сожалению, малоинформативно, так как оно было полностью разграблено в 2009 г. Позже оно было нами исследовано. Для статистики и для общей картины мы его учитываем. В заполнении грабительских прокопов найдены кости женщины 40–50 лет и мужчины 50–60 лет. Из инвентаря сохранились обломки железного оружия, предположительно меча и наконечника копья, а также фрагменты амфоры. Погребение может быть датировано второй четвертью V в. до н. э.

Захоронение коня располагалось к югу от погребения и представляло собой череп лошади, от которого сохранились только несколько фрагментов костей и зубов.

Из материалов, полученных при раскопках двух некрополей, расположенных в южной части Таманского полуострова, можно сделать идентичные выводы⁵.

1. Захоронения коней всегда сопутствуют погребению мужчин с оружием (воинов) и располагаются к югу от погребения воина.

2. Во многих случаях захоронения коней сопутствуют погребению воина, совершенного в сырцовой гробнице. Возможно, такое захоронение в сопровождении коня может свидетельствовать о более высоком, по сравнению с другими воинами, социальном статусе умершего.

3. В некрополе Артющено 2 в захоронениях коней встречены полные скелеты лошади (чаще

⁵ За исключением сильно разрушенных погребений, о которых мы не имеем достаточно информации.

Рис. 2. Погребения с костями коня. Некрополь Волна 1: 1 — погребение 590, план; 2 — погребение 656, план; 3 — погребение 597, план; 4 — погребение 642, план; 5 — погребение 608, план; 6 — погребение 657, план. Условные обозначения: а — кости человека; б — кости коня; в — кости животных; г — костный тлен; д — керамика; е — бронза; ж — железо; з — камень

Fig. 2. Burials with horse skeletal remains. Necropolis of Volna 1: 1 — burial 590, plan; 2 — burial 656, plan; 3 — burial 597, plan; 4 — burial 642, plan; 5 — burial 608, plan; 6 — burial 657, plan. Legends: а — human bones; б — horse bones; в — animal bones; г — decayed bones; д — pottery; е — bronze; ж — iron; з — stone

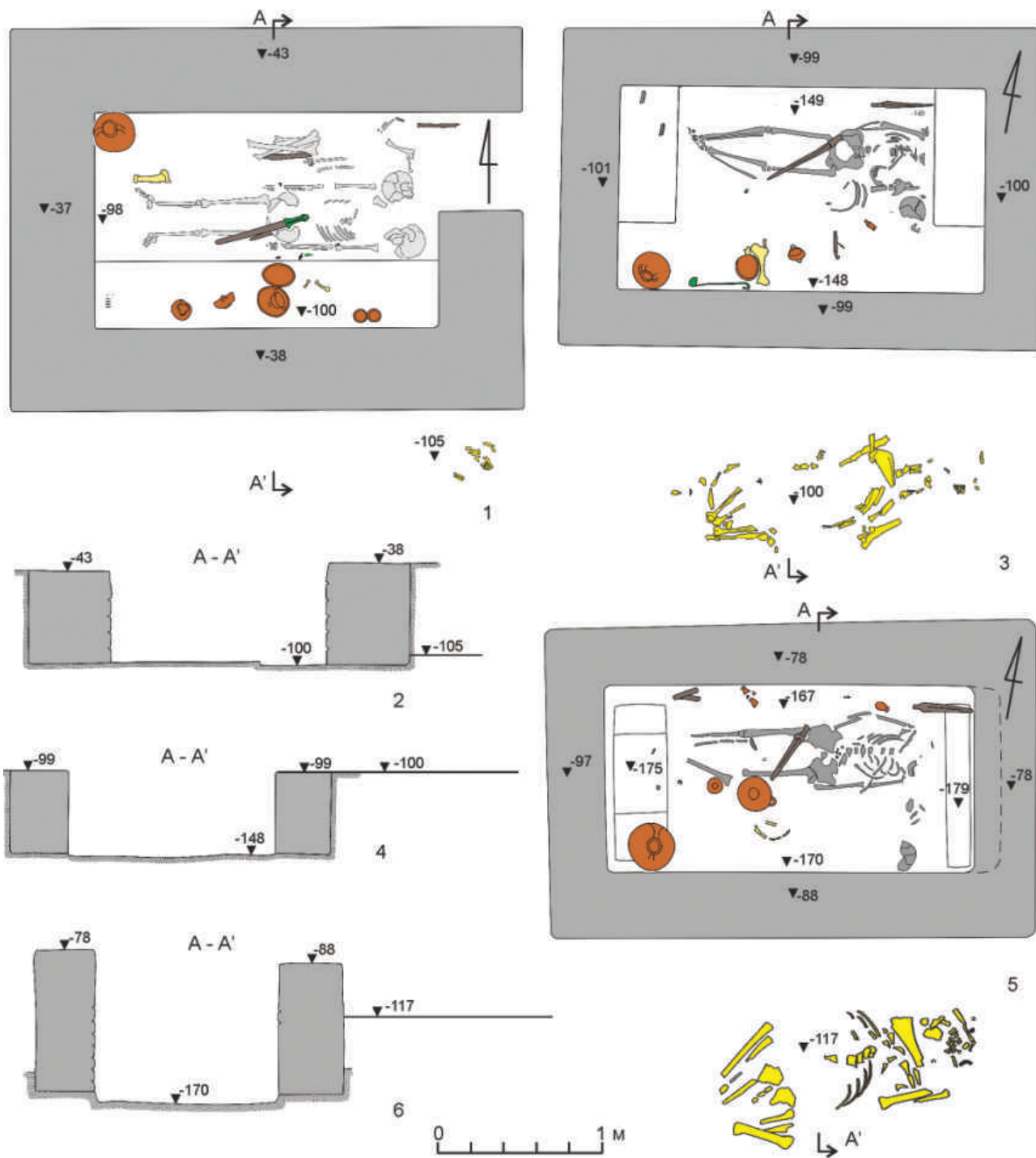

Рис. 3. Некрополь Артющенко 2, погребения с костями коня (план и разрез):

1, 2 — погребение 32, план и разрез; 3, 4 — погребение 40, план и разрез; 5, 6 — погребение 64

Fig. 3. Necropolis of Artyushchenko 2, burials with horse skeletal remains (plan and section): 1, 2 — burial 32, plan and section; 3, 4 — burial 40, plan and section; 5, 6 — burial 64

жеребенка) или только череп. Возможно, если в могилу клали только череп, то вместе с ним могла быть положена и шкура коня. На Волне 1 в основном обнаружены целые скелеты взрослых особей.

4. Во многих случаях в районе черепа коня найден какой-нибудь элемент уздечного набора (псалий, пряжка и т. д.), но полностью узда ни разу не встречена.

5. Скелеты коней расположены близко к линии запад–восток, черепом на восток (как и скелет воина). В случаях, когда был обнаружен только череп лошади, он располагался так же, как и в случае с полным скелетом, с восточной стороны.

6. Поза захороненного коня предположительно на брюхе, с подогнутыми передними и задними ногами.

7. Датировка погребений с конями некрополя Волна 1 укладывается в пределы V в. до н. э. При этом три погребения датируются второй четвертью столетия, два — приблизительно серединой, восемь — второй половиной V в. до н. э., три не датируются. На некрополе Артющенко 2 все комплексы с захоронениями коней датируются в пределах первой половины V в. до н. э.

В завершение следует коснуться вопросов о происхождении и распространении данной традиции. Подобные погребения изредка встречаются на Азиатском Боспоре. Наиболее близкой аналогией является погребение № 6, раскопанное на Юго-Восточном некрополе Фанагории⁶. Данное погребение также было совершено в сырцовом ящике, в отдельной могиле, примыкающей к погребению воина с юга. Комплекс был нарушен в древности, однако в нем сохранился материал, который надежно датирует его в пределах первой–третьей четвертей IV в. до н. э. В погребении обнаружен набор стрел, а в могиле коня найдены части узды.

На территории Таманского полуострова известно еще несколько подобных погребений. Довольно близки к описанным погребения, исследованные Ю. М. Десятчиковым в 1984 г. в курганном некрополе недалеко от поселка Кучугуры на Фонталовском полуострове (Паромов, 1999. С. 107; 2000. С. 72–73; Иванов, 2016. С. 236–237). Погребения были совершены в сырцовых склепах

с дромосом, заложенным сырцовыми кирпичами⁷. Датируются они IV в. до н. э.

Еще одно, довольно близкое по конструкции, погребение было открыто О. В. Богословским в 1982 г. в кургане у станицы Старотитаровская. Судя по плану, оно тоже, вероятно, представляло собой ящик из сырцовых кирпичей⁸. Погребение было ограблено, но содержало предметы вооружения, а также инвентарь, позволяющий датировать могилу первой–третьей четвертями IV в. до н. э. К югу от него выявлено два захоронения коней с уздечными наборами (Паромов, 2000. С. 74).

Кроме того, на Таманском полуострове известно еще три подкурганых погребения в районе пос. Сенной (Герц, 1876. С. 61–62; Строганов, 1882. С. XII). Первое находилось в районе Цокур-Лимана (Паромов, 2000. С. 74), второе — у мыса Тузла (Кашаев, 2013. С. 368–372). Третье, наиболее близкое к описанным нами, было раскопано С. И. Веребрюсовым в 1880 г. Оно представляло собой сырцовый ящик, в котором были обнаружены «остродонная амфора со следами красной краски на шее, бронзовая черпальная ложка, рука которой оканчивается лебединной головкой, бронзовое ситечко с такой же ручкой и множество наконечников стрел» (Строганов, 1882. С. XII). В том же кургане, на расстоянии около 0,7 м была открыта сырцовая могила с погребением коня, но без узды. Комплекс датируется концом V — IV в. до н. э.

Близко по конструкции и времени погребение, раскопанное К. Р. Бегичевым в кургане 1/1852 у поселка Сенной. Оно также совершено в сырцовой гробнице, в которой были погребены воин с комплектом вооружения и женщина с богатым набором украшений. Рядом в сырцовой могиле совершены погребения двух коней. По мнению Я. М. Паромова, гробница была сооружена во второй половине V в. до н. э. Однако этот вывод опирается на дату спиралевидной подвески, которую А. К. Коровина «условно относит

⁷ Юрий Михайлович Десятчиков ставил под сомнение функциональность дромосов, считая их «рудиментарными».

⁸ Благодарим Олега Васильевича Шарова за любезную консультацию. Сырцы в погребении не сохранились, но форма и детали архитектуры сооружения чрезвычайно схожи с архитектурой и конструкцией сырцовых склепов. Опыт работы с такими сооружениями позволяет предположить, что грунтовые блоки после ограбления не сохранились.

⁶ Раскоп 1 участок Сенной 11 (руководитель В. Д. Кузнецов). Выражаем благодарность Владимиру Дмитриевичу за указанную информацию.

к концу V — IV в. до н. э.» (Коровина, 1964. С. 149), а Л. Ф. Силантьева на основе анализа сопроводительного инвентаря — к третьей четверти V в. до н. э. (Силантьева, 1976. С. 126). Бляшки и подвески из этого погребения (ДБК, 1854. Т. XXII, 12–13, 17, 21) схожи с бляшками из кургана Большая Близница (Герц, 1876. С. 64), но еще более они схожи с бляшками и подвесками Семибратних и Нимфейских курганов (Силантьева, 1959. С. 56–71; Власова, 2010. С. 205–207). Таким образом, для данного погребения наиболее корректной датой, на наш взгляд, является третья четверть V в. до н. э.⁹

Таким образом, мы видим на Таманском полуострове серию погребений, подобных погребениям из некрополей Волна 1 и Артющенко 2. Наиболее близко им погребение из некрополя Фанагории, однако оно более позднее. Остальные погребения, хотя обладают определенной схожестью, тем не менее имеют и серьезные отличия — они все являются подкурганскими, обычно содержат по несколько лошадей и все¹⁰ относятся к более позднему времени.

Однако стоит обратить внимание еще на одну серию погребений с лошадьми в Боспорских некрополях. Речь идет о таких известных памятниках, как Пятый Ак-Бурунский курган (Бутягин, Виноградов, 2014. С. 27–36) и Нимфейские курганы (Силантьева, 1959. С. 5–107; Соколова, 1999. С. 184–186; Вахтина, 2017. С. 88)¹¹. Эти курганы также содержат погребения коней, в том числе расположенные вплотную к основному погребению (Силантьева, 1959. С. 56, 71, 83, 86–87; Соколова, 1999. С. 184–186). Во всех случаях¹² конские захоронения сопровождали могилы воинов и в них находились предметы узды. Одинакова и датировка всех комплексов: середина — вторая половина V в. до н. э., причем наиболее вероятно —

⁹ Отметим, что на Таманском полуострове известны также погребения коней в некрополе Кеп (Сударев, 2005. С. 156), однако, хотя они и датируются в пределах V–III вв. до н. э., в данной сводке мы их не рассматриваем из-за их существенного отличия от остальных.

¹⁰ Кроме погребения 1852 г.

¹¹ Можно с оговорками к этим курганам отнести и три конских захоронения из Трехбратних курганов (Лорени, Трейстер, 2008. С. 13–60), однако погребения датируются более поздним временем (в пределах IV в. до н. э.) и расположены на отдалении от основных погребений, хотя в двух случаях — с южной стороны.

¹² Когда это возможно определить уверенно.

третья четверть столетия. Отличает их расположение конских могил — они не в южном секторе¹³.

Традиционно погребения с конями в боспорских некрополях связываются со скифским влиянием (Яковенко, 1974. С. 67; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 209–220, Паромов, 1999. С. 106–109; Паромов, 2000. С. 72–75; Ольховский, 1991. С. 92).

Однако, говоря об обрядах населения степной Скифии, В. С. Ольховский отмечал, что конские захоронения располагались в основном к западу, реже — к северо-востоку или востоку от главного погребального сооружения в кургане (Ольховский, 1991. С. 126). Он отмечал, что захоронения коней в скифских курганах степной Скифии до IV в. до н. э. являются редкостью, причем они появляются только в V в. до н. э., «позже, чем у соседей» (Там же. С. 164), а для степной Скифии эпохи архаики вообще не встречаются (Там же. С. 62). В. С. Ольховский пришел к заключению, что конские захоронения в Крыму неизвестны до середины — второй половины V в. до н. э., причем появляются они исключительно в Восточном Крыму, в Нимфейских и Ак-Бурунском курганах (Там же. С. 92). К этому же выводу пришел и С. Г. Колтухов на материалах Северо-Западного и Предгорного Крыма, он датировал погребения с конями на территории Крыма временем не ранее второй половины IV в. до н. э. (за исключением указанных) (Колтухов, 2012. С. 104; Колтухов, Сенаторов, 2020. С. 54).

В связи с этим следует рассмотреть еще один регион, сопредельный с Боспором, — территорию Синдики и Прикубанья (Иванов, 2016. С. 238–239; Виноградов, 2005. С. 251–252; Бутягин, Виноградов, 2014. С. 35; Масленников, 1981. С. 35–36). В первую очередь следует обратить внимание на Семибратние курганы, в которых все погребения лошадей также расположены в южном секторе, в специальном отделении или отдельно от основного комплекса (Коровина, 1957. С. 175–180). Хронология Семибратних курганов хорошо разработана (Горончаровский, Иванчик, 2010. С. 229). Наиболее ранние курганы Старшей группы датируются серединой — второй половиной V в. до н. э., наиболее поздние — первой четвертью IV в. до н. э.

¹³ Практически ни в одном случае невозможно определить точное местоположение погребений относительно основного. Можно только утверждать, что в нескольких случаях они находились с разных сторон.

Сходство с ними демонстрирует еще ряд комплексов Прикубанья (Иванов, 2016. С. 238–239), которые датируются в пределах IV в. до н. э. Их можно объединить на основании общих признаков — во всех погребениях кони взнузданы, находятся в южном секторе и примыкают к основному погребению.

Таким образом, мы можем констатировать, что в первой половине V в. до н. э. в грунтовых некрополях Азиатского Боспора появляется традиция погребения коня к югу от погребального сооружения (обычно — сырцовой гробницы), рядом с могилой воина. Данная традиция на территории Таманского полуострова сохраняется вплоть до середины (третьей четверти?) IV в. до н. э., однако наиболее частыми становятся погребения под курганными насыпями, возрастает также и количество погребаемых коней. Одновременно начиная с середины V в. до н. э. аналогичная традиция распространяется и на территории Синдики и, практически синхронно, на противоположной стороне пролива, а также в районе Южной переправы через Боспор Киммерийский — в Нимфее и на мысе Ак-Бурун. При этом погребения Европейского Боспора, хотя и имеют некоторые отличия (в расположении коней), в целом чрезвычайно близки именно погребениям Азиатского Боспора, а не скифским погребениям степной Скифии и Крыма. Позднее, уже в IV в. до н. э., подобная традиция получает широкое распространение к востоку от Боспора, в Прикубанье, но не в Крыму, где в скифских памятниках IV в. до н. э. такие погребения редки и довольно сильно отличаются от погребений Боспора.

В конце хотелось бы остановиться на тех регионах, где существует аналогичная традиция погребения коней, причем в более раннее время. Погребения коней известны в Прикубанье с протомеотского времени (Эрлих, 2007. С. 118–125), эта черта обряда сохраняется и позже и встречается в таких могильниках, как Келермесский и Уляпский (Галанина, Алексеев, 1990. С. 52–53; Лесков и др., 2005. С. 69–73). В VII–V вв. до н. э. они известны в районе Анапы–Новороссийска (Дмитриев, 1976. С. 20; Новичихин, 2010. С. 198; Шишлов и др., 1999. С. 398; Шишлов и др., 2005. С. 23), причем их количество в отдельных некрополях доходит до 11 % (Шишлов и др., 2005. С. 23). Однако расположение и погребальные сооружения, связанные с захоронениями коней, в данных некрополях отличаются от того, что мы видим на Боспоре.

Погребения лошадей известны также в греческих некрополях, однако там они редки. Они встречаются либо в связи с воинскими погребениями и погребениями, связанными с войнами, либо в статусных погребениях (см. об этом подробнее, с литературой: Иванов, Сударев, 2017. С. 182). Погребения лошадей вместе с хозяевами еще древними авторами рассматривались в контексте гомеровской эпохи и героического погребального обряда, описанного в Илиаде (Garland, 1985. P. 35; Kottaridou, 1999. P. 113). Такие захоронения совершались в Греции в XII–VII вв. до н. э. и, в редких случаях, до конца VI в. до н. э. и позже (Garland, 1985. P. 35; Morris, 1987. P. 48–49, 130; Vlachou, 2012). Этот обряд сохранялся в ряде областей Греции и, в первую очередь, в Македонии (Castor, 2008. P. 120; Kottaridou, 1999. P. 114); начиная с эллинистического времени он переживает новый расцвет. Погребения лошадей не только не противоречат греческой культуре, но, скорее, являются ее характерной чертой в случаях, когда речь идет о статусных погребениях и погребениях героизированных умерших.

Есть и еще один регион, тесно связанный с Азиатским Боспором в эпоху позднего бронзового и раннего железного века и, возможно, сохранявший эти связи вплоть до появления греков. Речь идет о Карпато-Дунайском регионе и о Северо-Восточных Балканах (Кияшко, Сударев, 2018. С. 212–218; Сударев, 2020. С. 68). Не перечисляя всю огромную библиографию, посвященную этому вопросу, остановимся лишь на нескольких моментах. На этой территории сохраняются погребальные традиции, восходящие еще к микенской Греции, в том числе погребения коней и собак как медиаторов перехода между миром живых и мертвых (Georgieva, 1998. P. 63; Gergova, 1989. P. 235). По мнению болгарских исследователей, эти погребения отражают орфические традиции (Kitov, Krasteva, 1993. P. 63–65). Подобные погребения встречены как в богатых подкурганных захоронениях, так и в грунтовых некрополях, причем как и в некрополях Боспора, конские погребения часто расположены именно в южном секторе и вплотную примыкают к основному погребению или же находятся в специально построенном отделении (Kitov, Krasteva, 1995. P. 20; Димитрова, 2019. С. 68). В Сибру, рассмотрев 63 жертвоприношения 250 животных в разных комплексах с территории современной Румынии (Восточной Фракии), приходит к выводу, что лошади и

собаки с XI в. до н. э. служили в погребениях в качестве проводников-медиаторов и спутников умерших в подземном мире. Рассматривая жертвоприношения лошадей, он высказал предположение, что они могли быть связаны с солнечными культами (Sirbu, 1993. P. 87–120). Приблизительно к таким же выводам приходит и Р. Георгиева на фракийских материалах конца II — I тыс. до н. э. (Георгиева, 1999. С. 194–200). По ее мнению, конь не только отражал статус воина-всадника, но и являлся его проводником в загробном мире, как в случае с фракийским всадником-героем. Кроме того, он был символом солнечного бога, и с этим, возможно, связано его расположение в южной части. Погребения и жертвоприношения коней в могилах появляются уже на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века, существуют, постоянно увеличиваясь в числе, в VI–V вв. до н. э. и особое распространение получают в эллинистический период. Р. Георгиева считает, что появление и распространение данного обряда следует связывать не со скифским влиянием, а с традициями Крита, Кипра и континентальной Греции эпохи позднего бронзового века. В то же время в своей большой работе, посвященной непосредственно погребениям всадников, она отмечает, что погребения всадников во Фракии в целом более поздние, чем во Фригии и греческом мире, и лишь немного более ранние, чем в Скифии (Георгиева, 2011. С. 105–115), а кроме того, обращает внимание на тот факт, что наиболее ранние и в наибольшем количестве погребения коней представлены в некрополях Северной, Северо-Восточной и Восточной

Фракии, появляясь в Южной Фракии лишь в начале V в. до н. э. На это же обращает внимание и М. Кузманов в работе «Конь во фракийских погребальных обрядах» (Kouzmanov, 2005. P. 143–145), считая, что захоронения всадников более характерны для земель гетов, трибалов и одрисов. Он приводит огромную библиографию, посвященную различным аспектам изучения погребений коней в некрополях Фракии.

Подведем предварительные итоги. Погребения с лошадьми некрополей Волна 1 и Артющенко 2 находят аналогии как в материалах Таманского полуострова, так и в некрополях Синдики и Восточного Крыма — Нимфея и Ак-Буруна — и, по-видимому, должны рассматриваться как единая группа. Появление таких погребений на Боспоре вполне согласуется с греческими погребальными традициями, однако эта группа также имеет много общего с памятниками Прикубанья, где подобные погребения известны с предшествующей эпохи. Кроме того, у этой группы захоронений много общих черт и с памятниками Северной и Восточной Фракии, известными там с более раннего периода. В то же время погребения коней этой группы заметно отличаются от подобных в степной Скифии. Конечно, мы понимаем, что выяснить этническую составляющую этого ритуала на данном этапе сложно. Более вероятно, что перед нами свидетельства чрезвычайно сложных процессов взаимовлияний различных групп и взаимоотношений между представителями знати. И рассматривать сложение этой группы, вероятнее всего, следует именно через призму культуры элит.

Бутягин, Виноградов, 2014 — Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 2. Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь; Керчь: Деметра, 2014 (Боспорские исследования; Supplementum 13). 184 с.

Вахтина, 2017 — Вахтина М. Ю. Гробницы 1, 2 и 6 в некрополе Нимфея // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 86–96.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья скифской эпохи. СПб.: Алтейя, 2005. С. 211–296.

Власова, 2010 — Власова Е. В. Государственный Эрмитаж. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. Т. III / Ред.

Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 198–262.

Волкодав и др., 2016 — Волкодав Н. В., Устаева Э. Р., Шевченко Н. П. Археологические объекты и раскопки в зоне строительства Таманского терминала навалочных грузов ЗАО «Таманьнефтегаз» // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археол. науч. конф. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель, 2016 г.) / Отв. ред. Н. В. Волкодав. Краснодар: Экоинвест, 2016. С. 43–56.

Галанина, Алексеев, 1990 — Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Л.: Искусство, 1990. № 30. С. 34–54.

- Гарбузов и др.*, 2017 — *Гарбузов Г. П., Поротов А. В., Сударев Н. И.* К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2017. Т. 21. С. 64–81.
- Георгиева*, 1999 — *Георгиева Р.* Жертвоприношения на животни в погребальной практике (края на II–I тысячелетие пр. н. э.) // *Георгиева Р., Спиридонов Т., Рехо М.* Етнология на траките. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1999. С. 184–215.
- Георгиева*, 2011 — *Георгиева Р.* Погребения на конници в Тракия // *Thracia*. 2011. №. 19. С. 105–115.
- Герц*, 1876 — *Герц К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М.: Моск. археол. об-во, 1876. 118 с.
- Горончаровский, Иванчик*, 2010 — *Горончаровский В. А., Иванчик А. И.* Синды // *Античное наследие Кубани*. Т. I / Ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 218–236.
- Горошников*, 2018 — *Горошников А. А.* Поселение эпохи поздней бронзы Панагия 1 в юго-западной части Таманского полуострова // *Отв. ред. А.Н. Гей.* Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. М.: ИА РАН, 2018. С. 17–19.
- ДБК, 1854 — *Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа: атлас* / [рис. Родольфа Пикара и акад. Ф. Солнцева]. СПб.: Тип. Акад. наук, 1854. Т. 1. [16], СLIV, [3], 279, [1] с.; Т. 2. [4], 339, [1] с.; Т. 3. Атлас: LXXXVI табл.; 5 с. чертежей и планов; 2 л. карт. [Художники: Ф. Г. Солнцев, Р. Пикар].
- Димитрова*, 2019 — *Димитрова Д.* Некропол Косматките в землището на гр. Шипка. Исследования и проблемы // *Проблемы и исследования на тракийската култура*. Т. 9. Казанлък, 2019. С. 65–107.
- Дмитриев*, 1976 — *Дмитриев А. В.* Новые материалы VIII–V вв. до н. э. из района Новороссийска // *Археология Северного Кавказа*. V Крупновские чтения: Тез. докл. Краснодар; М.: ИА АН СССР; Кубанский ГУ, 1976. С. 20–21.
- Житников*, 2017 — *Житников В. Г.* «Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н. э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров) // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2017. Т. 21. С. 95–121.
- Иванов*, 2016 — *Иванов А. В.* О некоторых параллелях в погребальном обряде элитарных комплексов Азиатского Боспора, Синдики и Кубани // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы междунар. Круглого стола (22–25 ноября 2016 г.)*. СПб.: Палаццо, 2016. С. 236–239.
- Иванов, Сударев*, 2017 — *Иванов А. В., Сударев Н. И.* Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2017. Т. 21. С. 160–189.
- Ильинская, Тереножкин*, 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 386 с.
- Кашаев*, 2009 — *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // *Степи Евразии и история Боспора Киммерийского* / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2009 (Боспорские исследования; Т. XXII). С. 188–267.
- Кашаев*, 2013 — *Кашаев С. В.* Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // *РАЕ*. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2013. №. 3. С. 360–409.
- Кашаев*, 2019 — *Кашаев С. В.* Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V–II вв. до н. э.) // *Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии)* / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 230–254.
- Кашаев и др.*, 2019 — *Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И.* Погребения с лошадьми в некрополях Волна-1 и Артющенко-2 // *Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: Материалы V междунар. конф. «Археологические источники и культурогенез»* / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 25–30.
- Кияшко, Сударев*, 2018 — *Кияшко А. В., Сударев Н. И.* К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // *XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации* / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: ИП Литвиненко Е. А., 2018. С. 212–218.
- Колтухов*, 2012 — *Колтухов С. Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012 (Археологический альманах; № 27). 161 с.
- Колтухов, Сенаторов*, 2020 — *Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Симферополь: Колорит, 2020.

- Ч. II: Между долиной Салгира и междуречьем Карасу. 307 с.
- Коровина, 1957 — Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174–187.
- Коровина, 1964 — Коровина А. К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н. э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора: Дис. ... канд. ист. наук // НОА ИА РАН. Р-2. № 1914. М., 1964. 329 с.
- Лесков и др., 2005 — Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э.: Некрополи у аула Уляп: Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лоренц, Трейстер, 2008 — Лоренц А., Трейстер М. Ю. Трехбратние курганы. Каталог комплексов и находок // Трехбратние курганы. Курганный комплекс второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму / Под ред. М. Ю. Трейстера. Симферополь: Бонн: Универсум, 2008. С. 13–60.
- Масленников, 1981 — Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 128 с.
- Мимоход, Успенский, 2016 — Мимоход Р. А., Успенский П. С. Раскопки курганных могильников на Таманском полуострове в 2014 г. // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: Материалы археол. науч. конф. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель, 2016 г.) / Отв. ред. Н. В. Волкоддав. Краснодар: Экоинвест, 2016. С. 86–90.
- Мимоход и др., 2017а — Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. «Волна 1» — Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и таманского терминала навалочных грузов. Краснодар: Ирида, 2017. С. 4–31.
- Мимоход и др., 2017б — Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2017. Т. 21. С. 295–310.
- Мимоход и др., 2019 — Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посв. 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. Вып. 2. С. 120–144.
- Новичихин, 2010 — Новичихин А. М. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики/ Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2010 (Некрополи Черноморья; Т. III). С. 191–197.
- Ольховский, 1991 — Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 253.
- Паромов, 1999 — Паромов Я. М. Скифские погребения на Таманском полуострове // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э.: Тез. докл. междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. М.: б. и., 1999. С. 106–109.
- Паромов, 2000 — Паромов Я. М. Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. Вып. 3: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.) / Ред. С. Л. Соловьев, Г. Р. Цехладзе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 72–75.
- Поротов и др., 2017 — Поротов А. В., Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. Некоторые результаты археолого-палеогеографических исследований в долине Кубани // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы X Всерос. конф. по изучению четвертичного периода. М.: ГЕОС, 2017. С. 324–326.
- Поротов и др., 2020 — Поротов А. В., Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. Палеогеографические условия формирования путей этно-культурных миграции в северо-восточном Причерноморье в эпохи поздней бронзы — раннего средневековья // Актуальные проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена: Материалы Всерос. конф. с междунар. участием «Марковские чтения 2020 года» / Отв. ред. Н. С. Болиховская, Т. С. Ключиткина, Т. А. Янина. М.: Геогр. фак-т МГУ, 2020. С. 318–323.
- Рогов, 2000 — Рогов Е. Я. Разведки на юго-западной части Таманского полуострова // Археологические открытия 1998 г. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 210–211.
- Силантьева, 1959 — Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Лен. отд-ние), 1959 (МИА; № 69). С. 5–107.
- Силантьева, 1976 — Силантьева Л. Ф. Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. Т. 17: Культура и искусство античного мира. Л.: Аврора, 1976. С. 123–137.

- Соколова, 1999 — Соколова О. Ю. Конская узда V в. до н. э. из некрополя Нимфея // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, Е. Я. Рогов, В. А. Хршановский. СПб.: б. и., 1999. С. 184–186.
- Строганов, 1882 — Строганов С. А. Доклад о действиях Императорской Археологической комиссии за 1880 г. // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1880 г. Санкт-Петербург, 1882. 144 с.
- Сударев, 2005 — Сударев Н. И. «Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии РАН. М., 2005. 26 с.
- Сударев, 2017 — Сударев Н. И. «Торговля: пути — товары — отношения» через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения / Ред. Е. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 525–535.
- Сударев, 2020 — Сударев Н. И. Историография изучения памятников эпохи поздней бронзы — раннего железного века Таманского полуострова // XV Всерос. археолог. конф. студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Ростов н/Д.; Таганрог: Изд. Южн. федерального ун-та, 2020. С. 68–79.
- Сударев, Гарбузов, 2015 — Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Серия: Исторические науки. Симферополь: Крымский университет культуры, искусств и туризма, 2015. № 7. С. 156–165.
- Сударев и др., 2018 — Сударев Н. И., Поротов А. В., Гарбузов Г. П. Путь из Синдики в Синдику: значение Анапской пересыпи в истории региона // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации / Ред. Е. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: ИП Литвиненко Е. А., 2018. С. 485–493.
- Шишлов и др., 1999 — Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В. Некрополь VII–V вв. до н. э. близ г. Новороссийска // ПИФК. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 398–400.
- Шишлов и др., 2005 — Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П. Владимирский могильник — новый памятник скифского времени в Цемесской долине // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора / Ред. А. А. Малышев. М.; Новороссийск: б. и., 2005. С. 22–29.
- Эрлих, 2007 — Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007. 430 с.
- Яковенко, 1974 — Яковенко Э. В. Скифы Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ: Наукова думка, 1974. 150 с.
- Castor, 2008 — Castor A. Q. Grave Garb: Archaic and Classical Macedonian Funerary Costume // Reading a Dynamic Canvas: Adornment in the Ancient Mediterranean World. Cambridge, 2008. P. 115–145.
- Garland, 1985 — Garland R. The Greek Way of Death. New York: Cornell univ. press, 1985. 192 p.
- Georgieva, 1998 — Georgieva R. Burial Rites in Thrace and Phrygia // Thracians and Phrygians: Problems of Parallelism: Proceedings of an International Symposium on the Archaeology, History and Ancient Languages of Thrace and Phrygia (Ankara, 3–4 June 1995) / Eds. N. Tuna, Z. Aktüre, M. Lynch. Ankara: Centre for Research and Assessment of Historic Environment, 1998. P. 61–64.
- Gergova, 1989 — Gergova D. Thracian Burial Rites of Late Bronze and Early Iron Age // Eds. G. P. Best, M. W. Manny. De Vries. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill. P. 231–240.
- Kitov, Krasteva, 1993 — Kitov G., Krasteva M. A 4th century BC Thracian Royal Tomb from the Kazanluk Region, Southern Bulgaria // Talanta (1992–1993). 1993. Vol. 24–25. P. 59–75.
- Kitov, Krasteva, 1995 — Kitov G., Krasteva M. The Thracian grave and cult complex in the Ostrousha tumulus near Shipka // Talanta (1994). 1995. Vol. 26–27. P. 7–28.
- Kottaridou, 1999 — Koitaridou A. Macedonian Burial Customs and the Funeral of Alexander the Great // International Congress «Alexander the Great: From Macedonia to the Oikoumene». Veroia: Nomarchiakē Autodioikēsē Ēmathias, 1999. P. 113–121.
- Kouzmanov, 2005 — Kouzmanov M. The horse in Thracian burial rites // The Culture of Thracians and Their Neighbours: Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a Round Table “Archaeological Map of Bulgaria” / Eds. J. Bouzek, L. Domaradzka. Archaeopress, 2005 (BAR International Series; No. 1350). 282 p.
- Morris, 1987 — Morris I. Burial and ancient society. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 262 p.
- Sîrbu, 1993 — Sîrbu V. Sacrificii rituale de animale la traco-geto-daci, dacii liberi și daco-romani (secolele XI î. Hr.–III d. Hr.) // Arheologia Moldovei. 1993. Vol. 16. P. 87–120.
- Vlachou, 2012 — Vlachou V. Death and Burial in the Greek World // Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum (ThesCRA). Vol. VIII. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2012. P. 363–384.

Burials with horses at the necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2

S. V. Kashaev, R. A. Mimokhod, N. I. Sudarev

Burials with horses are known at different necropoleis of Bosphoros and invariably attract considerable interest. They are often considered as a feature alien to the Greeks and an indication of the direct penetration of barbarians into the milieu of Greek colonists, as well as into the composition of the elite of the Bosporan state.

This fact induces us to pay special attention to this group of burials that have been revealed during several recent years. They are most numerous represented at necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2 (Fig. 1).

In the course of excavations of the necropolis of Volna 1, about 2000 burials have been investigated dated from the second quarter of the 6th–2nd century BC. Among them, at least 16 burials with horses or their parts have been found (Fig. 2).

At the necropolis of Artyushchenko 2, 208 graves of the second quarter of the 6th — 2nd century BC have been revealed; four of the latter contained burials with horses (Fig. 3).

Thus we may state that in the first half of the 5th century BC, there appeared at flat-grave necropoleis of Asiatic Bosphoros a tradition of burying a horse near the grave of a warrior south from the funerary structure (usually, a mudbrick tomb).

Burials with horses at the necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2 have parallels both among the materials of the Taman Peninsula and at cemeteries of Sindike and the regions of Nymphaion and Ak-Burun. Evidently, they all must be considered as a single group. The appearance of burials of this kind in Bosphoros entirely corresponds to Greek burial traditions, however, this group has also much in common with similar sites on the Kuban River where such complexes are known since the precedent epoch. In addition, these sites has many common features with monuments of the Northern and Eastern Thrace also known in these regions from an earlier period.

О горизонте второй–третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское 1 в Нижнем Прикубанье¹

А. В. Иванов, П. А. Ларенок, А. А. Подорожный²

Аннотация. Статья посвящена материалам раннежелезного века из раскопок поселения Марьянское 1, исследованного в Красноармейском районе Краснодарского края на берегу р. Кубань, а главный упор сделан на хронологический горизонт VI в. до н. э., являющийся основным слоем памятника. Для определения хронологических позиций дается анализ характерных для памятников Кубани раннемеотского времени предметов и приводятся их аналогии, особое внимание уделено греческому импорту. Совокупность полученных данных позволяет датировать горизонт в рамках второй–третьей четверти VI в. до н. э., а его материальное наполнение рассматривать в контексте меотской культуры.

Annotation. The paper deals with the materials of the early Iron Age from excavations of the settlement-site of Maryanskoeye 1 investigated in the Krasnoarmeysk district of Krasnodar Kray on the bank of the Kuban River. The main attention is paid to the chronological horizon of the 6th century BC which is the main stratum at the site. In order to define its chronological position, an analysis is presented and analogues of the artefacts characteristic of Kuban sites of the early Maeotic period are attracted. Particular consideration is paid to Greek imports. The aggregate of the obtained data allows us to date the horizon under study to within the second–third quarter of the 6th century BC and its materials are to be considered in the context of the Maeotic culture.

Ключевые слова: поселение, хронологические горизонты, керамика, амфоры, хозяйственные ямы, рвы.

Keywords: Settlement, chronological horizons, pottery, amphorae, household pits, ditches.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-97-115

В последние десятилетия наметился прогресс в изучении памятников VI в. до н. э. Кубани. Были проанализированы сведения о раннем периоде меотской культуры, основанные на погребальных комплексах из грунтовых могильников (Лимбе-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ИВИ РАН (проект РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ»).

² Иванов А. В. — Южный региональный центр археологических исследований; ул. Гагарина, д. 248, Краснодар, 350049, Россия; ИВИ РАН; Ленинский пр., д. 32а, Москва, 119334, Россия; e-mail: ivanov_arx@mail.ru. Ларенок П. А. — ООО «Южархеология»; Ростов-на-Дону, 344082, Россия; e-mail: pavelalarenok@mail.ru. Подорожный А. А. — ООО «Южархеология»; Ростов-на-Дону, 344116, Россия; e-mail: podoroznii@yandex.ru.

рис, Марченко, 2012). Публикуются и материалы поселений (Рябкова, 2015; Иванов, 2019б; Иванов и др., 2019). Однако число известных, тем более подвергшихся раскопкам поселенческих структур этого времени по-прежнему очень невелико. Находки, полученные благодаря раскопкам поселений, дали главный и во многом неожиданный результат — значительное количество импортной керамики, используемой кубанскими варварами в быту. Такой результат сильно выделяется на фоне материалов меотских некрополей, где импортная посуда встречается крайне редко и относится в основном к рубежу VI–V и к V в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 47–49). С чем связан подобный дисбаланс — вопрос, на который еще предстоит ответить. Но то, что греческий импорт распространяется в Прикубанье уже в эпоху колонизации Боспора, становится все более

Рис. 1. Местоположение поселения Марьянское 1
Fig. 1. Location of the site of Maryanskoje 1

очевидным фактом, способным серьезно изменить наши представления о развитии греко-варварских взаимоотношений в регионе. В этой связи любая дополнительная информация, тем более о новом исследованном памятнике VI в. до н. э., приобретает крайне важное значение.

Станица Марьянская находится в Красноармейском районе Краснодарского края в 20 км западнее г. Краснодар. Этот район имеет богатую историю исследований. Впервые археологические памятники, расположенные здесь, отмечаются на карте памятников Кубанской области, составленной Е. Д. Фелицыным в 1882 г. Начало же археологическим исследованиям в районе было положено в 1912 г., когда Н. И. Веселовским раскапывается курган «Дымная могила», более известный как курган ст. Марьянской (ОИАК за 1912 г. СПб., 1916. С. 50–57). В разные годы в районе работали М. В. Покровский, Н. В. Анфимов, Л. А. Булава, О. П. Куликова, Н. В. Волкодав, Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, В. В. Бочковой. В основном раскопками затрагивались погребальные памятники, среди которых отметим могильник хут. Зеленской (Анфимов Н., 1951. С. 2–9; 1952. С. 72) и Прикубанский могильник (Марченко и др., 2001. С. 91–99), курганы хут. Водный (Куликова, 1978; Иванов, 2019а. С. 23–24) и разрушенный курган ст. Ивановская (Анфимов Н., 1987. С. 128–129). Большая

часть из них датируются IV в. до н. э. Единственное поселение, которое было здесь исследовано, находится у ст. Старонижестеблиевская (Анфимов И., 1987. С. 27; 1988. С. 107). Оно также дало материалы IV в. до н. э. (Улитин, Анфимов, 2015. С. 287).

Поселение Марьянское 1 расположено на небольшой возвышенности в излучине древнего правого берега р. Кубань в 3,8 км к западу от ст. Марьянская (рис. 1). Рельеф поселения сильно изменен в результате хозяйственной деятельности, проводимой здесь в разные годы. На территории поселения находятся различные коммуникационные системы и трубопровод. Кроме того, северная часть поселения уничтожена системой каналов и рисовых чеков. Соответственно древний ландшафт оказался полностью стерт. Тем не менее именно на этом месте Е. Д. Фелицын помещает городище на своей карте 1882 г., что подразумевает наличие здесь визуально различимой фортификации еще на момент составления карты.

Поселение было вновь выявлено в 2012 г. Д. В. Коротким и А. П. Кононенко и отнесено к периоду средневековья. Уже на следующий год экспедицией Южного регионального центра археологических исследований под руководством В. Ю. Конова была исследована часть поселения, выявлен и исследован меотский грунтовый могильник IV в. до н. э., непосредственно примыкающий к поселению (Кононов, 2014. С. 166–167). Работы продолжились в 2015–2016 гг. экспедицией «Южархеологии» под руководством П. А. Ларенка, А. В. Цибрий и В. В. Цибрий. В эти годы исследовалось только поселение. Таким образом, в настоящее время общая исследованная площадь памятника составляет около 2,4 га.

На поселении выделены пять хронологических горизонтов — от финала бронзового века до позднего средневековья. Участки культурного слоя финала бронзового века сохранились лишь местами, материал небогат и представлен фрагментами лепных сосудов, часть которых была орнаментирована, и серией каменных орудий (песты, терочки). Этот горизонт уже освещен в литературе (Ларенок, 2018). В наиболее поздних напластованиях, относящихся к средневековью, встречены распространенные типы амфор, лепной и столовой посуды VII–IX и XIII–XIV вв. эпохи Хазарского каганата и Золотой Орды. Впрочем, основной слой поселения сложен в раннем железном веке. Анализ вещевого комплекса позволяет выделить два горизонта — VI и IV вв. до н. э.

В своей работе мы уделим внимание самому раннему горизонту и находкам VI в. до н. э.

Хронологический горизонт VI в. до н. э. составлен самым мощным слоем памятника и был зафиксирован во всех раскопах. В его пределах исследовано множество объектов — ровиков, хозяйственных ям, локальных развалов лепной посуды. Помимо этого, вскрыты участки оборонительных рвов, окружавших поселение.

Большая часть находок, связанная с горизонтом, — простая лепная посуда (рис. 2), представленная в основном фрагментами горшков. Их формы типичны для этого региона и времени (рис. 2, 1–16). По современной типологии лепных горшков раннеэотских памятников правобережья Кубани, предложенной Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, сосуды относятся к типу I (VI — первая половина V в. до н. э.) и типу II (VI–V вв. до н. э.) (Лимберис, Марченко, 2012. С. 36, рис. 19–20). Обратим внимание на значительное количество орнаментированных горшков. Орнамент не отличается разнообразием — это пальцевые вдавления либо косые насечки на манжетовидном налесте или под венчиком. Орнаментировались также поверхности и других сосудов — корчаг и кружек (рис. 2, 17, 18, 23, 24), которые, как и фрагменты лепных кувшинов, на памятнике встречены редко. Невелика доля мисок, что на фоне других кубанских памятников этого времени выглядит необычно. В некоторых случаях на мисках присутствуют налесты и вертикальные выступы на венчике. Необычным выглядит и полное отсутствие ковшей. Пожалуй, единственный фрагмент, который возможно сопоставить с фрагментом лепного ковша (рис. 2, 21), имеет технологическое присоединение ручки штифтом «на пробой», что контрастирует с распространенным на правобережной Кубани методом крепления ручек к сосудам.

Горизонт содержит множество керамических пряслиц (рис. 3, 1, 4), в основном конических, также много камня, который в качестве различных инструментов, по преимуществу терочников, использовался в быту, и гальки, причем со следами копти либо воздействия огня, отчего камень колотся. Последнее отсылает нас к материалам поселения Тарасова Балка, расположенного у Разменных курганов, где подобного колотого камня очень много, причем, как показала трасологическая экспертиза, расколотые камни и гальки имеют признаки антропогенного термического

расщепления (Рябкова, 2015. С. 361). Интерпретация этого явления лежит в плоскости утилитарного применения камня во взаимодействии с огнем. Но какую именно функцию при этом исполнял сам камень — неясно. Предполагается два наиболее вероятных сценария — обкладка очагов (но не одного подобного очага на поселении Марьянское 1 зафиксировано не было) либо использование камня при нагреве воды, для чего раскаленный в огне камень помещали в сосуд с жидкостью. И в том, и в другом случае камень от перепада температуры может раскалываться. Впрочем, вполне вероятны и другие варианты.

Находки вооружения ограничиваются лишь одной головкой трехгранного бронзового наконечника стрелы (рис. 3, 2). Детали конского снаряжения представлены простым бронзовым колечком и половиной бронзового стержневидного литого псаля (рис. 3, 3, 6). Фрагмент псаля был использован вторично, место слома зашлифовано. Псалий без уплощения центральной части в месте размещения отверстий, его верхняя оконечность завершается стилизованной головкой хищной птицы. Трехдырчатая схема оригинальна. Она беспетельная, проходит не поперек основной линии псаля, как у экземпляров келермесского горизонта, а вдоль нее, напоминая простую двухдырчатую схему, только без уплощения. Видимо, данная система крепления поводьев является переходной формой между схемами.

Греческая керамика. Она чрезвычайно разнообразна, а ее количество позволяет вывести эту категорию находок в разряд массового материала. Более того, число фрагментов амфор производства группы Теос/Клазомены уступает лишь самой массовой категории находок — лепным горшкам. Помимо указанной группы в материалах поселения представлены фрагменты амфор Лесбоса, Милета, Хиоса и амфор на сложнопрофилированной ножке (рис. 4).

Группа Теос/Клазомены, как уже сказано, — самая массовая среди амфорного материала (рис. 4, 1–20). Оговоримся, что мы объединяем в одну условную группу эти центры по целому ряду причин. Теос и Клазомены — полисы-соседи, их продукция синхронна, морфологически схожа и имеет ряд общих признаков. Близка и формовочная масса. Известны случаи, когда мнения маститых амфорологов расходились по вопросу атрибуции центра производства даже археологически целого сосуда (Чистов и др., 2019. С. 12). Напомним также,

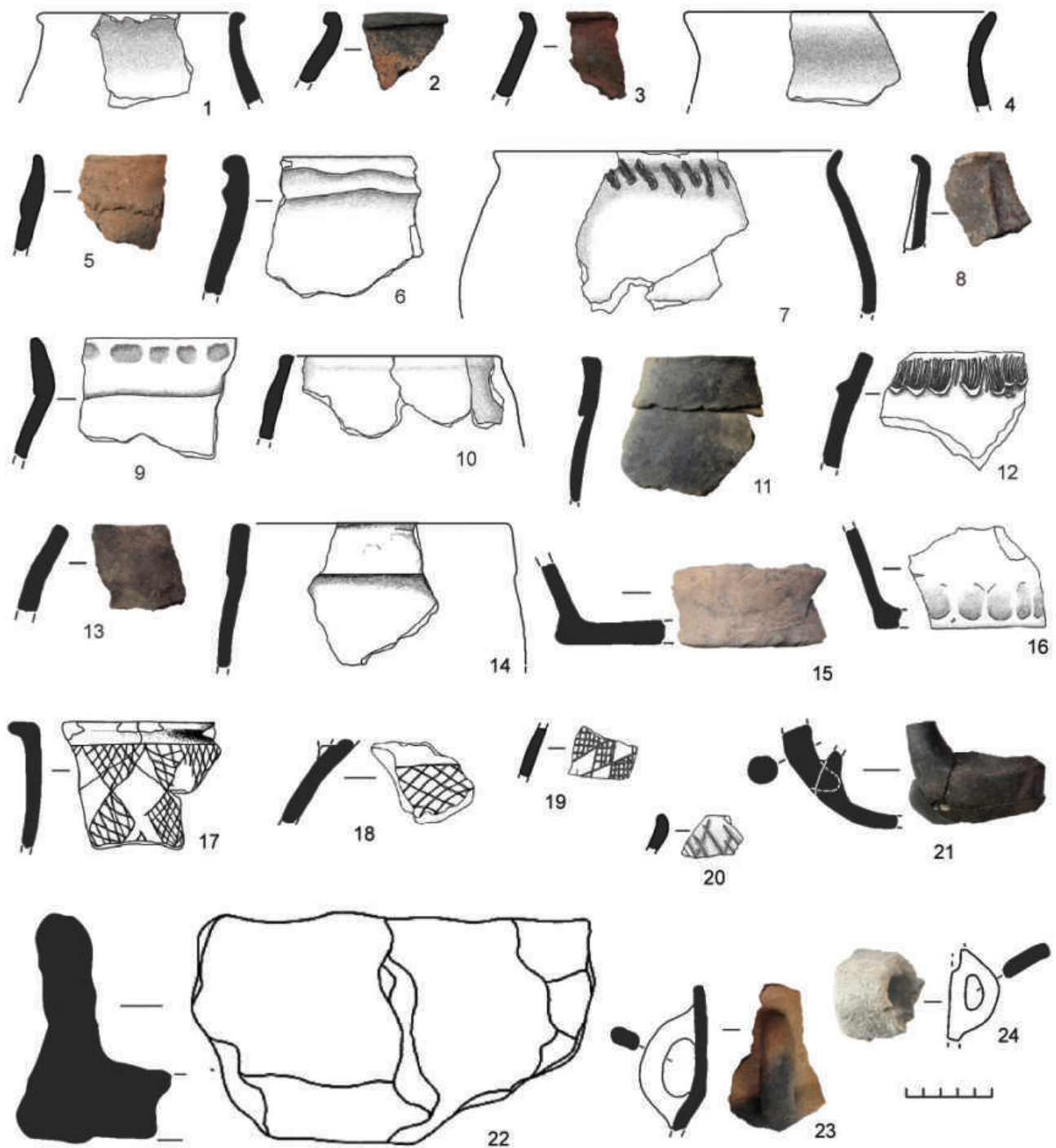

Рис. 2. Поселение Марьянское 1. Слой VI в. до н. э., фрагменты лепной посуды: 1-16 — горшки; 17 — корчага; 18-20 — фрагменты стенок орнаментированных сосудов; 21 — фрагмент ковша; 22 — сковорода; 23-24 — кружки. 1-24 — керамика

Fig. 2. Site of Maryanskoye 1. Layer of the 6th century BC, fragments of handmade pottery: 1-16 — pots; 17 — earthenware storage pot; 18-20 — fragments of the walls of decorated pottery; 21 — fragment of a ladle; 22 — frying pan; 23-24 — mugs. 1-24 — ceramics

что амфоры Теоса были выделены совсем недавно (Sezgin, 2017), и, видимо, должно пройти время для апробации выводов исследователя.

Говоря о фрагментах амфор Лесбоса, встречаемых на памятнике (рис. 4, 21–24), стоит отметить, что они принадлежат сосудам как красного, так и серого обжига. Достоверная датировка одного венчика красноглиняной амфоры позволяет отнести все остальные фрагменты к архаическому типу (рис. 4, 21). Венчик морфологически идентичен венцу амфоры I-B, происходящей из Ольвии и датируемой в рамках второй половины VI в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 48, табл. 30, б).

Все фрагменты венчиков милетских амфор (рис. 4, 25–27) принадлежат архаическому типу (I-B) первой половины VI в. до н. э. Среди них отметим горло амфоры с ручками разной профилировки (одна в сечении овальная, другая — двуствольная), имеющее полную аналогию среди материалов 1991 г. хозяйственной ямы раскопа «Б» Березанского поселения (Там же. С. 32, табл. 17, 3).

Фрагменты амфор Хиоса немногочисленны. Обратим внимание на три стенки амфор с белым ангобом. Не совсем понятно, к какому конкретно варианту они относятся. Исходя из контекста, вероятно к созопольскому, время бытования которого определяется в рамках конца VII — третьей четверти VI в. до н. э. (Там же. С. 15, 24).

Амфоры на сложнопрофилированной ножке (протофасос) (рис. 4, 28–39) по количеству уступают лишь группе Теос/Клазомены. Все они относятся к амфорам первой и второй серий, выделенных С. Ю. Монаховым, и датируются второй–третьей четвертью VI в. до н. э. (Там же. С. 40).

В импортной столовой лаковой посуде (рис. 5) преобладают фрагменты киликов, столовых амфор, тарелок с меандром по венчику, принадлежащие распространенным типам ионийской полосатой керамики, а также стилю Late Wild Goat Style (LWG) Северной Ионии.

Обратим особое внимание на некоторые фрагменты. Один из них принадлежит тарелке (рис. 5, 2), по внутренней стенке и по вместилищу которой нанесен светлый ангоб, роспись светло-коричневым лаком — разорванный меандр по краю, полосы лака по вместилищу и с внешней стороны. Она была произведена в Северной Ионии во второй четверти VI в. до н. э. в стиле LWG (Буйских, 2013, С. 64–65, 68–69, рис. 47, 3.258). С этим же стилем

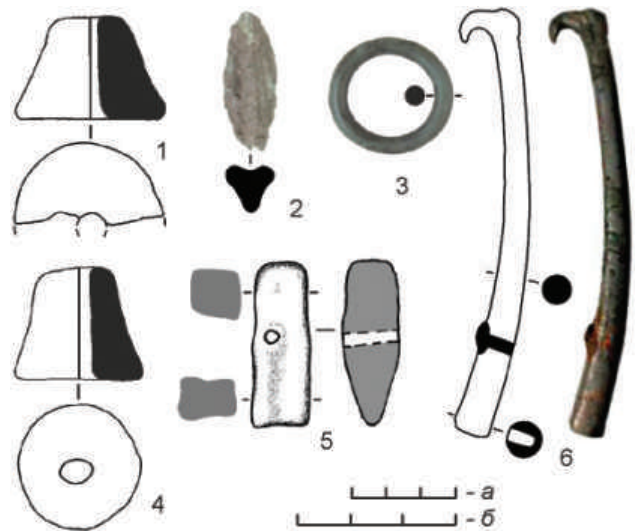

Рис. 3. Поселение Марьянское 1. Слой VI в. до н. э., находки: 1, 4 — пряслица; 2 — фрагмент наконечника стрелы; 3 — колечко; 5 — подвеска; 6 — псалий. 1, 4, 5 — керамика, 2, 3, 6 — бронза. Масштаб: а — 1, 4–6; б — 2, 3

Fig. 3. Site of Maryanskoye 1. Layer of the 6th ccentury BC, finds: 1, 4 — spindle whorls; 2 — fragment of an arrowhead; 3 — ring; 5 — pendant; 6 — horse cheekpiece. 1, 4, 5 — ceramics, 2, 3, 6 — bronze. Scale: a — 1, 4–6; б — 2, 3

мы связываем два венчика и двуствольную ручку закрытых сосудов, возможно столовых амфор (рис. 5, 1, 3, 4). Второй фрагмент с росписью полосами коричневого и бурого лака по венчику и вместилищу относится к венцу вазы-фруктовницы, или чаши на ножке (рис. 5, 5). Такие сосуды известны на архаических памятниках, например, в некрополях Токры, Ассоса, Самоса (Boardman, Hayes, 1966. Kat. 870; Isler, 1978. Nr. 514–515), а также в материалах Ольвии (Буйских, 2013. С. 139, № 9.213, 9.214). Встречались эти сосуды и на Кубани, в некрополе Старокорсунского городища № 2 и среди подъемного материала городища № 2 хут. Ленина (Лимберис, Марченко, 2012. С. 47–49, рис. 26, 9, 10), а также в погребении № 67 некрополя у хут. Рассвет (Крушкол, Новичихин, 2010. С. 94, рис. 98). Еще два фрагмента (рис. 5, 6, 7), происходящие из слоя поселения, соотносятся с ионийскими киликами группы 9 по типологии У. Шлотцхауэра (Schlotzhauer, 2000. S. 407–417). В работе, вышедшей годом позже, исследователь на материалах Милета пришел к выводу, что это наиболее распространенный тип киликов для всего VI в. до н. э. (Schlotzhauer, 2001. S. 330). Им были выделены несколько вариантов чаш, различающихся по декору и датировке, однако в силу

Рис. 4. Поселение Марьянское 1. Слой VI в. до н. э., фрагменты амфор: 1-20 — Теос/Клазомены; 21-24 — Лесбос; 25-27 — Милет; 28-39 — амфоры на сложнопрофилированной ножке (протофасос). 1-39 — керамика

Fig 4. Site of Maryanskoye 1. Layer of the 6th century BC, fragmentary amphorae: 1-20 — Teos/Klazomenai; 21-24 — Lesbos; 25-27 — Miletos; 28-39 — amphorae with a foot of complex profile (Proto-Thasos type). 1-39 — ceramics

фрагментарности наших находок конкретизировать вариант в данном случае затруднительно. Тем не менее широкое распространение ионийских киликов, в том числе в Северном Причерноморье и на Боспоре, делает поиск аналогий делом небезнадежным. По мнению авторов, наиболее близкие нашему материалу находки происходят из Ольвии и относятся к 580–540 гг. до н. э. (Буйских, 2013. С. 94–95, 98–99, № 5.15–5.22).

Венчает группу столовой посуды крупный фрагмент стенки расписной столовой североионийской амфоры LWG группы Борисфен с крупным изображением припавшего на передние ноги козла с повернутой назад головой в обрамлении крупных розеток (рис. 5, 18). Тип был выделен М. Кершнером по месту наиболее массовых находок (*Kerschner*, 2006. S. 136–137). В настоящее время фрагменты амфор Борисфен помимо Средиземноморья известны на северопричерноморских памятниках, таких как Березань, Ольвия, Пантикапей, Мирмекий, Гермонасса, Кепы и т. д. (Буйских, 2013. С. 45).

Н. Н. Голда, опубликовавшая этот фрагмент амфоры, датировала его периодом 580–560 гг. до н. э. (Голда, 2017. С. 227). Основанием для такого заключения послужили даты комплексов с фрагментами сосудов LWG из раскопок Токры, предложенные Д. Бордманом и Д. Хейсом (*Boardman, Hayes*, 1966. P. 41). Видимо, исследовательница упустила из виду тот факт, что диапазон выпуска расписных сосудов LWG за последние несколько десятилетия был существенно расширен. Так, в работе, посвященной восточно-греческой керамике, Р. Кук и П. Дюпон датировали керамику LWG периодом — около 610 г. до н. э. до середины VI в. до н. э. (*Cook, Dupont*, 1998. P. 56). Наблюдения над материалами закрытых керамических комплексов позволили А. В. Буйских говорить о том, что ольвийские фрагменты стиля LWG следует относить ко времени после 600 г. до н. э., верхняя же граница доходит до середины VI в. до н. э. (Буйских, 2013. С. 46). Возвращаясь к амфорам Борисфен, отметим, что столовый сосуд данной группы из раскопок на Кипре был отнесен к 575–550 гг. до н. э. (*Gjerstad*, 1977. P. 36, Nr. 175). По мнению А. В. Буйских, эта датировка справедлива и для ольвийского материала (Буйских, 2013. С. 46). На Березани крупный фрагмент тулова подобной амфоры найден вместе с фрагментами расписных аттических кратеров середины VI в. до н. э. (*Чистов, Ильина*, 2017. С. 181–182). Таким образом,

представляется возможным датировать фрагмент амфоры из слоя поселения Марьянское 1 в пределах периода с конца первой четверти до середины IV в. до н. э.

Помимо лаковой посуды на памятнике встречались также простые миски с клювовидным венцом и с венцом, резко загнутым внутрь (рис. 5, 19–23), фрагменты кубков (рис. 5, 24), кувшинов (рис. 5, 25). Отметим фрагмент открытого светильника с втулкой в центре дна (рис. 5, 26) — тип, существовавший довольно продолжительное время, в течение второй половины VI — начала V в. до н. э. (*Забелин*, 1992. С. 299).

Еще более насыщенными археологическим материалом оказались многочисленные объекты, обнаруженные на территории поселения Марьянское 1 — одnogоризонтные развалы керамики, хозяйственные ямы и ровики. К сожалению, характер раскопок не дает полного планиграфического понимания того, для чего на территории поселения существовала большая часть ровиков. Впрочем, на одном из раскопов удалось проследить довольно протяженный участок ровика, которым, вероятно, огораживалась какая-то территория внутри поселения. В заполнении ровика помимо фрагментов лепной посуды — горшков и мисок с налестками на венчике — найдены фрагменты клазоменских амфор с полосами красной краски, а также два фрагмента лаковых ионийских сосуда.

Материал из хозяйственных ям заслуживает особого внимания. Интересным здесь является не столько его количество, сколько качество находок. Помимо фрагментов столовой посуды в ямах много обломков амфор, причем нередко встречались крупные фрагменты, нижние и верхние половины амфор, практически полные либо полные профили сосудов. Взаимовстречаемость в комплексах амфор, лаковой и лепной посуды очень важна для уточнения хронологии керамической тары, особенно это касается амфор и продукции местного населения.

В яме № 11³ (рис. 6) находились два фрагмента лаковой посуды, один из которых принадлежит открытому сосуду, скорее всего, ионийскому килику (рис. 6, 1). Здесь же встречены фрагменты клазоменских амфор, окрашенные красной краской, среди которых отметим венчик (рис. 6, 2), близкий клазоменской амфоре варианта 3 третьей четверти VI в. до н. э.; венчик амфоры на

³ Раскоп 5, участок 15, объект 11 / 2016.

Рис. 5. Поселение Марьянское 1. Слой VI в. до н. э., фрагменты столовой посуды:

1-18 — импортной столовой лаковой; 18-25 — простой столовой; 26 — светильник. 1-26 — керамика

Fig. 5. Site of Maryanskoye 1. Layer of the 6th century BC, fragmentary tableware: 1-18 — imported glossed tableware; 18-25 — plain tableware; 26 — lamp. 1-26 — ceramics

сложнопрофилированной ножке второй серии (рис. 6, 4), аналогичный венчику амфоры из погребения ольвийского некрополя № 38/1909 третьей четверти VI в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 40, 52, табл. 23, 4; 32, 3). Особенностью материала данного объекта является фрагмент кружки с круглой в сечении ручкой, крепящейся верхним краем к венчику, нижним — к линии наибольшего диаметра тулова (рис. 6, 5). К сожалению, профиль кружки неполный, однако морфология и способ крепления ручки к тулову кружки сближает ее с сосудом типа II-A из погребения 31/1938 Усть-Лабинского могильника № 2 второй половины V в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 33, рис. 17, 1). Примечательно, что ранее этого времени кружки с подобными ручками до настоящего момента известны не были.

В яме № 24⁴ (рис. 7) были найдены части сразу семи амфор, в пяти случаях удалось частично восстановить форму сосудов. Три из них относятся к продукции Клазомен (рис. 7, 1–3), еще две — «протофасосские» (рис. 7, 4, 5). Говоря о клазоменских амфорах, отметим, что у них нет характерных полос краски по тулову⁵ и они не совсем стандартных для центра размеров — значительно меньше, чем известные амфоры Клазомен, происходящие из раскопок северопричерноморских памятников. Причем и в других комплексах поселения, где встречена клазоменская тара, сосуды также имеют небольшой размер, видимо, являясь «фракцией» основных серий амфор. Части подобных «фракционок» были зафиксированы еще в семи хозяйственных ямах (рис. 8). Так, в яме № 42⁶ (рис. 8, 1–4) с нижними частями клазоменских амфор находился фрагмент тарелки (рис. 8, 4) стиля LWG второй четверти VI в. до н. э. с росписью в виде разорванного меандра красным лаком по светлomu ангобу (Буйских, 2013. С. 64–65, 69–70, рис. 47, 3.258, 3.261, 3.270). В яме № 63⁷ (рис. 8, 5–8) амфора, аналогичная сосудам из ямы № 24, была встречена с фрагментами хиосской амфоры с белым ангобом (рис. 8, 7, 8) созопольского варианта конца VII — третьей четверти VI в. до н. э.

⁴ Раскоп 4, участок 2, объект 24 /2016.

⁵ Необходимо отметить, что большая часть объектов, исследованных на поселении, подтапливалась подпочвенными водами, и, возможно, поэтому роспись на амфорах не сохранилась.

⁶ Раскоп 4, сектор 3, участок 16, объект 42/2016.

⁷ Раскоп 4, сектор 3, участок 17, объект 63/2016.

Рис. 6. Поселение Марьянское 1.

Хозяйственная яма № 11, керамика из заполнения

Fig. 6. Site of Maryanskoye 1.

Household pit no. 11, pottery from the fill

(Монахов, 2003. С. 15, 24) и фрагментом северо-ионийской тарелки (рис. 8, 6) стиля LWG также второй четверти VI в. до н. э. Наконец, в яме № 4⁸ (рис. 8, 9, 10) вместе с клазоменской археологически целой амфорой находилась верхняя часть сероглиняной лесбосской амфоры архаического типа второй четверти — середины VI в. до н. э. (Монахов и др., 2019б. С. 100).

Как видно из материалов приведенных комплексов, клазоменские амфоры подобной морфологии могут быть датированы в рамках второй четверти — середины VI в. до н. э. В целом, обращаясь к комплексу ямы № 24, подкрепляет эту дату и «протофасосская» амфора (рис. 7, 5), которая относится к очень ранней серии сосудов неустановленного центра Северной Эгеиды или Восточной Греции и находит аналогии среди материалов Березанского поселения — полуземлянки № 73/2016 и ямы № 234/2016 второй четверти — середины VI в. до н. э. (Чистов и др., 2019. С. 12–13, рис. 2, 5, 11). Тулово второй

⁸ Раскоп 5, квадрат 13, объект 4/2016.

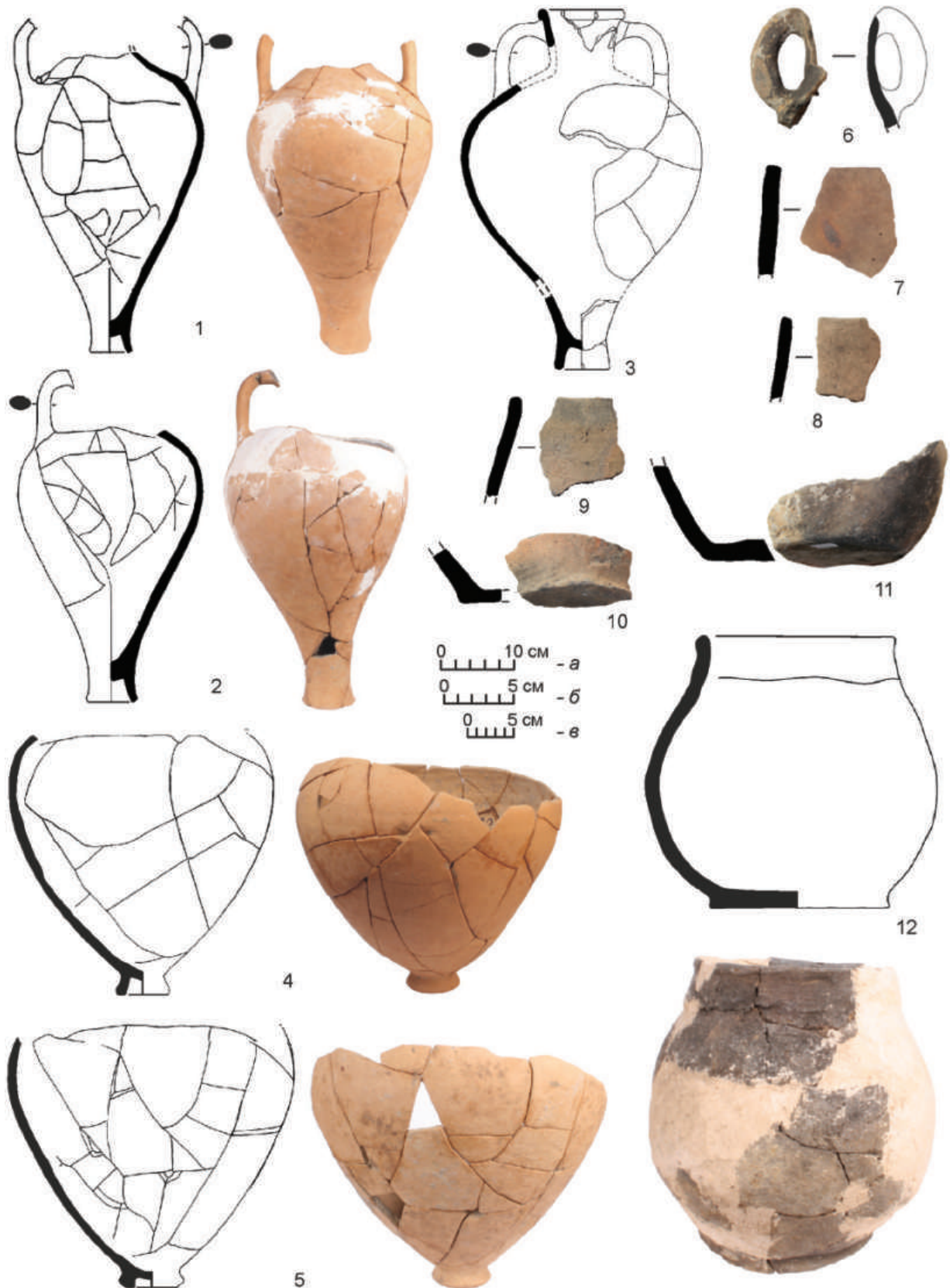

Рис. 7. Поселение Марьянское 1. Хозяйственная яма № 24, керамика из заполнения. Масштаб: а — 1-5; б — 6-11; в — 12
 Рис. 7. Site of Maryanskoye 1. Household pit no. 24, pottery from the fill. Scale: a — 1-5; б — 6-11; в — 12

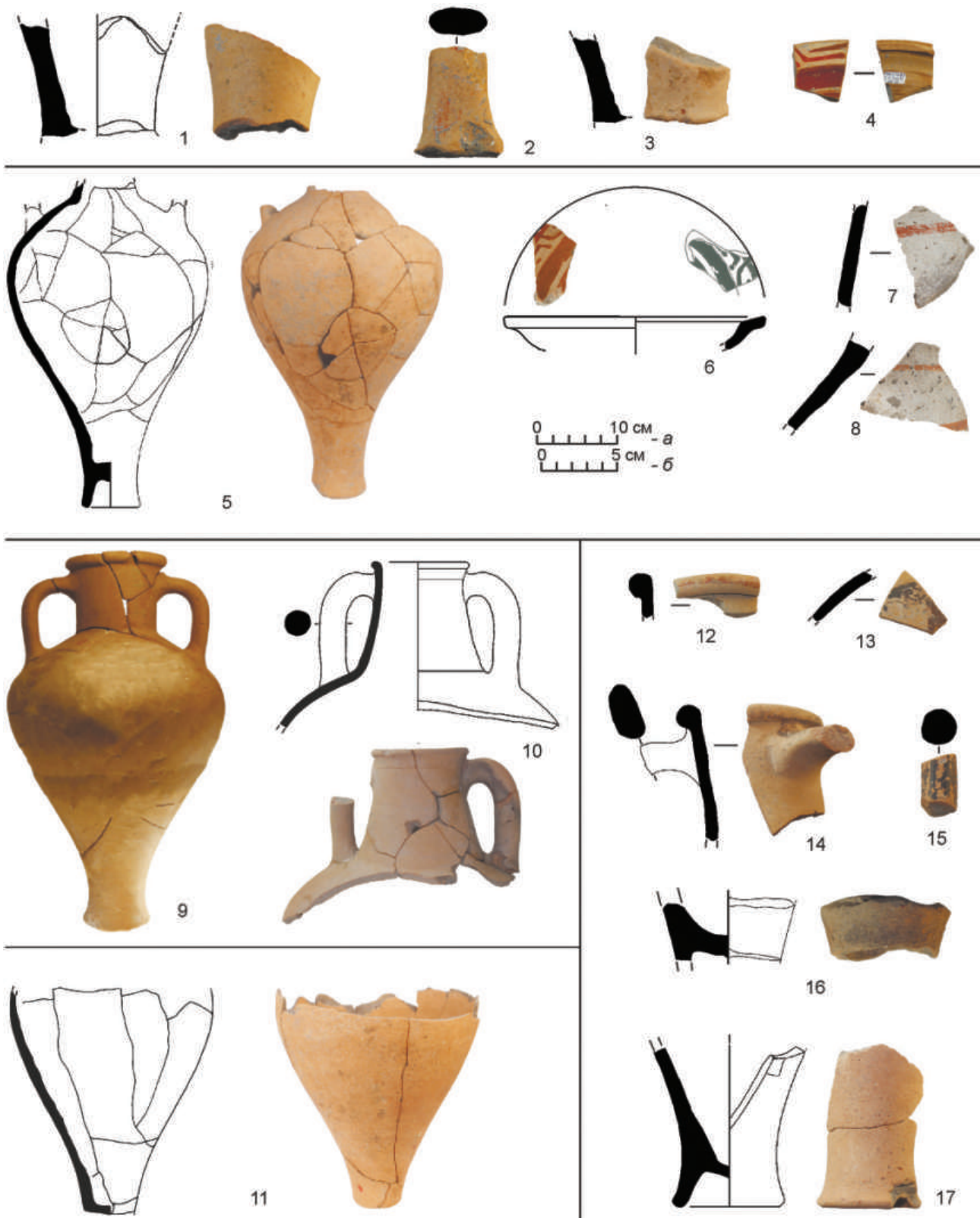

Рис. 8. Поселение Марьянское 1. Керамика из заполнения хозяйственных ям: 1-4 — № 42; 5-8 — № 63; 9-10 — № 4, амфоры; 11 — № 81, нижняя часть клазоменской амфоры; 12-17 — № 85. Масштаб: а — 1-4, 6-8, 12-17; б — 5, 9-11
 Fig. 8. Site of Maryanskoye 1. Pottery from the fill of household pits: 1-4 — no. 42; 5-8 — no. 63; 9-10 — no. 4, amphorae; 11 — no. 81, lower body of a Klazomenean amphora; 12-17 — no. 85. Scale: a — 1-4, 6-8, 12-17; b — 5, 9-11

«протофасосской» амфоры из этого комплекса (рис. 7, 4) сходно с предыдущим сосудом, но в отличие от последнего имеет иной цвет и тесто, в котором присутствуют известняковые частицы. Отличается и ножка, представляющая собой довольно высокий конический поддон. Верхние и нижние половины таких амфор находились еще в трех ямах (рис. 9). В яме № 66⁹ (рис. 9, 1–4) вместе с амфорой были зафиксированы ножка клазоменской амфоры, аналогичная указанным выше амфорам (рис. 9, 2), и фрагмент тарелки (рис. 9, 4) со следами ремонта, декорированной в стиле LWG второй четверти VI в. до н. э., с росписью в виде разорванного меандра, а в яме № 97 (рис. 9, 5–16) — тулово расписной столовой амфоры или ойнохой группы ионийской полосатой керамики (рис. 9, 14). В тесте сосуда много темных частиц и известно, что делает вероятным его отнесение к столовой посуде середины — второй половины VI в. до н. э. (Буйских, 2013. С. 117, 120–121, рис. 98, 9.11; 100, 9.21; Ильина, Чистов, 2012. Табл. 40, 1). Близкие нашему сосуду экземпляры ионийской посуды были найдены в березанском колодце 1963/1964, заполнение которого происходило во второй — начале третьей четверти VI в. до н. э. (Монахов и др., 2019а. С. 193, рис. 6, 1). Таким образом, мы можем говорить о том, что «протофасосские» амфоры с коническим поддоном в материалах поселения Марьянское 1 зафиксированы в комплексах второй четверти — середины — третьей четверти VI в. до н. э.

Естественно, приведенные здесь находки из хозяйственных ям являются наиболее показательными. В рамках статьи невозможно упомянуть каждый из более чем сотни объектов, исследованных на поселении. Скажем лишь, что все ямы имели схожее наполнение и, по нашим наблюдениям, синхронны указанным выше комплексам. Выборка материала из отдельных ям приведена на рис. 10.

Поселение VI в. до н. э. было обнесено тремя рвами, которые выкапывались последовательно, один за другим, с внешней стороны, причем выкид из последующего рва перекрывал заполнение предыдущего (Кононов, 2014. С. 166). Стенки рвов местами были крутые, местами — пологие и имели ступеньки. Следы боевых действий не зафиксированы. Последний ров не засыпался, он был заброшен и со временем заплыл слоем поселения,

в основном напластованиями IV в. до н. э. Каких-либо следов существования вала на площадях рядом со рвами обнаружено не было.

Материал из заполнения рвов (рис. 11) синхронен слою и другим объектам горизонта VI в. до н. э. Естественно, преобладает лепная местная керамика, однако отметим, что именно во рвах было найдено наибольшее количество орнаментированных сосудов, в основном кружек (рис. 11, 1–3). Амфорный материал относится к продукции Клазомен, Лесбоса, Милета, много «протофасоса» (рис. 11, 6–27). Среди клазоменской тары помимо фрагментов сосудов второй четверти — середины VI в. до н. э., о которых было сказано выше, выделяются фрагменты амфор, имевшие более светлое тесто, с крупными валикообразными венцами, окрашенные красным и бурым лаком (рис. 11, 25, 27). Такие амфоры в материалах Ольвии и о. Березань датируются серединой — второй четвертью VI в. до н. э. (Монахов и др., 2019б. С. 106–108). Фрагменты амфор остальных центров укладываются в хронологические рамки второй–третьей четверти VI в. до н. э.

В этих пределах датируются и множественные остатки столовой посуды (рис. 11, 28–37). Шесть стенок закрытых сосудов можно соотнести с группой ионийской полосатой керамики (например, рис. 11, 37), еще четыре — с ионийскими киликами (рис. 11, 28–30). К ионийским киликам мы также относим нижнюю часть сосуда на невысокой конической ножке со сплошным лаковым покрытием внешней части (рис. 11, 31). По материалам Мегары Гиблеи сосуды с такими ножками и лаковым покрытием Ф. Виллар и Дж. Валле отнесли к группе В-2 580–540 гг. до н. э. (Villard, Vallet, 1955. P. 29, fig. 5). Хронологически близка группе В-2 продукция Милета (Schlotzhauer, 2001. Kat. 171–176, 187, 188) и Аттики, где килики со схожими ножками по материалам Афинской агоры относятся к горизонту 575–550 гг. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970. № 380–381). На Березанском поселении подобные килики происходят из ямы 277, около середины VI в. до н. э. (Чистов, Ильина, 2017. С. 191, ил. 12), а в Ольвии они относятся к группе сосудов 580–540 гг. до н. э. (Буйских, 2013. С. 100, рис. 78, 5.39–5.44). Среди находок из заполнения рвов мы также выделим фрагмент ручки хиосского кубка, покрытый белым ангобом, черным и бурым лаком (рис. 11, 32). Ближайшая аналогия данному фрагменту происходит

⁹ Раскоп 4, сектор 3, участок 19, объект 66/2016.

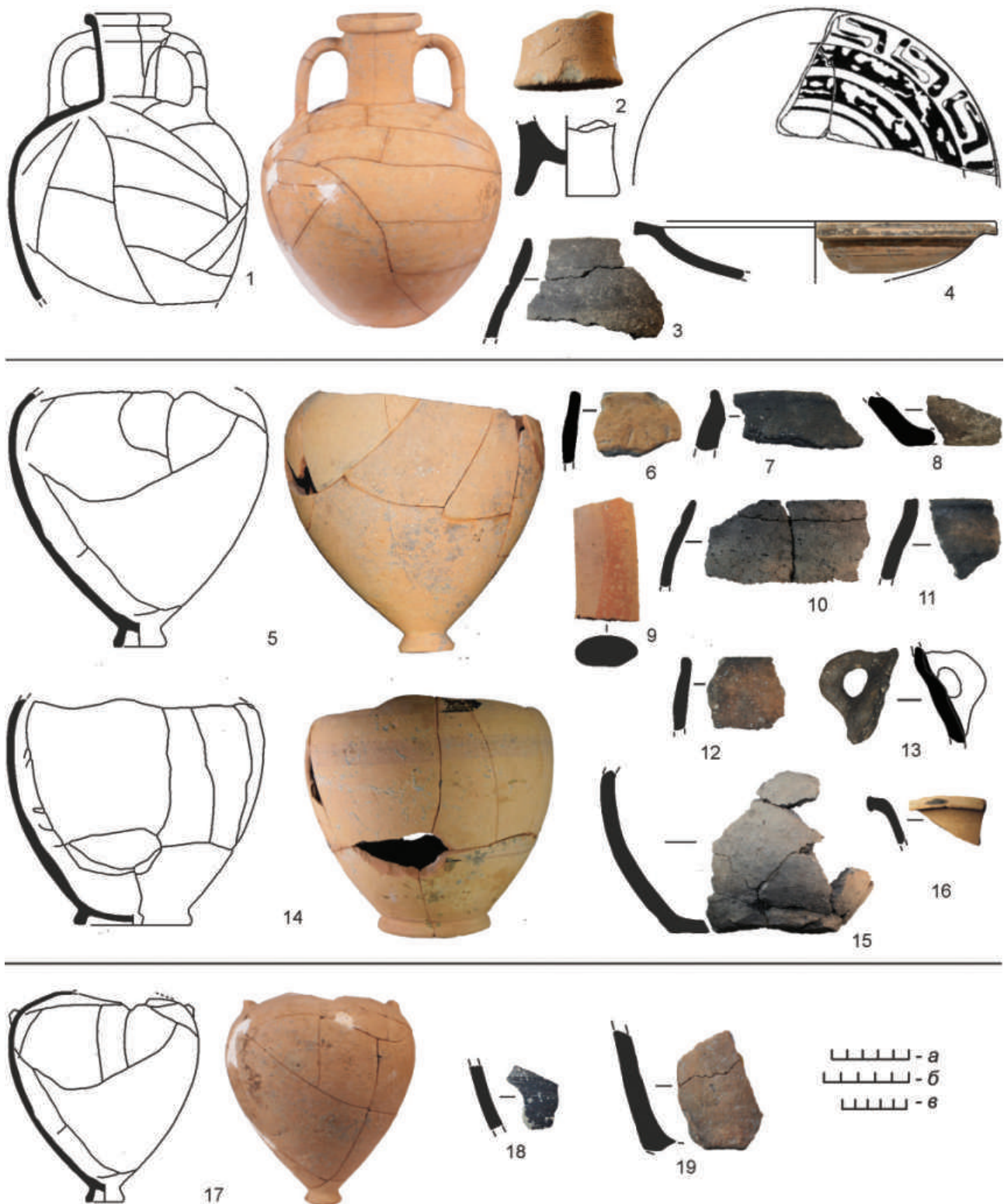

Рис. 9. Поселение Марьянское 1. Керамика из заполнения хозяйственных ям: 1-4 — № 66; 5-16 — № 97; 17-19 — № 45. Масштаб: а — 1, 5, 14, 17; б — 3, 10, 15, 19; в — 2, 4, 6-9, 11-13, 16, 18

Fig. 9. Site of Maryanskoye 1. Pottery from the fill of household pits: 1-4 — no. 66; 5-16 — no. 97; 17-19 — no. 45. Scale: a — 1, 5, 14, 17; б — 3, 10, 15, 19; в — 2, 4, 6-9, 11-13, 16, 18

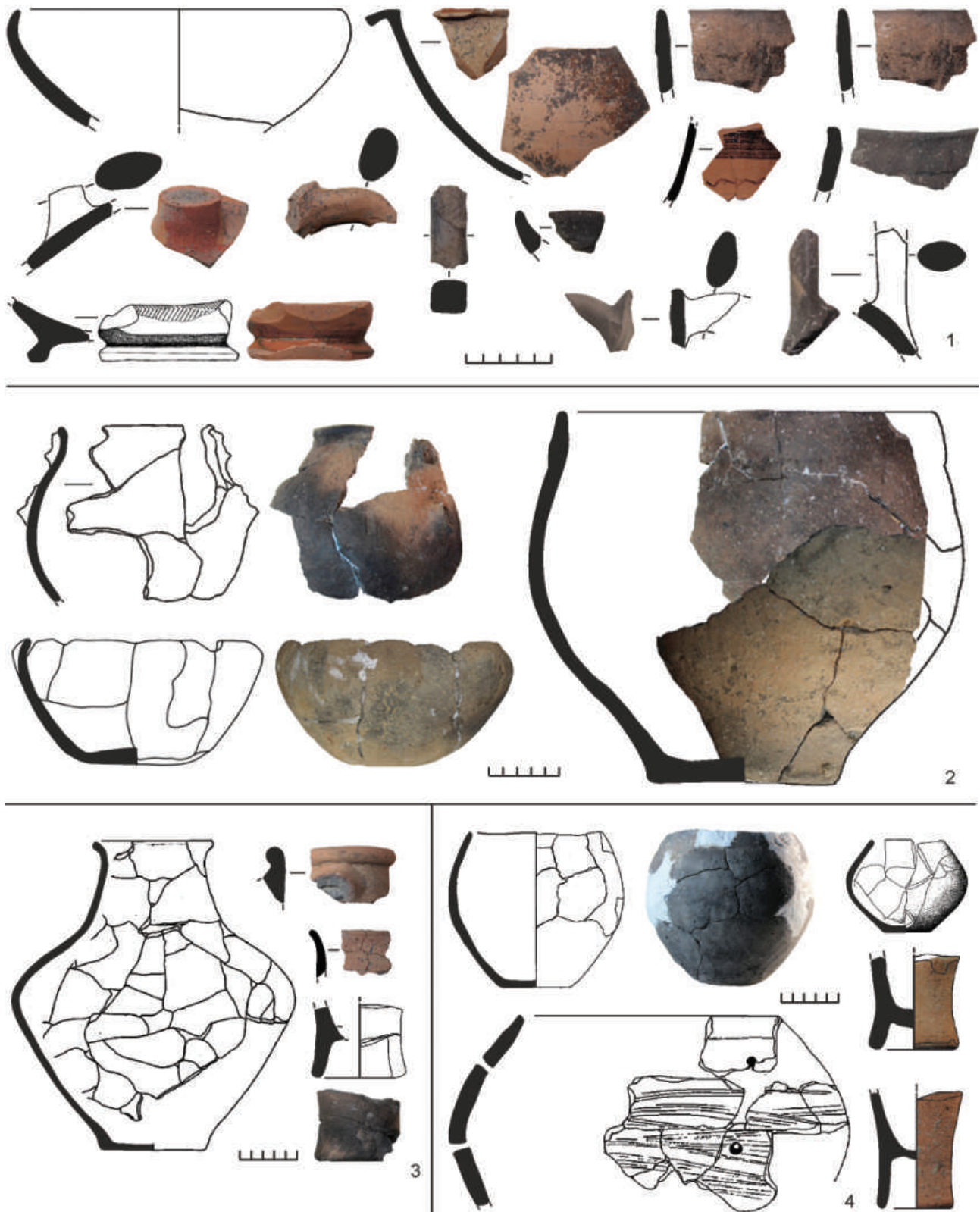

Рис. 10. Поселение Марьянское 1. Керамика из заполнения хозяйственных ям: 1 — яма объекта № 4; 2 — лепная посуда из керамического развала объекта № 6; 3 — яма № 86

Fig. 10. Site of Maryanskoye 1. Pottery from the fill of household pits: 1 — pit of feature no. 4; 2 — handmade pottery from the pottery breakdown of feature no. 6; 3 — no. 86

Рис. 11. Поселение Марьянское 1. Керамика из заполнения рвов: 1-5 — фрагменты лепных сосудов; 6-27 — фрагменты амфор; 28-37 — фрагменты лаковой столовой посуды

Fig. 11. Site of Maryanskoye 1. Pottery from the fill of ditches: 1-5 — fragments of handmade pottery; 6-27 — fragments of amphorae; 28-37 — fragments of glossed tableware

из Ольвии и, по мнению А. В. Буйских, принадлежит кубку, возможно, группы Comast 570/560 — 540 г. до н. э. (Буйских, 2013. С. 161, рис. 155, 10.27). Следующий фрагмент — плечико южно-ионийского сосуда стиля Фикеллура с вертикальными полосами черного лака (рис. 11, 33). Хронологический диапазон стиля укладывается в рамки 560–494 г. до н. э. (Cook, Dupont, 1998. P. 77–89). Мы полагаем, что данный образец может быть отнесен к группе «бегущий человек» и датироваться третьей четвертью VI в. до н. э. (Cook, 1936. P. 46–51; Cook, Dupont, 1998. P. 78–86; Schauss, 1986. P. 251–296).

По находкам, полученным при исследовании рвов, можно заключить, что фортификация поселения Марьянское 1 встает в один ряд с наиболее ранними оборонительными сооружениями, исследованными на Кубани. Так, Кавказской археологической экспедицией в 1994–1996 гг. на II Тенгинском городище были сделаны разрезы через ров и вал городища. Античная керамика позволила исследователям отнести данные укрепления к концу VI в. до н. э. (Беглова, Эрлих, 1998. С. 86). В 2008 г. в Краснодаре, на территории могильника на ул. Постовой (Почтовой), экспедицией под руководством М. Ю. Лунева был исследован участок рва¹⁰. Материал его заполнения, куда входят и фрагменты лепных ковшей с раздвоенной вверху «рогатой» ручкой, датируется широко — в рамках VI в. до н. э. Однако среди находок зафиксирован фрагмент трехпестельчатого костяного псаля, время бытования которого на памятниках Северного Кавказа не выходит за первые десятилетия VI в. до н. э. (Махортых, 2014. С. 106). Эта находка может служить основанием для того, чтобы отнести время сооружения рва на ул. Постовой к первой половине столетия. Нам представляется, что приведенные данные, в том числе и наши исследования, подкрепляют мнение, высказанное еще Е. А. Бегловой и В. Р. Эрлихом о появлении фортификации на кубанских памятниках не в IV в. до н. э., как это считалось ранее, а намного раньше — в первой половине VI в. до н. э. (Беглова, Эрлих, 1998. С. 86).

Подведем итог обзору материалов первого горизонта раннежелезного века поселения Марьянское 1. Для начала следует отметить, что совокупность данных позволяет датировать его в рамках

второй–третьей четверти VI в. до н. э. Культурная принадлежность памятника, исходя из характера материального наполнения горизонта, нами рассматривается в контексте меотской культуры. Наиболее близкие нашему поселению памятники располагаются в Западном Закубанье (Иванов, 2019б; Иванов и др., 2019). Это, вероятно, указывает на территорию, откуда происходило заселение, что вполне согласуется с импульсом, направленным на освоение меотскими племенами правобережья Кубани на рубеже VII–VI вв. до н. э.

Безусловной особенностью горизонта второй–третьей четверти VI в. до н. э. являются множественные находки греческого импорта. Подобное обстоятельство говорит в пользу того, что население, обитавшее здесь, как минимум не испытывало дефицита ни столовой посуды, ни продукции, поставляемой в амфорах. Но совершенно необычно для кубанских памятников, чтобы амфоры, входившие в группу престижных вещей и бывшие в то время товаром штучным, оказались в хозяйственных ямах. Пожалуй, с подобным мы встречаемся впервые. Изначально коллектив авторов считал возможным говорить чуть ли не о физическом присутствии греков на поселении, а сам населенный пункт виделся нам как некий форпост, осуществлявший торговлю с местным населением. Но количество импорта, даже выделяющегося на общем фоне других кубанских памятников рассматриваемого времени, не может быть весомым аргументом в пользу этой точки зрения. Видимо, объяснить массовый импорт можно расположением поселения непосредственно на р. Кубань, по которой, очевидно, и осуществлялись поставки. Водный маршрут для транспортировки габаритного груза, такого как амфоры, по нашему мнению, выглядит наиболее оптимальным. В этой связи серии однотипных амфор Клазомен и «протофасоса» вполне могут рассматриваться не как отдельные спорадические поступления, прибывавшие из разных точек различными маршрутами, а как сформированный товар в рамках единого судового груза. И если для более позднего периода, начиная с IV в. до н. э., вопрос о торговле по р. Кубань не стоит, то для предшествующего времени не известны прямые свидетельства в пользу этого факта. Материалы поселения Марьянское 1, пожалуй, впервые дают возможность говорить о том, что еще в эпоху колонизации греческими торговцами осваиваются и активно

¹⁰ Благодарим М. Ю. Лунева за любезное позволение упомянуть в работе материалы его исследований.

используются водные маршруты, ведущие в глубинные районы Кубани, заселенные меотскими племенами.

Таким образом, расположенное на крупной водной магистрали укрепленное рвом поселение, оборонительная система которого постоянно

обновлялась, демонстрирует некий центр, заселенный носителями меотской культуры, мирно существовавший во второй–третьей четверти VI в. до н. э. и контактировавший с греческим миром, о чем говорит разнообразие и качество привозной керамики.

- Анфимов И.*, 1987 — *Анфимов И. Н.* Меотские поселения правобережья нижнего течения р. Кубани // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье: Тез. докл. к семинару / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1987. С. 26–28.
- Анфимов И.*, 1988 — *Анфимов И. Н.* Раскопки близ станицы Старонижестеблиевская // АО 1986 года. М.: Наука, 1988. С. 107.
- Анфимов Н.*, 1951 — *Анфимов Н. В.* Отчет об археологических разведках на Кубани, проведенных Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Арх. ком. 485. 1951.
- Анфимов Н.*, 1952 — *Анфимов Н. В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI. С. 72–85.
- Анфимов Н.*, 1987 — *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987. 232 с.
- Беглова, Эрлих*, 1998 — *Беглова Е. А., Эрлих В. Р.* Древнейшая фортификация меотской культуры // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археологической конф. Ростов н/Д.: Институт «Открытое общество», 1998. С. 86.
- Буйских*, 2013 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Київ: Стародавній Світ, 2013. 456 с.
- Голда*, 2017 — *Голда Н. Н.* Амфорные клейма IV в. до н. э. по материалам поселения и грунтового могильника Марьянское-I // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям: Материалы IV конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2017. С. 64–65.
- Забелин*, 1992 — *Забелин В. С.* Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1992. Вып. 10. С. 298–328.
- Иванов*, 2019а — *Иванов А. В.* Меоты Восточного Приазовья во второй половине V — III в. до н. э. // БИ. Керчь; Симферополь: Керченская городская типография, 2019. Вып. XXXVIII. С. 17–38.
- Иванов*, 2019б — *Иванов А. В.* Специфика меотских поселений раннежелезного века Левобережья Нижней Кубани // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теория: Материалы науч. конф. Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2019. С. 111–116.
- Иванов и др.*, 2019 — *Иванов А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В.* О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Вып. 25. С. 58–76.
- Ильина, Чистов*, 2012 — *Ильина Ю. И., Чистов Д. Е.* Ранний период (конец VII — первая половина VI в. до н. э.). Находки // Материалы Березанской (Нижнебутской) античной археологической экспедиции. Т. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. С. 20–40.
- Кононов*, 2014 — *Кононов В. Ю.* «Марьянское-1» — новый памятник меотской археологической культуры в Прикубанье (предварительное сообщение) // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы науч. конф. М.: ИА РАН, 2014. С. 166–167.
- Крушкол, Новичихин*, 2010 — *Крушкол Ю. С., Новичихин А. М.* Описание погребальных комплексов. Каталог // Население архаической Синдики: по материалам некрополя хутора Рассвет / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2010 (Некрополи Черноморья. Т. III). С. 20–190.
- Куликова*, 1978 — *Куликова О. П.* Отчет о раскопках двух курганов у пос. Водный на землях рисосовхоза «Красноармейский» Красноармейского района Краснодарского края в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7254. 1978.
- Ларенок*, 2018 — *Ларенок О. П.* Слой эпохи поздней бронзы на поселении «Марьянское 1» // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы междунар. археологической конф. Краснодар: ИП Шлепнев М. В., 2018. С. 158–162.
- Лимберис, Марченко*, 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э.

- (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 316 с.
- Марченко и др., 2001 — Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Бочковой В. В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа: Крайбибколлектор, 2001. С. 91–99.
- Махортых, 2014 — Махортых С. Уздечные принадлежности VII–VI вв. до н. э. из скифских памятников Предкавказья // Наукові записки. Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014 (Серія: Історичні науки; Вип. 21: Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку). С. 100–113.
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 352 с.
- Монахов и др., 2019а — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е. Комплекс середины VI в. до н. э. из березанского колодца 1963/1964 гг. // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов: Техно-Декор, 2019. С. 183–200.
- Монахов и др., 2019б — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.
- ОИАК за 1912 г. — Отчет Императорской Археологической Комиссии. Петроград: Типография Главного управления уделов, 1916. 130 с.
- Рябкова, 2015 — Рябкова Т. В. Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015 (Тр. ГЭ; Т. 77). С. 359–374.
- Улитин, Анфимов, 2015 — Улитин В. В., Анфимов И. Н. Амфорные клейма из раскопок селища у станицы Старонижестеблиевской // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы междунар. археологической конф. Краснодар: Вика-Принт, 2015. С. 284–288.
- Чистов, Ильина, 2017 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2015 году // Археологический сборник. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2017. Вып. 41: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 177–209.
- Чистов и др., 2019 — Чистов Д. Е., Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Амфоры первой половины — середины VI в. до н. э. из раскопок Березани // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск: ЗАО МДП, 2019. С. 8–24.
- Boardman, Hayes, 1966 — Boardman J., Hayes J. Excavation at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits I. Oxford: The British School at Athens, 1966 (Supplementary. Vol. 4). 285 p.
- Cook, 1936 — Cook R. M. Fikellura Pottery // BSA. 1936. Vol. 34. P. 1–98.
- Cook, Dupont, 1998 — Cook R. M., Dupont E. East Greek Pottery. London, N. Y.: Routledge, 1998. 226 p.
- Gjerstad, 1977 — Gjerstad E. Pottery from Various Parts of Cyprus // Greek Geometric and Archaic Pottery found in Cyprus (Series in 4; XXVI) / In collaboration with Calvet, Yves, Yon, Marguerite, Karageorghis, Vassos and J. P. Thalmann. Stockholm: Swedish Institute in Athens, Acta, 1977. P. 23–58.
- Isler, 1978 — Isler H. P. Das archaische Nordtor und seine Umgebung im Heraion von Samos. Samos 4. Bonn: Habelt, 1978. 174 p.
- Kerschner, 2006 — Kerschner M. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg // Istanbul Mitteilungen (Bd. 56), DAI. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, 2006. S. 129–156.
- Schauss, 1986 — Schauss G. P. Two Fikellura Vase Painters // BSA. 1986. Vol. 81. P. 251–295.
- Schlottzhauer, 2000 — Schlottzhauer U. Die südionischen Knickrandschalen: Formen und Entwicklung der sog. Ionischen Schalen in archaischer Zeit // Krinzinger. 2000. S. 407–416.
- Schlottzhauer, 2001 — Schlottzhauer U. Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet. Inauguraldissertation. Ruhr-Universität Bochum, 2001. 622 S., 20 Tafl.
- Sezgin, 2017 — Sezgin Y. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anatolia. Ankara, 2017. Vol. 43. P. 15–39.
- Sparkes, Talcott, 1970 — Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. Princeton, New Jersey, 1970. Vol. XII. P. 224.
- Villard, Vallet, 1955 — Villard F., Vallet G. Megara Hyblaea. V // Mélanges de l'école française de Rome. 1955. P. 7–34.

The horizon of the second and third quarter of the 6th century BC at the settlement of Maryanskoye 1 on the lower Kuban River

A. V. Ivanov, P. A. Larenok, A. A. Podorozhnyj

This paper describes the results of investigations at a site in the Krasnoarmeysk district of Krasnodar Kray. At the settlement, five chronological horizons are distinguishable dating from the Late Bronze Age to the Middle Ages. However, the main attention is paid to materials of the Early Iron Age. One of its horizons was formed in the 4th century BC demonstrating the typical situation of the settlements of the Maeotic culture. However, the main layer of the site belongs to a settlement occupied here in the second — third quarter of the 6th century BC. Within this layer, diverse local handmade pottery was found, including mugs, bowls, storage vessels and pots (Fig. 2), and imported ware represented by amphorae, glossed and plain pottery (Fig. 4, 5). In this layer, numerous features like small ditches were revealed, as well as numerous household pits containing rich and unexpected finds (Fig. 6–10). During the site's occupation, it was surrounded by three moats which yielded finds (Fig. 11) placing the fortifications of the settlement of Maryanovskoye 1 within the single series among the earliest defences explored in the Kuban region. The present authors conclude that the settlement fortified with a ditch on an important water route represented a kind of a centre occupied by representatives of the Maeotic culture contacting with the Greek world as shown by the diversity and quality of the imported ware.

К вопросу об идентификации раннего типа синдских монет¹

В. А. Горончаровский, А. Е. Терещенко²

Аннотация. Статья посвящена одному из сюжетов на аверсе первой серии монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ, где изображен коленопреклоненный мужской персонаж с луком и стрелой. Находки новых экземпляров хорошо сохранившихся синдских монет дают возможность обратиться к вопросу о его происхождении. Ключевым здесь является показ церемонии проверки стрелы. По мнению авторов, в данном случае представлен эпизод из мифологии синдов, связанный с ритуалом облечения властью их вождей.

Annotation. This paper is devoted to a scene on the obverse of a series of coins with the legend ΣΙΝΔΩΝ where a kneeling masculine figure with a bow and an arrow is depicted. New findings of specimens of well-preserved Sindian coins give us a possibility to consider the problem of the origin of this subject. Of key issue here is a demonstration of the ceremony of checking of the arrow. In the opinion of the authors, in this case, an episode is depicted from the mythology of the Sinds concerned with the ritual of investment of their chiefs with power.

Ключевые слова: синды, монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, персонаж с луком и стрелой.

Keywords: Sinds, coins with the legend ΣΙΝΔΩΝ, figure with a bow and an arrow.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-116-124

Боспорские монеты типа «коленопреклоненная фигура обнаженного мужчины — сова с расправленными крыльями в фас, ΣΙΝΔΩΝ» известны еще с конца XIX в. (Бурачков, 1884. Табл. XXIII, 5). Они определяются как старший номинал первой серии синдской³ эмиссии (С-1), датируемой приблизительно 427–423 гг. до н. э. (Горончаровский, Терещенко, 2015. С. 89). На сегодняшний день этот тип представлен одним триоболом и

20 диоболом (см. рис. 1, 1, 2⁴). Фотографии (правда, не самого лучшего качества) экземпляров данного типа неоднократно публиковались, однако если определение рисунка их оборотной стороны никаких сомнений не вызывало, то интерпретация изображения на аверсе до сих пор остается дискуссионной.

На данный момент можно выделить следующие варианты описания аверсного сюжета, касающиеся как изображенного персонажа, так и сущности происходящего действия.

1. *Геракл, опустившись на одно колено, натягивает лук (тетиву)* (Бурачков, 1884. С. 177, № 11; Шелов, 1956. С. 23, № 25; Фролова, 2002. С. 75; Суханов, 2011. С. 59). Сюда же включаются

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Горончаровский В. А. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: goronvladimir@yandex.ru. Терещенко А. Е. — Отдел изучения истории дворцов, Государственный Русский музей; Инженерная ул., д. 4, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru.

³ О некоторой условности этого определения см.: Горончаровский, Терещенко, 2015. С. 77 сл.

⁴ Фотографии синдских и херсонесских монет взяты из интернет-ресурсов: «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» — режим доступа: <https://bosporan-kingdom.com> (дата обращения: 28.08.2020) и «Монеты Тавриды. Каталог-архив» — режим доступа: <https://tauriscoins.ru/> (дата обращения: 28.08.2020). Фото остальных монет взяты из аукционного архива «acsearch.info» — режим доступа: <https://www.acsearch.info/home.html> (дата обращения: 28.08.2020).

формулировки, где главное действующее лицо значит просто как воин (Горончаровский, Терещенко, 2015. С. 77⁵; Коваленко, 2020⁶).

2. Неопределенный вариант — «молодой присевший Геракл с луком» (Шилов, 1951. С. 210), «колелопреклоненный Геракл» (Казаманова, 1969. С. 100), «колелопреклоненный Геракл с луком и стрелой» (Анохин, 1986. С. 138, № 43) или просто «колелопреклоненный воин с луком и стрелой» (Строкин, 2012. С. 380).

3. «Изображение нагого воина вправо, опустившегося на правое колено и рассматривающего лук, который он держит на руках» (Шелов, 1949. С. 114), «воин... держит лук (осматривая стрелу)» (Строкин, 2012. С. 380, прим. 6).

4. Самая верная, на наш взгляд, интерпретация действия принадлежит перу А. Н. Зографа: «присевший Геракл, пробующий стрелу» (Зограф, 1951. С. 168. Табл. XXXIX, 38). Тем не менее наиболее адекватным по отношению к рассматриваемым монетам представляется описание Г. Фритце, данное им для двух разновидностей статов Кизика группы II: «обнаженный воин в шлеме, стоя на колене, проверяет качество своей стрелы» (Fritze, 1912. S. 9, № 116, 117, taf. IV, 2, 3) (рис. 1, 3, 4).

Находки новых экземпляров синдских монет с хорошо сохранившимся рельефом дают возможность вновь обратиться к вопросу о происхождении сюжета с таинственным лучником, чью фигуру мы видим на старших номиналах серии С-1 (рис. 1, 1, 2). Начнем с истоков дискуссии, которая продолжается уже почти сто лет. А. В. Орешников полагал, что лицевая сторона старших номиналов серии С-1, которые он считал «первейшим типом» синдской эмиссии, «рабски скопирована» с кизикинов (Орешников, 1922. С. 123–124). Аргументировать причины, по которым произошло заимствование типов, уважаемый исследователь

⁵ Полностью у авторов описание выглядит так: «обнаженный воин (Геракл?)».

⁶ У С. А. Коваленко в аннотации к синдскому диоболу указан «колелопреклоненный воин» (Коваленко, 2020. С. 278, ил. 1). Вместе с тем, учитывая рассуждения исследователя о «заимствовании эмитентом синдских монет ряда изображений из монетного типологического репертуара Кизика, Митилены и пр.», и то, что в его описании аверса кизикского статера фигурирует «колелопреклоненный воин, натягивающий тетиву» (Там же. С. 276, 278, ил. 3), можно сделать вывод, что автор склонен рассматривать действия персонажа именно как натягивание тетивы.

затруднился (Там же. С. 125), но здесь важно другое — он не видел в этом персонаже Геракла!

Позднее А. Н. Зограф, в противовес А. В. Орешникову, самым решительным образом настаивал на самобытности характера сюжета синдских монет. Поскольку первой синдской серией знаменитый нумизмат считал монеты с головой Геракла в львином «шлеме», то, вполне закономерно, счел и фигуру колелопреклоненного лучника изображением великого героя (Зограф, 1951. С. 168–169). В дальнейшем большинство исследователей, в той или иной степени касавшихся синдской монетной типологии, писали об этом персонаже как о Геракле, никак не поясняя своих соображений по этому поводу. Даже Д. Б. Шелов первоначально атрибутировавший лучника просто как «нагого воина», впоследствии принял компромиссное решение: «фигура колелопреклоненного воина-Геракла» (Шелов, 1956. С. 44). В итоге единственным, кто попытался идентифицировать синдского лучника вне рамок сложившейся традиции, стал В. Л. Строкин, предположивший, что на монетах изображен «какой-то местный герой» (Строкин, 2012. С. 380, прим. 6). Именно такое направление исследования представляется наиболее перспективным.

В связи с затронутой темой нельзя не упомянуть недавно вышедшую статью С. А. Коваленко о синдских монетах, в которой он излагает свое видение проблемы (Коваленко, 2020). Заранее приносим извинение за обширность цитаты, но она необходима для лучшего понимания предложенной «революционной» концепции: «Мастера, резавшие штемпели для чеканки синдских монет, просто копировали те мотивы, которые были у них перед глазами или наиболее часто попадались на глаза... Иными словами, серия синдских монет с изображением совы с расправленными крыльями на оборотной стороне могла чеканиться из серебра, полученного после описанного выше процесса обработки партии электровых монет⁷, состоящей из кизикинов с колелопреклоненным воином, митиленских гект с изображениями обернувшегося козла и совы и др. Это объяснение, кстати, снимает необходимость конструирования не подвергающихся верификации искусственных гипотез, объясняющих появление на синдских монетах тех или иных мотивов религиозными

⁷ Имеется в виду процесс разделенияэлектра на золото и серебро (Коваленко, 2020. С. 275–276).

воззрениями синдвов (о которых мы мало знаем), правлением сменяющих друг друга аристократических родов, особыми торгово-экономическими связями синдвов с Кизиком и Митиленой... или пресловутым политическим влиянием Афин. Причины сочетания на одной монете головы Геракла и головы лошади, или коленопреклоненного воина/протома обернувшегося козла и совы... могли носить чисто механический, опознавательный и, соответственно, утилитарный характер» (Коваленко, 2020. С. 282–283).

Собственно говоря, представленный выше пассаж указывает на полнейшее непонимание С. А. Коваленко сути монеты. Ведь помимо чисто экономической функции — меры стоимости и всеобщего эквивалента — монета являлась еще и мощнейшим политическим механизмом в руках эмитента, предоставляя всем ее пользователям массу информации: от наглядной декларации существования полноценного государства и принятой в нем формы правления до пропаганды официальных религиозных культов. Поэтому «механический», как выразился С. А. Коваленко, перенос чужой типологии на собственную монету абсолютно невозможен, поскольку подразумевает утерю суверенитета (конечно, если это не союзная чеканка). Впрочем, перед нами не стоит задача критического разбора всей его статьи. Просто она является своего рода «лакмусовой бумажкой», показывающей, что изучение проблематики синдской чеканки, в определенной степени, зашло в тупик, если идут в ход столь фантастические гипотезы.

Однако вернемся к основной теме. Конечно, нет никаких сомнений, что прототипом композиции аверса рассматриваемых синдских монет действительно были кизикские статеры с изображениями воинов, проверяющих качество стрелы. Интересно другое: для V в. до н. э. нам известны только три эмиссионных центра, воспроизводившие данный сюжет в своей чеканке, — это уже упоминавшийся Кизик и Киликийская сатрапия в составе Персидской державы, а за ее пределами — Синдика (см. рис. 1, 1–6). В следующем столетии схожую композицию можно видеть в чеканке Тарса (Киликия) и Самарии (Израиль), то есть в областях, находившихся под властью персидского царя (см. рис. 1, 7, 8). В целом это позволяет предполагать негреческое происхождение этого сюжета.

Таким образом, монетарии Кизика первыми, если исходить из датировки соответствующих статеров 550–475 гг. до н. э. (Fritze, 1912. S. 34)⁸, использовали сцену проверки качества стрелы, совершенно невостребованную в монетной типологии остальной части греческого мира, за исключением Северного Причерноморья. Более того, даже в раннеэллинистический период сцены с божествами-лучниками Аполлоном и Артемидой,

⁸ Даже если брать хронологию А. Балдуин-Бретт, согласно которой кизикийны с воином влево (рис. 1, 3) датируются 500–460 гг. до н. э., а с воином вправо (рис. 1, 4) — 460–400 гг. до н. э. (Baldwin-Brett, 1974. S. 194, № 1484; S. 195, № 1490), все равно пальма первенства остается за кизикскими мастерами.

Рис. 1. Изображения персонажей со стрелой и луком на монетах, керамике, предметах торевтики и глиптики конца VI — III вв. до н. э.: 1, 2 — чеканка синдвов, диоболы, 427–423 гг. до н. э.; 3 — Кизик, статер, 500–460 гг. до н. э. (Baldwin-Brett, 1974); 4 — Кизик, статер, 460–400 гг. до н. э. (Там же); 5 — Соль, статер, 440–410 гг. до н. э.; 6 — Киликия, статер, V в. до н. э.; 7 — Тарс, статер, ок. 370 г. до н. э.; 8 — Самария, обол, 375–333 гг. до н. э.; 9 — Херсонес, дихалк, 380–370 гг. до н. э.; 10 — Херсонес, тридрахма, 260–250 гг. до н. э.; 11 — Херсонес, тридрахма, 250–230 гг. до н. э.; 12 — Антиох I Сотер, тетрадрахма, 281–261 гг. до н. э.; 13 — Селевк II Каллиник, статер, 246–225 гг. до н. э.; 14 — краснофигурный алабастр, последняя четверть VI в. до н. э. (ОАМ); 15 — перстень из Пантикапея, вторая половина V в. до н. э. (Гос. Эрмитаж); 16–23 — геммы, конец VI–V вв. до н. э. 1, 2, 5, 6–8, 10–12 — серебро; 3, 4 — электр; 9 — медь, 13, 15 — золото; 14 — керамика, 16–23 — камень

Fig. 1. Representations of figures with an arrow and a bow on coins, ceramics, objects of toreutics and glyptics of the late 6th–3rd century BC: 1, 2 — Sindian coinage, diobols, 427–423 BC; 3 — Kyzikos, stater, 500–460 BC; 4 — Kyzikos, stater, 460–400 BC; 5 — Soloi, stater, 440–410 BC; 6 — Kilikia, stater, 5th cen. BC; 7 — Tarsos, stater, ca 370 BC; 8 — Samaria, obol, 375–333 BC; 9 — Chersonesos, dichalkon, 380–370 BC; 10 — Chersonesos, tridrachm, 260–250 BC; 11 — Chersonesos, tridrachm, 250–230 BC; 12 — Antiochos I Soter, tetradrachm, 281–261 BC; 13 — Seleukos II Kallinikos, stater, 246–225 BC; 14 — red-figured alabaster, last quarter of the 6th cen. BC (Odessa Archaeological Museum); 15 — finger-ring from Pantikapaion, second half of the 5th century BC (State Hermitage Museum); 16–23 — gems, late 6th–5th cen. BC. 1, 2, 5, 6–8, 10–12 — silver; 3, 4 — electrum; 9 — copper, 13, 15 — gold; 14 — ceramics, 16–23 — stone

осматривающими стрелы, мы находим только в чеканке Селевкидского царства (рис. 1, 12, 13) и на монетах Херсонеса Таврического (рис. 1, 9–11)⁹.

Иная ситуация сложилась в других сферах греческого прикладного искусства. По наблюдениям Ф. И. Меца, примерно с 530 г. до н. э. в аттической вазописи «внезапно и в довольно большом количестве появляются изображения воинов, как правило — лучников, внешний вид которых несет ярко выраженные варварские черты»¹⁰ (Мец, 2008. С. 64). Среди этих рисунков автор выделяет повторяющиеся сцены-«клише», которые «изначально несут в себе определенный мифологический подтекст: скиф, натягивающий тетиву на лук, — идея происхождения царской власти; персонаж в „варварском“ одеянии, держащий лук в вытянутой руке... — акт инвеституры, передачи символа власти наиболее достойному из претендентов» (Там же. С. 78). Список такого рода «канонических»¹¹, то есть имеющих мифологическое обоснование сюжетов, автор предложил дополнить изображениями стоящего или присевшего лучника, проверяющего на глаз прямизну стрелы (см., например: Одесский археологический музей, 1983. С. 113, 184, № 222; см. рис. 1, 14). Учитывая «многочисленные археолого-этнографические данные о сакральном значении лука, стрелы, стрельбы из лука», Ф. И. Мец предлагает видеть в этой картине «нечто большее, чем просто проверка стрелы в боевых целях» (Мец, 2008. С. 78).

Среди произведений глиптики V в. до н. э., опубликованных А. Фуртвенглером, сюжет «проверка стрелы» присутствует на семи ионийских

⁹ Попутно отметим, что композиционное решение сюжета херсонесских тридрахм явно заимствовано из монетного дела Селевкидской державы (ср. рис. 1, 10, 11, 12).

¹⁰ Но нельзя не упомянуть мнение А. И. Иванчика, решительно утверждавшего, что костюм персонажей, которых в современной литературе называют «скифскими лучниками», вызывал не этнические, а иные ассоциации, связанные с их функциями. Поэтому «дискуссии о том, кого должен изображать лучник, представленный на той или иной вазе, — скифа, перса или представителя другого народа, оказываются беспредметными» (Иванчик, 2002. С. 36, 55). Однако здесь автор излишне категоричен, поскольку даже если одежда не определяет этническую принадлежность персонажа, она в любом случае сигнализирует о его возможном негреческом происхождении.

¹¹ Определение Ф. И. Меца.

геммах; при этом изображение только на одной из них полностью повторяет аверс кизикина второго типа (Furtwängler, 1900. Taf. VI, 35; ср. рис. 1, 4 и 17)¹². На следующих пяти экземплярах действующие лица определены как некие «обнаженные юноши» (Ibid. Taf. VI, 37, 40; VII, 49; IX, 23; XV, 22; см. рис. 1, 18–20, 22, 23) и лишь на седьмой гемме фигура характеризуется как «коленипреклоненный безбородый лучник» (Ibid. Taf. IX, 20) (рис. 1, 21). В данном случае неопределенность персонажей может быть связана с тем, что подобная композиция являлась лишь данью определенной моде.

Иное дело — золотой перстень из женской гробницы на горе Митридат. На этом великолепном образце торевтики второй половины V в. до н. э. работы мастера Афинада вырезан сидящий на складном стуле (дифросе) бородатый мужчина в богатых персидских одеждах (рис. 1, 15). Он занят проверкой прямизны древка стрелы (Неверов, 1986. С. 19, табл. 1, 4; Калашиник, 2014. С. 76–77)¹³. Обращает на себя внимание торжественность, можно сказать ритуальность, запечатленного на перстне-печати действия, которому явно придавалось особое значение. Тот же сюжет с фигурой перса (sic!), проверяющего стрелу, присутствует в оттиске цилиндрической печати на глиняной подвеске для ткацкого станка, обнаруженной на ольвийской агоре (Максимова, 1956. С. 190–193). Расхождение в некоторых деталях композиции, как и более низкий уровень мастерства у резчика «ольвийской» печати, не имеет значения. Важно, что образ варвара-перса, выполняющего вроде бы вполне обычную для воина или охотника подготовку своего оружия, по-видимому, наделялся

¹² Правда, на рисунке геммы у воина имеется еще и горит.

¹³ Весьма схожий сюжет наблюдается и на этрусском агатовом скарабее из эрмитажного собрания (ГЭ, инв. № ГР 20899 (Ж.701)) (рис. 1, 16). Вот как описывал его О. Я. Неверов: «Фигура коленипреклоненного скифа со стрелой изображена этрусским резчиком с поразительно точным знанием этнографических особенностей и костюма далекого восточного народа, сопровождается надписью: „скиф“» (Неверов, 1983. С. 62; фотоклейка 4, № 8). К сожалению, приходится констатировать, что в данном случае О. Я. Неверов допустил ошибку, поскольку еще в 1926 г. М. И. Максимова по поводу этой геммы писала, что «резчик печати, очевидно, плохо различал персов и скифов» (Максимова, 1926. С. 51).

из-за присутствия в Северном Причерноморье ираноязычных номадов особым смыслом.

Возвращаясь к синдской чеканке, необходимо сказать, что отсутствие соответствующих атрибутов на аверсе старших номиналов серии С-1 однозначно указывает на то, что здесь изображен не Геракл¹⁴. Прежде всего обратим внимание на явно осознанное обезличивание и отсутствие каких-либо элементов, указывающих на этническую принадлежность персонажа: например, коринфский шлем на кизикинах (рис. 1, 3, 4) или варварское одеяние на монетах Киликии (рис. 1, 5, 6).

Какова же семантика этого сюжета? Ведь оформление внешнего вида монеты вряд ли отдавалось на волю фантазии резчиков монетных штемпелей. По абсолютно справедливому замечанию В. И. Суханова, при анализе ранней чеканки полисов Северного Причерноморья следует учитывать «преобладание религиозного мотива над всеми остальными в изображениях на монетах» (Суханов, 2011. С. 56; 2015. С. 26). При этом будет нелишним упомянуть мнение Д. С. Раевского о том, что для популярности чисто греческого образа у скифов требовалась его интеграция в местную мифологию (Раевский, 1985. С. 173). Эта удивительно точная оценка проблемы как нельзя лучше подходит к нашему случаю. Действительно, если на монете присутствует какое-то изображение, то оно должно соответствовать религиозным воззрениям и традициям общества и играть важную роль в его политической жизни (Горончаровский, Терещенко, 2015. С. 88).

Поскольку монетные штемпели изготавливались греческими резчиками по заказу синдских правителей, то можно предположить, что монетный тип «обнаженный безбородый мужчина, вставший на колено, проверяет прямизну древка стрелы» демонстрирует не «рабское» или «автоматическое» копирование, а удачно подобранную композицию из арсенала сюжетов, имевших хождение в греко-иранской культурной среде. Выбор для первой серии монет персонажа со стрелой должен был быть обусловлен достаточно вескими причинами идеологического характера.

¹⁴ Возможно, образ Геракла стал восприниматься самими синдами как соответствующий этому персонажу их мифологии позднее, по мере развития их контактов с греческим миром. Этим можно объяснить появление изображения головы героя в львиной шкуре на следующей серии синдских монет (С-2).

Возможно, это своего рода *interpretatio sindica* для воспроизведения образа прародителя династии синдских вождей и одного из сакральных ритуалов их инвеституры, где главную роль, в отличие от скифской традиции, играл не лук, а стрела, выступая в качестве царской инсигнии¹⁵. Для сравнения на территории державы Ахеменидов, где был распространен сюжет с проверкой стрелы, подобное отношение к ней как священному предмету известно у саков. Об этом свидетельствует сообщение Курция Руфа о посланных им богами дарах: ярме, плуге, копье, *стреле* и чаше¹⁶. Вряд ли стоит сомневаться, что, как и у скифов, они были изготовлены из небесного металла — золота — и обладали магической силой. В этой связи вспоминается рассказ Ямвлиха о волшебной золотой стреле гиперборейца Абариса, с помощью которой он мог летать, преодолевая любые препятствия: реки, моря, озера, болота и горы (Jambl. Devita Pith. 91, 136, 140–141). По-видимому, восприятие стрелы как символа силы и власти не было чуждо и собственно персам. Во всяком случае именно так трактовал их присутствие среди иносказательных скифских даров персидский царь Дарий: «...стрелы же они отдают как силу свою»¹⁷ (Hdt. IV. 132).

В скифской генеалогической легенде золотые предметы достались Колаксаю, вследствие чего он и стал царем. Его имя В. И. Абаев в свое время трактовал как *Hvar-xšaya* — «владыка солнца» (Абаев, 1949. С. 242). При этом любопытно отметить, что на первой серии синдских монет в ряде случаев у головы персонажа заметны детали, которые вполне можно рассматривать как части лучистого венца (рис. 2, 1–3), причем ни дефектом чеканки, ни небрежностью резчика объяснить их наличие невозможно. В то же время они немного напоминают солнечный венец коленопреклоненного Гелиоса на кизикинах группы III а, 475–410 гг. до н. э. (Fritze, 1912. S. 11, № 148) (рис. 2, 4)¹⁸. Что характерно, подобный экземпляр

¹⁵ Д. С. Раевский подчеркивал значение стрелы в представлениях ираноязычных номадов как эквивалента мировой оси, размещенного в центре мироздания, соединяющего три космические сферы по вертикали: наконечник–древко–оперение (Раевский, 1981. С. 46–50).

¹⁶ У скифов в этом наборе фигурируют плуг, ярмо, секира и чаша (Hdt. IV. 4).

¹⁷ Пер. И. Мартынова в переработке М. Гаспарова.

¹⁸ Или 460–400 гг. до н. э. по А. Балдуин-Бретт (Baldwin-Brett, 1974. S. 198, № 1515).

Рис. 2. Изображения персонажей с лучистым венцом на монетах с легендой ΣΙΝΔΩΝ и Кизика: 1–3 — чеканка синдов, диоболы, 427–423 гг. до н. э.; 4 — Кизик, статер, 475–410 гг. до н. э. (Fritze, 1912). 1— серебро; 4 — электр
 Fig. 2. Representations of figures with a radiated crown on coins with the legend ΣΙΝΔΩΝ from Kyzikos: 1–3 — Sindian coinage, diobols, 427–423 BC; 4 — Kyzikos, stater, 475–410 BC (Fritze, 1912). 1— silver; 4 — electrum

известен и на Боспоре в составе знаменитого Мирмекийского клада (Мирмекийский клад, 2004. С. 72, № 84).

Учитывая, что стрела соответствует символике солнечного луча, можно предположить близость прародителя синдских царей образу скифского Колаксы. Видимо, священная стрела считалась у синдов главным атрибутом царской власти, которую мог взять в руки только избранный богами правитель посредством совершения соответствующего ритуала. Связь стрелы в сюжете ее проверки с солнцем особенно наглядно подчеркнута на уже упоминавшемся серебряном статере из Тарса. Над стрелой в руках сидящего перса здесь парит крылатый солнечный диск —

символ божественного покровительства и защиты царя (рис. 1, 7).

Предложенная трактовка одного из типов первой серии монет, выпущенных от имени синдов, как воспроизведения ключевого сюжета их мифологии, обосновывавшего преемственность царской власти, может служить дополнительным аргументом в пользу иранской языковой и культурной принадлежности этого племени¹⁹.

¹⁹ К этому склонялся и известный филолог-классик С. Р. Тохтасьев, считавший, что имеются «некоторые основания предполагать иранскую языковую принадлежность синдов», а «наличие иранских элементов в синдской среде не вызывает сомнений» (Тохтасьев, 2017. С. 201, 203).

Абаев, 1949 — Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР. 1949. Т. 1. 606 с.

Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.

Бурачков, 1884 — Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Одесса: Изд-во тип. А. Шульце, 1884. Ч. I. 289 с.

Горончаровский, Терещенко, 2015 — Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. О монетном деле Синдики в конце V — начале IV вв. до н. э. // ЗИИМК. 2015. № 11. С. 77–96.

Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 16). 264 с.

Иванчик, 2002 — Иванчик А. И. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? I // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55.

Калашник, 2014 — Калашник Ю. П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 278 с.

Казаманова, 1969 — Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М.: Изд-во МГУ, 1969. 305 с.

Коваленко, 2020 — Коваленко С. А. Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки // Номо omnium horarum: Сб. ст. в честь 70-летия А. В. Подосинова. М.: Изд-во Ун-та Дм. Пожарского, 2020. С. 272–296.

Максимова, 1926 — Максимова М. И. Античные резные камни Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1926. 101 с.

Максимова, 1956 — Максимова М. И. Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати // Ольвия и нижнее

Побужье в античную эпоху. М.; Л.: АН СССР, 1956 (МИА; № 50). С. 190–196.

Мец, 2008 — Мец Ф. И. Об одном сюжете аттической вазописи конца VI — начала V в. до н. э. [Электронный ресурс] // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 64–80. Сетевое издание ISSN 2071-0437 (online). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article>, свободный (дата обращения: 03.07.2020).

Мирмекийский клад, 2004 — Мирмекийский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. 119 с.

Неверов, 1983 — Неверов О. Я. Геммы античного мира. М.: Наука, 1983. 144 с.

Неверов, 1986 — Неверов О. Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // Античная тореветика. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С. 17–27.

Одесский археологический музей, 1983 — Одесский археологический музей АН УССР. Киев: Наукова думка, 1983. С. 195.

Орешиников, 1922 — Орешиников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. Пг., 1922. Т. II. С. 113–138.

Раевский, 1981 — Раевский Д. С. Куль-обские лучники // СА. 1981. № 3. С. 44–51.

Раевский, 1985 — Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.

Строкин, 2012 — Строкин В. Л. Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 16. С. 379–418.

Суханов, 2011 — Суханов В. И. Скифский лук и некоторые вопросы нумизматики Северного Причерноморья // Альманах античной

- нумизматики. М: Хобби пресс, 2011. № 4. С. 42–63.
- Суханов, 2015 — Суханов В. И. К вопросу о типологии синдских (и боспорских) монет // Нумизматические чтения ГИМ. М.: Изд-во Отд. нумизматики ГИМ, 2015. С. 20–25.
- Тохтасьев, 2017 — Тохтасьев С. Р. Варварские племена, соседи городов Боспора // Scripta antiqua. М.: Собрание, 2017. Т. VI. С. 135–279.
- Фролова, 2002 — Фролова Н. А. Корпус монет синдсов (первая половина — конец V в. до н. э.) // ВДИ. 2002. № 3. С. 71–84.
- Шелов, 1949 — Шелов Д. Б. Монеты синдсов // КСИИМК. М.; Л., 1949. Вып. XXX. С. 111–118.
- Шелов, 1956 — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 222 с.
- Шилов, 1951 — Шилов В. П. Синдские монеты // СА. 1951. Т. XV. С. 204–215.
- Baldwin-Brett, 1974 — Baldwin-Brett A. Catalogue of Greek coins. New-York: Attic books, LTD, 1974. 40 p.
- Fritze, 1912 — Fritze von H. Die Elektronprägung von Kuzikos // Nomisma. 1912. Hf. VII. S. 1–38.
- Furtwängler, 1900 — Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Berlin; Leipzig: Giesecke & Devrient, 1900. Bd. I–II. 67 taf., 330 s.

On the problem of identification of the early type of Sindian coins

V. A. Goroncharovskiy, A. E. Tereshchenko

This paper is devoted to one of the subjects represented in the first series of coins with the legend ΣΙΝΔΩΝ dated approximately to the turn between the third and the last quarters of the 5th century BC. It is a representation of a kneeling masculine figure with a bow and an arrow (Fig. 1). Many researchers supposed it to be Herakles but this interpretation runs contrary to the absence of the usual attributes of the hero. Findings of new specimens of well-preserved Sindian coins give us a possibility to reconsider the problem of the origin of this subject. In the territory of the Achaemenian state where the subject with checking of an arrow was widespread, the attitude to the latter as to a sacral object was known among the Saka. This is evidenced through a statement by Curtius Rufus about the donations sent to them by gods: a yoke, a plough, a spear, an *arrow* and a bowl. According to a similar Scythian genealogic legend, the gold objects were won by Kolaxes who became the king owing to them. His name is usually interpreted as *Hvar-xšaya* — ‘Lord of the Sun’. It is of note that in the first series of Sindian coins, details are discernible near the head of the archer which can be reliably considered as parts of a radiated crown (Fig. 2). Presumably, the sacred arrow, corresponding to symbols of a sun ray, was considered by the Sinds as the main attribute of the royal power which only a ruler chosen by the gods could take in hands. The present authors are of the opinion that these coins depict the forefather of the dynasty of Sindian chiefs and that one of the sacral rituals of the latter’s investiture was represented by an arrow rather than by a bow contrary to the Scythian tradition. Such an interpretation may serve as an additional argument in favour of the Iranian linguistic and cultural belonging of the Sinds.

Погребальная обрядность детских захоронений хунну (на примере локальной группы кургана № 18 могильника Оргойтон)¹

Н. Н. Николаев²

Аннотация. В статье рассматриваются материалы первой локальной группы, выявленной на могильнике Оргойтон, расположенном на левом берегу р. Селенга в Забайкалье. Анализ этих материалов позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся погребальной обрядности детских захоронений хунну. Было установлено, что выбор места погребения умершего ребенка зависел от его общественного статуса и одновременно этот статус подчеркивал.

Annotation. This paper considers the materials from the first local group revealed at the cemetery of Orgoyton situated on the left bank of the Selenga River in the Trans-Baykal region. Analysis of these finds suggests some observations concerning the funerary rite at child burials of the Xiongnu. It has been established that the choice of the burial place for the deceased child depended on the social status of the latter and simultaneously highlighted this status.

Ключевые слова: хунну, Забайкалье, локальная группа, сопроводительное погребение, фрагменты бронзовых зеркал.

Keywords: Xiongnu, Trans-Baykal region, local group, accompanying burial, fragments of bronze mirrors.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-125-133

Могильник хунну в пади Оргойтон расположен в Джидинском районе Республики Бурятия на левом берегу р. Селенга примерно в 5 км к юго-юго-западу от поселка Зарубино (железнодорожная станция Хужир) (рис. 1, 1, 2). На расстоянии около 30 км к юго-востоку от могильника находится г. Кяхта. Памятник открыт в 1898 г. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, который совместно с А. Я. Смолевым исследовал здесь четыре кургана. Погребальную традицию и сопроводительный инвентарь раскопанных могил

Ю. Д. Талько-Гринцевич соотнес с обрядностью и вещевым комплексом захоронений Суджинского могильника в Ильмовой пади (Талько-Гринцевич, 1999. С. 81). После раскопок Монголо-Тибетской экспедиции в горах Ноин-Ула погребения Оргойтона и Ильмовой пади были идентифицированы как хуннские (Там же. С. 119–123). Последующие 110 лет раскопки на Оргойтоне не проводились.

В 2009 г. в юго-восточной части могильника раскопан курган № 5. Развал его наземного сооружения на уровне современной дневной поверхности практически не фиксировался. Захоронение было совершено в каменном «склепе», сооруженном из валунов и плит среднего размера. В заполнении могилы найден обломок бронзового китайского зеркала, позволивший датировать этот курган не ранее I в. до н. э. (Николаев, 2010; Николаев, Миняев, 2017б. С. 155, рис. 14, 5).

В 2010–2013, 2015 и 2016 гг. исследовался «княжеский курган» (№ 6), расположенный в северной части могильника (рис. 1, 2). Параметры, конструктивные особенности и сопроводительный инвентарь этого кургана позволяют соотнести его

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: nikkolyanik@yandex.ru.

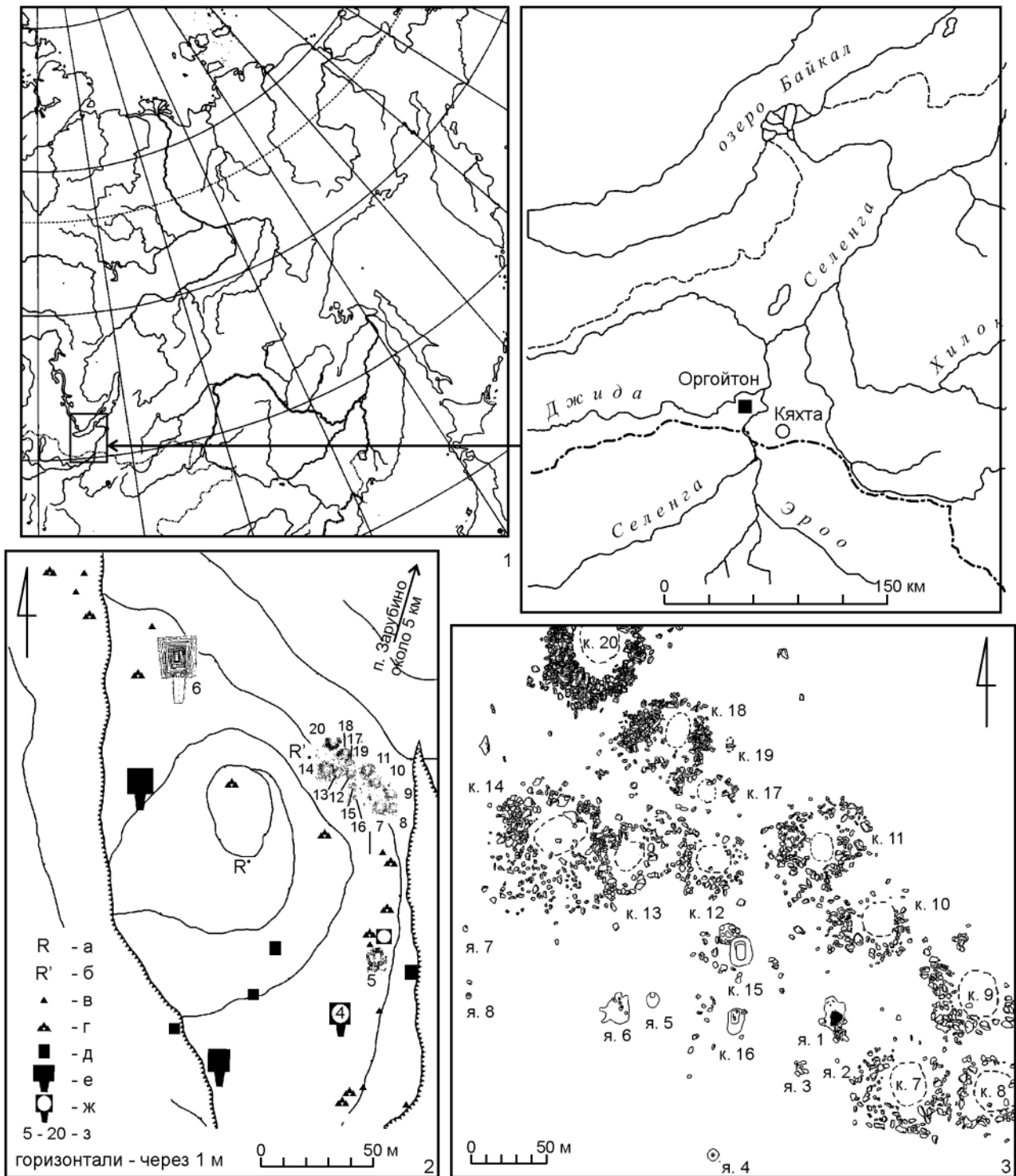

Рис. 1. Могильник Оргойтон: 1 — положение на карте; 2 — план (а — репер могильника; б — репер раскопа; в — отдельные камни; г — скопление камней; д — курганы; е — курганы с дромосом; ж — курганы, исследованные Ю. Д. Талько-Гринцевичем; з — номера курганов); 3 — план курганов и ям в восточной части могильника

Fig. 1. Cemetery of Orgoyton: 1 — position in the map; 2 — plan (a — benchmark of the cemetery; б — benchmark of the excavation; в — separate stones; г — accumulation of stones; д — barrows; е — barrows with a dromos; ж — barrows investigated by Yu. D. Tal'ko-Grintsevich; з — numbers of the barrows); 3 — plan of the barrows and pits in the eastern section of the cemetery of Orgoyton

с курганом № 24 могильника Ноин-Ула и курганом № 54 Ильмовой пади (Теплоухов, 1925; Коновалов, 2008). Все эти курганы значительно меньше самого большого «княжеского кургана» хунну на территории России, исследованного в пади Царам, и одного из крупнейших курганов хуннской знати, раскопанного на могильнике Гол-Мод II в Монголии (Миняев, Сахаровская, 2007; Эрдэнэбаатар и др., 2015). При этом курган № 6 могильника Оргойтон первый и пока единственный «княжеский курган» хунну, исследованный на левом берегу р. Селенга (Николаев, Миняев, 2017а; 2017б; 2019; Nikolaev, Miniaev, 2016).

Начиная с 2017 г. основные работы на территории могильника сосредоточены в его восточной части (рис. 1, 2, 3). Здесь выявлено несколько курганов, которые визуальнo не фиксировались на уровне современной дневной поверхности (рис. 1, 3). В числе обнаруженных объектов исследована одна локальная группа, состоявшая из кургана № 18 и двух сопроводительных захоронений — кургана № 17 и погребения № 19 (рис. 1, 3; 2, 1).

Курган № 18

Находился в северной части участка, который исследовался в 2017–2018 гг. (рис. 2, 1). Его надмогильное сооружение первоначально представляло ограду, сложенную из горизонтально уложенных плит и валунов. В нескольких местах к востоку от могильной ямы сохранилось от двух до четырех рядов ее кладки. Ограда была ориентирована сторонами по странам света. Размер развала надмогильного сооружения 7,3 × 7,2 м.

После снятия дерна в юго-восточной части развала камней найдены обломок бронзового китайского зеркала (рис. 3, 2) и фрагмент железного предмета (рис. 3, 7). Помимо этого в северо-западной части развала зафиксирована деталь поясной фурнитуры (рис. 3, 4), восточнее которой выявлено несколько фрагментов неорнаментированной керамики серого цвета. Пятно могильной ямы было ориентировано длинной осью по линии север–юг и имело трапециевидные очертания.

Северо-восточный угол могилы и прилегающие к нему участки могильной ямы пострадали при ограблении. В заполнении могилы зафиксирован смешанный грунт, в котором помимо гумусированной и светлой супеси присутствовали уголь и зола. На уровне перекрытия погребального сооружения смешанный грунт локализовался в центральной и северной частях могильной ямы.

На глубине около 0,57 м у южной стенки могилы (ближе к юго-западному углу) в вертикальном положении выявлены обломки двух обожженных плах³. Помимо этого у южной стенки могилы найдены обломки венчика и фрагменты керамического сосуда (рис. 3, 3, 5). На глубине около 1,34 м рядом с юго-восточным углом выявлена лага из подработанного ствола дерева диаметром около 0,17 м и длиной 1,40–1,45 м. Лага лежала по диагонали⁴ сверху погребальной конструкции под наклоном к центру могилы (рис. 2, 6).

Перекрытие погребальной конструкции набрано из досок шириной 0,17–0,20 м. На момент раскопок их толщина достигала 0,02 м. Доски были уложены в направлении запад–восток. Вероятно, первоначально их длина несколько превышала ширину погребального сооружения. Крупные фрагменты пяти досок *in situ* сохранились в его южной части (рис. 2, 6). Учитывая, что в могиле не обнаружено костей скелета, можно говорить о том, что грабители извлекли останки погребенного, не разрушая всего перекрытия. Южная часть погребальной конструкции практически не пострадала. Могила ограбили до того, как произошло разрушение соединительных тканей тела покойного. Когда это произошло, погребальная конструкция еще сохраняла прочность, и внутри нее было свободное пространство. Уже после ограбления уцелевшие доски просели вниз и сломались под тяжестью заполнения.

Захоронение было совершено в гробовище⁵ трапециевидной формы длиной 2,30–2,35 м и высотой 0,35–0,40 м. Ширина его северной стенки составляла 1,17 м. Южная стенка была на 0,12 м короче. Каркас состоял из четырех досок толщиной 0,05–0,07 м. Пол гробовища настлан на дно могилы в направлении север–юг и набран из пяти досок шириной около 0,25 м. Толщина досок на момент раскопок не превышала 0,02 м. Они были плотно подогнаны друг к другу без какого-либо крепления. Для выравнивания пола в горизонтальной плоскости на дно могилы, в ее северной части, положили два небольших камня (рис. 2, 7, 8). Крепление между полом и рамой погребальной конструкции, а также между стенками

³ Размер плах 0,63 × 0,21 × 0,05 и 0,62 × 0,17 × 0,05 м.

⁴ По линии северо-запад–юго-восток.

⁵ Этот тип погребальных сооружений описан А. В. Давыдовой при исследовании Иволгинского могильника (Давыдова, 1996. С. 11).

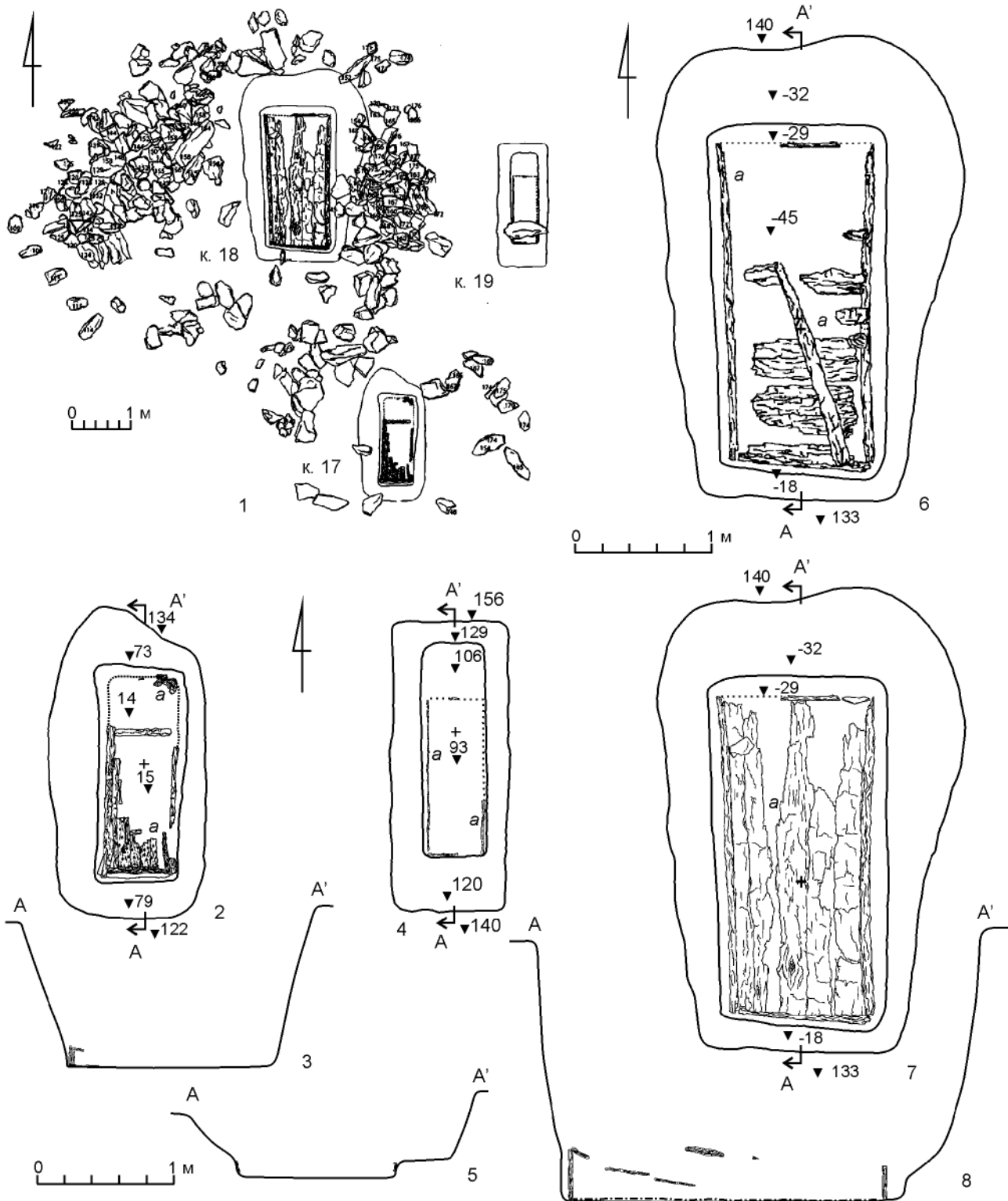

Рис. 2. Могильник Оргойтон: 1 — план локальной группы кургана № 18; 2, 3 — погребение кургана № 17, план и разрез (здесь и далее: *a* — древесина); 4, 5 — погребение № 19, план и разрез; 6–8 — погребение кургана № 18, план на уровне перекрытия, план на уровне дна и разрез

Fig. 2. Cemetery of Orgoyton: 1 — plan of the local group of barrow no. 18; 2, 3 — grave at barrow no. 17, plan and section (here and below: *a* — wood); 4, 5 — burial no. 19, plan and section; 6–8 — burial in barrow no. 18, plan at the level of the roof, plan at the level of the bottom and section

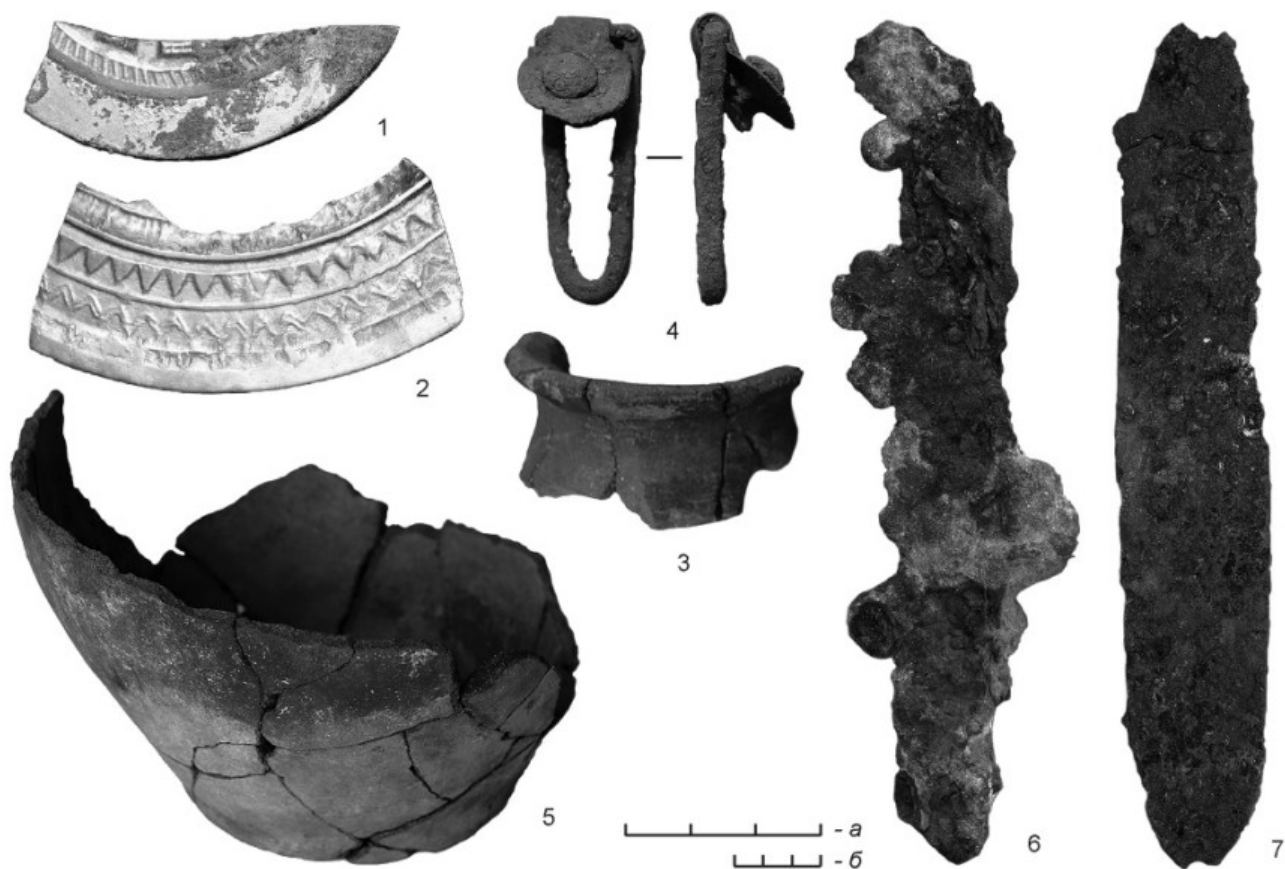

Рис. 3. Могильник Оргойтон. Инвентарь погребений локальной группы. Курган № 17: 1 — фрагмент китайского зеркала; курган № 18: 2 — фрагмент китайского зеркала; 3, 5 — керамический сосуд; 4 — фурнитурный блок; 6 — корродированный обломок предмета; 7 — нож (?). 1, 2 — бронза; 3, 5 — глина; 4, 6, 7 — железо. Масштаб: а — для 1, 2, 4, 6, 7; б — для 3, 5

Fig. 3. Cemetery of Orgoyton. Inventory of the burials of the local group. Barrow no. 17: 1 — fragment of Chinese mirror; barrow no. 18: 2 — fragment of Chinese mirrors; 3, 5 — ceramic jar; 4 — furniture block; 6 — corroded fragment of an object; 7 — knife (?). 1, 2 — bronze; 3, 5 — clay; 4, 6, 7 — iron. Scale: a — for 1, 2, 4, 6, 7; б — for 3, 5

гробовища отсутствовало. На краях длинных стенок на всю их высоту были сделаны вырезы $0,05-0,07 \times 0,02-0,03$ м. В эти вырезы вставлялись поперечные доски. Прочность конструкции обеспечивал грунт, засыпанный между рамой гробовища и стенками могильной ямы. В процессе зачистки и разборки погребальной конструкции в ее центральной части на досках пола найдено несколько человеческих зубов. Помимо этого в заполнении северо-восточного угла могилы найден крупный обломок железного предмета, деформированный коррозией (рис. 3, б). Глубина могилы 1,97–2,03 м.

Курган № 17

Располагался юго-восточнее кургана № 18. Вероятно, первоначально его наземное сооружение соприкасалось с наземным сооружением кургана № 18.

На момент начала раскопок от сооружения кургана № 17 сохранилось только несколько камней с восточной и южной стороны могильной ямы, которая была ориентирована длинной осью по линии север–юг (рис. 2, 1–3).

Грабители полностью уничтожили северо-западный угол могилы и разрушили значительную часть ее западной стенки. Смешанный грунт заполнения могильной ямы по мере углубления локализовался в ее северной части. На глубине около 0,9 м у южной стенки могилы зафиксированы остатки перекрытия погребальной конструкции. Оно было набрано из досок толщиной 0,01 м и шириной не более 0,15 м, уложенных в направлении север–юг. Определить точное количество досок перекрытия невозможно. Его обломки сохранились только над западной и южной стенкой

погребальной конструкции. На обломках уцелели два фрагмента квадратных в сечении плашек со стороной около 0,05 м.

Захоронение в кургане № 17 совершено в гробу, установленном в сруб, от которого уцелели только южная стенка и крупный обломок западной стенки у ЮЗ угла могильной ямы. Продольные стенки сруба собраны из двух подтесанных лесин диаметром около 0,1 м, а южная стенка сделана из доски шириной 0,17 м и толщиной 0,02 м. Сохранились обломки четырех досок пола, края которых заходили под южную стенку сруба (рис. 2, 2, 3).

Гроб оказался практически полностью разрушен. Однако удалось установить, что его рама собиралась при помощи шипового соединения. В нижней части уцелевшего обломка южной стенки был зафиксирован квадратный в сечении шип (0,02 × 0,02 м), закрепленный в сквозном отверстии обломка западной стенки гроба. Под остатками гроба выявлены фрагменты от четырех досок пола, уложенных в направлении север–юг. Ширина досок не превышала 0,11 м. На остатках пола рядом с уцелевшим юго-западным углом гроба в состоянии *in situ* были зафиксированы большая и малая берцовые кости детского скелета в сочленении с голеностопным суставом и несколько фаланг пальцев стопы (рис. 2, 2). Размеры костных останков позволяют предположить, что в могиле был погребен ребенок в возрасте около восьми лет. Захоронение было совершено по обряду ингумации, вытянуто на спине, головой на север. Несколько костей детского скелета встречены в заполнении придонной части могилы.

На дне, примерно в полуметре от северной и южной стенок могильной ямы, сохранились остатки деревянных слег, на которых была собрана погребальная конструкция. Севернее остатков южной следи в центральной части зафиксирован кусок коррозированного железа. Помимо этого вплотную к северной стенке могилы, практически на ее дне, найден фрагмент бронзового китайского зеркала (рис. 3, 1). Глубина могилы, с учетом перепада высоты стенок, составляет 1,08–1,19 м.

Погребение № 19

На расстоянии около 3 м к востоку от могилы кургана № 18, под крупным одиночным камнем, зафиксировано пятно могильной ямы овальных очертаний, ориентированное длинной осью по линии север–юг, размерами 1,5 × 0,9 м (рис. 2, 1, 4, 5). Заполнение могилы составлял смешанный грунт. В северной части могилы, на уровне

перекрытия погребальной конструкции выявлена небольшая площадка, назначение которой неясно. Граница площадки определялась уцелевшим фрагментом северной стенки погребального сооружения. Возможно, площадка имитировала «хозяйственный отсек», и первоначально на ней располагалась напутственная пища для усопшего. Однако не следует исключать и того, что грабители просто ошиблись с размером могильной ямы.

Погребение было совершено в гробу длиной около 1,2 м, шириной около 0,4 м и высотой не более 0,2 м. Перекрытие, пол и северная стенка гроба уничтожены. Уцелело около 85 % западной стенки, не более половины южной и примерно треть восточной (рис. 2, 4). Костных останков и находок при исследовании погребения не обнаружено. Вместе с тем можно констатировать, что это было детское захоронение. Глубина могилы около 0,57 м (рис. 2, 5). Зафиксированный на месте этого погребения валун позволяет думать, что могилы, над которыми после похорон не сооружали каменных оград, отмечались на уровне древней дневной поверхности каким-либо иным способом.

* * *

Захоронения рассмотренной локальной группы не противоречат погребальной традиции хунну. Типы погребальных сооружений, в которых были совершены захоронения, в двух случаях определяются абсолютно точно. Это двойная камера (или гроб в срубе) и гробовище. Отказ от жесткого крепления частей гробовища при его сборке не совсем понятен. Правда, такое решение позволяло сэкономить время при подготовке к похоронам, так как отпадала необходимость вырезать в досках различного рода пазы, отверстия, шипы и т. п. Насколько широко такая практика была распространена в Оргойтоне, пока неясно. Интересно, что двойная камера была выявлена в сопроводительном детском захоронении кургана № 17. На могильнике, помимо этого случая, данный тип погребальной конструкции зафиксирован в погребениях взрослых людей в курганах № 7 и 21. Примечательно, что в сопроводительном погребении № 19 ребенка похоронили в гробу. Глубина могилы, в которой совершили это захоронение, была в два раза меньше глубины детской могилы кургана № 17. В довершение к этому место погребения № 19 обозначили одним надмогильным камнем, в то время как над захоронением кургана № 17 возвели каменное сооружение (рис. 2, 1). Насколько значительными были различия в погребальной

обрядности детских захоронений, можно проиллюстрировать еще одним примером.

В 2017 г. в восточной части могильника в пределах заложеного здесь раскопа были выявлены захоронения № 15 и 16 (рис. 1, 3). В могильной яме погребения № 15 отмечались зольно-угольные линзы, прокаленный грунт и камни. На глубине около 0,73 м, практически на самом дне могилы, найдено несколько детских костей. В погребении № 16, заполнение которого состояло из светлой супеси, на глубине 0,4 м был выявлен незначительно потревоженный скелет младенца. Следы какой-либо погребальной конструкции, а также сопроводительный инвентарь в захоронении отсутствовали (Николаев и др., 2019. С. 501).

Таким образом, можно говорить о том, что погребальная традиция хунну предполагала различные варианты захоронения детей. Видимо, это зависело от совокупности нескольких взаимообусловленных факторов, которые и определяли отношение к умершему ребенку. Вероятно, важную роль играли пол, возраст, а также родственные связи ребенка.

Установить обстоятельства, связанные с появлением сопроводительных захоронений локальной группы кургана № 18, нельзя. Однако можно достаточно точно определить максимально возможный промежуток времени между захоронением в центральной могиле и появлением последнего сопроводительного погребения. На примере Дырестуйского могильника С. С. Миняев наглядно продемонстрировал взаимосвязь между статусом погребенного и местом его захоронения в локальной группе (Миняев, 1998. С. 41–69). Поэтому не вызывает сомнения, что курган № 17 и погребение № 19 появились позже кургана № 18. Останки, зафиксированные в могиле кургана № 17, принадлежали ребенку не старше восьми лет. В погребении № 19 скелет или его фрагменты не сохранились. Однако размеры погребальной конструкции позволяют говорить о том, что захороненный здесь ребенок был не старше ребенка, погребенного в кургане № 17. Таким образом, если предположить, что на момент похорон в кургане № 18 старший из детей только родился, а в день его погребения на свет появился младший ребенок, период формирования локальной группы кургана № 18 не будет превышать 16 лет, то есть в пределах археологических датировок погребения этой группы синхронны.

Разрушения, которые сопровождали ограбление могил, создают впечатление, что захоронения

были не просто разорены, а их целенаправленно осквернили. Вещевой комплекс исследованных погребений насчитывает всего шесть предметов, при этом ни один из них не был найден *in situ*. Только две находки сделаны на дне могилы. Пять предметов связаны с курганом № 18. Отсюда происходит неорнаментированный керамический сосуд удлинённых пропорций, высотой около 35 см (Давыдова, 1995. Табл. 177, 48) (рис. 3, 3, 5). Он сохранился в многочисленных фрагментах, которые были встречены в разных местах кургана. Самые большие скопления керамики отмечены в заполнении, у южной стенки могильной ямы, а также в северо-западной части развала надмогильного сооружения. Восточнее от фрагментов сосуда зафиксирован железный фурнитурный блок треугольной формы, идентичный образцам из Ильмовой пади (Коновалов, 1976. Табл. VI, 6, 7). На широкой стороне блока сохранилась скоба, края которой были соединены заклепкой (рис. 3, 4). Фрагмент еще одного железного изделия (ножа?) найден в юго-восточной части развала кургана (рис. 3, 7). Помимо этого, на дне могилы, вплотную к ее северной стенке, зафиксирован деформированный коррозией обломок железного предмета (рис. 3, 6).

Однако наибольший интерес представляют два фрагмента китайских бронзовых зеркал. На фрагменте из кургана № 18 частично сохранилась лента из прямых параллельных линий, обрамленная валиком, вокруг которого расположен фриз из треугольников, окаймленный двумя зигзагообразными параллельными линиями (рис. 3, 2). Поверхность фрагмента слегка затерта. Ближайшей аналогией этой находке является экземпляр, хранящийся в собрании Красноярского краеведческого музея (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 39, № 8, II 3, рис. 6). Помимо этого фрагмент из Оргойтона сопоставим с находкой из кургана № 15 Черемуховой пади (Коновалов, 1976. Табл. XXII, 1). Обе аналогии относятся к зеркалам типа TLV, или *гуй цзю* (Филиппова, 2000). Отличительной особенностью их декора, несмотря на вариативность отдельных элементов, являются «знаки, напоминающие латинские буквы T, L, V» (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 12). Ранее фрагмент зеркала этого типа на Оргойтоне обнаружен в захоронении кургана № 5 (Николаев, Миняев, 20176. С. 155, рис. 14, 5). Зеркала типа TLV также хорошо известны в хуннских комплексах Монголии (Treasures of the Xiongnu, 2011. P. 147, 149–151, № 193, 198–201, 203). Появление этого типа определяется от середины периода Западной Хань до времени правления Ван Мана (Лубо-Лесниченко,

1975. С. 12; Филиппова, 2000. С. 103; *Tsagaan*, 2011. P. 321, fig. 4; Базаров, 2019. С. 29–31).

В кургане № 17 обнаружен обломок бортика бронзового зеркала с лентой из наклонных параллельных линий, над которой сохранились фрагменты двух иероглифов (рис. 3, 1). Сохранившиеся элементы позволяют относить обломок к группе зеркал, центральная часть которых имела полусферическую петельку и обрамлялась лентой их параллельных наклонных линий⁶. Вторая лента окаймляла бортик зеркала с внутренней стороны. Между лентами по окружности орнаментального поля располагалась благожелательная надпись. На основании ее содержания выделяются два типа зеркал — *жи гуан* и *чжао мин*. В хуннских комплексах Забайкалья и Монголии представлены оба типа (Филиппова, 2000; *Tsagaan* 2011; *Treasures of the Xiongnu*, 2011. P. 147–151, № 193–206). Поскольку декор зеркал *жи гуан* и *чжао мин* очень похож, сопоставление фрагмента из кургана № 17 с находками из хуннских комплексов Забайкалья и Монголии возможно только по уцелевшей части иероглифа. На основании этого признака фрагмент из кургана № 17 можно соотнести с обломком зеркала из кургана № 51 Ильмовой пади и целым изделием из кургана № 2 могильника Худгийн-Толгой (Коновалов, 1976. Табл. XXII, 1; *Treasures of the Xiongnu*, 2011. P. 148, № 194). Обе находки относятся к типу *чжао мин* (Филиппова, 2000. С. 102–103, рис. 1, 6; *Tsagaan* 2011. P. 317, fig. 1, 12). Е. И. Лубо-Лесниченко, описывая поздние подражания зеркалам этого типа, датировал оригинальные образцы II–I вв. до н. э. (Лубо-Лесничен-

⁶ Это обрамление повторяло контуры декора в центре зеркала и могло иметь круглую или квадратную форму.

ко, 1975. С. 110–111, № 316, VI, 4б; 317, VI, 4). Однако им была упомянута и другая дата появления зеркал *чжао мин* — «конец Западной Хань» (*Там же*. С. 110–111, № 315, VI, 4а, рис. 104). Последнее мнение превалирует при анализе монгольских материалов. Зеркала *чжао мин* и их фрагменты, зафиксированные в хуннских комплексах Монголии, датируются не ранее I в. до н. э. (*Tsagaan*, 2011. P. 321, fig. 4).

Заключение

Обобщая сделанные наблюдения можно констатировать, что погребальная практика хунну предполагала несколько вариантов детских захоронений. Выбор места погребения, глубина могилы, тип погребальной конструкции, наличие или отсутствие наземного сооружения, скорее всего, зависели от пола, возраста и родства умершего ребенка. Появление в сопроводительном наборе детского погребения кургана № 17 фрагмента китайского бронзового зеркала, видимо, обусловлено теми же причинами. Это чрезвычайно редкий случай, когда ребенку положили в могилу часть предмета, который в мире живых и мертвых символизировал единство покинутого им коллектива (Миняев, Сахаровская, 2006. С. 82). Фрагменты зеркал, найденные в погребениях локальной группы кургана № 18, не противоречат выводу о достаточно быстром ее формировании и датируют ее погребения не ранее I в. до н. э. Вместе с тем зафиксированные разрушения могил позволяют предположить, что появление данной локальной группы, как и всего могильника Оргойтон, относится к несколько более позднему времени, когда в хуннском обществе начали нарастать дезинтеграционные процессы (Миняев, 2019. С. 207).

Базаров, 2019 — Базаров Б. А. Китайское зеркало из 47-го погребения Нур-Тухумского могильника // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 2. С. 25–33.

Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «Азиатика», 1995 (Археологические памятники сюнну; Вып. 1). 97 с.

Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). 176 с.

Коновалов, 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 248 с.

Коновалов, 2008 — Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.

Лубо-Лесниченко, 1975 — Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 170 с.

Миняев, 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.

Миняев, 2019 — Миняев С. С. Актуальные проблемы изучения сюнну // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской

- академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 201–208.
- Миняев, Сахаровская, 2006 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьское зеркало из могильника Царам // Записки ИИМК РАН. 2007. № 1. С. 77–82.
- Миняев, Сахаровская, 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–167.
- Николаев, 2010 — Николаев Н. Н. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 186–191.
- Николаев, Миняев, 2017а — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Исследование хуннских курганов в пади Оргойтон // The VIII International Academic Conference on «Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China»: Сб. тезисов и авторефератов. Changchun: Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University, 2017. С. 287–291.
- Николаев, Миняев, 2017б — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Работы Центрально-Азиатской археологической экспедиции на могильнике Оргойтон // АСГЭ. 2017. Вып. 41. С. 143–158.
- Николаев, Миняев, 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Некоторые результаты исследования «княжеского кургана» хунну на могильнике Оргойтон // АСГЭ. СПб., 2019. № 42. С. 110–123.
- Николаев и др., 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Исследования на могильнике Оргойтон в Джидинском районе // АО 2017 года. М.: ИА РАН, 2019. С. 499–501.
- Талько-Гринцевич, 1999 — Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999. 123 с.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Улы // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.
- Филиппова, 2000 — Филиппова И. В. Китайские зеркала из памятников хунну // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 100–108.
- Эрдэнэбаатар и др., 2015 — Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Огилбаяр С., Батболд Н., Галбадрах Б., Маратхаян А. Балгасын тал дахь Гол Мод 2-ын хуннугийн язгууртны булшны судалга (Исследование элитного хуннского кургана Гол Мод 2). Уланбаатар: Менхийн Усэг, 2015. 256 с. (на монг. яз.).
- Nikolaev, Miniaev, 2016 — Nikolaev N. N., Miniaev S. S. Orgoiton — A Xiongnu Cemetery in Transbaikalia // The Silk Road. 2016. Vol. 14. P. 166–168.
- Treasures of the Xiongnu, 2011 — Treasures of the Xiongnu (culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia). The catalogue / Chief advisor D. Tseveendorj, J. Saruulbuyan; ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademi, Arkheologiin Khurieleen, 2011. 296 p.
- Tsagaan, 2011 — Tsagaan T. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu Graves of Mongolia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 315–327.

Funerary rite of Xiongnu children's burials (at the example of the local group of kurgan no. 18 at the cemetery of Orgoyton)

N. N. Nikolaev

The funerary practice of the cemetery of Orgoyton included a number of variants of children's burials. The choice of the place of interment, the depth of the grave, type of the funerary structure, and the presence or absence of a surface installation depended on the age and kinship of the deceased child. The same circumstances determined the appearance of Chinese bronze mirrors among the accompanying gifts in some of the child burials. Fragments of the mirrors found in burials of the local group of kurgan no. 18 date this group and the entire cemetery to not earlier than the 1st century BC. Simultaneously, the recorded disturbances of the graves suggest that the investigated burials were not simply looted but were purposefully defaced. In one case, the available evidence indicates that the looting and defacing of the grave took place shortly after the funeral. Therefore it cannot be ruled out that the appearance of the investigated complexes, as well as of the entire burial ground of Orgoyton, took place at a slightly later time than it was supposed, when disintegration processes were growing in the Xiongnu society.

Древнейшая Ладожская крепость: хронология и стратиграфия (по итогам раскопок у Раскатной башни)¹

Н. В. Григорьева²

Светлой памяти Анатолия Николаевича Кирпичникова

Аннотация. В статье изложены результаты исследований участка в юго-восточной части двора Ладожской крепости, между церковью Св. Георгия и входом в Раскатную башню. В раскопе были выявлены фактически все известные в историографии этапы строительства и/или ремонтов фортификационных сооружений крепости. Наиболее значимые результаты были получены при изучении руинированных остатков первоначального укрепления на Ладожском мысу и крепости XII в. В ходе раскопок были изучены части древнейших укреплений Ладожского мыса и подтверждена долетописная дата их строительства. Вход в первоначальную крепость располагался со стороны реки, тогда как в настоящее время попасть на ее территорию, после многочисленных перестроек и ремонтов, можно только с напольной стороны. При исследовании применялась промывка культурного слоя, благодаря чему были обнаружены стеклянные бусы, мелкие находки и фрагменты монет.

Annotation. This paper reports about the results of investigations in an area of the courtyard of the Ladoga fortress between the Church of St. George and the entrance into the Raskatnaya tower. The excavation defined in fact all the known in historiography stages of the building and/or repairs of the fortifications of the fortress. The most significant results were obtained during investigation of the ruined remains of the initial defence on the Ladozhka Promontory and the fortress of the 12th century. In the course of the excavation, the presence of early masonries was confirmed as well as the pre-chronicle date of their construction. It proved that the entrance to the early fortress was situated here on the riverside. At present, the territory of the fortress built during the firearms period is accessible only from the opposite low-ground side. During the investigations, washing of the layer was employed. This enabled the archaeologists to find glass beads, other small artefacts and fragments of coins in the cultural deposits.

Ключевые слова: Старая Ладога, средневековье, крепость, эпоха викингов.

Keywords: Staraya Ladoga, Middle Ages, fortress, Viking Age.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-134-153

Введение

История Ладоги до сих пор заслуженно привлекает пристальное внимание специалистов. Предположение о том, что история Ладожского поселения начиналась с освоения мыса при впа-

дении р. Ладожка в р. Волхов, в свое время даже вызвало небольшую дискуссию (Гроздилов, Третьяков, 1948. С. 73; Корзухина, 1961. С. 76–77, 80–84; Орлов, 1973. С. 262, 269) и актуально до сих пор (Мильчик, 2014. С. 12)³. В некоторых списках ПВЛ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения»).

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mak-kon4@yandex.ru.

³ Мыс была освоен еще в эпоху неолита. Отложения каменного века, сформировавшиеся на тяжелых материковых песчаниках, в ходе трансгрессии Ладожского озера перекрыты здесь пластом сине-зеленой глины. Мощность глинистых отложений уменьшается по направлению к югу от Стрелочной башни, у подножия которой толщина пласта достигает 1 м (Стеценко,

содержатся сведения о том, что после призвания варягов здесь был срублен (то есть сделан из дерева) город (укрепление или крепость). Запись от 862–866 гг. (в лѣ 6370) сообщает: «и придоша к Словѣномъ пѣрвѣе. и срубиша горѣ Ладогу» (Ипатьевская летопись, 1923. С. 15). Где же могла быть построена эта первоначальная крепость?

В Ипатьевской летописи под 1114 г. (в лѣ 6622) существует запись: «В се же лѣ заложена бы Ладога каменiemъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при князѣ Мъстиславѣ» (Ипатьевская летопись, 1923. С. 273). Средневековая каменная крепость сохранилась в Ладоге до наших дней и является центром современного села. Стены ее неоднократно ремонтировали и перестраивали. Расположена крепость на мысу, при впадении р. Ладожка в р. Волхов. Действующим военным объектом она являлась вплоть до петровских войн начала XVIII в.

В результате комплексного анализа письменных источников, архитектурных измерений и данных археологических раскопок выявляются следы, по крайней мере, шести периодов перестройки и реконструкции крепостных стен, о которых упоминают и письменные источники (Мильчик, 2014. С. 196, приложение IV).

Археологические исследования ранних укреплений Ладожской крепости

Археологические раскопки на протяжении XX в. проходили в крепости неоднократно. При этом из результатов работ, касающихся исследований наиболее ранних крепостных стен, опубликованы лишь материалы раскопок А. Н. Кирпичникова (это наблюдение см.: Мачинский, 2002. С. 20). Поэтому перед изложением результатов археологических раскопок последних лет необходимо кратко осветить итоги работ предшественников, исследовавших остатки ранних укреплений на Ладожском мысу.

1983. С. 8). Поверхность глины считается в Ладоге материковой для культурных отложений эпохи средневековья. Раскопки последних лет показывают, что мысовая часть ненамного возвышалась над округой, перепад поверхности глины на месте современной Стрелочной башни относительно территории Земляного городища составляет в целом всего 0,5–1,0 м. Наибольшее повышение песчаникового материкового останца наблюдается в районе Раскатной башни (около 1,5 м). Современная дневная поверхность крепостного двора располагается выше уровня воды р. Волхов примерно на 7 м.

Раскопки 1958 г. Г. Ф. Корзухиной

С целью ответить на вопрос, когда же произошло освоение мыса, в 1958 г. был заложен раскоп в южной части крепостного двора, в 20 м западнее церкви Св. Георгия (рис. 1). Мощность культурных отложений в раскопе составляла более 2 м, и верхняя (большая) их часть оказалась полностью перемешанной в результате обустройства могил Георгиевского кладбища (Корзухина, 1961. С. 77; Григорьева, Миляев, 2020). На материковой глине в пределах раскопа был выявлен слой черного гумуса с находками X в., синхронный слою горизонта «Д» Земляного городища, обнаружены остатки металлообрабатывающей мастерской. В восточной части раскопа этот гумус был перекрыт слоем белого кварцевого песка. Г. Ф. Корзухина, руководившая работами, получила сведения, что похожий песок был зафиксирован при проведении реставрационных работ ниже фундаментов стен церкви Св. Георгия. На основании этой информации, исследовательница отнесла время отложения песчаного слоя в раскопе к периоду, предшествующему появлению каменной церкви, построенной в середине XII столетия⁴. Рядом с белым песком на чертеже отмечен также песок желтого цвета (Корзухина, 1961. С. 77–78, рис. 1).

Раскопки 1975 г. А. Н. Кирпичникова

В 1975 г. А. Н. Кирпичников заложил ряд шурфов вдоль реконструированного юго-западного прясла крепости XVI в.⁵ (рис. 1). Во время этих работ впервые была открыта сложенная без раствора плитняковая стена первоначальной Ладожской крепости, на руинах которой были построены стены более позднего времени (Кирпичников, 1984. С. 24–42, рис. 4–11). На глубине около 3 м от дневной поверхности в нескольких шурфах были обнаружены разрушенные в древности стены и остатки квадратного в плане сооружения. Эта стена, сложенная из неформатных грубо околотых известняковых плит, конструктивно представляла собой две фасадные (лицевые) плитняковые кладки, пространство между которыми было заполнено (забутовано) колотым известняком. Плиты выявленной кладки не были

⁴ Об этапах и времени строительства церкви Св. Георгия см.: Сарабьянов, 2002. С. 69–109.

⁵ О последовательности реконструкции прясел крепости см.: Лалазаров, 2003. С. 152, сноска 1.

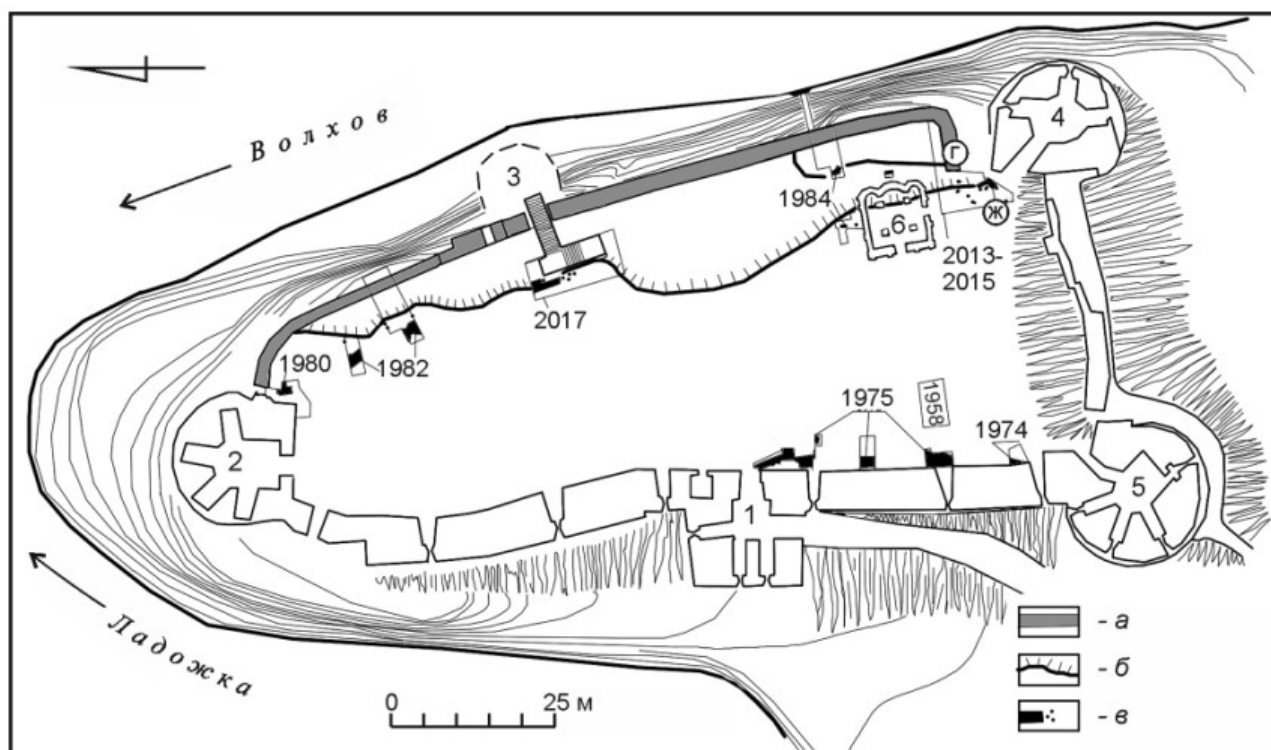

Рис. 1. Ладожская крепость. План с обозначением раскопов разных лет и исследованных участков стен первоначальной крепости (а — прясло крепости XII в.; б — граница материкового мыса по данным гравиметрии; в — исследованные участки безрастворной стены со столбовыми ямами). 1 — Стрелочная башня; 2 — Тайничная башня; 3 — Раскатная башня; 4 — Климентовская башня; 5 — Воротная башня; б — Георгиевская церковь. Основа плана предоставлена С. В. Лалазаровым

Fig. 1. Ladoga fortress. Plan with excavations of different years and areas of the walls of the original fortress (а — curtain of the fortress of the 12th century; б — boundary of the promontory based on gravimetric data; в — investigated sections of the wall unbonded with mortar and pillar pits). 1 — Strelochnaya Tower; 2 — Taynichnaya Tower; 3 — Raskatnaya Tower; 4 — Klimentovskaya Tower; 5 — Vorotnaya Tower; б — St. George Church. The basic plan presented by S. V. Lalazarov

скреплены между собой строительным известковым раствором, А. Н. Кирпичников отмечал, что плиты были уложены насухо. Стена, шириной от 1,5 до 1,8 м, не имела фундамента и стояла на материковой глине и слое черного гумуса с углями, с находками IX–X вв. На некоторых участках этот слой находится не только в основании плитняковой кладки, но и примыкает к плитам нижних рядов.

По описанию стена не была прямолинейной, а повторяла изгибы края материкового мыса. До сих пор не совсем понятно, где проходил этот край, поскольку одновременно указано, что западный край массива разрушенной стены уходил под фундамент более позднего прясла. Верхняя часть безрастворной кладки была преднамеренно разрушена. Известняковые плиты разрозненно и блоками были разбросаны вокруг ее основания, сохранившегося *in situ* на незначительную высоту.

Время строительства этой стены А. Н. Кирпичников отнес к концу IX — началу X в., исходя из ее стратиграфического расположения, датировки фрагментов керамики и находок из перекрывающих руины слоев, а также на основании летописных данных о политической ситуации этого периода на Северо-Западе. Он же предположил, что выявленной каменной стене крепости должна была предшествовать еще одна, деревянная, которую, согласно летописным данным, «срубиша» в середине IX в. (Кирпичников, 1984. С. 31–34, 37–38; Ипатьевская летопись, 1923. С. 15).

Раскопки 1980–1990 гг. экспедиции ЛФИ «Спецпроектреставрация» под руководством Н. К. Стеценко

Большой объем работ по исследованию ранней Ладожской крепости был проведен силами

экспедиции ЛФИ «Спецпроектреставрация» под руководством Н. К. Стеценко. Результаты работ 1980–1990 гг. остались фактически неопубликованными и сохранились только в отчетах. Руины безрастворных стен были обнаружены в восточной части крепостного двора (рис. 1). Здесь были открыты остатки намеренно разрушенной в древности стены, располагавшейся вдоль края берегового мыса, имеющего довольно обрывистый склон в сторону р. Волхов. Невидимый сейчас край материкового мыса располагается в 5–6 м западнее сохранившегося до нашего времени прясла крепости XII в., основание которого находится на берегу Волхова, фактически на уровне воды (Лалазаров, 2017. Ил. 10). Широкая и глубокая (более 5 м) лагуна между склоном и восточным пряслом крепости XII в. была засыпана рыхлым грунтом и песком при строительстве последней. Данные о палеорельефе местности были получены в результате геологических изысканий ЛенГИСИЗ, проведенных в 1989 г., а также в результате гравиметрических измерений специалистов ФГБУ ВСЕГЕИ, проведенных в 2017 г. (Отчет о проведении..., 1989; Григорьева и др., 2018). Рядом с сохранившимся *in situ* основанием древней стены находились развалы плит ее верха, но большая их часть была сброшена вниз по склону к реке. Н. К. Стеценко отмечала, что слой разрушения этой первоначальной стены, содержащий крупные и мелкие плиты, прослойки глины и гумус, является первым насыпным слоем на склоне берега (Стеценко, 1999. С. 70). Он фиксируется во всех стратиграфических разрезах.

Безрастворная кладка была открыта в раскопе с юго-восточной стороны от Стрелочной башни в 1980 г. (Стеценко, 1981) (рис. 1). Здесь сохранился небольшой фрагмент разрушенной в древности стены. В массиве сохранившейся кладки были выявлены следы ремонта, который осуществлялся еще в период ее эксплуатации. В раскопе 1 1982 г. сохранившийся массив безрастворной кладки протяженностью 2 м находился на 0,5–0,6 м ниже современной дневной поверхности (рис. 1). В восточной лицевой грани прослеживалось всего несколько плит нижнего ряда, тогда как западный фасад сохранил порядок кладки на высоту около 1 м, а его верхняя часть была завалена на предварительно разобранный восточную сторону. Ширина стены составляла 1,8 м. Забутовочная часть стены состояла из камней разного размера и небольших валунов. В гумусе при разборке кладки

обнаруживались мелкие фрагменты керамики (в основном только лепной) неолитического и средневекового времени. В швах между плитами кладки фиксировался гумус, исходя из этого исследовательница назвала крепость «каменно-земляной». Она предполагала, что поверхность мыса перед строительством могли расчищать, и на этом участке мыса культурный слой был снят до уровня материковых глин (Стеценко, 1983. С. 6, чертеж 4, разрезы 1–1 и 2–2). По отчетным чертежам видно, что восточный фасад стены, действительно, поставлен на слой материковой глины. С западной же стороны, со стороны двора, слой глины отсутствует, и основание стены находится на слое гумуса. По наблюдениям Н. К. Стеценко, под плитами фасадной кладки с западной стороны располагается небольшая «хозяйственная яма», в которую кладка частично просела (Там же. С. 6, 7, чертеж 5). В слое гумуса, ниже основания стены, зафиксированы мелкие фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

В описаниях Н. К. Стеценко упомянуты также «ровики», которые «хорошо заметны с восточной стороны стены». С западной стороны от нее «ровики» отсутствуют, что объясняется расположением здесь упомянутой выше «хозяйственной ямы» (Там же. С. 6). О чем идет речь и что конкретно исследовательница называет «ровиками» — не совсем ясно. На плане они не обозначены, остается непонятным и их назначение. Возможно, в качестве «ровиков» была интерпретирована столбовая яма в материке (глубиной около 0,4 м, шириной около 0,3 м), через которую проходила северная стенка раскопа. Стратиграфия этой стенки в центральной части повреждена поздним перекопом, но, судя по всему, яма спущена в материк с нижних уровней и заполнена гумусом слоя разрушения безрастворной стены. Разобранная кладка по всей площади раскопа перекрыта слоем гумуса, содержащим гончарную керамику XII–XIV вв. (Стеценко, 1983. С. 7).

На площади раскопа 2 1982 г. (который в 1983 г. был расширен и получил наименование раскоп 1) нижние ряды кладки безрастворной стены сохранились только в южной части. Ширина стены в этом месте составляет около 1,9 м. Верх развала находился на глубине около 1 м от уровня современной дневной поверхности (Стеценко, 1983. С. 8, 9, чертеж 6). Со стороны крепостного двора, судя по чертежу, к основанию кладки примыкает слой гумуса с включениями

угля, обломками плит и костей, из которого происходят фрагменты лепной и раннегончарной керамики. Этот гумус покоится на тонкой прослойке материковой глины. Со стороны склона нижние плиты кладки стены положены прямо на материковую глину. С этой же стороны на уровне верха развала стены был расчищен настил из крупных плах. В отчете 1983 г. Н. К. Стеценко пишет, что «настил и кладка стены были сооружены одновременно и представляют собой единую конструкцию» (Стеценко, 1983. С. 9, план на уровне верха развала). На чертеже южной стенки раскопа показано, что тлен от настила перекрывает нижние плиты восточного фасада стены (Там же. Чертеж 6, разрез 1–1). Когда на следующий год раскоп был расширен, этот настил был доследован еще на 2 м к северу. Согласно отчету, здесь были выявлены не только продольные, но и поперечные деревянные плахи, уходившие под плиты стены. На основании этого исследовательница сделала вывод, что настил представляет собой отдельное сооружение, появившееся на этом месте до строительства стены⁶ (Стеценко, 1984. С. 13, 14).

В целом же стратиграфия в южной и северной частях данного раскопа оказывается принципиально разной. Так называемые «остатки стены», перекрывающие в северной части доски настила, представляют собой крупный валун и две поставленные на ребро известняковые плиты с двух сторон от него (Стеценко, 1984. Ил. 23, разрез 4–4). Больше всего эта конструкция напоминает столбовую яму в разрезе. Похожие ямы разного

времени не раз встречались в ходе раскопок в крепости (см. например: Григорьева, 2019. Рис. 52, 58Б, 60 и др.). В сохранившихся *in situ* участках кладки поставленные вертикально плиты не встречались никогда.

Рядом со стеной вновь упоминаются «траншеи» и «ровики». Однако на плане обозначена только одна «траншея», расположенная примерно в 0,2 м к востоку от фасада стены (Стеценко, 1983. С. 9, чертеж 6, план в уровне -3.30, разрез 1–1; 1984. Разрез 7–7). При совмещении разреза с планом создается впечатление, что по направлению и габаритам данная «траншея» соотносится с обозначенной на разрезе поздней ямой. Судя по чертежу, она была спущена с уровня подсыпок, содержащих строительный мусор и массово гончарную керамику XII–XVI вв. Яма прорезает вышеупомянутый настил, а ее дно находится на уровне верха столбовой материковой ямы (глубиной 0,35–0,50 м, шириной 0,4 м), которая заполнена гумусом слоя разрушения первоначальной стены. Эта столбовая яма прорезает лишь слой материковой глины, а ее заполнение перекрывается слоями подсыпки.

В разрезе северной стенки раскопа у самого края берегового мыса показаны еще две «канавки» в виде врезанных в материк ям глубиной 0,4 и 0,2 м. Ямы располагаются на расстоянии около 0,3 м друг от друга по направлению к краю склона, ширина обеих составляет 0,25 м (Там же. С. 14). Заполнены ямы гумусом, перекрытым сверху слоем разрушения. Судя по тому, что в плане «канавки» не обозначены, а это было бы обязательно, если бы перед нами были врезанные в материк, идущие параллельно стене «ровики», представляется, что перед нами также столбовые ямы, попавшие в разрез северной стенки раскопа.

Как и на предыдущем раскопе, при разборке завалов плит были собраны мелкие фрагменты лепной и раннегончарной посуды и фрагменты керамики эпохи неолита. Развал стены перекрывался слоем, содержащим древнерусскую керамику. Среди находок упоминаются пятичастная серебростеклянная пронизка, «древолозный» шип и другие немногочисленные находки эпохи средневековья (Стеценко, 1984. Т. 2. С. 13, 14).

С целью проследить дальнейшую трассу стены первоначальной крепости, в 1982 г. в 4 м южнее Георгиевской церкви был заложен раскоп 3 (Стеценко, 1983. С. 10–11). Поскольку этот раскоп попал в площадь наших исследований 2013–2015 гг.,

⁶ Именно этот настил и находки из лежащего под ним слоя использовал И. И. Еремеев для определения времени сооружения безрастворной стены (Еремеев, 2019. Примечание 14). Не оспаривая предложенную датировку находок и керамики, конец X — XII в., следует заметить, что, судя по данным отчета (Стеценко, 1984. Совмещенный разрез 7–7), они происходят из переотложенного слоя черного гумуса с прослойками глины и включениями крупных плит, залегающего наклонно вдоль по береговому склону. Отложения этого слоя относятся ко времени не раньше намеренного разрушения стены, но не ее сооружения. Деревянный настил, примыкающий к плитам кладки, непосредственно перекрывает слои разрушения и засыпки. «Срубная постройка» могла появиться на этом месте только после того, как была засыпана лагуна между склоном берегового мыса, вдоль края которого располагалась безрастворная стена, и пряслом крепости XII в. В другом случае восточный край конструкции оказался бы без опоры.

стало ясно, что исследовательница промахнулась всего на несколько метров (Григорьева, 2015а).

Следы безрастворной стены, поставленной вдоль края материкового мыса, были обнаружены в 1984 г. при раскопках у северной стены Георгиевской церкви (Стеценко, 1985. С. 15–16), а также в дальнейшем при шурфовке в ее интерьере (Стеценко, 1999. С. 70). В раскопе 1, заложенном в 1984 г. к северо-востоку от церкви, была открыта кладка еще одной известняковой стены, сложенной без использования известкового строительного раствора (рис. 1). Кладка сохранилась на высоту 1,5 м и прослежена в длину более чем на 1 м. Она представляла собой облицовочную восточную грань, с южного края которой фиксировался небольшой поворот в сторону реки. На основании этого Н. К. Стеценко определяла эту стенку как фрагмент стены башни, построенной на этом месте в начале XII в. после разрушения первоначальной безрастворной стены, проходившей западнее вдоль края мыса, но до строительства Георгиевской церкви (Там же. С. 69–70). Планиграфически эта стена находится между юго-восточным пряслем крепости и краем материкового мыса. Она стоит на насыпных слоях и полуметровом слое белого кварцевого песка, который зафиксирован как под полом Георгиевской церкви, так и в 20 м западнее, в раскопе Г. Ф. Корзухиной.

Через несколько лет при обустройстве отместки перед центральной апсидой Георгиевской церкви, на том же уровне, был обнаружен еще один фрагмент облицовочной безрастворной кладки, обращенной уже в сторону крепостного двора (рис. 1). При совмещении двух последних фрагментов реконструируется стена шириной около 1,7 м, проходившая в направлении с севера на юг на расстоянии около 2 м восточнее центральной апсиды церкви (Лалазаров, 2003. С. 139).

В итоге своих исследований Н. К. Стеценко выделила два периода существования в Ладоге крепостных стен, сложенных без использования известкового строительного раствора, предшествующих по времени строительству каменной церкви Св. Георгия. Первый период — X–XI вв., когда стена проходила вдоль края берегового мыса. Второй период — XII в., когда северо-восточнее будущего места строительства Георгиевской церкви появляется башня круглой формы, которая стоит на слое разрушения первоначальных стен и подсыпке из белого песка (Стеценко, 1999. С. 69–70).

Раскопки 2013–2015 гг.

Староладожской экспедиции ИИМК РАН

В 2015 г. завершился большой этап археологических исследований в юго-восточной части двора Ладожской крепости. Раскопки проводились с 2013 г. на участке перед входом в Раскатную башню, между Георгиевской церковью и южным валом крепости (Григорьева, 2014; 2015а; 2019) (рис. 1). Общая площадь исследований составляла 140 кв. м (рис. 2). Верхняя часть культурного слоя оказалась полностью перемешанной при обустройстве могил Георгиевского кладбища. Незатронутыми перекопами остались только самые нижние слои, перекрытые плитами слоя разрушения стены, а также участок в юго-западном углу раскопа, перекрытый глиняным валом середины XVII в. (Григорьева, 2019. С. 39, рис. 8; 52). При раскопках были выявлены фортификационные элементы разного времени, отражающие почти все известные в историографии периоды строительства, перестройки и ремонта крепостных стен. Вплотную к северо-восточному углу раскопа открыт западный, торцевой, фасад прясла XII в., поднятого на фундаменте из крупных валунов с нижнего уровня берегового склона (Лалазаров, 2017. Ил. 15–18). В отчете эта стена получила литерное обозначение «Г» (рис. 2; 3, 1). В контрольном разрезе вдоль стены XII в. был выявлен слой белого кварцевого песка, залегающий под наклоном в сторону берега. В толще песка также зафиксирована прослойка гумуса, располагавшаяся наклонно. В гумусе находились фрагменты битой плиты, кости рыб и животных (Григорьева, 2014. С. 28–29, рис. 73–76). Представляется, что лежащий ниже гумуса кварцевый песок имеет естественное происхождение, тогда как песок выше гумуса был переотложен при подрезке берега в процессе строительства юго-восточного прясла XII в.

Уже в первый год раскопок был обнаружен угол кладки из известняковых плит, сложенных без использования строительного раствора (Григорьева, 2014. Рис. 65). От выявленного угла в разных направлениях расходятся две кладки (рис. 2). Одна из них, получившая в полевой документации буквенное обозначение «Д», сохранилась на высоту в 3–4 плиты и продолжается с разрывом в юго-западном направлении к южной границе раскопа, поднимаясь на возвышение, сформированное повышением материковой поверхности мыса и подстилающим слоем плитнякового завала.

Таблица. Результаты рентгенофлуоресцентный анализа фрагментов колокола из раскопок в Ладожской крепости в 2014–2015 гг. Аналитик: С. В. Хаврин, Гос. Эрмитаж. Спектрометр ArtTAX

Table. Results of X-ray fluorescent analysis of fragments of a bell from excavations of 2014–2015 in the Ladoga fortress. Analyst: S. V. Khavrin, State Hermitage. Spectrometer ArtTAX

Наименование	№ по описи	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe
Стенки колокола, фрагмент	ГоР6-2015	Основа	< 0,4	15–17	4–5	2–4	< 0,2	Следы	< 0,2
Стенки колокола, фрагмент	ГоР6-2014	Основа	< 0,4	15–16	4–5	2–4	< 0,3	< 0,3	< 0,3
Губы колокола, фрагмент	ГоР6-2014	Основа	Следы	9,99	6,04	2,91	0,19	–	0,54

Представляется, что это остатки стены, также имеющей трехчастную структуру, с забутовкой из колотого известняка и валунов. Восточная часть этой стены оказалась разрушена при строительстве Раскатной башни огнестрельного периода. Под основание этой стены «Д», с западной стороны, уходил слой черного гумуса, в котором были обнаружены следы металлообрабатывающей мастерской (Григорьева, 2015б). Судя по монетным и вещевым находкам, мастерская на мысу функционировала в середине XI — начале XII в. (Горлов, Григорьева, 2017. С. 146). Недавно в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН были расчищены найденные в этом слое крупные спеки металла, которые представляли собой фрагменты колокола.

Рентгенофлуоресцентный анализ металла колокола, проведенный в лаборатории Государственного Эрмитажа, показал, что сплав, из которого был отлит колокол, не очень качественный и характеризуется невысоким содержанием олова, с примесью свинца и сурьмы (табл.), тогда как лучшим колокольным сплавом является высокооловянная бронза, в которой количество примесей не превышает 1–2 % (Шапкина, 1985. С. 238; Шапкина, Галибин, 1986. С. 238, 239, табл. 1). Высокое

содержание сурьмы, как отмечается в литературе, может быть характерным для колокольной бронзы периода 1150–1560-х гг. (Мусин, 2017. С. 115–116). Можно предположить два пути попадания обнаруженных фрагментов на территорию средневековой Ладogi. Возможно, перед нами фрагменты бракованного колокола, который мог быть отлит непосредственно перед церковью, для которой предназначался. Литье колокола перед храмом показано на одной из древнерусских миниатюр лицевого свода XV в. (Минасян, 2014. С. 78, ил. 12). Следы отливки колоколов непосредственно перед церквями известны в средневековой Нормандии (Chapelot, 2002; Leroux et al., 1994. P. 129). В результате литейной ошибки или использования некачественного сплава отливка была признана некачественной, разбита и пущена в переплавку. Однако не исключено, что фрагменты колокола могли быть привезены в Ладogu в качестве металлического сырья, как это предполагается для колокола, обнаруженного в гавани Хедебю (Schietzel, 2014. S. 188; Merkel, 2020. P. 14, 21).

Мы не утверждаем, что место производства находилось непосредственно в площади раскопа, но, очевидно, что оно располагалось где-то в непосредственной близости от него. Ниже слоя

Рис. 2. Ладожская крепость. Раскоп у Раскатной башни. План на уровне разрушения стен первоначальной крепости и перекрывающих ее слоев. Условные обозначения: а — дерн; б — сухой строительный раствор; в — уголь; г — белый песок; д — желтый песок; е — розовый песок; ж — верхний мешаный слой; з — черный гумус; и — серый гумус; к — серый мешаный слой с древесным тленом и битой плитой; л — обугленное дерево; м — материковый слой, поверхность материка; н — гвозди железные; о — коричневая глина; п — щепа; р — перекоп; с — валуны гранитные; т — плиты известняковые; у — стены крепости разных хронологических периодов

Fig. 2. Ladoga fortress. Excavation near the Raskatnaya Tower. Plan at the level of the destruction of the walls of the original fortress and layers covering it. Keys: а — topsoil; б — dry mortar; в — charcoal; г — white sand; д — yellow sand; е — pink sand; ж — upper mixed layer; з — black humus; и — grey humus; к — grey mixed layer with decayed wood and broken slab; л — charred wood; м — surface of the virgin layer; н — iron nails; о — brown clay; п — wood chips; р — re-dug layer; с — granite boulders; т — limestone slabs; у — walls's construction of different chronological periods

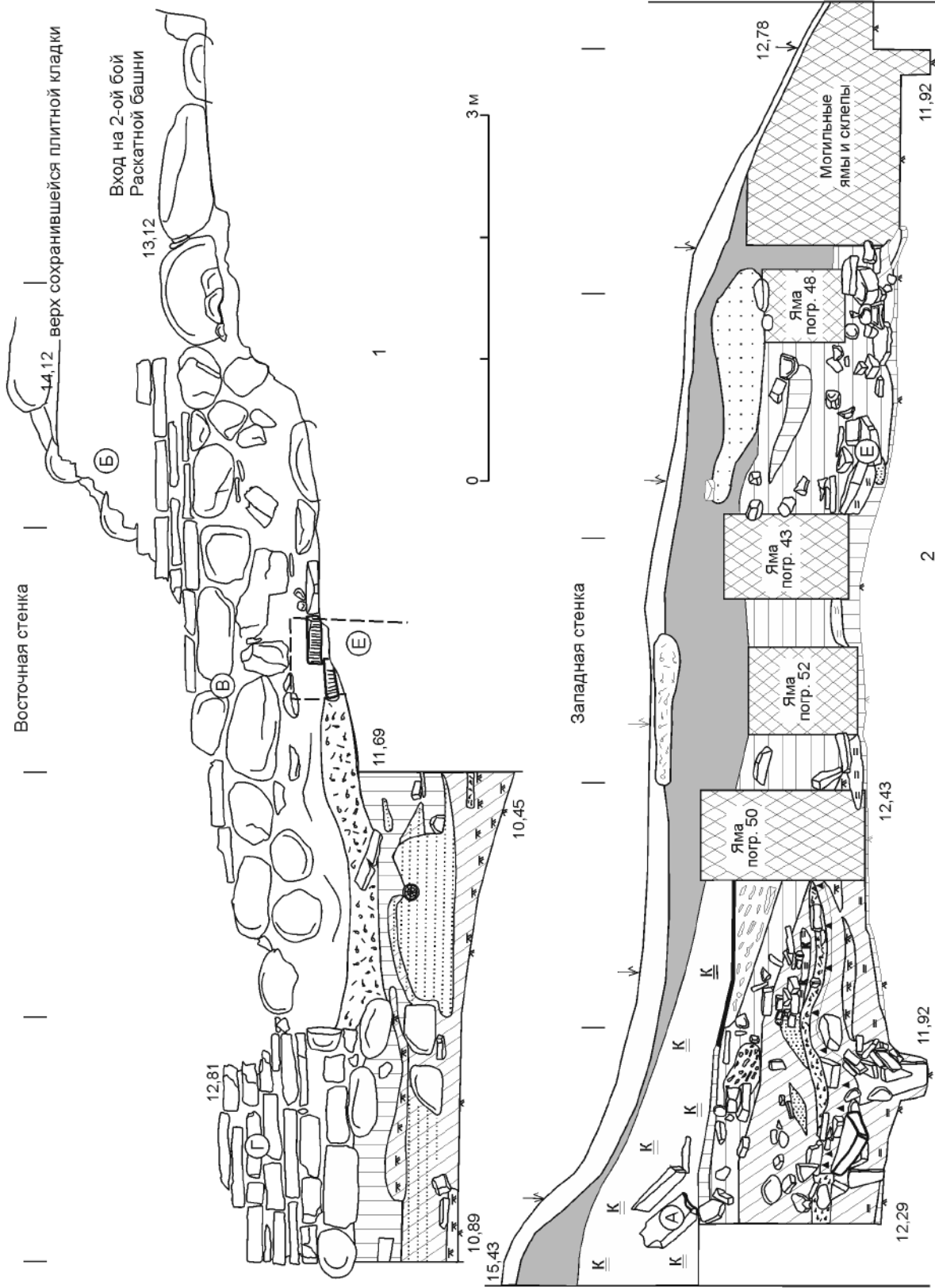

Рис. 3. Ладожская крепость. Раскоп у Раскатной башни: 1 — восточная стенка; 2 — западная стенка
 Fig. 3. Ladoga fortress. Excavation near the Raskatnaya Tower: 1 — eastern edge; 2 — western edge

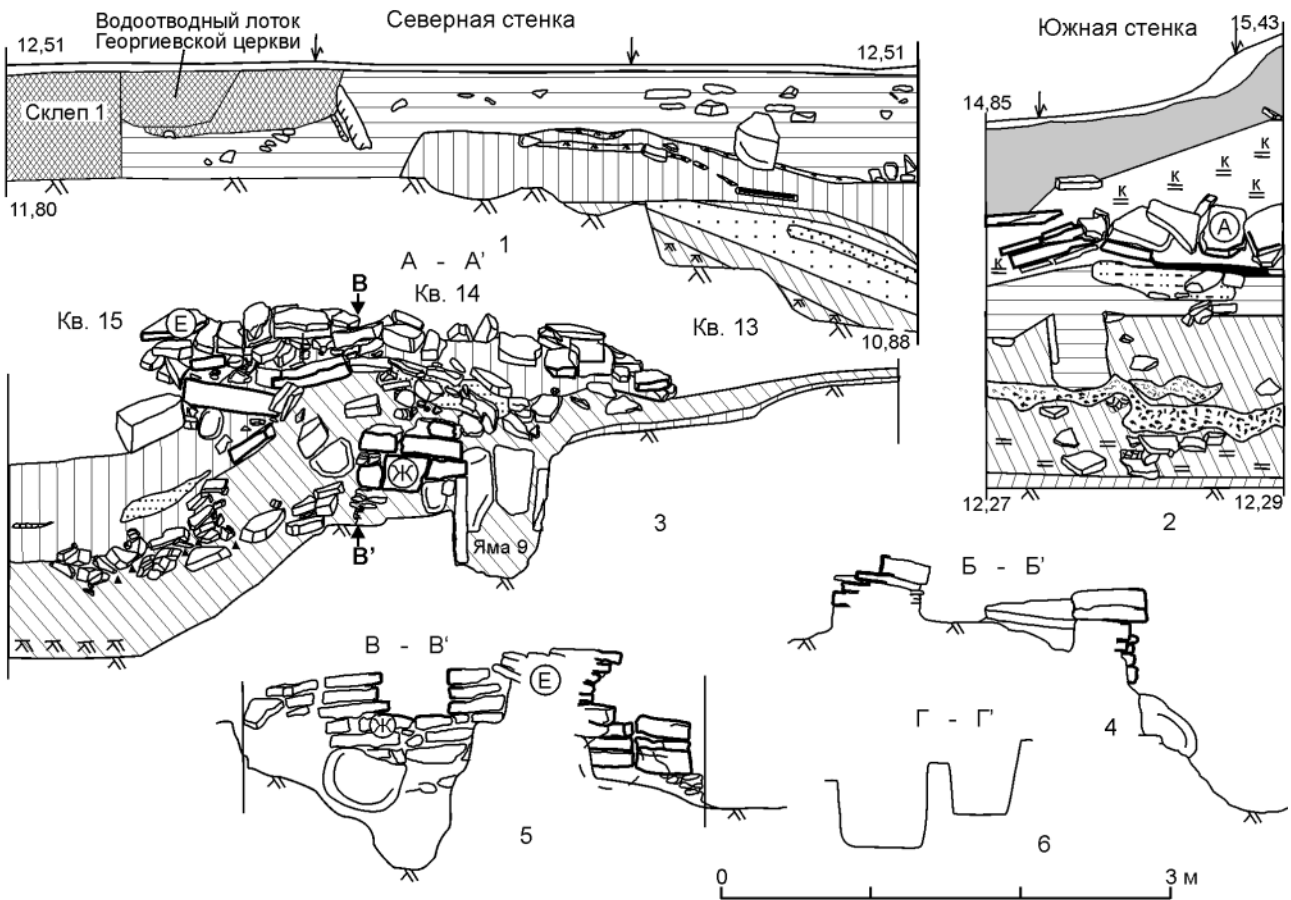

Рис. 4. Ладожская крепость. Раскоп у Раскатной башни, профили и разрезы: 1 — северная стенка; 2 — южная стенка; 3 — разрез А-А'; 4 — разрез Б-Б'; 5 — разрез В-В'; 6 — разрез Г-Г'

Fig. 4. Ladoga fortress. Excavation near the Raskatnaya Tower, profiles and sections: 1 — northern edge; 2 — southern edge; 3 — section A-A'; 4 — section B-B'; 5 — section B-B'; 6 — section G-G'

со следами металлообработки, в юго-западном углу раскопа, была обнаружена творильная яма, заполненная сухим известковым раствором. Раствор в яме, безусловно, предназначался для строительства новой крепостной стены, плиты которой скреплялись между собой связующим раствором. Основание слоя раствора находится на уровне плит верхней части развала разрушенных стен предшествующего периода (рис. 2; 3, 2).

Вторая кладка, получившая буквенное обозначение «Е», сохранившаяся на высоту 5–6 рядов плит при ширине в 2–3 плиты, обращена фасадом в северную сторону, во двор. Стена пересекает раскоп по центру в направлении с запада на восток (рис. 2). Вероятно, эта стена не являлась капитальной, она имела очень «рыхлую» структуру (рис. 2; 4, 3, разрез А-А') и была сложена из плит разного размера, только некоторые из них имели

обработку лицевой грани. В западной части целостность кладки была нарушена при обустройстве погребений Георгиевского кладбища, но в разрезе западной стенки раскопа выделяется массив из плит, который можно связать с ее продолжением (рис. 3). С западной стороны между нижними плитами кладки и предматериковым гумусом выявлена тонкая прослойка горелого слоя.

В пространстве между плитами находились земля и фрагменты в основном древнерусской круговой керамики. Там же было обнаружено небольшое железное долото (рис. 5, 14). На углу, в месте пересечения описанных кладок, под их основанием зафиксирован слой белого кварцевого песка, залегающего с наклоном в сторону берега. Мощность слоя песка увеличивалась в восточном направлении и продолжалась за пределы раскопа (рис. 2; 3, 1).

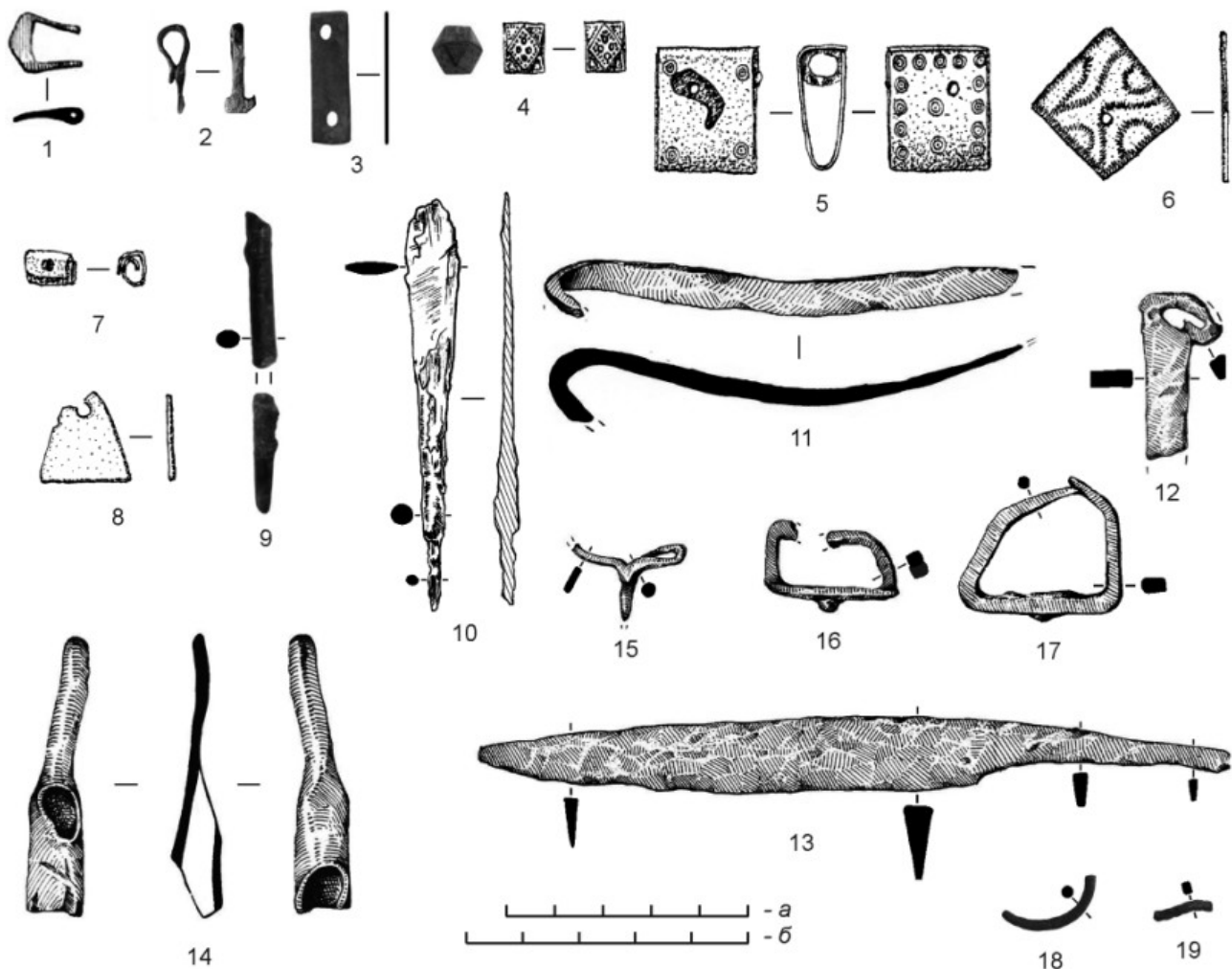

Рис. 5. Ладожская крепость. Раскоп у Раскатной башни. Находки из нижней части культурного слоя: 1 — пряжка; 2 — подвеска молоточек Тора; 3 — накладка поясная; 4 — гирька весовая; 5 — замок; 6 — накладка; 7 — пластинка; 8 — подвеска; 9 — иглы одежной фрагмент; 10 — наконечник стрелы; 11 — изделие в виде дужки; 12 — кресало; 13 — нож; 14 — долото; 15–17 — ледоходные шипы; 18, 19 — проволока рубчатая. 1, 3, 5, 6, 8, 9 — медный сплав; 4 — железо в медной обтяжке; 10–17 — железо; 7, 18, 19 — белый металл. Масштаб: а — для 1–17, б — для 18, 19

Fig. 5. Ladoga fortress. Excavation near the Raskatnaya Tower. Finds from the lower section of the cultural layer: 1 — buckle; 2 — Thor's hammer pendant; 3 — belt mount; 4 — balance weight; 5 — lock; 6 — mount; 7 — plate; 8 — pendant; 9 — fragment of a needle; 10 — arrowhead; 11 — arched object; 12 — fire-steel; 13 — knife; 14 — chisel; 15–17 — spikes for going on ice; 18, 19 — ribbed wire. 1, 3, 5, 6, 8, 9 — copper alloy; 4 — iron in copper cover; 10–17 — iron; 7, 18, 19 — white metal. Scale: a — for 1–17, b — for 18, 19

Пространство между стенами и севернее кладки «Е», вдоль восточной границы раскопа, было заполнено слоем разрушения в виде развалов известняковых плит среднего и крупного размера (рис. 2), некоторые из которых лежали блоками. Между плитами встречались локальные прослойки крупнозернистого песка желтого цвета и угли. Гумуса между развалами плит было немного.

В южной части раскопа между кладками «Д» и «Е» после разборки завала из плит было обнаружено сохранившееся *in situ* основание еще одной стены, проходившей вдоль края берегового мыса. В отчетной документации эта стена получила литерное наименование «Ж» (рис. 6). Остатки стены представляли собой фрагменты двух фасадных кладок, расположенных параллельно друг другу вдоль края материкового мыса. Пространство

между фасадами общей шириной около 2 м было заполнено некрупными валунами и колотым известняком (рис. 4, 4, разрез Б–Б'). Со стороны крепостного двора фасад сохранился в высоту на 4 ряда плит (0,4 м в высоту), в длину — на 1,3 м. Кладка имеет уклон к востоку, не совсем понятно, образовался ли он в результате разборки стен или являлся конструктивным. При разборке заваленных блоков между плитами иногда фиксировалась глина, которая, возможно, могла использоваться в качестве связующего кладочного раствора.

Восточный фасад стены «Ж», обращенный в сторону реки, сохранился на высоту восьми плит (0,7–0,8 м) (рис. 4, 5, разрез В–В'). Его протяженность достигает 3 м. Ближе к южному краю восточного фасада на высоте третьей от основания плиты зафиксирована ниша шириной около 0,5 м. Поверхность боковых плит ниши имеет следы обработки поверхности. Примерно под нишей в материковом слое на краю мысового обрыва находился крупный гранитный валун, который, возможно, от нагрузки раскололся и сполз вниз по склону.

С севера эта часть кладки заканчивается фасадным торцевым блоком квадратного или прямоугольного сечения, сохранившегося на высоту в 3–4 плиты, с крупной столбовой ямой глубиной 0,6 м и диаметром более 0,5 м⁷. Вдоль стенок ямы сохранились известняковые плиты подпрямоугольной формы, поставленные вертикально. На ребро одной из плит опирались уложенные горизонтально плиты фасадного блока (рис. 4, 3, разрез А–А'; 6). Поставленные вертикально вдоль стенок столбовых ям плиты встречались в раскопе неоднократно. Видимо, они предназначались для более надежной фиксации вертикального опорного элемента конструкции — столба. Основание восточной облицовки располагалось на полуметровой ступеньке подрезки края склона (рис. 4, 4, разрез Б–Б'), непосредственно на материковом песчанике. Две подобные невысокие ступеньки подрезки хорошо прослеживаются в северной стенке раскопа (рис. 4, 1). Похожие следы подрезки края склона видны и на некоторых разрезах склона из раскопок

⁷ Для того чтобы зафиксировать конструкцию фасада стены «Ж» со столбовой ямой, была частично разобрана западная часть кладки «Е».

Н. К. Стеценко, а также в одном из разрезов в раскопе у Тайничной башни 2017 г. Средняя часть и западный фасад стены «Ж» были поставлены на слой светло-серого гумуса мощностью 5–10 см, выше которого располагался слой черного гумуса с раннесредневековыми находками и лепной керамикой.

Примерно между сохранившимися облицовками стены «Ж» находилась впущенная в материк столбовая яма двучастной конструкции (рис. 4, 6, разрез Г–Г'; 6). Яма была забита некрупными валунами и заваленными в нее под углом плитами, края которых выступали намного выше уровня основания кладки (рис. 2). Всего на площади раскопа были расчищены семь впущенных в материк, крупных столбовых ям⁸ четыре из которых имели двучастную конструкцию (рис. 6). В нескольких случаях вдоль стенок ям сохранились поставленные вертикально известняковые плиты. Большинство ям были перекрыты слоем разрушения и заполнены валунчиками или битым известняком.

В северной части раскопа, перед фасадом стены «Е», слой разрушения был мощнее, сброшенные плиты могли использовать для выравнивания уровня поверхности. Здесь под слоем разрушения также фиксировалась горелая прослойка. В нем расчищены остатки сгоревшей массивной деревянной дощатой конструкции, размерами примерно 2 × 1 м (рис. 2), элементы которой скреплялись между собой коваными железными гвоздями. Сгоревшая конструкция располагалась наклонно, по поверхности склона, сохранившиеся в ней гвозди были направлены шляпками вверх. Похожие по величине гвозди и их фрагменты встречались разрозненно между плитами слоя разрушения. При анализе одного образца сгоревшего дерева в лаборатории ИИМК РАН была получена радиоуглеродная дата (2 δ) 668–886 AD (Ле-11322) (рис. 2; 7).

Прослойка сине-зеленой материковой глины сохранилась на площади раскопа лишь небольшими участками. Там, где это удалось проследить, под глиной выявлялся тонкий гумусированный

⁸ Яма № 1 была зафиксирована в раскопе 3 1982 г. Н. К. Стеценко (*Стеценко*, 1983. С. 11). Стенки ямы были выложены обломками плит, заполнена она была черным гумусом с мелкими фрагментами лепной и раннегончарной керамики.

слой. Вероятно, перед строительством площадка расчищалась и выравнивалась. На материке кое-где прослеживалась прослойка гумуса светлого цвета, выше которой находился черный гумус. Этот слой примыкает к нижним плитам кладки и заполняет ямы в материке, сверху его перекрывают плиты слоя разрушения первоначальной стены. В юго-западном углу раскопа, где гумус был сильно перемешан с глиной, его толщина достигала 0,5 м (рис. 4, 1).

В этом слое были обнаружены разнообразные находки: стеклянные и каменные бусы, серброкстеклянные и золотостеклянные пронизки, желтый бисер, куски янтаря, части ювелирных украшений, предметы быта из металлов и глины (рис. 5; 8). Из предметов повседневного хозяйственного обихода были найдены фрагменты глиняных пряслиц биконической формы, обломки глиняных дисков со штампованным орнаментом, части костяных односторонних гребней, острия и иглы. В большом количестве находились здесь различные элементы строительного крепежа в виде гвоздей и заклепок из железа. Благодаря промывке культурного слоя, были найдены фрагменты тонкой золотой проволоки и пластинок желтого металла, а также части дирхемов (четвертинки и тонкие краевые срезы). Согласно предварительному определению В. С. Кулешова, выделяются группы, датируемые по облику VII–VIII вв. (Сасаниды, Умайады и драхмы наместников Табаристана); серединой VIII в.; IX в. (ранне- или среднеаббасидского облика) и первой половиной X в. (саманидского облика).

Ниже слоя разрушения и пожара на береговом склоне была обнаружена литая выпуклая уздечная бляшка с орнаментом в стиле Борре (рис. 9, № 272п по полевой описи). На бляшке изображены две переплетенные змеи, одна из которых кусает свой хвост⁹.

⁹ Возможно, что на бляшке изображен Ермунганд или Мидгардский змей. Его голова с крупными глазами и ушами располагается в центральной части, а украшенное рельефными полосками тело обвивает изображение по кругу. В пасти змей держит свой хвост. Голова второй змеи, значительно меньших размеров, располагается левее и выше, ее тело — гладкое, а кончик хвоста свернут кольцом в пространстве между змеиными головами. Тела змей дважды переплетены в нижней части изображения. Точных аналогий находке обнаружить не удалось, но похожее изображение

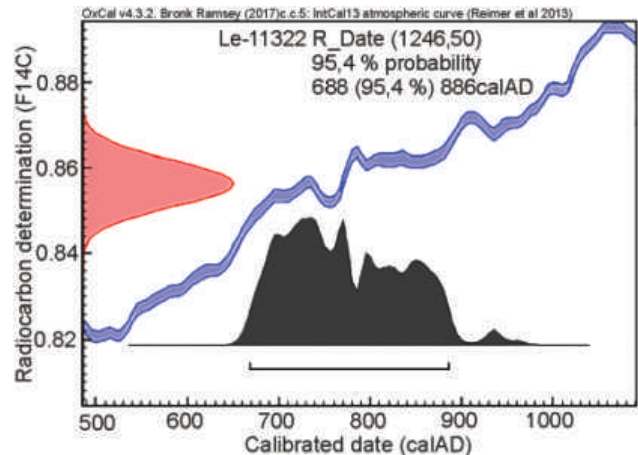

Рис. 7. Радиоуглеродная дата, полученная по сгоревшему бревну из слоя пожара в раскопе у Раскатной башни

Fig. 7. Radiocarbon date from a burnt log in the fire layer near the Raskatnaya Tower

В процессе раскопок было собрано 723 фрагмента лепной керамики и около 2500 круговой посуды. В коллекции представлены в основном мелкие обломки разных частей сосудов. В слое под завалами плит и между ними керамика встречалась очень редко и только лепная. В завале плит над западным фасадом безрастворной стены «Ж» было обнаружено почти целое донце лепного сосуда (Григорьева, 2019. Рис. 31). Выше слоя разрушения количество фрагментов круговой посуды преобладало.

В 2017 г. Староладожской экспедицией ИИМК РАН проводились раскопки вдоль западной границы лестницы Тайничного спуска (рис. 1). Результаты раскопок на сегодняшний день не опубликованы. Как участнику работ, автору данной статьи известно, что и в этом раскопе также был

ушастого и глазастого существа встречается на нескольких бляшках в могильнике Бирки и на острове Готланд (Arbman, 1940. Taf. 28, 6; 1943. S. 226; Thunmark-Nylén, 1995. Abb. 198b, 30–33; 1998. Taf. 267, 7–9). В центральной части этих бляшек находится рельефное изображение головы существа с большими глазами и ушами, которое всегда что-то держит в своей пасти. В остальном северные находки очень схематичные. Хольгер Арбман считает, что в Бирке эти бляшки относятся к погребению, совершенному по обряду трупосожжения, которое было разрушено при обустройстве камеры погребения № 644 (середина X в.). Еще одна похожая уздечная бляшка происходит из погребения № 3 могильника Вальсйерде (Nordahl, 2018. P. 46, fig. 33).

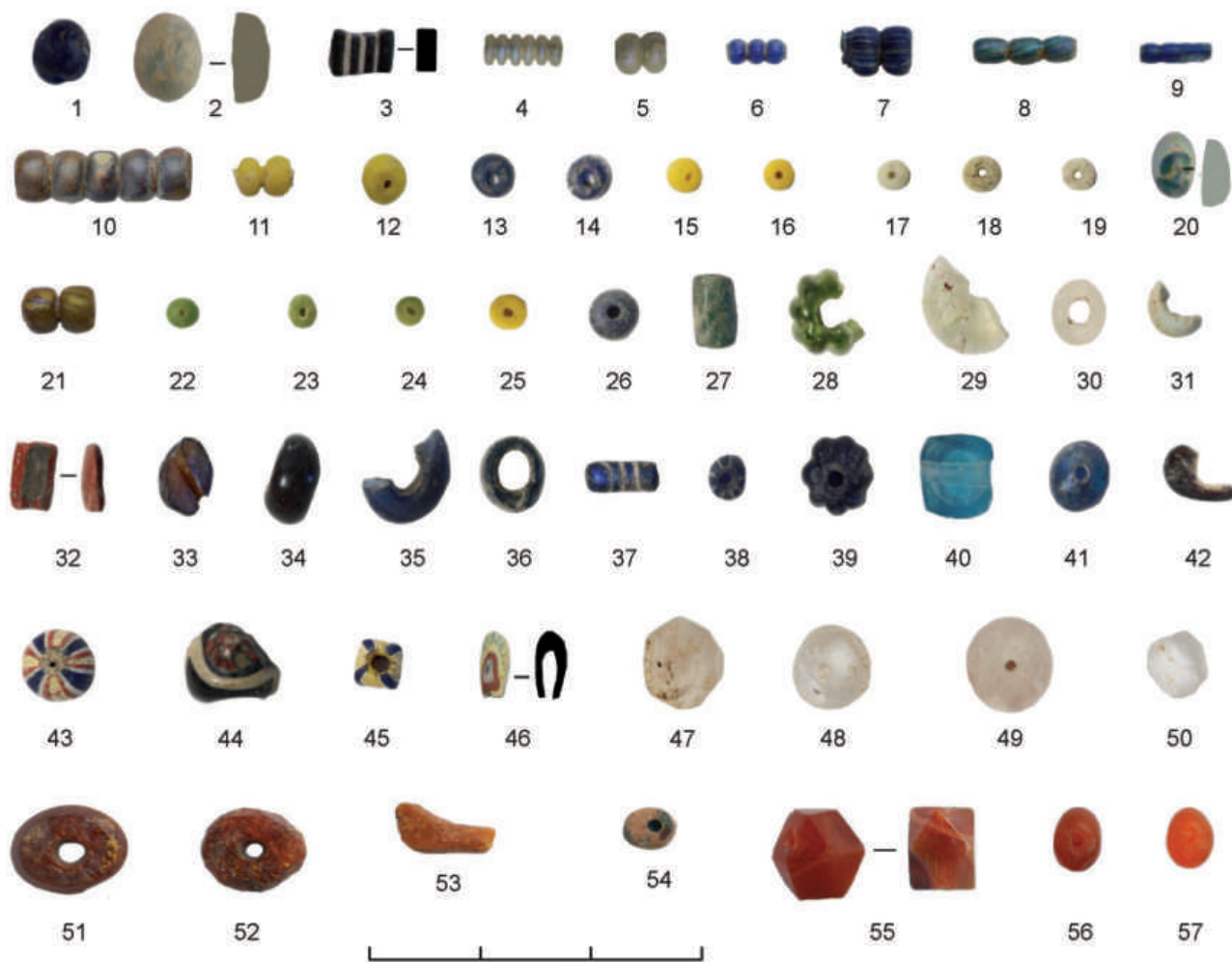

Рис. 8. Ладожская крепость. Раскоп у Раскатной башни, бусы: 1, 4-19, 21-45, 46-57 — бусы и пронизи; 2, 20 — вставки перстней; 3 — сырьевая наборная пластинка; 46 — наконечник шнура. 1-46 — стекло, 47-50 — горный хрусталь, 51-54 — янтарь, 55-57 — сердолик

Fig. 8. Ladoga fortress. Excavation near the Raskatnaya Tower, beads: 1, 4-19, 21-45, 46-57 — beads and spacer-beads; 2, 20 — finger-ring inserts; 3 — composite plate; 46 — lace tip. 1-46 — glass, 47-50 — rock crystal, 51-54 — amber, 55-57 — cornelian

Рис. 9. Ладожская крепость. Раскоп у Раскатной башни. Уздечная бляшка с изображением двух змей в стиле Борре, фото и прорисовка. Медный сплав

Fig. 9. Ladoga fortress. Excavation near the Raskatnaya Tower. Bridle plaque with a representation of two snakes in the Borre style, photo and detailed drawing. Copper alloy

прослежен склон материкового мыса, вдоль которого выявлены остатки стены в виде фрагментов внутренней рыхлой забутовки из известняковых плит и некрупных гранитных валунов, а также целый ряд столбовых ям, включая парные. Со стороны крепостного двора к развалинам примыкал слой гумуса с прослойками глины. В разрезе северной стенки раскопа удалось зафиксировать фрагмент заваленной в сторону реки восточной облицовки стены, сохранившийся на высоту пяти плит.

Заключение

Таким образом, в результате археологических раскопок последних лет в Ладужской крепости были получены новые материалы, которые в значительной степени позволили заново интерпретировать и обобщить уже имеющиеся данные. Подтвердились сведения о наличии внутри кольца стен Ладужской крепости XII в. руин более ранних крепостных сооружений, сложенных из известняковых плит без использования известкового строительного раствора. В целом отсутствие надежного связующего раствора в кладке уже свидетельствует об ее архаичности, так как в новгородской архитектуре известь применяли уже с XI в. (Лалазаров, 2003. С. 139). Стена первоначальной крепости имела трехчастную структуру: два ряда облицовки и рыхлую внутреннюю часть — забутовку. Располагалась она вдоль края материкового мыса, имеющего достаточно обрывистый склон в сторону реки. На изученном в 2015 г. участке забутовочная треть безрастворной стены представляла собой некрупные гранитные валуны и колотый известняк. Глина, мешанная с гумусом, встречена только на территории, прилегающей к стене со стороны крепостного двора. Гумуса между развалами плит встречалось незначительное количество, что не дает основания предполагать, что стена была каменно-земляной.

Остается неясным соотношение каменных стен и ям, оставшихся от мощных вертикальных деревянных опор. Ряд столбов проходил вдоль всей трассы стены по краю мыса. Некоторые из оставшихся от столбов ям располагаются на участках под внутренней третью стены и заполнены слоем ее разрушения, что, возможно, свидетельствует о синхронности существования конструкций.

По всему периметру ранние стены имеют следы намеренной разборки с последующей нивелировкой поверхности разрушения. Развал плит

разрушенной стены является наиболее ранним и наиболее масштабным на территории мыса. Можно предположить, что при дальнейших перестройках разрозненные плиты могли использоваться при строительстве новых стен. Слой разрушения является первым слоем, отложившимся на склоне мыса, связанным с наиболее ранними слоями на его площадке. Возможно, разрушение стен первоначальной крепости проходило на фоне серьезного пожара, следы которого прослеживаются в основании культурного слоя в раскопе у Раскатной башни. Небольшой участок горелой прослойки показан также на чертеже Н. К. Стеценко в раскопе 2 1982 г. на уровне нижних плит безрастворной стены со стороны крепостного двора (Стеценко, 1983. Разрез 1–1).

Сохранившийся фасадный блок безрастворной стены в комплексе с материковой ямой от массивного столба, открытый в раскопе около Раскатной башни, позволяет предположить, что в этом месте мог находиться разрыв кладки и, возможно, вход в первоначальную крепость. Вход в крепость располагался с этой стороны и в XII в. (Лалазаров, 2017. С. 91–92).

Раскопки последних лет позволили уточнить целый ряд деталей конструкции ранней стены и дополнить ее хронологию. Реконструкция всей трассы стены, особенно на юго-восточном участке, где гравиметрическими исследованиями выявлен изгиб материковой террасы, требует дополнительного археологического изучения, как и ранняя дата, полученная из сгоревшей конструкции. Следы столбовых конструкций, действительно, позволяют предположить, что крепость с каменными стенами могла восприниматься одновременно как рубленая из дерева.

Раннюю историю мыса IX–XII вв. можно представить следующим образом. Мыс, площадь которого составляла примерно 120 × 40 м, осваивается людьми не позднее начала X в. Достаточная мощность культурного слоя в раскопе 1958 г. и в южной части раскопа 2015 г. (до 0,4 м) позволяет предположить, что жизнь здесь проходила достаточно интенсивно. В первой половине X в. вдоль края мыса строится оборонительная стена из известняка с вертикальными деревянными опорами. В южной части мыса долгое время существовала металлообрабатывающая мастерская, которая прекратила свое существование до времени строительства каменной церкви или же одновременно с этим событием.

Разрушение первоначальной крепости А. Н. Кирпичников связывал с походом конунга Эйрика 997 г. (Кирпичников, 1984. С. 40). Представляется, что это могло произойти и позднее. Судя по расположению стен, открытых Н. К. Стеценко за апсидами Георгиевской церкви, в ранний период крепость также могли перестраивать и поновлять. Полное разрушение первоначальных каменных укреплений, скорее всего, произошло, когда уже были начаты работы по строительству крепости в XII в. Новая крепость во многом повторила очертания своей предшественницы. Благодаря тому что восточное прясло крепости XII в. было поставлено на нижнюю береговую террасу, территория крепостного двора в его южной части расширилась на 5–15 м. Работы по засыпке лакуны между краем материкового мыса и восточным пряслом новой крепости могли начаться только после того, как стена была возведена. Слой разрушения первоначальной стены сохранился на склоне именно потому, что его довольно быстро перекрыли слои засыпки. В противоположной ситуации развалы плит и остатки фасадов стен без следа сместились бы по крутому склону вниз к реке. Об этом же свидетельствует и расположение творильной ямы в юго-западном углу раскопа 2015 г. Она была обустроена непосредственно

на плитах слоя разрушения безрастворной стены (Григорьева, 2019. С. 125, рис. 16). Если бы между разрушением кладки и обустройством ямы для приготовления раствора прошло много времени, между ними появились бы хорошо сформированные гумусированные отложения. К тому же кажется маловероятным, чтобы Ладожское поселение оставалось без укрепленной части на протяжении более ста лет.

Вышеизложенные результаты позволяют сделать вывод, что ранняя крепость в Ладоге, несомненно, существовала; ее стены были построены без использования известкового строительного раствора в X в. Эта крепость с периодическими ремонтами и перепланировками могла просуществовать до начала XII в.

Выражаю искреннюю признательность и благодарность за помощь в работе над материалом: С. В. Лалазарову (ГАП реставрации Ладожской крепости, ЛФИ «Спецпроектреставрация»), Л. И. Риковой (ЛФИ «Спецпроектреставрация»), А. Е. Мусину (Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН), С. В. Хаврину (Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа), К. В. Горлову (ИИМК РАН), Вяч. С. Кулешову (Стокгольмский университет), В. А. Волхонскому (Новгородский музей-заповедник), М. С. Павловой.

Горлов, Григорьева, 2016 — Горлов К. В., Григорьева Н. В. Об одной разновидности древнерусских черных перстней // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии: Сб. ст. по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских / Отв. ред. В. Т. Мусбахова. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 92–95.

Григорьева, 2014 — Григорьева Н. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции на объекте культурного наследия федерального значения «Крепость «Старая Ладога» в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 39119.

Григорьева, 2015а — Григорьева Н. В. Отчет о научно-исследовательских работах Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции на территории объекта культурного наследия федерального значения «Крепость «Старая Ладога» в селе Старая Ладога Волховского района

Ленинградской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42025.

Григорьева, 2015б — Григорьева Н. В. Свидетельства медеплавильного и бронзолитейного производства в Ладоге в XI в. (по материалам раскопок в Ладожской крепости) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5: Старая Ладога — первая столица Руси: Материалы междунар. конф. «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории» / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Социальная пропаганда, 2015. С. 39–47.

Григорьева и др., 2018 — Григорьева Н. В., Кошевой В. В., Медведев О. Ю. Археолого-геофизические исследования на территории Ладожской крепости (опыт применения метода высокоточной гравиметрии для получения данных о рельефе местности) // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2018. Вып. 24. С. 190–197.

Григорьева, 2019 — Григорьева Н. В. Отчет о научно-исследовательских раскопках Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН на территории двора Ладожской крепости около Раскатной башни в с. Старая Ладога

- Волховского района Ленинградской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61540.
- Григорьева, Милыев, 2020 — Григорьева Н. В., Милыев П. А. Георгиевский погост Ладожской крепости // Экспедиция продолжительностью в жизнь. Актуальные вопросы археологии и нумизматики Беларуси и сопредельных регионов: Материалы конф., посв. памяти белорусского археолога и нумизмата А. Н. Плавинского (16–18 января 2020 г., г. Минск). Минск: Національний історический музей Рэспублікі Беларусь, 2020. В печати.
- Гроздилов, Третьяков, 1948 — Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Материалы археологических экспедиций. Л.: Гос. музей этнографии, 1948. С. 71–139.
- Еремеев, 2019 — Еремеев И. И. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 324–347.
- Ипатьевская летопись, 1923 — Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. Вып. 1. 3-е издание. Петроград, 1923. 320 стб.
- Кирпичников, 1984 — Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 276 с.
- Корзухина, 1961 — Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге (по археологическим данным) // СА. 1961. № 3. С. 76–84.
- Лалазаров, 2003 — Лалазаров С. В. Перспектива натурных исследований Ладожской крепости // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: Сб. ст. по материалам VII чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г.) / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 136–155.
- Лалазаров, 2017 — Лалазаров С. В. Крепость посадника Павла. Новые открытия // Староладожский сборник. Вып. 11: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Культурно-исторические ценности Старой Ладоги», посв. 900-летию Ладожской крепости и 900-летию Успенского собора Свято-Успенского девичьего монастыря Волховского района Ленинградской области / Отв. ред. Л. А. Губчевская. Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2017. С. 73–94.
- Мачинский, 2002 — Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: Сб. ст. по материалам VI чтений памяти Анны Мачинской / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 5–35.
- Мильчик, 2014 — Мильчик М. И. Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. СПб.: ЛООО «Сохранение природы и культурного наследия», 2014. 352 с.
- Минасян, 2014 — Минасян Р. С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2014. 472 с.
- Мусин, 2017 — Мусин А. Е. Колокол Святого Юра 6849 года: между Львовом, Плоцком, Петербургом и Теремовлей // Княжа доба: історія і культура. Вип. 11 / Отв. ред. В. Александрович. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2017. С. 95–119.
- Орлов, 1973 — Орлов С. Н. Раскопки на территории каменной крепости в Старой Ладоге (Из материалов староладожской экспедиции 1949 г.) // СА. 1973. № 4. С. 262–269.
- Отчет о проведении..., 1989 — Отчет о проведении геолого-инженерных изысканий в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 1989 г. // Архив ЛенГИСИЗ. Арх. № 6117. 1989.
- Сарабьянов, 2002 — Сарабьянов В. Д. Церковь св. Георгия в Старой Ладоге. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 448 с.
- Стеценко, 1981 — Стеценко Н. К. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1980 г. // Архив НИИ «Спецпроектреставрация», № 1801. 1981.
- Стеценко, 1983 — Стеценко Н. К. Отчет об архитектурно-археологическом исследовании 1982 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». № 2318. 1983.
- Стеценко, 1984 — Стеценко Н. К. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1983 г. Т. 1, 2 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». № 2739а. 1984.
- Стеценко, 1985 — Стеценко Н. К. Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1984 г. Т. 1, 2 // Архив НИИ «Спецпроектреставрация». № 3047. 1985.
- Стеценко, 1997 — Стеценко Н. К. История Ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные

- исследования / Отв. ред. Г. С. Лебедев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 168–176.
- Стеценко, 1999 — Стеценко Н. К. Археология Ладожской церкви Георгия // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения / Отв. ред. О. М. Иоаннисян. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1999. С. 68–75.
- Шапкина, 1985 — Шапкина Т. Б. Колокольная бронза // Колокола: История и современность / Отв. ред. Б. В. Раушенбах. М.: Наука, 1985. С. 238–258.
- Шапкина, Галибин, 1986 — Шапкина Т. Б., Галибин В. А. Памятники древнерусского колокольного литья (Результаты химико-аналитического исследования) // СА. 1986. № 4. С. 236–242.
- Arbman, 1940 — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1940. 282 Taf.
- Arbman, 1943 — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Text Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1943. 559 S.
- Chapelot, 2002 — Chapelot J. Les fours à cloches en Basse-Normandie // Archéologie du chantier de construction (Atelier de taille de la pierre, fours à chaux, forges, fours à cloches, etc.). Résumé de l'intervention. Séminaire de J. Chapelot, "Archeologie médiévale en Ile-de-France" Ecole des hautes études en sciences sociales, Centre de recherches historiques, Paris [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www2.culture.gouv.fr/public/mistral/malraux_fr?ACTION=CHERCHER&FIELD_98=MATR&VALUE_98=four%20%E0%20cloche&DOM=All&REL_SPECIFIC=3 (дата обращения: 09.05.2020).
- Leroux et al., 1994 — Leroux P., Margerie P., Marin J. Y. Les églises de Caen du VIIe au XIIe siècle, d'après les fouilles récentes // Archéologie des villes dans le Nord-Ouest de l'Europe (VIIe-XIIIe siècle) Actes du IVe Congrès International d'Archéologie Médiévale (Douai, 26, 27, 28 septembre 1991). Caen: Société d'Archéologie Médiévale, 1994 (Actes des congrès de la Société d'archéologie médiévale; 4). P. 125–132.
- Merkel, 2020 — Merkel S. The Elemental and Lead Isotope Analysis of Brass and other Copper-Based Alloys from Viking Hedeby and High Medieval Schleswig // Zwischen Wikingern und Hanse — Kontinuität und Wandel des zentralen Umschlagplatzes Haithabu. Schleswig im 11. Jahrhundert. Neumünster: Wachholtz. (13,720 words). 2020. In press.
- Nordahl, 2018 — Nordahl E. Valsgårde 14. Uppsala: Universitet, 2018. 135 p.
- Schietzel, 2014 — Schietzel K. Spurensuche Haithabu. Neumünster: Wachholtz, 2014. 647 S.
- Thunmark-Nylén, 1995 — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1995. T. I. 393 Abb.
- Thunmark-Nylén, 1998 — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1998. 331 Taf.

New evidence on the earliest Ladoga fortress. Chronology and stratigraphy (results of excavations near the Raskatnaya tower)

N. V. Grigor'eva

This paper reports about the results of three-year investigations in an area of the courtyard of the Ladoga fortress near the Church of St. George and the entrance into the Raskatnaya tower (Fig. 1). During the excavations, a fragment of the masonry of a wall built earlier than the beginning of the 12th century was uncovered (Fig. 7). The wall was constructed of limestone slabs on clay mortar and ranged along the edge of the height of virgin earth (the wall "Ж", fig. 4). In its construction, the wall consisted of three parts: stone facade masonries in some places rested on a row of wooden pillars; the pits from the latter were traced along the course of the wall (Fig. 1). In the external slope of the earth height, a number of steps were cut (Fig. 4).

During the construction of the fortress of the 12th century, the eastern boundary of the fortified area was moved 6–13 m back. Therefore, the earthen promontory became completely encircled by the new walls and was levelled by earthen make-ups. In this process, the stone defences of the earliest period were destroyed and covered with earth. Single slabs of the destroyed walls were reused in the further construction. There was uncovered a fragment of a supporting wall running perpendicular to the remains of the earliest masonry

(the wall "E", fig. 2; 4). Possibly, this supporting wall for some period abutted to the southern entrance to the fortress. Its corner initially was interpreted as the remains of the earliest walls.

On the basis of the arrangement of the ruined and reconstructed walls of the earliest period and those of the 12th century, the conclusion was made that the entrance to the territory of the early defences was located exactly here, on the riverside of the Volkhov (Fig. 3). Meanwhile, the access to the modern fortress constructed already in the firearms period is only on the opposite low-ground side. The synchronous cultural deposits contained small fragments of handmade pottery and finds analogous to those retrieved from materials of settlements and cemeteries of the mainland and island Sweden of the Viking Age (Fig. 5; 8; 9).

In addition, during the excavations, an area was investigated where the cultural layer contained traces of remelting or, perhaps, even casting of a bell. Through finds and its location, this layer is datable to the second half of the 11th — mid-12th century. By now, we are dealing here with the single evidence on the work with bell bronzes in the North-East in the mediaeval period.

Еще раз о датирующих возможностях раннегончарной керамики (Гнёздовские клады 1973 и 2001 гг.)¹

В. М. Горюнова²

Аннотация. В статье предлагается новая дата сокрытия кладов 1973 и 2001 гг. на основе анализа форм сосудов, в которых они были найдены: не ранее конца X — начала XI в. При сопоставлении результатов этого анализа с уже разработанной автором типохронологической шкалой керамики Северо-Западной Руси постулируется вывод об общих тенденциях в развитии раннегончарного комплекса Гнёздова и других раннегородских центров Северо-Западной Руси на протяжении X — первой половины XI в., из чего следует, что в историко-социальную схему Гнёздовского центра следует внести некоторые изменения. Автор считает важным на данном примере еще раз подчеркнуть необходимость использования датирующих возможностей раннегончарной керамики.

Annotation. This paper proposes a new date for the deposition of the hoards of 1973 and 2001. It is based on analysis of the forms of the containers in which they were found. The date is not earlier than the late 10th or early 11th century. Through comparison of the results of this analysis with the typological and chronological scale already developed by the author for the pottery of North-Western Rus', the conclusion is drawn on the general tendencies in the evolution of the complex of early wheelmade pottery of Gnezdovo and other old urban centres of North-Western Rus' over the 10th — first half of the 11th century. These results suggest that some corrections must be introduced in the historical and social scheme of the Gnezdovo centre. The author believes it important to highlight, on this example, once more the necessity of the employment of dating possibilities of the early wheelmade pottery.

Ключевые слова: Древняя Русь, X в., Гнёздовские клады, раннегончарная керамика, хронология.

Keywords: Early Rus', 10th century, Gnezdovo hoards, early wheelmade pottery, chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-154-162

Разработанное мною классификационно-хронологическое членение раннегончарной керамики городских центров Северо-Западной Руси позволяет аргументированно выделить некоторые группы сосудов, а также целый ряд видов профилировки венчиков этих сосудов в качестве устойчивых хронологических индикаторов X — первой половины XI в. В работах 2004–2012 гг. были предложены следующие интервалы хронологи-

ческих изменений самой массовой для Древней Руси формы посуды — сосудов с эсвидной профилировкой: первая половина X в.; вторая половина X в.; последняя четверть X в., а также конец X — начало или первая половина XI в. (Горюнова, Лапшин, 2004. С. 55–72; Горюнова, 2005. С. 82–121; 2007. С. 45–89; 2009. С. 132–14; Горюнова, Малышева, 2012. С. 92–110). В данной статье в качестве практического применения результатов вышеозначенных работ я хочу дать типологическое, а следовательно, и хронологическое определение двум керамическим сосудам, в которых были найдены Гнёздовские клады 1973 и 2001 гг.

Клад 1973 г. относится к разряду монетных кладов. Он найден при раскопках восточной части селища. Монеты из клада частично утрачены из-за пахоты. В сохранившейся части клада младшая

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы 0184-2019-0007 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

монета датирована 936–937 гг. Т. А. Пушкина и Н. В. Ениосова относят этот клад к ранней группе кладов Гнёздовского комплекса, сокрытых в 20–30-х гг. X в. (Пушкина и др., 2012. С. 264, табл. 3; 266).

Монеты клада были помещены в гончарный горшок, который имеет приземистые пропорции, эсвидную профилировку в своей верхней трети и воротниковидный венчик, резко отогнутый наружу, с широкой внутренней ложбинкой вдоль края (рис. 1). Высота сосуда 16 см, диаметр венчика 19,4 см, диаметр дна 10 см. Сделан сосуд из светложущейся глины (цвет черепка палевый — переходный оттенок между бледно-желтым и белым с легким розоватым оттенком) с естественными примесями охры. Поверхность горшка не орнаментирована, покрыта черными и темно-серыми пятнами.

Е. В. Каменецкая в своей классификации относит этот сосуд к форме А тип VIII (рис. 2, 1–3) (Каменецкая, 2019. С. 36–37, рис. 75, 1). Исследовательница, выделяя в гнёздовском материале сосуды с охрой в три отдельные группы (форма А: тип VIII А, Б; IX; XII), отмечала, что на одной трети таких горшков присутствуют клейма. Все они встречены в окружении курганов с труположениями в ямах, то есть на самых поздних участках могильника (Каменецкая, 2014. С. 144; 2019. С. 36–37, рис. 19, 3, 5, 6; 20, 3)³. Погребения сопровождаются невыразительным инвентарем или вообще безынвентарны, датировка их затруднена. Правда, автор отмечает, что по пропорциям и типам клейм такие сосуды близки материалам конца X — начала XI в. поселений Смоленского Поднепровья и Смоленска XI в. Она предполагает, что данная группа керамики Гнёздовского комплекса — наиболее поздняя, но при этом датирует ее второй половиной X в., не приводя никаких аргументов и не объясняя этого противоречия своим же высказываниям, не только более ранним, но и поздним (Каменецкая, 1998. С. 128; 2019. С. 69, 70).

По своим формам и профилировке керамика светлой глины с примесью охры (форма А, тип VIII; IX), по моему мнению, очень близка так называемым «среднеднепровским» сосудам серого или желто-розового цвета (форма А, тип X; XI), аналогии которым представлены в Киеве и Шестовицком могильнике (рис. 2). В качестве отличительного

³ Данное утверждение подтверждается радиоуглеродной датой UGAMS 6847 BP 1020 ± 25 cal 2σ (95,4 %) AD 974–1115, которая получена для костного коллагена, извлеченного из фрагмента черепа женщины в кургане Лесной группы № 195 (Пушкина и др., 2012. С. 270).

Рис. 1. Гнёздово. Гончарный сосуд, клад 1973 г. (Каменецкая, 2019)

Fig. 1. Gnezdovo. Wheelmade vessel, hoard of 1973 (Каменецкая, 2019)

признака в тесте таких сосудов Е. В. Каменецкая отмечает присутствие естественной примеси бурого железняка⁴. По ее данным, в Гнёздовских

⁴ В диссертации О. Л. Шаграновой, посвященной углубленному технологическому анализу гнёздовской керамики, речь идет только о буром железняке, поскольку охра является его разновидностью. О. Л. Шагранова не могла подвергнуть анализу всю керамику с охрой по Е. В. Каменецкой, но в тех случаях, когда ею это было сделано (например, для горшков из курганов Лесной группы (Л) № 57, 136, 138, 152; Центральной группы (Ц) № 215 (2 экз.)), в качестве естественной примеси ею определялся бурый железняк. Ср. перечень курганов

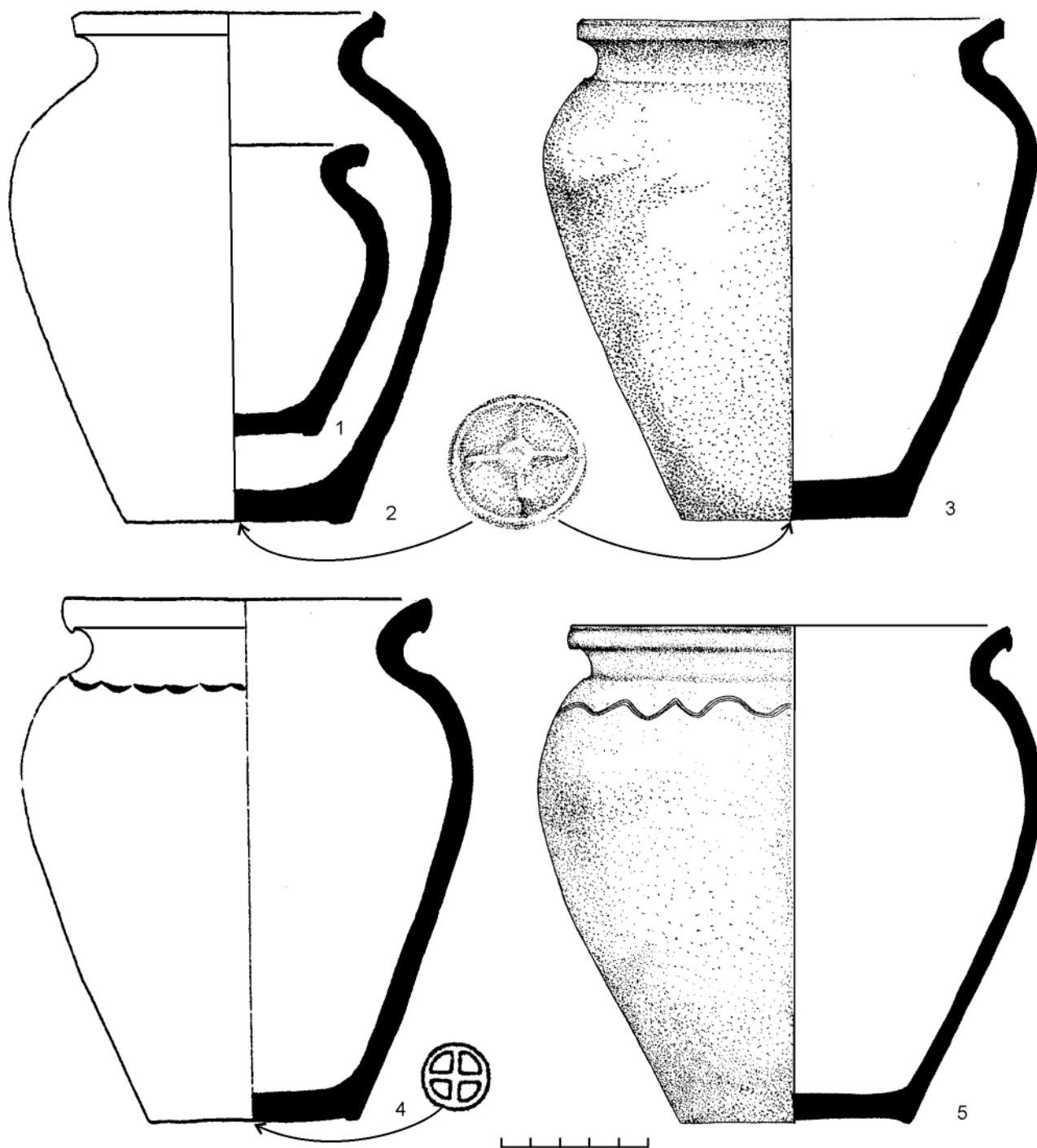

Рис. 2. Гнездово. Гончарные сосуды: 1-3 — форма А, тип VIII с охрой (Каменецкая, 2019. С. 36-37, рис. 75, 1); 4, 5 — тип X «среднеднепровский» с бурым железняком (Каменецкая, 1988. С. 258-262, рис. 1; 2). 1 — курган Ц-60; 2, 3 — курган Ц-67; 4 — курган Ц-1; 5 — курган 37(?), раскопки С. И. Сергеева

Fig. 2. Gnezdovo. Wheelmade vessels: 1-3 — form A, type VIII with ochre (Каменецкая, 2019. С. 36-37, рис. 75, 1); 4, 5 — type X "Middle Dnieper type" with brown haematite (Каменецкая, 1988. С. 258-262, рис. 1; 2). 1 — kurgan Ц-60; 2, 3 — kurgan Ц-67; 4 — kurgan Ц-1; 5 — kurgan 37(?), excavations by S. I. Sergeyev

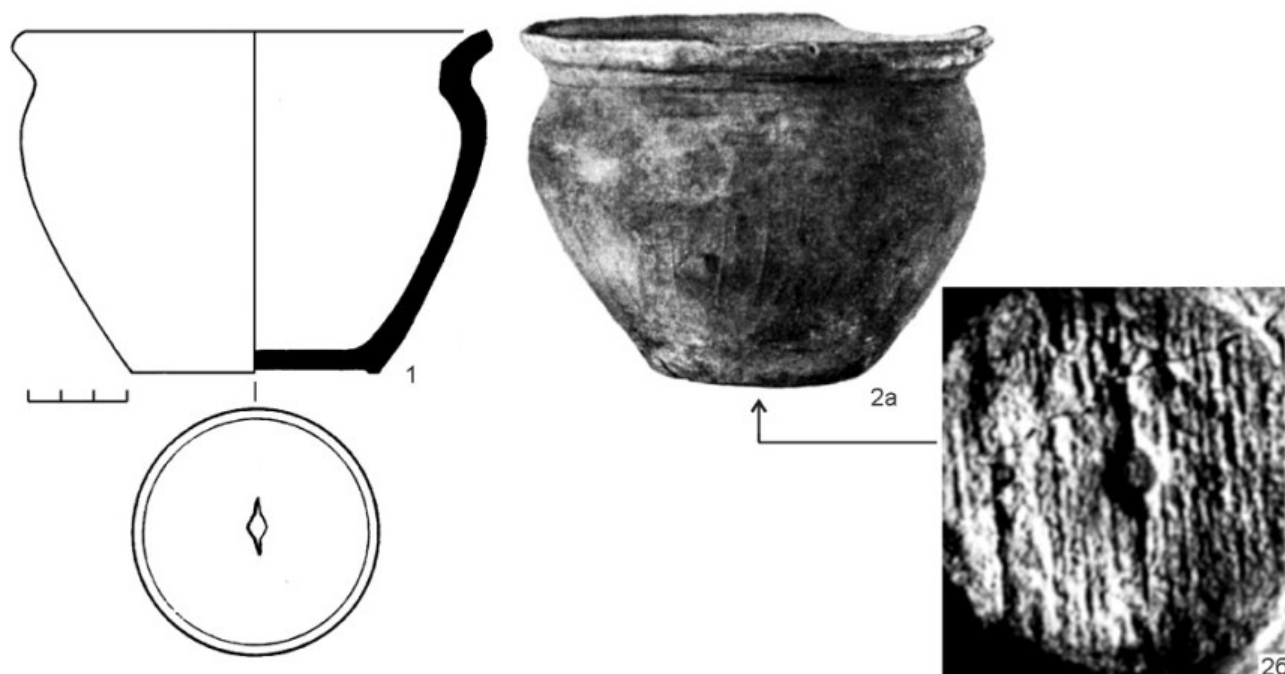

Рис. 3. Гнёздово. Гончарный сосуд из кургана Л-54, раскопки С. И. Сергеева (*Каменецкая*, 1988. С. 258–262, рис. 3, 1)

Fig. 3. Gnezdovo. Wheelmade vessel from kurgan L-54, excavations by S. I. Sergeyev (*Каменецкая*, 1988. С. 258–262, рис. 3, 1)

курганах «среднеднепровские» сосуды единичны: найдены два целых горшка, один мисковидный сосуд и семь фрагментов (рис. 2, 4, 5; 3) (*Каменецкая*, 1988. С. 258–262, рис. 1; 2; 3, 1)⁵. Горшок клада

с «охристой» керамикой (*Каменецкая*, 2014. С. 214) и результаты анализов (*Шагранова*, 2011. Приложение, табл. 99, номера образцов: 50-5, 83-4, 83-8, 87-2, 77-8, 77-13). К тому же бурый железняк в тех или иных формах и в том или ином количестве присутствует и в других группах керамики, в которых в качестве отличительного признака Е. В. Каменецкая не отмечала ни охру, ни бурый железняк (ср.: *Каменецкая*, 2001. Рис. 2, 5; 4, 1, 6, 7, курганы: Л-81, Дн-15, Ц-169, Польш-12; 2019. Рис. 19, 2, курган Л-120; *Шагранова*, 2011. Приложение, табл. 99, номера образцов: 52-2, 85-4, 74-1, 76-3, 79-2). В конечном итоге О. Л. Шагранова приходит к выводу, что для истинной среднеднепровской импортной посуды характерна помимо использования нежелезистой глины искусственная добавка песка, которая в местной гончарной керамике не применялась (*Шагранова*, 2011. С. 133, рис. 67, 1, курган Л-153).

⁵ Эти цифры взяты из публикаций Е. В. Каменецкой. Судя по иллюстративному материалу диссертации О. Л. Шаграновой, которая использовала материалы более поздних раскопок, число таких сосудов в курганах Гнёздова несколько больше. Но чтобы более точно сопоставлять гнёздовскую посуду со «среднеднепровской», следует выделить разные группы венчиков

1973 г. наиболее близок по пропорциям и профилировке сосуду формы А типа XI из кургана Л-54 (рис. 3). До последнего времени датировка таких сосудов в Гнёздове была затруднена. Сейчас в материалах поймы из раскопа П-2 есть серия фрагментов «среднеднепровской» посуды с бурым железняком, хронологическая позиция которой (*terminus post quem*) определяется дендродатой 1002 г. (*Мурашева, Авдусина*, 2007. С. 13, 24, 25, рис. 27, 12, 13)⁶.

Время появления керамики, сделанной из светложгущейся глины, судя по новым материалам из раскопок в Киеве, как будто связано с последним десятилетием X в. Об этом говорят находки во рве Старокиевского городища, в зольнике времени строительства Десятинной церкви (начало строительства — 989 или 990, 991 г.).

по оформлению их внешнего края. По моему мнению, часть горшков из групп формы А типа VIII и IX по профилировке венчика вполне сопоставима не только с посудой Смоленского Поднепровья и Смоленска, но и с частью горшков из Шестовицкого комплекса (ср.: *Станкевич*, 1962. С. 10, рис. 3; 22, рис. 7; *Каменецкая*, 2019. С. 150, 151, рис. 19, 3, 5, 6; 20, 1, 2).

⁶ В тексте статьи в ссылках на рисунки перепутана нумерация. Вместо «рис. 27...» стоит «рис. 28...» и наоборот.

Обломки тонкостенных сосудов из хорошо отмученной белой глины или светло-розового обжига присутствуют также в некоторых погребениях, обнаруженных под Десятиной церковью (Комар, 2012. С. 312). В зольнике белоглиняная керамика сопровождается не только фрагментами венчиков с усложненной закраиной и внутренней ложбинкой, но также венчиками с горизонтальным и косым срезами манжета, то есть это именно та керамика, которая отчетливо присутствует в верхних горизонтах пойменных раскопов П-2 и П-8. Эти горизонты датированы в первом случае (горизонты 2 и 3) началом XI в. либо первой половиной XI в., а во втором (этап IV) — концом X — рубежом X/XI вв. (Мурашева, Авдусина, 2007. С. 13, 24, рис. 26; Мурашева и др., 2007. С. 69–72, рис. 51–53; Френкель, 2007. С. 106, 108).

В итоге, как мне кажется, сосуд клада 1973 г. следует по морфологическим признакам включать в группу позднегончарной посуды (в том числе «среднеднепровской»), чему не противоречат приземистые пропорции и воротниковый венчик, резко отогнутый наружу, и датировать его не ранее чем конец X — начало XI в.

*Монетно-вещевой клад 2001 г.*⁷ наиболее полно был опубликован С. А. Авдусиной, время сокрытия его определено третьей четвертью X в. по младшей монете клада (Авдусина, 2014. С. 98–115). Вещи и монеты клада были помещены в небольшой приземистый горшочек, изготовленный из глиняного теста, сильно насыщенного мелкой дресвой (рис. 4, 1). Высота сосуда 10 см, диаметр венчика 12 см, диаметра дна 7,7 см. У него выпуклое, слегка вздутое плечо. Шейки практически нет, она обозначена крутым изломом, изнутри утолщена. Край венчика закруглен, имеет неглубокие желобки как изнутри, так и снаружи. Судя по конфигурации внешней поверхности дна, подставка гончарного круга была слегка выпуклой, а в центре ось круга (диаметром около 1 см) была утоплена на глубину 3–5 мм. Сосуд имеет следы правки, на внешней и внутренней поверхностях и на всю высоту, от венчика до края дна. Горшочек украшен многорядной волной, выполненной

гребенкой, и линейным орнаментом, нанесенным палочкой. Все вышеперечисленные признаки: пропорции и конфигурация верхней трети, профилировка венчика и следы правки всех поверхностей сосуда на круге, — соответствуют выделенным мною хронологическим индикаторам последней четверти (или самого конца) X — первой половины XI в. (Горюнова, 2009. С. 132–141, рис. 3). Наиболее близкую аналогию для гнёздовского экземпляра можно наблюдать на примере венчиков и профилировки верхней трети сосудов из погребений № 34 и 48 Псковского некрополя (рис. 4, 2, 3), осуществленных не ранее исхода X — первой половины XI в. (Горюнова, Малышева, 2012. С. 101, 234, табл. XX, 1, 4; 243, табл. XXIX).

С датировками гнёздовских кладов сложилась несколько парадоксальная ситуация. Если для находок отдельных монет в культурном слое существует оговорка: «...нельзя рассматривать даты чекана монет как указание на время их попадания в слой...» (Пушкина, 1999. С. 410–411), то время сокрытия кладов безоговорочно определяется датой самой младшей монеты и при этом совершенно не принимается во внимание хронология вещевой части, скорее вещи из клада датируются по монетам. Вернее, она приводится, но такое складывается впечатление, что это делается формально. Даже если хронологический интервал существования каких-то артефактов выходит за пределы верхней даты монетной части клада, то при окончательном подведении итогов он игнорируется (Авдусина, 2014. С. 99–100). К тому же большая часть вещей гнёздовских кладов нуждается в новых типологических и хронологических разработках, особенно остро стоит вопрос относительно зерненных украшений (лунниц, бус, капторги).

В тех случаях, когда появляются новые вещеведческие работы, то возникают и более конкретные типология и хронология предметов из состава гнёздовских кладов. Так, согласно типологическому анализу С. С. Рябцевой, зерненные серьги волинского типа из гнёздовского клада 1993 г., определенные ею в качестве варианта 1А, существуют в конце X — XI в. (Рябцева, 1999. С. 340–342). А результаты исследования подвесок гнёздовского типа А. С. Дементьевой позволяют соотнести экземпляр из клада 2001-б с типом АIV, вариант 3, который датирован последней третью X в. (Дементьева, 2007. С. 214, 220, рис. 7, 2; 231,

⁷ По последней публикации списка кладов из Гнёздова он обозначен как клад 2001-б (Пушкина и др., 2012. С. 264, табл. 3; 266). Коллектив авторов этот комплекс включил во вторую хронологическую группу кладов Гнёздова, которая датируется по их мнению второй половиной 40-х — началом 60-х гг. X в.

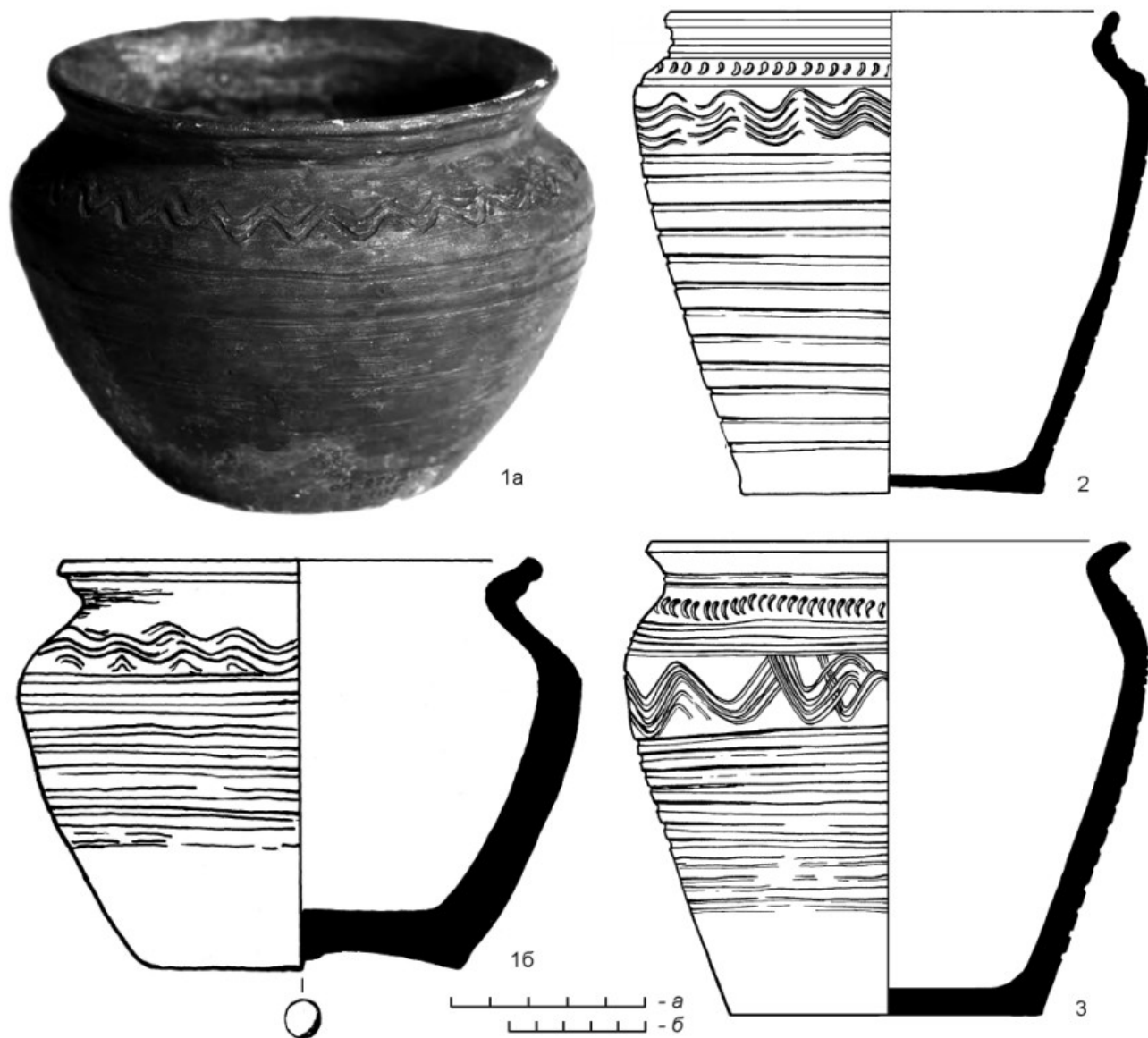

Рис. 4. Гнёздово: 1а, 1б — гончарный сосуд, клад 2001-б, Псковский некрополь, фото и рисунок (фото: Авдусина, 2014); 2 — погребение № 48; 3 — погребение № 34. Масштаб: а — для № 1; б — для № 2, 3

Fig. 4. Gnezdovo: 1а, 1б — wheelmade vessel, hoard 2001-б, Pskov necropolis, photo and drawing (photo: Авдусина, 2014); 2 — burial no. 48; 3 — burial no. 34. Scale: а — for no. 1; б — for no. 2, 3

табл. 3; 255)⁸. Такая хронология не противоречит моему определению времени существования горшка, в который был помещен клад 2001 г. Всех гипнотизирует черта: 940–960 гг. — верхний хронологический рубеж, определенный монетным серебром для всей второй, преобладающей, группы

⁸ Собственно говоря, сама С. А. Авдусина дает подвеске клада 2001-б такое типологическое определение, ссылаясь на А. С. Дементьеву, но при этом датировку ее не приводит (Авдусина, 2014. С. 99; вкл. I., рис. 2, 7).

гнёздовских кладов. Но почему бы не предположить, что этот хронологический интервал, проявленный в монетной части кладов, является всего лишь свидетельством прекращения массового поступления восточного серебра в Гнёздово? Т. А. Пушкина в свое время провела сопоставление по находкам монет из погребений и культурного слоя поселения, которое позволило ей зафиксировать факт спада поступления восточного серебра к концу 950-х гг. (Пушкина, 1999. С. 413). К результатам такого спада нумизматы

относят явление фрагментизации монет, распространенное между 960-ми гг. и первой четвертью XI в. включительно. В кладе 2001 г. половина монет представлена во фрагментах (Авдусина, 2014. С. 114–115, рис. 7; 8).

Итак, принимая во внимание особенности профилировки и степень обработки на гончарном круге сосуда, в котором находился клад 2001 г., и сопоставляя эти особенности с разработанной мною типохронологической шкалой керамики раннегородских центров Северо-Западной Руси, дата клада не может быть определена ранее конца X — начала XI в.⁹ Время подвески гнёздовского типа и состояние монетной части (значительное число обрезков) — все это подтверждает именно эту дату, а не третью четверть X в.

В нумизматической литературе вообще для всей первой половины XI в. отмечено решительное преобладание обрезков монет над целыми экземплярами: «...на тысячи обломков приходятся десятки, а порой и единицы целых монет» (Янин, Гайдуков, 1996. С. 153–154). Поскольку в кладе 2001 г. еще сохраняется равновесное соотношение целых монет и обломков, то этот факт не позволяет отодвинуть верхнюю хронологическую границу клада до середины XI в.

Т. А. Пушкина, включая клад 2001-б во вторую, более позднюю компактную и наиболее многочисленную группу кладов Гнёздова второй половины 40-х — начала 60-х гг. X в., отмечала особый характер вещевой части кладов этой группы, отражающий богатство и престижность их владельцев (Пушкина и др., 2012. С. 264, табл. 3; 266). В археологической литературе последних десятилетий утвердилось мнение о катастрофических событиях, случившихся в Гнёздово после середины X в. В качестве одного из самых веских аргументов в пользу военного разгрома и уничтожения высшего слоя гнёздовской элиты приводится факт компактного выпадения этой второй группы кладов. Данное мнение поддерживается целым рядом исследователей, каждый из которых выдвигает свои дополнительные аргументы в пользу

высказанной гипотезы о политической судьбе Гнёздова после середины X в. (Мурашева и др., 2007. С. 70–72; Нефедов, 2012. С. 103, 105, 106; Макаров, 2012. С. 458).

В результате нашего исследования, связанного с датировкой керамических сосудов из кладов 1973 г. и 2001 г., данная реконструкция политической жизни Гнёздова выглядит безупречно. На мой взгляд, компактность второй группы оказывается существенно нарушенной. И не только за счет перемещения клада 2001-б из периода 50–60-х гг. в конец X — начало XI в. Выше я уже упоминала позднюю датировку серег волынского типа из клада 1993 г., которая противоречит принятой для него дате — 50-е гг. X в. — и позволяет датировать этот клад не ранее конца X — начала XI в. Аналогичное выпадение из традиционного ряда дат сокрытия гнёздовских кладов второй группы демонстрирует результат исследования Я. В. Френкелем клада 1870 г. Опираясь на бусинный материал, он отнес дату захоронения этого комплекса к последней четверти X в. (Френкель, 2002. С. 93–94). Следует также упомянуть, что в кладе 1867 г. присутствует подвеска типа AIV, вариант 3, по А. С. Дементьевой, аналогичная подвеске из клада 2001-б и датированная последней третью X в. (Дементьева, 2007. С. 220, рис. 7, 2; 231, табл. 3). И если учесть, что клад 1973 г. также переместился в конец X — начало XI в., то у нас сформировалась достаточно компактная новая группа комплексов с престижными дорогими вещами. А поскольку по характеру, исполнению и набору вещей клады второй группы тесно взаимосвязаны, встает вопрос о серьезном пересмотре дат всей второй группы денежно-вещевых кладов. И, наверное, будет весьма любопытным провести сопоставление украшений кладов и погребальных комплексов с аналогичными вещами, не забывая привлекать, где только возможно, керамический материал.

В перспективных исследованиях по хронологии Гнёздова керамические коллекции должны стать неременным объектом пристального внимания археологов. При этом хронологические изменения в типологии раннегончарной керамики, созданной на основе погребальных комплексов, должны быть сопоставлены с распределением типологических форм в стратифицированных отложениях поселений. Создание стратификационной схемы развития типологической структуры раннегончарного комплекса поселений в пойме, на террасных участках и на городище — одна из актуальных задач для коллектива, работающего на этом уникальном памятнике.

⁹ Чтобы не было сомнений в правомерности сопоставления северо-западной керамической шкалы X — начала XI в. и раннегончарного материала Гнёздова, следовало бы привести ряд доказательств в пользу такой обоснованности. Несомненно, существуют факты, свидетельствующие об общих явлениях в процессе внедрения и развития раннегончарной продукции в материальную культуру Гнёздова и раннегородских центров Северной Руси. Данной теме будет посвящена моя следующая публикация.

- Авдусина*, 2014 — *Авдусина С. А.* Гнёздовский клад 2001 года // *Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной* / Отв. ред. Н. И. Асташова. М.: Изд-во ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 98–115.
- Горюнова*, 2005 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI вв. // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 122–154.
- Горюнова*, 2007 — *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // *Северная Русь и народы Балтики*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 45–89.
- Горюнова*, 2009 — *Горюнова В. М.* Датированные возможности раннегончарной керамики X — начала XI в. // *РА. М.: Наука*, 2009. № 4. С. 132–141.
- Горюнова, Лапшин*, 2004 — *Горюнова В. М., Лапшин В. А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы* / Ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 55–72.
- Горюнова, Мальшичева*, 2012 — *Горюнова В. М., Мальшичева Н. Н.* Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова // *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века* / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2012. Т. I: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). С. 91–110.
- Дементьева*, 2007 — *Дементьева А. С.* «Подвески Гнёздовского типа» на территории Древней Руси XI–XII вв. // *Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника* / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: Альфарет, 2007. С. 211–272.
- Каменецакая*, 1988 — *Каменецакая Е. В.* О некоторых типах керамики Гнёздова // *СА. М.: Наука*, 1988. № 1. С. 258–262.
- Каменецакая*, 1998 — *Каменецакая Е. В.* Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина* / Ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 124–134.
- Каменецакая*, 2001 — *Каменецакая Е. В.* О возможности определения продукции одного гончара в древнем Гнёздове // *Гнёздово. 125 лет исследования памятника*. М.: Изд-во ГИМ, 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124). С. 122–127.
- Каменецакая*, 2014 — *Каменецакая Е. В.* К вопросу о хронологии и топографии Гнёздова по керамическим материалам // *Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной* / Отв. ред. Н. И. Асташова. М.: Изд-во ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 198). С. 141–151.
- Каменецакая*, 2019 — *Каменецакая Е. В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья / Отв. ред. Н. А. Кренке. М.; Смоленск: КДУ, Университетская книга, 2019. 244 с.
- Комар*, 2012 — *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // *Русь в IX–XI веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 300–333.
- Макаров*, 2012 — *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // *Русь в IX–XI веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.
- Мурашева, Авдусина*, 2007 — *Мурашева В. В., Авдусина С. А.* Исследования притеррасного участка пойменной части Гнёздовского поселения // *Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника* / Отв. ред. В. В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 8–30.
- Мурашева и др.*, 2007 — *Мурашева В. В., Енисова Н. В., Фетисов А. А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // *Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника* / Отв. ред. В. В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 31–77.
- Нефёдов*, 2012 — *Нефёдов В. С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX — первая половина XI в.) // *Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сб. материалов Междунар. науч. конф. (Вологда–Кириллов–Белозерск, 6–8 июня 2012 г.)* / Отв. ред. С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 89–113.
- Пушкина*, 1999 — *Пушкина Т. А.* Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина* / Отв. ред. А. А. Гиппиус. М.: Русские словари, 1999. С. 405–417.
- Пушкина и др.*, 2012 — *Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Енисова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // *Русь в IX–XI веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

- Рябцева, 1999 — *Рябцева С. С.* «Близнецы» или «Двойники»? О сходстве и отличии «Ворлыньских» и «Прикамских» серег // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса: ВАШ, 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 338–356.
- Станкевич*, 1962 — *Станкевич Я. В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // *КСИА*. М.: Из-во АН СССР, 1962. Вып. 87. С. 6–29.
- Френкель*, 2002 — *Френкель Я. В.* К вопросу о дате Гнёздовского клада 1870 г. // *Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической науч. конф.* / Ред. Д. Г. Савинов, В. Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 93–94.
- Френкель*, 2007 — *Френкель Я. В.* Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // *Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника* / Отв. ред. В. В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 78–117.
- Шагранова*, 2011 — *Шагранова О. Л.* Керамика Смоленского Поднепровья конца I — начала II тыс. н. э. (технология и морфология): Рукопись дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М., 2011 // Государственный архив МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Янин, Гайдуков*, 1996 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Новгородский клад западно-европейских и византийских монет конца X — первой половины XI в. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1994 год. Новое в нумизматике / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Археологический центр, 1996. С. 151–171.

Once more about the dating possibilities of the early wheelmade pottery (Gnezdovo hoards of 1973 and 2001)

V. M. Goryunova

In 2004–2012, the present author developed a chronological scheme of the early wheelmade pottery from urban centres of North-Western Rus'. This classification allowed, with confidence, distinguishing certain groups of vessels, as well as an entire series of types of rim profiles of these vessels, as solid chronological indicators for the 10th — first half of the 11th century. Four ranges of measurement were established for the most widespread form in Early Rus' — vessels with S-shaped profiles. The present paper proposes a practical application of the results of this study and also introduces new data on the time of the appearance of the white-fired pottery on the Middle Dnieper. A typological and, accordingly, chronological definition is presented for two ceramic vessels which contained the Gnezdovo hoards found in 1973 and 2001. As a result, a new date of the burial of these hoards was determined as not earlier than the late 10th — early 11th century. Meanwhile previously, the hoard of 1973, on the basis of the youngest coin in it, was included into the group of hoards of the first half of the 10th century, while the date of the concealment of the hoard of 2001 was defined as the third quarter of the 10th century.

Basing on this study, it was proposed to make certain changes in the historical and social scheme of the development of the Gnezdovo centre. On this example, the author highlights once again the importance of the dating possibilities of the early wheelmade pottery.

Старая Ладога, СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской трансгрессии. Новые материалы и старые проблемы¹

Н. И. Платонова, Г. М. Левковская, Д. А. Брицкий, Л. А. Карцева, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева, П. А. Миляев, Д. В. Збукова²

Аннотация. В статье представлены результаты СЭМ-исследований палинокомплексов палеопочв, залегающих в основании Староладожского разреза. Получены доказательства пойменно-наводкового генезиса палеопочвы, непосредственно подстилающей культурный слой Земляного городища. Традиционными корреляциями выявлен палинологический маркер, позволивший обосновать синхронность окончания Ладожской трансгрессии (в южном Приладожье) и регрессии вод в северо-западном Приильменье.

Annotation. This paper presents the results of SEM-examination of palynological complexes of two paleosols at the base of the Staraya Ladoga section. There was obtained evidence of the floodplain genesis of the paleosol directly underlying the cultural layer of Zemlyanoye hillfort. A new palynological marker has been identified here which enables us to ground the synchronous character of the end of the Ladoga Transgression (in the southern Ladoga region) and the regression of Lake Ilmen (in the northwestern region).

Ключевые слова: Старая Ладога, Ладожская трансгрессия, раннее средневековье, СЭМ-микрографии, палеопочвы, палинокомплекс, пойма, диатомеи, стоматоцисты, палеоботанический стресс, корреляции.

Keywords: Staraya Ladoga, Ladoga transgression, early Middle Ages, SEM micrographs, palaeosoils, palynological complex, flood plain, diatoms, stomatocysts, palaeobotanic stress, correlations.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-163-185

Введение

Статья представляет собой первую попытку исследования растительных остатков Старой Ладоги с помощью сканирующего электронного микроскопа (далее — СЭМ).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Платонова Н. И.; Левковская Г. М.; Лапшин В. А.; Григорьева Н. В.; Миляев П. А. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Брицкий Д. А.; Карцева Л. А. — Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН; ул. Профессора Попова, д. 2, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Збукова Д. В. — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского; Средний пр. ВО, д. 74, Санкт-Петербург, 199106, Россия.

Использование СЭМ для изучения палинологопалеоботанических комплексов каменного века (Левковская, 2017а; Левковская и др., 2014; 2018) продемонстрировало, что эта методика существенно дополняет информацию о палеогеографических условиях древности. Благодаря сильным увеличениям СЭМ (до ≈ 25 000 вместо максимального увеличения светового микроскопа до × 900), в мацератах палинокомплексов удается обнаружить как палинологические, так и палеоботанические находки — микроостатки древесин, листьев, фитолиты, диатомовые и другие водоросли, эпидермисы и т. д.

Настоящая работа носит рекогносцировочный характер, так как построена на ограниченной по объему выборке материала. Тем не менее ее можно считать пионерной, ибо к материалам эпохи средневековья данная методика ранее не прилагалась.

Материалом для экспериментальных СЭМ-исследований послужили три пробы, отобранные из разрезов двух палеопочв (одна — верхней, две — нижней), перекрытых, в свою очередь, толщей культурных отложений Староладожского поселения.

Задачи исследования

В задачи работы входило: 1) продемонстрировать на материалах Старой Ладоги перспективность использования СЭМ как нового способа получения и хранения палинологической и палеоботанической информации; 2) на основе полученных данных выяснить оптимальное направление дальнейших исследований палеогеографического контекста памятников Староладожского комплекса.

В ходе анализа мацератных осадков, полученных на основе трех образцов, было изготовлено 72 СЭМ-микрографии (далее — СМГ), задокументировавших информацию о выявленных растительных остатках. Параллельно мацераты верхней почвы подверглись анализу на световом микроскопе. Полученные данные позволили детализировать представления о палеогеографических условиях формирования староладожских отложений, а также рассмотреть в ином ключе проблему древнего земледелия на Северо-Западе Восточной Европы.

Методика

Традиционно СЭМ используется палинологами и палеоботаниками для изучения отдельных находок и таксонов³. Новацией примененной нами методики, определившей разнообразие растительных остатков, исследованных с помощью СЭМ, стало прикрепление к СЭМ-столикам не препаратов пыльцы конкретных таксонов, а мацератов из пробирок с целыми комплексами разнообразных растительных микроостатков. Зачастую эти мельчайшие фрагменты остаются невидимыми не только в ходе флотации грунтов в поле, но и при исследовании на световом микроскопе. Помимо отдельных объектов на СМГ фиксировались общие виды фрагментов мацератных комплексов, показывающие встречаемость и количественные соотношения микроостатков между собой.

³ В этой связи отметим факт использования сканирующей электронной микроскопии для диагностики пыльцы отдельных таксонов в ходе исследования проблем раннего земледельческого освоения Приильменья (Еремеев и др., 2007. С. 245).

Взятие проб, а также детальное описание разрезов и мест отбора образцов было осуществлено А. Л. Александровским (см. приложение I). Превращение проб в пробирочные мацераты с палинокомплексами выполнено Д. В. Збуковой по методике ВСЕГЕИ, применяемой для рыхлых отложений плейстоцена и голоцена. Для полного освобождения от минеральных частиц осадки в пробирках обрабатывались с фтористо-водородной кислотой (которая обычно не используется в российских четвертичных палинологических лабораториях ввиду ее токсичности). Ацетолизная обработка мацератов (для увеличения объема органических остатков) была выполнена в палинологической лаборатории БИН РАН с использованием ледяной уксусной кислоты.

При подготовке мацератов к СЭМ-исследованиям на поверхность двустороннего скотча, приклеенного к СЭМ-столикам, наносилась тонким слоем жидкость из пробирок. В соответствии с методикой БИН РАН столики с палинокомплексами напылялись в вакуумной установке смесью золота с палладием. Исследование выполнялось на сканирующем микроскопе Jeol JSM 6390LA Центра коллективных исследований БИН РАН. В ходе исследования изучаемые формы фотографировались в разных проекциях с различными увеличениями. В связи с многообразием таксонов растений, микроостатки которых встречаются в мацератах, и отсутствием атласов для определения многих таксонов по их мельчайшим остаткам в процессе исследования на СЭМ каждая форма обсуждалась палинологами Д. А. Брицким и Г. М. Левковской совместно с главным специалистом по электронной микроскопии БИН РАН Л. А. Карцевой. Параллельное исследование мацератов из пробы П1 на световом микроскопе (МБИ-3) произведено Г. М. Левковской.

В дальнейшем материалы, задокументированные на СМГ, были дополнительно изучены целым рядом специалистов. Определение стоматоцист золотистых водорослей произведено С. Н. Шадриной (приложение II), диатомовых водорослей — Н. Б. Балашовой и Г. А. Киселевым (приложение III), древесных микроостатков — Е. С. Чавчавадзе (приложение IV). В ходе работы по определению находок наряду с литературными источниками использовались базы данных, размещенные в интернете (Информационная система идентификации; Банк...; Human Impacts Pollen Database; PalDat; Palynological Laboratory Database).

Электронная обработка результатов СЭМ-исследований, оформление таблиц с изображением остатков растений и определение пыльцевых зерен осуществлены Д. А. Брицким и Г. М. Левковской; статистический анализ палинокомплекса и обобщение полученных результатов — Г. М. Левковской. Интерпретация естественнонаучных данных в археологическом контексте произведена коллективом исследователей ИИМК РАН под руководством Н. И. Платоновой.

Стратиграфия и топография проб

Первая из трех проб, отобранных в 2019 г., была взята из разреза шурфа на Ладожском открытом поселении (Варяжская ул., профиль 2, раскопки В. А. Лапшина 2019 г.) (рис. I.2, 1). Образец отобран из нижней погребенной почвы (AU) (здесь и далее обозначения почвенных горизонтов по А. Л. Александровскому, см. приложение I).

Еще две пробы взяты на Земляном городище из северной стенки раскопа № 6 (раскопки В. А. Лапшина 2019 г.), прирезанного с востока к участку, исследованному раскопами № 3–5 (1999–2013 гг., раскопки А. Н. Кирпичникова)⁴. В разрезе наблюдается резкое падение слоев к востоку (к р. Волхов), вызванное их проседанием в штольни, прорытые со стороны берега ниже уровня археологического материка⁵. Стратиграфическая колонка сохранила свою целостность только в северо-западном углу раскопа. На этом участке обе почвы и разделяющий их горизонт осадков Ладожской трансгрессии залегают горизонтально (рис. 1, 1)⁶. Пробы отобраны из разреза по линии «У», на границе кв. У/ХVI–ХVII, 1) из пахотного горизонта (PU) верхней почвы; 2) из нижней почвы (AY) (рис. 1, 1, 2; приложение I, рис. I.2, 2).

Верхнюю почву перекрывал сверху горизонт бурого гумуса, смешанного, в большей или меньшей

степени, с навозом и щепой. В нижней части бурого гумуса прослежен слой горения мощностью 0,02–0,10 м (гумусированная прослойка черного цвета с большим количеством мелких угольков и разрозненных обугленных веточек) (рис. 1, 1, 2).

Полученные результаты

Пополнение Банка новым видом источников

Для почвы 1 было изготовлено 49 СМГ общего вида исследованных мацератных комплексов и отдельных палинологических/палеоботанических объектов. Для почвы 2 получено 23 СМГ. Материалы размещены в созданном Г. М. Левковской электронном Банке палеоботанических и палинологических данных из археологических памятников территории бывшего СССР (Банк...), в котором ранее аккумулировалась информация по различным эпохам каменного века. Тем самым положено начало созданию банка СЭМ-изображений растительных остатков из неолитических и раннесредневековых памятников лесной зоны Восточной Европы. Параллельно коллекция СМГ добавлена на сетевой накопитель (NAS) QNAP TS-231, подключенный к внутренней сети ИИМК РАН, на котором формируется единая база данных по Староладожскому археологическому комплексу.

Серия СЭМ-микрографий остатков растений различных таксонов и общего вида исследованных мацератных комплексов является для Банка новым источником информации. Его важность для будущих разработок подчеркивается тем, что к рассмотрению этих материалов можно возвращаться повторно, в контексте новых открытий⁷.

Нижняя почва в контексте СЭМ-анализа

Нижняя почва на ряде участков Староладожского поселения вмещает культурные остатки эпохи неолита с гребенчато-ямочной керамикой,

⁴ Локализацию раскопа № 6 см.: Кирпичников, 2018. Рис. В.7, 8–9.

⁵ С проблемой провалов культурного слоя в штольни, вырытые с целью добычи белого кембрийского песка Староладожская экспедиция сталкивалась с первого года раскопок (Гроздилов, 1938. Л. 2об–3). О характере таких штолен см.: Сабанеев, 1886. С. 1–6.

⁶ Высотные отметки верха нижней почвы в месте отбора образцов — 11,79 м БС и 5,63 м от современного уровня Волхова. Верхняя почва залегала на высоте 12,01 м БС и 5,85 м от современного уровня Волхова.

⁷ К примеру в монографии, посвященной палеогеографии Лубанской низины (Восточная Латвия) в среднем голоцене, была опубликована СЭМ-микрография с подписью «фрагмент культурного слоя» (Левковская, 1987. С. 71). Год спустя в печати появилось описание морфологии современной пыльцы различных видов льна (Григорьева, 1988), и выяснилось, что на этой микрографии отражены детали скульптуры пыльцевого зерна льна долгунца. Поскольку земледелие в Лубанской низине достоверно зафиксировано начиная с неолита, это позволило предположить, что ее население уже в ту эпоху культивировало лен (Лозе, 1988; Левковская и др., 2019).

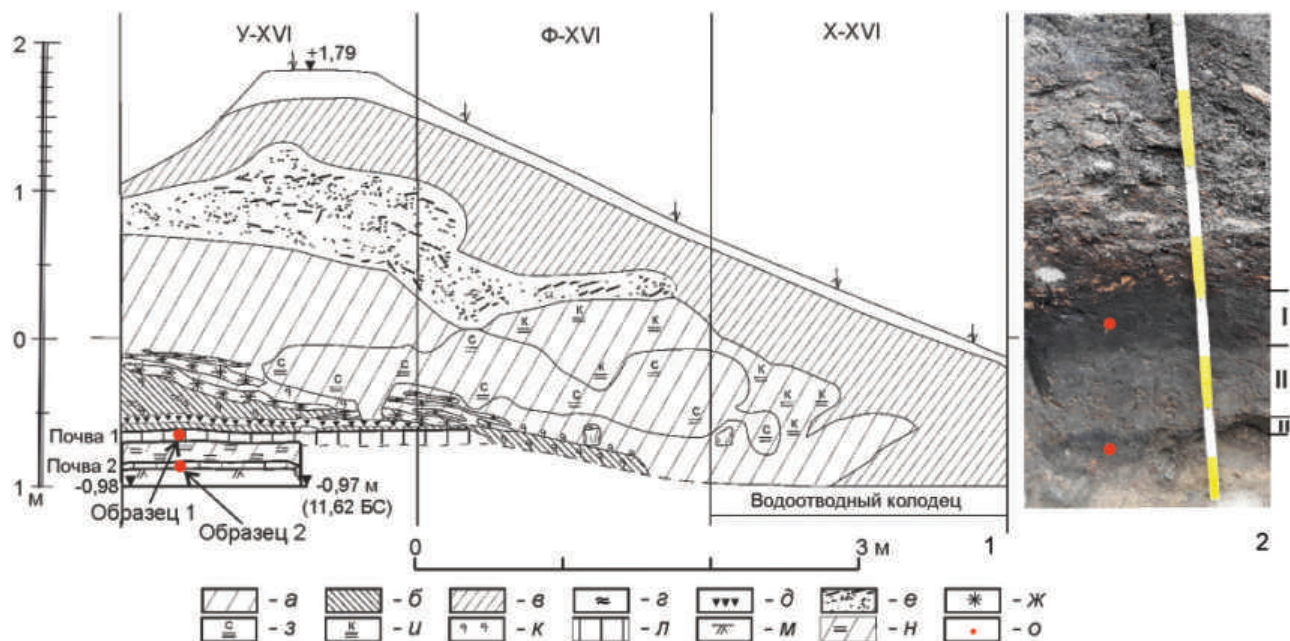

Рис. 1. Стратиграфия раскопа № 6 Староладожского Земляного городища (раскопки В. А. Лапшина 2019 г.) и место отбора образцов на СЭМ-анализ: 1 — разрез северной стенки раскопа № 6 (2019 г.) (чертеж подготовлен Н. В. Григорьевой) (условные обозначения: а — сухой черный гумус (позднесредневековый культурный слой); б — бурый гумус; в — влажный черный гумус (верхняя часть раннесредневекового культурного слоя); г — навоз; д — угли; е — слой подсыпки; ж — зола; з — синяя глина; и — коричневая глина; к — щепа; л — темно-серый суглинок (погребенная почва); м — серо-бурый опесчаненный суглинок со щебнем и галькой (материк); н — серо-белесая гумусированная глина (отложения Ладожской трансгрессии), о — место отбора образца); 2 — нижняя часть культурного слоя Земляного городища (I — погребенная почва 1; II — отложения Ладожской трансгрессии; III — погребенная почва 2)

Fig. 1. Stratigraphy of excavation no. 6 of Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga (excavated by V. A. Lapshin in 2019) and the spot of sampling for SEM analysis: 1 — section of the northern edge of excavation no. 6 (2019) (drawing by N. V. Grigor'yeva) (keys: а — dry black humus (late mediaeval cultural layer); б — brown humus; в — wet black humus (upper section of the early mediaeval cultural layer); г — dung; д — pieces of charcoal; е — addition layer; ж — ashes; з — blue clay; и — brown clay; к — wood chips; л — dark grey loam (buried soil); м — grey-brown sandy loam with debris and pebbles (virgin layer); н — grey-whitish humic clay (deposits of the Ladoga transgression); о — place of selection); 2 — lower section of the cultural layer of Zemlyanoye Gorodishche (I — buried soil 1; II — deposits of Ladoga transgression; III — buried soil 2)

отложившиеся \approx 5100–4600 ВР и «запечатанные» сверху отложениями Ладожской трансгрессии (Тимофеев, Стеценко, 1997. С. 331–334; Лапшин, 2018. С. 143–144; Мурашкин, 2018. С. 181–187).

Комплекс растительных остатков нижней почвы, зафиксированный на СМГ (рис. 2, Б; приложение III, рис. III.2; приложение IV, рис. IV.1, 5), характеризуется очень малым количеством пыльцы при наличии значительного числа остатков флоры водоемов — стоматоцист золотистых водорослей (ранее не фиксировавшихся в разрезе Старой Ладоги), створок и обломков диатомовых водорослей, в сочетании с другими микроостатками, пока неопределимыми.

В приложении II приведены определения стоматоцист золотистых водорослей из почвы 2, выполненные С. Н. Шадринной. В определителях они имеют следующие номера⁸: № 302, Gilbert et al. (приложение II, рис. II.1, 2); № 3, van de Vijver, Beyens (приложение II, рис. II.1, 3); № 165, Kamenik, Schmidt (приложение II, рис. II.1, 5). Выявлено также две неидентифицированные стоматоцисты (приложение II, рис. II.1, 4, 6).

В приложении III приведены определения диатомовых водорослей, сделанные Н. Б. Балашовой

⁸ Здесь и далее используются стандартизированные системы описания стоматоцист и диатомовых водорослей. Пояснения см.: Приложения II–III.

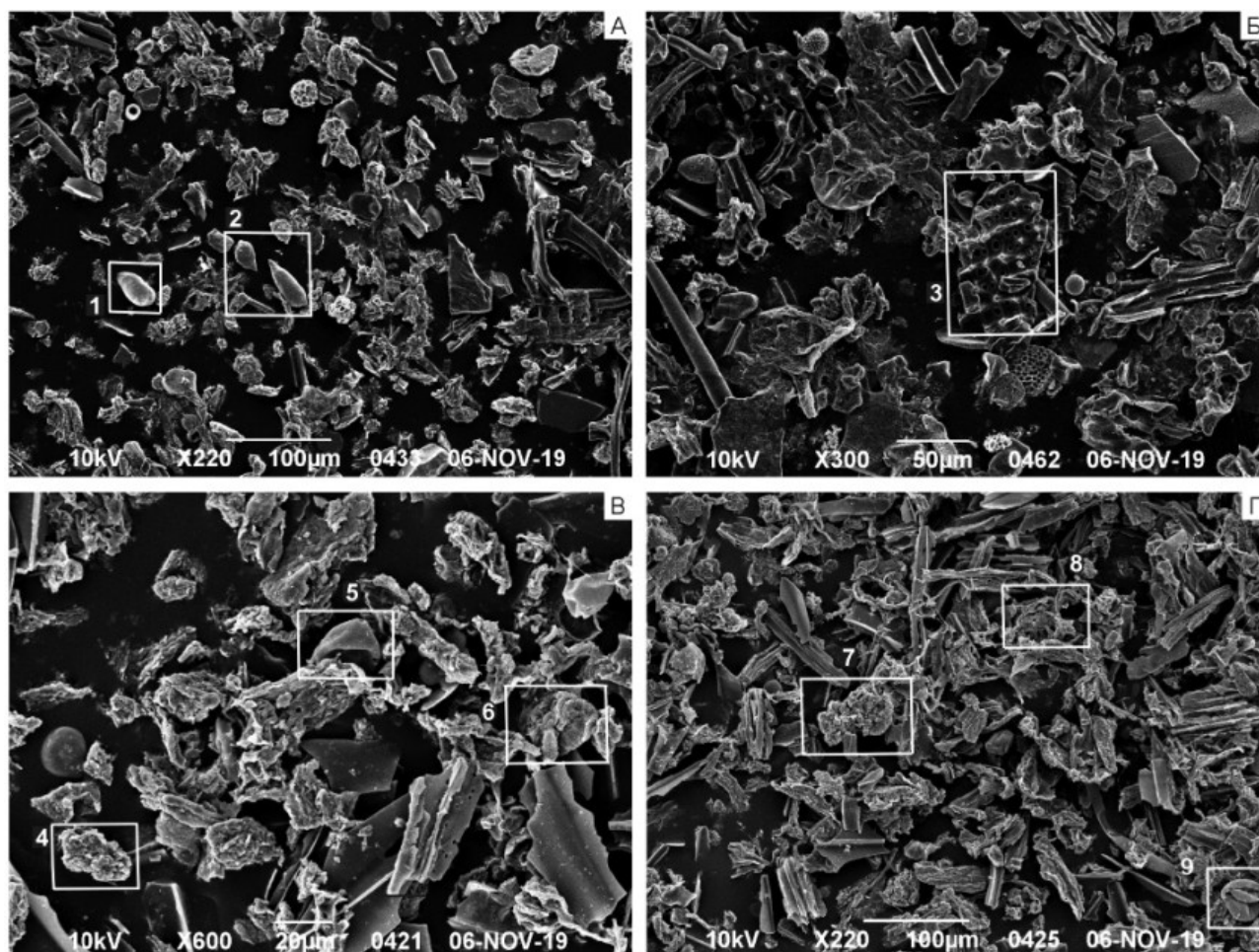

Рис. 2. Земляное городище Старой Ладоги. СЭМ-микрографии палинолог-палеоботанических комплексов — индикаторов водного, пойменного и антропогенного генезиса отложений для образца из кровли верхней почвы (А, В, Г) и для нижней почвы (Б). I — СЭМ-микрографии общих видов комплексов: А, Б — отложения водоема с цистами водорослей, диатомовыми водорослями (см. приложение III) и микроостатками растений; В — отложения начального этапа заселения поймы угнетенной наземной растительностью с господством пыльцы плохо сохранившейся (из-за чередования водных и наземных условий) и недоразвитой или уродливой (из-за переувлажнения грунтов щелочными водами); Г — этап сильного антропогенного воздействия с резким доминированием микроостатков древесин, не имеющих диагностических признаков, и единичными находками пыльцы; II — СЭМ-микрографии части определенных таксонов: 1, 2 — цисты водорослей; 3 — микроостаток древесины двудольного растения; 4–9 — пыльцевые зерна с различными патологиями, описанными на рис. 3: 4, 7 — полиады мелких невызревших зерен, 5 — уродливое зерно орешника (*Corylus sp.*) (?) без скульптуры, 6, 8 — уродливая пыльца пионерного растения берегов водоемов и сорняка подорожника ланцетолистного (*Plantago lanceolata L.*), 9 — уродливая пыльца пихты (*Abies sp.*) (?)

Fig. 2. Zemlyanoye Gorodishche of Staraya Ladoga. SEM micrographs of the palyno-palaeobotanical complexes — indicators of aquatic, initial floodplain and anthropogenic soil genesis, obtained from a sample of the buried soil 1 top (A, B, Г) and from the lower soil (Б). I — SEM micrographs of the complexes general view: А, Б — aquatic sediments with algal cysts, diatoms (see Att. III) and plant micro-remains; В — sediments of the initial floodplain colonization by terrestrial plants dominated by poorly preserved (due to the alteration of subaerial and aquatic environments) or underdeveloped and deformed (due to soil waterlogging with alkaline waters) pollen; Г — stage of the intense anthropogenic impact and domination of micro-remains of woody species with no diagnostic characters and single pollen; II — SEM micrographs of some identified taxa: 1, 2 — algal cysts, 3 — dicotyledon wood micro-remain; 4–9 — pollen grains with different abnormalities (as described in fig. 3): 4, 7 — polyades of undersized immature pollen, 5 — immature pollen of hazel (*Corylus sp.*) (?) with no sculpture, 6, 8 — deformed pollen of ribwort plantain (*Plantago lanceolata L.*) — pioneer riparian and weed species, 9 — deformed pollen of fir (*Abies sp.*) (?)

и Г. А. Киселевым. По большей части это пресноводные планктонные формы: 1) *Stephanodiscus neoastrea* Håkansson & Hickel (приложение III, рис. III.1, 2); 2) *Aulacoseira islandica* (O. Müller) Simonsen (приложение III, рис. III.1, 3); 3) *Cyclostephanos dubius* (Hustedt) Round (приложение III, рис. III.1, 4–5). Четвертый вид, встреченный в почве 2, — *Pinnularia* sp. (приложение III, рис. III.2) — представляет донные сообщества.

Наряду с остатками водной растительности, на СМГ из почвы 2 задокументирована пыльца широколиственных древесных пород. Удалось определить пыльцевое зерно липы (рис. 3, 5) и микроостаток древесины нехвойного древесного растения⁹ (рис. 2, Б, деталь 3).

Нижняя почва сформировалась на опесчаненных гумусированных суглинках. Однако на СМГ общего состава комплекса (рис. 2, Б) не зафиксировано следов почвообразования, таких как остатки ходов червей, следы кротовин, микромицелия и других типов скоплений карбонатов. В целом приведенные данные свидетельствуют, скорее, о пойменном характере накопления гумусированного слоя. Культурные остатки эпохи неолита, местами вмещенные в данный горизонт, этому не противоречат. Они не представляли долговременных поселений и могут интерпретироваться как сезонные стоянки рыбаков. Разумеется, при оценке материалов почвы 2 необходимо делать поправку на то, что в период Ладожской трансгрессии она подвергалась затоплению и частичному размыву.

Кровля верхней почвы по данным СЭМ-анализа и традиционных исследований. Новые данные о палеорастительности и палеоклимате в период формирования верхов почвы 1

СЭМ-исследования кровли почвы 1 выявили в ней микроостатки водной растительности, хотя не столь разнообразные и обильные, как в почве 2.

С. Н. Шадринной определена стоматоциста золотистой водоросли, обитающая при температурах

воды 0–25 °С на регулярно затопляемых местообитаниях или в небольших водоемах при pH воды 4,5–9,1 (№ 15 по атласу стоматоцист, Duff, Smol emend. Zeeb, Smol) (приложение II, рис. II.1, 1).

Н. Б. Балашовой и Г. А. Киселевым установлено присутствие в верхней почве двух видов диатомовых водорослей (*Aulacoseira islandica* (O. Müller) и *A. granulata* (Ehrenberg) Simonsen) (см. приложение III, рис. III.1, 1, б). Скорее всего, их видовое многообразие этим не исчерпывается. Большая часть микроостатков водорослей, зафиксированных на СМГ, не поддается видовому определению, так как представляет собой обломки.

Среди древесных остатков, задокументированных на СМГ и описанных Е. С. Чавчавадзе в Приложении IV, удалось выявить и определить микроостатки пихты сибирской (*Abies sibirica* Ledeb.), липы мелколистной (*Tilia cordata* Mill.) (приложение IV, рис. IV.1, 1, 3), вересковых (сем. *Ericaceae* — черника, брусника, голубика) (рис. IV.1, 2) и розоцветных (сем. *Rosaceae* — малина или рябина) (рис. IV.1, 4).

Помимо того, на СМГ определены пыльцевые зерна: пихты (рис. 3, 1), дикорастущего злака (рис. 3, 3), сорного растения — подорожника (рис. 3, 7–8), а также розоцветных (рис. 3, 2, 4), вместе со скоплением невызревшей пыльцы карликовых размеров, похожей на пыльцу ольхи (определена условно из-за недоразвития).

Параллельно, в ходе просмотра 30 стекол на световом микроскопе, было определено более 200 пыльцевых зерен из верхней почвы. В общем составе комплекса присутствует значительное количество пыльцы древесных пород (50 %) и травяно-кустарничковых растений (40 %). Среди древесных господствует пыльца ольхи (*Alnus* sp.) (52 %), представленная преимущественно мелкими недоразвитыми пыльцевыми зернами; часть их находится в составе нераспавшихся полиад. Много пыльцы березы (*Betula* sp.) (20 %). Не найдена пока пыльца хвойных древесных пород, за исключением задокументированного на СМГ пыльцевого зерна пихты, чье присутствие подтверждается и находкой микроостатка древесины (рис. IV.1, 1). Присутствует пыльца широколиственных древесных пород — вяза (*Ulmus* sp.), орешника (?) (*Corylus* sp.) и липы (*Tilia* sp.). Суммарное содержание широколиственных весьма значительно (24 %). Среди них господствует вяз. Найдена пыльца ивы (*Salix* sp.), характерная для растительности пойм.

⁹ По определению Е. С. Чавчавадзе, на СМГ 462 выявлен микроостаток древесины, в котором видны фрагмент восьмислойного луча, возможно, контактного; клетки разного размера; сосудисто-лучевая полость. Поры в крупных клетках расположены супротивно, а в мелких — диффузно и супротивно. Это микроостаток древесины не хвойного, а цветкового двудольного растения.

В составе травяно-кустарничковых растений содоминируют пыльца лебедовых (*Chenopodiaceae*) (48 %), большая часть которой также недоразвита, и мезофильного разнотравья — гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Umbelliferae*). Встречена пыльца подорожника (*Plantago* sp.) и кипрейных (*Chamaenerium*) (иванчай), а также единичные пыльцевые зерна осок (*Cyperaceae*) и водного растения уруть (*Myriophyllum* sp.). Помимо пыльцы найдены споры зеленых (*Bryales*) и сфагновых (*Sphagnum*) мхов, многоножковых папоротников (*Polypodiaceae*) и гроздовника (*Botrychium*).

В ходе исследования на световом микроскопе выявлено также одно крупное пыльцевое зерно *Cerealia*, полностью отвечающее критериям определения пыльцы культурных злаков, разработанным палинологами (*Firbas*, 1937; *Troels-Smith*, 1955; *Beug*, 1961; *Leroi-Gourhan*, 1969; *Andersen*, 1979; *Фёдорова*, 1959; *Гуман*, 1978; *Тарасевич*, 1983). Указанные критерии были обобщены Г. М. Левковской (*Левковская*, 1987. С. 74, табл. 5).

Найденное пыльцевое зерно имеет большой размер (более 45 мкм), что типично для пыльцы культурных злаков. Пора с широкого конца не смещена, заметно выступает над поверхностью зерна и имеет значительный размер околопорового кольца. Зерно идентифицируется как пыльца пшеницы (*Triticum* sp.). К сожалению, она не попала в число форм, задокументированных на СМГ. Данная находка является уникальной для почвы 1, где до сих пор совсем не обнаруживалось пыльцы культурных злаков. В силу своей единичности она не может использоваться для ответственных заключений. Впрочем, стоит иметь в виду, что на расстоянии всего нескольких шагов от современных полей содержание пыльцы культурных злаков и сорных растений не превышает 1–3 % (*Vuorela*, 1973). Исключение составляют только посевы ржи (*Königsson*, *Possnert*, 1997. Р. 80–81).

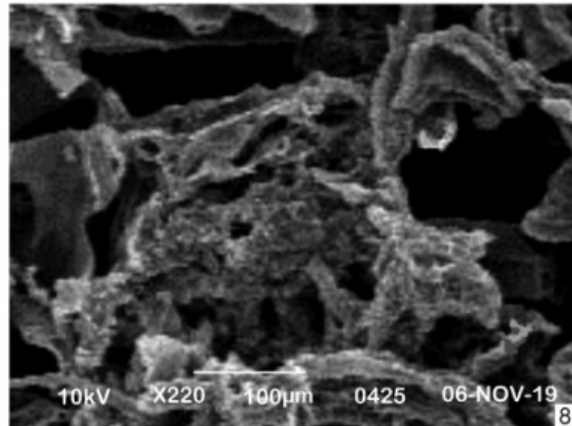
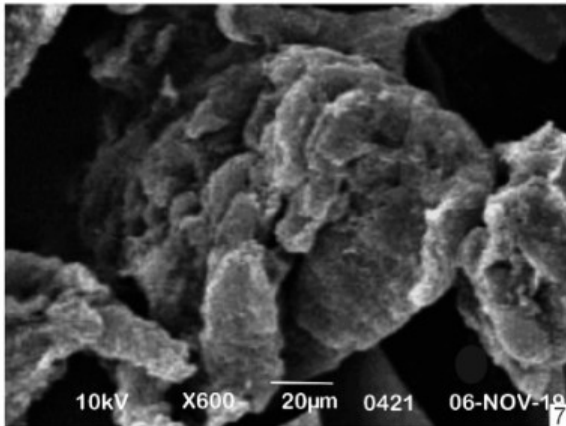
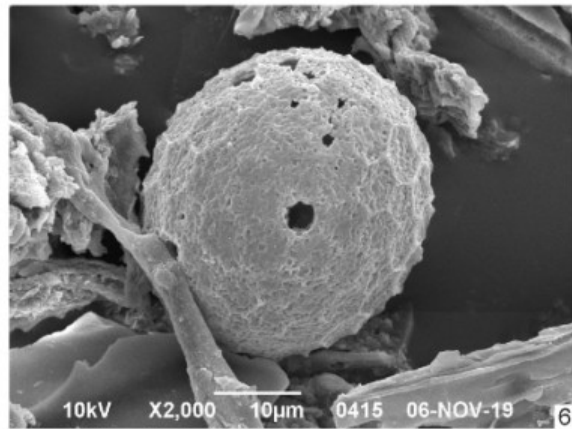
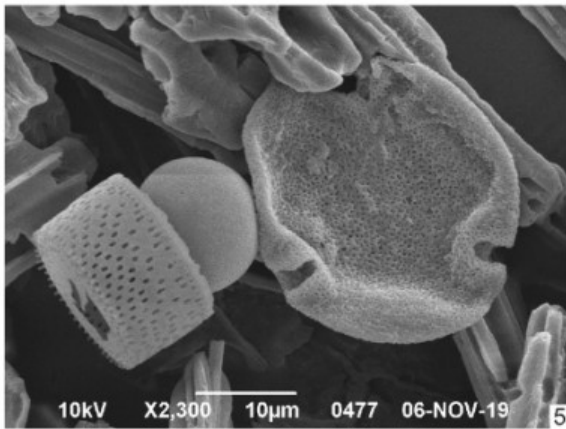
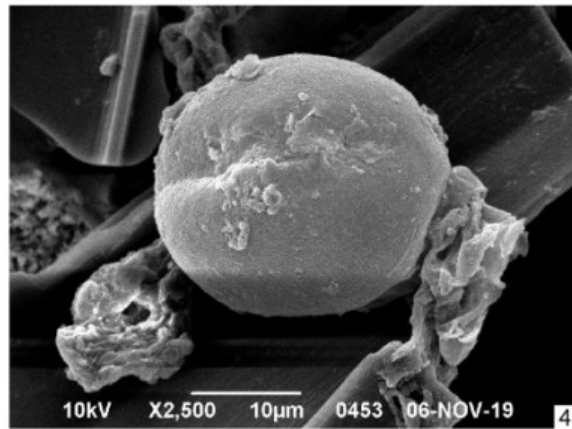
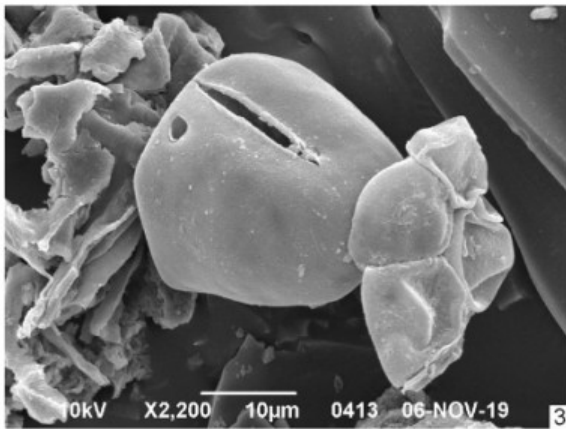
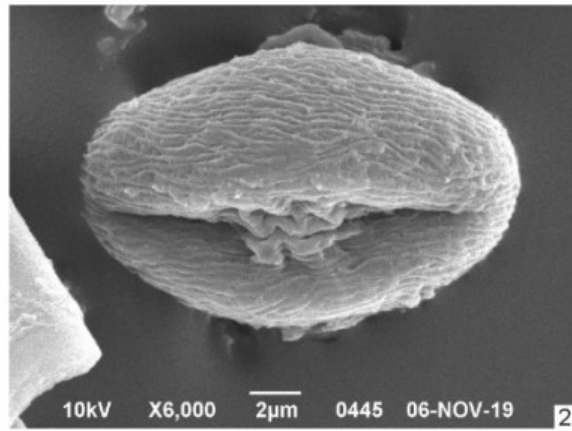
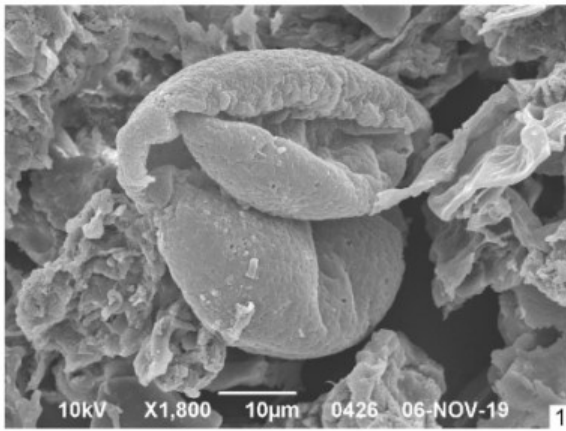
Нельзя исключать, что пыльца культурного злака попала в почву 1 из кровли близко расположенных сапропелей — в ходе процесса почвообразования и периодических паводков, размывавших пойму. Именно с уровнем кровли сапропелей в Ладоге связан вполне реальный эпизод «земледельческой активности». Пыльца *Cerealia* (ячменя и ржи) была найдена палинологом Э. А. Плешивцевой в разрезах двух скважин, пробуренных на Земляном городище (*Шутов и др.*, 2004. С. 10–13). Находки приурочены к верхним 10–15 см

отложений Ладожской трансгрессии. Возможно, население эпохи раннего металла, освоившее береговую зону в I тыс. до н. э., практиковало простейший вариант земледелия на свежей пойме, когда едва вышедшие из-под воды участки влажных сапропелей были еще свободны от сорняков и не требовали трудоемкой обработки. В ходе последующего зарастания и заболачивания пойм посевы прекращались.

В общем составе палинокомплекса верхней почвы содоминирует пыльца древесно-кустарничковых и травяно-кустарничковых растений. Среди первых господствует ольха, среди вторых — лебедовые. Следовательно, в период формирования верхов почвы 1 территория вокруг Земляного городища не была полностью облесена. Основные площади занимали, по-видимому, пойменные ольховые леса с широколиственными, ольховые топи и рудеральные группировки, образованные лебедовыми.

Доминирование лебедовых зафиксировано и в карпологической флоре, происходящей из контактной зоны почвы 1 и нижнего горизонта культурного слоя. Мари белой найдено 1366 плодов (*Чухина и др.*, 2014. С. 449; 2015. С. 226). Обилие пыльцы лебедовых в комплексе почвы 1 могло иметь разные причины, как, например: 1) пионерное заселение вышедших из-под воды палеопойм, до распространения на них лугов и древесной растительности (особенно типичное для этапов с сухим климатом — холодным или теплым); 2) интенсивное уничтожение людьми коренной растительности и замещение ее рудеральными группировками; 3) близость посевов, иногда окаймленных лебедовыми. Для окончательного решения этого вопроса необходимо проведение площадных полевых исследований с одновременным отбором палинологических и карпологических проб.

Доминирование ольхи, временами при почти полном отсутствии пыльцы хвойных деревьев, явилось для нас полной неожиданностью. Его можно было бы отнести за счет недостаточно представительной выборки материала, если бы идентичная или очень схожая картина с максимумами пыльцы ольхи не прослеживалась на низких геоморфологических уровнях (высокие поймы, низинные болота) еще на ряде опорных разрезов Северо-Запада (*Malachovskij et al.*, 1996. Р. 117; *Delusin*, 1991. Р. 38, fig. 15; и др.). Наибольший интерес для нас представляют разрезы

высокой поймы р. Назия в юго-западном Приладожье (Семёнова и др., 2009) и низинного болота Радбелик в северо-западном Приильменье (Königsson, Possnert, 1997; Königsson et al., 1997), а также разрезы берега р. Нева — Невский лесопарк и Невский пятачок (Малаховский и др., 1993).

В разрезе Радбелик (рис. 4, А) доминирование ольхи начинается сразу после смены озерного осадконакопления на болотное — когда глинистый ил перекрывается низинным торфом и исчезают находки водорослей, ранее весьма многочисленные. Для этого переломного периода там получена ^{14}C дата 2300 ± 75 BP ($449-227$ cal. BC) (Ua-3793) (Königsson et al., 1997. P. 372). Видимо, данный уровень соответствовал общему спаду воды в регионе после прорыва Невы. С ним можно синхронизировать и формирование вреза двухметровой высокой поймы в 10,5-метровую террасу р. Назия (рис. 4, В, Г).

Для последующего этапа с ольховым максимумом в Радбелике имеются три даты в интервале от 2155 ± 80 BP ($337-158$ cal. BC) (Ua-3792) до 1515 ± 70 BP ($453-598$ cal. AD) (Ua-10506). Резкое падение количества пыльцы ольхи с 40 до 10 % и начало господства пыльцы недревесной растительности начинаются после 1515 ± 70 BP (Там же).

Диаграмма Земляного городища (рис. 4, Б), с близким процентным содержанием пыльцы древесных пород (с господством ольхи) и недревесных растений (рудерального сорняка мари белой),

соответствует, по-видимому, времени перехода от этапа господства ольхи к этапу доминирования лугов и рудеральных группировок в растительном покрове. Это могло быть вызвано новым понижением уровня воды в гидрологической сети района, в результате чего произошел врез поймы в высокую пойму.

Современным аналогом палинокомплексу почвы 1 является растительность притеррасной части пойм рек лесной зоны Восточной Европы и, в частности, современных пойменных лесов в низовьях Волхова (Сорокина, 2008. С. 42–55). Притеррасная пойма, по Н. В. Павлову, избыточно увлажнена, служит средоточием мелких озерков, изобилует болотными образованиями, а на осокowych трясинах встречаются заросли ольхи черной (*Alnus incana*) или белой (*A. glutinosa*) (Павлов, 1948. С. 96–97). Для верхнего горизонта почвы 1 Земляного городища такая реконструкция подтверждается результатами СЭМ-исследований: в пробе, взятой из этого горизонта, обнаружены диатомовые водоросли и стоматоцисты золотистых водорослей. По соседству, на более дренированных территориях, существовали ольховые леса с примесью широколиственных пород.

На высоких террасах господствовала хвойная растительность (данные по городищу Любша и Ивановскому торфянику) (Петров и др., 2018. С. 417, рис. 3; 2019). Именно растительность высоких террас с господством хвойных, продуцирующих огромное количество пыльцы, отражена на

Рис. 3. Земляное городище Старой Ладоги. СЭМ-микрографии пыльцевых зерен, разрушенных чередованием субаэриальных и субаэриальных условий, с морфологическими патологиями (уродство, недоразвитие) из-за переувлажнения почв щелочными водами. Верхняя (1–4, 6–8) и нижняя (5) погребенные почвы: 1 — пихта (*Abies sp.*), зерно с мешками разного размера и формы ($\times 1200$), рядом — скопление недоразвитой пыльцы; 2, 4 — розоцветные (*Rosaceae*): 2 — скульптура нормально развита, 4 — скульптура сглажена ($\times 6000$; $\times 2500$), 3 — дикорастущий злак (*Poaceae*) вместе с двумя полиадами невызревшей мелкой пыльцы, в одной из них представлена карликовая пыльца ольхи (*Alnus sp.*) (?) ($\times 2200$); 5 — пыльцевое зерно липы (*Tilia sp.*) с не полностью вызревшей, сглаженной скульптурой, вместе с чистой и диатомовой водорослью ($\times 2200$); 6 — неопределенное пыльцевое зерно с порами разной формы и величины ($\times 2000$); 7–8 — подорожник ланцетолистный (*Plantago lanceolata L.*) с ненормально развитыми апертурами разного размера и формы ($\times 600$; $\times 220$)

Fig. 3. Zemlyanoye Gorodishche of Staraya Ladoga. SEM-microphotographs of pollen grains, destroyed due to the alteration of subaerial and aquatic conditions, and with morphological abnormalities (deformity, immaturity) caused by soil waterlogging with alkaline waters. Upper (1–4, 6–8) and lower (5) buried soils: 1 — fir (*Abies sp.*), grain with saccus of different size and form ($\times 1200$), nearby — polyads of underdeveloped pollen; 2, 4 — pollen grains of rose family (*Rosaceae*): 2 — normally developed sculpture, 4 — smoothed sculpture ($\times 6000$; $\times 2500$), 3 — wild grasses (*Poaceae*) with two polyads of undersized immature pollen, in one, dwarf pollen of alder (*Alnus sp.*) (?) is discernible ($\times 2200$); 5 — pollen grain of linden (*Tilia sp.*) with smoothed underdeveloped sculpture neighbouring a cyst and a diatom ($\times 2200$); 6 — unidentified pollen grain with pores of different size and form ($\times 2000$); 7–8 — ribwort plantain (*Plantago lanceolata L.*) with abnormally developed apertures of different size and form ($\times 600$; $\times 220$)

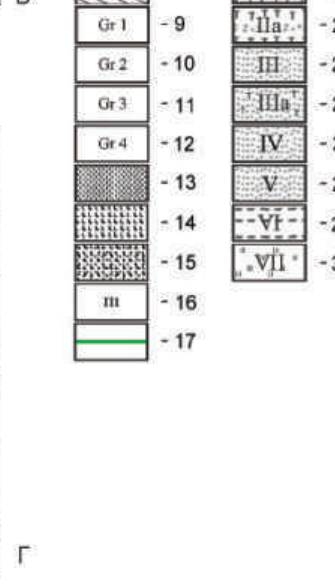
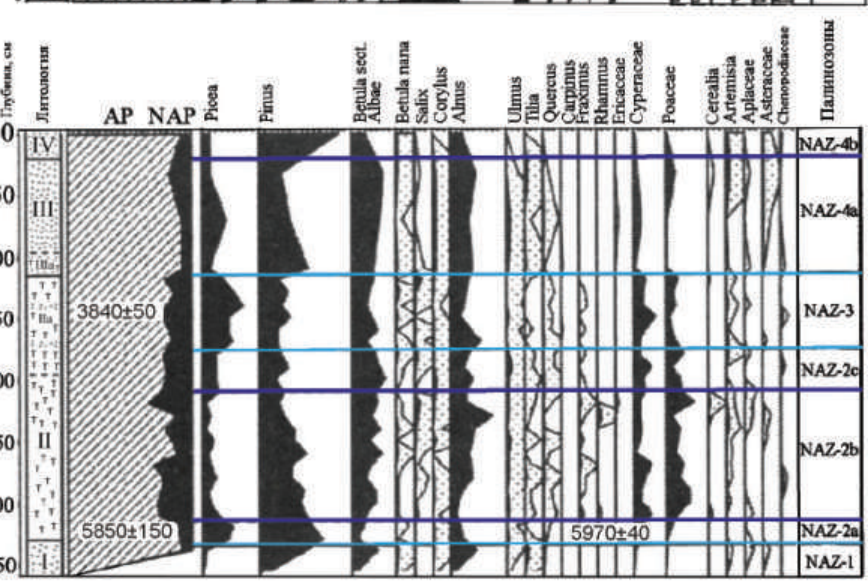
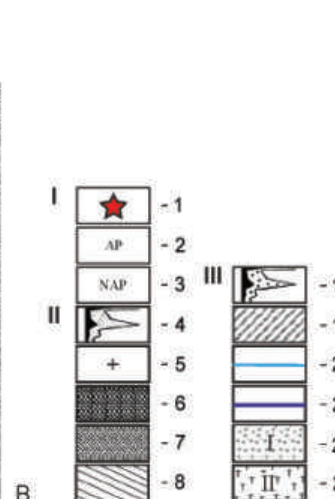
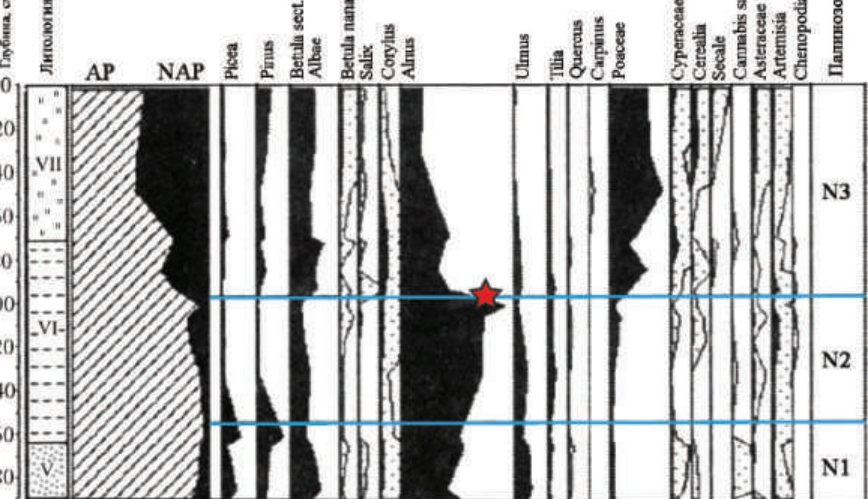
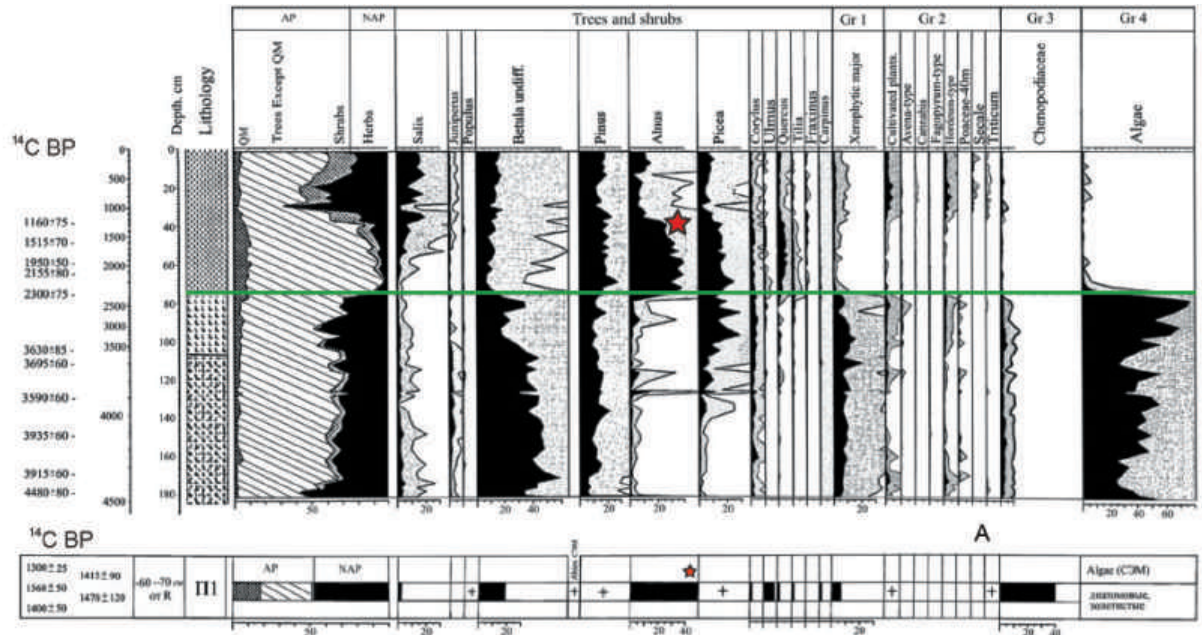

Рис. 4. Спорово-пыльцевые диаграммы отложений высоких пойм озер Ладожского и Ильмень с максимумами пыльцы ольхи (*Alnus sp.*) (≈ 2400 – 1400 л. н.) (А, Б, В) и высокой террасы р. Назия периода Ладожской трансгрессии без максимума пыльцы ольхи (Г): А — низинное болото Радбелик (Приильменье), с ^{14}C датировками (Königsson, Possnert, 1997. С. 79–81); Б — Земляное городище Старой Ладоги, кровля погребенной почвы (П1), вмещающей раннесредневековые культурные остатки и уголь с ^{14}C датировками ≈ 1500 – 1300 л. н.; В — Назия 2, разрез 2-метровой высокой поймы, врезанной в отложения 10,5-метровой террасы (Юго-Западное Приладожье) (Семёнова и др., 2009. С. 548); Г — Назия 1, разрез 10,5-метровой террасы с осадками Ладожской трансгрессии, перекрывающими торфяник с остатками деревьев и ^{14}C датировками (Там же). Условные обозначения: I (1-3) — общие для всех диаграмм: 1 — уровень корреляции трех диаграмм (А, Б, В): конец максимума пыльцы ольхи и начало возрастания количества пыльцы травяно-кустарничковых растений (начало замещения пойменных лесов с примесью широколиственных пород и притеррасных ольховых топей пойменными лугами); 2 — показатель степени облесенности территории: процент пыльцы древесных пород и кустарников (AP); 3 — показатель степени распространения безлесных группировок в регионе: сумма пыльцы травяно-кустарничковых растений (NAP); II (4-17) — для диаграмм А и Б: 4 — процент пыльцы каждого таксона и его содержание, увеличенное в 10 раз; 5 — находки пыльцы в количестве 1 % и менее; 6–8 — дифференциация AP (Königsson, Possnert, 1997): 6 — сумма пыльцы термофильных широколиственных древесных пород (QM), 7 — сумма пыльцы кустарников (Shrubs), 8 — сумма пыльцы прочих древесных пород (Trees except QM); 9–12 — различные группы травяно-кустарничковых растений, выделенные на опубликованной диаграмме разреза Радбелик (Königsson, Possnert, 1997. С. 79–81): 9 (Gr 1) — группа 3A:b — сумма пыльцы наиболее ксерофильных растений: можжевельника (*Juniperus sp.*), подорожника ланцетолистного (*Plantago lanceolata L.*), горца птичьего (*Polygonum aviculare*), тополя (*Populus*) и др., из которых в почве 1 Старой Ладоги определены подорожник и тополь, 10 (Gr 2) — группа 3C: сумма пыльцы злаков (*Poaceae*) размером более 40 мк, относимых к группе культурных злаков (*Cerealia*), и пыльца отдельных культурных растений — овса (*Avena sativa*), хмеля (*Humulus*), гречихи (*Fagopyrum-type*), ячменя (*Hordeum-type*), ржи (*Secale*), пшеницы (*Triticum*), из которых в почве 1 Старой Ладоги определено пыльцевое зерно пшеницы, 11 (Gr 3) — группа 3A:a — умеренно ксерофильные растения, из которых в почве 1 Старой Ладоги, Назии 1 и Назии 2 определена пыльца лебедовых (*Chenopodiaceae*), 12 (Gr 4) — группа 4A: водоросли (*Algae*), из которых в почве 1 Старой Ладоги задокументированы (с помощью СЭМ) находки диатомовых и цист золотистых водорослей; 13–17 — литология: 13 — низинный торф, 14 — глинистый ил, 15 — опесчаненный глинистый ил, 16 — Старая Ладога, верх верхней погребенной почвы, подстилающей раннесредневековый культурный слой, 17 — палинологический / литологический рубеж, соответствующий концу озерной трансгрессии в низинном торфянике Радбелик (≈ 2400 л. н.) и началу максимума пыльцы ольхи на диаграммах А, Б, В; III (18-30) — для диаграмм В и Г: 18 — процент пыльцы каждого таксона и его содержание, увеличенное в 10 раз; 19 — недифференцированная сумма пыльцы древесных пород (AP) (включая термофильные древесные породы (QM), кустарники (Shrubs) и прочие древесные); 20 — границы палинозон; 21 — границы палиноподзон; 22–30 — литология: 22 — пески мелкозернистые монолитные, 23 — торф с древесными остатками, 24 — торф с прослойками песка, 25 — песок с линзами торфа, 26 — пески тонкозернистые, 27 — песок гумусированный с корнями растений, 28 — мелко- и среднезернистый песок, 29 — суглинки, 30 — современная почва. *Примечание:* на диаграммах А, Б, В и Г показана лишь часть определенных авторами таксонов

Fig. 4. Pollen diagrams of deposits from high floodlands of the Ladoga and Ilmen lakes with alder pollen (*Alnus sp.*) maximum in the span of ≈ 2400 – 1400 BP (A, B, B) and the high terrace of Naziya river formed during Ladoga transgression, without the maximum of alder pollen (Г): А — lowland Radbelik fen (Lake Ilmen region) with ^{14}C dates (Königsson, Possnert, 1997. С. 79–81); Б — Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga, the top of the buried soil (П1) containing early mediaeval cultural remains and charcoal with ^{14}C dates of ≈ 1500 – 1300 BP; В — Naziya 2, section of 2-metre high flood plain cut into deposits of 10.5-metre terrace (south-west Ladoga region) (Семёнова и др., 2009. P. 548); Г — Naziya 1, section of 10.5-metre terrace with deposits of the Ladoga transgression roofing a peatbog with remains of trees ^{14}C dated (*Ibid.*). Legend keys: I (1-3) — common for all the diagrams: 1 — level correlated in three diagrams (A, B, B): end of the alder pollen maximum and beginning of the increase of the quantity of the pollen of herbs (beginning of the replacement of flood plain forests with admixture of the broadleaf species and alder fens by floodplain meadows); 2 — palynological indicator of the afforestation of the area: pollen percentage of trees and shrubs (AP); 3 — palynological indicator of the treeless societies distribution: sum of the grass pollen and spores (NAP); II (4-17) — in diagrams A and B: 4 — pollen percentage of each taxon and its ten times magnification; 5 — finds of pollen in quantity of 1% or less; 6–8 — differentiation of AP (Königsson, Possnert, 1997): 6 — sum of the pollen of thermophilic broadleaf species (QM), 7 — sum of the pollen of shrubs, 8 — sum of the pollen of other tree species (Trees except QM); 9–12 — different groups of the herb and shrub species identified in the published non-adapted diagram of the Radbelik section (Königsson, Possnert, 1997. P. 79–81): 9 (Gr 1) — group 3A:b — sum of the pollen of the most xerophilous plants: juniper (*Juniperus sp.*),

ribwort plantain (*Plantago lanceolata* L.), birdweed (*Polygonum aviculare*), poplar (*Populus*), etc., of which, in soil 1 of Staraya Ladoga, only plantain and poplar has been identified; 10 (Gr 2) — group 3C: sum of the pollen of grasses (*Poaceae*) with the size exceeding 40 µm attributed as the group of cultivated cereals (*Cerealina*) and pollen of particular cultivated plants — oats (*Avena sativa*), hop (*Humulus*), buckwheat (*Fagopyrum-type*), barley (*Hordeum-type*), rye (*Secale*), and wheat (*Triticum*), of which only pollen grain of wheat has been identified in soil 1 of Staraya Ladoga, 11 (Gr 3) — group 3A:a: moderately xerophilous plants, pollen of the goosefoot family (*Chenopodiaceae*) has been identified in soil 1 of Staraya Ladoga, Naziya 1 and Naziya 2, 12 (Gr 3) — group 4A: algae (*Algae*), of which SEM analysis has recorded finds of diatoms and chrysophycean cysts in soil 1 of Staraya Ladoga; 13–17 — lithology: 13 — fen, 14 — clayey silt, 15 — sandy clayey silt, 16 — Staraya Ladoga, top of the buried soil underlying the early mediaeval cultural layer, 17 — palynological/lithological boundary corresponding to the end of the lake transgression at the lowland Radbelik peatbog (≈2400 BP) and the beginning of the alder maximum in the diagrams A, Б, В; III — in diagrams В and Г: 18 — pollen percentage of each taxon and its ten times magnification; 19 — non-differentiated sum of the arboreal pollen (AP) (including thermophilous broadleaf species (QM), shrubs and other woody species); 20 — boundaries of the pollen zones; 21 — boundaries of the pollen subzones; 22–30 — lithology: 22 — monolithic fine-grained sands, 23 — peat with wood remains, 24 — peat with intercalations of sand, 25 — sand with lenses of peat, 26 — fine-grain sands, 27 — humic sand with plant roots, 28 — fine- and medium-grain sand, 29 — loams, 30 — modern soil. Note: Adapted diagrams A, Б, В and Г include only some of the identified taxa

диаграммах донных отложений Ладожского озера (Левковская, 1967; Савельева и др., 2017. С. 300, рис. 1; Sapelko et al., 2019. P. 72).

Рассмотрение вопроса, почему максимум пыльцы ольхи не был выявлен в Старой Ладоге раньше, не вмещается в рамки данной статьи и требует отдельного анализа. Забегая вперед, можно сказать: в подавляющем большинстве случаев это связано с неполнотой геологической летописи разрезов, а также с тем, что пробы из отложений высокой поймы, по разным причинам, остались непроанализированными (Шитов и др., 2004. С. 10, рис. 2; 2005. С. 10–11, рис. 2; 2007. С. 48, рис. 1; 2008. С. 5–9, рис. 1, 2; Александровский и др., 2010. С. 49–51, 58–59, рис. 4). Авторы планируют вернуться к этому сюжету в следующей работе.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что климат периода формирования почвы 1 был теплее современного (южно-таежного). Об этом свидетельствуют максимумы пыльцы термофильных широколиственных пород (вяза, липы, дуба и орешника), совпадающие с максимумами ольхи на трех коррелируемых диаграммах (рис. 4, А–В). Суммарное содержание пыльцы широколиственных в кровле почвы 1 (24 %) значительно выше, чем в пробах с поверхности современных пойм (6–9 %) (Шитов и др., 2008. С. 12; Delusin, 1991. P. 19, табл. 2).

Климат рассматриваемого этапа был более континентальный, чем современный, о чем свидетельствуют находки пыльцевого зерна и микроостатка древесины пихты сибирской (рис. 3, 1; рис. IV.1, 1). Ареал пихты в настоящее время приурочен к более восточным и северо-восточным

районам с континентальным климатом (приложение IV, рис. IV.2, 1). Это предполагает более высокие летние температуры, более суровые зимы и меньшее количество осадков.

О высоких летних температурах свидетельствуют и данные карплогического анализа, выявившего в древнейшем культурном слое Ладоги многочисленные находки семян проса (*Panicum miliaceum*). В этой связи М. Аалто и Х. Хейнайоки предположили, вслед за В. А. Петровым, что просо культивировалось на месте (Петров, 1945; Аалто, Хейнайоки, 1997. С. 37). На это последовали возражения со стороны М. В. Шитова и соавторов, отметивших, что просо — культура, не типичная для южно-таежной зоны, что оно вызревает южнее 56° с. ш. и возделывается на каштановых и черноземных почвах степной зоны (Шитов и др., 2004. С. 13).

Анализ образцов из раскопа А. Н. Кирпичникова 2010 г. подтвердил правоту традиционной точки зрения. В отмытках обнаружались «...цветковые чешуи, в которые были заключены зерновки проса. Наличие цветковых чешуй свидетельствует о том, что просо выращивалось непосредственно в окрестностях Ладоги, а не было привезено из другой местности, так как предметом торговли... должно было выступать уже обмолоченное зерно» (Чухина и др., 2014. С. 245). Так что термофильный злак, действительно, произрастал в Поволховье. Но скорее всего его культивирование связано не с периодом формирования почвы 1, а с малым климатическим оптимумом раннего средневековья, начало которого приходится на VIII в. (Арсланов и др., 2020. С. 13).

*Геоботанический стресс
в период формирования кровли почвы 1*

Подавляющее большинство пыльцевых зерен из почвы 1, зафиксированных на СМГ, представлено недозревшими, уродливыми или карликовыми формами. Так, на рис. 3 из восьми представленных форм нормально развитым является лишь пыльцевое зерно розоцветного (рис. 3, 2). Пыльцевое зерно пихты (рис. 3, 1) уродливо, имеет мешки разной формы и размера, нет четкого разделения щита и гребня. Зерно дикорастущего злака (рис. 3, 3) почти лишено скульптуры, а рядом с ним на СМГ видны две нераспавшиеся из-за невызревания полиады карликовых неопределимых зерен. У пыльцевого зерна розоцветного струйчатой скульптурой (рис. 3, 4) недоразвиты апертуры (поры). У неопределимой формы на рис. 3, 6 все поры имеют неодинаковые размеры. Два пыльцевых зерна подорожника (рис. 3, 7–8) имеют разное количество пор, причем различна и их форма, и ширина оконтуривающих их ободков.

Особенно плохо развита пыльца, представленная на рис. 2, В, Г, где доминируют контуры пыльцевых зерен с нечеткой скульптурой. У формы на рис. 2, В, деталь 5, напоминающей уродливое пыльцевое зерно орешника или березы, не развит протопласт (то есть оно стерильно). Исследования на световом микроскопе показали, что количественно в комплексе доминирует пыльца ольхи и лебедовых, в основном недоразвитая, в том числе в виде скоплений в нераспавшихся полиадах (которые палинологи не всегда включают в подсчет).

Все палиноморфологи знают, что в каждом пыльнике растений, даже существующих в оптимальных условиях, можно встретить морфологически атипичные формы. Это наглядно иллюстрируют, например, публикации А. Е. Пожидаева (*Pozhidaev*, 1998). Поэтому имеющиеся в литературе попытки использовать единичные находки атипичных пыльцевых зерен в пыльниках растений для индикации состояний природной среды (*Дзюба*, 2006) вряд ли можно признать корректными.

На основе представительных статистических данных о связи морфологической вариабельности пыльцы в отложениях разного возраста с различными экологическими факторами было установлено, что палиноиндикаторами природной среды являются палинотератные комплексы отложений, в которых наблюдаются различ-

ные процентные соотношения пыльцевых зерен: 1) нормально развитых; 2) карликовых; 3) уродливых; 4) невызревших форм (*Levkovskaya*, 1999; *Левковская*, 2017а; 2017б; *Левковская, Боголюбова*, 2011; *Левковская и др.*, 2014). Спорово-пыльцевые диаграммы, отражающие эти соотношения, позволяют дифференцировать начальные и конечные этапы межледниковий и межстадиалов и их климатические оптимумы, а также геоботанические катастрофы и стрессы (*Левковская и др.*, 2005. С. 126, рис. 1).

В условиях резкого дефицита температур — в ледниковых отложениях (*Ананова*, 1966), в тундрах (*Левковская*, 1973; *Васильчук*, 2005) или в горах, на верхних пределах цветковых растений (*Levkovskaya et al.*, 2012), формируется комплекс с господством невызревших, карликовых форм с утонченной скульптурой.

При резком дефиците влаги — данные по поверхностным пробам из Южной Аравии (*Левковская*, 2017б) и некоторым горизонтам отложений из Костёнок (*Левковская*, 2017б; *Levkovskaya et al.*, 2015) — доминантами являются невызревшие, но объемные формы. В комплексах проб солончаков господствуют формы, покрытые коллоидом, похожие на минералы, но с просвечивающими изнутри зернами пыльцы.

Уродливая пыльца в природных комплексах не является главным патологическим признаком. В современных пробах единичные уродливые формы чаще встречаются в краевых частях ареалов, особенно там, где сильны процессы гибридизации (древовидных и карликовых берез и т. д.). Находка уродливой пыльцы пихты в почве 1 (рис. 2, Г, деталь 9), возможно, свидетельствует о проходившей тут границе ареала этого растения.

Доминирование уродливых форм с самыми разнообразными отклонениями любого признака от палиноморфологических норм, или стерильных форм с отсутствием протопласта, типично для проб в условиях высокого радиоактивного заражения почв (Чернобыль) (*Левковская и др.*, 2011; *Levkovskaya*, 2012).

Формы из почвы 1 Старой Ладоги, задокументированные на СМГ, являются индикаторами палинотератного комплекса особого типа. Здесь мы наблюдаем не единичные, а массовые проявления патологического развития пыльцы: у самых различных таксонов преобладают не мелкие, но уродливые или недозрелые пыльцевые зерна, либо

встречаются полиады с еще карликовой пылью. Скорее всего, это результат воздействия химически активных вод на пыльцевые зерна в процессе их формирования.

В данном случае наиболее вероятно, что причиной геоботанического стресса являлось *формирование комплекса в условиях избыточно увлажненных почв с щелочной реакцией среды* (рН более 7). О последнем свидетельствуют находки диатомовых водорослей и пыльцевого зерна урути, живущей в водах, богатых кальцием (Белавская, 1981. С. 230). В этой связи можно отметить, что, к примеру, пыльцевые зерна карликовой березы в Ленинградской области деформированы в 80 % случаев, и связано это именно с эдафическими условиями (переувлажнением почв на болотах, где произрастает данный вид) (Куприянова, Алешина, 1978. С. 64).

Геоботанический стресс, наблюдаемый для растительного комплекса почвы 1, также был обусловлен эдафическим фактором — сильной заболоченностью и щелочной реакцией водной среды. Приведенные СЭМ-данные о стрессовом состоянии репродуктивной сферы многих растений снижают до минимума возможность занятий земледелием на данном участке в период формирования гумусированного горизонта почвы 1.

Проблема генезиса почвы 1

Результаты СЭМ-исследований привносят качественно новую информацию в дискуссию о генезисе почвы 1, подстилающей раннесредневековый культурный слой. Эту почву на Земляном городище первым выделил В. И. Равдоникас. В его стратиграфической схеме она значится, как «Горизонт Ж» — «погребенная луговая заболоченная почва с включениями вивианита» (Равдоникас, 1950. С. 8). Сейчас почва 1 на территории Земляного городища трактуется разными авторами как:

— палеопочва сложного лесолугового генезиса, сформировавшаяся на гумусированных озерных отложениях конца Ладожской трансгрессии (Александровский и др., 2009. С. 685; 2010. С. 45–48; 2018. С. 100–103). В верхней части ее дифференцируется наиболее интенсивно окрашенный пахотный горизонт PU мощностью около 12 см (см. приложение I);

— погребенная гидроморфная палеопочва, нижняя часть которой представляет собой автохтонную ненарушенную дерново-глебовую почву. Верхняя часть — турбированная почва, результат механического перемешивания автохтонной

почвы и начавшего накапливаться раннесредневекового культурного слоя. Описания указанного горизонта («верхней части почвы», по М. В. Шитову, и «пахотного слоя», по А. Л. Александровскому) практически совпадают между собой, за исключением характеристики нижнего контакта — ровного, по А. Л. Александровскому (Александровский и др., 2010. С. 57), и неровного, по М. В. Шитову (Шитов и др., 2007. С. 50). Земледелие на этой почве М. В. Шитов считает невозможным;

— отложения, образовавшиеся на территории выгона или стойловых площадок скота (чем и объясняется большое количество фосфора в составе почвы). Территория Земляного городища не могла использоваться по-другому в силу повышенной гидроморфности (Сперанская и др., 2017. С. 984–985)¹⁰.

Проведенные СЭМ-исследования позволяют высказать новую точку зрения на проблему: *гумусированный горизонт (верхняя часть профиля) почвы 1 сформировался в условиях переувлажненной поймы*.

Аргументами в пользу данной гипотезы служат задокументированные на СМГ изображения общего вида мацератных комплексов. В ходе анализа СМГ, изготовленных по материалам одной и той же пробы из почвы 1, выявилось три совершенно разных типа сочетаний находок пыльцы и микроостатков растений, которым соответствовали различные экологические условия.

Тип 1 представляет собой сочетание цист водорослей, обломков диатомей и ряда неопределимых микроостатков (рис. 2, А). Остатки водной растительности доминируют. Экологическая обстановка типа 1 реконструируется как водоем с многочисленными остатками водорослей.

Тип 2 отражает господство неопределимой (из-за плохой сохранности или недоразвития) пыльцы (рис. 2, В). Видны контуры недоразвитой пыльцы, похожей на пыльцу березы или орешника (рис. 2, В, деталь б), вяза (?) и др. Экологическая обстановка типа 2 — субаэральные условия. Об этом свидетельствуют находки пыльцы подорожника ланцетолистного и отсутствие диатомей. Возможно, здесь отражен начальный этап существования вышедшей из-под воды влажной поймы, когда все растения на ней продуцировали огромное количество невызревшей и уродливой пыльцы.

¹⁰ Данная точка зрения систематически не изложена и в указанной публикации лишь упомянута.

Тип 3 фиксирует резкое доминирование в комплексе древесных микроостатков, часто не имеющих диагностирующих признаков (рис. 2, Г). Присутствует пыльца подорожника (рис. 2, Г, деталь 8) и древесные микроостатки, часть которых поддается определению (приложение IV, рис. IV.1, 1–4). Экологическая обстановка типа 3 отражает этап интенсивного уничтожения людьми древесной растительности, на СМГ видны сотни древесных микроостатков. Это согласуется с картиной обилия древесной щепы и навоза, визуальнo зафиксированной в процессе раскопок нижних горизонтов культурного слоя практически по всей территории Земляного городища (Петров, 1945. С. 47, рис. 24).

Смещение в единой пробе разноэкологических и, возможно, разновозрастных микрофрагментов требует объяснений. Разумеется, тут могло сыграть роль механическое перемешивание, в ходе древней пахоты или иной деятельности людей. Однако стоит иметь в виду, что отбор пробы произведен из слоя с визуальнo ненарушенной структурой, без следов перемешивания. Кроме того, следов механических повреждений пыльцы на СМГ не обнаружено.

Самым вероятным фактором, определившим совместное залегание микрофрагментов различных растительных комплексов, является пойменно-паводковый генезис осадков, обусловивший быстрые и частые смены условий обводнения/необводнения и супермикролинзовидную слоистость. Соответственно в пробе наблюдается чередование отложений, сформированных в аэральнoх/субаэральнoх условиях, повышенной/пониженной увлажненности. Последнее объясняет и сравнительно слабую насыщенность комплекса пыльцой. Быстрая смена субаквальнoх/субаэральнoх условий является наиболее вероятной причиной разрушения пыльцы и плодов в отложениях (Петров, 1945; Березина, Тюремнов, 1973. С. 5–8).

Заключение

Все проблемы, затронутые в настоящей статье, являются дискуссионными. В литературе не существует однозначных ответов на вопросы о хронологии Ладожской трансгрессии, генезисе ладожских палеопочв, развитии земледелия в Поволховье. Излагая свою точку зрения, авторы надеются на серьезную и плодотворную дискуссию по всем указанным проблемам.

В процессе наших исследований выявлены два ценных источника информации о палеогео-

графических событиях в Поволховье. Первым из них является новый палинологический маркер, позволяющий коррелировать удаленные разрезы, расположенные на низких геоморфологических уровнях. Это максимум пыльцы ольхи, начало которого приходится на ≈ 2400 ^{14}C ВР, а окончание — на ≈ 1500 – 1400 ^{14}C ВР.

Корреляции удаленных разрезов на основе этого маркера позволяют обосновать синхронность окончания Ладожской трансгрессии в южном Приладожье (данные по разрезам Назия 2, Невский лесопарк и Невский пятачок) и резкого спада воды в северо-западном Приильменье (данные по разрезу Радбелик). На низких геоморфологических уровнях это событие датируется ≈ 2400 ^{14}C ВР. На высоких уровнях спад воды, конечно, произошел раньше.

Верхний горизонт почвы 1 на Земляном городище, с датировками ≈ 1400 – 1300 ^{14}C ВР, коррелируется с этапом, когда господство ольхи уже заканчивалось, а на диаграммах резко увеличился процент пыльцы недревесных растений. Последнее свидетельствует о начале распространения лугов на месте ольховых топей.

Второй новый источник информации получен нами в ходе СЭМ-исследований благодаря новому подходу к подготовке СЭМ-столиков, апробированному ранее на материалах шести памятников палеолита. В настоящее время он впервые применен к исследованиям отложений неолита — раннего средневековья. В результате удалось получить не только коллекцию СЭМ-микрографий различных таксонов (диатомовых водорослей, цист золотистых водорослей, микроостатков древесин, пыльцевых зерен с разными типами морфологических патологий), но и микрографии общих видов фрагментов палинокомплексов.

Анализ этих данных показал, что кровля почвы 1, подстилавшей раннесредневековый культурный слой Земляного городища, целиком состоит из микрофрагментов отложений, сформировавшихся в различных экологических условиях — субаквальнoх и субаэральнoх (что типично для пойм). На пойменный генезис указывают находки диатомей и стоматоцист золотистых водорослей, а также данные о преобладании атипичной и невызревшей пыльцы большинства таксонов из-за переувлажнения грунтов щелочными водами. Таким образом, эдафические условия,

существовавшие в период формирования кровли почвы 1 (то есть ранее 1400 ВР), были неблагоприятны для репродуктивной сферы большинства растений. Причиной служила переувлажненность отложений, вызванная, возможно, очередной осцилляцией Ладоги, наступившей уже в период регрессии.

На этой основе нами сформулирована гипотеза о пойменно-паводковом генезисе отложений указанной гидроморфной почвы. Отметим, что пойменный характер отложений подразумевает и неполноту заключенной в них информации по причине неизбежных, регулярных размывов.

В последнее время перед исследователями остро встал вопрос: почему в кровле почвы 1 на Земляном городище, идентифицированной как пахотный горизонт (Александровский и др., 2010. С. 49, 58–59), не обнаруживаются ни пыльца, ни фитолиты культурных растений, хотя встречены их плоды (Чухина и др., 2015; Сперанская и др., 2017)? Не менее актуален и другой вопрос: была ли Старая Ладога исключительно портовым, торговым центром, получавшим продовольствие извне, или ее жители обеспечивали себя сами, в том числе и продуктами земледелия?

На первый вопрос в настоящее время можно дать взвешенный ответ. Вплоть до середины I тыс. н. э. территория Земляного городища представляла собой переувлажненную пойму, подсыхшую лишь в третьей четверти I тыс. н. э. в связи с изменениями климата, обусловившими резкое понижение уровня воды в гидрологической сети Северо-Запада (ср.: Фураев, 2002. С. 71). После осушения площадки, в период ее расчистки под хозяйственные нужды, она, конечно, должна была подвергнуться пожогу, корчевке и — вполне возможно — распашке. До сих пор решающим аргументом в пользу признания данного участка старопашотным служили нечеткие следы борозд, зафиксированные на поверхности сизовато-серых сапропелей, подстилающих темный почвенный горизонт (см.: приложение I, рис. I.3). Однако практически полное отсутствие в «пахотном слое» пыльцы и фитолитов культурных злаков все же заставляет нас считать эту распашку недолговременным эпизодом (ср.: Чухина и др., 2015. С. 228). Вопрос о возможной связи обнаруженных слабых свидетельств земледельческой активности не с серединой I тыс. н. э., а с эпохой раннего металла можно пока оставить открытым.

Второй вопрос также требует дополнительного исследования. Отсутствие посевов на территории самого Земляного городища вовсе не означает их отсутствия в Ладожской округе. Культивирование злаков началось в регионе как минимум с эпохи раннего металла и вряд ли прекратилось в средневековье. Но в разные периоды оно практиковалось на разных типах почв и различных высотных отметках, в силу изменений экологической обстановки. Вероятно, площадка Земляного городища была наиболее пригодной для пойменного земледелия именно в эпоху раннего металла, когда этот участок только-только вышел из-под воды и еще не превратился в болото, поросшее ольхой.

В эпоху раннего средневековья наиболее пригодными для земледелия в округе Ладоги являлись территории флювиогляциальных гряд, сложенных песчанистыми суглинками. Такие участки имеются на правом берегу Волхова, в районе устья р. Любша и д. Чернавино, а также на левом берегу, в районе урочища Победище (Шитов и др., 2007. С. 37). Отметим, что на Любшанском городище, на высоко расположенной плакорной почве песчаного состава, обнаружены вполне исчерпывающие признаки земледельческой активности, включая пыльцу культурных злаков, фитолиты, следы пожаров (подсеки) и четкие борозды древней пахоты на материке (Петров и др. 2018; Миляев, 2018. С. 220–221, рис. 5.9). Поиск в Ладожской округе свидетельств пойменного земледелия второй половины I тыс. н. э. также представляется перспективным.

Раннесредневековый культурный слой на Земляном городище начал откладываться именно в тот период, когда в его ближайшей округе произошло сокращение площадей ольховых лесов с широколиственными породами и ольховых топей. Заросли кустарника стали сменяться безлесными группировками, удобными для земледелия. Это было следствием понижения воды в гидрологической сети, отмечавшегося во многих районах Северо-Запада в третьей четверти I тыс. н. э. В Старой Ладоге к этому времени относится формирование Чернавинской террасы с содоминированием пыльцы древесных и травяно-кустарничковых растений и датировкой ≈1300 ВР в основании разреза (Шитов и др., 2005. С. 7–10). Появление участков свежей поймы должно было стимулировать развитие пойменного земледелия, являвшегося куда менее трудоемким, чем подсечно-огневое.

В начальные фазы регрессий водоемов для посевов на свежей пойме практически не требовалось проведения сложных работ по рыхлению почвы (особенно на опесчаненных грунтах), а также по внесению удобрений, поливу и прополке. Об этом убедительно свидетельствует обобщение материалов по трем фазам неолитического земледелия Восточной Прибалтики (Левковская, 1987; Лозе, 1988; Левковская, Тимофеев, 2004; Левковская и др., 2019; Gross, 1939; Jakubowska, 1997; Rimantienė, 1999; Loze, 2000; Kriiska, 2003; Levkovskaya, 2011). Но именно легкость обработки земли на влажной пойме, еще свободной от растительности, служит причиной того, что выделить достоверные признаки пойменного земледелия всегда стоит большого труда. Отсутствуют

максимумы пыльцы сорных растений на спорово-пыльцевых диаграммах; отсутствуют зачастую и наконечники орудий для рыхления/вспашки почвы в орудийном наборе. Поэтому наличие даже единичных находок пыльцы культурных злаков (в том числе на Земляном городище) является важным показателем, как минимум, требующим внимания и дальнейшего исследования.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность канд. геол.-минерал. наук Михаилу Вячеславовичу Шитову, д-ру геол.-минерал. наук, профессору Андрею Алексеевичу Никонову, канд. геол.-минерал. наук Эльзе Сергеевне Плешивцевой за ценные советы и предоставленные научные материалы.

Аалто, Хейнайоки, 1997 — Аалто М., Хейнайоки Х. Растительность и окружающая среда Старой Ладogi в эпоху викингов // Древности Поволжья / Ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 37–38.

Александровский, 2012 — Александровский А. Л. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // Ладoga и Ладожская земля в эпоху Средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 3. С. 59–61.

Александровский, Александровская, 2018 — Александровский А. Л., Александровская Е. И. Результаты исследований культурного слоя и почв на Варяжской улице в Старой Ладoge // Новое в археологии Старой Ладogi, материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIII). С. 168–180.

Александровский, Долгих, 2012 — Александровский А. Л., Долгих А. В. Почвенно-географические исследования в Старой Ладoge в 2010 г. // Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 69–78.

Александровский и др., 2009 — Александровский А. Л., Арсланов Х. А., Давыдова Н. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Кирпичников А. Н., Кузнецов Д. Д., Лавенто М., Лудикова А. В., Носов Е. Н., Савельева Л. А., Сапелко Т. В., Субетто Д. А. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России // Доклады РАН. М., 2009. Т. 424, № 5. С. 682–687.

Александровский и др., 2010 — Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С. Исследования почв и

отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран 1 / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. СПб.: Ломоносовъ, 2010. С. 43–61.

Александровский и др., 2018 — Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Александровская Е. И., Скрипкин В. В. Почвообразование на территории Старой Ладogi в неолите и раннем средневековье // Записки ИИМК. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 18. С. 99–104.

Ананова, 1966 — Ананова Е. Н. О недоразвитой пыльце в плейстоценовых отложениях // БКИЧП. 1966. № 32. С. 18–22.

Арсланов и др., 2020 — Арсланов Х. А., Новенко Е. Ю., Сапелко Т. В., Дергачев В. А., Носевич Е. С., Максимов Ф. Е., Петров А. Ю., Григорьев В. А., Денисенков В. П., Левченко С. Б. Короткопериодные изменения климата на Северо-Западе России за последние 2300 лет и их корреляция с изменениями солнечной активности // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Ред. Н. Д. Бутова, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова. СПб.; Самара: Порто-Принт, 2020. С. 12–14.

Атлас древесины..., 1992 — Атлас древесины и волокон для бумаги / Отв. ред. Е. С. Чавчавадзе. М.: Ключ, 1992. 336 с.

Банк... — Банк палеоботанических и палинологических данных из археологических памятников территории бывшего СССР [The Bank of Paleobotanical and Palynological Findings from Archaeological Sites of the Former USSR Territory (BARPP)]. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.gml.spb.ru (дата обращения: 30.09.2020).

- Баринова и др., 2006 — Баринова С. С., Медведева Л. А., Анисимова О. В. Биоразнообразие водорослей — индикаторов окружающей среды. Тель-Авив: PiliesStudio, 2006. 498 с.
- Белавская, 1981 — Белавская А. П. Семейство слано-ягодниковые (Haloragaceae) // Жизнь растений. Энциклопедия. В 6 т. Т. 5 (2): Цветковые растения / Ред. А. Л. Тахтаджян. М.: Просвещение, 1981. С. 230.
- Бенькова, Швейнгрубер, 2004 — Бенькова В. Е., Швейнгрубер Ф. Х. Анатомия древесины растений России (атлас для идентификации древесины деревьев, кустарников, кустарничков, полукустарников и деревянистых лиан России / Benkova V. E., Schweighruber F. H. Anatomy of Russian wood (an atlas for the identification of trees, shrubs, dwarf shrubs and woody lianas from Russia. Birmensdorf, Swiss Federal Institute for Forest, Snow and Landscape Research. Bern; Stuttgart; Wien; Haupt, 2004. 456 p.
- Березина, Тюремнов, 1973 — Березина Н. А., Тюремнов С. Н. Сохранность и разрушение пыльцы — важный фактор формирования спорово-пыльцевого спектра // Методические вопросы палинологии: Тр. III междунар. палинолог. конф. / Отв. ред. А. М. Медведева. М.: Наука, 1973. С. 5–8.
- Васильчук, 2005 — Васильчук А. К. Особенности формирования палиноспектров в криолитозоне России. М.: Изд-во МГУ, 2005. 245 с.
- Верзилин, Клейменова, 2010 — Верзилин Н. Н., Клейменова Г. И. Проблема существования реки Нева в голоцене // Вестник СПбГУ. Серия 7. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 74–82.
- Вихров, 1959 — Вихров В. Е. Диагностические признаки древесины главнейших сельскохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 132 с.
- Гаммерман и др., 1946 — Гаммерман А. Ф., Никитин А. А., Николаева Т. Л. Определитель древесины по микроскопическим признакам (с атласом микрофотографий). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 143 с.
- Григорьева, 1988 — Григорьева В. В. Морфология пыльцевых зерен рода *Linum* (Linaceae) флоры СССР // Ботанический журнал. Л.: Наука, Лен. отд., 1988. Т. 73, № 10. С. 1409–1417.
- Гроздилов, 1938 — Гроздилов Г. П. Черновой отчет о раскопках в Старой Ладогe в 1938 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 199.
- Гуман, 1978 — Гуман М. А. Антропогенные изменения растительности юга Псковской области в голоцене по палинологическим данным // Ботанический журнал. Л.: Наука, Лен. отд., 1978. Т. 63, № 10. С. 1415–1430.
- Дзюба, 2006 — Дзюба О. Ф. Палиноиндикация качества окружающей среды. СПб.: Недра, 2006. 198 с.
- Диатомовый анализ..., 1949 — Диатомовый анализ. Кн. 2. Определитель ископаемых и современных диатомовых водорослей. Порядки Centrales и Mediales. М.: Гос. изд-во геолог. лит-ры, 1949. 283 с.
- Диатомовые водоросли СССР..., 1974 — Диатомовые водоросли СССР. Ископаемые и современные. Т. 1. Л.: Наука, 1974. 403 с.
- Еремеев и др., 2007 — Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Лищицына О. В. Древнее расселение и земледелие на восточном берегу оз. Ильмень по данным археологии и палеогеографии // Записки ИИМК. 2007. № 2. С. 215–256.
- Информационная система идентификации... — Информационная система идентификации растительных объектов на основе карпологических, палинологических и анатомических данных. Образцы пыльцы, спор. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://botany-collection.bio.msu.ru/pollen-speciment/index> (дата обращения: 31.05.2020).
- Качалов, 1970 — Качалов А. А. Деревья и кустарники. М.: Лесная промышленность, 1970. 408 с.
- Квасов, 1975 — Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука, 1975. 278 с.
- Кирпичников, 2018 — Кирпичников А. Н. Историко-культурное исследование Старой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги, материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIII). С. 7–20.
- Куприянова, Алешина, 1978 — Куприянова Л. А., Алешина Л. А. Пыльца двудольных растений флоры Европейской части СССР. Т. 2. Л.: Наука, 1978. 184 с.
- Лапшин, 2018 — Лапшин В. А. Посад Старой Ладоги, новые исследования // Новое в археологии Старой Ладоги, материалы и исследования... СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIII). С. 135–206.
- Левковская, 1967 — Левковская Г. М. О распределении пыльцы и спор в поверхностном слое донных отложений Ладожского озера // История озер Северо-Запада. Л.: Всесоюзное геогр. общ-во, 1967. С. 140–145.
- Левковская, 1973 — Левковская Г. М. Зональные особенности современной растительности рецентных спорово-пыльцевых спектров Западной Сибири // Методические вопросы палинологии... М.: Наука, 1973. С. 116–120.
- Левковская, 1987 — Левковская Г. М. Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1987. 93 с.

- Левковская*, 2017а — *Левковская Г. М.* Методические аспекты использования палинологии для климатостратиграфии (особенности российской и зарубежных палинологических школ) // Актуальные проблемы современной палинологии: Материалы XIV палинол. конф., посв. памяти В. П. Гричука (Москва, 5–8 июня 2017) / Ред. Н. С. Болиховская, Т. С. Ключевиткина. М.: Географ. фак. МГУ, 2017. С. 158–162.
- Левковская*, 2017б — *Левковская Г. М.* Зональные и локальные особенности палинокомплексов современных отложений из Южной Аравии // Актуальные проблемы современной палинологии: Материалы XIV палинол. конф. ... М.: Географ. фак. МГУ, 2017. С. 154–157.
- Левковская*, *Боголюбова*, 2011 — *Левковская Г. М.*, *Боголюбова А. Н.* Качество пыльцы и особенности палинокомплексов некоторых природных экстремумов плейстоцена и их сравнение с палинокомплексами отложений с высоким радиоактивным заражением из района Чернобыльской техногенной катастрофы // Проблемы современной палинологии: Материалы XIII Российской палинол. конф. Сыктывкар: ИГ Коми НЦУрО РАН, 2011. С. 278–285.
- Левковская*, *Тимофеев*, 2004 — *Левковская Г. М.*, *Тимофеев В. И.* К хронологии и экологии начала земледелия Восточной Прибалтики (о признаках неолитического земледелия в районе Цедмарских торфяниковых стоянок в Калининградской области) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Ред. В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 88–106.
- Левковская и др.*, 2005 — *Левковская Г. М.*, *Хоффкер Дж. Ф.*, *Аникович М. В.*, *Форман С. Л.*, *Холлидэй В. Т.*, *Поспелова Г. А.*, *Попов В. В.*, *Карцева Л. А.*, *Стёганицева В. Я.*, *Санько А. Ф.* Климатостратиграфия древнейших палеолитических слоев стоянки Костёнки 12 (Волковская) // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. СПб.: Копи-Р, 2005. С. 93–130.
- Левковская и др.*, 2011 — *Левковская Г. М.*, *Мацко В. П.*, *Сквернюк И. И.*, *Орехова М. Г.*, *Карцева Л. А.* Качество пыльцы и особенности палинокомплексов поверхностных почвенных проб из района Чернобыля (данные по отложениям с высоким радиоактивным заражением) // Проблемы современной палинологии: Материалы XIII Российской палинол. конф. Т. 2. Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2011. С. 271–277.
- Левковская и др.*, 2014 — *Левковская Г. М.*, *Карцева Л. А.*, *Четверов В. А.*, *Газизова Д. Г.* СЭМ-микрорафии пыльцы — новые источники палинологической, палеоботанической, палеогеографической и археологической информации // Методы палинологических исследований: Тез. докл. палинологической школы-конф. с междунар. участием. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 41.
- Левковская и др.*, 2018 — *Левковская Г. М.*, *Карцева Л. А.*, *Чавчавадзе Е. С.*, *Любин В. П.*, *Беляева Е. В.*, *Лисицын С. Н.*, *Дудин А. Е.*, *Артюшенко А. А.*, *Боголюбова А. Н.* О получении информации об объектах собирательства каменного века с помощью СЭМ (данные по стоянкам Баракаевская, Монашеская, Костенки 1/1, Борщево 5, Атапуэрка) // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: Материалы МНК, посв. 50-летию В. М. Лозовского. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 252–253.
- Левковская и др.*, 2019 — *Левковская Г. М.*, *Зайцева Г. И.*, *Боголюбова А. Н.* О трех фазах неолитического земледелия Восточной Прибалтики (по археологическим, радиоуглеродным и палинологическим данным) // Эволюция неолитических культур Восточной Европы / Ред. А. А. Выборнов, Е. В. Долбунова, Е. М. Колпаков, Е. С. Ткач. СПб.: Портопринт, 2019. С. 52–56.
- Лозе*, 1988 — *Лозе И. А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне, 1988. 211 с.
- Малаховский и др.*, 1993 — *Малаховский Д. Б.*, *Арсланов Х. А.*, *Гей Н. А.*, *Козырева М. Г.*, *Джиноридзе Р. Н.* Новые данные по голоценовой истории Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы / Отв. ред. Н. Н. Давыдова, Б. И. Кошечкин. РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993. С. 61–73.
- Миляев*, 2018 — *Миляев П. А.* Городище Любша: планиграфия и стратиграфия // Новое в археологии Старой Ладоги, материалы и исследования... СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIII). С. 207–232.
- Мурашкин*, 2018 — *Мурашкин А. И.* Инвентарь неолитического слоя Старой Ладоги (Варяжская улица) // Новое в археологии Старой Ладоги, материалы и исследования... СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIII). С. 181–195.
- Никонов*, 2017 — *Никонов А. А.* Воздействие голоценовых пертурбаций Онежско-Ладожской гидрологической системы на древнее население прибрежных пространств // Самарский научный вестник. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 171–177.
- Павлов*, 1948 — *Павлов Н. В.* Ботаническая география СССР. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР; М.: Искра революции, 1948. 704 с.

- Петров, 1945 — Петров В. А. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладogi // КСИА. 1945. Вып. XI. С. 42–51.
- Петров и др., 2018 — Петров Д. В., Савельева Л. А., Шитов М. В. Находки фитолитов культурных злаков и других палиноморф в погребенной почве Любшанского городища (Старая Ладога) // Тр. XVII Всерос. микрoпалеонтологического совещания «Современная микрoпалеонтология — проблемы и перспективы» (Казань, 24–29 сентября 2018 г.) / Отв. ред. М. С. Афанасьева, А. С. Алексеев. М.: ПИН РАН, 2018. С. 414–418.
- Петров и др., 2019 — Петров Д. В., Савельева Л. А., Шитов М. В., Петров А. Ю. Реконструкция растительности южного Приладожья в голоцене по данным спорово-пыльцевого анализа разреза Ивановский Остров // Динамика экосистем в голоцене (к 100-летию Л. Г. Динесмана): Материалы V Всероссийск. научн. конф. с междунар. участием / Отв. ред. А. Б. Савинецкий. М.: Медиа-ПРЕСС, 2019. С. 255–257.
- Равдоникас, 1950 — Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) Ч. II // СА. 1950. XII. С. 7–40.
- Сабанеев, 1886 — Сабанеев Д. А. Заметка о древней Климентовской церкви близ Старой Ладogi // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886. С. 1–6.
- Савельева и др., 2017 — Савельева Л. А., Андреев А. А., Громиг Р., Лузикова А. В., Субетто Д. А., Фёдоров Г. М., Меллес М. Биостратиграфия позднеледниковых и голоценовых осадков Ладожского озера // Актуальные проблемы современной палинологии: Материалы XIV палинол. конф., посв. памяти В. П. Гричука. Москва (5–8 июня 2017) / Ред. Н. С. Болиховская, Т. С. Ключиткина. М.: Географ. фак-т МГУ, 2017. С. 299–303.
- Сафронова, 2018 — Сафронова Т. В. Золотистые водоросли (*Chrysophyceae*, *Syniophyceae*) особо охраняемых природных территорий Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга: Рукопись дис. ... канд. биол. наук. 03.02.01. Ботан. ин-т им. В. Л. Комарова РАН. СПб., 2019. 205 с.
- Семёнова и др., 2009 — Семёнова Л. Р., Савельева Л. А., Никонов А. А. Новые данные по палеогеографии среднего и позднего голоцена юго-западного Приладожья // VI Всерос. совещание по изучению четвертичного периода. Новосибирск: ИНГГ СО РАН, ИГМ СО РАН, 2009. С. 545–548.
- Соколов и др., 1977 — Соколов С. Я., Связева О. А., Кубли В. А. Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л., Наука, Лен. отд., 1977. Т. I. 164 с.
- Соколов и др., 1986 — Соколов С. Я., Связева О. А., Кубли В. А. Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л.: Наука, Лен. отд., 1986. Т. III. 181 с.
- Сорокина, 2008 — Сорокина И. А. Флора долины реки Волхов и прилегающих территорий в границах Нижне-Волховского ботанико-географического района. Часть 1: Физико-географические условия. Список видов флоры // Вестник СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. Серия 3. Вып. 3. С. 42–55.
- Сперанская и др., 2017 — Сперанская Н. Ю., Чухина И. Г., Григорьева Н. В., Соломонова М. Ю. Итоги изучения фитолитов погребенной почвы Земляного городища Старой Ладogi // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 984–985.
- Субетто, 2009 — Субетто Д. А. Донные отложения озер, палеолимнологические реконструкции. СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. 342 с.
- Тарасевич, 1983 — Тарасевич В. Ф. Сем. *Roaceae* Varnh. — злаки, мятликовые // Бобров А. Е., Куприянова Л. А., Литвинцева М. В., Тарасевич В. Ф. Споры папоротникообразных и пыльцы голосеменных и однодольных растений флоры европейской части СССР. Л.: Наука, 1983. С. 158–177.
- Тимофеев, Стеценко, 1997 — Тимофеев В. И., Стеценко Н. К. Староладожская неолитическая стоянка // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1997. Т. 2. С. 331–334.
- Фёдорова, 1959 — Фёдорова Р. В. Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков // Тр. Института географии АН СССР. Материалы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959. Вып. 77. С. 166–186.
- Фурасьев, 2002 — Фурасьев А. Г. Климат Северо-Запада России в период славянской колонизации VIII–X веков // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 70–73.
- Чавчавадзе, 1979 — Чавчавадзе Е. С. Древесина хвойных. Л.: Наука, 1979. 192 с.
- Чавчавадзе, Сизоненко, 2002 — Чавчавадзе Е. С., Сизоненко О. Ю. Структурные особенности древесины кустарников и кустарничков арктической флоры России. СПб.: Росток, 2002. 271 с.
- Человек и природная среда..., 2005 — Человек и природная среда в истории России. Часть I: Результаты междисциплинарных исследований и учебных практик Санкт-Петербургского государственного университета в Старой Ладogi и южном Приладожье. СПб., 2005. 140 с.

- Чухина и др., 2014 — Чухина И. Г., Радыш Д. А., Григорьева Н. В. Предварительные результаты изучения растительных макроостатков по материалам раскопок 2010 года в Старой Ладоге // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии / Ред. В. Т. Мусбахова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 244–251.
- Чухина и др., 2015 — Чухина И. Г., Радыш Д. А., Григорьева Н. В. Опыт сопоставления результатов карпологических исследований Земляного городища Старой Ладоги и городища Камно // АИППЗ. 2015. Вып. 30 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 221–230.
- Шитов и др., 2004 — Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Носов Е. Н., Плешивицева Э. С. Природная среда и человек нижнего Поволжья на финальной стадии Ладожской трансгрессии // Вестник СПбГУ. СПб., 2004. Серия 7. № 3. С. 3–15.
- Шитов и др., 2005 — Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плешивицева Э. С., Мараков А. Я. Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладоги // Вестник СПбГУ. СПб., 2005. Серия 7. № 3. С. 3–16.
- Шитов и др., 2007 — Шитов М. В., Константинова Т. А., Лоскутов И. Г., Плешивицева Э. С., Сумарева И. В., Чухина И. Г., Щеглова О. А. Городская среда, землепользование и сельское хозяйство в средневековой Ладоге и ее округе (по палинологическим и карпологическим данным). Часть II: Середина I тыс. от Р. Х. — середина IX в. // Вестник СПбГУ. СПб., 2007. Серия 7. № 4. С. 3–16.
- Шитов и др., 2008 — Шитов М. В., Плешивицева Э. С., Потапович А. А. История хозяйственного освоения Нижнего Поволжья, начальный период // Вестник СПбГУ. СПб., 2008. Серия 7. № 1. С. 3–14.
- Яценко-Хмелевский, 1954 — Яценко-Хмелевский А. А. Дровесины Кавказа. Т. I. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1954. 674 с.
- Andersen, 1979 — Andersen S. Th. Identification of wild grass and cereal pollen // Danmarks Geol Undersøgelse Årbog, 1978. København, 1979. P. 69–92.
- Beug, 1961 — Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. Lieferung 1. Jena: Gustav Fischer Verlag, 1961. 63 S.
- Cabala, 2003 — Cabala J. New and rare morphotypes of chrysophycean stomatocysts from Poland // Nova Hedwigia. 2003. Vol. 7, no.1–2. P. 99–107.
- Carney et al., 1992 — Carney H. J., Whiting M. C., Duff K. E., Whitehead D. R. Chrysophycean cysts in Sierra Nevada (California) lake sediments, paleoecological potential // Journal of Paleolimnology. 1992. Vol. 7. P. 73–94.
- Delusin, 1991 — Delusin I. The Holocene Pollen Stratigraphy of Lake Ladoga and Vegetational History of its surroundings (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, 153). 1991. 66 p.
- Duff et al., 1995 — Duff K. E., Zeeb B. A., Smo J. P. Atlas of Chrysophycean Cysts. 1995. 189 p.
- Firbas, 1937 — Firbas F. Der pollenanalytische Nachweis des Getreidebaues // Ztschr. Botanik. 1937. Bd. 31. S. 447–478.
- Greguss, 1959 — Greguss P. Holzanatomie der europäischen Laubhölzer und Sträucher. Akademiai Kiadó, Budapest, 1959. 330 p.
- Gross, 1939 — Gross H. Moorgeologische Untersuchung der Vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // Prussia. 1939. Bd. 33. P. 100–168.
- Human Impacts Pollen Database — Human Impacts Pollen Database, a pollen identification key. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://keyserver.lucidcentral.org/key-server/data/0f030b07-0200-4b0f-8509-0a0808060703/media/html/index.html> (дата обращения: 26.05.2020).
- Jakubowska, 1997 — Jakubowska I. Early Anthropogenic Activities in Eastern Latvian Lowlands — New Pollen Analyses from Zvidze, Lake Lubana region // ISKOS. No. 11. Helsinki, 1997. P. 152–158.
- Kamenik et al., 2005 — Kamenik C., Agusti-Panareda A., Appleby P. G., Dearing J. A., Shilland E. M., Sporka F., Stefkova E., Thompson R. Paleolimnological evidence for atmospheric pollution, climate and catchment-related changes in alpine chrysophyte stomatocyst assemblages (Tatra, Slovakia) // Nova Hedwigia. Beiheft, 2005. Vol. 128. P. 275–293.
- Königsson, Possnert, 1997 — Königsson L.-K., Possnert G. Pollen Analysis Covering the past 4000 Radiocarbon Years of Culture Landscape of the Novgorod Area, Russia // Environment and Vikings / Eds. U. Miller, H. Clarke. Birka studies 4. 1997. Vol. 52. P. 73–89.
- Königsson et al., 1997 — Königsson L.-K., Possnert G., Hammar Th. Economical and Cultural Change in the Landscape Development at Novgorod, Russia // Tor. Uppsala, 1997. P. 353–387.
- Krammer, 2000 — Krammer K. Diatoms of Europe. Diatoms of the European inland waters and comparable habitats. Vol. 1: The genus Pinnularia Ruggell: A. R. G. Gantner Verlag. K.G., 2000. 703 p.
- Krammer, Lange-Bertalot, 1986 — Krammer K., Lange-Bertalot H. Bacillariophyceae 1. Teil, Naviculaceae // Süßwasserflora von Mitteleuropa. Bd. 2/1. Jena: Gustav Fischer Verlag, 1986. 876 S.
- Krammer, Lange-Bertalot, 1991 — Krammer K., Lange-Bertalot H. Bacillariophyceae 3. Teil, Centrales, Fragilariaceae, Eunotiaceae. Stuttgart; Jena: Gustav Fischer Verlag, 1991 (Süßwasserflora von Mitteleuropa; Bd. 2/3). 576 S.

- Kriiska*, 2003 — *Kriiska A.* From hunter-fisher-gatherer to farmer — Changes in the Neolithic economy and settlement on Estonian territory // *Archaeologia Lithuanica*. 2003. No. 4. P. 11–26.
- Kristiansen, Preisig*, 2007 — *Kristiansen J., Preisig H. R.* Chrysophyte and haptophyte algae. Part 2: Synurophyceae / Eds. B. Büdel et al. Heidelberg: Spektrum Akademie Verlag, 2007 (Süßwasserflora von Mitteleuropa). 252 p.
- Leroi-Gourhan*, 1969 — *Leroi-Gourhan A.* Pollen grains of *Gramineae* and *Cerealia* from Shanidar and Zawi Chemi // The domestication and exploitation of plants and animals / Eds. Peter J. Ucko, G. W. Dimbleby. London, 1969. P. 143–148.
- Levkovskaya*, 1999 — *Levkovskaya G.* Palynoteralical Complexes as Indicators of the Ecological Stress, Past and Present // Proceedings of the 5th European Palaeobotanical and Palynological Conference (Kraków, June 26–30, 1998) // *Acta Palaeobotanica*. Suppl. 2. 1999. No. 2. P. 643–648.
- Levkovskaya*, 2011 — *Levkovskaya G.* The Flood Terrace Model of the Neolithic Phase of the Agriculture of Two East Baltic Lowlands EAA (Oslo, Norway, 14–18 September, 2011). Oslo: State University, 2011. P. 15–16.
- Levkovskaya*, 2012 — *Levkovskaya G. M.* Pollen indication of the natural and Chernobyl type geobotanical catastrophes // *Japanese Journal of Palynology*. Abstracts. 13th International Palynological Congress. 9th International Organization of Palaeobotany Conference. Tokyo, 2012. No. 58. P. 126–127.
- Levkovskaya et al.*, 2012 — *Levkovskaya G., Lyubin V., Belyaeva E.* Late Caucasian Neanderthals of Barakavskaya Cave, Chronology, Palaeoecology and Palaeoeconomy (Chapter 16) // *Caves in Context. The Cultural Significance of Caves and Rockshelters in Europe* / Eds. K. A. Bergsvik, R. Skeates. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 225–253.
- Levkovskaya et al.*, 2015 — *Levkovskaya G., Shumilovskikh L., Anikovich M., Platonova N., Hoffecker J. F., Lisitsyn S., Pospelova G., Kuzmina I., Sanko A.* Supra-regional correlations of the most ancient paleosols and Paleolithic layers of Kostenki-Borschevo region (Russian Plain) // *Quaternary International*. Vol. 365 (16 April, 2015). P. 114–134.
- Loze*, 2000 — *Loze I.* Stone age settlements in the Lake Lubāns wetland in Latvia, and subsistence strategies of the population // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis A*. 2000. Vol. 54, iss. 3/4. P. 109–122.
- Malachovskij et al.*, 1996 — *Malachovskij D. B., Delusin I. V., Gej N. A., Dginoridze R. N.* Evidence from Neva valley, Russia, of the Holocene history of Lake Ladoga // *Fennia*. 1996. Vol. 174, no. 1. P. 113–123.
- Nygaard*, 1956 — *Nygaard G.* Ancient and recent flora of diatoms and Chrysophyceae in Lake Gribbs // *Folia limnologica scandinavica*. 1956. Vol. 8. P. 32–262.
- PalDat... — PalDat, Palynological Database, an online publication on recent pollen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.paldat.org> (дата обращения: 31.05.2020).
- Palynological Laboratory Database... — Palynological Laboratory Database. Komarov Botanical Institute of Russian Academy of Science. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://pollendatabase.ru> (дата обращения: 26.05.2020).
- Pang*, 2017 — *Pang W.* Chrysophycean stomatocysts from the Da Hinggan Mountains. 2017. 249 p.
- Pozhidaev*, 1998 — *Pozhidaev A. E.* Hypothetical way of pollen aperture patterning. 1. Formation of 3-colpate patterns and endoaperture geometry // *Review of Palaeobotany and Palynology*. 1998. 104. P. 67–83.
- Rimantienė*, 1999 — *Rimantienė R.* Traces of Agricultural Activity in the Stone Age Settlements of Lithuania // *Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region* / Ed. U. Miller. Strasbourg: Council of Europe; Rixensart: PACT, 57, 1999. P. 275–290.
- Saarnisto, Grönlung*, 1996 — *Saarnisto M., Grönlung T.* Shoreline displacement of Lake Ladoga — new data from Kilpolansaari // *Hydrobiologia*. 1996. 322. P. 205–215.
- Sapelko et al.*, 2019 — *Sapelko T., Pozdnyakov Sh., Kuznetsov D., Ludikova A., Zazovskaya E.* Holocene sedimentation in the central part of Lake Ladoga // *Quaternary International*. 2019. Vol. 524. P. 67–75.
- Troels-Smith*, 1955 — *Troels-Smith J.* Karakterisering af lose jordater (Characterisation of Unconsolidated Sediments) // *Danmarks Geologiske Undersøgelse*. 1955. No. 3. P. 39–73.
- Vijver, Beyens*, 1997 — *Vijver B., Beyens, L.* The Subfossil Chrysophyte Cyst Flora of Some Peat Samples from Kerguelen Islands // *Archiv für Protistenkunde, Protozoen, Algen, Pilze*. 1997. Vol. 148. P. 491–503.
- Vuorela*, 1973 — *Vuorela I.* Relative pollen rain around cultivated fields // *Acta Botanica Fennica*. 1973. Vol. 102. P. 1–27.
- Wilkinson et al.*, 2001 — *Wilkinson A., Zeeb B. A., Smol J. P.* Atlas of Chrysophycean Cysts. Vol. II. 2001. 169 p.

**Staraya Ladoga, SEM investigations of plant remains
from palaeosols separated by deposits of the Ladoga transgression.
New materials and old problems**

N. I. Platonova, G. M. Levkovskaya, D. A. Britskiy, L. A. Kartseva, V. A. Lapshin,
N. V. Grigor'yeva, P. A. Milyaev, D. V. Zbukova

Reconnaissance investigations of macerated palynocomplexes using scanning electronic microscopy (SEM) have resulted in compilation of a bank of SEM micrographs of plant remains from two palaeosols underlying the cultural deposits of the Staraya Ladoga section and separated by clays of the Ladoga transgression. The lower soil (2) is synchronous to the Neolithic Age ($\approx 5100\text{--}4600$ BP). The upper palaeosol (1) was formed during the Palaeometal and Early Iron Ages up to the beginning of the Early Middle Ages (≈ 1400 BP). The collected SEM pollen data provide argumentation for the floodplain genesis of the investigated hydromorphic depositions. The edaphic conditions found during the period of formation of the upper horizon of palaeosol 1 underlying the cultural deposits of Staraya Ladoga were unfavourable for the reproductive sphere of the most of the plants and for agriculture. It is indicated by the predominance of morphologically atypical and immature pollen of the majority of taxa. This phenomenon was produced by the waterlogging of the soils by alkaline waters as revealed by numerous finds of diatoms and chrysophycean stomatocysts of algae. SEM micrographs obtained for one sample from the upper horizon of soil 1 indicate that it is constituted completely by microfragments of the deposits formed under alternating exposed and inundated environments (as is typical of floodplains). The gained correlations of spore-pollen diagrams have allowed the authors to distinguish a new palynological *Alnus* marker (maximum quantity of alder) with its beginning dated to the end of the lake transgression (ca 2400 BP). This marker is present in diagrams of the sections of the lowest geomorphological levels including the lowland Radbelik bog (Lake Ilmen), the two-metre high floodplain of Naziya 2 (South-West of the Ladoga region) and Nevsky Lesopark and Nevsky Pyatachok (Neva river) indicating the synchrony of the Lakes Ladoga and Ilmen regressions. The deposits of top of the upper palaeosol of Zemlyanoye Gorodishche with considerable contents of alder and non-arboreal pollen probably are synchronous to the beginning of the transition from the domination of alder swamps and alder forests with an admixture of broadleaf species to the flood terrace meadows (ca 1500–1400 BP).

Раскоп 6 на Земляном городище и шурф 2019 г. на Варяжской ул. : стратиграфия, хронология, погребенные почвы

А. Л. Александровский¹

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-186-189

Разрез на Земляном городище

Разрез, из которого брались образцы в 2019 г., расположен в южной части Земляного городища к востоку от раскопа 5. Исследованная западная стенка раскопа 6 отделена от раскопа 5 неширокой бровкой; стратиграфия отложений здесь сходная (рис. I.1, 1, 2).

Образцы для СЭМ-исследования взяты из северной стенки, в 18–20 см от северо-западного угла раскопа 6.

Как и всё городище, раскоп расположен на низкой террасе р. Волхов. Абсолютные отметки составляют 14–16 м. Верхние 3–4 м представлены отложениями культурного слоя Старой Ладоги. Ниже лежит терраса, сложенная бассейновыми отложениями, на поверхности которых залегают две почвы, разделенные озерными глинами и сапропелем Ладожской трансгрессии. Отметки поверхности верхней почвы в раскопе 5 составляют 11,8 м; урез Волхова на разных картах — от 5 до 6 м; дневная поверхность городища — около 15 м. Высота поверхности террасы относительно современного уреза (5,5 м) составляет 6,3 м. Однако на месте раскопа Е. А. Рябинина, в западной части Земляного городища, более удаленной от берега Волхова, она существенно ниже — 5 м.

В описание разреза включены нижняя часть культурного слоя (это в основном органический слой — щепы и торфообразная масса) и две почвы, встреченные нами во всех раскопах на Земляном городище и на Варяжской улице (таблица). Отсчет глубин велся от поверхности погребенной почвы 1 (или от нижней границы культурного слоя). Для культурного слоя также даны глубины от дневной поверхности (рис. I.1, 4, Б).

КС 45–0 см (205–250 см). Темно-серый к черному (при высыхании темно-коричневый) материал,

состоящий из щепы и торфообразной массы. Доля примеси минеральной массы увеличивается кверху. Встречаются прослойки золы, очажный камень, угольки, пятна вивианита (керченита) сизого цвета и ожелезнения — желто-рыжего. Зола вскипает от HCl. Переход резкий, граница местами ровная, местами — щепы и камни вдавлены в нижележащую почву.

ПУ 0–10 (12) см. Агротемногумусовый горизонт. Темно-серый к черному тяжелый суглинок (глина легкая), включения мелких камней, угля, мелких обломков древесины, комковатый, структура выражена неясно, уплотненный. Ожелезнение в виде мелких желтых и рыжих пятен. Переход резкий, граница ровная, но местами нарушенная.

АВ 10–27 см. Переходный горизонт. Темно-серый с сизоватым оттенком, книзу светлеет, легкая глина (сапропель, внизу светлые участки озерной глины), плотный, структура ребристая (ореховатая). Вертикальные трещины с ожелезнением и вивианитом. Переход резкий, граница ровная, местами волнистая.

АУ 27–33 см. Серогумусовый горизонт. Темно-серый к серо-бурому тяжелый суглинок, плотный, комковато-ореховатый, вертикальные трещины, пятна ожелезнения желтого и красновато-бурого цвета. Валун. Граница ровная, переход постепенный.

Вг 33–50 см. Серовато-буроватый с оливковым оттенком, тяжелый суглинок опесчаненный, уплотненный, много гальки, щебня, валунов, в том числе обломки известняка. В нижней части вскипает от HCl.

Большой интерес представляет пахотный горизонт (ПУ), который был хорошо виден в стенках раскопов 3 и 4 по резкой нижней границе (в современных почвах она обозначается как плужная подошва). В раскопе 5 удалось зафиксировать борозды пахотного орудия. Они были видны нечетко, что связано с малым цветовым контрастом

¹ Отдел географии и эволюции почв, Институт географии РАН; Старомонетный переулок, д. 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия.

между пахотным и подпахотным горизонтами. Борозды достаточно узкие, видимо, оставленные сохой или подобным орудием с острым рабочим краем (рис. I.1, 3).

**Разрез на левом берегу р. Ладожка
(Варяжская ул., профиль 2)**

В верхней части разреза залегают современные отложения мощностью 80 см, связанные со строительством дорожного полотна (ул. Варяжской). Они характеризуются высоким содержанием щебня и отнесены к балласту. Под ними залегают переотложенный материал мощностью 30 см, представленный слоями озерной глины, почвы 1 и мешаного материала из почвы и глины. Ниже лежат две почвы — раннесредневекового и неолитического возраста (рис. I.1, 4, А) (на рисунке глубины даны по фотографии, где поверхность почвы 1 лежит на глубине 90 см).

0–80 см. Балласт, состоит из щебнистых слоев, прокала с обломками известняка; на глубине 25–45 см слаборазвитая почва. Переход резкий.

0–30 см. Переотложенная толща, состоит из материала почвы 1, перекрытого слоем озерных глин. Глины светло-серые, почвенный материал темно-серый, также глинистый. Встречаются валуны и крупные обломки камня. Переход резкий, граница относительно ровная.

AU 30–45 см. Погребенная почва 1. Темно-серая к черному глина комковато-глыбистой структуры, плотная. Много угольков. Переход местами постепенный, местами — относительно резкий.

Cg (Bt) 45–108 см. Глина озерная. Светло-серая слоистая глина с ярко-бурными прослоями и ярко-рыжими пятнами. В нижней части с глубины 100 см ярко-рыжие пятна занимают до 50 %. Вертикальные трещины с серо-бурными натечными пленками. Структура крупноореховато-призматическая. Переход резкий, граница волнистая.

AU 108–112 см. Почва 2. Темно-серый тяжелый суглинок, опесчаненный, плотный, комковатый, много угольков, переход постепенный, граница неровная.

AB 112–115 см. Переходный горизонт. Серо-бурый опесчаненный суглинок, переход постепенный, граница неровная.

BC 115–125 см. Буровато-сероватая супесь с включением обломочного материала (морена).

В данном разрезе обнаружены те же две погребенные почвы, что и на Земляном городище. Однако сверху, над почвами, здесь залегают не органический культурный слой, как на Земляном

городище, а продукты переотложения материала верхней погребенной почвы и озерных глин, еще выше — современный материал дорожной насыпи. В рассматриваемом профиле почвы 1 и 2 разделяются более мощным слоем озерных глин. Поэтому нижняя почва в большей степени изолирована от воздействия процессов почвообразования последующего этапа. Также здесь не был зафиксирован культурный слой, перекрывающий почву 1. Возможно, он был эродирован, так как шурф располагается у самой бровки террасы. Время отложения 30-сантиметрового слоя, лежащего на поверхности почвы 1 и представленного переотложенным материалом этой же почвы и озерных глин, неясно.

Почва 2 имеет в данном разрезе маломощный профиль — 7 см. Она формировалась не более 500 лет. Почва 1 формировалась ≈ 1500 лет, ее профиль развит намного больше.

Хронология и состав погребенных почв

К настоящему времени для описанных почв получено большое количество радиоуглеродных дат, которые частично опубликованы (Александровский и др., 2009; 2010; 2018; Александровский, 2012; Александровский, Долгих, 2012). Даты по углю и древесине из пахотного горизонта почвы 1 дают значительный разброс: от 1350 до 1500 радиоуглеродных лет. Основная их масса после калибровки имеет возраст более 650 г. н. э., что соответствует концу V — VII в. н. э. Начало формирования почвы 1 по нашим данным относится примерно к времени 3200 cal. BP. По мнению М. В. Шитова (Шитов и др., 2005; Человек и природная среда..., 2005), падение уровня воды Ладожского озера и осушение территории Земляного городища произошли значительно позже, около 2000 лет назад. Однако для того чтобы сформировался такой развитый почвенный профиль, какой мы видим у почвы 1, дата 3200 лет назад представляется более реальной, чем 2000 лет назад.

Возраст почвы 2 определяется не столь однозначно. Большое количество дат, полученных по гумусу, являются омоложенными. Особенно это относится к тем разрезам, в которых почва 2 залегает под почвой 1 неглубоко (30–40 см и менее), как, например, в раскопе 5. Поэтому для определения возраста данной почвы были использованы только даты по более надежным материалам, углю и древесине (Лапшин, 2018. С. 144; Александровский, Александровская, 2018. С. 172). Средняя из четырех дат равна 5750 cal. BP.

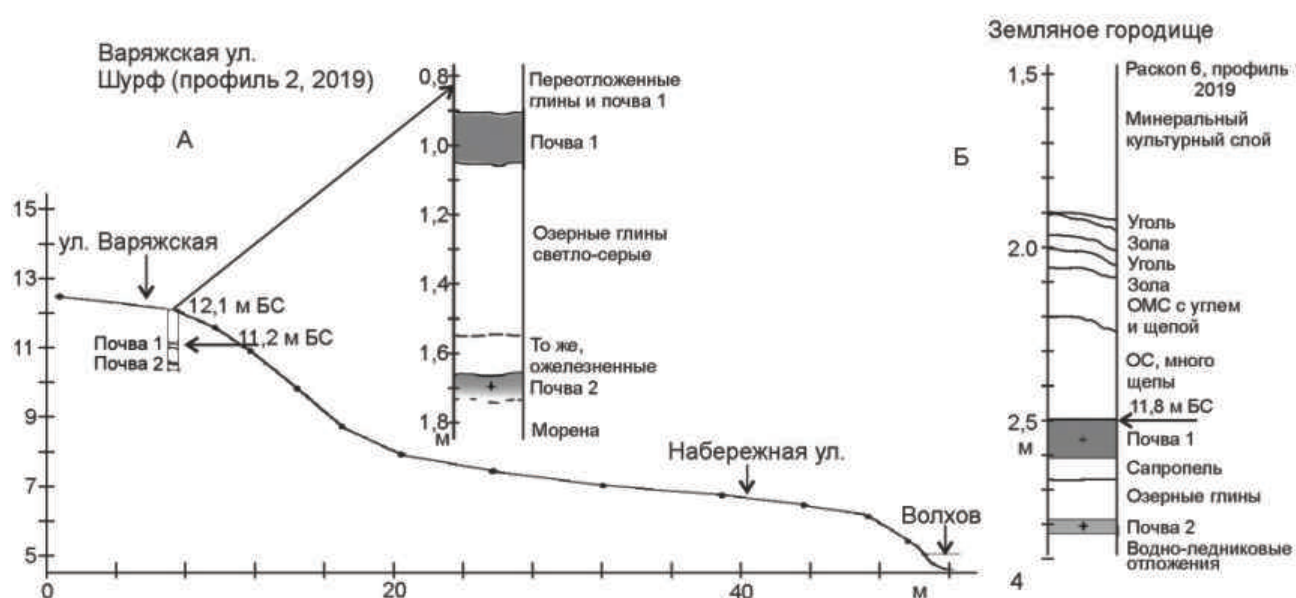
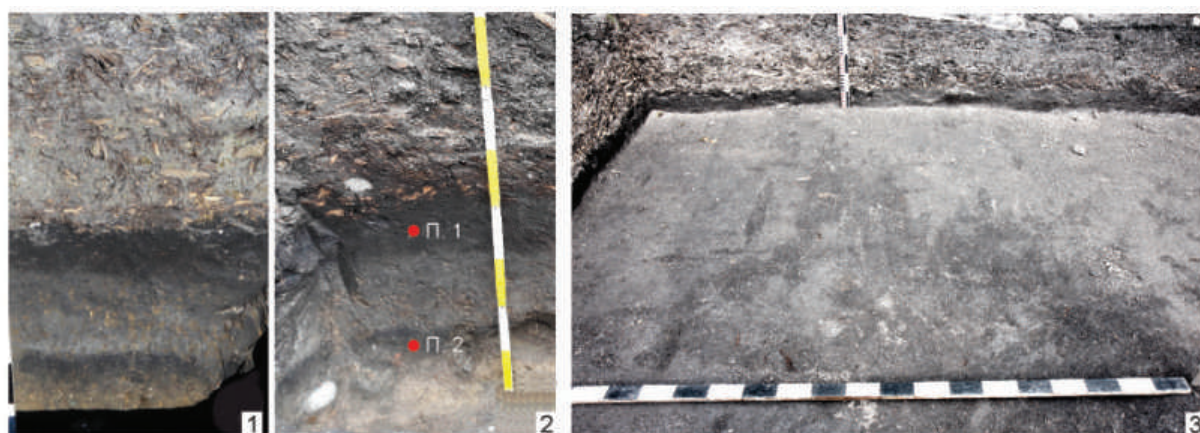

Рис. I.1. Старая Ладога. Земляное городище. Нижняя часть культурного слоя и две погребенные почвы, разделенные отложениями Ладожской трансгрессии: 1 — раскоп 5, восточная стенка; 2 — раскоп 6, северная стенка (крестиками отмечены места взятия образцов на СЭМ-анализ); 3 — раскоп 5 (раскопки А. Н. Кирпичникова 2013 г.), зачистка по материку (кв. С, Т / XIX, XX), следы распашки, вид с севера; 4 — схематическое строение профилей 2019 г. (А — Варяжская ул.; Б — Земляное городище)

Fig. I.1. Staraya Ladoga. Zemlyanoye Gorodishche. Lower section of the cultural layer and two buried soils separated by sediments of the Ladoga transgression: 1 — excavation 5, eastern edge; 2 — excavation 6, northern edge (crosses mark spots of sampling for SEM analysis); 3 — excavation 5 (excavations by A. N. Kirpichnikov in 2013), clearing of the virgin soil (square C, T / XIX, XX), traces of tillage, view from the north; 4 — schematic structure of profiles of 2019 (A — Varyazhskaya Str.; B — Zemlyanoye Gorodishche)

Почвы представляют собой особый объект для исследования микрофоссилий. Почва сама по себе не является наносом, она формируется в результате прорабатывания почвообразующими процессами ранее отложившейся породы. Поэтому в ней содержатся микрофоссилии этапа седиментации, а также последующего этапа почвообразования. В результате почвенных турбаций происходит перемешивание остатков разных этапов. Обычно это

остатки водорослей и других водных обитателей периода седиментации и пыльцы наземных растений — периода почвообразования.

В профиле почвы 1 объединены микрофоссилии двух основных стадий: Ладожской трансгрессии, которая проходила 5700–3400 cal. BP, и времени формирования почвы 1, 3200–1400 лет назад. Общая продолжительность периода — более 4000 лет. Вероятно, существовал и переходный период,

Таблица. Погребенные почвы, залегающие под культурным слоем мощностью 4 м.
Данные почвенных анализов

Table. Buried soils underlying the cultural layer 4 m thick. Data of soil analyses

№	Горизонт, образец	Глубина, см	pH _{H₂O}	CaCO ₃ , %	C _{орг} , %	P ₂ O ₅ , %
1	Зола	-40	7,5	14,2	–	3,10
2	ОС органический слой	-10-20	7,0	–	23,2	1,23
3	1Р пашня	0–8 (10)	6,85	–	11,4	1,51
4	АВ сапропель-почва	8–22	7,05	–	3,76	1,42
5	ПВ глина/сапропель	22–30	7,15	–	1,77	0,92
6	2АU почва	30–36	7,15	–	1,79	0,50
7	ВСg супесь	36–50	7,9	0,74	1,00	0,68
8	Дса морена	60	8,55	22,8	0,42	0,19

относительно короткий, в течение которого терраса была существенно обводнена. Накопившиеся за это время водоросли, пыльца и др. перемешивались воедино в слое мощностью 10–15 см, а по трещинам проникали и глубже. Подобные особенности процессов формирования почвы следует учитывать при проведении микроскопических анализов. Почва 2 прошла сходные стадии — длительное накопление водных отложений и период почвообразования продолжительностью около 500 лет.

В заключение отметим, что проблема истории озера в период Ладожской трансгрессии еще далека от разрешения. Основной вопрос касается времени завершения трансгрессии и причин падения уровня озера. Наиболее вероятной причиной считается прорыв Невы, который произошел около 3,0–3,5 тыс. лет назад (Субетто, 2009). Имеются представления о более позднем времени максимума трансгрессии (Квасов, 1975; Шитов и др., 2005) или вообще об отсутствии трансгрессии и постоянном существовании Невы в течение голоцена (Верзилин, Клейменова, 2010). Вместе с тем стратиграфия отложений в Старой Ладоге убедительно свидетельствует о наличии озерной стадии, представленной глинами, залегающими между двумя погребенными почвами. Резкие синхронные колебания уровня озера, выявленные в южной и восточной его частях, не подтверждают

постоянство существования Невы. Нижняя почва, имеющая радиоуглеродные даты около 5800 cal. BP и существовавшая недолго, около 500 лет, вскоре перекрывается глинами, свидетельствующими о достаточно глубоководных условиях. На последних этапах Ладожской трансгрессии здесь, в районе Старой Ладоги, светлые озерные глины сменяются сапропелями, что может свидетельствовать о снижении глубины озера. По данным Саарнисто (Saarnisto, Grönlung, 1996) и большинства других авторов (Субетто, 2009; Никонов, 2017), трансгрессия продолжается до рубежа 3100 лет назад или 3500 калиброванных лет назад, после чего происходит прорыв Невы. Врезание р. Нева и снижение уровня озера и приустьевой части р. Волхов до низких отметок, близких к современным, шло примерно 400 лет (падение с 18 до 5–6 м, см.: Субетто, 2009. С. 244–257). Затем, в течение около 1500 лет (3000–1400 лет назад), на отложениях террасы, сложенных с поверхности озерными глинами и сапропелями, формируется хорошо развитая почва, подстилающая культурный слой Старой Ладоги. В профиле почвы выделяются следы нескольких стадий почвообразования (Александровский и др., 2010). Как уже говорилось выше, за более короткий срок (например, если предположить прорыв Невы около 2000 лет назад) столь развитая почва вряд ли могла сформироваться.

Первые находки стоматоцист золотистых водорослей (*Chrysophyceae*) из палеопочв Старой Ладogi

С. Н. Шадрина¹

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-190-192

Введение

Стоматоцисты — это покоящаяся стадия золотистых водорослей (*Chrysophyceae*). Они представляют собой характерную особенность данной таксономической группы. Стоматоцисты имеют толстую кремнистую стенку, позволяющую им хорошо сохраняться в озерных отложениях и торфах.

Находки стоматоцист в археологических памятниках Евразии до настоящего времени не фиксировались. Только использование сканирующего электронного микроскопа (СЭМ), дающего достаточное увеличение, позволило выявить цисты при изучении СЭМ-микрoграфий мацератов палинокомплексов пыльцы, полученных для палеопочв Старой Ладogi.

Общие сведения о стоматоцистах

Стоматоцисты варьируют по размеру от 2 до 35 мкм, различаются формой и способом ornamentации поверхности. Все цисты имеют одно отверстие, пору, которая может быть окружена воротничком различного строения (*Duff et al.*, 1995).

Считается, что стоматоцисты являются видоспецифичными, однако на данный момент лишь очень небольшое количество стоматоцист связано с видами, их продуцирующими. Тем не менее они играют довольно важную роль в палеоиндикации начиная с 1956 г., когда Г. Ниагард предложил использовать их для этой цели (*Nygaard*, 1956).

Более широко они стали использоваться в качестве палеоиндикаторов со второй половины 1980-х гг. Тогда рабочей группой по стоматоцистам (ISWG) была разработана стандартизированная система описания новых стоматоцист, согласно которой каждой цисте присваивается свой

номер и дается максимально подробное описание, сопровождаемое СЭМ-микрoграфией (СМГ).

Полученные материалы

На микрoграфиях мацератов палинокомплексов пыльцы из палеопочв Старой Ладogi из нижней (неолитической) и верхней почв (П2 и П1 соответственно) были выявлены шесть морфотипов стоматоцист. При этом в образце П1 представлен только один морфотип, идентифицированный нами до номера. В образцах П2 выявлено пять морфотипов, из которых три были идентифицированы, а один определен также до вида. Два выявленных морфотипа мы не смогли отнести к ранее идентифицированным. Следует отметить, что часть найденных стоматоцист встречалась в нижней неолитической почве не единожды. Описание четырех идентифицированных морфотипов приводится ниже.

Верхняя почва, железный век — раннее средневековье

1. Стоматоциста *15 Duff, Smol emend. Zeeb, Smol.*² СМГ 419; ×3500 (рис. II.1, 1).

Видовая принадлежность. Может продуцироваться разными видами.

Описание. Крупная сферическая или слегка овальная стоматоциста, 23 мкм в диаметре. Пора правильная, 1,6 мкм в диаметре. Воротничок отсутствует. Поверхность стоматоцисты гладкая.

Распространение: стоматоциста отмечена в Канаде, США, Гренландии (*Duff et al.*, 1995. P. 24), как морфотип *14* в США (*Carney et al.*, 1992. P. 83). В Китае как стоматоциста *1 Duff, Smol*, включающая также морфотипы *15* и *9* (*Pang*, 2017. P. 19).

² Курсивом здесь и далее дается определение морфотипа стоматоцисты, включающее номер и имя автора, впервое описавшего данный морфотип. Если описание было кем-то существенно дополнено, указывается *emend.* (то есть дополненное) и имя автора дополнений.

¹ Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН; ул. Профессора Попова, д. 2; Санкт-Петербург, 197376, Россия.

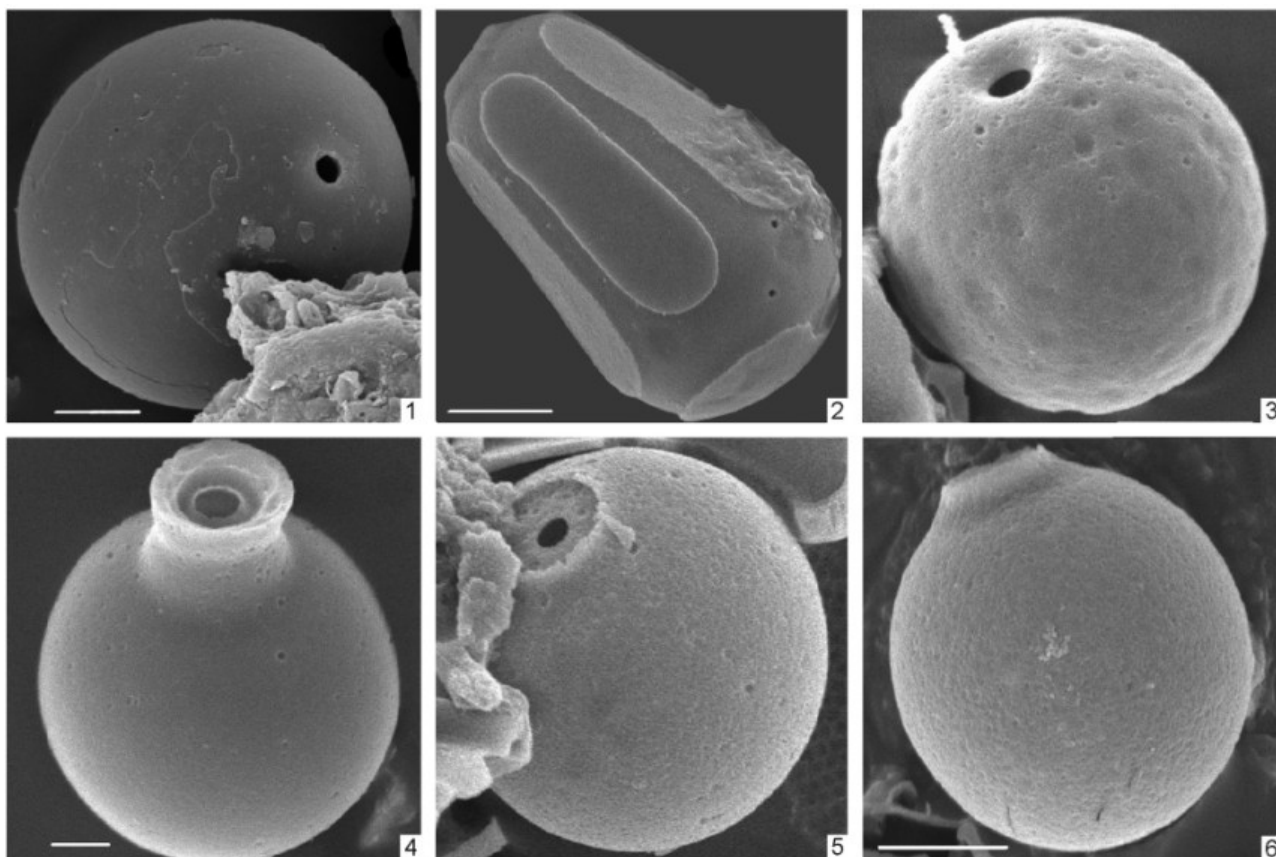

Рис. II.1. Стоматоцисты из верхней почвы (1) и нижней неолитической почвы (2–6): 1 — стоматоциста 15, Duff & Smol, 1988 emend. Zeeb & Smol, 1993 (СМГ 419; $\times 3500$); 2 — стоматоциста 302, Gilbert et al., 1997 (СМГ 472; $\times 4300$); 3 — стоматоциста 3 van de Vijver et Beyens, 1997 (СМГ 470; $\times 5000$); 4 — неидентифицированная стоматоциста (СМГ 459; $\times 5500$); 5 — стоматоциста 165, Kamenik et Schmidt, 2005 (СМГ 475; $\times 2300$); 6 — неидентифицированная стоматоциста (СМГ 471; $\times 5000$). Масштабная линейка: 1–3, 5–6 — 5 мкм; 4 — 2 мкм

Fig. II.1. Stomatocysts from the upper soil (1) and lower Neolithic soil (2–6): 1 — stomatocyst 15, Duff & Smol, 1988 emend. Zeeb & Smol, 1993 (СМГ 419; $\times 3500$); 2 — stomatocyst 302, Gilbert et al., 1997 (СМГ 472; $\times 4300$); 3 — stomatocyst 3 van de Vijver et Beyens, 1997 (СМГ 470; $\times 5000$); 4 — unidentified stomatocyst (СМГ 459; $\times 5500$); 5 — stomatocyst 165, Kamenik et Schmidt, 2005 (СМГ 475; $\times 2300$); 6 — unidentified stomatocyst (СМГ 471; $\times 5000$). Scale bar: 1–3, 5–6 — 5 microns; 4 — 2 microns

Экология. Широко распространена. При рН 4,5–9,1, температуре воды 0–25 °С (Там же).

Нижняя почва, неолит

2. Стоматоциста 165 Kamenik, Schmidt. СМГ 475; $\times 2300$ (рис. II.1, 5).

Видовая принадлежность. Неизвестна.

Описание. Это сферическая стоматоциста, 14,4 мкм в диаметре. Пора правильная, 0,7 мкм в диаметре, окружена плоским или слегка наклонным аннулюсом. Воротничок очень низкий цилиндрический, 3,9 мкм в диаметре. Поверхность стоматоцисты гладкая.

Распространение. Стоматоциста в ископаемом виде описана в Словакии (Kamenik et al., 2005. С. 278). В современном материале отмечена в Китае (Pang, 2017. С. 33). Х. Каменик отмечает, что распределение данного морфотипа положительно коррелирует с концентрацией углистых остатков, накопление которых может быть индикатором высокой концентрации CO_2 в атмосфере и относительно низкого значения рН воды. В современных условиях встречается в осоковых болотах при рН 6,4–6,7, температуре 0–12 °С.

В. Панг подчеркивает, что ее экземпляр чуть больше, чем приведенный у Х. Каменик; тот,

в свою очередь, пишет, что его 165-я циста практически идентична цистам 34 *van de Vijver et Beyens* и 393 *Pla*, от которых отличается только размерами (*Kamenik et al.*, 2005. Р. 278). При этом данный морфотип имеет сходство также с цистой 197 *Duff, Smol*, от которой отличается менее выраженным воротничком (*Wilkinson et al.*, 2001).

3. Стоматоциста 3 *van de Vijver, Beyens*.

СМГ 470; $\times 5000$ (рис. II.1, 3).

Видовая принадлежность. Неизвестна.

Описание. Крупная сферическая или овальная стоматоциста, $12,9\text{--}13,8 \times 14\text{--}15$ мкм. Пора вдавленная (внутренний диаметр $1,5\text{--}1,8$ мкм, внешний диаметр $2,8\text{--}3,2$ мкм). Воротничок отсутствует. Поверхность стоматоцисты орнаментирована вмятинами округлой или неправильной формы различного размера.

Распространение. Стоматоциста описана из отложений озерного торфа, датированного $10\ 140 \pm 120$ лет назад, с о. Кергелен в Южном полушарии (*Vijver, Beyens*, 1997). В свежем материале циста отмечена в Польше и Китае (*Cabala*, 2003; *Pang*, 2017. С. 225).

Экология. В озерах, торфяных и осоковых болотах, на погруженных мхах. В олигомезотрофных водах при pH $5,1\text{--}7,3$, температуре $5,3^\circ\text{C}$, электропроводности 174 мкСм (*Cabala*, 2003; *Pang*, 2017).

4. Стоматоциста 302 *Gilbert et al.*

СМГ 472; $\times 4300$ (рис. II.1, 2).

Видовая принадлежность. *Synura splendida* Korshikov (*Bourrelly*).

Описание. Крупная грушевидная или овальная стоматоциста, $20,6 \times 12,6$ мкм. Воротничок конический (апикальный диаметр $4,1$ мкм, базальный диаметр 5 мкм, высота $0,9$ мкм). Поверхность цисты орнаментирована пятью или шестью гладкими, плоскими, слегка возвышающимися

овальными дисками ($13,7\text{--}14,8 \times 3,6\text{--}4,3$ мкм), расположенными по окружности стоматоцисты. Диск, расположенный на заднем полюсе цисты, неправильной формы.

Распространение. Стоматоциста описана по находкам из отложений торфа в Северо-Западной Сибири в районе р. Лена, где была найдена на глубине $358\text{--}360$ см, а также в трех нижних частях колонки грунта (то есть ниже 375 см), соответствующих примерно 7180 ± 110 лет назад. В настоящее время вид имеет широкое, но очень рассеянное распространение в северном полушарии. Встречается в Европе (Австрия, Болгария, Венгрия, Дания, Польша, Румыния, Украина, Финляндия, Франция, Швеция), Северной Америке (*Kristiansen, Preisig*, 2007) и Китае (*Pang*, 2017. Р. 220). В России отмечен в Карелии, на Верхней Волге, в Вологодской и Ленинградской областях (*Сафронова*, 2018. С. 151).

Экология. Вид является бета-олигосапробионтом и в настоящее время встречается в сфагновых и осоковых болотах, озерах и прудах при pH $3,6\text{--}7,4$ и температуре воды $0\text{--}16^\circ\text{C}$.

Заключение

Анализируя данный материал, можно предположить, что нижняя неолитическая почва сформировалась на основе мезотрофного заболоченного водоема с водой, pH которой меньше 7. Сделать определенные выводы на основе одного морфотипа, найденного в верхней почве, проблематично, однако, вероятно, это также мог быть небольшой водоем либо регулярно затопляемое местообитание (pH = $4,5\text{--}9,1$)³.

³ Автор выражает признательность Д. А. Капустину (ИФР РАН) и Н. В. Шадрину (ИнБЮМ) за ценные консультации и замечания.

Результаты СЭМ-исследований диатомовых водорослей из погребенных почв, подстилающих культурные отложения Старой Ладogi

Н. Б. Балашова, Г. А. Киселев¹

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-193-195

Полученные материалы

В ходе изучения растительных остатков, происходящих из отложений верхней и нижней палеопочв Старой Ладogi и задокументированных на СЭМ-микрографиях, было обнаружено значительное количество панцирей диатомей. Подавляющее большинство их не поддаются видовому определению из-за плохой сохранности. Для идентификации видов диатомовых водорослей и составления их кратких характеристик были использованы определители и монографии отечественных и зарубежных авторов (Баринаова и др., 2006; Диатомовый анализ..., 1949; Диатомовые водоросли СССР..., 1974; Krammer, Lange-Bertalot, 1986; 1991; Krammer, 2000).

В конечном счете были определены следующие виды диатомовых водорослей: 1) *Aulacoseira islandica* (O. Müller) Simonsen²; 2) *Aulacoseira granulata* (Ehrenberg) Simonsen; 3) *Cyclostephanos dubius* (Hustedt) Round; 4) *Stephanodiscus neoastrea* (Håkansson & Hickel) (рис. III.1). Все они являются пресноводными планктонными формами.

Кроме того, в нижней неолитической почве выявлен вид *Pinnularia sp.*³ (СМГ 467; рис. III.2), представляющий донные сообщества, которые формируются в водоемах. Присутствие данных

диатомей в изучаемых отложениях свидетельствует о том, что в исследуемые эпохи здесь также находился водоем.

В пробе из верхней почвы (П1) выявлено два вида диатомовых: *Aulacoseira islandica* (O. Müller) Simonsen (СМГ 438; рис. III.1, 1); *Aulacoseira granulata* (Ehrenberg) Simonsen (СМГ 416; рис. III.1, 6).

В пробах, взятых из нижней почвы (П2), присутствуют четыре вида диатомовых: *Stephanodiscus neoastrea* Håkansson & Hickel (СМГ 475; рис. III.1, 2); *Aulacoseira islandica* (O. Müller) Simonsen (СМГ 474; рис. III.1, 3); *Cyclostephanos dubius* (Hustedt) Round (СМГ 476, 468; рис. III.1, 4–5), там же обнаружены обломки створок пеннатных диатомей, которые не идентифицируются, только один практически целый панцирь принадлежит крупной *Pinnularia sp.* (СМГ 467; рис. III.2).

Сходство состава диатомей верхней и нижней почв незначительно, общим для них является только один вид — *Aulacoseira islandica* (O. Müller) Simonsen. Большинство выявленных диатомовых водорослей являются центрическими формами, то есть ареолы — основные структурные элементы панциря — располагаются преимущественно радиально. Центрические диатомеи очень характерны для планктонных сообществ водоема, которые вегетируют в толще воды. Присутствие данных водорослей в изучаемых отложениях свидетельствует, что в исследуемую эпоху здесь был пресный водоем с щелочной реакцией среды и достаточно чистыми по наличию загрязняющих органических веществ водами. Последнее подтверждается экологическими характеристиками обнаруженных видов.

Проба П2, содержащая крупную *Pinnularia sp.*, по всей вероятности, соответствовала прибрежной мелководной зоне водоема. Обычно такие крупные панцири встречаются в донных сообществах.

¹ СПбГУ, Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

² Видовые определения диатомовых водорослей включают имя автора, впервые описавшего вид (указывается в скобках), и далее — автора, уточнившего описание вида. Иногда в литературе фигурируют несколько авторов с одинаковыми фамилиями. Тогда, чтобы различать их, указываются инициалы.

³ В данном случае автор не указан, так как *Pinnularia* — это название рода. В сочетании с *sp.* это означает, что выявлен один из видов указанного рода. По той же причине для *Pinnularia sp.* не приведено отдельное описание видовых характеристик.

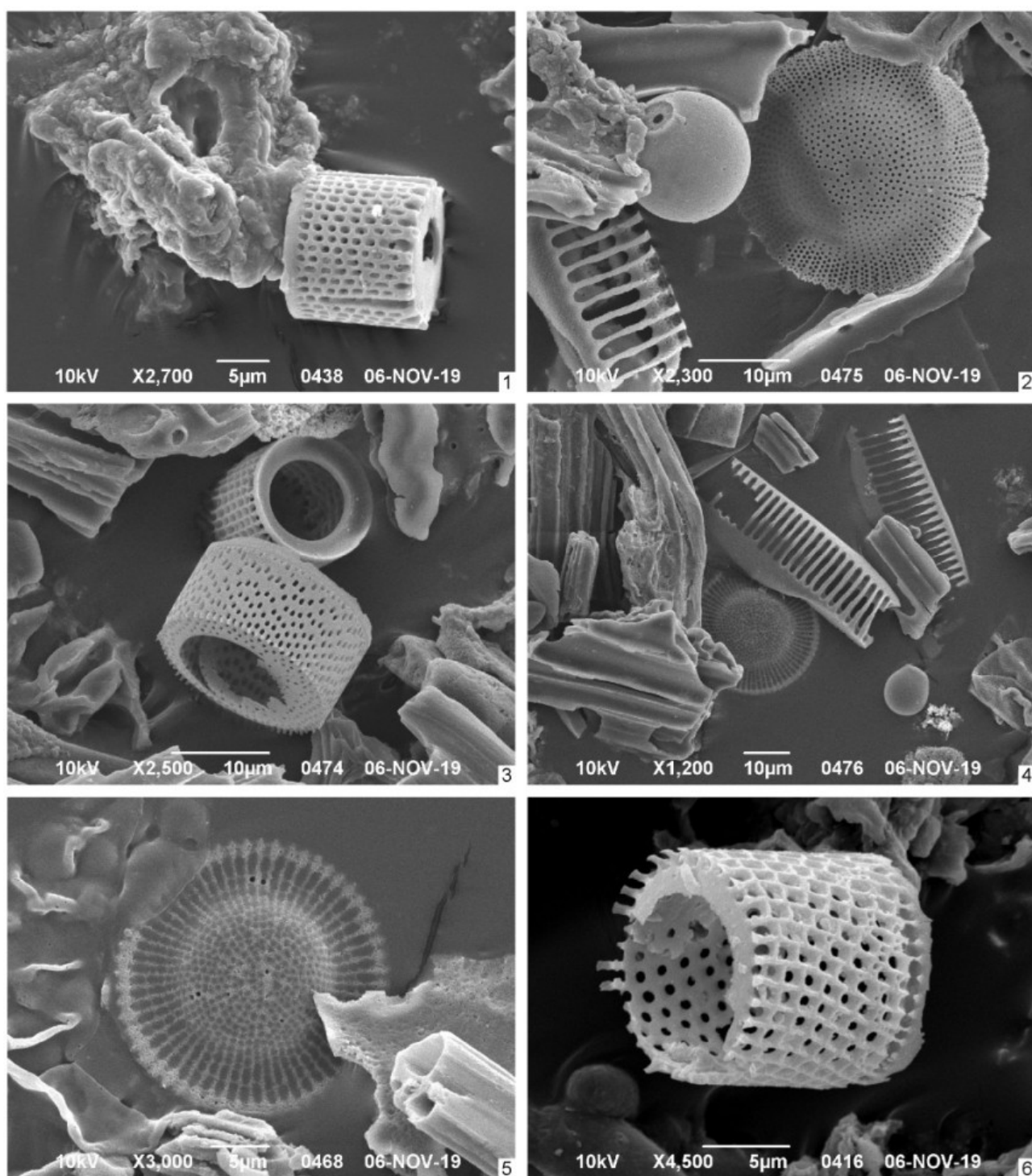

Рис. III.1. СЭМ-микрографии диатомовых водорослей: 1, 6 — верхняя почва (СМГ 438, $\times 2700$; СМГ 416, $\times 4500$); 2-5 — нижняя неолитическая почва (СМГ 475, $\times 2300$; СМГ 474, $\times 2500$; СМГ 476 $\times 1200$; СМГ 468, $\times 300$).

1, 3 — *Aulacoseira islandica* (O. Müller) Simonsen; 2 — *Stephanodiscus neoastrea* (Håkansson & Hickel); 4, 5 — *Cyclostephanos dubius* (Hustedt) Round; 6 — *Aulacoseira granulata* (Ehrenberg) Simonsen

Fig. III.1. SEM microphotographs of diatomic algae: 1, 6 — upper soil (СМГ 438, $\times 2700$; СМГ 416, $\times 4500$); 2-5 — lower Neolithic soil (СМГ 475, $\times 2300$; СМГ 474, $\times 2500$; СМГ 476 $\times 1200$; СМГ 468, $\times 300$).

1, 3 — *Aulacoseira islandica* (O. Müller) Simonsen; 2 — *Stephanodiscus neoastrea* (Håkansson & Hickel); 4, 5 — *Cyclostephanos dubius* (Hustedt) Round; 6 — *Aulacoseira granulata* (Ehrenberg) Simonsen

Краткие характеристики видов

Aulacoseira islandica (O. Müller) Simonsen — пресноводный планктонный холодолюбивый вид, индифферент по отношению к солености воды (виды с большой адаптивной способностью к меняющейся солености воды), алкалифил по отношению к рН (виды, предпочитающие щелочные воды), олигосапроб по отношению к органическому загрязнению воды (виды, обитающие в водоемах бедных органическими веществами). Распространен в озерах бореальной области. В ископаемом состоянии встречается в четвертичных и межледниковых отложениях Ленинградской области.

Aulacoseira granulata (Ehrenberg) Simonsen — пресноводный планктонный вид, индифферент по отношению к солености воды, алкалифил по отношению к рН, бета-альфамезосапроб по отношению к органическому загрязнению воды (виды, обитающие в водоемах от слабо очищенных от органики до хорошо очищенных от органики). Распространен в озерах, реках. В ископаемом состоянии встречается в позднем плейстоцене, голоцене Северо-Запада России.

Cyclostephanos dubius (Hustedt) Round — пресноводный планктонный вид, алкалибионт (виды, обитающие исключительно в щелочных водах), олигомезосапроб (виды, обитающие в водоемах от практически чистых до водоемов, хорошо очищенных от органических веществ). Распространен в озерах и реках. В ископаемом состоянии зафиксирован в голоцене.

Stephanodiscus neoastrea Håkansson & Nickel — пресноводный планктонный вид, алкалибионт, олиго-бетасапроб (виды, обитающие в водоемах от практически чистых до водоемов, хорошо очищенных от органических веществ). Распространен в озерах, реках бореальной области.

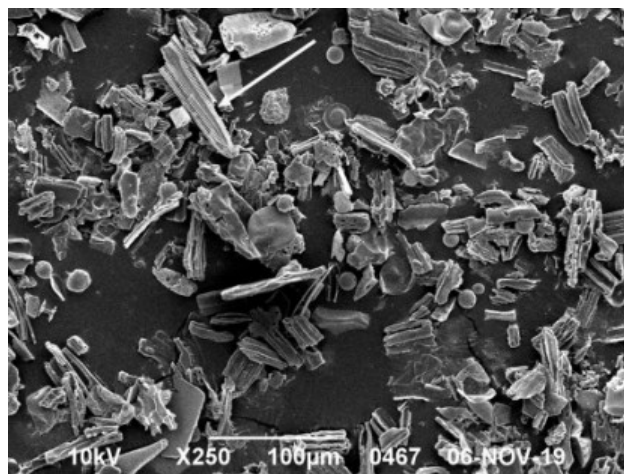

Рис. III.2. СЭМ-микрография диатомовой водоросли *Pinnularia* sp. (СМГ 467, ×250) из нижней неолитической почвы 2 (показана стрелкой)

Fig. III.2. SEM microphotographs of diatomic alga *Pinnularia* sp. (СМГ 467, ×250) from lower Neolithic soil 2 (marked with arrow)

Заключение

В отложениях нижней (неолитической) и верхней палеопочв, погребенных под отложениями средневекового городища Старой Ладogi, определено четыре вида диатомовых водорослей, являющихся пресноводными планктонными формами; еще один вид представляет донные сообщества водоемов. Сходство составов диатомей по слоям незначительно. Присутствие данных диатомей в изучаемых отложениях свидетельствует, что они сформировались в водоеме (в щелочной среде). Количество панцирей диатомей в пробах достаточно велико. Но в подавляющем большинстве они не могут быть определены на современном этапе исследований из-за плохой сохранности.

Определение древесин из палеопочвы 1 Староладожского Земляного городища по СЭМ-микрограммам (предварительные результаты)

Е. С. Чавчавадзе¹

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-196-199

СЭМ-микрограммы древесных остатков из отложений средневековых памятников России получены впервые благодаря использованию новой методики приготовления столиков, предложенной Г. М. Левковской (*Левковская, 2017а; Левковская и др., 2014*). Нами выполнены определения древесин из верхней почвы 1, непосредственно подстилающей раннесредневековые культурные отложения Старой Ладоги (рис. IV.1).

В ходе исследования рассмотрены микрограммы (СМГ) мелких кусочков древесины — сложные полифункциональные ткани, представленные трахеидами разного типа, члениками сосудов, клетками радиальных лучей и аксиальной паренхимы. Признаки этих элементов, несущие схожие функции в древесине, могут повторяться у неродственных таксонов, что затрудняет диагностику.

СМГ 422 (рис. IV.1, 1)

Ксилотомический анализ полученного материала на СМГ 422 (×1400) показал, что представлены поля перекреста, то есть места скрещивания фрагментов двух лучевых клеток с вертикальной трахеидой. Размер, расположение и количество пор таксоидного типа на «полях», а также краевая клетка, имеющая неправильный, своеобразный контур, позволяют с осторожностью отнести эту древесину к роду *Abies* Mill. (сем. *Pinaceae*), а именно к виду пихта сибирская (*Abies sibirica* Ledeb.). Такое решение подтверждается современным ареалом вида (Атлас древесины..., 1992; *Бенькова, Швейнгрубер, 2004*) (рис. IV.2). По рисунку полей перекреста пихта имеет сходство с елью. Однако отсутствие дополнительных элементов для ели — лучевых трахеид и

тангентальных стенок лучей позволяет отнести данную форму к пихте, а не к ели (*Greguss, 1959; Чавчавадзе, 1979*).

Древесина пихты, лишенная смоляных ходов, издавна использовалась для изготовления тары, возведения небольших хозяйственных построек и на дрова. Кора, богатая смолой, — для получения пихтового бальзама, а мелкие веточки (пихтовые лапки) — на пихтовое масло. То и другое широко применялось в медицине, парфюмерии и в технических целях (*Яценко-Хмелевский, 1954; Качалов, 1970*).

СМГ 420 (рис. IV.1, 3)

СМГ 420 (×2500) показала принадлежность древесины к роду *Tillia* L. (сем. *Tilliaceae*) — липа. Скорее всего, это липа мелколистная (*Tilia cordata* Mill.). Образец состоит из фрагментов трех члеников сосудов с простыми перфорациями и спиральными утолщениями на боковых стенках, между которыми располагаются многочисленные округлые поры. С нижней и верхней сторон с сосудами контактируют обрывки сосудистых трахеид, имеющие аналогичную структуру оболочек. Чрезвычайно малые элементы мацерата говорят о том, что перед нами образец, полученный из тонкой ветки, имеющий некоторые отличия от древесины ствола, например меньший угол наклона спиралей и размеры пор (*Яценко-Хмелевский, 1954; Вихров, 1959; Бенькова, Швейнгрубер, 2004*).

Липа — лучший медонос Северо-Запада России. Все части дерева многие века использовались в хозяйственной деятельности человека. Мягкая, хорошо обрабатываемая древесина шла на изготовление домашней утвари, игрушек, досок для икон и пр. Жмых соцветий и листьев — на корм скоту. Плоды (орешки) — заменитель кофе. Луб взрослых деревьев шел на получение мочала, а молодых деревьев — на бинты (*Качалов, 1970*).

¹ Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН; ул. Профессора Попова, д. 2, Санкт-Петербург, 197376, Россия.

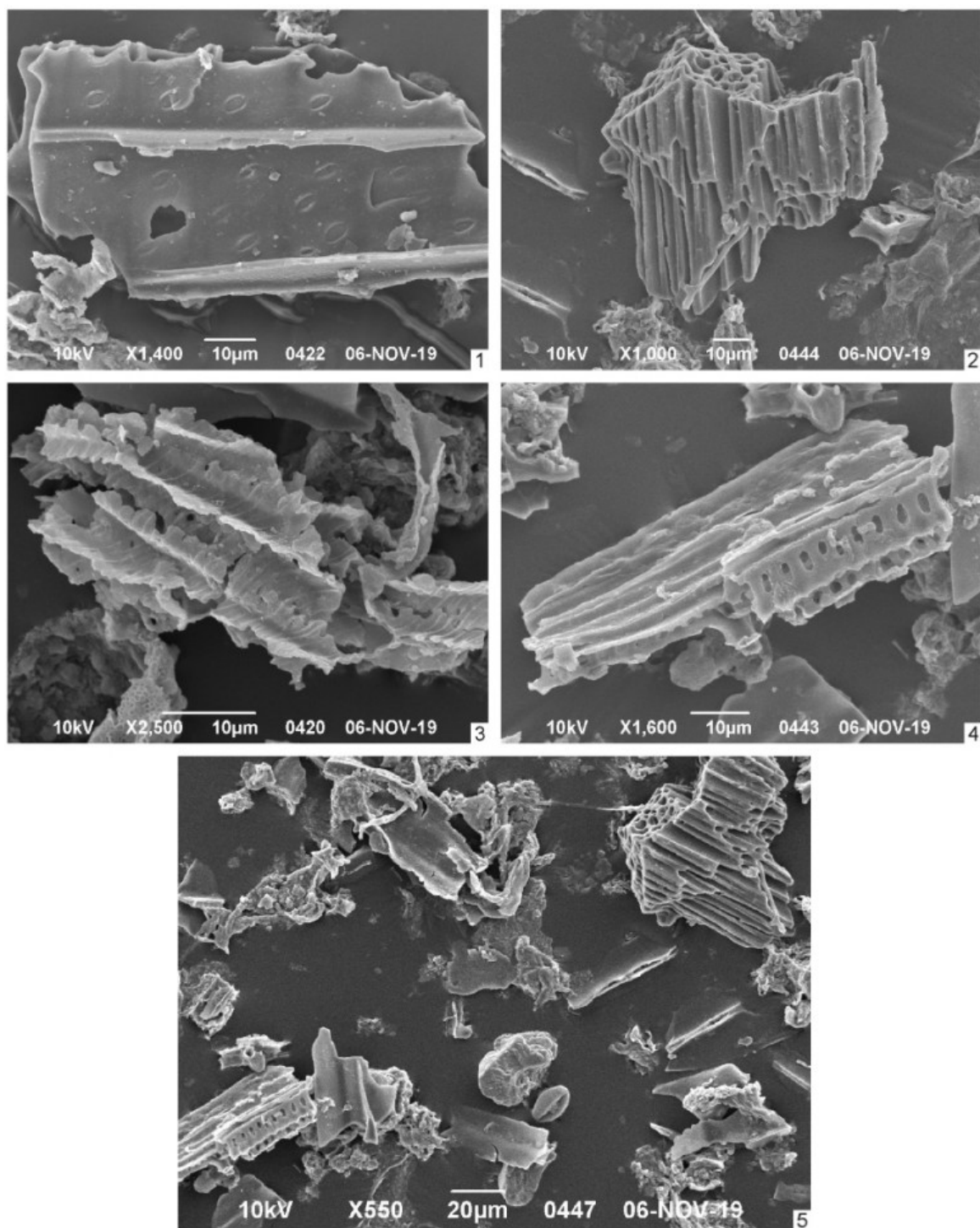

Рис. IV.1. СЭМ микрографии фрагментов древесины (1–4) и общий вид мацератного комплекса пыльцы с находками древесины (5): 1 — пихта (*Abies sibirica* Ledeb; СМГ 422; ×1400); 2 — вересковые (сем. Ericaceae; СМГ 444; ×1000); 3 — липа (*Tilia cordata* Mill.; СМГ 420; ×2500); 4 — розоцветные (сем. Rosaceae; СМГ 443; ×1600); 5 — вид мацератного комплекса на СМГ 447 (×550)

Fig. IV.1. SEM microphotographs of wood fragments (1–4) and general view of macerated complex of pollen with finds of wood (5): 1 — abies (*Abies sibirica* Ledeb; СМГ 422; ×1400); 2 — heath family (Ericaceae; СМГ 444; ×1000); 3 — lime tree (*Tilia cordata* Mill.; СМГ 420; ×2500); 4 — family of rosaceae (Rosaceae; СМГ 443; ×1600); 5 — view of the macerated complex at СМГ 447 (×550)

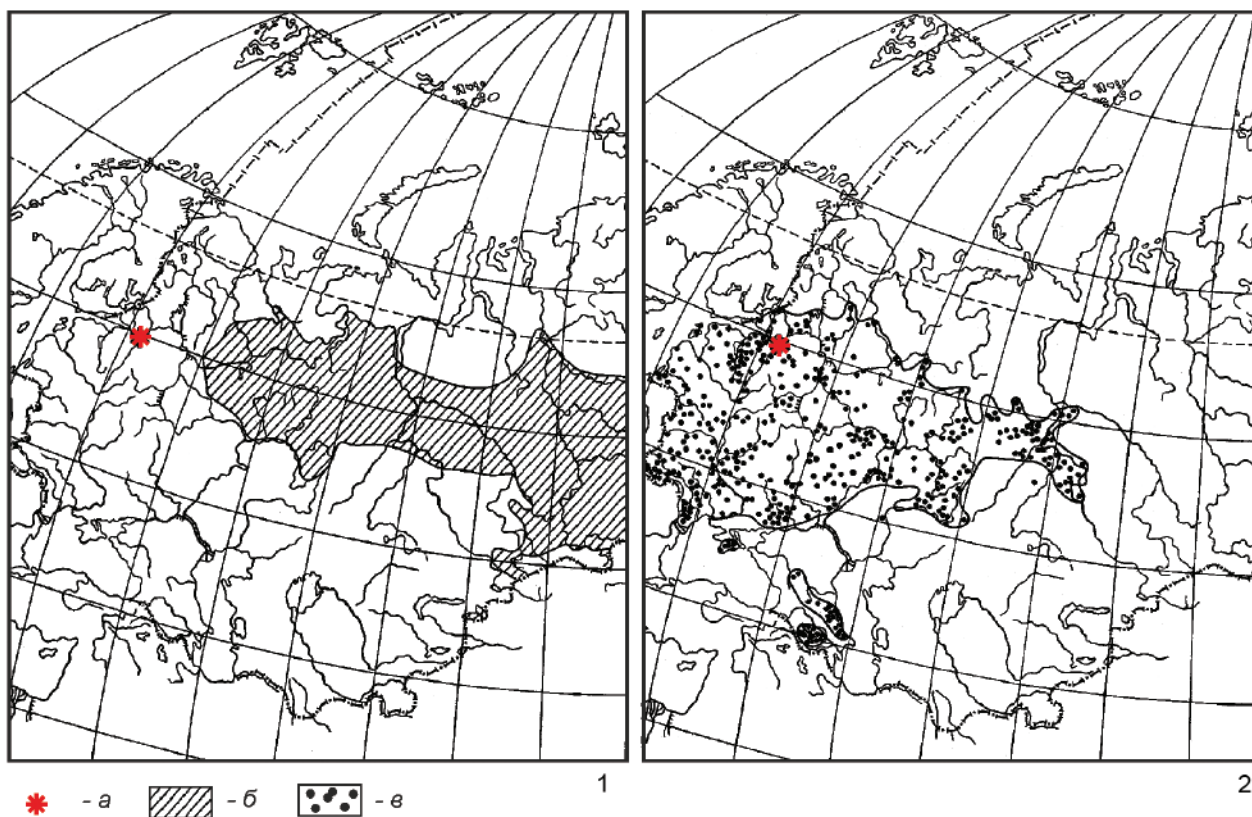

Рис. IV.2. Современные ареалы распространения пихты сибирской (*Abies sibirica* Ledeb) (1) и липы мелколистной (*Tilia cordata* Mill.) (2) (Соколов и др., 1977; 1986). Условные обозначения: а — Старая Ладога; б — современный ареал пихты сибирской; в — современный ареал липы мелколистной

Fig. IV.2. Modern habitats of Siberian fir (*Abies sibirica* Ledeb) (1) and small-leaved lime (*Tilia cordata* Mill.) (2) (Соколов et al., 1977; 1986). Keys: a — Staraya Ladoga; б — modern habitat of Siberian fir; в — modern habitat of small-leaved lime

СМГ 443 (рис. IV.1, 4)

Фрагмент древесины на СМГ 443 ($\times 1600$) состоит из двух крупных члеников сосудов короткоцилиндрической формы, с простыми перфорационными пластинками и стенками, снабженными довольно крупными порами овальной и вытянуто-овальной формы. Расположены по 1–2 друг над другом по всей длине сосуда. Эти крупнопросветные элементы граничат с узкими длинными волокнистыми члениками сосудов, трудноотличимыми от соседних трахеид. Боковые стенки таких сосудов густо покрыты окаймленными порами и спиральной штриховатостью (возможно, спиралью). По комплексу признаков образец можно отнести к представителям семейства розоцветных (сем. *Rosaceae*), скорее всего к роду *Rubus ideus* L. (малина) или *Sorbus aucuparia* L. (рябина). Для более точного определения информации недостаточно (Гаммерман и др., 1946;

Яценко-Хмелевский, 1954; Greguss, 1959; Вихров, 1959; Чавчавадзе, 1979).

Рябина и малина — плодово-ягодные медоносные растения — используются местным населением для приготовления варенья, компота, пастилы и напитков. Прочная древесина рябины применяется для изготовления мелких поделок, домашней утвари (Качалов, 1970).

СМГ 444 (рис. IV.1, 2)

Оригинальным оказался образец на СМГ № 444 ($\times 1000$), представляющий собой маленький блок древесины в трех проекциях — поперечной, косорадиальной и косотангентальной у границы слоев прироста. Слева на поперечном срезе расположена ранняя (весенняя) ксилема. Справа — поздняя (летняя). Древесина рассеяно-сосудистого типа с тенденцией кольцесосудистости. Просветы в начале годичного слоя крупные,

угловатые. Членики их цилиндрической формы. Стенки тонкие, пористые. В поздней (левой) части прироста элементы имеют значительную длину и сплюснутые в радиальном направлении просветы. Стенки их покрыты мелкими порами, расположенными в один ряд по всей длине. Многие волокна лишены пор. Условно древесину можно отнести к семейству вересковых (сем. Ericaceae). Возможно, к роду *Vaccinium* L. (черника, брусника, голубика) или к роду *Arctostaphylos* Adans. (толокнянка).

Черника, брусника и голубика относятся к съедобным растениям (Яценко-Хмелевский, 1954; Greguss, 1959; Чавчавадзе, 1979; Чавчавадзе, Сизоненко, 2002).

Плоды черники, брусники, голубики содержат большое количество витаминов, сахаров и микроэлементов. Листья толокнянки, черники и брусники нашли применение в народной медицине (Яценко-Хмелевский, 1954; Качалов, 1970).

Приведенная СМГ 447 (×550; рис. IV.1, 5) оказала большую помощь в определении фрагментов

мацерата, показав их в меньшем масштабе и другом ракурсе.

Проведенные исследования носят предварительный характер и требуют дополнительного материала.

Выводы

Древесные остатки из отложений эпохи железного века — средневековья впервые оказались не только определены, но и задокументированы в виде СЭМ-микрографий. Результаты СЭМ экспериментального исследования позволили предварительно определить микроостатки пихты, липы, розоцветных и вересковых. Определены такие растения, как пихта сибирская (*Abies sibirica* Ledeb.) и липа мелколистная (*Tilia cordata* Mill.); находжения их подтверждены современными ареалами (Соколов и др., 1977; 1986) (рис. IV.2). Идентифицированные растения в средние века могли широко использоваться в хозяйственной деятельности человека.

Методы стабильных изотопов в исследованиях археологических объектов (применяемые методы и последние результаты)¹

Г. И. Зайцева, Н. Д. Бурова, С. А. Ришко, А. А. Семенцов, О. В. Лохова²

Аннотация. В статье показывается возможность изотопных методов и перспектива их применения при анализе археологического материала. Данная информация позволит археологам скорректировать направления исследований и выработать оптимальный методологический подход в решении конкретных задач.

Annotation. This paper demonstrates the possibilities of isotope methods and the prospects of their application for analyses of archaeological materials. This information may be helpful for archaeologists in order to correct the direction of their investigations and to develop the optimal methodological approach to solution of particular problems.

Ключевые слова: стабильные изотопы, ¹³C, ¹⁵N, Sr, углерод, азот, стронций, изотопный анализ.

Keywords: stable isotopes, ¹³C, ¹⁵N, carbon, nitrogen, strontium, isotopic analysis.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-200-206

Введение

Изучение археологических объектов с использованием различных изотопов началось с конца 1950-х гг., когда для хронологических исследований стали использоваться радиоактивные изотопы. Среди них первое место, несомненно, принадлежит до сих пор радиоуглероду.

Основы применения радиоуглерода широко известны (Арсланов, 1987). Радиоуглеродным анализом археологических объектов лаборатории ИИМК РАН занимается с 1950-х гг. Получен огромный материал, создана база данных радиоуглеродных дат различных археологических культур и памятников, отраженная в статьях и монографиях (Тимофеев и др., 2004; Радиоуглерод..., 2007).

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0009 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи бронзы, железа и средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология».

² Лаборатория археологической технологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

В настоящее время многие ключевые проблемы археологии, связанные с происхождением человека, взаимодействием культур, с направлениями миграции и путями торговли, с разработкой источников сырья, развитием технологических приемов в обработке металлов, и другие трудно решить только одними методами археологии.

Прогресс в области инструментальной техники, связанный с появлением приборов последнего поколения, позволяет не только осуществлять элементный анализ образцов, но и определять с высокой точностью различные изотопы, часто являющиеся определенными маркерами, характеризующими некоторые составляющие природной среды, структуры питания человека и другие важные аспекты среды обитания древних людей. К нынешнему времени накоплен большой экспериментальный опыт, который требует анализа и осмысления. В данной статье мы попытаемся суммировать и проанализировать данные, разбросанные по различным отечественным и зарубежным публикациям.

Основы методик

Применение стабильных изотопов в археологии началось примерно на 20 лет позднее радиоуглеродного анализа, то есть с конца 1970-х гг.

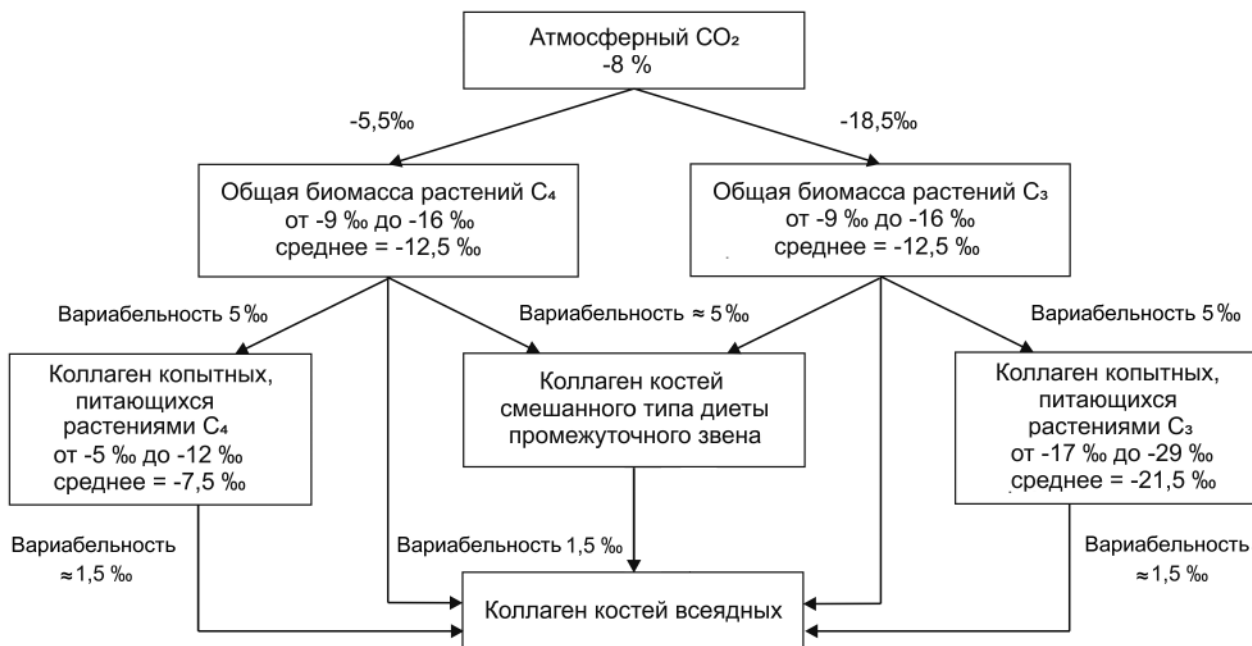

Рис. 1. Схема поступления углерода в организм человека

Fig. 1. Scheme of the accumulation of carbon by human organism

Изотопы условно можно подразделить на легкие, атомной массой до 20 атомных единиц, и тяжелые, свыше 90.

Н. Ван дер Мерве и Д. Фогель на основе определения стабильных изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ в коллагене костей животных и человека смогли впервые доказать выращивание кукурузы уже в доисторический период в Северной Америке (Vogel, van der Merwe, 1978). Можно сказать, что с этого времени ведется отчет применения этих изотопов для целей археологии. Сейчас исследования с помощью стабильных изотопов получили новый импульс, и сфера их применения постоянно расширяется. Химическим путем разделить изотопы, отличающиеся на единицу массы, практически невозможно.

Для этих целей используют масс-спектрометры. Масс-спектрометр — это вакуумный прибор, использующий физические законы движения заряженных частиц в магнитных и электрических полях и необходимый для получения масс-спектра. Современные масс-спектрометры дают возможность измерять ИС (изотопный состав) с точностью, достигающей 10^{-7} .

Из множества стабильных изотопов, существующих в природе, в археологических исследованиях пока что нашли применение такие легкие изотопы, как ^{13}C , ^{15}N , кислород (^{18}O), стронций, свинец и некоторые другие.

Легкие изотопы (^{13}C , ^{15}N)

Рассмотрим поступление в живой организм легких изотопов углерода и азота. В растения углерод поступает в результате процессов фотосинтеза. Растения при фотосинтезе избирательно поглощают легкий изотоп углерода (van der Merwe, 1982). Содержание в атмосфере углерода с массой 12 и 13 составляет соответственно 98,916 % и 1,084 %.

Соотношение изотопов углерода $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ в растениях зависит от того, как идет усвоение углекислого газа при фотосинтезе. Существуют три механизма фотосинтеза. Наиболее распространенный механизм усвоения углерода носит название цикла Кельвина и обозначается C_3 . Подавляющее большинство деревьев, кустарников и трав усваивают углекислый газ из атмосферы именно по этому принципу. Другой механизм (C_4) называется циклом Хетча–Слека. Типичные представители для него — сахарный тростник и кукуруза. Некоторые растения, произрастающие в жарком и сухом климате, используют механизм САМ. Характерные представители в этом случае — кактусы и ананасы (рис. 1).

Через пищу углерод поступает в организм человека и фиксируется в костной ткани. Кости животных и человека являются своеобразным архивом для исследований, дающим возможность

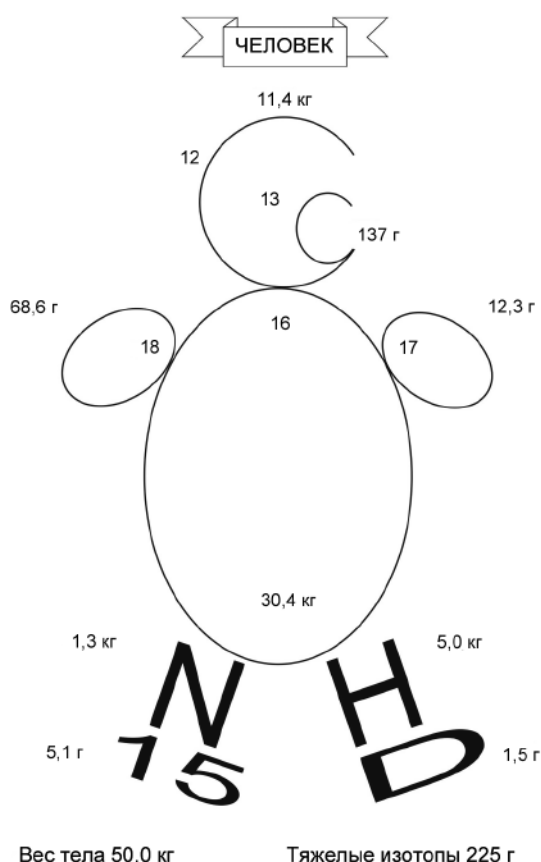

Рис. 2. Весовое содержание основных элементов и изотопов

Fig. 2. Weight contents of the main elements and isotopes

узнать как источники питания, так и определенные условия окружающей среды.

Кость состоит из органической части (коллаген) и неорганической, карбонатной, части. Коллаген имеет тот изотопный состав, который наблюдался в природе в момент его формирования. Значительную роль при фракционировании играет температура. Таким образом, по соотношению изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ можно судить как о диете, так и о температурном режиме в контексте холоднее–теплее (Krueger, Reesman, 1982).

Азот, как и углерод, — необходимый для жизнедеятельности элемент. В белке животных и человека содержится 16–17 % азота.

Азот входит в состав ДНК и многих органических соединений, белков. Содержится в мышечной (7,2 %), костной (4,3 %) тканях, крови человека (в человеческом организме массой 50 кг в среднем содержится 1,3 кг азота, а соответственно — массой 70 кг — 1,8 кг)(рис. 2).

В организмах плотоядных животных белок образуется за счет потребляемых белковых веществ, имеющихся в организмах травоядных животных и в растениях.

Растения синтезируют белок, усваивая содержащиеся в почве азотистые вещества, главным образом неорганические. Значительные количества азота поступают в почву благодаря азотфиксирующим микроорганизмам, способным переводить свободный азот воздуха в соединения азота.

Структура питания отражается в коллагене костной ткани. В археологических памятниках сохраняется именно костный материал, другие ткани сохраняются очень редко. Коллаген состоит из неорганической части (примерно на одну четверть) и органических компонентов. Неорганическая часть представлена в основном апатитами, то есть кальциевыми солями фосфорной кислоты. Приблизительно 95 % органического вещества костного материала приходится на коллаген. Именно костный коллаген и является материалом для изотопных исследований.

Выделение коллагена в лаборатории отработано и широко используется (Арсланов, 1987). Главная задача химической обработки — удаление посторонних примесей, апатитов и остатков гуминовых кислот, попавших в костный материал за время его залегания в почве. Выделение его из костного материала заключается в последовательной обработке материала растворами кислоты и щелочи с последующей промывкой.

Коллаген костей травоядных, а через них и хищных животных, наследует исходный изотопный состав растительности. Эта закономерность справедлива и для человека, если он использует для питания «ландшафтную» пищу.

У приморских жителей значения изотопного состава углерода коллагена отражают соотношение между потребляемыми морскими и континентальными продуктами.

Изотопный состав азота также может помочь различить морской, пресноводный и континентальный источники белков. В белках большинства морских и пресноводных рыб повышено содержание тяжелого изотопа ^{15}N , а при движении по пищевой цепочке его доля еще более возрастает. Правда, толкование результатов изотопного анализа осложняется влиянием климатических условий. В жарких, засушливых регионах содержание тяжелого изотопа азота в костях

животных выше, чем в областях с умеренным климатом. Проще говоря, доля ^{15}N увеличивается по мере уменьшения количества атмосферных осадков.

Кроме того, можно получить данные о составе диеты древнего населения, о некоторых параметрах окружающей среды, например температуре, и т. д.

Легкие изотопы ^{13}C и ^{15}N в исследованиях структуры питания жителей и животных древнего Ярославля. Последние годы лаборатория занимается исследованиями на основе стабильных изотопов. В основном материалы поступают из ИА РАН. Интересные данные по структуре питания получены из коллективных захоронений Ярославля.

В выборке представлены более 170 образцов костей людей (женщин, мужчин и детей) и около 50 образцов костей различных животных (домашних — коров, лошадей, свиней, собак; диких — бобра) из пяти коллективных захоронений Ярославля, для которых получены данные $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ (Яворская и др., 2015; Энговатова и др., 2015).

Значения $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ для всей исследованной выборки оказались в пределах $-20 \pm 0,3$ ‰, что соответствует смешанному рациону питания, характерному для умеренного пояса.

Значения $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ в костях людей позволяют судить об обогащении рациона питания белками, а среди них — о преобладании мяса наземных или водных животных различных трофических уровней. Результаты изотопного анализа дали возможность оценить наличие различий в структуре питания мужчин и женщин. Как выяснилось, средний рацион обоих полов сходен, что свидетельствует об отсутствии гендерных различий в традициях питания ярославцев.

Величина $\delta^{15}\text{N}$ для костной ткани детей возраста грудного вскармливания (в среднем до 2 лет) помогает представить уровень значений изотопных показателей для индивидов с преимущественно белковой пищей. Значение показателя для детей в возрасте до 2–3 лет составляет около $+12,7$ ‰, что несколько выше, чем для взрослого населения. Однако различия находятся в пределах единого трофического уровня, что позволяет предполагать достаточно высокую удельную долю белковой пищи в рационе средневековых жителей города.

Следует отметить, что индивидуальная изменчивость по содержанию тяжелого изотопа

азота более высока, чем по изотопу углерода. Значение $\delta^{15}\text{N}$ составляет $11,7 \pm 0,6$ ‰, что указывает на то, что основой белкового питания было мясо наземных млекопитающих.

Редкие индивиды со значениями $\delta^{15}\text{N}$, превышающими 13 ‰, вероятно, регулярно употребляли в пищу речную или озерную рыбу. Определены некоторые различия в изотопном составе детей разного возраста.

Тяжелые изотопы

Изотопы стронция. Отличительной биогеохимической чертой стронция является его фиксация в костной ткани во время роста скелета и в дальнейшем. При смене места обитания, в котором изотопный состав стронция может быть отличен, не происходит изотопного обмена по стронцию, если костная ткань уже не растет. Исключительно важным и полезным для изотопных исследований оказался памятник Колихо на Северо-Западном Кавказе.

Летом 2008 г. в окрестностях поселка Агуй-Шапсуг (Туапсинский район Краснодарского края) в долине реки Агой, на берегу ее левого притока, речки Колихо, впервые в истории кавказской археологии был открыт и исследован дольмен, в котором находились останки более 60 погребенных. Исключительную ценность дольмену придают уникальные климатические обстоятельства в эпоху бронзы, ставшие причиной мощного оползня, перекрывшего в это время мегалитический склеп трехметровым слоем глины, песка и гальки. Благодаря этому обстоятельству содержимое погребальной камеры дольмена практически не понесло утрат, связанных обычно с повторными захоронениями или ограблениями в более поздние исторические эпохи.

Для локализации районов происхождения людей, погребенных в дольмене Колихо, были определены региональные фоновые показатели изотопов стронция по биологическим образцам. Образцы происходят из окрестностей дольменных групп, расположенных в долинах рек со сбросом в Чёрное море на участке протяженностью около 100 км между Туапсе и Геленджиком. Образцами служили панцири виноградных улиток *helix pomatia*, для которых характерны короткий период роста панциря и ограниченная территория миграции.

Природный стронций (Strontium) Sr состоит из четырех стабильных изотопов ^{88}Sr (82,56 %),

^{86}Sr (9,86 %), ^{87}Sr (7,02 %) и ^{84}Sr (0,56 %). Распространенность изотопов стронция связана с образованием ^{87}Sr за счет распада природного ^{87}Rb . По этой причине точный изотопный состав стронция в породе или минерале, которые содержат рубидий, зависит от возраста и отношения Rb/Sr в данной породе или минерале.

Анализ изотопного состава стронция в образцах осуществлялся следующим образом. Сначала навески проб массой около 200 мг истирались в агатовой ступке до получения мелкодисперсной субстанции. Затем производилось удаление возможных вторичных загрязнений путем промывания проб в течение 1 ч в 1N растворе HCl. После этого с применением центрифугирования из раствора выделялись чистые субстанции образцов, которые в дальнейшем подвергались разложению в смеси азотной и плавиковой кислот. Степень разложения контролировалась с помощью центрифугирования. По достижении полного разложения образцов из них производилось выделение рубидия и стронция для изотопного анализа путем катионообменной хроматографии на смоле марки AG50W-X8. Изотопный анализ Sr производился на мультиколлекторном масс-спектрометре TRITON в статическом режиме. Коррекция на изотопное фракционирование стронция производилась при помощи нормализации измеренных значений по отношению $^{88}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 8,37521$. Нормализованные отношения приводились к значению $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 0,71025$ в международном изотопном стандарте NBS-987.

Сравнительный анализ значения отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в костях погребенных с микрорегиональными природными фоновыми показателями (геологические и биологические образцы) показал, что около половины (47 %) погребенных (из числа проанализированных) по крайней мере в последний, 7–10-летний, период жизни были частью постоянного населения долины Агоя или соседних долин, расположенных в 50–60 км от Колихо (Ришко и др., 2019; Trifonov et al., 2012; Trifonov et al., 2014).

Почти половина (53 %) погребенных (из числа проанализированных) со значением отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} > 0,708$ как минимум последнее десятилетие своей жизни провели за пределами Агойской долины, на территории пока неустановленной области. Высокие показатели отношений изотопов стронция косвенно указывают на область к юго-востоку от Сочи, в зоне расположения более радиогенных геологических

структур, характерных для горной системы Западного Кавказа.

Различия в содержании изотопов стронция этой группы могут указывать как на прижизненный переезд из района в район, так и на посмертное перемещение останков умерших на чужбине в семейный склеп.

Соотношение изотопов стронция может идентифицировать районы проживания древнего населения, поскольку это соотношение определяется двумя факторами: начальным соотношением Rb/Sr в породах и их геологическим возрастом, соответственно почвы и вода в разных регионах должны быть различны по изотопному составу стронция, а последний, в свою очередь, фиксируется в костной ткани живых организмов.

Таким образом, изотопный состав стронция может служить индикатором места рождения и достижения зрелости и индикатором миграции племени, если в костях скелетов разных людей соответственно разного возраста наблюдаются отличия в изотопном составе.

Особенно четко факт миграции может быть установлен сравнением изотопного состава стронция в костях людей со стронцием в костях домашних животных с относительно малым сроком жизни и короткими дистанциями выпаса, например коровы, овцы, свиньи.

Если исследования легких стабильных изотопов (углерода и азота) для целей археологии широко представлены в научной литературе последних десятилетий, то изотопы стронция еще только начали применяться, что объясняется аппаратурными трудностями. Для легких изотопов можно использовать электронные масс-спектрометры, например DeltaX, DeltaV и другие подобные приборы, а для стронция необходим более дорогой термоионизационный масс-спектрометр ThermoFinniganTRITON, который есть пока у ограниченного круга исследовательских лабораторий.

Изотопы свинца. Разработана методика локального изотопного анализа свинца (изотопы ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb) методом LA-ICPMS в материале изделий из бронзы и золота.

Для анализа крупных изделий при помощи специального инструмента выполнялся отбор микрофрагментов (до 1 мм). Далее серия этих отобранных проб по особой технологии распределялась на поверхность шайбы из эпоксидной смолы, которая после застывания полировалась до получения максимально ровного среза фрагментов.

Эта шайба помещалась в абляционную ячейку системы лазерного пробоотбора измерительного комплекса. Мелкие изделия (до дюйма длиной) могут быть поставлены в абляционную ячейку целиком.

Выбор точки анализа и позиционирование пробы выполнялись при помощи программного обеспечения системы лазерной абляции, с визуально увеличенным отображением поверхности шайбы на экране компьютера. Диаметр пучка лазера составлял от 10 до 250 мкм, частота следования импульсов — от 2 до 20 Гц. Эти параметры выбирались в зависимости от концентрации свинца в пробах. Глубина образующегося при анализе кратера — до 200 мкм.

При взаимодействии импульсного лазерного излучения и поверхности образца образуются микрочастицы пробы. Во время анализа ячейка продувается потоком аргона, и частицы пробы транспортируются в ионный источник масс-спектрометра. Масс-спектрометрический анализ

выполнялся в многоколлекторном режиме, с одновременным измерением всех изотопов свинца. В результате изотопного анализа изотопов свинца в различных изделиях из памятников скифского времени Тувы и Минусинской котловины наметились определенные различия содержания этих изотопов, которые позволяют говорить о рудных провинциях и центрах металлообработки.

Одни из таких центров тяготеет к горной системе Западного Саяна, другие — к северной части Кузнецкого Алатау.

Заключение

Главная задача настоящей публикации — показать возможности изотопных методов и перспективу их использования при анализе археологического материала. Данная информация позволит археологам скорректировать направления исследований и выработать оптимальный методологический подход в решении конкретных задач.

Арсланов, 1987 — Арсланов Х. А. Радиоуглерод. Геохимия и геохронология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 300 с.

Радиоуглерод..., 2007 — Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 410 с.

Тимофеев и др., 2004 — Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теза, 2004. 157 с.

Ришко и др., 2019 — Ришко С. А., Трифонов В. А., Лохов К. И. Возможности и ограничения интерпретации соотношения изотопного состава стронция в зубах и костных тканях погребенных из долины Колихо (Северо-Западный Кавказ) с природными фоновыми показателями // Материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием) «Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений», посв. 90-летию со дня рождения Л. Д. Сулержицкого (Москва, 24–26 апреля 2019). М.: Ин-т географии РАН, 2019. С. 71.

Энговатова и др., 2015 — Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И., Антипина Е. Е., Клещенко Е. А., Медникова М. Б., Тарасова А. А., Яворская Л. В. Естественнонаучные методы реконструкции системы питания и социальной стратификации населения средневекового европейского города // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии: Сб. докл. Всерос. науч. конф. / Науч. ред. М. В. Добровольская, Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 117–125.

Яворская и др., 2015 — Яворская Л. В., Антипина Е. Е., Энговатова А. В., Зайцева Г. И. Стабильные изотопы углерода и азота в коллагене животных из трех городов Европейской России. Первые результаты и интерпретация // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Волгоград, 2015 (Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения). С. 56–62.

Krueger, Reesman, 1982 — Krueger H. W., Reesman R. H. Carbon isotope analyses in food technology // Mass spectrometry review. 1982. № 1. P. 205–236.

Trifonov et al., 2012 — Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Burova N. D., Bogomolov E. S., Sementsov A. A., Lokhova O. V. The dolmen «Kolikho», Western Caucasus: isotopic investigation of funeral practice and human mobility // Radiocarbon. Vol. 54, no. 3–4. P. 761–769.

Trifonov et al., 2014 — Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Kraineva A. A., Sementsov A. A., Kazarnitsky A., Burova N. D., Rishko S. A. Shepsi, the oldest dolmen with the port-hole slab in the Western Caucasus // Radiocarbon. 2014. Vol. 56 (2). P. 743–752.

van der Merwe, 1982 — van der Merwe N. J. Carbon Isotopes, Photosynthesis, and Archaeology: Different pathways of photosynthesis cause characteristic changes in carbon isotope ratios that make possible the study of prehistoric human diets // American Scientist. 1982. Vol. 70 (6). P. 596–606.

Vogel, van der Merwe, 1977 — Vogel J. C., van der Merwe N. J. Isotopic evidence for early maize cultivation in New York State // Amer. Antig. 1977. 42. P. 238–242.

Methods of stable isotopes in investigations of archaeological objects (application and last results)

G. I. Zaytseva, N. D. Burova, S. A. Rishko, A. A. Sementsov, O. V. Lokhova

This paper demonstrates the possibilities of isotopic methods and the prospects of their application to analysis of archaeological materials. Among the numerous stable isotopes found in nature, so far only such light isotopes as ^{13}C , ^{15}N , oxygen (^{18}O), strontium, lead and some other have found their use. By means of exploration of the composition of light isotopes obtained from the collagen of bones it is possible to gain information on the diet of ancient man and animals. A similar investigation was conducted by the authors at the example of the mediaeval cemetery at the city of Yaroslavl. In turn, the isotopic composition of strontium can serve as an indication of the place of birth and puberty, as well as a mark of the migration of the tribe. In this paper this is demonstrated at the example of burials at the dolmen of "Kolikho" near the settlement of Aguy-Shapsug (Tuapse district of Krasnodar Kray) in the River Agoy valley.

Besides, at present, a method of local isotopic analysis of lead is devised (isotopes ^{206}Pb , ^{207}Pb and ^{208}Pb) using the LA-ICPMS method to materials of artefacts from bronze and gold. Analysis of lead isotopes in different objects from sites of Tuva and Minusinsk depression has shown certain differences of the contents of these isotopes which suggest ore provinces and centres of metalworking.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря¹

А. В. Кияшко²

Аннотация. В статье дана предварительная информация о результатах исследования в 2016 г. поселения эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Таманском полуострове. Предложена трехчленная периодизация памятника, включающая этапы каменной культуры финала среднего бронзового, ранней и поздней сабатиновской культуры позднего бронзового века. Последний этап характеризуется наибольшей интенсивностью жизни на поселении, наличием признаков развитого земледельческого хозяйства. Особое внимание в статье уделено морфологическому и химическому изучению найденных бронзовых предметов. Результаты естественнонаучных и типологического анализов свидетельствуют о карпато-балканском происхождении ряда изделий, что коррелирует с другими признаками, свидетельствующими о миграции носителей культуры позднего бронзового века на Тамань с территории Крымского полуострова и Северо-Западного Причерноморья.

Annotation. This paper presents preliminary information on the results of the investigation of 2016 at the of the Bronze Age settlement-site of Lisovitsky Balka IV on the Taman Peninsula. A three-phase periodization of the site is proposed including the following stages: the Kamenskaya culture of the final Middle Bronze Age, early and the late Sabatinovka culture of the Late Bronze Age. The last stage is marked by the utmost activity of the occupation of the site and indications of the presence of advanced agriculture here. The paper devotes a special attention to the morphological and chemical examination of the found artefacts. The obtained results indicate a Carpathian-Balkan origin of a number of the artefacts that correlates with other indications of the migration of bearers of the culture of the Late Bronze Age to Taman from the territory of the Crimean Peninsula and North-Western Black Sea region.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Таманский полуостров, поселение Балка Лисовицкого IV, топография, типология, земледелие, химический состав металла, миграция, культурогенез.

Keywords: Late Bronze Age, Taman Peninsula, settlement of Lisovitsky Balka IV, topography, typology, agriculture, metal's chemical composition, migration, cultural genesis.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-207-222

Развернувшиеся в XXI в. новостроечные исследования памятников археологии Таманского полуострова привели к открытию многочисленных древностей эпохи бронзы, прежде всего ее позднего периода. Речь идет о более десяти поселениях (Старотитаровское 16 и 20; Юбилейный XIV; Балка Хреева I, II и III; Волна I; Тузла VII;

Тамань XIV; нижние слои античного Патрея и городища у хут. Ильич и т. д.), в том числе и очень крупных (свыше 40 га) — Балка Лисовицкого IV и Панагия I, на которых выявлены жилые, хозяйственные и производственные сооружения (Кияшко и др., 2016; Горошиников, 2018). Обнаружены также грунтовые могильники позднего бронзового века (Юбилейный IV, раскопки Ш. О. Давудова в 2015 г.; Солёный II, раскопки Э. Д. Зиливинской в 2016 г.). Элементы обряда и инвентарь захоронений, а также найденные на поселениях каменные постройки, признаки земледелия, зооморфная пластика, типы керамики и бронзовых изделий находят параллели не в соседних степях

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00469.

² Кафедра археологии и истории древнего мира, Южный Федеральный университет; Большая Садовая ул., д. 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: volgodon5@mail.ru.

Прикубанья в ареале срубной культуры (Сорокина, 1987), а за Керченским проливом — в Восточном Крыму (например, Лесков, 1970) и далее, в Северном Причерноморье: в бассейнах Днепра, Днестра и Буга (Шарафутдинова, 1982; Черняков, 1985; и др.), — в ареалах сабастиновской и белозерской культур (Кияшко, Сударев, 2018).

Наиболее массовыми на сегодняшний день являются материалы сабастиновской культуры, преимущественно ее позднего этапа, встреченные практически на всех новых поселениях. Своего рода эталоном среди них можно считать поселение Балка Лисовицкого IV, в материалах которого преобладали характерные признаки сабастиновской культуры.

Поселение входило в группу из четырех разновременных объектов. Древние памятники располагались у северных склонов горы Комендантская, вдоль берегов средней части балки Лисовицкого³, в 3,9 км на восток от восточной окраины ст. Тамань Темрюкского района Краснодарского края и в 1,8 км к югу от Таманского залива (рис. 1, 1).

По дну балки в прошлом протекала небольшая речка, начинавшаяся в нагорной части и впадавшая в Таманский залив Керченского пролива Азовского моря. Общая протяженность реки незначительная — с учетом изгибов русла около 5 км. Культурные остатки поселений группировались и частично наслаивались друг на друга на холмистом правом (восточном) берегу речки и на более плоском левом (западном) берегу (рис. 1, 2).

Поселения Балка Лисовицкого I, II и III включали, преимущественно, слои раннего железного века и раннего средневековья. Их раскопки проводили разные ученые с 1992 по 2016 г.: И. И. Марченко — в 1992 г.; Н. Ю. Лимберис и В. В. Бочковой — в 1993 г.; А. В. Шишлов — в 2001–2002, 2004 и 2006 гг.; В. Ю. Кононов — в 2009–2010 гг.; С. М. Ильяшенко — в 2015–2016 гг.; Ю. К. Гугуев — в 2015–2016 гг. (см.: Кияшко и др., 2016). В 2018 г. работы продолжили А. А. Иванов и О. Ф. Жупанин.

В 2015–2016 гг. на комплексе памятников раскопки проводил Ю. К. Гугуев⁴. В первый год был исследован значительный участок (30 250 кв. м) поселения Балка Лисовицкого I, располагавшийся

к северу от железнодорожных путей промышленного назначения (раскоп 1 — см. рис. 2). Здесь были исследованы участки застройки усадьбы античного времени и слои поселения раннего средневековья. Находки эпохи бронзы были единичными.

В 2016 г. Ю. К. Гугуев продолжил работы на памятнике к югу от железной дороги, где исследовал еще 44 375 кв. м (раскопы 2–4 — см. рис. 2). Выяснилось, что на этом участке поселение Балка Лисовицкого I частично перекрывает западную часть поселения эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV (рис. 2). Соединение памятников в первую очередь прослежено на возвышенности — отроге горы Комендантская, расположенной на правом берегу балки Лисовицкого. Это место было заселено во все периоды существования здесь комплекса древних поселений: находки и объекты эпохи палеометалла залегают в нижних ярусах единого культурного слоя, под материалами раннего железного века и средневековья, а нередко и вперемешку с ними. Мощность общего культурного слоя на холме достигает 1,7–1,8 м (со 2-го по 7-й пласты фиксации находок). Отсутствие четкой стратиграфии разновременных напластований связано со спецификой почвообразования на Тамани, многолетней распашкой участка под виноградники и разрушениями почвенного слоя, связанными с периодом Великой Отечественной войны, а также существованием здесь сельскохозяйственной фермы в 50–80-х гг. XX в.

Еще при работах А. В. Шишлова в 2006 г. на упомянутой возвышенности правого берега балки Лисовицкого было установлено, что здесь на уровне 5–7-го пластов, под слоями железного века, залегал слой позднего бронзового века. Из индивидуальных находок этого времени были встречены глиняные модели колес и культовые «хлебцы», а также каменные орудия: многочисленные отбойники, терочки, ладьевидные зернотерки, кремневые орудия и нуклеусы. Эту информацию опубликовали авторы раскопок, сопроводив ее замечанием общего характера, что «полученные материалы характерны для культур эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья и Северного Кавказа» (Шишлов и др., 2008).

В 2016 г. Ю. К. Гугуев полностью раскопал участок всхолмления, обнаружив в нижних ярусах культурного слоя остатки каменного фундамента крупной подквадратной в плане постройки

³ На некоторых топографических картах, в том числе и на использованной в данной статье, употребляется параллельное название — балка Лисовского.

⁴ Благодарю автора раскопок Ю. К. Гугуева за любезно предоставленные материалы.

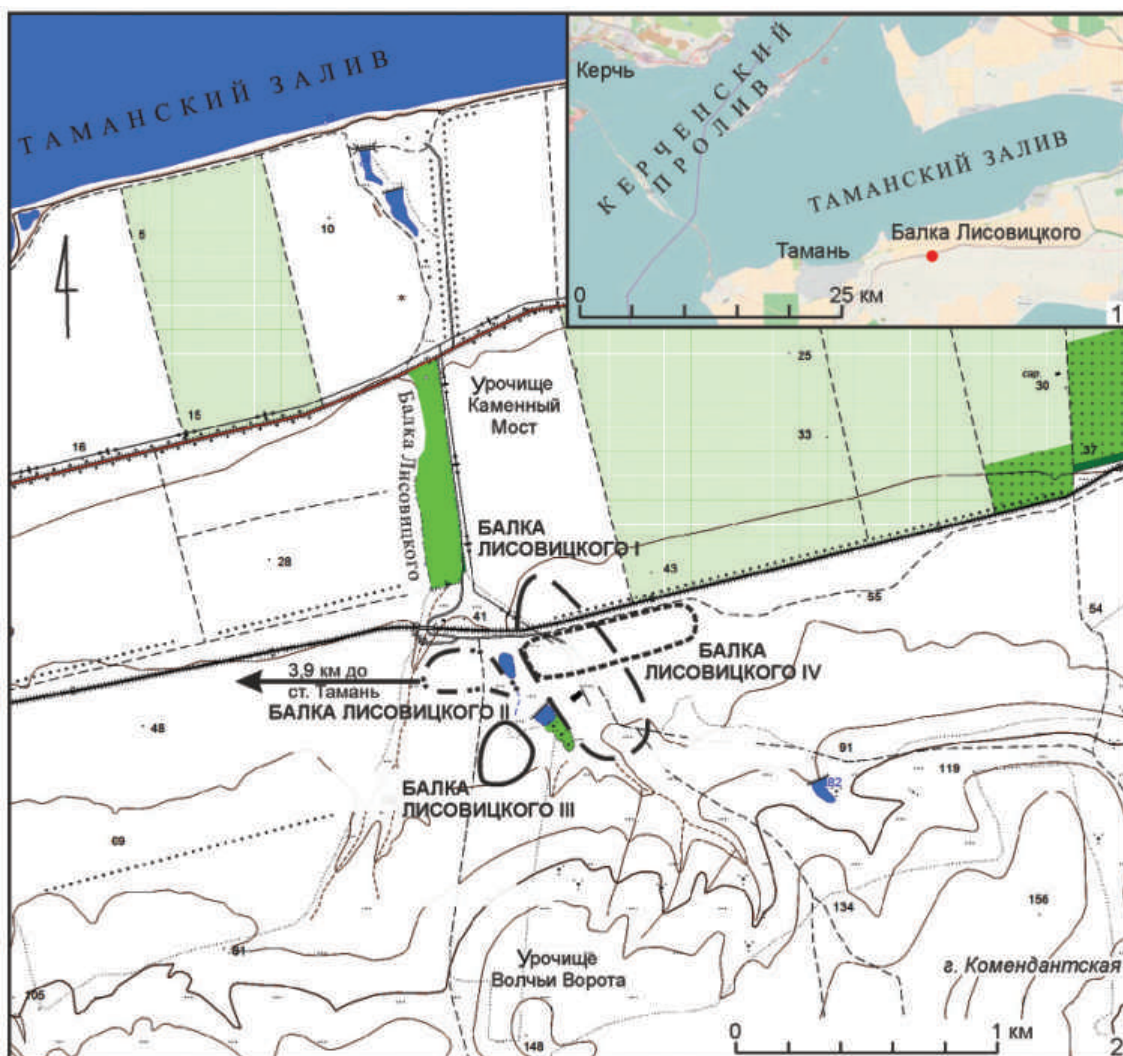

Рис. 1. Расположение поселения Балка Лисовицкого IV: 1 — местонахождение группы поселений на балке Лисовицкого на Таманском полуострове; 2 — взаиморасположение поселений на балке Лисовицкого
 Fig. 1. Location of the site of Lisovitsky Balka IV: 1 — location of the group of settlements at Lisovitsky Balka on the Taman Peninsula; 2 — relative locations of the settlements at Lisovitsky Balka

с материалами позднего бронзового века (сооружение № 2, раскоп 2), ряд хозяйственных ям этого периода, а также клад характерных бронзовых орудий (см. далее).

Таким образом, поселение бронзового века Балка Лисовицкого IV начинается на холме правого берега балки Лисовицкого и вытянуто от него в северо-восточном-восточном направлении (раскопы 2–4 — см. рис. 2). Внутренняя структура и планировка исследованного поселения были тесным образом связаны с топографией участка. Его жители, безусловно, использовали воду пресноводной речки, протекавшей по дну балки Лисовицкого, но непосредственно берег балки в районе упомянутого выше холма они не заселяли. Лишь на его

западном склоне, примерно в 100 м от берега балки, найдены остатки каменного цоколя крупной постройки № 2 (раскоп 2). Вершина холма и его восточный склон были, вероятно, практически не заселены.

Сообщества людей бронзового века наиболее интенсивно обитали к востоку от балки Лисовицкого, примерно на расстоянии 300 м, — вдоль относительно ровного и плоского участка северного склона горы Комендантская, обращенного к северу по направлению к Таманскому заливу. Эта часть поселения находилась в естественном амфитеатре склона горы Комендантская — в месте, относительно защищенном от интенсивного солнечного излучения и ветров, характерных для

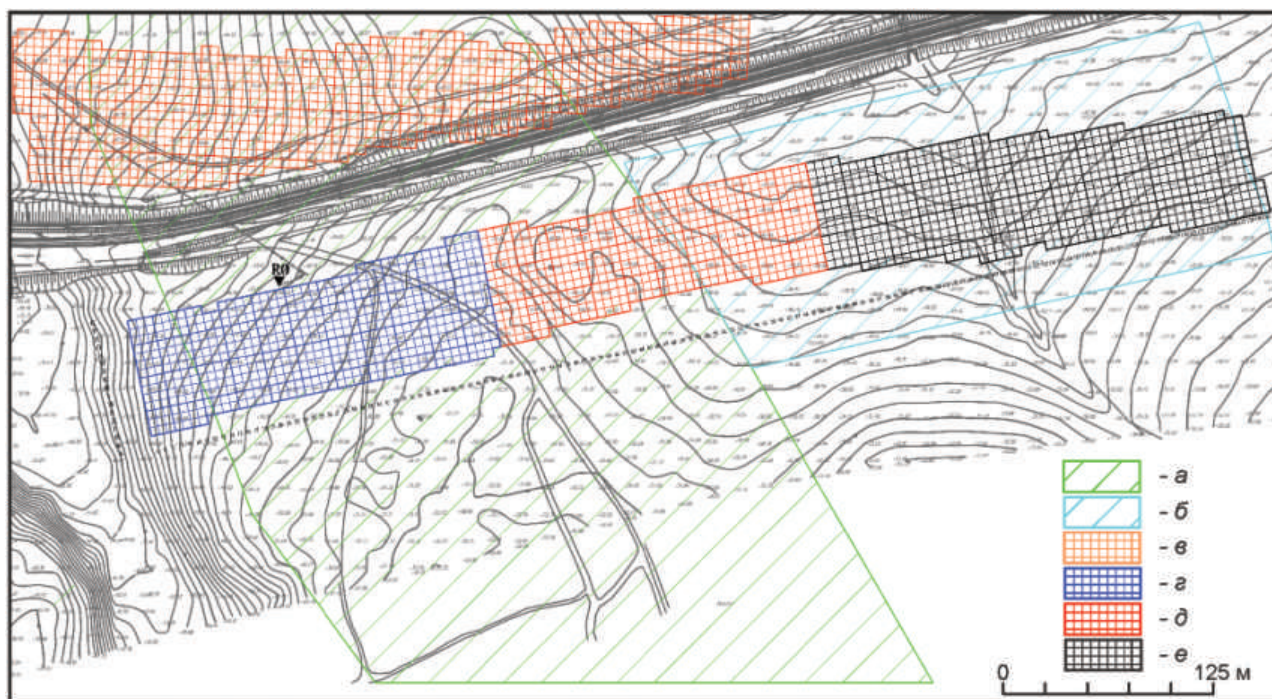

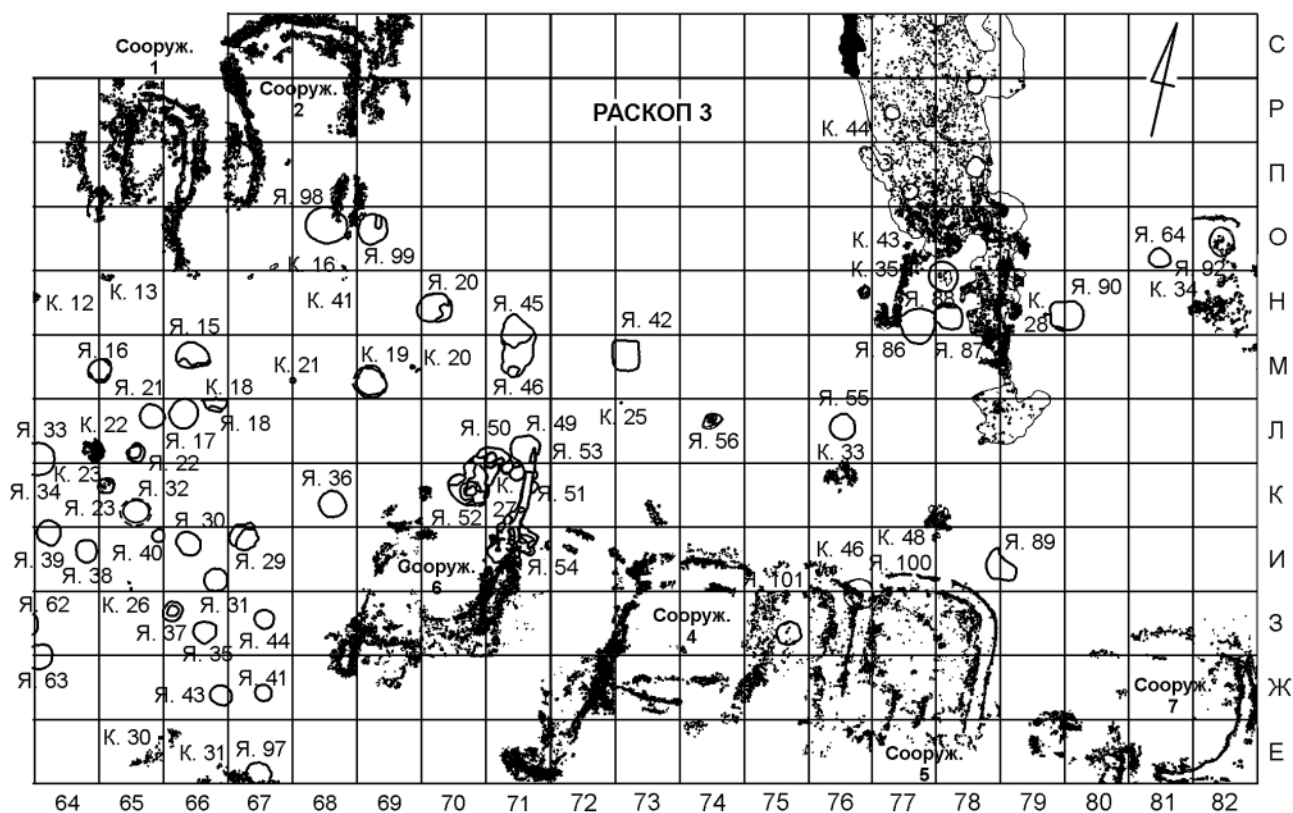
Рис. 2. Балка Лисовицкого. Соотношение поселений с указанием раскопов Ю. К. Гугуева в 2015–2016 гг.: а — поселение Балка Лисовицкого I; б — поселение Балка Лисовицкого IV; в — раскоп 1 (2015 г.); з — раскоп 2 (2016 г.); д — раскоп 3 (2016 г.); е — раскоп 4 (2016 г.),

Fig. 2. The Lisovitsky Balka. Relative locations of the settlements with indication of Yu. K. Guguyev's excavations of 2015–2016: а — boundaries of the site of Lisovitsky Balka I; б — boundaries of the site of Lisovitsky Balka IV; в — boundaries of excavation no. 1 (2015); з — boundaries of excavation no. 2 (2016); д — boundaries of excavation no. 3 (2016); е — boundaries of excavation no. 4 (2016)

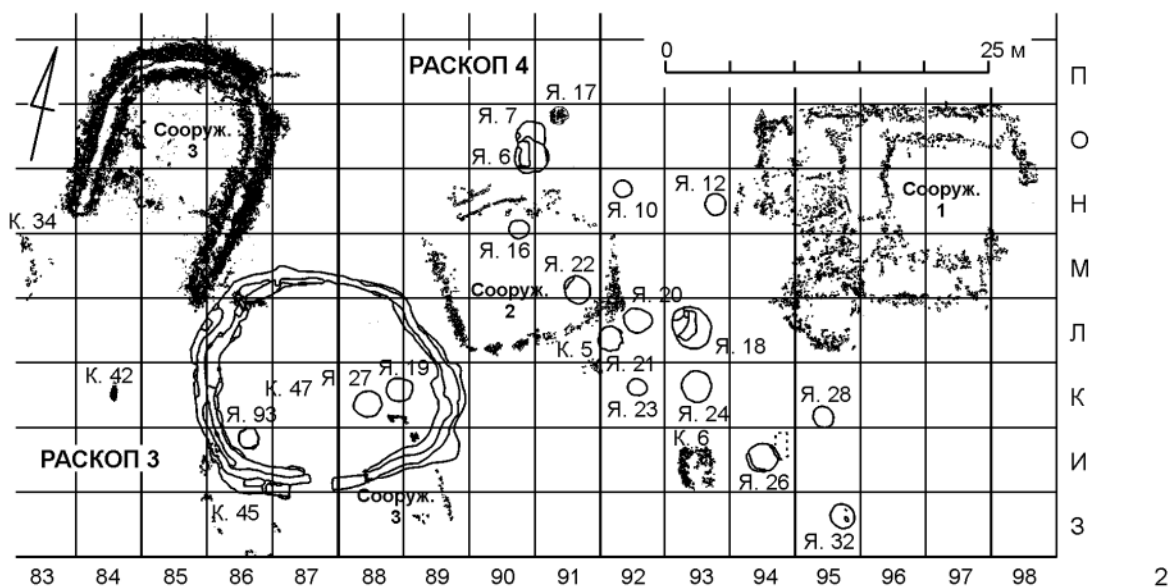
Тамани. Также на этом участке поселения перекрывающие материалы эпохи железа практически исчезают и в ненарушенном состоянии представлены материалы эпохи бронзы. Культурный слой наиболее насыщен различными комплексами (остатки построек, хозяйственные ямы и т. д.) и находками (раскоп 3 — см. рис. 2).

Осью, разделяющей восточную часть памятника в направлении северо-северо-запад–юго-юго-восток, является ручей (сезонный водоток), берущий начало в безымянной балке на северном склоне горы Комендантская (восточнее балки Лисовицкого — см. рис. 2). Далее к северу, к Таманскому заливу, этот ручей представлен слабо выраженным в рельефе руслом. За этим ручьем к востоку находился менее насыщенный постройками и хозяйственными ямами участок поселения Балка Лисовицкого IV (раскоп 4 — см. рис. 2). Найденные остатки сооружений (стены и вымостки из камней) имеют облик хозяйственных построек. Здесь же было встречено одиночное погребение сабатиновской культуры позднего бронзового века.

Охарактеризуем наиболее заселенный центральный участок поселения. От восточного подножия холма на правом берегу балки Лисовицкого и далее в широтном направлении прослежена «улица», образованная двумя рядами построек. Северный ряд включал четыре сооружения, расположенных на определенном расстоянии друг от друга, южный — представлял собой более плотную застройку из еще четырех объектов (рис. 3, 1). Сооружения — это каменные цоколи, максимальной высотой в два камня, преимущественно овальной формы, представлявших собой, вероятно, основания несохранившихся стен из менее прочных (дерево? глина?) материалов. Цоколи образовывали двойные ряды каменных набросок с небольшим (до 0,5 м) пространством между ними. Контур этих цоколей в большинстве случаев был разомкнут с южной стороны, что, очевидно, определяло оптимальный вход в постройку с учетом розы ветров. Площадь овальных в плане сооружений составляла от 100 до 300 кв. м. В то же время на поселении были исследованы два больших

1

2

Рис. 3. Поселение Балка Лисовицкого IV: 1 — центральный участок раскопа 3 (линии квадратов 64–82); 2 — восточный участок раскопа 3 (линии квадратов 83–87) и западный участок раскопа 4 (линии квадратов 88–98). Я. — яма, К. — комплекс

Fig. 3. Settlement-site of Lisovitsky Balka IV: 1 — central area of excavation no. 3 (lines of squares 64–82); 2 — eastern area of excavation no. 3 (lines of squares 83–87) and the western area of excavation no. 4 (lines of squares 88–98). Я. — pit, К. — complex

сооружения, имевших подквадратные очертания, ориентированные по странам света. Одно, упомянутое выше, располагалось на западном всхолмлении возле балки Лисовицкого, второе — замыкало описанную «улицу» из овальных построек с востока (рис. 3, 2). Они представляли собой каменные цоколи построек с большим квадратным в плане помещением с восточной стороны, имевшим вход в одном случае с юга, в другом — с востока. Западная часть постройки была разгорожена внутри менее регулярными цоколями (то есть стенами) на более мелкие помещения. Площадь этих сооружений достигала 400–500 кв. м. Кроме того, к восточному краю описанной «улицы» примыкали цоколи небольших жилых (?) построек квадратных очертаний (сооружения № 2 и 3, раскоп 4 — рис. 3, 2). В сооружении № 2 помимо керамики найдены фрагмент бронзового серпа и зооморфная глиняная статуэтка.

Вокруг построек группировались хозяйственные ямы, количество которых на памятнике насчитывает несколько десятков. Отдельные ямы содержали большое количество костей домашних животных, керамику и другие предметы. Вне ям насыщенность культурного слоя слабая, тем не менее встречаются кости животных, керамика, каменные орудия и т. д., которые концентрируются возле жилых и хозяйственных построек. К характерным объектам следует отнести глиняные слабообожженные площадки внутри построек и рядом с ними, а также развалы крупных толстостенных сосудов с массивными венчиками — пифосов. Эти развалы также располагались возле построек и внутри них, нередко возле глиняных площадок. Были найдены характерные кремневые изделия, служившие вкладышами для орудий типа серпов или серпами.

Регулярная застройка поселения разнотипными жилыми и хозяйственными объектами на каменных цоколях, дифференцированный состав керамики с наличием пифосов с валиковым орнаментом, ковшей, глиняных сковород с прямым бортиком и т. д., наличие большого количества зернотерок, ступок и пестов, кремневых вкладышей серпов — все это свидетельствует о ведущей роли земледелия в хозяйстве обитателей поселения Балка Лисовицкого IV. Статистический анализ костей домашних животных показал значительную долю в составе стада крупного рогатого скота, при наличии также лошадей и овец. Так, в одной из типичных хозяйственных ям (№ 91, раскоп 3) эти виды животных были представлены, соответственно,

31, 25 и 14 экземплярами костей. В числе других находок встречены глиняные статуэтки животных, миниатюрные модели колес, разнообразные костяные орудия (лощила, проколки и т. д.).

Как отмечено выше, большинство объектов поселения Балка Лисовицкого IV, а также его инвентарь, прежде всего керамика, убедительно свидетельствуют о принадлежности материалов памятника сабаатиновской культуре позднего бронзового века. Вместе с тем сделанные при раскопках некоторые стратиграфические наблюдения (взаимное перекрытие комплексов: сооружений, хозяйственных ям, ровика), а также отмеченные различия в керамическом комплексе и металлическом инвентаре позволяют сделать более дробное культурно-хронологическое разделение материалов поселения. Так, ямы № 100 и 101 на раскопе 3 зафиксированы под стенами сооружения № 5 сабаатиновской культуры (рис. 3, 1). Найденная в них, а также в рядом расположенной яме № 89 керамика отличалась от типичной посуды этой культуры. То же можно сказать и о находках из комплекса № 47 на этом раскопе, представлявшего собой ровик, северо-западная часть которого была перекрыта развалом камней от цоколя сооружения № 3 (рис. 3, 2). Эти наблюдения, вкуче с отдельными находками на других участках, дали основание для вывода о досабаатиновском этапе существования поселения Балка Лисовицкого IV (см. далее).

В свою очередь для стратификации собственно сабаатиновских материалов важное значение имело открытие на поселении Балка Лисовицкого IV достаточно большого и выразительного набора бронзовых изделий и их фрагментов: тесло, нож, крюк от серпа, две булавки, фрагмент подвески и 13 стержней (восемь из которых были, вероятно, шильями, а пять представляли собой заготовки изделий) (рис. 4; табл., 1–18). Особое значение имеет открытие в культурном слое поселения клада: трех компактно лежавших на глубине 3-го пласта бронзовых серпов и фрагмента топора (рис. 5; табл., 19–22). Находки металлических предметов на площади поселения распределены таким образом, что часть значимых и крупных вещей найдена вдали от построек на малообитаемых периферийных участках: например, на участке «улицы» с восемью домами овальной формы встречено одно шило. Клад обнаружен на западной окраине (квадрат Д13), тесло и фрагмент крупной составной подвески — на восточном краю (квадраты З 126 и Б 132) поселения.

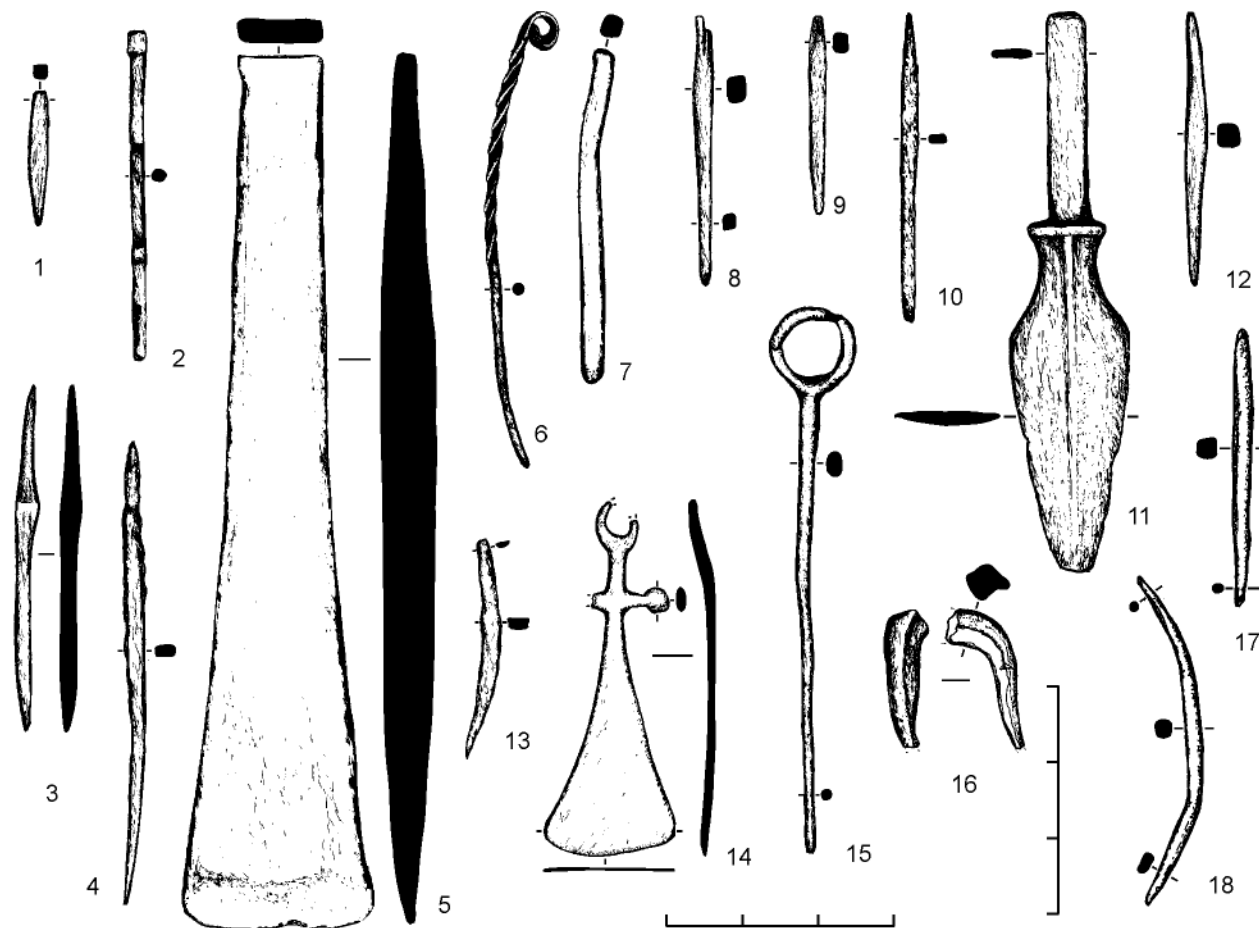

Рис. 4. Бронзовые изделия поселения Балка Лисовицкого IV: 1 — стержень (стрекало); 2, 7, 8 — стержни; 3, 4, 9, 10, 12, 13, 17 — шила; 5 — тесло; 6, 15 — булавки; 11 — нож; 14 — фрагмент подвески; 16 — фрагмент серпа; 18 — шило-стержень

Fig. 4. Bronze finds from Lisovitsky Balka IV: 1 — rod (spur); 2, 7, 8 — rods; 3, 4, 9, 10, 12, 13, 17 — awls; 5 — adze; 6, 15 — pins; 11 — knife; 14 — fragment of a pendant; 16 — fragment of a sickle; 18 — rod-awl

Большинство бронзовых стержней-шильев (8 экз.) найдено на площади западного всхолмления вдали от построек. Вблизи от остатков сооружения № 3 (раскоп 3) найдены булавки с фигурными навершиями. Только фрагмент серпа (крюк) обнаружен среди камней цоколя прямоугольного сооружения № 2 (раскоп 3) и нож со сточенным лезвием встречен на краю хозяйственной ямы № 76 (раскоп 2).

Морфологические признаки бронзовых изделий (орудий, бытовых предметов и украшений) в совокупности с данными стратиграфии и различиями внутри керамического комплекса поселения Балка Лисовицкого IV дают хорошую основу для выделения хронологических этапов функционирования памятника. Результаты химического анализа металла найденных

предметов позволяют выявить культурно-исторические взаимосвязи, которые привели к формированию позднего бронзового века Таманского полуострова⁵.

Бронзовое тесло (рис. 4, 5; табл., 5) и нож (рис. 4, 11; табл., 10) — лобойковско-голоуровских типов, датируются раннесабатиновским периодом (Бочкарев, 207. С. 172). Булавка со свернутой головкой (Rollennadel) (рис. 4, 6; табл., 9) имеет широкое распространение и датировку, на территории

⁵ Исследование проведено методом рентгенофлюоресцентного анализа (μXRF-спектрометр ArtTAX (RONTEC, Bruker)); оптическая микроскопия (Leica M60 Zeiss, Stemi 508). Заключение экспертизы Отдела научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа № 2527 от 22.02.2018. Авторы исследования — ст. науч. сотр. С. В. Хаврин и ст. науч. сотр. К. С. Чутунова.

Таблица. Описание и химический состав металла предметов с поселения Балка Лисовицкого IV на Тамани
Table. Description and chemical composition of the metal of objects from the site of Lisovitsky Balka IV in Taman

№ по пп	№ по описи	Раскол/квадрат/пласт	Описание предмета, размеры, см	Cu	As, %	Ag, %	Sn, %	Sb, %	Pb, %	Прочее	
1	1.6	2/Ж 29/ 2	Стержень короткий (стрекало), квадратный в сечении. Длина 2,9; сечение 0,4 × 0,4	Осн.*	0,3	<0,1	-	-	-	Fe, Br Ni — ?	
2	1.7	2/П9/ 2	Стержень кованый, фрагмент. Длина 7,3; сечение 0,3	Осн.	≈ 1,6	?	7-8	?	<0,7	Fe — сл.**, Ni — ?	
3	1.8	2/Ж 9/ 2	Шило квадратное в сечении. Длина 7,15; сечение 0,4 × 0,4	Осн.	0,7	?	-	-	-	Fe, Br — сл.	
4	1.22	2/П 10/ 3	Шило кованое, четырехугольное в сечении. Длина 10,2; сечение 0,3 × 0,2	Осн.	0,5-1	?	6-10	-	0,3- 0,6	Fe — сл., Ni — ?	
5	1.28	4/З 126/ 3	Тесло удлиненно-продолговатой формы. Пятка изделия плоская, слегка раскованная, в сечении удлиненно-прямоугольная. Боковые грани в верхней части изделия параллельны, далее плавно расходятся вплоть до лезвия. В продольном сечении тесло линзовидное. Длина 19,1; ширина пятки 1,9; стержня в верхней части 1,6; лезвия 4,2. Толщина пятки 0,5; стержня в средней части 1,2; лезвия до зоны заточки 0,5	Осн.	3-5	Сл.	9-11	-	1-2	Fe — сл.	
6	1.41	2/Д 33/ 5	Стержень прямоугольный в сечении. Сужается к одному из концов, другой его конец раздвоен. Длина 5,9; ширина 0,5-0,3; толщина 0,4-0,25	Осн.	2,8-2,9	<0,2	-	?	-	-	Fe — сл.
7	1.53	2/Н 21/ 6	Шило, квадратное в сечении. Фрагмент. Длина 4,4; сечение 0,4 × 0,4	Осн.	0,5-0,7	<0,2	13-20	?	≈ 0,7	Fe, Br — сл., Ni — ?	
8	1.68	3/ 85/ 2	Стержень (заготовка?), прямоугольный в сечении. Длина 7,1; сечение 0,5 × 0,5	Осн.	-	0,2- 0,3	-	≈ 0,2	<0,5	Fe — сл.	
9	1.72	3/И 87/ 4	Булавка. Имеет длинный изогнутый круглый в сечении стержень, заостренный на одном конце и расплющенный, завернутый в кольцевидное навершие — на другом. Верхняя половина стержня расширена и свернута в спираль. Длина 10; диаметр 0,3	Осн.	1,6-1,9	≈ 0,1	10-12	0,6-0,8	<0,9	Fe — сл., Ni — ?	
10	1.74	3/К 61/ 5	Нож с сильно сточенным подтреугольным лезвием и длинным плоским черенком. Лезвие в сечении линзовидное, отделено от черенка кольцевидным упором. Длина 11,7; длина лезвия 7,2; длина черенка 4,5; ширина лезвия 2,6; ширина упора 1,7; ширина черенка 0,7; сечение черенка 0,2, сечение лезвия 0,3	Осн.	<0,9	Сл.	7-10	Сл.	<0,7	Fe — сл., Ni < 0,6	
11	1.75	3/М 85/ 7	Шило, прямоугольное в сечении. Длина 6,9; сечение 0,4-0,2	Осн.	1-3	0,4- 0,9	-	3-4	≈ 0,4	Fe — сл., Ni — ?	
12	1.88	3/З 48/ 6	Шило кованое, квадратное в сечении. Длина 6; сечение 0,5 × 0,5-0,2 × 0,2. Найдено в заполнении погребения № 4, раскоп 3 (II-III вв. н. э.)	Осн.	2,0-2,5	0,1- 0,2	5-6	-	<0,6	Fe — сл.	
13	1.94	4/З 123/ 2	Шило короткое. Длина 4,9; сечение 0,4 × 0,4	Осн.	0,5-0,7	≈ 0,1	4-5	0,3-0,4	≈ 0,4	Fe — сл., Ni — ?	
14	1.95	4/Б 132/ 3	Подвеска фигурная, фрагмент. Имеет вытянутый уплощенный стержень с овальной петелькой на одном конце и подтреугольным секировидным расширением на другом. В средней части стержня расположена поперечная планка с округло-уплощенными расширениями на концах. Длина 7,8; размер петельки 1,2 × 0,9; реконструируемая длина перекрестья 2,3; ширина секировидного расширения 2,9; толщина 0,15-0,25	Осн.	3,0-3,4	<0,1	6-7	<0,2	<0,6	Fe, Ca — сл.	

Таблица, окончание

№ пп	№ по описи	Раскол/квадрат/пласт	Описание предмета, размеры, см	Cu	As, %	Ag, %	Sn, %	Sb, %	Pb, %	Прочее
15	1.96	4/ Ж 91/3	Булавка с кольцевидным навершием. Имеет прямоугольное с округленными углами сечение в верхней части стержня и круглое у острия. Стержень изогнут в результате деформации. Длина 11,6; размер сечения стержня сверху 0,3–0,5; диаметр стержня внизу 0,25; диаметр кольца: поперечный 1,85; продольный 1,75	Осн.	1,4–1,2	0,1–0,4	2–4	≈0,1	<0,6	Fe, K, Ca, Cl — сл.
16	1.99	4/ Л 92	Серп. Фрагмент крюка изделия. Сечение крюка ромбическое. Длина крюка от изгиба 3,1; размер сечения 0,7 × 0,7. Обнаружен среди камней коколя сооружения № 2	Осн.	1–3	Сл.	4–6	–	<0,7	Fe < 0,3 Ni — ?
17	1.104	4/ Л 100/3	Шило-стержень, согнутый на концах, квадратный в сечении. Длина 7,1; сечение 0,35 × 0,4	Осн.	1,4–1,7	<0,1	5–7	0,8–1,0	<0,3	Fe — сл., Bi, Ni — ?
18	1.111	4/Л 129/3	Шило с квадратным в сечении стержнем, притупленным на одном конце и заостренным на другом. Длина шила 5,7; размер сечения стержня 0,4 × 0,4; диаметр острия 0,3	Осн.	1,5–3,0	?	0,2–0,4	–	–	Fe — сл.
19	1.112	2/ Ж 13/3	Серп коленчатый с разогнутым и обломанным крюком, прямоугольным в сечении. Отлит в односторонней форме, прокован и заострен с брюшка. Полотно орудия в сечении клиновидное, сильно сработанное с брюшка, обломанное на конце. На перегибе спинки сохранился след литника. На крюке — следы древних порубов. Очевидно, орудие использовалось вторично как металлический лом. Длина 14,5; ширина лезвия 1,3–4,0; толщина полотна 0,1; длина крюка 3,2; сечение крюка 0,4 × 0,6	Осн.	4–6	–	2–4	Сл.	Сл.	Fe — сл. Ni < 0,5
20	1.113	2/ Ж 13/3	Серп коленчатый с плавно изогнутым крюком, прямоугольным в сечении. Отлит в односторонней форме, прокован и заострен с брюшка. Полотно в сечении линзовидное с расширением на спинке орудия. На перегибе спинки сохранился след литника, здесь же имеется искусственное отверстие круглой формы. Длина 17,5; ширина лезвия 1,5–4,0; толщина полотна 0,1–0,3; диаметр изгиба крюка 3,3; сечение крюка 0,4 × 1,0; диаметр отверстия 0,6	Осн.	1,0–1,5	Сл.	<0,6	?	Сл.	Fe — сл. Ni — сл.
21	1.114	2/ Ж 13/3	Серп коленчатый с крюком, треугольным в сечении, изогнутым под прямым углом к колену. Отлит в односторонней форме, практически не прокован и слабо заострен. Полотно в сечении клиновидное с расширением на спинке орудия. На перегибе спинки сохранился след литника, здесь же имеется искусственное отверстие круглой формы. На полотне также есть аморфные отверстия как результат литейного брака. Длина 18,0; ширина лезвия 2,0–3,4; толщина полотна 0,3–1,5; длина крюка 4,0; сечение крюка 0,6 × 0,7; диаметр отверстия 0,6	Осн.	2–3	–	–	–	<0,3	Fe < 0,2 Ni — сл.
22	1.115	2/ Ж 13/3	Топор вислобушной (?) формы. Фрагмент. Определяется узкая, брусковидная по форме и трапециевидная в сечении заготовка лезвийной части изделия, а также смятая в процессе отливки часть втулки топора. Изделие представляло собой литейный брак и использовалось как металлический лом. Видны следы порубов на тулове орудия. Длина фрагмента 9,3; высота сохранившейся части втулки 5,5; диаметр 0,9–1,2; сечение 2,8 × 0,9–1,2	Осн.	5–7	–	–	–	Сл.	Fe < 0,2 Ni — сл.

* Осн. — основное содержание; ** сл. — следовое содержание.

Восточной Европы она известна в культурах Ноуа, сабастиновской, комаровской, тшинцевой и др. Булавка с большим кольцевидным навершием (рис. 4, 15; табл., 15) и деталь подвески солонецкого типа (рис. 4, 14; табл., 14) относятся к позднему этапу сабастиновской культуры (Там же. С. 172–173).

В культурном слое поселения также обнаружен небольшой клад бронзовых изделий: три серпа и фрагмент топора. Серпы (рис. 5, 1–3; табл., 19–21) относятся к северокавказской (кубанской) серии, по форме они наиболее схожи с распространенными на Верхней Кубани и далее на восток серпами типа Бамут, вариант Бамут 1 (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 166–170). Орудия представляют раннюю стадию развития данного типа, близки (территориально и морфологически) к отдельным серпам из клада у Батарейки, серпу из клада у Курчанского (северо-восточная часть Тамани) (Сокольский, 1980. Рис. 1, 20, 29, 33; Паромов, Гей, 2005. С. 333).

Обломок бронзового изделия, найденный вместе с серпами, видимо, представляет собой бракованную заготовку вислообушного топора (рис. 5, 4; табл., 22). Эта находка соответствует достаточно раннему облику серпов, что позволяет датировать весь клад, найденный на поселении Балка Лисовицкого I, ориентировочно серединой II тыс. до н. э.

Анализ химического состава металла предметов клада показал значительные добавки мышьяка, то есть он кавказского происхождения (табл., 19–22). Предметы из культурного слоя и сооружений содержат добавки олова и являются изделиями из металла балкано-карпатского происхождения. Это часть стержней-шильев (рис. 4, 2, 4, 9, 12, 13, 18; соответственно, табл., 2, 4, 7, 12, 13, 17), тесло (рис. 4, 5; табл., 5), булавка со свернутой головкой (рис. 4, 6; табл., 9), нож (рис. 4, 11; табл., 10), деталь подвески солонецкого типа (рис. 4, 14; табл., 14), булавка с кольцевидным навершием (рис. 4, 15; табл., 15), крюк от серпа (рис. 4, 16; табл., 16).

Другая часть бронзовых стержней-шильев, форма которых в целом является универсальной для эпохи бронзы, тем не менее, имеет отличия по данным химического анализа. Примерно половина из них демонстрирует преобладание мышьяка (рис. 4, 1, 3, 7, 8, 10, 17; соответственно, табл., 1, 3, 8, 6, 11, 18), что может свидетельствовать об их датировке финалом среднего бронзового века

и/или о кавказском происхождении. Характерной находкой среди них является укороченный стержень (рис. 1, 1; табл., 1), который является острием орудия погонщиков скота — стрекалом, типичным как раз для среднего бронзового века.

Таким образом, результаты химического анализа вкупе с другими находками дают основания предполагать приход с запада, через Керченский пролив, носителей сабастиновских традиций на Тамань. Оттуда они принесли свои бытовые бронзовые предметы или сырье для их изготовления. Изделия из клада кавказского происхождения, имеющие к тому же следы производственного брака, скорее всего, предполагалось использовать вторично, путем переплавки. Отсюда найденный на поселении клад по составу и состоянию предметов был так называемым сырьевым кладом, аналогично найденному ранее кладу у поселка Батарейка (Трифонов и др., 2019. С. 183).

Предварительная культурно-хронологическая оценка материалов поселения Балка Лисовицкого IV стала возможной благодаря близким аналогиям с материалами памятников бронзового века Крыма и Северного Причерноморья. Приведенные выше стратиграфические наблюдения, а также морфология бронзовых изделий дают основания предложить трехчленную периодизацию материалов поселения (рис. 6), включающую досабатиновский (рис. 6, I), раннесабатиновский (рис. 6, II) и позднесабатиновский (рис. 6, III) этапы.

Ребристая керамика из нижнего стратиграфического горизонта (рис. 3 — ямы № 89, 100, 101, комплекс № 47 раскопа 3) с рядами оттисков ногтевых вдавлений, покрывающих сам сосуд или же многочисленные налепные валики на его тулове, может быть определена как посуда каменской культуры финала среднего бронзового века (рис. 6, 1, 2). Раннесабатиновские сосуды более плавных очертаний, имеют налепные валики с пальцевыми вдавлениями по краю венчика либо в тех или иных сочетаниях на всех частях тулова: на венчике, горловине, плечике, максимальном диаметре и у дна (рис. 6, 4–8). Эти керамические традиции на уровне предварительного анализа трудноразличимы, поскольку между ними есть косвенная преемственность. Автор настоящей статьи разделяет точку зрения И. Н. Шарафутдиновой о генетической связи сабастиновской культуры с древностями финала среднего бронзового века, включавшими бабинскую и каменскую

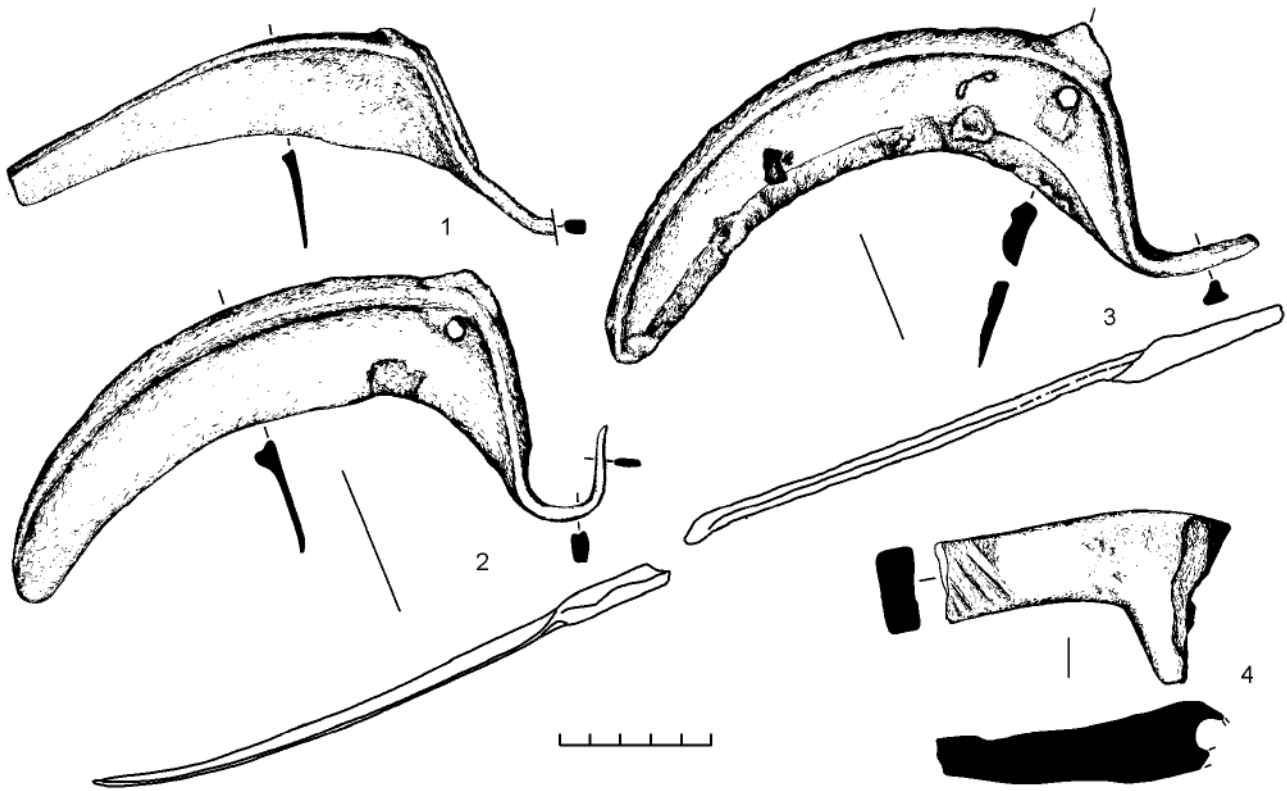

Рис. 5. Клад бронзовых изделий с поселения Балка Лисовицкого IV: 1-3 — серпы; 4 — фрагмент топора
 Fig. 5. Hoard of bronze artefacts from the settlement of Lisovitsky Balka IV: 1-3 — sickles 4 — fragment of an axe

культуры (*Березанская и др.*, 1986. С. 115). Дополнительным аргументом присутствия на памятнике обеих традиций является встреченный на поселении фрагмент каменного топора бородинского типа (рис. 6, 3), вполне соответствующий керамике позднебабинского времени, а металлические орудия (бронзовое тесло и нож) лобойковско-голоуровских типов (рис. 6, 9, 10) датируются раннесабатиновским периодом.

Значительная часть изученных на поселении Балка Лисовицкого IV каменных конструкций (цоколи стен жилых и хозяйственных построек) обнаруживает параллели в домостроительстве сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья и Юго-Западного Причерноморья (*Шарафутдинова*, 1982. С. 16-42). Связанные с этими постройками находки многочисленны, разнообразны и служат хорошими культурно-хронологическими индикаторами. Прежде всего, это керамика, украшенная зачастую одиночными налепными валиками без дополнительного декора, но часто имеющими разрывы и свисающие концы. Появляются всевозможные налепы округлой, продолговатой формы, в виде рельефной спирали

или колеса (рис. 6, 18, 19). Распространены кубковидные сосуды с подлощенной поверхностью и всевозможные черпаки с высокой ручкой, а также двуручные вазы (рис. 6, 12, 13). На полу построек обнаружены развалы высоких сосудов — пифосов — высотой около 1 м, толщиной стенок до 2 см, с массивным, характерно отогнутым венчиком (рис. 6, 11). Здесь же имелись фрагменты грубо сформованных керамических сковород (термин И. Н. Шарафутдиновой) — округлые в плане, большого диаметра формы, имеющие прямой бортик высотой до 10 см, иногда украшенный снаружи по перегибу от дна к тулову овальными вдавлениями. Такая керамика также находит аналогии на территории Восточного Крыма (Кировское поселение), а также на памятниках сабатиновской культуры Северного Причерноморья, относящихся к позднесабатиновскому времени (*Лесков*, 1970. С. 16-28; *Шарафутдинова*, 1982. С. 86-106).

Другой инвентарь, обнаруженный в культурном слое, а также в жилых и хозяйственных комплексах изучаемого поселения: глиняные зооморфные фигурки (рис. 6, 15, 16), кремневые

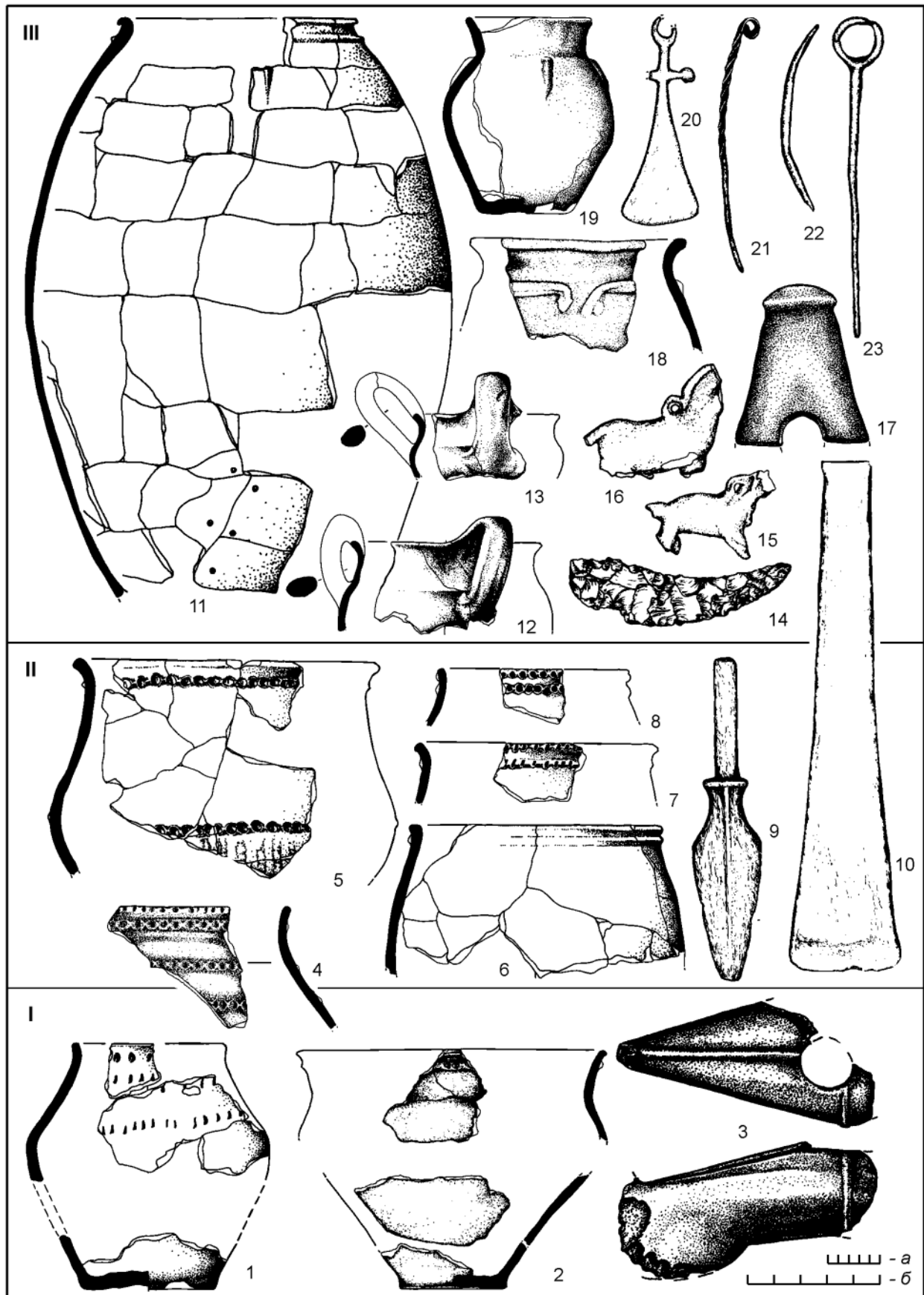

Рис. 6. Периодизация материалов поселения эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV: I — каменная культура финала среднего бронзового века; II — сабастиновская культура (ранний этап) позднего бронзового века; III — сабастиновская культура (поздний этап) позднего бронзового века. 1 — сосуд (раскоп 3; квадрат И 78–79; яма № 89); 2 — сосуд (раскоп 3; квадрат Ж 72; пласт 4); 3 — фрагмент топора (раскоп 2; квадрат М 36; пласт 1); 4 — фрагмент сосуда (раскоп 2; квадрат Н 76; пласт 4); 5 — фрагмент сосуда (раскоп 2; квадрат Г 44; пласт 4); 6 — фрагмент сосуда (раскоп 3; квадрат З-И 76; пласт 5); 7 — фрагмент сосуда (раскоп 3; квадрат Д 87; яма № 91); 8 — фрагмент сосуда (раскоп 4; квадрат Н 88-89; пласт 5); 9 — нож (раскоп 3; квадрат К 61; пласт 5); 10 — тесло (раскоп 4; квадрат З 126; пласт 3); 11 — сосуд (раскоп 3; квадрат П 65; сооружение № 1); 12 — фрагмент сосуда (раскоп 2; квадрат Л 34; комплекс № 99); 13 — фрагмент сосуда (раскоп 2; сооружение № 2); 14 — серп (раскоп 2; квадрат Г 40; пласт 3); 15 — фигурка собаки (раскоп 4; квадрат Л 91; сооружение № 2); 16 — фрагмент фигурки лошади (раскоп 4, квадрат Г 132; пласт 3); 17 — фрагмент топора (раскоп 4; квадрат Ж 113; пласт 4); 18 — фрагмент сосуда (раскоп 3; квадрат Н-О 78; яма № 88); 19 — сосуд (раскоп 3; сооружение № 5); 20 — фрагмент подвески (раскоп 4; квадрат Б 132; пласт 3); 21 — булавка (раскоп 3; квадрат И 87; пласт 4); 22 — стержень-шило (?) (раскоп 4; квадрат Л 100; пласт 3); 23 — булавка (раскоп 4; квадрат Ж 91; пласт 3). 1, 2, 4–8, 11–13, 15, 16, 18, 19 — глина; 3, 14, 17 — камень; 9, 10, 20–23 — бронза. Масштаб: а — для № 1, 2, 4–8, 11–13, 15, 16, 18, 19; б — для № 3, 9, 10, 14, 17, 20–23

Fig. 6. Periodization of finds from the Bronze Age site of Lisovitsky Balka IV: I — Kamenskaya culture of the final Late Bronze Age; II — Sabatinovka culture (early stage) of the Late Bronze Age; III — Sabatinovka culture (late stage) of the Late Bronze Age. 1 — jar (excavation 3; square И 78–79; pit no. 89); 2 — jar (excavation 3; square Ж 72; stratum 4); 3 — fragment of an axe (excavation 2; square М 36; stratum 1); 4 — fragment of a jar (excavation 2; square Н 76; stratum 4); 5 — fragment of a jar (excavation 2; square Г 44; stratum 4); 6 — fragment of a jar (excavation 3; square З-И 76; stratum 5); 7 — fragment of a jar (excavation 3; square Д 87; pit no. 91); 8 — fragment of a jar (excavation 4; square Н 88-89; stratum 5); 9 — knife (excavation 3; square К 61; stratum 5); 10 — adze (excavation 4; square З 126; stratum 3); 11 — jar (excavation 3; square П 65; structure 1); 12 — fragment of a jar (excavation 2; square Л 34; complex 99); 13 — fragment of a jar (excavation 2; structure 2); 14 — sickle (excavation 2; square Г 40; stratum 3); 15 — dog figurine (excavation 4; square Л 91; structure 2); 16 — fragment of a horse figurine (excavation 4, square Г 132; stratum 3); 17 — fragment of an axe (excavation 4; square Ж 113; stratum 4); 18 — fragment of a pendant (excavation 3; square Н-О 78; pit no. 88); 19 — jar (excavation 3; structure 5); 20 — fragment of a pendant (excavation 4; square Б 132; stratum 3); 21 — pin (excavation 3; square И 87; stratum 4); 22 — awl-rod (?) (excavation 4; square Л 100; stratum 3); 23 — pin (excavation 4; square Ж 91; stratum 3). 1, 2, 4–8, 11–13, 15, 16, 18, 19 — clay; 3, 14, 17 — stone; 9, 10, 20–23 — bronze. Scale: a — for nos. 1, 2, 4–8, 11–13, 15, 16, 18, 19; б — for nos. 3, 9, 10, 14, 17, 20–23

ножи и вкладыши серпов (рис. 6, 14). Следует также назвать находки всевозможных костяных (коньки, тупики, ложила, проколки) и каменных (песты, ступы, округлые терочки, зернотерки, обломки топоров) орудий, которые также находят соответствие в сабастиновской культуре Крыма и Северного Причерноморья. Наконец, ряд бронзовых изделий, найденных на памятнике (шилья, булавки с кольцевидным навершием и со свернутой головкой, фрагмент подвески солонецкого типа — рис. 6, 20–23), относится к позднему этапу сабастиновской культуры.

Хронологический диапазон материалов поселения эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV от каменной культуры до финала сабастиновской культуры делает его опорным памятником для ряда недавно исследованных соседних поселений Тамани. Раннему периоду его бытования соответствует расположенное в 2 км к востоку поселение Балка Хреева III (неопубликованные раскопки Д. В. Кутукова и В. П. Мокрушина). Основной

массив керамики этого памятника относится к каменной культуре, встречена здесь и типичная раннесабастиновская посуда. На расположенных тут же поселениях Балка Хреева I (Иванов, Сударев, 2013) и Балка Хреева II (неопубликованные раскопки А. А. Глухова) преобладают материалы финала сабастиновской культуры. Также с позднесабастиновским, наиболее ярким, комплексом находок Балки Лисовицкого IV соотносятся материалы поселения Юбилейный XIV (неопубликованные раскопки О. В. Сергеевой) и слоев эпохи бронзы городища Патрей (неопубликованные работы А. П. Абрамова). Совсем недавно аналогичная керамика была изучена на участке эпохи бронзы поселения Тамань XIV (неопубликованные раскопки Л. Э. Голубева).

Традиции широко распространенной (как теперь выясняется) на Таманском полуострове сабастиновской культуры получили продолжение в материалах белозерской культуры с поселения Панагия I (Горошников, Горошникова, 2019).

На этом памятнике, расположенном на юго-западной оконечности Таманского полуострова, присутствуют многочисленные остатки стационарных построек как позднесабатиновского, так и белозерского времени. Можно констатировать, что материалы Панагии I дополняют колонку древностей позднего бронзового века Тамани, начатую находками на поселениях Балка Хреева III и Балка Лисовицкого IV. Также к белозерской культуре относится грунтовый могильник Юбилейный IV (неопубликованные раскопки Ш. О. Давудова). Характерная корчага с каннелюрами происходит, вероятно, из грунтового погребения на поселении Балка Хреева II. Она находит аналогии в материалах гальштатских (карпато-дунайских) памятников, например среди керамики культуры Кишинэу-Корлэтенъ (Смирнова, 1990). К этой же культуре может относиться и часть сосудов бронзового века, найденных в раннем хозяйственном комплексе городища Ильич I (Шаров, Клемешова, 2019. С. 358–359).

Таким образом, на данном этапе исследования памятники позднего бронзового века Таманского полуострова по большинству признаков обнаруживают устойчивые параллели с памятниками Восточного Крыма и Северного Причерноморья. Заселение полуострова произошло, вероятно, из названных регионов в результате миграции. Перечисленные выше свидетельства земледельческого уклада на Тамани, наряду с морфологией керамики, типологией и технологией бронзовых изделий, однозначно указывают на сабастиновско-белозерские истоки этих традиций. Наличие «сырьевых» кладов кавказских бронз, как и распространение в степи серпов прикубанской серии, говорит лишь о тесном взаимодействии переселенцев с обитателями Северо-Западного Кавказа. На данном этапе исследований нет оснований связывать материалы позднего бронзового века Тамани, особенно сабастиновского времени, с гипотетическими «культурами кобьяковского круга» Северо-Западного Кавказа (Трифонов и др., 2019. С. 185).

Березанская и др., 1986 — Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. 164 с.

Бочкарев, 2017 — Бочкарев В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *StratumPlus*. Кишинев: ВАШ, 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень. С. 159–204.

Горошников, 2018 — Горошников А. А. Поселение эпохи поздней бронзы Панагия I в юго-западной части Таманского полуострова // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы: Тез. докл. круглого стола / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН, 2018. С. 17–19.

Горошников, Горошникова, 2019 — Горошников А. А., Горошникова З. В. Новые данные о поселении эпохи поздней бронзы Панагия I на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2019 г.) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., г. Санкт-Петербург). Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося

археолога В. С. Бочкарева / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 168–169.

Дергачев, Бочкарев, 2002 — Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: ВАШ, 2002. 348 с.

Иванов, Сударев, 2013 — Иванов А. В., Сударев Н. И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2013. Т. 17. С. 176–186.

Кияшко и др., 2016 — Кияшко А. В., Гугуев Ю. К., Ильяшенко С. М., Петров П. А., Коробков П. А. Предварительные сведения о раскопках поселений эпохи бронзы — средневековья у балки Лисовицкого на Тамани в 2015–2016 гг. // Проблемы археологии Восточной Европы: Материалы XI Междунар. археолог. конф. студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 7–9 ноября 2016 г.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016. С. 168–178.

Кияшко, Сударев, 2018 — Кияшко А. В., Сударев Н. И. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е. А., 2018. С. 212–218.

- Лесков, 1970 — Лесков А. М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы) / Отв. ред. А. М. Лесков. Киев: Наукова думка, 1970. С. 7–59.
- Паромов, Гей, 2005 — Паромов Я. М., Гей А. Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 8. С. 320–339.
- Смирнова, 1990 — Смирнова Г. И. Памятники типа Кишинев-Корлатэнь и группа Белегиш II // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 20–33.
- Сокольский, 1980 — Сокольский Н. И. Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144–154.
- Сорокина, 1987 — Сорокина И. А. Памятники срубной культуры Западного Предкавказья: по данным погребального обряда: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Археология / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. М.: Изд-во МГУ, 1987. 22 с.
- Трифонов и др., 2019 — Трифонов В. А., Хоммель П., Брай П., Шишлина Н. И., Ретивов В. М. Новые результаты археологического и естественнонаучного исследования клада эпохи поздней бронзы «Батарейка» (Тамань, Северо-Западный Кавказ) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., г. Санкт-Петербург). Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 183–186.
- Черняков, 1985 — Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. Киев: Наукова думка, 1985. 172 с.
- Шарафутдинова, 1982 — Шарафутдинова И. Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 160 с.
- Шаров, Клемешова, 2019 — Шаров О. В., Клемешова М. Е. Лепная керамика эпохи бронзы поселения Ильич-1 по данным технико-технологического анализа // КСИА. 2019. № 256. С. 344–362.
- Шишлов и др., 2008 — Шишлов А. В., Колтакова А. В., Федоренко Н. В. Поселение у балки Лисовицкого — новый памятник эпохи поздней бронзы на Тамани // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-А, 2008. С. 391–394.

Settlement of the Bronze Age Lisovitsky Balka IV in Taman: general view and characterisation of the metal inventory

A. V. Kiyashko

Extensive archaeological explorations on the Taman Peninsula in 2010–2020 have resulted in discovery and partial investigation of about two tens of settlements dated to the Late Bronze Age. That of Lisovitsky Balka IV is the most completely studied. Finds from it reflected the initial stages of the formation of settled life in Taman during the Bronze Age (Fig. 1; 2). This paper discusses the topography and plan of the site under consideration, describes the varieties of the stone structures and presents information on the stratigraphy of the features and finds (Fig. 3).

A primary comparative typological analysis of the pottery and different individual finds from stone, bronze and clay, in combination with stratigraphic evidence, has allowed the researchers to develop a three-stage periodization of the site. The first stage is represented by single objects and artefacts of the Kamensk culture of the final Middle Bronze Age.

The second stage is distinguishable through the typical early Sabatinovka pottery and bronze tools (a knife and an adze) of the Loboikovka-Golourov types. The third stage is marked by the maximum activity of the life in the settlement while the entire aggregate of the cultural features indicates the late Sabatinovka period (Fig. 6).

On the basis of a series of characteristic criteria (lasting dwellings on stone socles, large pythoid pots, the presence of sickles and querns, etc.), the conclusion was drawn about the agricultural practices of the residents

of the settlement at the third stage of its occupation. A particular attention is paid in the paper to the morphological characteristics of the bronze tools (Fig. 4), including a small hoard (three angular sickles and a fragment of a dropped-butt axe) found at the site (Fig. 5). The most characteristic objects, i.e. the knife, the adze, pins, a fragment of a pendant etc., in terms of their morphology and the composition of the metal (tin as the main admixture) belong to the Carpathian-Balkan centre of metalworking. The finds from the hoard are, basing on similar criteria, of a Caucasian provenance (arsenic is the main admixture), but they seem to have been technical scrap and apparently were intended for re-melting. These results of chemical analysis (Table) are helpful in reconstructing the cultural and historical processes during the Late Bronze Age on the Taman Peninsula. At the present stage of the studies, we can presume the inflow of bearers of the Sabatinovka traditions as part of the general migration during the Late Bronze Age from the Northern Black Sea littoral to the Taman Peninsula via Eastern Crimea and further on to regions of the Northern Caucasus.

Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н. э. в Туве¹

М. Е. Килуновская, П. М. Леус²

Аннотация. Статья посвящена редкому типу археологических находок — большим гравированным и инкрустированным пряжкам из сибирского гагата, найденным в памятниках эпохи хунну на обширной территории от Манчжурии до Нижнего Поволжья. Центром их возникновения и распространения, вероятно, был север Внутренней Азии, откуда происходит сам материал пряжек — богхед, или сибирский гагат. Его основные известные месторождения сосредоточены в Иркутском угольном бассейне.

Annotation. This paper is devoted to a rare type of archaeological finds, i. e. large buckles from Siberian jet with engraving and incrustation found at sites of the Xiongnu period over a broad territory from Manchuria to the Lower Volga region. The centre of their origin and distribution was probably in the north of Inner Asia which was the provenience of the material itself for making the buckles — boghead coal or Siberian jet. Its main deposits are concentrated in the Irkutsk coalfields.

Ключевые слова: поясные пряжки, сибирский гагат, богхед, хунну, могильники, Тува, Северная Монголия, Хакасия, Забайкалье.

Keywords: belt buckles, Siberian jet, boghead coal, Xiongnu, burial grounds, Tuva, Northern Mongolia, Khakassia, Trans-Baykal.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-223-253

Введение

В конце I тыс. до н. э. на территории Велико-евразийского пояса степей происходят значительные этнокультурные изменения, вызванные сменой «скифского мира» гунно-сарматским или хунно-сяньбийским — применительно к Центральной Азии и Южной Сибири. Появляются новые элементы материальной культуры, под влиянием которых трансформируются и развиваются старые формы, как это демонстрируют поясные пряжки — яркий образец искусства древних

кочевников. Поясной набор у многих народов Евразии — важная деталь и функциональная часть костюма, показывающая этнический, клановый или социальный статус. Если кочевническая знать могла позволить себе высокохудожественные изделия из драгоценных металлов, нередко изготовленные в мастерских Китая или городских цивилизаций Средней Азии, то рядовое население довольствовалось более доступными предметами из бронзы или других материалов — кости, рога, дерева, камня и пр.

Во II–I вв. до н. э. в эпоху расцвета кочевого государства хунну на территориях, оказавшихся в сфере их политического и культурного влияния, распространяются большие прямоугольные поясные пряжки из различных материалов, в первую очередь бронзовые. Они украшены геометрическим и зооморфным орнаментами, сценами терзания и противостояния различных животных, в том числе фантастических существ, изображениями людей, колесниц и т. д. Наиболее

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Килуновская М. Е. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kilunmar@mail.ru. Леус П. М. — ИИМК РАН; e-mail: leuss@mail.ru.

интересные экземпляры, настоящие шедевры древнего искусства, сосредоточены в Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1962. С. 39), фондах ведущих мировых музеев и в частных коллекциях (Bunker, 1997). Основная часть этих предметов происходит из старых грабительских раскопок или является случайными находками с территории Центральной Азии и Сибири. В большинстве случаев их точное место находки неизвестно.

Многие пряжки имеют прямоугольную форму с орнаментированной рамкой, обрамляющей изображенный сюжет, поэтому они также называются пластинами-пряжками. В ряде случаев, когда их находили в непо потревоженных захоронениях, сохранилась их деревянная основа, или подложка, представляющая собой деревянную прямоугольную дощечку с небольшим бортиком с лицевой стороны. Бронзовые пряжки вкладывались в такую основу и привязывались к ней кожаными ремешками через специальные сквозные отверстия в дереве. Затем вся конструкция закреплялась на кожаном поясе. Прямоугольная форма и размеры пряжек свидетельствуют об устройстве пояса, отличающемся от пояса предшествующего скифского периода.

Пряжки из сибирского гагата

Одним из необычных видов пряжек рассматриваемого времени являются инкрустированные или гравированные экземпляры, довольно массивные, выполненные из таких экзотических материалов, как сибирский гагат (богхед) или каких-то других, внешне сходных с ним, ископаемых. Известны и другие элементы поясного набора, изготовленные из тех же материалов, — это небольшие прямоугольные бляшки, иногда с инкрустацией или простыми гравировками, а также большие широкие кольца.

С коротких сторон пряжек проделаны отверстия для крепления к поясу: обычно два круглых с одной стороны и одно вытянутое с другой — для продевания ремешка. Иногда между отверстием для ремешка и краем пряжки есть еще одно круглое отверстие, в котором изредка сохраняется железный или бронзовый шпенек для застегивания ремешка. Отверстие для протягивания ремешка может отсутствовать, а на его месте могут располагаться два круглых, то есть использование ремешка для застегивания пояса с такой пряжкой-пластиной изначально не предполагалось.

Она просто крепилась к основе пояса через круглые отверстия, а концы пояса в таком случае могли просто завязываться без использования какой-либо пряжки.

На лицевой стороне пряжек-пластин в большинстве случаев присутствуют круглые углубления разного размера, создающие характерный геометрический узор, X-образный или в виде косяной решетки. В углубления могут быть вставлены сердолик, бирюза и перламутр, иногда похожий орнамент создают вбитые в поверхность пряжки маленькие бронзовые, железные или золотые гвоздики. Материал вставок сохраняется не всегда. На некоторых пряжках имеются гравированные изображения животных и тамгообразные знаки, выполненные в характерном для этого времени стиле³.

По форме пряжки-пластины можно разделить на два основных типа: 1) прямоугольные или реже слегка подтрапециевидные, где одна из узких сторон чуть шире другой (сторона застегивания/завязывания пояса); 2) подтрапециевидные или полуовальные, где расширяющаяся сторона закруглена и не имеет углов.

Материал для изготовления пряжек

Обозначение материала пряжек в некоторых публикациях не всегда может соответствовать действительности, оно основывается лишь на предварительном анализе изделия авторами раскопок или публикаций. Точное его определение невозможно без применения специальных естественнонаучных методов.

В публикациях встречаются различные наименования сырья, из которого изготовлены пряжки: гагат (Давыдова, 1985. С. 101; Кузьмин, 2011. С. 268; Раев, 2017. С. 301), камень (Treasures..., 2011. P. 134–135), смола (Максимова и др., 1968. С. 185), глинистый сланец (Давыдова, 1996. С. 20–21; Миняев, 2007. С. 34; Коновалов, 2008. С. 34), богхед (Давыдова, 1985. С. 63; Коновалов, 2008. С. 34), гишер (Обельченко, 1992. С. 42–43, 55–56). Отсюда возникает закономерный вопрос: всегда ли это один и тот же материал или мастерами, в зависимости от местности, использовались какие-то подручные, визуально схожие материалы, особенно по мере удаления от мест первоначальных источников сырья?

³ Типологически схожие по форме и орнаментации пряжки-пластины также изготавливались из кости и рога.

Для уточнения материала основы пряжек и цветных декоративных вставок в них несколько экземпляров были изучены с помощью точных методов исследования в Ресурсном центре «Оптические и лазерные методы исследования вещества» Научного парка СПбГУ и в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа. Изучались две большие пряжки и одна маленькая бляшка из могильника Ала-Тей 1 в Туве и пряжка из могильника Каменка V в Хакасии. В результате выяснено, что основа пряжек выполнена из ископаемого угля типа богхед, представляющего собой остатки древних водорослей и планктона — сапропелитов. Данный тип ископаемого угля широко представлен в Иркутском угольном бассейне. Цветные инкрустации выполнены из сердолика, бирюзы и перламутра или их имитаций⁴.

В начале XX в. для некоторых видов сапропелитовых углей Иркутского угольного бассейна, в первую очередь хороших поделочных сортов из Черемховских месторождений, было предложено использующееся до сих пор название сибирский гагат (Залесский, 1934. С. 16–19; Петров, 1982. С. 84; Романович, 1986. С. 338). Классические гагаты (английский Уитби и др.) имеют в своей основе куски древесины, превращенной в уголь, тогда как сибирский гагат основан на остатках водорослей, планктона и других низших растений. Благодаря своей пластичности сибирский гагат довольно легко обрабатывается, в том числе простыми ручными инструментами, и раньше широко применялся для изготовления различных декоративно-прикладных и промышленных изделий. Он долго сохраняет полировку, при нагревании до 200 °С становится мягче, а при 400 °С пластифицируется (Гранина, Одинцов, 1947. С. 3; Петров, 1982. С. 83–84)⁵.

Представления о том, как могла выглядеть добыча и обработка сибирского гагата в древности, можно получить из этнографических сведений о работе старых мастеров с гишером (кавказским гагатом) в Грузии: «Гагат добывается киркой; мастер аккуратно выбирает более крупные его куски и извлекает, не отбивая полностью их от вмещающей породы. Добытые куски тотчас же обмазываются

глиной и укладываются в мешок с листьями. Дома гагат закапывают в землю и выдерживают его там по возможности дольше. При обработке добытого материала выкопанный из земли блок гагата очищают ножом и разваливают по всем наметившимся трещинам и слойкам. В зависимости от размера сохранившегося после развалки монолитного куска гагата и его плотности определяют назначение. Грубая отделка гагата <...> ведется с помощью ножа и пилы; используются даже грубые напильники. Шлифовка осуществляется на бруске, а полируется гагатовое изделие порошком каштанового угля с помощью мягкой тряпочки. В процессе работы гагат смачивается водой. После полировки готовое изделие еще часа два-три держат в воде, затем вытирают и, завернув в тряпки, помещают в ящик и оставляют там на месяц. После такой сушки <...> гагат хранится тысячами. <...> Сами же навыки поиска и обработки гагата нередко хранились в секрете» (Петров, 1982. С. 82–83). Подобным кустарным образом обрабатывался в конце XIX в. и сибирский гагат.

Название гагат можно считать исторически сложившимся в научных публикациях, поэтому в статье использовано обобщающее название пряжки из гагата или сибирского гагата, если речь идет о предметах, материал которых визуальное или описательно соответствует гагату — сибирскому гагату — богхеду.

Ареал распространения пряжек из гагата

Гагатовые пряжки эпохи хунну рассматривались в некоторых исследованиях (Takahama, 2002. Р. 50–63; Brosseder, 2011. Р. 357–364; Раев, 2017. С. 291–305). Авторы подчеркивали необычность материала пряжек, а также сложность установления прямых связей между тремя регионами их обнаружения, значительно удаленными друг от друга: севером Внутренней Азии, Средней Азией и Нижним Поволжьем (рис. 1).

В Нижнем Поволжье найдены три гагатовые пряжки в двух погребениях на двух разных могильниках: Жутово 27/4⁶ (2 экз.) и Питерка 1/9 (1 экз.) (Раев, 2017. С. 292–295) (рис. 2, 1–3). Все три пряжки имеют характерный X-образный орнамент, сформированный линиями маленьких

⁴ См. статью Курганова и др., с. 254–262.

⁵ В конце XIX в. сибирским гагатом был облицован иконостас Богоявленского кафедрального собора в г. Иркутск.

⁶ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, далее — номер погребения: Жутово, 27/4 соответствует могильник Жутово, курган № 27, погребение № 4.

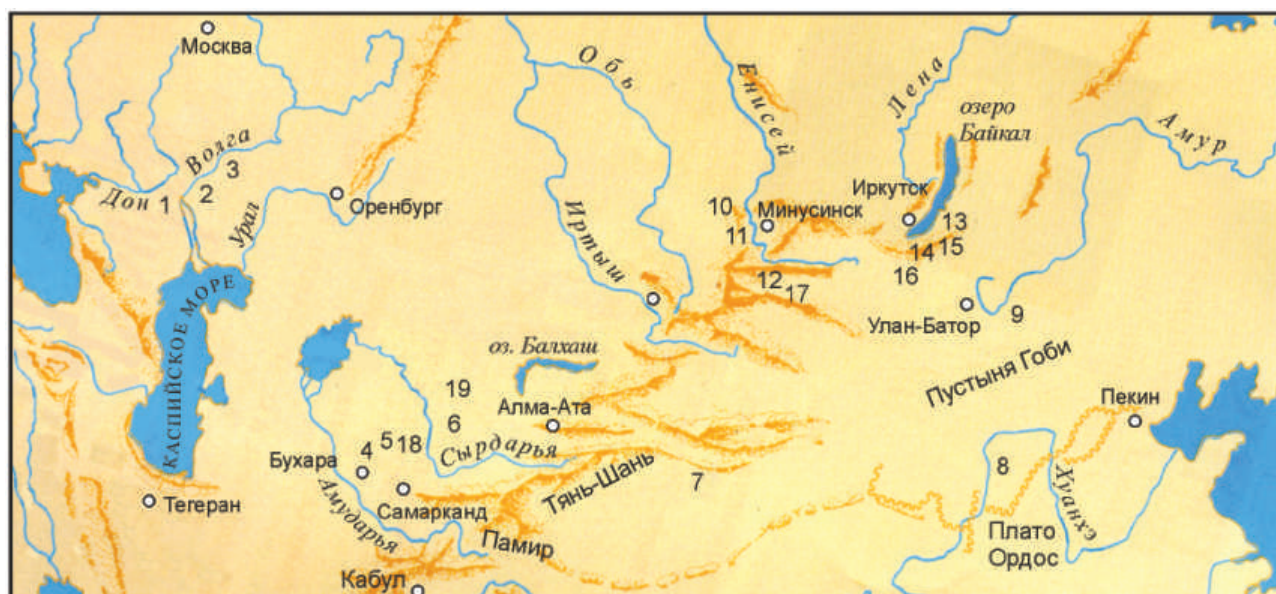

Рис. 1. Распространение гагатовых пряжек: 1 — Жутово; 2 — Верхнее Погромное; 3 — Питерка; 4 — Кую-Мазар; 5 — Кызылтепе; 6 — Жаман-Тогай; 7 — Кумтура, Синцзян; 8 — Даодунцзы; 9 — Чжалайнор; 10 — Каменка V; 11 — Калы; 12 — Ала-Тей 1 и Терезин; 13 — Иволгинский археологический комплекс; 14 — Дырестуйский могильник; 15 — Дурёны; 16 — Салхит; 17 — Тэс; 18 — Орлат; 19 — Культобе

Fig. 1. Distribution of jet buckles: 1 — Zhutovo; 2 — Verkhnepogromnoye; 3 — Piterka; 4 — Kuyu-Mazar; 5 — Kyzyltepe; 6 — Zhaman-Togay; 7 — Kumtura, Xinjiang; 8 — Daodunzi; 9 — Zhalaynor; 10 — Kamenka V; 11 — Kaly; 12 — Ala-Tey 1 and Terezin; 13 — Ivolga archaeological site; 14 — Dyrestuy cemetery; 15 — Duryony; 16 — Salkhit; 17 — Tes; 18 — Orlat; 19 — Kultobe

отверстий, в которых изначально находились золотые и бронзовые гвоздики, большинство из которых утрачено. Едва ли Нижнее Поволжье являлось центром появления или распространения пряжек из такого материала, куда они попали с востока, возможно, вместе со своими владельцами. Здесь упомянем и найденную на Левобережье Волги (Верхнее Погромное 1/13) пару прямоугольных роговых пряжек, орнаментированных рядами чередующихся железных и бронзовых гвоздиков, возможно, имитацию гагатовых пряжек (Шилов, 1975. С. 47; Раев, 2017. С. 295). Расстояние между Жутово и Питеркой — около 400 км, а Верхнее Погромное расположено примерно на полпути между ними. Датируются эти памятники II–I вв. до н. э. или немного более поздним временем.

В Средней Азии известно как минимум восемь пряжек. Три пряжки обнаружены в Бухарском оазисе: одна, с орнаментом из бронзовых гвоздиков, — в кургане № 31 Кую-Мазарского могильника (рис. 2, 4 — Обельченко, 1956. С. 215–216), две парные — в курганах № 2 (с бирюзовыми инкрустациями) и № 13 (с орнаментом из свинцовых (?)

гвоздиков) Кызылтепинского могильника (рис. 2, 5, 6 — Обельченко, 1992. С. 42–43, 55–56). Пара пряжек найдена в кургане № 21 могильника Жаман-Тогай в Южном Казахстане (рис. 3, 1 — Максимова и др., 1968. С. 185, рис. 5). Кую-Мазарский и Кызылтепинский могильники расположены на расстоянии около 20 км друг от друга, до Жаман-Тогай от них — около 300 км. Еще одна пряжка находилась в воинском погребении кургана № 3 могильника Культобе в Южном Казахстане (около 150 км к северу от Жаман-Тогай) (рис. 4, 3). Пряжка трапециевидная, с закругленной расширяющейся стороной, инкрустирована серебряными и золотыми гвоздиками, а также бирюзовыми и сердоликовыми вставками. Хотя материал пряжки определен автором раскопок как многослойный рог носорога, но по фотографии в публикации ее поверхность выглядит как потрескавшийся и слоющийся богхед (Подушкин, 2000. С. 79–82, 154–155; 2012. С. 36–37, рис. 1, 32, 33).

Отметим, что все подобные пряжки из Поволжья и Средней Азии происходят из мужских воинских захоронений и датируются авторами

Рис. 2. Инкрустированные пряжки: 1, 2 — Жутово, Волгоградская обл.; 3 — Питерка, Саратовская обл.; 4 — Кую-Мазар, Узбекистан (Раев, 2017. Рис. 2, 1; 3, 5, 1); 5, 6 — Кызылтепе, Узбекистан (Пыасов, Rusanov, 1998. Pl. X, 1; Ильясов, 2015. С. 64, ил. 1); 7 — Каменка V, Хакасия (Пшеницына, 1992. Табл. 94, 80); 8 — Калы, Хакасия (Кузьмин, 2011. Табл. 41, 34); 9, 10 — Даодуньцзы, Китай (Kost, 2014. Pl. 99); 11 — Салхит, Монголия (Treasures, 2011. Fig. 172)

Fig. 2. Buckles with inlay: 1, 2 — Zhutovo, Volgograd oblast; 3 — Piterka, Saratov oblast; 4 — Kuyu-Mazar, Uzbekistan (Raev, 2017. Рис. 2, 1; 3, 5, 1); 5, 6 — Kyzyltepe, Uzbekistan (Pyasov, Rusanov, 1998. Pl. X, 1; Ильясов, 2015. С. 64, ил. 1); 7 — Kamenka V, Khakassia (Пшеницына, 1992. Табл. 94, 80); 8 — Kaly, Khakassia (Кузьмин, 2011. Табл. 41, 34); 9, 10 — Kultobe, China (Kost, 2014. Pl. 99); 11 — Salkhit, Mongolia (Treasures, 2011. Fig. 172)

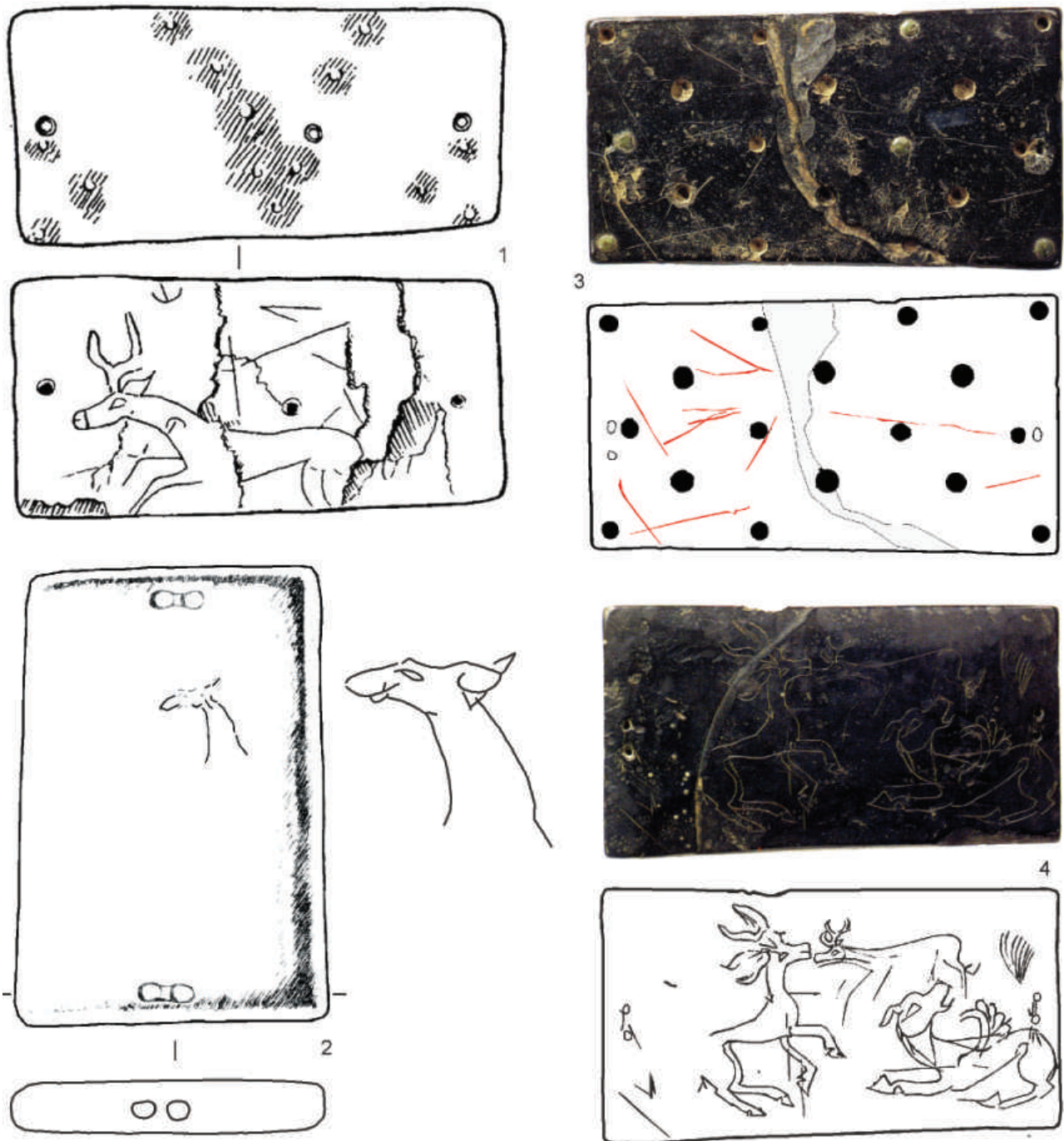

Рис. 3. Гагатовые пряжки с гравировками: 1 — Жаман-Тогай, Южный Казахстан (Максимова и др., 1968. Рис. 5); 2 — Иволгинское городище, яма 322 (Давыдова, 1995. Табл. 157, 1); 3, 4 — Синьцзян (Takahata, 2002. Tab. 1, 1)
 Fig. 3. Jet buckles with engravings: 1 — Zhaman-Togay, Southern Kazakhstan (Максимова и др., 1968. Рис. 5); 2 — Ivolga site, pit 322 (Давыдова, 1995. Табл. 157, 1); 3, 4 — Xinjiang (Takahata, 2002. Tab. 1, 1)

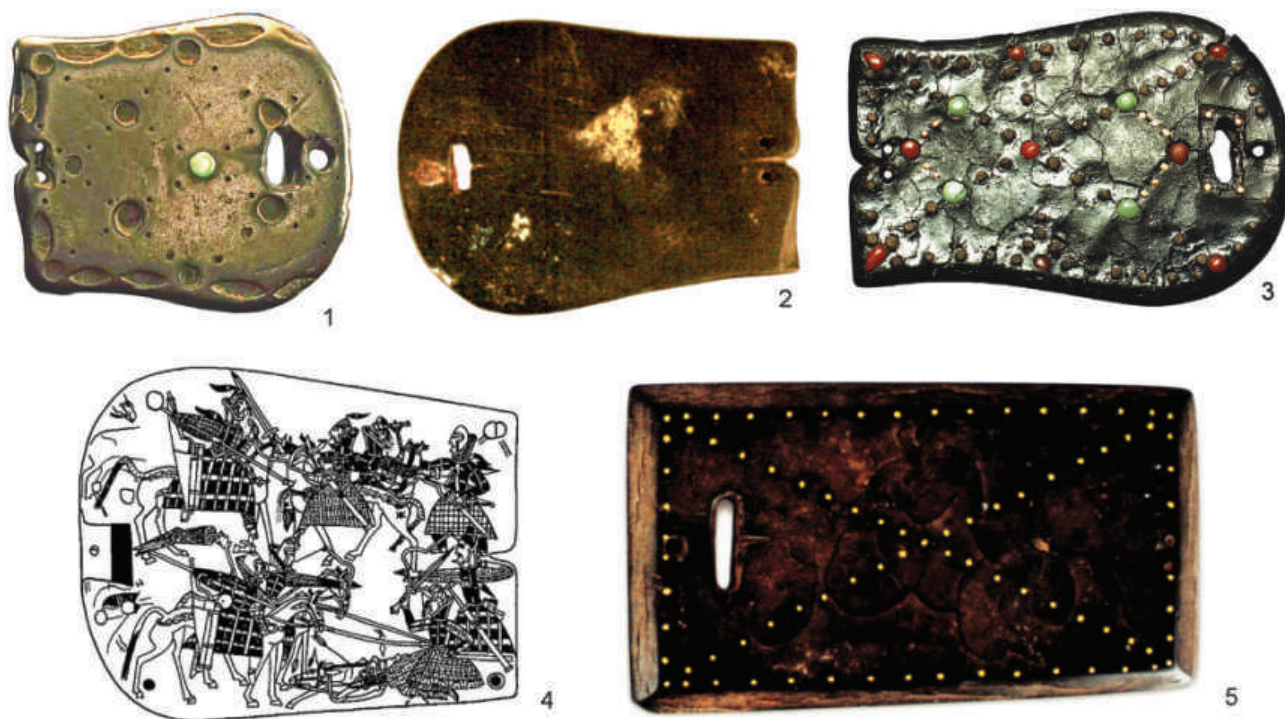

Рис. 4. Пряжки: 1 — могильник Чжалайнор в Манчжурии (http://szb.northnews.cn/nmgrb/html/2018-07/27/content_8871_46175.htm); 2 — Монголия (Treasures..., 2011. Fig. 171); 3 — могильник Культобе в Южном Казахстане (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5); 4 — Орлатский могильник (Ilyasov, Rusanov, 1998. Pl. IV); 5 — Внутренняя Монголия (Treasures..., 2011. P. 134, fig. 169)

Fig. 4. Buckles: 1 — cemetery of Zhalaynor in Manchuria (http://szb.northnews.cn/nmgrb/html/2018-07/27/content_8871_46175.htm); 2 — Mongolia (Treasures..., 2011. Fig. 171); 3 — cemetery of Kultobe in Southern Kazakhstan (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5); 4 — Orlat burial ground (Ilyasov, Rusanov, 1998. Pl. IV); 5 — Inner Mongolia (Treasures..., 2011. P. 134, fig. 169)

раскопок II–I вв. до н. э. Если сравнить пояс из Культобе с памятниками хунну севера Внутренней Азии, то в последнем случае они будут находиться в составе типичного женского пояса, состоящего из раковин каури или их имитаций, одного или двух ажурных бронзовых или каменных/гагатовых колец по бокам, одной или двух гагатовых или бронзовых пластин-пряжек по центру.

В северных провинциях Китая также обнаружено несколько экземпляров: две неорнаментированные пряжки из женской могилы № 13 могильника Даодуньцзы в провинции Нинся. Обе они находились в ногах погребенной, тогда как на поясе была ажурная бронзовая пряжка (рис. 2, 9, 10 — Kost, 2014. P. 207, pl. 99, B, C). Известна большая пряжка с гравированными изображениями животных с одной стороны и остатками инкрустаций бирюзой — с другой. Пряжка была найдена в ходе работ одной из японских экспедиций

Отани в районе Пещер тысячи Будд Кумтура возле оазиса Куча в Синьцзяне и сейчас хранится в Токийском национальном музее (рис. 3, 3, 4 — Takahama, 1997. P. 133, 298, cat. 226; 2002. P. 50, tab. 1, 1). Все три экспедиции Отани (1902–1904, 1908–1909, 1910–1914 гг.) побывали в оазисе Куча, раскапывая и покупая там манускрипты и другие редкости (Yaldiz, 2010. P. 220–224), но точная информация о месте находки пряжки отсутствует. Из автономного района Внутренняя Монголия происходит трапециевидная пряжка с закругленной стороной и остатками инкрустации бирюзой. Она найдена в могильнике Чжалайнор в Манчжурии, на границе с Забайкальским краем России (рис. 4, 1 — Takahama, 2002. P. 51, tab. 1, 4). Пара «каменных» пряжек с X-образным орнаментом в рамке, образованным золотыми гвоздиками, найдена в 1937 г. в «песках Цахар» во Внутренней Монголии О. Латгимором и подарена Музеем в Улан-Баторе (рис. 4, 5 — Treasures..., 2011. P. 134, fig. 169).

В *Забайкалье* известно несколько целых и фрагментированных пряжек и бляшек из «глинистого сланца» (по заключению авторов раскопок). Большая пряжка с инкрустациями и маленькая поясная бляшка найдены на поселении Дурёны (рис. 5, 1 — *Давыдова, Миняев, 2003. С. 37*). В Дырестуйском могильнике обнаружены три большие пряжки в двух непо потревоженных женских захоронениях и фрагменты еще одной в заполнении разграбленного мужского погребения (рис. 5, 7, 8). В погребении № 52 среди элементов поясного набора захороненной молодой женщины присутствуют две большие прямоугольные пряжки из «глинистого сланца», одна из которых с Х-образным орнаментом и инкрустациями, а вторая, поменьше, — без орнамента (*Миняев, 2007. С. 91, табл. 36*). В погребении № 114 на поясе пожилой женщины имелось несколько предметов из «глинистого сланца»: одна большая неорнаментированная пряжка, шесть небольших бляшек и два кольца. Также на поясе находилась ажурная бронзовая пряжка с деревянной основой (*Там же. С. 99, табл. 97; 98*). Погребение № 123 было полностью ограблено, но по костям скелета и многочисленным предметам инвентаря из заполнения могилы установлено, что здесь был похоронен мужчина около 50 лет. В заполнении деревянного гроба найдены два фрагмента прямоугольной пряжки с точечным орнаментом и углублениями для инкрустаций (*Там же. С. 101–102, табл. 113*).

Одна каменная пряжка с точечным геометрическим орнаментом обнаружена в разграбленном женском погребении № 139 на Иволгинском могильнике (рис. 5, 2 — *Давыдова, 1996. Табл. 40, 3*). Там же, в могилах № 100, 158 и 169, найдено по несколько небольших плиток из «глинистого сланца».

Большое количество каменных бляшек, пластин-пряжек и их фрагментов обнаружено на Иволгинском городище. Это может свидетельствовать об их использовании в повседневной жизни местного населения, то есть эти изделия являлись не только частью парадного или погребального убранства. Они найдены в культурном слое, в жилищах, а некоторые обломки — в мусорных ямах. Обнаружены одна целая и три фрагмента пряжек с Х-образным геометрическим орнаментом, сделанным прочерченными линиями, внутри которых находятся углубления (рис. 5, 3, 4 — *Давыдова, 1995. Табл. 16, 6, 7; 120, 1; 145, 6*). В жилище № 28 найдена пластина, украшенная точечными углублениями, заполненными золотой

фольгой (рис. 5, 6 — *Там же. С. 39, табл. 53, 7*), а в жилище № 36 — инкрустированная бирюзой и сердоликом (рис. 5, 5 — *Там же. С. 39, табл. 69, 25*). Кроме того, на городище найдено шесть неорнаментированных «сланцевых» пластин-пряжек размерами от 12,5 × 8,0 до 4,4 × 3,0 см. В яме № 32 находилась пластина с гравированным изображением головы лосихи (рис. 3, 2)⁷.

Фрагмент большой пряжки обнаружен среди остатков погребального инвентаря в разграбленном элитном кургане № 54 в Ильмовой Пади. Материал пряжки в публикациях именуется по-разному: богхед, глинистый сланец или глинистый сланец (богхед) (*Коновалов, 2008. С. 24, рис. 48, 5; 49, 1; 2010. С. 201, 209, рис. 6, 4*).

Есть упоминание о случайной находке инкрустированной сердоликом и бирюзой пряжки в хуннском могильнике Хара-Усу (*Давыдова, 1985. С. 56*).

В *Монголии* на могильнике Салхит (примерно в 100 км к югу от Дырестуйского могильника) обнаружены пять больших пряжек, из которых четыре с инкрустациями и одна необычная — с геометрическим орнаментом в виде ступеней или ступенчатой решетки, хорошо известным по ажурным пряжкам из бронзы (рис. 2, 11 — *Treasures..., 2011. P. 134–135, fig. 170; 172; Takahama, 2002. P. 51, tab. I, 5–8; Пэрлээ, 2012. P. 146*). Пара трапециевидных со скругленной стороной пряжек обнаружена, согласно данным публикации, в сумоне Тэс, на северо-восточном берегу озера Убсу-Нур (рис. 4, 2 — *Treasures..., 2011. P. 135, fig. 171*), то есть практически на границе с Тувой, в 130 км к юго-юго-востоку от Ала-Тея 1.

В *Хакасии* в грунтовых могилах тесинской культуры известно несколько пряжек из гагата. Это целая большая пряжка с точечным Х-образным орнаментом из женского погребения № 32 и маленький фрагмент пряжки с несколькими углублениями для инкрустаций (?) из ограбленного предположительно мужского погребения № 24 в могильнике Калы (рис. 2, 8 — *Кузьмин, 2011. С. 263, 268, табл. 41*), а также пряжка полуовальной формы с инкрустациями, переделанная из крупного фрагмента большой прямоугольной

⁷ В первой публикации материал ее изготовления обозначен в тексте как богхед, а в подписи к иллюстрации — как гагат (*Давыдова, 1985. С. 63, 101, рис. 10, 2*). В следующей публикации в тексте упоминается глинистый сланец, а в подписи к иллюстрации — гагат (*Давыдова, 1995. С. 39, табл. 157, 1, 2*).

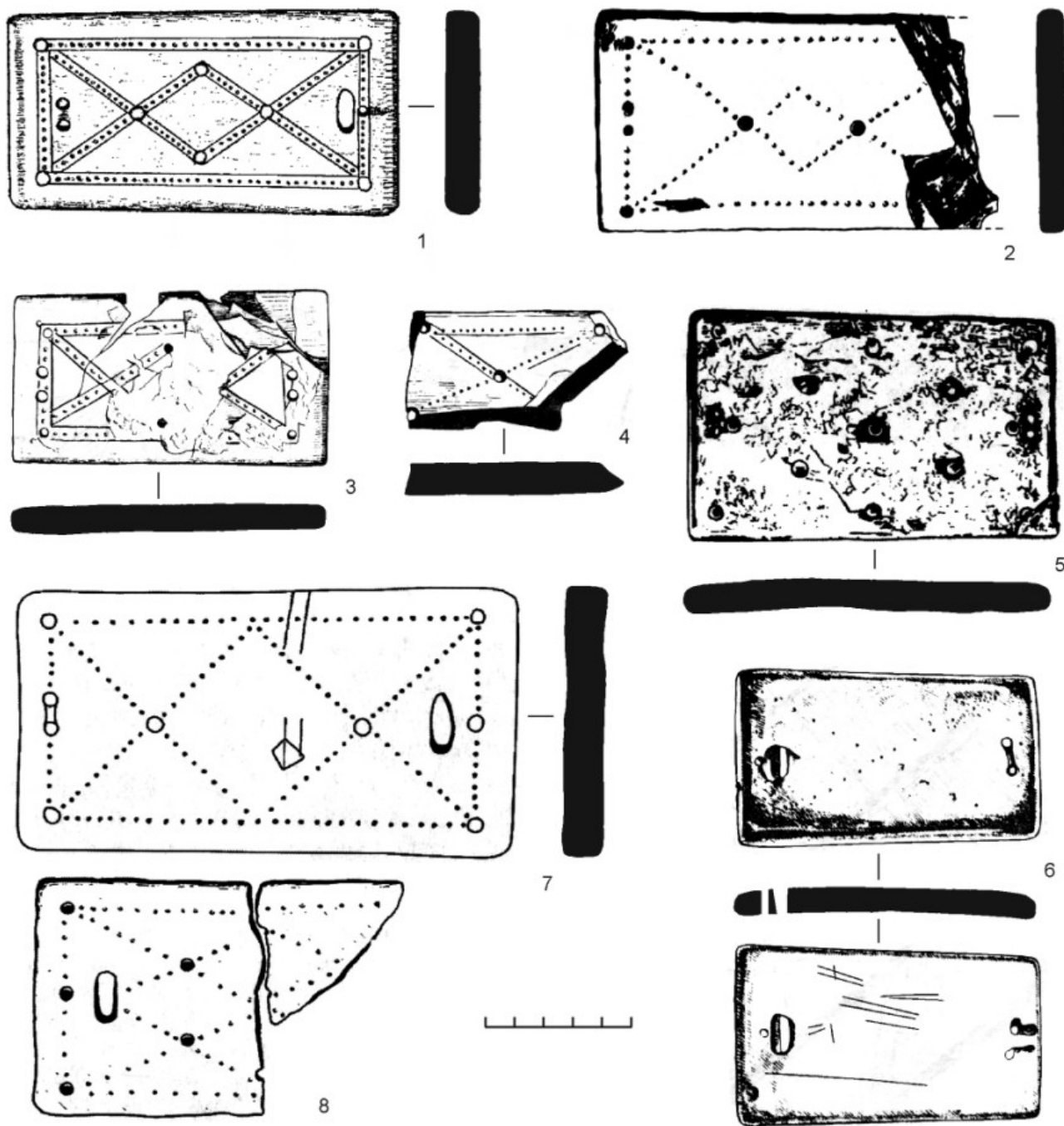

Рис. 5. Пряжки из Забайкалья: 1 — Дурёны (Давыдова, Миняев, 2003. Табл. 96, 7); 2 — Иволгинский могильник (Давыдова, 1996. Табл. 40, 3); 3–6 — Иволгинское городище (Давыдова, 1995. Табл. 16, 6, 7; 148, 7; 53, 7); 7, 8 — Дырестуйский могильник (Миняев, 2007. Табл. 36, 1)

Fig. 5. Buckles from Transbaykalia: 1 — Duryony (Давыдова, Миняев, 2003. Табл. 96, 7); 2 — Ivolga burial ground (Давыдова, 1996. Табл. 40, 3); 3–6 — Ivolga site (Давыдова, 1995. Pl. 16, 6, 7; 148, 7; 53, 7); 7, 8 — Dyrestuy burial ground (Миняев, 2007. Табл. 36, 1)

пряжки, в могильнике Каменка V (рис. 2, 7 — Пшеницына, 1992. С. 232, табл. 94, 80).

Могильники Ала-Тей 1 и Терезин в Туве

На территории Тувы гагатовые пряжки стали известны недавно. Они обнаружены в непогребенных грабителями грунтовых могильниках эпохи хунну Ала-Тей 1 (раскопано 112 объектов) и Терезин (раскопано 34 объекта), открытых в ходе раскопок Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН по берегам и на дне Саяно-Шушенского водохранилища⁸. Оба могильника расположены в 4,5 км друг от друга, они имеют абсолютное сходство в погребальном инвентаре при некоторых различиях в погребальном обряде. Анализ материалов погребальных комплексов подтвердил выделение отдельной улуг-хемской археологической культуры, отражающей появление на территории Тувы новых групп населения из-за экспансии хунну и включения региона в состав их империи (Килуновская, Леус, 2018. С. 125–152). Оба могильника датируются II–I вв. до н. э., что подтверждается данными AMS-датирования и некоторыми категориями погребального инвентаря, среди которого имеются китайские зеркала (подробнее см.: Леус, 2018).

Среди деталей поясных наборов из женских захоронений Ала-Тей 1 и Терезина особое место занимают несколько больших прямоугольных пряжек из богхеда, украшенных инкрустациями из перламутра и полудрагоценных камней или гравированными изображениями, в большинстве случаев обнаруженных *in situ* на поясах погребенных⁹. Иногда на поясе присутствуют кольца и небольшие прямоугольные бляшки из того же материала. К настоящему времени найдены четыре целые большие инкрустированные пряжки и три — с гравировками. В одном случае зафиксирована костяная пластина-пряжка с X-образным орнаментом, в нескольких погребениях обнаружены небольшие нашивные поясные бляшки, а еще в одном — переиспользованный фрагмент большой пряжки с точечным орнаментом. Рассмотрим подробнее сами изделия и контексты их обнаружения.

⁸ Работы проводятся при поддержке Общества по изучению Евразии (Society for the Exploration of EurAsia) (Швейцария), а с 2018 г. — Русского географического общества.

⁹ Раскопки могильников продолжаются, поэтому можно ожидать находок новых экземпляров.

Пряжки инкрустированные

Объект АТ1/29¹⁰ (рис. 6). Погребение молодой женщины 20–25 лет совершено в грунтовой яме без следов внутримогильного сооружения. С правой стороны от погребенной на небольшой приступке лежал обломок каменной плиты длиной около 50 см. Учитывая, что одиночный камень для обкладки деревянных гробов нехарактерен, скорее всего, это была небольшая (упавшая) стела. Деревянное сооружение типа гроба или рамы могло не сохраниться из-за длительного воздействия воды. Глубина ямы от уровня СДП составляла 0,3–0,4 м, при этом изначальная ее глубина могла быть не более 0,5–0,8 м. Погребенная была уложена вытянуто на спине, головой на юго-запад. Правая рука на поясе, левая подогнута к левому плечу. В левой руке находилось простое бронзовое зеркало с боковой петелькой (рис. 6, 3). Справа от черепа стоял глиняный сосуд баночной формы, слева — красноглиняный сосуд вазовидной формы с поврежденным венчиком, орнаментом в виде одной волнообразной линии и прочерченным знаком «Н» на плечике (Килуновская, Леус, 2019. С. 83–87) (рис. 6, 2а). Под черепом с обеих сторон около ушных отверстий найдено по бронзовой проволочной серьге (рис. 6, 7), около шеи — бисер и железная обойма. Серьги этого типа представляют собой скрученное из одного куска проволоки кольцо с маленькой петелькой, куда, возможно, крепились подвески из органических материалов (подобные серьги с кораллами найдены в могиле АТ1/112 — см. далее). Конец проволоки, образующий петельку, расплюснен. Встречаются не только бронзовые, но и золотые экземпляры. Абсолютно идентичные золотые серьги найдены, к примеру, в могиле № 140 могильника Кешенжуан в Шанси (Pan, 2011. P. 466, fig. 4) и в могиле № 13 могильника Даодуньцзы в китайской провинции Нинся. Именно из этого женского захоронения происходят и две «каменные» (гагатовые?) пряжки (Kost, 2014. P. 207, pl. 99). Отметим, что предметы материальной культуры из могильника Даодуньцзы, наравне с Дырестуйским могильником в Забайкалье, являются наиболее близкими аналогиями находкам из Ала-Тей 1 и Терезина.

Центральным элементом поясного набора была большая прямоугольная гагатовая пряжка

¹⁰ Здесь и далее сокращение названия памятников обозначает АТ1 — Ала-Тей 1, Т — Терезин, далее через знак дроби — номер объекта/погребения.

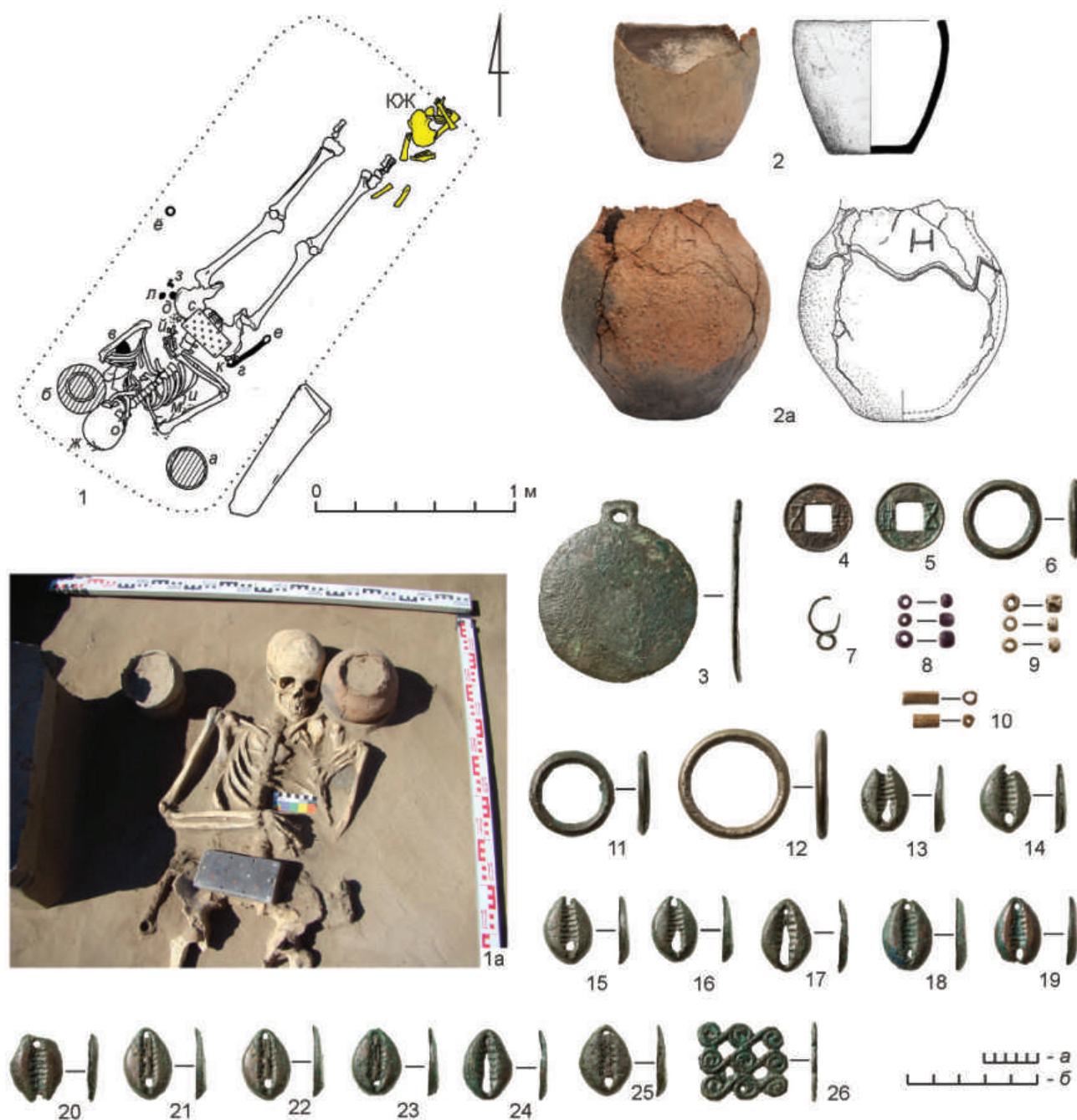

Рис. 6. Могильник Ала-Тей 1, объект АТ1/29: 1, 1а — план и фото погребения (а-м — находки; здесь и далее КЖ — кости животных); 2, 2а — сосуды (а, б на плане); 3 — зеркало (в); 4, 5 — монеты у-шу (з, д); 6, 11, 12 — поясные кольца (е, ё); 7 — серьга (ж); 8-10 — бусы (з, и, й); 13-25 — имитации раковин каури (к, л); 26 — бляшка с волутообразным орнаментом из девяти полусфер (м). 2, 2а — обожженная глина; 3-7, 11-26 — бронза; 8-10 — стеклянная паста. Масштаб: а — для 2, 3; б — для 4-26

Fig. 6. Cemetery of Ala-Tey 1, structure AT1/29: 1, 1a — plan and photo of the burial (a-m — finds; here and below KЖ — animal bones); 2, 2a — pottery (a, b in the plan); 3 — mirror (v); 4, 5 — Wu-Shu coins (z, d); 6, 11, 12 — belt rings (e, e'); 7 — earring (zh); 8-10 — beads (z, i, y); 13-25 — imitations of cowry shells (k, l); 26 — plaque with a volute-like pattern of nine hemispheres (m). 2, 2a — fired clay; 3-7, 11-26 — bronze; 8-10 — glass paste. Scale: a — for 2, 3; b — for 4-26

(18 × 9 см), украшенная инкрустациями из сердолика, перламутра и бирюзы, а также имитацией последней из фуксита (рис. 7, 4). Для цветных вставок в лицевой стороне были сделаны 18 углублений, но сами вставки сохранились только в 11 из них. На обратной стороне пряжки виден прочерченный знак, напоминающий «Н». Пояс был украшен 13 бронзовыми имитациями раковин каури (рис. 6, 13–25), двумя бронзовыми китайскими монетами у-шу (рис. 6, 4, 5), костяными пронизками и бронзовой бляшкой с волютообразным орнаментом из девяти полусфер (рис. 6, 26). Справа около таза лежал железный нож, у окончания которого находилось бронзовое кольцо. Еще одно бронзовое кольцо лежало симметрично слева от скелета (рис. 6, 6, 11, 12). В ногах были помещены кости барана (череп и нижние конечности). Две бронзовые китайские монеты у-шу из этого погребения дают для него *terminus post quem* 118 г. до н. э.

Объект АТ1/35 (рис. 8). Погребение молодой женщины 20–25 лет совершено в каменном ящике из плит. Погребенная была уложена вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки сложены на животе (рис. 8, 1). Справа у черепа стоял глиняный сосуд баночной формы (рис. 8, 2). Под черепом находились фрагмент бронзовой проволочной серьги и несколько бусин (рис. 8, 4, 5). В районе пояса погребенной находились керамическое пряслице, бронзовая пуговица, железный нож и бронзовое шило в ножнах, от которых сохранилась костяная накладка (рис. 8, 6–10), а также гагатова́я пряжка (12 × 9 см) с инкрустациями из бирюзы и сердолика (рис. 7, 2). На лицевой стороне пряжки имеются 13 отверстий для вставок, в пяти из которых вставки не сохранились, с одной ее стороны — два сквозных отверстия для крепления к поясу, с другой — продолговатое отверстие для ремешка. Изначально эта пряжка была длиннее, но, очевидно, сломалась при эксплуатации и была переделана под новый размер (при этом часть вставок могла быть заменена). По длинным ее сторонам имеются несколько пар углублений в виде соединенных вершинами треугольников, напоминающих тамгу на пряжке из Т/21. Возможно, они здесь вторичны, но видно, что они находились на первичном изделии, так как часть из них пострадала или исчезла при повреждении и последующей доработке краев пряжки. Возможно, в них также предполагались цветные вставки. По стилю она напоминает пряжку из Чжалайнора в Манчжурии, у которой тоже имеются углубления по краям, хоть и

другой формы (рис. 4, 1 — *Takahama*, 2002. Tab. 1, 4). Обе эти пряжки имеют небольшой треугольный вырез со стороны их крепления к поясу, как бы приближающийся острием к двум отверстиям для ремешков. Его практическое назначение неясно, он не является выемкой для ремешка, так как для него есть желобок между отверстиями для крепления пряжки к поясу. Такой же вырез присутствует у двух гагатова́ых пряжек из Монголии (рис. 4, 2 — *Treasures...*, 2011. Fig. 171), у пряжки из Культобе (рис. 4, 3 — *Подушкин*, 2000. С. 155), а также у костяных орнаментированных пряжек-пластин из Орлата в Средней Азии (рис. 4, 4 — *Ilyasov, Rusanov*, 1998. Pl. IV). Вероятно, это чисто декоративный элемент, изредка встречающийся на пряжках определенной формы (полуовальной/трапециевидной со скругленной стороной), найденных на территории от Манчжурии до Средней Азии.

Объект АТ1/12 (рис. 9). Погребение женщины 40–45 лет совершено в неглубокой могильной яме, в деревянном гробу, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях и сложены на животе. Справа у черепа находился глиняный сосуд на поддоне (рис. 9, 2), вероятно, изначально закрытый каменной плиткой. Поясной набор состоял из двух больших ажурных колец (рис. 9, 3, 4), шестилучевой бронзовой бляшки (рис. 9, 6), двух бляшек с волютообразным орнаментом (рис. 9, 7, 8) и двух бляшек из сибирского гагата (рис. 9, 9, 10), у одной из которых с узких сторон имелись по два отверстия для крепления к поясу, у второй — по одному. Здесь же найден небольшой фрагмент бронзовой рамчатой пряжки со шпеньком (рис. 9, 12). Скорее всего, она оказалась в могиле именно в таком виде, то есть фрагментарно, и вряд ли могла использоваться по прямому назначению в качестве пряжки ремня. Центральным декоративным элементом пояса была небольшая гагатова́я бляшка с инкрустациями из сердолика и бирюзы, размером 5 × 3 см, лежавшая справа от скелета на уровне груди (рис. 7, 1). Эта пряжка могла быть перемещена с пояса или могла являться амулетом, хранившимся, возможно, в специальном мешочке или футляре, подобно найденным в двух захоронениях на могильнике Терезин (*Килуновская и др.*, 2018. С. 137–138). Углубления с инкрустациями образуют на бляшке Х-образный узор, напоминая орнамент больших пряжек. С коротких сторон бляшки сделано по два отверстия для крепления к поясу.

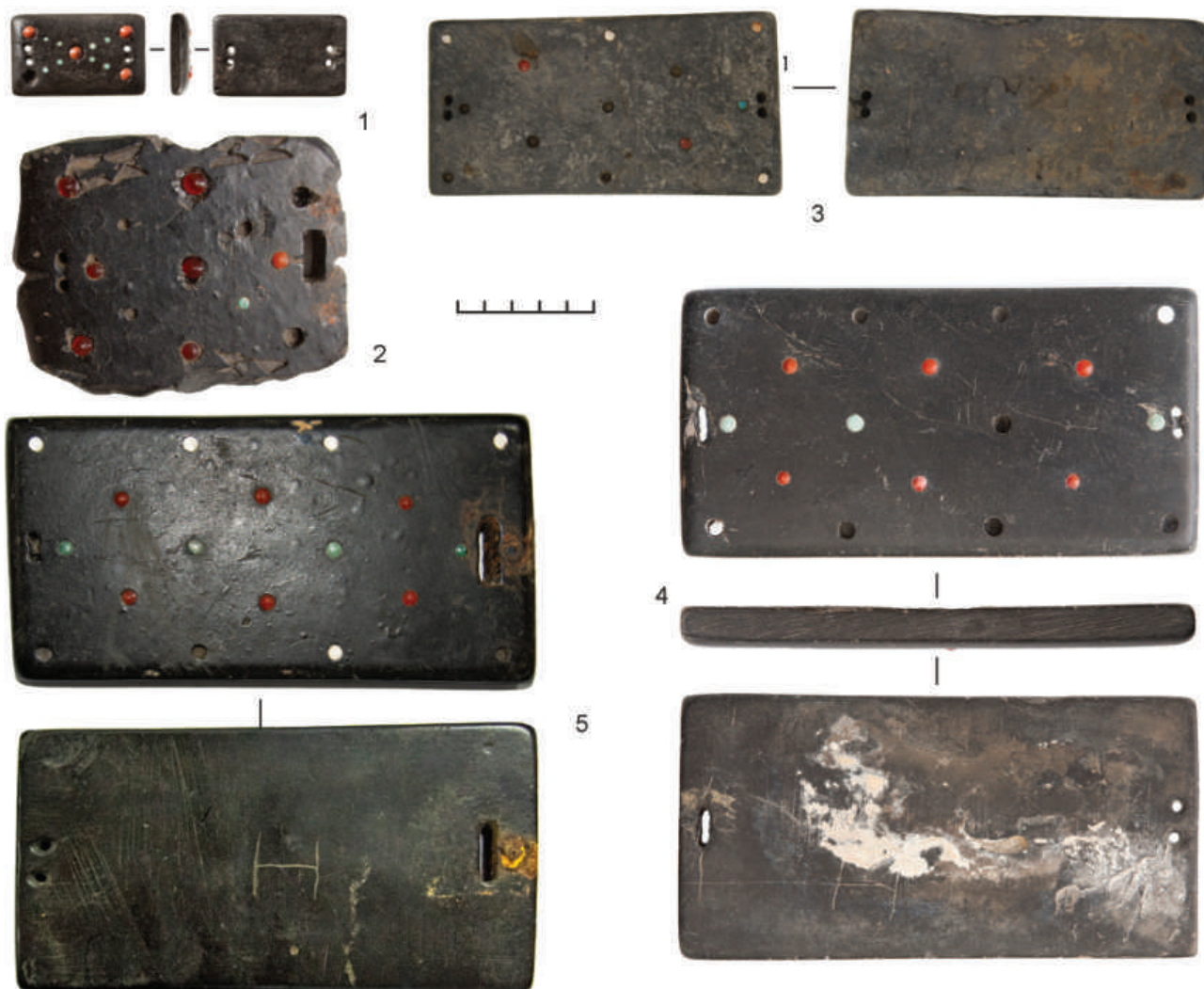

Рис. 7. Гагатые пряжки с инкрустациями из могильников Ала-Тей 1 и Терезин в Туве: 1 — АТ1/12; 2 — АТ1/35; 3 — Т/23; 4 — АТ1/29; 5 — Терезин, случайная находка

Fig. 7. Jet buckles with inlays from cemeteries of Ala-Tey 1 and Terezin in Tuva: 1 — АТ1/12; 2 — АТ1/35; 3 — Т/23; 4 — АТ1/29; 5 — Terezin, stray find

Объект Т/23 (рис. 10). Погребение женщины возрастом 35–40 лет разрушено Саяно-Шушенским водохранилищем предположительно 10–20 лет назад. По аналогии с другими подобными случаями можно предположить, что погребение сползло вниз с размытого водой обрыва или обрушилось вместе со значительным фрагментом берега, оказавшись под массивом песка. Это обеспечило сохранность некоторых мелких предметов погребального инвентаря и фрагментов костей скелета — части черепа и длинных костей. Возле этих костей обнаружено компактное скопление из пяти треугольных полихромных бусин и нитки бисера (рис. 10, 2, 3). В стороне найдены

несколько предметов инвентаря: целое китайское бронзовое зеркало с орнаментом «звездные туманности» (рис. 10, 5), поясное кольцо из камня белого цвета (рис. 10, 4), а также большая прямоугольная пряжка-пластина из сибирского гагата (14 × 7 см) с остатками инкрустации (рис. 7, 3). На ее поверхности имеются 13 отверстий для вставок, сохранившихся только в семи. У пряжки нет широкой прорези для ремешка, вместо этого с обеих коротких сторон просверлены парные отверстия.

Терезин, случайная находка. В фондах Тувинского национального музея им. Алдан Маадыр хранится еще одна большая инкрустированная

Рис. 8. Могильник Ала-Тей 1, объект АТ1/35: 1, 1а — план и фото погребения; 2 — сосуд (а на плане); 3 — подвеска (б); 4 — серьга (в); 5 — бусина (г); 6 — пряслице (д); 7 — пуговица (е); 8 — шило (ё); 9 — нож (ж); 10 — накладка на ножны (з). 2, 6 — обожженная глина; 3 — камень; 4, 7, 8 — бронза; 5, 10 — кость; 9 — железо. Масштаб: а — для 2; б — для 3-10

Fig. 8. Cemetery of Ala-Tey 1, structure AT1/35: 1, 1a — plan and photo of the burial; 2 — jar (a in the plan); 3 — pendant (б); 4 — earring (в); 5 — bead (г); 6 — spindle whorl (д); 7 — button (е); 8 — awl (ё); 9 — knife (ж); 10 — scabbard mount (з). 2, 6 — fired clay; 3 — stone; 4, 7, 8 — bronze; 5, 10 — bone; 9 — iron. Scale: a — for 2; б — for 3-10

пряжка из гагата (18 × 9 см). Учительница и ученики школы пос. Чаа-Холь около 20 лет назад нашли пряжку на территории могильника Терезин¹¹ среди костей разрушенного погребения,

¹¹ Со слов учительницы, точное место находки пока не удалось установить. Вместе с пряжкой обнаружено каменное поясное кольцо.

вероятно, женского (рис. 7, 5). На лицевой стороне пряжки имеются 18 отверстий для вставок, в трех из которых они не сохранились. Центральный ряд состоит из четырех вставок бирюзы, по сторонам от него — два ряда из трех вставок сердолика, по краям — два ряда из четырех вставок перламутра или его

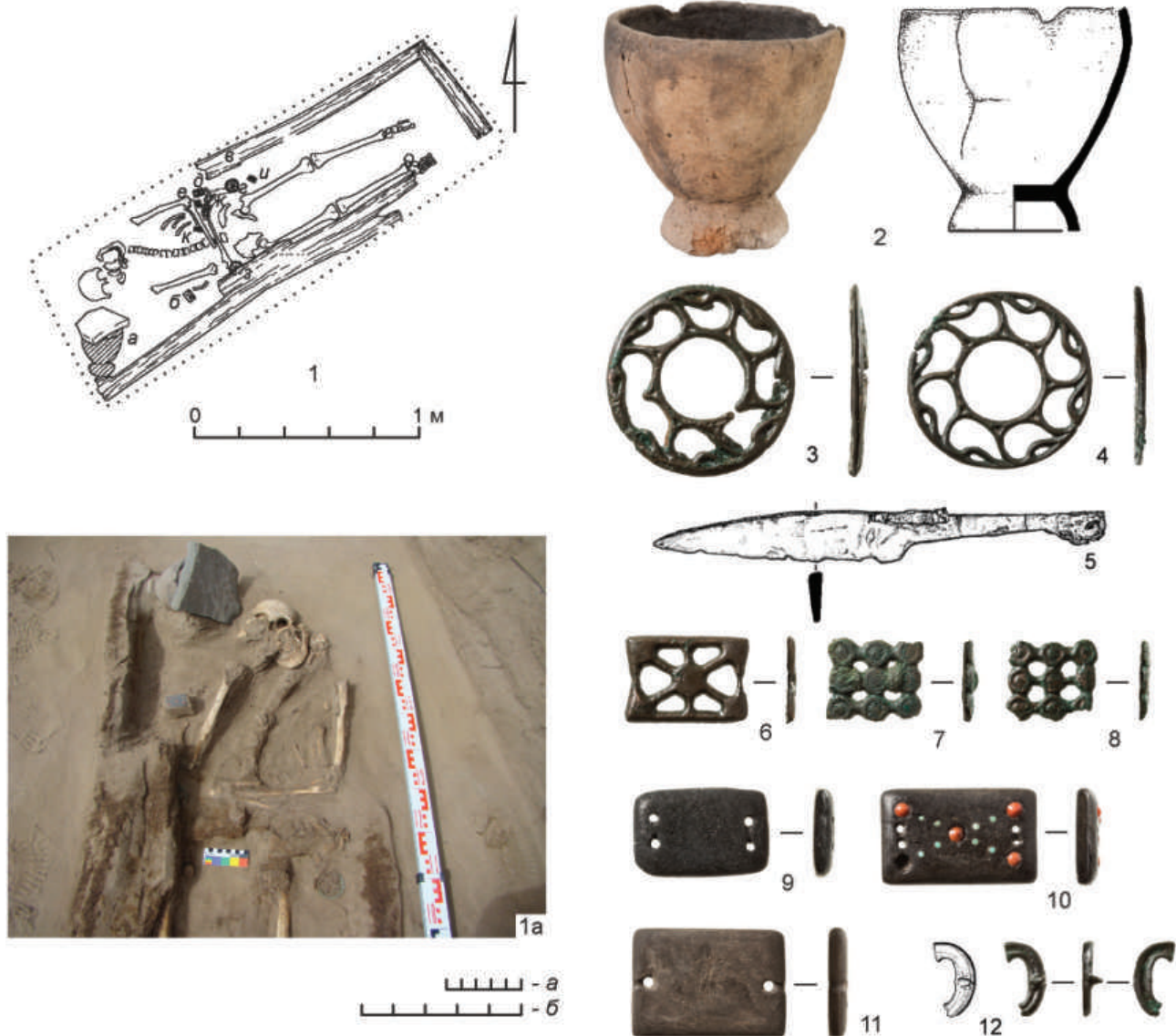

Рис. 9. Могильник Ала-Тей 1, объект АТ1/12: 1, 1а — план и фото погребения; 2 — сосуд (а на плане); 3, 4 — ажурные кольца (в, ж); 5 — нож (з); 6 — шестилучевая бляшка (д); 7, 8 — бляшки с волутообразным орнаментом из девяти полусфер (е, й); 9–11 — поясные бляшки (з, и, б); 12 — обломок пряжки (ё). 2 — обожженная глина; 3, 4, 6, 7, 8, 12 — бронза; 5 — железо; 9–11 — гагат. Масштаб: а — для 2; б — для 3–12

Fig. 9. Cemetery of Ala-Tey 1, structure AT1/12: 1, 1a — plan and photo of the burial; 2 — jar (a in the plan); 3, 4 — openwork rings (в, ж); 5 — knife (з); 6 — six-ray plaque (д); 7, 8 — plaques with volute-like pattern of nine hemispheres (е, й); 9–11 — belt plaques (з, и, б); 12 — fragment of a buckle (ё). 2 — fired clay; 3, 4, 6, 7, 8, 12 — bronze; 5 — iron; 9–11 — jet. Scale: a — for 2; б — for 3–12

имитации. На оборотной стороне пряжки виден четко прочерченный знак «Н» (Килуновская, Леус, 2019. С. 86–87).

Объект АТ1/89 (рис. 11). Погребенная женщина была уложена вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки сложены на поясе. В головах и ногах находились большие стелообразные фрагменты каменной плиты. У правого плеча находился

лепной глиняный сосуд (рис. 11, 2). На костях стоп лежал переиспользованный фрагмент гагатовой пряжки с двойным Х-образным орнаментом из ряда мелких углублений (рис. 11, 7). Можно предположить, что в этих отверстиях находились небольшие гвоздики из металла. Два небольших сквозных отверстия с одной стороны относятся к изначальной форме изделия и предназначались

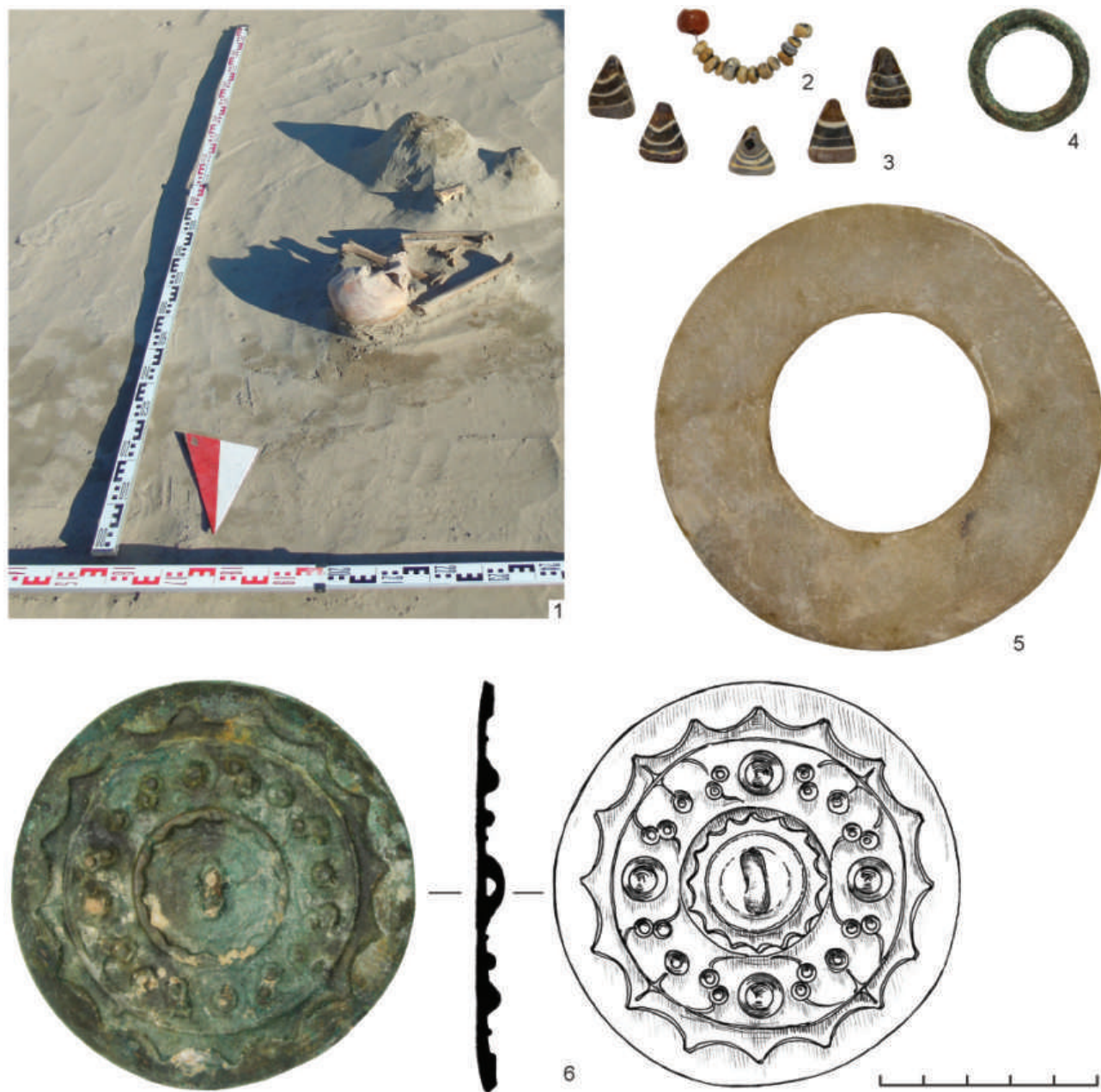

Рис. 10. Могильник Терезин, объект Т/23. Разрушенное погребение: 1 — фото погребения; 2 — бусы; 3 — поли-хромные подвески; 4, 5 — кольца; 6 — зеркало. 2, 3 — стеклянная паста; 4, 6 — бронза; 5 — камень
 Fig. 10. Cemetery of Terezin, structure T/23. Disturbed burial: 1 — photo of burial; 2 — beads; 3 — polychrome pendants; 4, 5 — rings; 6 — mirror. 2, 3 — glass paste; 4, 6 — bronze; 5 — stone

для крепления пряжки к основе пояса. Два других отверстия с другой стороны выглядят менее аккуратными, имеют разный диаметр и сделаны позднее, чтобы на поясе закреплять фрагмент, а не целую пряжку. Изначально сама пряжка имела довольно массивный бортик, что встречено впервые. Также к поясному набору здесь относилось простое бронзовое колечко (рис. 11, 3).

Это единственный случай, когда такая пряжка найдена не на месте пояса: она была перемещена или положена в ногах специально, возможно, вместе с поясным набором.

Объект АТ1/104 (рис. 12). Погребенная женщина старше 55 лет была уложена вытянуто на спине, головой на северо-запад. За черепом была установлена вертикальная каменная плита, вокруг

Рис. 11. Могильник Ала-Тей 1, объект АТ1/89: 1, 1а — план и фото погребения; 2 — сосуд (а); 3 — бронзовое кольцо (б); 4 — бусы (е); 5, 6 — пластины (д, е); 7 — пряжка (з). 2 — обожженная глина; 3 — бронза; 4 — стеклянная паста; 5, 6 — железо; 7 — гагат. Масштаб: а — для 2; б — для 3–7

Fig. 11. Cemetery of Ala-Tey 1, structure AT1/89: 1, 1a — plan and photo of the burial; 2 — jar (a); 3 — bronze ring (b); 4 — beads (e); 5, 6 — plates (d, e); 7 — buckle (z). 2 — fired clay; 3 — bronze; 4 — glass paste; 5, 6 — iron; 7 — jet. Scale: a — for 2; b — for 3–7

скелета имелись остатки деревянного сооружения, вероятно гроба. К поясному набору помимо большой костяной пластины-пряжки относились два бронзовых колечка (рис. 12, 9, 10), бронзовая имитация каури (рис. 12, 5), два небольших фрагмента ажурных бронзовых пряжек (рис. 12, 4, 8), использовавшихся, вероятно, в качестве нашивных бляшек. Здесь же найдено целое китайское бронзовое зеркало с иероглифической надписью (рис. 12, 3). Пластина-пряжка из кости (13 × 6 см) орнаментирована по аналогии с некоторыми гагатовыми (рис. 12, 11): она прямоугольная, с Х-образным орнаментом, образованным вбитыми в поверхность железными гвоздиками. Сохранился также железный шпенек. Эта категория костяных пряжек повторяет своими

формой и орнаментацией гагатовые. Такая имитация предполагает необходимость изготовления пряжек подобного типа при недоступности необходимого материала, то есть гагата.

* * *

Гагатовые пряжки с Х-образным орнаментом из золотых или бронзовых гвоздиков известны из Внутренней Монголии (рис. 4, 5 — Treasures..., 2011. Р. 134), Забайкалья, Средней Азии и Нижнего Поволжья (Раев, 2017. С. 295). Иногда на поверхности пряжек сохраняются лишь пустые ряды отверстий, но по аналогии с целыми экземплярами можно считать, что гвоздики или какие-то другие вставки были и здесь. Некоторые костяные пряжки имеют круглые углубления, где могли

Рис. 12. Могильник Ала-Тей 1, объект АТ1/104: 1, 1а — план и фото погребения; 2 — сосуд (а); 3 — зеркало (б); 4 — фрагмент пряжки с изображением лошади (в); 5 — имитация раковины каури (з); 6, 7 — бусы (д, е); 8 — фрагмент решетчатой бляшки (ё); 9, 10 — кольца (ж, з); 11 — пряжка, инкрустированная гвоздиками (и). 2 — обожженная глина; 3-5, 8-10 — бронза; 6, 7 — сердолик, паста; 11 — кость, железо. Масштаб: а — для 2; б — для 3; в — для 4-10; з — для 11

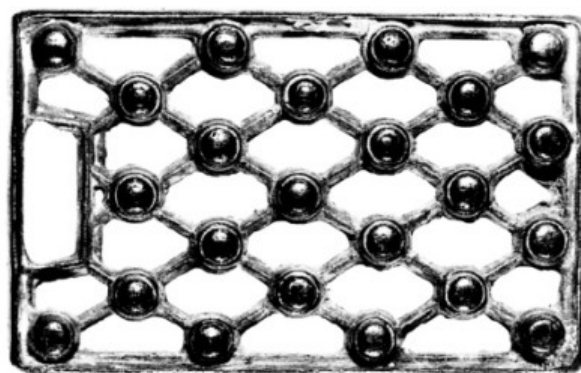
Fig. 12. Cemetery of Ala-Tey 1, structure АТ1/104: 1, 1а — plan and photo of the burial; 2 — jar (а); 3 — mirror (б); 4 — fragment of a buckle with representation of a horse (в); 5 — imitation of a cowry shell (з); 6, 7 — beads (д, е); 8 — fragment of a latticed plaque (ё); 9, 10 — rings (ж, з); 11 — buckle inlaid with tacks (и). 2 — fired clay; 3-5, 8-10 — bronze; 6, 7 — cornelian, paste; 11 — bone, iron. Scale: а — for 2; б — for 3; в — for 4-10; з — for 11

быть несохранившиеся вставки из полудрагоценных камней, что также вполне соотносится с инкрустациями гагатových пряжек. Подобные экземпляры известны в Забайкалье, Средней Азии и Нижнем Поволжье.

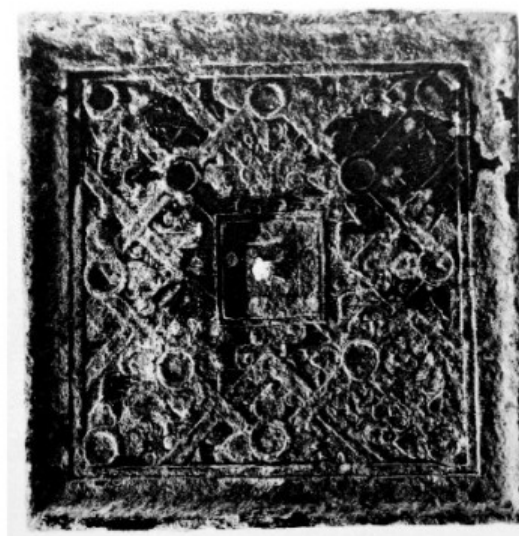
Таким образом, для всех инкрустированных гагатových пряжек характерен орнамент из углублений, образующих своеобразную косую решетку или X-образный орнамент. Остается неясным происхождение такого декора. Тем не менее среди ордосских бронз, относимых к ханьскому времени, известны поясные пряжки и бляшки с подобным геометрическим орнаментом в виде косой решетки с выпуклыми круглыми утолщениями в месте пересечения линий (рис. 13, 1 — Дэвлет, 1980. С. 8, рис. 3, 7; Wace et al, 2007. Fig. 24; Bunker, 1997. P. 268, no. 235A, 235b). Этот декор напоминает узор на гагатových пряжках, на которых места пересечения условных линий выделены более крупными отверстиями, заполненными цветными вставками. Аналогичный геометрический узор, но без обозначения места пересечения линий, можно встретить на некоторых китайских бронзовых сосудах и квадратных зеркалах (рис. 13, 2, 3), пространство внутри ромбов решетки которых украшено выступающими «шишечками» (Karlgrén, 1937. Pl. XXXII; XXXIX; XL; 1941. Pl. 25, C 85).

Пряжки с гравировками

Объект АТ1/86 (рис. 14). Погребение пожилой женщины совершено в простой грунтовой яме, без внутримогильного сооружения. Погребенная была уложена в сильно скорченном положении на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на запад. Слева за черепом стояли лепной глиняный сосуд баночной формы и глиняный вазовидный сосуд без венчика, изготовленный на поворотной подставке (рис. 14, 2, 3). Поверх сосудов положена нога козули в сочленении. За исключением одного бронзового колечка (рис. 14, б), поясной набор был украшен элементами из гагата: три маленькие прямоугольные бляшки (рис. 14, 9–11), массивное кольцо (рис. 14, 8) и большая прямоугольная пряжка (18 × 9 см) с гравированным рисунком, изображающим двух идущих горных козлов, в которых летят стрелы (рис. 15). Справа видны очертания лука со стрелой. К фигуре одного из козлов сверху вписано изображение лошади с вывернутым крупом. Здесь же было найдено почти целое бронзовое зеркало с иероглифической

1

2

3

Рис. 13. Бронзовые изделия с X-образным орнаментом из Китая: 1 — пряжка (Bunker, 1997. P. 268); 2 — зеркало (Karlgrén, 1937. Pl. XL); 3 — сосуд (Karlgrén, 1941. Pl. 25)

Fig. 13. Bronze objects with an X-shaped design from China: 1 — buckle (Bunker, 1997. P. 268); 2 — mirror (Karlgrén, 1937. Pl. XL); 3 — jar (Karlgrén, 1941. Pl. 25)

надписью. Кроме того, в погребении находились две полихромные подвески, сердоликовые бусы, бисер, а также стеклянные бусы необычной формы (в виде колбочек).

Объект АТ1/112 (рис. 16). Погребение молодой женщины 20–25 лет совершено, скорее всего, в грунтовой яме с подбоем. Погребенная была уложена на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. Слева за черепом стоял вазовидный сосуд, изготовленный на поворотной подставке (рис. 16, 2). В ногах находились кости козули — нога с половиной таза. У погребенной были золотые проволочные серьги с подвесками из веточек коралла — несомненно, редкое и ценное украшение для того времени (рис. 16, 3, 4). К поясному набору относятся каменное/гагатое кольцо (рис. 16, 10), бронзовое ажурное кольцо (рис. 16, 8) и 37 имитаций раковин каури, сделанных из мягкого белого камня (рис. 16, 6). На груди найдено бронзовое китайское зеркало (рис. 16, 9), у пояса — железный нож (рис. 16, 7). На поясе лежала пряжка из гагата подтрапециевидной формы (10,0 × 6,0–4,5 см) с гравированным изображением идущего оленя/лося (рис. 17). За ним можно предположить еще одно идущее животное, однако пряжка довольно сильно поцарапана в процессе использования.

По многим деталям погребального обряда и набору погребального инвентаря погребения АТ1/86 и АТ1/112 очень похожи. Можно предположить, что похороненные были близкими родственниками либо происходили из какой-то одной социальной или клановой группы, отличной от большинства других¹².

Объект АТ1/103 (рис. 18). Погребение женщины 35–45 лет совершено в прямоугольном каменном ящике. Погребенная была уложена вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки сложены на животе. Под головой находилась небольшая

плита — «подушка». Баночный красноглиняный сосуд стоял около ступней и был накрыт каменной плиткой (рис. 18, 2). Слева у груди имелось бронзовое зеркало с ручкой в виде фигурки козлика¹³ (рис. 18, 10). Поясной набор состоял из двух бронзовых колечек (рис. 18, 6, 7), двух бронзовых шестилучевых бляшек (рис. 18, 3, 4), а также гагатовой бляшки и кольца из белого камня в центре (рис. 18, 5, 8). Слева около бедра лежал железный нож (рис. 18, 9). Гагатова бляшка (3,4 × 3,7 см) (рис. 18, 8), вероятно, переделана из сломанной подпрямоугольной. Два сквозных отверстия для ремешков остались от первоначальной формы изделия, а два других — сделаны заново. На поверхности прослеживается несколько гравированных линий — тамгообразный знак «Н» (?) или следы использования изделия.

Объект Т/21 (рис. 19). Погребение молодой женщины совершено в подпрямоугольном (тщательно изготовленном) ящике из каменных плит, нижняя часть которого оказалась почти не заполнена песком, поэтому остававшиеся незасыпанными ноги погребенной подверглись естественной мумификации. Погребенная была уложена на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Слева перед грудной клеткой стояли лепной глиняный сосуд баночной формы и глиняный вазовидный сосуд, изготовленный на поворотной подставке (рис. 19, 2, 3). Слева перед черепом находился деревянный короб или шкатулка (рис. 19, 4), внутри лежали бронзовое зеркало, фрагменты гребня (рис. 19, 6, 7) и мешочек-амулетница. Поясной набор состоял из прямоугольных гагатовой (рис. 19, 5) и костяной пряжек (рис. 19, 8). К поясу могли относиться многочисленные бусины из различных материалов и бисер. На гагатовой пряжке (12,8 × 7,0 см) с обратной стороны имелась небольшая четкая гравировка тамгообразного знака, напоминающего песочные часы или символ «Шу» с китайской монеты у-шу (рис. 19, 5). С одной из узких сторон пряжки сделаны два отверстия для крепления ее к ремню, с другой — узкое длинное отверстие для завязки ремня и круглое отверстие, вероятно, для несохранившегося металлического шпенька.

¹² Следует упомянуть, что сверху, практически прямо над погребением АТ1/112, находилась еще одна могила (АТ1/111), в которой в узком деревянном гробу была похоронена пожилая женщина (старше 55 лет) с бронзовой ажурной пряжкой на поясе. Пряжка уникальна — на ней изображены фигуры двух пасущихся яков, но показанных в иной манере, отличной от обычных пряжек с парой яков, известных на Ала-Тее 1 и Терезине (*Леус*, 2019. С. 55–56, рис. 6; *Килуновская, Леус*, 2020. С. 97–125). Возможно, это захоронение преднамеренно сделали над могилой АТ1/112, так как других случаев перекрывания погребений на Ала-Тее 1 пока не зафиксировано.

¹³ Такие зеркала известны в Туве в памятниках раннескифского времени Сарыг-Булун и Чинге-Тей, что подтверждает связь улуг-хемской культуры с предшествующей скифской.

Рис. 14. Могилище Ала-Тей 1, объект АТ1/86: 1, 1а — план и фото погребения; 2, 3 — сосуды (а, б на плане); 4 — бусы (в); 5 — полихромные подвески (з); 6 — кольцо (д); 7 — зеркало (е); 8 — диск (ё); 9-11 — бляшки (ж). 2, 3 — обожженная глина; 4 — стекло, камень; 5 — стеклянная паста; 6, 7 — бронза; 8 — камень; 9-11 — гагат. Масштаб: а — для 2, 3; б — для 6-11; в — для 4, 5

Fig. 14. Cemetery of Ala-Tey 1, structure AT1/86: 1, 1a — plan and photo of the burial; 2, 3 — pottery (a, б in the plan); 4 — beads (в); 5 — polychrome pendants (з); 6 — ring (д); 7 — mirror (е); 8 — disk (ё); 9-11 — plaques (ж). 2, 3 — fired clay; 4 — glass, stone; 5 — glass paste; 6, 7 — bronze; 8 — stone; 9-11 — jet. Scale: а — for 2, 3; б — for 6-11; в — for 4, 5

* * *

Пряжки с гравированными изображениями по своим форме и размерам в целом повторяют инкрустированные. Обращает на себя внимание, что гравировки на них выполнены довольно схематично, особенно по сравнению с высокохудожественными изображениями на бронзовых пластинах. Отличаются они и от четко проработанных, насыщенных деталями резных изображений позднескифского времени. Не исключено, что такие простые гравировки могли наноситься непосредственно

владельцем пряжки, возможно, в несколько этапов и даже разными людьми, обладавшими разными художественными способностями, — ярким примером здесь является гравировка на пряжке из АТ1/86. Фигура лошади с вывернутым крупом представляется выполненной в совершенно другом стиле, скорее характерном именно для скифской художественной традиции, тогда как изображения козлов и летящих в них стрел кажутся более схематичными, соответствующими стилю более поздней эпохи. Аналогии им можно

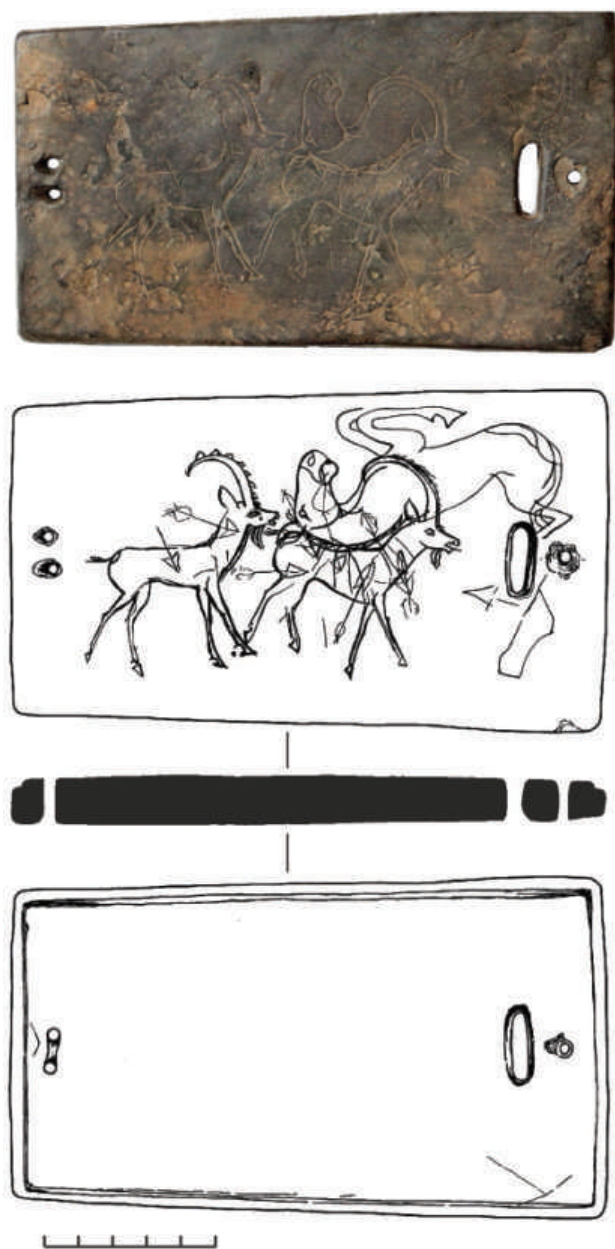

Рис. 15. Гагатовая пряжка с гравировками из погребения АТ1/86

Fig. 15. Jet buckle with engravings from burial AT1/86

встретить среди многочисленных петроглифов на скалах Тувы и Минусинской котловины, выполненных именно в таком упрощенном, «натуралистичном» стиле, который теперь более уверенно связывается с эпохой хунну (Килуновская, Леус, 2019. С. 82–91).

Гагатовые пряжки с гравированными изображениями животных известны также в Забайкалье, Южном Казахстане и Синьцзяне. Гравировки на

них выполнены в том же стиле, что и на ала-тейских, то есть в схематичной манере, создающей впечатление некоторой незавершенности. На пластине из Синьцзяна видны две идущие навстречу друг другу фигуры оленей, а в углу — фантастическое существо с подогнутыми ногами, припавшее к «земле» (рис. 3, 3, 4). У него морда волка (?), копыта, а на спине, возможно, крыло (Takahama, 1997. P. 133, 285, cat. 226), что напоминает образ птицы Симург из иранской мифологии. Очень похожая фигура оленя представлена на гагатовой пряжке из кургана № 21 могильника Жаман-Тогай в Южном Казахстане (Максимова и др., 1968. С. 186–188) (рис. 3, 1). У нее также показаны морда, рога, полусогнутые ноги как бы в движении, и сам рисунок может показаться незаконченным. Создается впечатление, что «художник» не стремился или не сумел равномерно вписать изображение в поверхность изделия. Еще одна гагатовая пряжка с гравировкой найдена на Иволгинском городище — на ней тонкой линией процарапана голова животного, которого авторы раскопок интерпретируют как лосиху (рис. 3, 2 — Давыдова, 1995. Табл. 157, 1).

Заключение

Находки пряжек и бляшек из сибирского гагата (богхеда) в погребениях Ала-Тей 1 и Терезина позволили включить территорию Тувы в ареал их распространения в эпоху хунну. Исходя из датировки могильников, время их бытования можно пока ограничить II–I вв. до н. э., что в целом соответствует общим датировкам памятников, откуда происходят аналогичные изделия. В количественном отношении находки из Тувы уже превосходят находки из других регионов, за исключением Иволгинского городища. К тому же практически все пряжки в Туве найдены *in situ* в непогребенных захоронениях, что позволяет однозначно интерпретировать их как центральное украшение пояса. Раскопки могильников продолжаются, и можно ожидать находок новых пряжек этого типа, а пока обобщить предварительные наблюдения и наметить дальнейшие задачи по их изучению.

Все гагатовые пряжки и бляшки из Ала-Тей 1 и Терезина относятся к поясным наборам из женских погребений.

Пока невозможно проследить какую-либо корреляцию между этими пряжками и особенностями погребального обряда: 1) они встречаются в каменных ящиках и деревянных гробах или в простых грунтовых ямах; 2) погребенные

Рис. 16. Могильник Ала-Тей 1, объект АТ1/112: 1, 1а — план и фото погребения; 2 — сосуд (а); 3 — серьга (б); 4 — веточки коралла (в); 5 — бусина и бисер (з); 6 — имитации раковин каури (д); 7 — нож (е); 8 — ажурное кольцо (ё); 9 — китайское зеркало (ж); 10 — кольцо (з); 11 — пряжка (и). 2 — обожженная глина; 3, 8, 9 — бронза; 4 — коралл; 5 — глина и стеклянная паста; 6 — камень; 7, 11 — железо; 10 — гагат. Масштаб: а — для 2; б — для 3–11

Fig. 16. Cemetery of Ala-Tey 1, structure AT1/112: 1, 1a — plan and photo of the burial; 2 — jar (a); 3 — earring (б); 4 — branches of coral (в); 5 — bead and seed bead (з); 6 — imitations of cowry shells (д); 7 — knife (е); 8 — openwork ring (ё); 9 — Chinese mirror (ж); 10 — ring (з); 11 — buckle (и). 2 — fired clay; 3, 8, 9 — bronze; 4 — coral; 5 — clay and glass paste; 6 — stone; 7, 11 — iron; 10 — jet. Scale: a — for 2; б — for 3–11

уложены вытянуто или с подогнутыми ногами (в том числе на Ала-Тее 1, где такое положение скелета составляет менее 10 %); 3) погребальный инвентарь достаточно разнообразный или весьма скромный. Пряжка может быть как главным украшением пояса, с большим количеством других декоративных элементов, так и единственным предметом пояса. Соответственно захоронения с пряжками едва ли можно относить к элитным. Скорее всего, они могли быть отражением средней прослойки общества, внутри которой также

существовала имущественная дифференциация, разные родовые или клановые традиции и обычаи, что в конечном итоге обуславливало набор погребального инвентаря. Захоронения элиты хунну хорошо известны — их погребальные сооружения и помещенный в них инвентарь показывают совершенно другой социальный уровень.

По аналогии с находками больших пряжек из бронзы и золота, а также гагатовых и костяных в Туве и других регионах можно заключить, что центральным элементом пояса изначально могла

Рис. 17. Гагатовая пряжка с гравировками из погребения АТ1/112

Fig. 17. Jet buckle with engravings from burial AT1/112

быть пряжка как одиночная, так и парная, иногда это была пара из различных материалов — бронза и гагат, кость и гагат.

Вызывает интерес и сам выбор материала, ранее для изготовления подобных изделий не использовавшегося. Было ли это открытием самих хунну (или одного из народов, входивших в их конфедерацию и жившего в местах добычи сибирского гагата) или, может быть, оказавшихся в тех краях китайских мастеров? Возможно, это было повторение украшений из других материалов, например нефрита или бронзы? Ответить на эти вопросы пока не представляется возможным. Тем не менее известна высокохудожественная пряжка из темного нефрита со сценой борьбы змеевидного дракона и двух тигров, происходящая, вероятно, из Внутренней Монголии (рис. 20, 1 — *Bunker*, 1997. P. 274–275, fig. 242, 2; 2002. P. 134, kat. 106). Ее сюжет хорошо известен на бронзовых пряжках Внутренней Азии (*Дэвлет*, 1980. С. 23–24. Табл. 11; 12), в том числе из могильника Терезин (*Leus*, 2011. Fig. 17, 1), а также на паре золотых экземпляров из могильника

Сидоровка в Омском Прииртышье (*Матющенко, Татаурова*, 1997. С. 97–98. Рис. 27). Прямоугольная стеатитовая пластина со сценой борьбы грифона и кошачьего хищника из Китая хранится в Британском музее (*Rawson*, 1995. P. 311, fig. 1). Идентичный сюжет встречается на бронзовых ажурных пряжках, в том числе и в Туве, на могильнике Урбюн III (*Савинов*, 1969. С. 104–108; *Kost*, 2014. Pl. 39–41). Прямоугольная пластина-пряжка из богхеда с орнаментом в виде ступенчатой решетки найдена на могильнике Салхит на севере Монголии (рис. 20, 2 — *Treasures...*, 2011. P. 135, fig. 172; *Пэрлээ*, 2012. С. 146, 153). Этот орнамент также встречается на бронзовых ажурных пряжках, в том числе из Тувы (*Килуновская, Леус*, 2018. Рис. 11, 6, 7).

Не менее важный вопрос касается распространения пряжек на запад — в Среднюю Азию и далее. При обсуждении этого исследователи считают в целом маловероятной прямую миграцию носителей пряжек на такие большие расстояния с востока на запад, то есть Забайкалье / Тува / Монголия — Средняя Азия — Нижнее Поволжье (*Bros-*

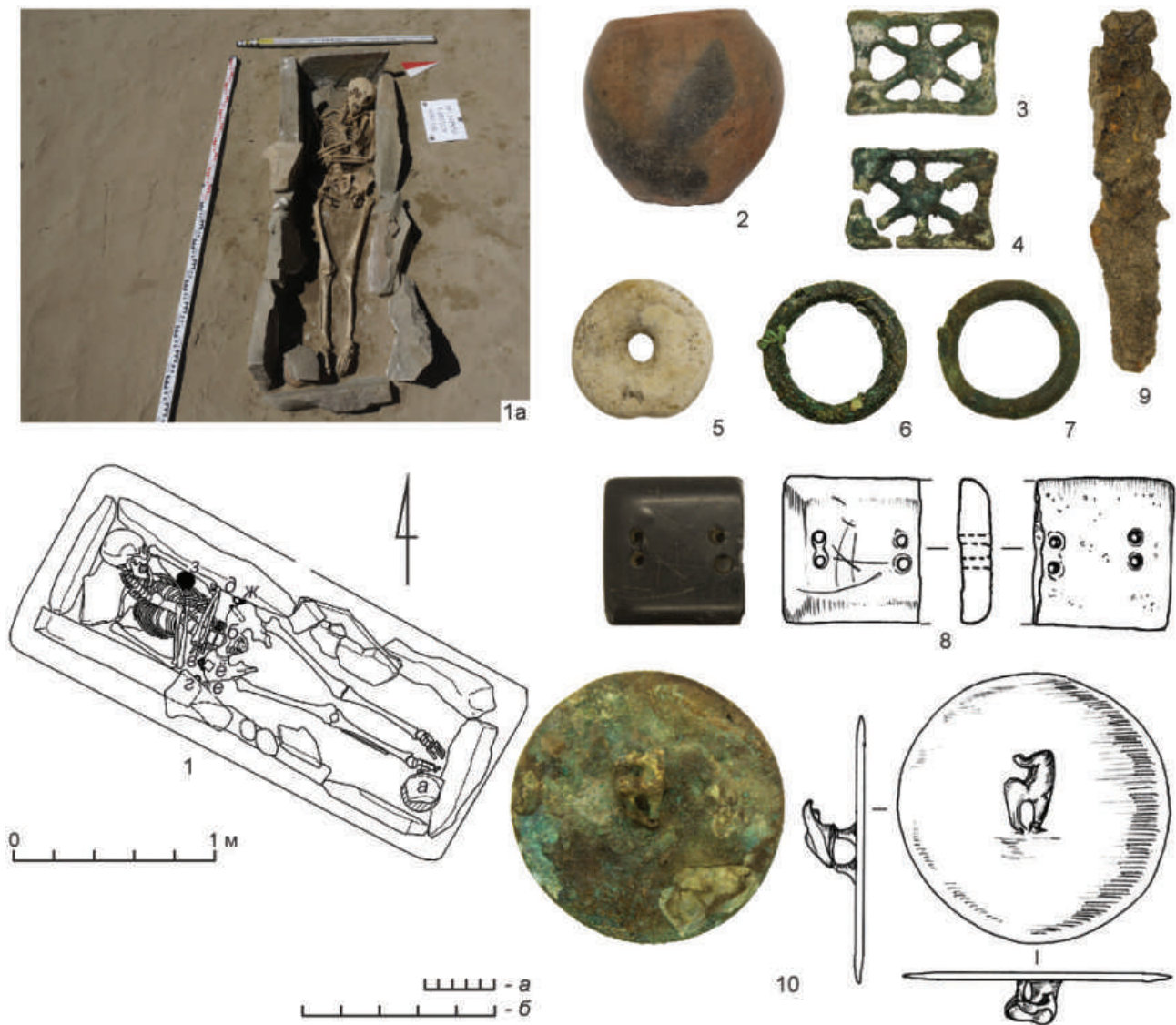

Рис. 18. Ала-Тей 1, объект АТ1/103: 1, 1а — план и фото погребения; 2 — сосуд (а); 3, 4 — шестилучевые бляшки (б, в); 5–7 — кольца (з, д, е); 8 — пряжка (ё); 9 — нож (ж); 10 — зеркало (з). 2 — обожженная глина; 3, 4, 6, 7, 10 — бронза; 5 — камень; 8 — гагат; 9 — железо. Масштаб: а — для 2; б — для 3–10

Fig. 18. Cemetery of Ala-Tey 1, structure AT1/103: 1, 1a — plan and photo of the burial; 2 — jar (a); 3, 4 — six-ray plaques (б, в); 5–7 — rings (з, д, е); 8 — buckle (ё); 9 — knife (ж); 10 — mirror (з). 2 — fired clay; 3, 4, 6, 7, 10 — bronze; 5 — stone; 8 — jet; 9 — iron. Scale: a — for 2; б — for 3–10

seder, 2011. P. 364; Раев, 2017. С. 303–304). Исходя из небольшого количества известных гагатовых пряжек¹⁴, необычности самого материала, и, ве-

¹⁴ На территории Забайкалья раскопано не менее 500 захоронений эпохи хунну (Коновалов, 1976. С. 21, табл. 1; Крадин, 2001. С. 14; Миняев, 2007), в Монголии — около 400 (Боталов, Баттулга, 2016. С. 31), огромное количество — в северных провинциях Китая, не менее 400 — в Туве (вместе с Аймырлыгом XXXI), около 900 тесинских грунтовых могил — в Хакасии (Кузьмин,

роятно, довольно короткого периода бытования, их сложно назвать массовыми изделиями, слу-
2011. С. 26), более 700 могил хунно-сяньбийского времени — в Горном Алтае (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 31). Даже учитывая, что часть этих погребений может относиться к более позднему времени, и не принимая во внимание памятники Средней Азии и тем более Поволжья, речь идет о нескольких тысячах раскопанных могил, на которые приходится всего около 40 гагатовых пряжек и бляшек.

0 1 M

2

3

4

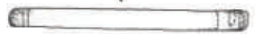
5

6

7

8

8

- a
- б

жившими источником широкой торговли между востоком на западом, хотя и этот вариант нельзя исключать. Скорее, они представляли собой самобытный и престижный элемент локальной моды, не получивший широкого распространения в силу специфики используемых материалов. Логичнее предположить, что из Внутренней Азии на запад — в Среднюю Азию и далее в Нижнее Поволжье — они попадают со своими непосредственными владельцами. Однако имеется несоответствие: носителями гагатовых пряжек на территории Внутренней Азии были исключительно женщины, как это показывают раскопки¹⁵. Прямоугольные ажурные пряжки-пластины из бронзы в Забайкалье и Туве также относятся к женскому костюму. В Средней Азии и в Нижнем Поволжье, напротив, все подобные гагатовые (и костяные) пряжки являются частью мужского пояса и найдены в воинских погребениях. Это обстоятельство пока мало поддается объяснению. Представляется странным, если бы пришедшие с востока воины хунну неожиданно стали носить традиционно женские поясные пряжки. Можно предположить, что появление таких пряжек в мужских погребениях в Средней Азии объясняется тем, что для этих воинов они не были связаны с женским поясом или костюмом. Гагатовые пряжки могли быть необычным и ценным товаром или трофеем: их могли получить с востока в качестве даров или путем торговли, захватить в качестве военной добычи или получить путем дальнейшей ее продажи/обмена.

Яркие и полные драматизма события того времени, связанные с военными походами, завоеваниями территорий, перемещениями значительных масс людей с востока на запад дают богатый исторический фон для разнообразного развития

¹⁵ Упомянувшиеся выше находки фрагментов пряжек в двух мужских захоронениях в Хакасии и Забайкалье не меняют общей картины: оба захоронения были разграблены, а в одном из них (Калы, могила № 24) практически отсутствовал антропологический материал, так что определение пола погребенного осталось под вопросом.

Рис. 19. Могилиник Терезин, объект Т/21: 1, 1а — план и фото погребения; 2, 3 — сосуды (а, б на плане); 4 — короб (в); 5 — пряжка (z); 6 — фрагмент гребня (d); 7 — зеркало (e); 8 — пряжка (ё); ж — тлен и фрагменты кожи; з — россыпь кедровых орешков. 2, 3 — обожженная глина; 4, 6 — дерево; 5 — гагат; 7 — бронза; 8 — кость. Масштаб: а — для 2-4; б — для 5-8

Fig. 19. Cemetery of Terezin, structure T/21: 1, 1a — plan and photo of the burial; 2, 3 — pottery (a, b in the plan); 4 — box (v); 5 — buckle (z); 6 — comb, fragment (d); 7 — mirror (e); 8 — buckle (ё); ж — dust and fragments of leather; з — scattered cedar nuts. 2, 3 — fired clay; 4, 6 — wood; 5 — jet; 7 — bronze; 8 — bone. Scale: a — for 2-4; б — for 5-8

Рис. 20. Пряжки: 1 — Внутренняя Монголия (Bunker, 1997. Fig. 242, 2); 2 — пластина-пряжка, Салхит, Монголия (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172). 1 — темный нефрит; 2 — гагат

Fig. 20. Buckles: 1 — Inner Mongolia (Bunker, 1997. Fig. 242, 2); 2 — plate-buckle, Salkhit, Mongolia (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172). 1 — dark nephrite; 2 — jet

ситуации. Так, после раскола империи хунну и перехода шаньюя Хухань под власть китайской династии Хань Чжичжи-шаньюй со своими людьми оказался к 49 г. до н. э. в Средней Азии, где стал союзником государства Кангюй и успел построить для себя крепость в долине р. Талас. В 36 г. до н. э. китайская армия вместе с союзниками из 15 владений Западного Края и частью враждебных кангюйцев разгромила хуннов Чжичжи и в ходе Таласской битвы взяла штурмом его крепость. Не исключено, что вместе с хунну могли быть их женщины, тем более что в китайских письменных источниках упоминается, что Чжичжи вместе с несколькими десятками своих жен и наложниц лично стрелял со стен из лука, пока не был ранен и не отступил с частью своих людей, в том

числе с женщинами, во дворец, где и погиб при последнем штурме. Многие наложницы шаньюя погибли перед этим на стенах крепости. В общей сложности у хунну погибло более 1500 человек, включая жену и сына шаньюя, а более 1000 сдавшихся или захваченных в плен были отданы союзникам ханьцев, так же как и захваченные теми трофеи (Таскин, 1973. С. 128–130). Необычные пряжки из экзотического материала могли стать добычей победителей и разойтись по Средней Азии и дальше на запад, напоминая своим новым владельцам о победе над еще недавно могущественными хунну. Тем не менее какая-то небольшая часть хунну наверняка смогла избежать разгрома и осталась, так или иначе, в инокультурном окружении.

Возвращаясь к непосредственно пряжкам из богхеда, наиболее вероятной кажется версия их восточного происхождения — из региона, близкого к месторождениям сибирского гагата (Иркутскому угольному бассейну). Оттуда они распространились по всей территории империи хунну, а позднее, через оазисы Восточного Туркестана, и в сторону Средней Азии, возможно, вместе с ушедшим туда шаньюем Чжичжи и его людьми

или какими-то другими группами кочевников. Этот путь хорошо маркирует пряжка, найденная в районе оазиса Куча (рис. 3, 3, 4) — у северных границ пустыни Такла-Макан (северный маршрут Великого шелкового пути).

В любом случае временной отрезок бытования гагатовых пряжек был относительно коротким. Предварительно время их появления можно отнести ко II в. до н. э., когда хунну или какой-то из входивших в их конфедерацию народ оказался рядом с месторождениями этих ископаемых и открыл их свойства, позволяющие использовать их в декоративно-прикладных целях. Не исключено, что ранее известный материал стал востребован для изделий нового типа. Время их наибольшего распространения приходится на I в. до н. э., возможно, чуть позднее, после чего они исчезают. Это могло быть связано как с потерей доступа к источникам необходимого сырья, так и с другими причинами. Оставшиеся в обиходе пряжки быстро исчезают, ломаясь в ходе использования или оказавшись захороненными вместе со своими владельцами. Мода на них проходит, и традиция их изготовления исчезает.

Боталов, Баттулга, 2016 — Боталов С. Г., Баттулга О. История исследований погребальных памятников монгольских хунну // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2016. Т. 16, № 4. С. 31–37.

Гранина, Одинцов, 1947 — Гранина А. Н., Одинцов М. М. Геологическая экскурсия по р. Ангаре. Иркутск: б. и., 1947. 21 с.

Давыдова, 1985 — Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.

Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995 (Археологические памятники сюнну; Вып. 1). 97 с.

Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сюнну; Вып. 2). 176 с.

Давыдова, Миняев, 2003 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003 (Археологические памятники сюнну; Вып. 5). 164 с.

Дэвлет, 1980 — Дэвлет М. А. Сибирские поясные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М.: Наука, 1980. 67 с.

Залесский, 1934 — Залесский М. Д. Микроскопическое исследование сибирского гагата // Минеральное сырье. 1934. № 1. С. 17–19.

Ильясов, 2015 — Ильясов Дж. Я. Поясные наборы кочевников Согда // Бухарский оазис и его соседи в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015 (Тр. ГЭ; Т. LXXV). С. 63–67.

Килуновская, Леус, 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.

Килуновская, Леус, 2019 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Знаки-тамги улуг-хемской культуры II–I вв. до н. э. в Туве // Записки ИИМК РАН. 2019. № 21. С. 82–91.

Килуновская, Леус, 2020 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2020. № 1(25). С. 97–125.

Килуновская и др., 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М., Бусова В. С. Уникальные наборы предметов из женских погребений эпохи хунну на могильнике

- Терезин (Центральная Тува) // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всерос. с междунар. участием конф. (г. Уфа, 19–21 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Я. Ф. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 135–138.
- Коновалов, 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Иркутск: Бурят. книж. изд-во, 1976. 248 с.
- Коновалов, 2008 — Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2008. 49 с.
- Коновалов, 2010 — Коновалов П. Б. Элитный погребальный комплекс на Суджинском некрополе хунну в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. Вып. 4. С. 199–211.
- Крадин, 2001 — Крадин Н. Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.
- Кузьмин, 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Леус, 2018 — Леус П. М. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Тез. Второй Всерос. конф., посв. 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 117–123.
- Максимова и др., 1968 — Максимова А. Г., Мерицьев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары (Археол. исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 263 с.
- Матющенко, Татаурова, 1997 — Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.
- Миняев, 2007 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2007 (Археологические памятники сюнну; Вып. 3). 233 с.
- Обельченко, 1956 — Обельченко О. В. Кую-Мазарский могильник // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Ташкент: Фан, 1956. Вып. VIII. С. 205–227.
- Обельченко, 1992 — Обельченко О. В. Культура античного Согда. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1992. 256 с.
- Петров, 1982 — Петров В. П. Рассказы о поделочном камне. М.: Наука, 1982. 105 с.
- Подушкин, 2000 — Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана. Туркестан: Изд-во Международ. казахско-турецкого ун-та им. Х. А. Ясави, 2000. 200 с.
- Подушкин, 2012 — Подушкин А. Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // StratumPlus. Кишинев: ВАШ, 2012. № 4: От римского лимеса до Великой китайской стены. С. 31–53.
- Пишеницина, 1992 — Пишеницина М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 224–235.
- Пэрлээ, 2012 — Пэрлээ Д. Монголын түүх судлах сурвалжийн нэгэн нь пайз мөн // Пэрлээ Д. Бүтээлийн чуулган. Улаанбаатар: БЭМБИ САН, 2012. IV боть: Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл (1964–1982 он). Р. 144–153 (на монг. яз.).
- Раев, 2017 — Раев Б. А. Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций // Ex Unique Leonem: Сб. ст. к 90-летию Л. С. Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 291–305.
- Романович, 1986 — Романович И. Ф. Месторождения неметаллических полезных ископаемых: Учеб. пособие для геол. спец. вузов. М.: Недра, 1986. 365 с.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (САИ; ДЗ-9). 52 с.
- Савинов, 1969 — Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119: Памятники раннего железного века. С. 104–108.
- Таскин, 1973 — Таскин В. С. Материалы по истории хунну (по китайским источникам). М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1973. Вып. 2. 167 с.
- Тишкин, Горбунов, 2006 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.
- Шилов, 1975 — Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.
- Brosseder, 2011 — Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East — West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe

- Empire in Inner Asia. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. S. 349–424.
- Bunker, 1997* — *Bunker E.* Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York: Arthur M. Sackler Foundation, Distributed by Abrams, 1997. 401 p.
- Bunker, 2002* — *Bunker E.* Nomadic art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other Notable New York Collections. New York: Yale University Press, 2002 (Metropolitan Museum of Art Series). 320 p.
- Ilyasov, Rusanov, 1998* — *Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // *Silk Road Art and Archaeology*. 1998. No. 5. P. 107–159.
- Karlgren, 1937* — *Karlgren B.* New Studies on Chinese Bronzes // *BMFEA*. Stockholm, 1937. No. 9. P. 1–288.
- Karlgren, 1941* — *Karlgren B.* Huai and Han // *BMFEA*. Stockholm, 1941. No. 13. P. 1–125.
- Kost, 2014* — *Kost C.* The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn: Universität Bonn, 2014 (Bonn Contribution to Asian Archeology; Vol. 6). 401 p.
- Leus, 2011* — *Leus P.* New finds from the Xiongnu period in Central Tuva // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia* / Eds. U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. P. 515–536.
- Pan, 2011* — *Pan Ling.* Summary of Xiongnu sites in Northern China // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia*. Bonn: BCAA, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 5). P. 441–462.
- Rawson, 1995* — *Rawson J.* Chinese Jade from the Neolithic to the Qing. London: British Museum Press, 1995. 461 p.
- Treasures..., 2011* — *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia* / Ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar: Shüa-iin Arkheologiin khüreeleen; Mongolyn Ündesnii müzei, 2011. 296 p.
- Takahama, 1997* — *Takahama Shu.* Daisogen no kiba minzoku — Chûgoku hoppô seidôki 大草原の騎馬民族—中国北方青銅器 [Mounted Nomads of the Asian Steppe — Chinese Northern Bronzes]. Tokyo: Tokyo National Museum, 1997. 197 + XII p.
- Takahama, 2002* — *Takahama Shu.* Yûrajiya sôban chitai no hikinzoku seitai kazaita [Not-metallic belts in Eurasian Steppes] // *Kanazawa Daigaku Kôko Kiyô* [Kanazawa University Repository of Academic resources]. Kanazawa (Japan): Kanazawa University, 2002. Vol. 26. P. 50–63 (на яп. яз.).
- Wace et al., 2007* — *Wace R., Clist M., Janssens B.* Ancient bronzes from China, Ordos and the steppes. London: Ben Janssens Oriental Art, 2007. 68 p.
- Yaldiz, 2010* — *Yaldiz M.* Die japanischen Expeditionen nach Xinjiang (1902–1914): Religiöse, archäologische oder politische Unternehmungen // *Das Große Spiel. Archäologie und Politik zur Zeit des Kolonialismus (1860–1947)* [Begleitbuch zur Ausstellung «Das Große Spiel — Archäologie und Politik», Ruhr-Museum, Weltkulturerbe Zollverein, Essen, 11. Februar — 13. Juni 2010] / Hrsg. Ch. Trümpler. Köln: DuMont, 2010. S. 218–225.

Buckles from Siberian jet in burials of the Xiongnu epoch of the 2nd–1st century BC in Tuva

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus

This paper is devoted to a rare type of archaeological finds, i. e. large buckles from Siberian jet with engraving and incrustation found at sites of the Xiongnu period over a broad territory from Manchuria to the Lower Volga region. The centre of their origin and distribution was probably in the north of Inner Asia which was the provenience of the material for making the buckles — boghead coal or Siberian jet. Its main deposits are concentrated in the Irkutsk coalfields. Most of buckles of this type have been found in Tuva: in female cemeteries of Ala-Tey 1 and Terezin. At present, about 40 such buckles are known from settlement-sites and several thousand of excavated burials of the Xiongnu epoch, as well as some quantity of belt plaques and rings from the same material. The buckles bear engravings in the form of animals, inlays of cornelian, turquoise and nacre. As yet, it is difficult to say what was the purpose of the objects made from such an exotic material. Possibly, they marked

some social status or the belonging to a special tribal or clan group, or just were a rare and prestigious element of the steppe fashion. These buckles possibly appeared in the 2nd century BC and were distributed throughout the entire territory of the empire of the Xiongnu, although their predominant number was concentrated in Southern Buryatia and Northern Mongolia, as well as in Tuva. From there they came to Khakassia and then to Central Asia, perhaps, together with the retreating there Xiongnu of ZhiZhi chanyu in the mid-1st century BC. After the weakening of the Xiongnu state, the tradition of manufacture of buckles from Siberian jet and the fashion for them ceased, possibly by the 1st century AD. This may have been related with the loss of the deposits of the necessary raw material or perhaps caused by some other reason.

Комплексное исследование инкрустированных пряжек эпохи хунну¹

Н. С. Курганов, С. В. Хаврин, И. А. Григорьева,
К. С. Чугунова, А. В. Поволоцкая, Д. В. Панькин,
А. В. Курочкин²

Аннотация. В статье представлены результаты естественнонаучных исследований основы и цветных инкрустаций четырех пряжек эпохи хунну: трех из могильника Ала-Тей 1 (Тува) и одной из могильника Каменка V (Хакасия). Отобраны пряжки с разноцветной инкрустацией и максимально сохранившимися вставками. Основа пряжек — ископаемый уголь, вероятно, типа богхед. Среди материалов инкрустаций пряжек определены сердолик, могоанит, бирюза, фуксит и перламутр.

Annotation. The paper presents the results of natural science studies of the base and colour inlay of four buckles of the Xiongnu period: three from the burial ground of Ala-Tey 1 (Tuva) and one from the cemetery of Kamenka V (Khakassia). Buckles with many-coloured incrustation and the best preserved inserts were selected for examination. The base of the buckles was made from fossilized coal, probably of the boghead type. Among the inlay materials of the buckles, cornelian, moganite, turquoise, fuchsite and nacre were identified.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, хунну, пряжка, сибирский гагат, ископаемый уголь, сердолик, могоанит, бирюза, фуксит, перламутр.

Keywords: Inner Asia, Xiongnu, buckle, Siberian jet, fossilized coal, cornelian, moganite, turquoise, fuchsite, nacre.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-254-262

Введение

В эпоху хунну на территории Внутренней Азии появляются большие прямоугольные пряжки-пластины, выполненные из темного гладкого материала, напоминающего камень. На лицевой

¹ Авторы крайне признательны М. Е. Килуновской и П. М. Леусу за неоценимый вклад в статью.

² Курганов Н. С. — Санкт-Петербургский государственный университет; Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: nikolai.kurganov@gmail.com; Хаврин С. В., Григорьева И. А., Чугунова К. С. — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: Хаврин С. В. — sergekhavrin@yandex.ru; Григорьева И. А. — irinagrigrorieva@mail.ru; Чугунова К. С. — askachu@yandex.ru; Поволоцкая А. В., Панькин Д. В., Курочкин А. В. — Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: Поволоцкая А. В. — anastasia.povolotckaia@spbu.ru; Панькин Д. В. — dmitrii.pankin@spbu.ru; Курочкин А. В. — alexey.kurochkin@spbu.ru.

стороне таких пряжек обычно присутствует геометрический узор, образованный несквозными отверстиями, многие из которых инкрустированы вставками красного, сине-зеленого, белого цветов. Иногда похожий X-образный или решетчатый орнамент создают вбитые в поверхность пряжки маленькие бронзовые, железные или золотые гвоздики. На некоторых пряжках встречаются гравированные изображения животных или тамгообразных знаков. Из похожего материала были изготовлены небольшие прямоугольные поясные бляшки, иногда снабженные инкрустацией, а также широкие поясные кольца. Основной ареал распространения всех этих артефактов

Курганов Н. С. подготовил статью в рамках выполнения программы ФНИ РАН по теме государственной работы № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

включает территории Забайкалья (к югу и юго-востоку от оз. Байкал), Монголии и Минусинской котловины, а с недавнего времени и Тувы. Несколько экземпляров таких пряжек найдено в Китае, Средней Азии и в Нижнем Поволжье (Раев, 2017. С. 295). На запад пряжки или традиция их изготовления попадают, вероятно, из Внутренней Азии — центра их первоначального появления.

До недавнего времени наибольшее число подобных пряжек и их фрагментов происходило из хуннских могильников и поселений в Забайкалье. Однако в последние годы появились новые многочисленные находки из женских захоронений, относящихся к улуг-хемской культуре (II–I вв. до н. э.) Центральной Тувы (Килуновская, Леус, 2018. С. 141). Все эти артефакты получены в ходе продолжающихся раскопок Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН на могильниках Ала-Тей 1 и Терезин.

Поверхность некоторых пряжек через некоторое время после извлечения находок из грунта стала деформироваться, появились отслоения, вспучивания и довольно глубокие трещины. Поэтому исследование основы пряжек стало важным не только для изучения материала, использованного древними мастерами, но и для понимания причин разрушения и подходов к выбору методики консервации. Особенно остро этот вопрос встал в связи с проблемой сохранности пряжек, извлеченных в процессе раскопок памятника Ала-Тей 1.

Определение материала, из которого изготовлены пряжки, невозможно без привлечения комплекса специализированных естественнонаучных методов исследования. В литературе отсутствует единая точка зрения относительно материала пряжек. Например, при описании забайкальских материалов обычно они называются пряжками из глинистого сланца (Давыдова, 1996. С. 20–21; Миняев, 2007. С. 34). Также упоминаются другие материалы: гагат, богхед, каменный или ископаемый уголь, смола, рог носорога³. Относительно инкрустаций было выдвинуто предположение, что красные вставки могут быть выполнены из сердолика и коралла, сине-зеленые — из бирюзы, а белые — из перламутра (Килуновская, Леус, 2018. С. 141). Возникает закономерный вопрос: древние мастера использовали одни и те же доступные

материалы или различные, но сходные внешне и по функциональным качествам?

Для определения материалов основы пряжек и цветных декоративных вставок изучены четыре пряжки (рис. 1): три — из могильника Ала-Тей 1 (Тува), одна — из могильника Каменка V (Хакасия). Для исследования отобраны пряжки с разноцветной инкрустацией и максимально сохранившимися вставками. С помощью естественнонаучных методов исследование проведено в двух центрах: в Ресурсном центре «Оптические и лазерные методы исследования вещества» Научного парка СПбГУ и в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа. В работе использованы неразрушающие методы исследования, позволяющие получать информацию непосредственно с поверхности артефактов без отбора проб, а именно: оптическая микроскопия, спектроскопия комбинационного рассеяния света (КРС), инфракрасная (ИК) фурье-спектроскопия, рентгенофазовый анализ и электронная микроскопия с применением рентгеноспектрального микроанализа.

Описание пряжек

Все пряжки представляют собой прямоугольные (рис. 1, 1, 3, 4) и фигурные (рис. 1, 2) пластины со сквозными отверстиями для крепления. Три пряжки (№ 1–3) происходят из могильника Ала-Тей 1 в Туве (раскопки Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством М. Е. Килуновской и П. М. Леуса в 2015–2017 гг.), одна (№ 4) — из Минусинской котловины (раскопки Каменского отряда Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова и Я. А. Шера в 1967 г.).

Пряжка № 1 — небольшая плоская нашивная бляшка прямоугольной формы с округленными углами, размерами 48 × 30 × 7 мм, камни выступают на 0,6 мм, диаметры инкрустаций 5 и 2 мм, диаметры отверстий для крепления 2–3 мм (рис. 1, 1). По двум коротким сторонам попарно расположены отверстия для крепления со следами износа. Лицевая сторона пряжки инкрустирована X-образным орнаментом. По центру и краям находятся крупные полупрозрачные выпуклые вставки красного цвета. Между ними использованы небольшие плоские вставки сине-зеленого цвета. Инкрустации сохранились практически полностью, из 13 утрачена только одна крупная вставка. Обратная сторона гладкая, декор отсутствует.

³ См. статью М. Е. Килуновской и П. М. Леуса в этом выпуске журнала, с. 223–262.

Рис. 1. Инкрустированные пряжки эпохи хунну: 1 — пряжка № 1 (Ала-Тей 1, объект № 12; шифр полевой описи ТАЭ 2015 Ала-Тей 1/12-2); 2 — пряжка № 4 (Каменка V, погребение № 6; шифр описи хранения ГЭ ОАВЕС № 2583/26; на фрагменте видны инкрустации, сохранившиеся на изделии после его переделки; © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020); 3 — пряжка № 3 (Ала-Тей 1, объект № 35; шифр полевой описи ТАЭ 2017 Ала-Тей 1/53-4); 4 — пряжка № 2 (Ала-Тей 1, объект № 29; шифр полевой описи ТАЭ-2016 АТ-1/29-7)

Fig. 1. Buckles of the Xiongnu period: 1 — buckle no. 1 (Ala-Tey 1, structure no. 12; field inventory no. ТАЭ 2015 Ала-Тей 1/12-2); 2 — buckle no. 4 (Kamenka V, burial no. 6; (museum inventory no. ГЭ ОАВЕС № 2583/26; the inlays preserved after the remaking of the object are visible on the fragment; © State Hermitage, Saint Petersburg, 2020); 3 — buckle no. 3 (Ala-Tey 1, structure no. 35; field inventory no. ТАЭ 2017 Ала-Тей 1/53-4); 4 — buckle no. 2 (Ala-Tey 1, structure no. 29; field inventory no. ТАЭ-2016 АТ-1/29-7)

Пряжка № 2 — большая пряжка прямоугольной формы с округленными углами, размерами 168 × 86 × 14 мм, камни выступают на 2 мм, диаметры отверстий для инкрустаций 5,5 и 3 мм, диаметры отверстий для крепления 3 мм (рис. 1, 4). С боковых сторон пряжки прослеживаются

глубокие косые бороздки, видимо, образованные в результате обработки или пиления пластин. С одного края на пряжке имеются два небольших отверстия для крепления к основе. Между отверстиями поверхность сильно изношена. Видимо, это следы трения шнура.

С противоположного края расположено узкое сквозное отверстие овальной формы для продевания ремешка. Лицевая сторона инкрустирована 18 вставками, из которых на своих местах сохранились девять. Вставки расположены пятью параллельными рядами, в шахматном порядке — по три и четыре вставки в каждом ряду. Сохранились только вставки в трех внутренних рядах: три вставки сине-зеленого цвета в центральном ряду (и одна утрачена) и по три вставки красного цвета в двух прилежащих рядах. Внешние ряды имеют по четыре отверстия, но только в одном из них сохранились следы разрушенной белой вставки. Обратная сторона пряжки гладкая, без инкрустаций. На ней присутствуют пересекающиеся гравированные линии, образующие в том числе Н-образный похожий на тамгу знак. Также видны следы белого налета, появившегося вследствие длительного пребывания артефакта в почве.

Пряжка № 3 — прямоугольной формы с неровными краями, изготовлена из плоской пластины, размерами 105 × 84/88 × 13,5 мм, вставки выступают на 2 мм; диаметры инкрустаций 7,5 и 3 мм, диаметры отверстий для крепления 2 мм (рис. 1, 3). С одного края пряжки расположены два отверстия для крепления со следами износа; боковая сторона фигурно обрезана и зашлифована. На противоположном крае пряжки расположено овальное отверстие для продевания ремешка; кромка неровная и имеет сколы, виден след сквозного отверстия и следы коррозии. Вероятно, изначально имелись железные крепления, которые практически не сохранились. Можно предположить, что по линии этих креплений пластина сломалась и впоследствии была переделана. Пряжка инкрустирована вставками сине-зеленого и красного цветов, расположенными пятью параллельными рядами в шахматном порядке: по три в центральном и внешних рядах, по два — в промежуточных. В центральном и внешних (крайних) рядах располагались, видимо, по три вставки красного цвета, из которых сохранилось только семь. Все вставки имеют красный цвет, но шесть из них — прозрачные, одна — полупрозрачная. В промежуточных рядах расположены по два углубления для вставок, но сохранилась только одна плоская вставка сине-зеленого цвета. На лицевой стороне пряжки вдоль ее длинных сторон помимо инкрустации видны расположенные попарно выемки треугольной формы. Сложно сказать, являлись ли эти выемки частью орнамента

и была ли в них инкрустация. Возможно, эти выемки украшали первоначальное изделие, из которого впоследствии была изготовлена пряжка. На поверхности пряжки видны следы от двух гвоздиков или штифтов с разводами железных окислов вокруг. На поверхности артефакта присутствуют следы почвенных наслоений. Учитывая асимметричную форму и наличие линии разлома по возможному месту ее крепления, можно предположить, что эта пряжка была изготовлена из более крупного предмета, изначально имеющего другую форму и орнаментальную композицию.

Пряжка № 4⁴ — сложной формы в виде полуовала, край которого имеет плавные волнообразные очертания, размерами 95 × 87 × 12 мм, диаметры отверстий под инкрустации 5 и 1,5 мм, диаметры отверстий для крепления 6 мм (рис. 1, 2). В центре волнообразного края присутствуют два круглых отверстия для крепления. На противоположном конце пряжки имеется удлиненное овальное отверстие для ремешка. На нем видны следы износа: сглаженность от продевания ремешка с внешней стороны «дужки» пряжки. Лицевая сторона пряжки украшена инкрустациями, образующими узор в виде косой сетки с 10 крупными вставками на пересечениях сетки. Из них сохранились четыре красные и две сине-зеленые вставки, а четыре утрачены. По линиям орнамента расположено 87 вставок белого цвета, из которых полностью или частично сохранились на своем месте 68 вставок. Отверстие под одной из сине-зеленых вставок сквозное, что может быть связано с неудачным изготовлением выемки под инкрустацию.

Предполагалось, что описанная выше каменная пряжка из Минусинской котловины, инкрустированная сердоликом и «белой пастой», изготовлена из половинки прямоугольной пряжки, привезенной на Средний Енисей от хунну Забайкалья (*Пшеницына*, 1992. С. 232, табл. 94, 80). В одном из сравнительно недавних исследований по данной теме высказывается мнение, что пряжка выполнена из гагата, и «этот предмет был задуман, вырезан и орнаментирован именно таким,

⁴ Пряжка хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Авторы выражают благодарность хранителю Светлане Владимировне Панковой за возможность проведения исследований артефакта.

каким он был найден <...> поскольку изгибы инкрустации четко следуют внешнему контуру» (Раев, 2017. С. 300–301). При детальном изучении инкрустации видно, что она не полностью повторяет линию контура. В некоторых местах ее расположение не соответствует нынешней форме предмета, который, видимо, ранее имел другие очертания и большие размеры, а при переделке был снабжен отверстием под ремешок. К тому же инкрустации сохранились даже в тех местах, которые могли быть скрыты ремнем (рис. 1, 2). Судя по направлению линий сетки узора возле удлиненного отверстия и «дужки» нынешней пряжки, а также несимметричности этого участка и орнамента на нем, изначально эта часть предмета не имела сужения. Вполне вероятно, что данная пряжка была переделана из другого предмета, как изначально предполагала М. Н. Пшеницына. Однако тогда возникает вопрос, который требует уточнения, поскольку на ряде участков, где перламутр утрачен, видны неглубокие (около 1,0–1,5 мм) выемки, которые в случае переделки пряжки скорее всего не сохранились бы.

Результаты исследований и обсуждение

Основа пряжек. Поверхность пряжек была исследована с помощью комплекса естественно-научных методов. Для получения достоверной информации исследования проводились на различных участках артефактов.

Анализ спектров комбинационного рассеяния света (КРС)⁵ показал наличие двух характерных пиков углерода: D ($\approx 1350 \text{ см}^{-1}$) и G ($\approx 1592 \text{ см}^{-1}$).

Исследование пряжек методом инфракрасной спектроскопии (ИК спектроскопии)⁶ позволило идентифицировать по характерным

⁵ Использован КРС спектрометр Senterra (Bruker). Спектр КРС возбуждался с помощью твердотельного лазера с длиной волны 785 нм. Мощность составляла менее 1 мВт под 50× длиннофокусным объективом (NA = 0,5).

⁶ Спектры инфракрасного поглощения получены на приборе Nicolet 8700 методом нарушенного полного внутреннего отражения (НПВО) на приставке с однократным отражением и алмазным кристаллом НПВО. Детектор ртуть-калий-теллурический (РКТ, он же МСТ-А в англоязычной литературе). Разрешение 4 см^{-1} . Число сканов 128, апертура 35 %. Фазовая коррекция произведена по методу Мерца, использована аподизирующая функция Хаппа–Гензеля.

пикам такие минеральные включения как каолинит ($\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$) (3692, 3671, 3651, 3618, 1115, 1029, 1007, 936, 910, 744 см^{-1}), доломит ($\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$) (1434, 878, 721 см^{-1}) и кварц (SiO_2) (1170, 1081, 796, 778 и 694 см^{-1}) на фоне сигнала органической и углеродной составляющих (Vahur et al., 2016). Дальнейшее сравнение полученных ИК спектров со специализированной базой данных (Infrared and Raman Users Group (IRUG) — Price et al., 2009) показало наиболее близкое совпадение с образцом угля типа богхед с некоторой примесью каолинита (coal, IMP00058).

Материал основы также исследовался с помощью сканирующего электронного микроскопа, оснащенного рентгеноспектральным микроанализатором⁷. Элементный состав пластины пряжки показывает высокое содержание углерода, свойственное для ископаемого угля (табл. 1). При изучении морфологии поверхности пластин наряду с минеральными включениями были обнаружены отдельные фрагменты растительных волокон (рис. 2, 1).

Исследование методом рентгенофазового анализа⁸ показало, что в составе пластины преобладает аморфная составляющая. Кроме того, были определены следующие минеральные включения: кварц (SiO_2), глинистые минералы (монтмориллонит $(\text{Na}, \text{Ca})_{0,33}(\text{Al}, \text{Mg})_2(\text{Si}_4\text{O}_{10})(\text{OH})_2 \cdot n\text{H}_2\text{O}$), полевые шпаты (альбит $\text{Na}[\text{AlSi}_3\text{O}_8]$) и слюды (с общей формулой $(\text{K}, \text{Na})(\text{Al}, \text{Mg}, \text{Fe})_3[\text{AlSi}_3\text{O}_{10}](\text{OH})_2$).

Результаты комплексного исследования хорошо согласуются между собой и наглядно показывают, что основа пряжек — ископаемый уголь, видимо, относящийся к классу сапропелитов. С определенной долей вероятности, материал основы исследуемых пряжек, может быть отнесен к углю типа богхед.

Инкрустации. Полихромная инкрустация выполнена прозрачными и полупрозрачными красными вставками и непрозрачными вставками сине-зеленого и белого цвета (табл. 2). Согласно литературным данным, до проведения исследований

⁷ Растровый сканирующий электронный микроскоп Zeiss, EVO-MA-25 с микроанализатором Oxford Instruments X-Max^N 80.

⁸ Микродифрактометр Rigaku D/max RAPID II, условия проведения анализа: $U = 40 \text{ kV}$, $I = 30 \text{ mA}$, коллиматор 0,8 мм, время экспозиции 15–30 мин. Излучение — $\text{CuK}\alpha$, длина волны 1,54 Å.

Таблица 1. Химический состав пластин пряжек, атомарные % (приведен результат усреднения по 11 спектрам с разных участков пластины)

Table 1. Chemical composition of the plates of the buckles, atomic percents (the result of averaging over 11 spectra from different spots on the plate)

Элемент \ Пряжка	C	O	Na	Mg	Al	Si	P	S	K	Ca	Ti	Fe
Пряжка № 1	57,2	33,6	0,3	0,4	2,0	4,6	0,1	0,3	0,4	0,3	0,1	0,5
Пряжка № 4	48,9	28,6	1,1	0,6	3,5	10,7	0,3	0,3	1,5	2,3	0,2	1,7

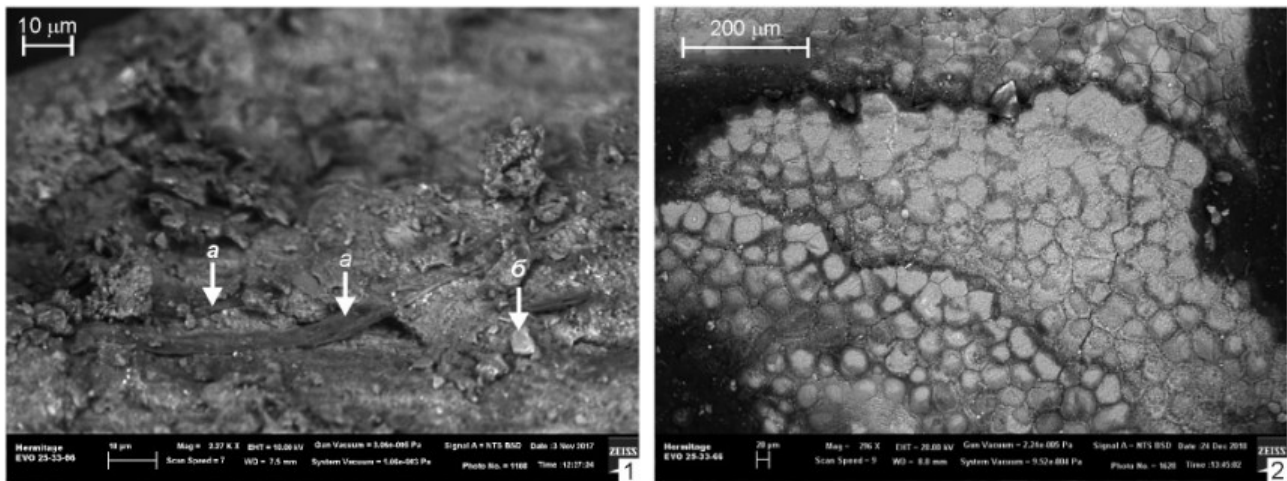

Рис. 2. Изображения в отраженных электронах: 1 — участок пластины пряжки № 1 (могильник Ала-Тей I, объект № 12) (а — включения растительных волокон, б — включения частиц минералов); 2 — перламутровая вставка пряжки № 4 (Каменка V, погребение № 6)

Fig. 2. Images in reflected electrons: 1 — an area of the plate of buckle no. 1 (cemetery of Ala-Tey 1, structure no. 12) (a — inclusions of plant fibres, б — inclusions of mineral particles); 2 — nacre insert of buckle no. 4 (Kamenka V, burial no. 6)

предполагалось, что красные вставки могут быть выполнены из сердолика и коралла, сине-зеленые — из бирюзы, а белые — из перламутра (Кулуновская, Леус, 2018. С. 141).

Инкрустация красного цвета встречается на всех пряжках. Согласно данным спектроскопии КРС, полупрозрачные красные вставки состоят в основном из фазы α -кварца (α -SiO₂) (пики 126, 204 и 464 см⁻¹) (Krishnamurti, 1958) и относятся к одной из разновидностей минерала халцедона — сердолику. В прозрачных красных вставках обнаружены ярко-оранжевые включения гематита (α -Fe₂O₃) размером 50±10 мкм, с характеристическими пиками КРС 224, 292, 408 и 610 см⁻¹ (Chourpa et al., 2005; Schmidt et al., 2013; Sitarz et al., 2013). Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что красная инкрустация, вне зависимости от степени ее прозрачности, изготовлена из сердолика. Большая прозрачность

обусловлена наличием полиморфов сердолика и могонита (Kadleciková et al., 2015).

Сине-зеленая инкрустация представлена на всех пряжках. Согласно проведенным исследованиям, при схожем цвете инкрустаций на всех пряжках материал вставок отличается. Результаты исследований методами рентгеноспектрального микроанализа, рентгенофазового анализа и спектроскопии КРС показали, что сине-зеленые инкрустации на пряжках № 1, 3 и 4 (рис. 1, 1–3) выполнены из бирюзы (CuAl₆(OH)₂[PO₄]₄·4H₂O).

Для сине-зеленой вставки на пряжке № 2 (рис. 1, 4) в спектрах КРС наблюдались пики, характерные для слюды (637, 702 и 750 см⁻¹). Наличие дополнительных особенностей в спектрах КРС (полосы с максимумами около 194 см⁻¹ и 262 см⁻¹) позволяет сделать вывод, что для этой вставки использовалась зеленая разновидность калиевой слюды, обогащенная хромом, —

Таблица 2. Материалы инкрустаций каменных пряжек
Table 2. Materials of incrustations of the stone buckles

Пряжка	Инкрустация	Минерал
Пряжка № 1	Полупрозрачная красная	Сердолик
	Сине-зеленая	Бирюза
Пряжка № 2	Полупрозрачная красная	Сердолик
	Прозрачная красная	Сердолик, могонит
	Сине-зеленая	Фуксит
	Белая	Перламутр
Пряжка № 3	Полупрозрачная красная	Сердолик
	Сине-зеленая	Бирюза
	Белая	Перламутр
Пряжка № 4	Прозрачная красная	Сердолик
	Сине-зеленая	Бирюза
	Белая	Перламутр

минерал фуксит $(K(Al, Cr)_2(AlSi_3O_{10})(OH)_2)$ (Tlili et al., 1989; McKeown et al., 1999).

Белые вставки присутствуют в пряжках № 2 (рис. 1, 4) и № 4 (рис. 1, 2). В спектрах КРС для них наблюдались пики 159, 188, 214, 710 и 1092 cm^{-1} , типичные для минерала арагонита ($CaCO_3$) (Frech, Wang, 1980; De La Pierre, 2014). Арагонит входит в состав раковин многих видов моллюсков, перламутровый слой которых широко использовался для инкрустаций. Перламутр состоит из шестиугольных пластинок арагонита, расположенных параллельными слоями (рис. 2, 2).

Заключение

Проведенные комплексные лабораторные исследования были направлены на неразрушающее изучение материала основы пряжек и инкрустаций. В результате анализа полученных данных установлено, что основа пряжек выполнена из ископаемого угля. Наиболее вероятно, что данный вид ископаемого угля, представляющий собой остатки древних водорослей и планктона, относится к типу богхед. Согласно литературным данным, ближайшим крупным месторождением богхеда к региону первоначального распространения пряжек является Иркутский угольный бассейн (БРЭ, 2005. С. 666).

Интересно, что в результате исследования материала инкрустаций пряжек оказалось, что

внешне схожие по цвету и морфологии материалы имеют существенную вариативность по своему природному происхождению и составу. Все красные инкрустации выполнены из сердолика. Значительные отличия в степени прозрачности красных вставок вносит присутствие в составе минерала полиморфов сердолика и могонита. В качестве вставок сине-зеленого цвета в пряжках № 1, 3 и 4 использована бирюза, однако в пряжке № 2 определен минерал фуксит, что может свидетельствовать о его более позднем происхождении. Вставки белого цвета выполнены из перламутра.

Для более детального рассмотрения проблемы происхождения и распространения пряжек в эпоху хунну необходимо провести такой же полный анализ артефактов из других регионов, в первую очередь из Забайкалья — основного центра распространения археологических памятников хунну на территории России и региона, где расположены ближайшие известные месторождения ископаемого угля с подобными характеристиками. Для прояснения данного вопроса и более обоснованного продолжения дискуссии о материале основы пряжек необходимо привлечение специалистов по изучению происхождения и методов изучения углей, включающих их петрологию. Становится понятно, почему существуют различные мнения о природе практи-

чески идентичных пряжек. Если пряжки из Тувы и Хакасии изготовлены из ископаемого угля, предположительно происходящего из Забайкалья, то почему практически идентичные пряжки из Забайкалья считаются изготовленными из другого материала? Не менее интересным представляется исследование материалов пряжек из Средней Азии: был ли там использован какой-то местный материал, или же пряжки попали в этот регион с востока? Авторы надеются найти ответы на все возникшие в процессе работы вопросы в ходе дальнейшего исследования.

Богатая органикой основа пряжек может деформироваться, впитывая влагу из воздуха или чрезмерно высыхая. Поэтому можно рекомендовать предельно внимательно относиться к контролю относительной влажности при музейном хранении и транспортировке.

Стоит избегать размещения предметов под прямым солнечным светом и вблизи источников тепла.

Хранить пряжки с основой из ископаемого угля целесообразно вместе с коллекциями археологического дерева, тканей, а не камня и керамики.

- БРЭ — Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2005. Т. 3. 766 с.
- Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сунну; Вып. 2). 176 с.
- Килуновская, Леус, 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Миняев, 2007 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2007 (Археологические памятники сунну; Вып. 3). 233 с.
- Пшеницына, 1992 — Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 224–235.
- Раев, 2017 — Раев Б. А. Гагатовые пряжки из Жutowского могильника. Археологические признаки миграций // Ex Unique Leonem: Сб. статей к 90-летию Л. С. Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 291–305.
- Chourpa et al., 2005 — Chourpa I., Douziech-Eyrolles L., Ngaboni-Okassa L., Fouquenot J.-F., Cohen-Jonathan S., Soucé M., Marchais H., Dubois P. Molecular composition of iron oxide nanoparticles, precursors for magnetic drug targeting, as characterized by confocal Raman microspectroscopy // Analyst. 2005. Vol. 130, no. 10. P. 1395–1403.
- De La Pierre et al., 2014 — De La Pierre M., Carteret C., Maschio L., André E., Orlando R., Dovesi R. The Raman spectrum of CaCO₃ polymorphs calcite and aragonite: a combined experimental and computational study // The Journal of chemical physics. 2014. Vol. 140, no. 16. P. 164–509.
- Frech, Wang, 1980 — Frech R., Wang E. C. The IR and Raman spectra of CaCO₃ (aragonite) // Spectrochimica Acta. 1980. Vol. 36, no. 10. P. 915–919.
- Kadlecíková et al., 2015 — Kadlecíková M., Breza J., Vanco L., Gregor M., Bazovský I. Raman spectroscopy of ancient beads from devín castle near Bratislava and of four intaglios from other archaeological finds in Slovakia // The Journal of Gemmology. 2015. Vol. 34, no. 6. P. 510–517.
- Krishnamurti, 1958 — Krishnamurti D. The Raman spectrum of quartz and its interpretation // Proceedings of the Indian Academy of Sciences-Section A. Springer India. 1958. Vol. 47, no. 5. P. 276–291.
- McKeown et al., 1999 — McKeown D. A., Bell M. I., Etz E. S. Vibrational analysis of the dioctahedral mica: 2M1 muscovite // American Mineralogist. 1999. Vol. 84, no. 7–8. P. 1041–1048.
- Price et al., 2009 — Price B. A., Pretzel B., Lomax Q. S. (eds.). Infrared and Raman Users Group Spectral Database. 2007 ed. Vol. 1, 2. Philadelphia: IRUG, 2009. Infrared and Raman Users Group Spectral Database.
- Schmidt et al., 2013 — Schmidt P., Bellot-Gurlet L., Léa V., Sciau Ph. Moganite detection in silica rocks using Raman and infrared spectroscopy // European Journal of Mineralogy. 2013. Vol. 25, no. 5. P. 797–805.
- Sitarz et al., 2013 — Sitarz M., Wyszomirski P., Handke B., Jeleń P. Moganite in selected Polish chert samples: The evidence from MIR, Raman and X-ray studies // Spectrochimica Acta Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy. 2013. Vol. 122. P. 55–58.
- Tlili et al., 1989 — Tlili A., Smith D., Beny J.-M., Boyer H. A Raman microprobe study of natural micas // Mineralogical Magazine. 1989. Vol. 53, no. 370. P. 165–179.
- Vahur et al., 2016 — Vahur S., Teearu A., Peets P., Joosu L., Leito I. ATR-FT-IR spectral collection of conservation materials in the extended region of 4000–80 cm⁻¹ // Analytical and bioanalytical chemistry. 2016. Vol. 408, no. 13. P. 3373–3379.

Interdisciplinary investigation of jet buckles of the Xiongnu epoch with inlay

**N. S. Kurganov, S. V. Havrin, I. A. Grigor'yeva, K. S. Chugunova, A. V. Povolotskaya,
D. V. Pan'kin, A. V. Kurochkin**

This paper deals with the problem of studies of certain finds of the Xiongnu period from the territory of Tuva and Minusinsk Depression. The objects concerned are large rectangular buckles and small sewn-on plates made of a dark material and inlaid with colour stones. Of the materials from which similar objects are made, different views are found in literature based exclusively on visual analysis. The present work presents the results of an interdisciplinary investigation of the base and colour inlays of four buckles (three from the cemetery of Ala-Tey 1 in Tuva and one from the cemetery of Kamenka V in Khakassia — Fig. 1). The analysis was conducted using non-destructive methods of optical microscopy, Raman spectroscopy, infrared Fourier spectroscopy, X-ray phase analysis and electron spectroscopy with the possibility of elemental microanalysis. It was established (Fig. 2) that the base of the buckles is composed of fossilized coal, probably of the boghead type; the materials of the incrustation of the buckles included cornelian, moganite, turquoise, fuchsite, and nacre.

Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации

В. Ю. Коваль¹

Аннотация. При попытках реконструкции укреплений средневековых городов Руси зачастую используют образцы деревянной фортификации XVII в. либо земляные насыпи XVIII–XIX вв. (редуты, шанцы). Но в эпоху средневековья при фортификации городов Руси, как установлено благодаря применению современных археологических методик, использовались деревянные стены с земляным заполнением. Недопустимо использовать поздние образцы для реконструкции более ранних сооружений.

Annotation. In the attempts to reconstruct fortifications of mediaeval towns of Rus', often examples of the wooden defences of the 17th century or earthen ramparts of the 18th–19th century (redoubts, schanzen) are used. However, during the mediaeval epoch, Russian towns had fortifications with wooden walls filled with earth. This was established owing to the application of modern archaeological methods. Therefore it seems inadmissible to use later examples for reconstruction of earlier structures.

Ключевые слова: археология, валы, крепости, древо-земляные стены, средневековье, реконструкции.

Keywords: archaeology, ramparts, fortresses, earth-and-wooden fortification walls, Middle Ages, reconstructions.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-263-276

Рост интереса к средневековому прошлому России, к истокам современных городов, наблюдающийся сегодня в общественном сознании, неизбежно и совершенно закономерно вызывает запрос на визуализацию этого прошлого. Одним из проявлений такого интереса стало движение «исторической реконструкции», другим — общественный заказ на восстановление стен древних городов, позволяющее представить, как выглядели их укрепления много веков назад. А поскольку города Руси в подавляющем большинстве никогда не имели каменных стен, но в них сохранились земляные валы, то основным направлением возникающих то и дело реконструкций стали «модели» деревянных стен — гипотетические реконструкции фортификационных сооружений.

Отвечая на общественный заказ и стремясь украсить свой город таким псевдопамятником, неизбежно становящимся объектом туристического

интереса (а значит, и туристического бизнеса), власти многих городов выступают инициаторами подобного моделирования. Для проектирования «моделей» привлекаются профессиональные архитекторы, органы охраны памятников с пониманием относятся к подобному заказу и дают разрешения на возведение этих моделей на территории исторических центров городов. Сам по себе интерес к историческому прошлому малой родины — явление однозначно положительное, отражающее рост национального самосознания. В то же время увлечение таким «моделетворчеством» не может не беспокоить.

Прежде всего, идентичность создаваемых моделей утраченным древним сооружениям в ряде случаев отсутствует или вызывает множество вопросов. В отличие от каменной архитектуры, в значительной степени обеспеченной обмерными чертежами, фотографиями, описаниями, а часто и неплохо сохранившимися остатками сооружений, древние деревянные постройки, в особенности фортификационные, как правило, такой

¹ Отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kovaloka@mail.ru.

документацией не обеспечены. В лучшем случае для деревянных крепостей XVII в. имеются зарисовки путешественников, размерные сведения из писцовых книг, а для совершенно единичных случаев — и фотографии самих памятников, доживших до XX в. Примерами таких исключений являются остроги Томска и Якутска. У последнего еще в XIX в. стены и башни были обмерены и даже сфотографированы (Султанов, 1907. С. 142–153, табл. V–XIII). Для Томска на основании сохранившихся графических данных, а также в результате заблаговременно проведенных археологических раскопок удалось получить в высокой степени достоверные реконструкции как внешнего вида его деревянных укреплений, так и их конструктивных особенностей (Чёрная, 2002. С. 131–155), что позволило впоследствии восстановить часть этих укреплений в натуре (рис. 1, 1). Можно назвать еще несколько деревянных крепостей Сибири, которые в какой-то части сохранились до середины XX в. и были изучены архитекторами и археологами, — Илимский, Братский, Казымский остроги (Никитин, 1961. С. 213–226; Молодин, Добжанский, 1978. С. 191–199). От других деревянных крепостей Сибири и Севера Руси XVII в. сохранились обмерные данные или явственно читаемые археологические следы (Артемьев, 1999; Крадин, 1988; Бородавский, Горохов, 2009; Белов и др., 1980; Аношко, Клименко, 2019. С. 7–19).

Вместе с тем для подавляющего большинства русских городов европейской части России достоверных данных для проведения таких реконструкций, как в Томске, просто не существует. Нет ни обмеров крепостей, ни чертежей, ни тем более фотографий. Лишь для некоторых из них имеются данные переписных книг либо схематичные зарисовки современников. В результате архитекторы, берущиеся за выполнение проекта такой реконструкции, вынуждены ориентироваться не на фактические данные, а почти исключительно на аналогии. Благодаря тому, что историки архитектуры XIX–XX вв. много потрудились над зарисовкой и обмерами ныне уже давно разобранных деревянных крепостей Сибири, имеется небольшой банк графических данных, который можно применять при разработке новых проектов «моделирования» древних крепостей. Однако, как уже говорилось, эти проекты, как правило, не идентичны древним строениям и могут рассматриваться лишь как очень приблизительные реминисценции на тему «русские крепости XVII в.».

Но даже если бы эти «модели» являлись точными копиями древних сооружений, возведение их на площадке древнего городища допустимо только в том случае, если выбранное для них место было предварительно изучено археологическими раскопками. Хотя строительство таких «моделей» не требует глубоких фундаментов, совсем без фундаментов они все же обходиться не могут. Особенную тревогу вызывают попытки возведения «моделей» крепостных сооружений поверх древних валов. На их неровной поверхности для такого строительства неизбежно требуется нарушение целостности, способное привести к утрате *подлинной* (в отличие от «моделей») информации о конструкциях, некогда составлявших часть городской фортификации. Без длительных (1–2 года) и дорогостоящих археологических исследований такие работы проводить категорически нельзя, как бы ни трактовать Федеральный закон № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Использование построенных конструкций также требует подведения коммуникаций (водопровод, канализация, телефония и т. п.), неизбежно нарушающих культурный слой.

Особенную сложность составляют попытки соорудить «модели» древо-земляных фортификаций X–XVI вв., относительно которых не осталось никаких изображений. Для примера приведем хотя бы «Парк Киевская Русь» в Киеве (Украина). Единственными источниками для восстановления их внешнего вида выступают данные археологии, которые обладают существенной спецификой, прежде всего потому, что отражают реалии не целых построек, а их руин, часто весьма фрагментарных, которым посчастливилось сохраниться до наших дней. В этой ситуации архитекторы-проектировщики вынужденно экстраполируют свои знания об оборонной архитектуре XVII–XVIII вв. на более ранние эпохи. Но такая экстраполяция недопустима по двум важным причинам:

1) все фортификации нового времени создавались в эпоху полного господства огнестрельного оружия и предназначались именно для его использования в ходе обороны;

2) используемые для реконструкций крепости на территории Сибири строились в расчете на противника, не обладавшего огнестрельным оружием, то есть это не « типовые » для своего времени оборонительные сооружения, а специфические именно для условий Сибири. « Сибирская »

фортификация, строившаяся с учетом возможности использования огнестрельного оружия защитниками крепостей, при этом не была рассчитана на противодействие артиллерии (все противники русских — автохтонные племена Сибири — такого оружия не имели) и в лучшем случае могла защищать от ружейного огня. Именно и только это обстоятельство позволяло строить стены острогов из частоколов или пустотелых срубов. Появление же противника, обладающего артиллерией, сразу показывало неэффективность крепостей «сибирского» типа. Ярким примером здесь является Албазинский острог, который дважды не смог устоять перед снабженными артиллерией маньчжурскими войсками, несмотря на весь героизм, проявленный его защитниками.

Таким образом, экстраполяция «сибирской» фортификации на русские города европейской части России методически допустима (и то весьма условно) только для периода ее возникновения (XVII в.), но абсолютно неприменима к более раннему времени, когда правила строительства защитных сооружений и сам порядок военных действий были совершенно иными. Надо также иметь в виду, что в эпоху до распространения огнестрельного оружия необходимость противодействия мощным наступательным средствам все-таки была, поскольку существовала доогнестрельная (камнеметная) артиллерия, которая пусть не часто, но все же регулярно использовалась при атаках на русские города (Кирпичников, 1958. С. 7–51). Поэтому в европейской части России крепости неизбежно должны были строиться с учетом возможности их атаки с применением подобных технических устройств.

Таким образом, те реконструкторы, которые механически переносят реалии фортификации Нового времени (причем очень специфический «сибирский» вариант такой фортификации) на более ранний период, совершают непростительную методическую ошибку. Примером такого переноса являются, в частности, «смоделированные» башни воротных проездов на Болгарском городище, архитектура которых полностью воспроизводит образцы XVII в. (рис. 1, 2–4). Не говоря уже о том, что линия валов вокруг города Болгара (на которой и водружены эти башни) была создана в середине XIV в., а прекратила существование не позже 30-х гг. XV в., то есть хронологически никак не соотносится с более поздним временем, серьезные археологические раскопки на воротных

проходах тут не проводились, а при ограниченных по площади шурфовках никаких следов башен здесь вообще не зафиксировано (Коваль, 2019. С. 323–339). Нет о них сведений и в письменных источниках. Особенное недоумение вызывают амбразуры для стрелков из ружей, имеющиеся на этих башнях. Такие амбразурные (маленькие горизонтально ориентированные оконца высотой в толщину одного бревна сруба) были вполне пригодны для прицельной стрельбы из любого типа ручного огнестрельного оружия, но для лучника они были совершенно бесполезны, потому что, находясь на расстоянии около 1 м (длина вытянутой руки) от этой амбразурной, он вообще не смог бы увидеть цель. Совершенно очевидно, что в XIV в., когда ручное огнестрельное оружие в Восточной Европе еще не было известно, такие амбразурные просто не могли использоваться.

И дело тут не только в одних амбразурах. Башни сибирских острогов, забранные бревнами до самой крыши, не были рассчитаны на прямой штурм противника, поскольку тот и не обладал опытом проведения таких атак. Механически перенесенные в средневековье, эти башни оказывались попросту неприспособленными к реальной обороне. Получается, что заборолы² средневековых крепостей существенно отличались от обломов³ крепостей XVII в.: воины X–XV вв., вооруженные копьями и луками, готовые сбрасывать на атакующих камни и бревна, выливать на них кипяток, не могли обходиться совершенно бесполезными для них амбразурами, а должны были быть защищены таким парапетом, который не мешал бы им использовать свое вооружение. Этот парапет не мог иметь высоту более 1,0–1,2 м. Только в этом случае он мог успешно защищать воинов от стрел противника, но позволял им самим вести обстрел наступающих. И, разумеется, этот парапет не мог смыкаться с кровлей — между ними должно было оставаться достаточно большое пространство, вероятно, не менее метра в высоту.

Причина всех ошибок в создании «моделей» средневековых крепостей кроется в некритическом отношении современных историков военной

² Бревенчатый парапет, за которым защитники крепости укрывались от стрел и других метательных снарядов атакующего противника.

³ Нависающая в сторону противника площадка на деревянной крепостной стене, имеющая в полу боевую щель для действий против осаждающих.

Рис. 1. Натурные реконструкции деревянных оборонительных сооружений: 1 —Томский острог XVII в.; 2–4 —проездные башни средневекового Болгара (Татарстан)

Fig. 1. Full-size reconstructions of wooden defences: 1 — Tomsk stockaded town of the 17th cen.; 2–4 —entrance towers of mediaeval Bolgar (Tatarstan)

архитектуры к работам предшественников и, прежде всего, в слепом следовании авторитету наиболее известного среди них — П. А. Раппопорта (1956; 1961). Именно в его графических реконструкциях крепостей XI–XIV вв. впервые появляются и узкие горизонтальные амбразуры, и стены, смыкающиеся с кровлей (*Раппопорт*, 1956. Рис. 101, 102). Исходным пунктом для их создания стало восприятие представлений военных историков XIX в. (прежде всего, Ф. Ф. Ласковского), не имевших никаких достоверных данных об архитектуре средневековых крепостей, но хорошо знавших сибирские остроги. Для экстраполяции поздних деревянных укреплений на более ранние

эпохи, как тогда казалось, имелись все основания: ведь по летописям было известно, что в средневековой Руси крепости строили из дерева — такими же деревянными были сибирские остроги. Этого совпадения показалось достаточно для предположения о том, что и 500 годами ранее строились точно такие же стены и башни, как в XVII в. (*Ласковский*, 1858. С. 65–109). Валы же представлялись земляными насыпями, аналогичными редутам и шанцам XVIII–XIX вв., с тем лишь отличием, что они служили основой для оград типа частокола или, в крайнем случае, в виде цепочки пустотелых клеток. При отсутствии иной информации (а ее в XIX в. еще действительно

не было) такая концепция вполне имела право на существование.

Однако в середине XX в., когда к исследованиям приступил П. А. Раппопорт, ситуация была уже иной. К этому времени В. В. Хвойкой были проведены масштабные раскопки валов Белгорода Киевского (Полонская, 1911. С. 47–66), Ф. Н. Молчановским в 1929–1935 гг. полностью раскопано Райковецкое городище (Гончаров, 1950), наконец, самим П. А. Раппопортом был исследован вал «города Ярослава» в Киеве, сделаны прорезки десятков валов на древнерусских городищах (Раппопорт, 1956). При этом внутри валов обнаруживались цепочки дубовых срубов, но смысл их присутствия там не был установлен. Мешал хорошо усвоенный стереотип насыпных валов. В. В. Хвойка, например, открывший при раскопках мощные дубовые конструкции с прилежавшей к ним крепидой из сырцовых кирпичей, видел в них не остатки стен, а всего лишь основу земляного вала, поверх которого он умозрительно рисовал преграду в виде забора-частокола (Полонская, 1911. Рис. 40) (рис. 2). На зримо присутствующие валы исследователь механически перенес стены сибирских острогов, которые часто бывали частокольными. Это действительно достойно удивления, поскольку В. В. Хвойка и Ф. Н. Молчановский вскрывали валы на большой площади и могли наблюдать все детали обнаруженных в них крепостных конструкций. Гораздо сложнее было в этом смысле П. А. Раппопорту, который пользовался крайне несовершенной (устаревшей уже к середине XX в.) методикой, предусматривавшей закладку узких (около 1 м) траншей поперек вала либо зачистку его осыпающихся краев, при которой выявить какие-то конструктивные особенности изучаемых сооружений было практически невозможно.

При своих прорезках валов П. А. Раппопорт в ряде случаев обнаруживал остатки срубов, сложенных из дубовых бревен, однако в значительно большем числе случаев он мог наблюдать лишь невнятные следы древесного тлена. Для того чтобы убедиться, что это не случайно попавшие в насыпь бревна или ветки деревьев, необходимо было вскрывать валы гораздо более широкой площадью. Кроме того, траншеи Раппопорта не всегда доводились до подошвы вала, а именно там обычно деревянные конструкции сохранялись в наилучшей степени. В результате им был сделан вывод, что валы древнерусских городов разделяются на «каркасные» и «бескаркасные».

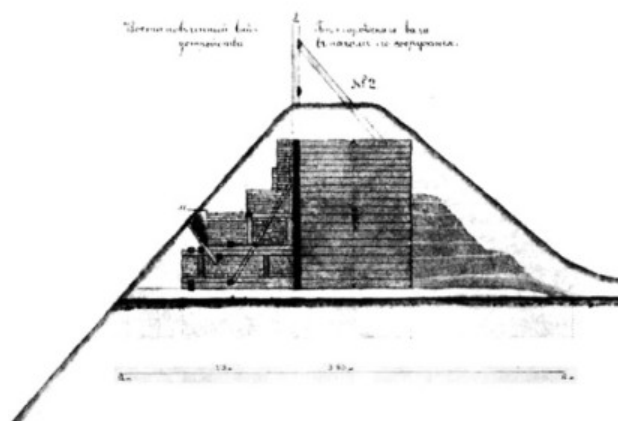

Рис. 2. Реконструкция В. В. Хвойки укреплений Белгорода Киевского (Полонская, 1911. Рис. 40)

Fig. 2. Reconstruction of defences of Belgorod Kievsky by V. V. Khvoyka (Полонская, 1911. Рис. 40)

Вслед за А. Л. Монгайтом, основывавшимся в своих выводах на нескольких зачистках склонов валов Старой Рязани (Монгайт, 1947. С. 28–37), П. А. Раппопорт полагал, что внутривальные конструкции «укрепляли» насыпи, предохраняли их от оползания и позволяли сохранить крутизну их склонов. Однако эта мысль не была подтверждена ни одним примером из реальной строительной практики.

Между тем достаточно было обратиться за консультацией к профессиональным архитекторам и строителям, имеющим опыт создания насыпей, чтобы убедиться в том, что подобные предположения по меньшей мере беспочвенны. Прежде всего, никакие жесткие конструкции (деревянные, каменные, бетонные) не способны «укрепить» грунтовую насыпь, стабилизация которой возможна лишь путем уплотнения грунта (Гольдин, Рассказов, 2001. С. 258–311; Строительство..., 2013. С. 44–79, 98–127). Каменные ядра плотин и дамб в строительстве нужны только для сопротивления давлению массы воды на насыпь. Любое же использование внутри насыпи органических материалов, подверженных гниению (к числу которых относится древесина, даже самая прочная), способно только ослабить ее, заложить в нее своего рода «бомбу замедленного действия», которая со временем может привести к просадкам насыпи и разрушению конструкции, если таковая планировалась поверх нее. Для обеспечения заданной крутизны склонов внутренние конструкции из любых материалов не пригодны, поскольку они не способны остановить водную и ветровую эрозию

склонов. Эту задачу можно решить только двумя способами:

1) закладкой склона насыпи под углом не более 30–35 градусов (такой склон способен стабилизироваться естественным путем),

2) для получения более крутого склона необходима его искусственная обдерновка или обкладка камнем, щебнем, деревом, иным изолирующим материалом (Гольдин, Рассказов, 2001. С. 76–79).

Хотя средневековые строители крепостей не обладали суммой современных знаний, они все же имели большой практический опыт и вряд ли могли себе позволить зарывать в землю сотни кубометров дорогой и крайне трудоемкой в обработке древесины дуба (а большинство замеченных конструкций внутри валов были изготовлены именно из дуба). Обычно такие необъяснимые с точки зрения здравого смысла действия относят к числу иррациональных (ритуальных) актов, но для данного случая подобный вариант сомнителен.

Ответ на «загадку» внутривальных конструкций лежал буквально на поверхности, но потребовалось еще почти 50 лет, чтобы его найти. Прежде всего, выяснилось, что «бескаркасных» валов средневекового времени на территории Руси нет (хотя они имеются на городищах раннего железного века и на некоторых других территориях Восточной Европы)⁴. Отсутствие следов дерева в некоторых городских валах объяснялось тем, что при ряде неблагоприятных условий (например, в случае использования чернозема, повышенной аэрации грунта и др.) древесина полностью истлевала, перерабатывалась микроорганизмами без остатка и от нее могло не оставаться даже пустот. Иногда бывшее присутствие деревянных конструкций прочитывалось только по разнице в цвете грунтового заполнения соседних срубов. Постепенно стало ясно, что срубы в валах — это не «каркасы», а остатки модулей, из которых составлялась вертикальная древо-земляная стена (в древнерусском языке такие срубы назывались «городнями»). Каждая городня засыпалась грунтом, а вместе весь ряд городней и составлял мощную преграду, трудноодолимую для «пороков» (камнеметных орудий). Вероятно, именно по этой причине такие орудия не часто применялись в древнерусской военной практике.

⁴ Вопрос о действительно существовавших валах-насыпях не имеет отношения к средневековой русской фортификации и потому тут не рассматривается.

Прямой штурм стены из городней пехотой или конницей мог быть легко отражен защитниками при наличии достаточного их числа. Разумеется, чем выше и толще была такая стена, тем большей была ее надежность. Поэтому в крупных городах эту стену составляли из двух и более рядов городней, а в столичном Киеве стена была составлена из девяти таких рядов. Кроме городней, к тыльной стороне стены могли пристраиваться пустотелые клетки, которые использовались как жилища или складские помещения. На Райковецком городище, имевшем как раз такую конструкцию стены, в нескольких клетях размещались бытовые глинобитные печи (Гончаров, 1950. С. 29, рис. 12–18), то есть они явно предназначены были служить жилищами.

Первым исследователем, решившимся заявить, что валы русских городов — это не насыпи, а руины древо-земляных стен, был историк архитектуры Гурий Викторович Борисевич. Он не только обосновал инженерную бессмысленность «внутривальных конструкций» для укрепления насыпи и обеспечения крутизны склона, но и нашел объяснение, как деревянная стена с грунтовой засыпкой превращалась в вал. Это происходило в ходе разборки пришедших в ветхость старых городней или в результате уничтожившего их пожара: в обоих случаях прежде всего страдали верхние части этих деревянных конструкций, земляное заполнение которых начинало рассыпаться, тем самым прикрывая и консервируя нижние части городней (их-то и стали принимать за «внутривальные конструкции»). Этому процессу могли способствовать люди, если требовалось скорее разрушить стену или начать восстановление ее на руинах старой. К сожалению, Г. В. Борисевич изложил свои взгляды очень кратко всего в двух публикациях, посвященных изданию материалов раскопок Старой Рязани и городища Слободка (Борисевич, 1987. С. 180–182; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 96, 97), поэтому они остались практически не замеченными в археологическом сообществе.

Правда, к тому моменту, когда новая концепция была озвучена Г. В. Борисевичем, уже были опубликованы несколько крупных работ археологов Польши, Словакии и Восточной Германии, изучавших славянские городища IX–XI вв. (Schuldt, 1965. S. 205–248, 357–382; Herrmann, 1966; Hensel, 1971; Štefanovičová, 1975. Obr. 46, 47, 52, 57–59), где деревянные конструкции, обнаруженные в ходе

раскопок валов целого ряда крепостей-убежищ (Торнов, Берен-Любхин) и городов (Гнезно, Познань, Вроцлав, Гамбург), были реконструированы в виде древо-земляных стен (рис. 3). Правда, эти стены назывались авторами «валами», но не потому, что они видели в них насыпи, а по той простой причине, что это слово прочно ассоциировалось в западнославянской литературе именно с древо-земляными стенами. В отличие от них, каменные стены именовались латинским «*murus*» (стена) или терминами, восходящими к слову «град». Поэтому, применяя слово «*wal*» (вал), западнославянские (а вслед за ними и германские) коллеги вовсе не подразумевали под ним искусственную насыпь с погребенной в ней древо-земляной стеной. Эти и другие подобные зарубежные публикации были известны российским исследователям, поэтому трудно сказать, насколько автономно Г. В. Борисевич пришел к своим выводам и не эти ли издания подвигли его к пересмотру прежних воззрений.

Как бы то ни было, настоящее «открытие» древо-земляных стен произошло только в 1990-х гг. благодаря масштабным раскопкам на городищах Днепровского Левобережья, проведенным Ю. Ю. Моргуновым. Публикация материалов этих раскопок и фундаментальной монографии, посвященной древнерусской фортификации (Моргунов, 2009), позволила полностью пересмотреть устаревшие взгляды на то, как выглядели укрепления городов Руси.

Во-первых, стало ясно, что оборона этих городов строилась на использовании не валов, относительно слабых укреплений с пологими склонами, а мощных вертикальных преград — древо-земляных стен. Валы же являлись побочным результатом постоянных перестроек таких стен, при которых прежняя стена разрушалась не менее, чем на половину, а на ее валообразных руинах строилась новая. Во-вторых, пришло понимание того, что городские стены X–XV вв. не были пустотелыми — это были полноценные тяжелые, трудноодолимые для камнеметных орудий преграды с земляным заполнением, которые фактически мало чем уступали каменным стенам городов в странах Европы и Азии.

Интересно, что с азиатской фортификацией обнаружилось сходство и по последствиям разрушения стен. Сложенные из сырцовых кирпичей или пахсы (глиняного монолита) крепостные стены городов Средней Азии после разрушения также превращались в валы. В отличие от древнерусских

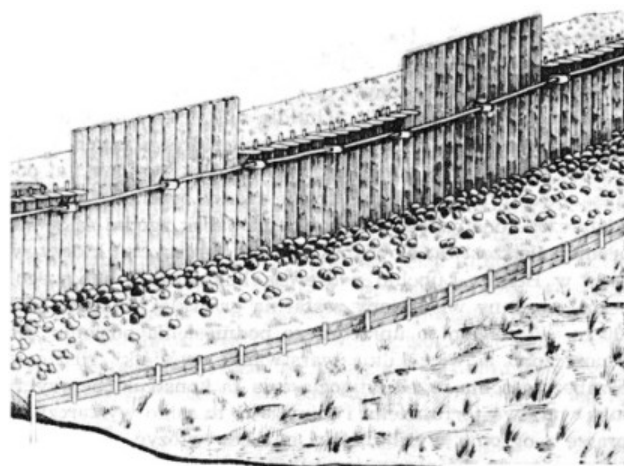

Рис. 3. Реконструкция стены славянской крепости в Берен-Любхин (Померания, Германия), по Э. Шульдт (Hensel, 1971. Рис. 24)

Fig. 3. Reconstruction of a wall of a Slavic fortress in Behren-Lübchen (Pomerania, Germany), after E. SHul'dt (Hensel, 1971. Рис. 24)

крепостных стен, у тех не было даже деревянной обшивки, поэтому под действием атмосферной влаги эти стены постепенно оплывали, у их подножия скапливались массивы осыпавшейся сверху глины, и в результате через 200–300 лет они превращались в «валы», внешне неотличимые от древнерусских (рис. 4). Однако ни один из исследователей стен среднеазиатских городов не додумался до того, чтобы назвать остатки сырцовой кладки внутри этих «валов» внутривальными конструкциями. Причина разного подхода очевидна — над учеными, изучавшими города Азии, не довлел стереотип «валов», да и древние письменные источники тут однозначно свидетельствуют только о стенах. Поэтому, приступая к раскопкам подобной земляной гряды, каждый археолог понимал, что в ней он найдет руины стены, а не что-то иное. Разумеется, это тоже стереотип, однако в данном случае — стереотип, соответствующий древним реалиям.

Итак, стены городов средневековой Руси не были пустотелыми, а значит, уже по одной только этой причине при их реконструкции недопустимо использовать в качестве образца сибирские остроги нового времени. Это главный и важнейший вывод, который следует принять всем тем, кто попытается воспроизвести внешний вид древнерусских крепостей.

Как же тогда выглядели эти стены? Прежде всего они представляли собой ряды дубовых

Рис. 4. Руины средневековых стен: 1 — из сырцового кирпича, городище Афросиаб (Самарканд); 2 — древо-земляной (г. Дмитров, Московская обл.)

Fig. 4. Ruins of mediaeval defensive walls: 1 — constructed of mudbricks, townsite of Afrosiab (Samarkand); 2 — wood-and-earth (town of Dmitrov, Moscow oblast)

срубов, рубленных «в обло» (рис. 5). В X–XI вв. эти срубы обычно не были связаны друг с другом, а промежутки между ними также засыпались землей. Но уже с XII в. строители начали соединять соседние городни перекрестной врубкой, превращая стены в единую взаимосвязанную конструкцию (Моргунов, 2009. С. 48, 49, рис. 19). Этот прием оказался столь удачным, что применялся все последующие века. В XVI–XVII вв. именно он характерен для новой разновидности стен, называвшихся «тарасами» (второй особенностью

таких стен было чередование клеток: пустотелых и заполненных грунтом). Тарасы были необходимы для размещения в полых клетях артиллерийских орудий или стрелков из ружей, тогда как заполненные грунтом клетки обеспечивали стене устойчивость, в том числе и при обстреле со стороны противника.

Размеры городней в древо-земляных стенах средневековой Руси варьировали в широких пределах, поэтому на фронтальную поверхность стены могли выходить секции размерами от 2 до

5 и более метров. В ходе периодических перестроек стен эти размеры, равно как и высота городней, также могли меняться. Хотя ни одна древняя древо-земляная стена не сохранилась полностью на всю высоту, тем не менее определить эту высоту возможно, хотя, конечно, и не с абсолютной точностью. Для этого необходимы следующие данные, получить которые можно только в ходе археологических раскопок:

1) ширина стены (исходя из количества рядов и размеров городней),

2) размеры рва перед стеной, соответствующие тому этапу строительства стены, который требуется реконструировать (поскольку ров мог углубляться и расширяться несколько раз, по мере перестройки стены),

3) характер грунта внутри городней (использовался ли в них только грунт, взятый из рва, или срезался культурный слой с площадки городища).

Если в ходе создания стены применялся только грунт, взятый из рва, то, сравнивая его объем с объемом городней (по площади сечения рва и вала в разрезе), можно, зная ширину городней, вычислить их высоту от уровня, с которого было начато их возведение. При этом минимальная высота стены, необходимая для надежного отпора врагу, должна была составлять 1 м, но поверх нее еще возвышались заборолы высотой не менее 1 м. Письменные источники позволяют определить минимальную высоту городских стен в пределах 1,5–2 м (Моргунов, 2009. С. 70, 71), хотя крупные города обладали более высокими стенами: в Киеве в XI в. их высота достигала 12 м. В среднем же высота крепостных стен в домонгольское время вряд ли превышала 3 м. Впрочем, и позже рост высоты древо-земляных стен происходил очень медленно: в Ростиславле Рязанском в конце XIII в. эти стены еще оставались высотой около 2 м (Коваль, 2015. С. 103), но уже в начале XV в. стены крепости провинциального городка Луха, судя по высоте сохранившихся валов, превышали 5 м (Костылёва, Повелихин, 2011. С. 157).

Выше рассматривался только вариант строительства городских стен из срубов-городней. Однако в конце X — XII в. в русском крепостном строительстве применялась и совершенно иная техника — так называемая «перекладная» или «крюковая» (Моргунов, 2009. С. 44, 45). Она состояла в укладке рядов бревен на расстоянии 0,2–0,5 м друг от друга торцами во фронт стены, с засыпкой пространства между ними землей.

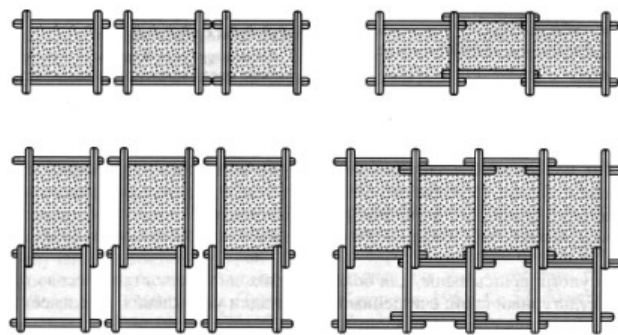

Рис. 5. Различные способы установки городней в стенах (Моргунов, 2009. Рис. 19)

Fig. 5. Different methods of mounting of *gorodnya* wood-and-earth structures in the defensive walls (Моргунов, 2009. Рис. 19)

Поверх такого «наката» перпендикулярно укладывался следующий слой бревен, но интервалы между ними были значительно больше — 2–4 м. На эти «лаги» укладывался следующий накат из плотно расположенных бревен и продолжалась засыпка грунтом. У стен, построенных в такой технике, бревна, торцы которых выходили на внешнюю сторону стены, имели направленный вверх сучок-«крюк», удерживавший перпендикулярные бревна, составлявшие внешний панцирь стены (рис. 6, 1). В получавшейся древо-земляной стене древесина составляла около половины ее объема, но, в отличие от городней, здесь применялся не столько дуб, сколько другие породы дерева, поскольку твердость древесины в этом случае не была важна — она служила только армирующим элементом (рис. 6, 2). Такая конструкция была совершенно неразборной, и ее гораздо труднее было сжечь, несмотря на обилие органики. Даже в случае выгорания части древесины, эта стена еще некоторое время сохраняла свою прочность. Внешняя сторона такой стены была вертикальной или имела очень небольшой наклон (рис. 6, 3). На Руси в перекладной технике были выстроены стены укреплений X–XII вв. — в Новгороде, Минске, Витебске, Москве, Твери, некоторых других местах, а также в «длинных стенах», построенных на рубеже X–XI вв. для защиты южных рубежей Руси от набегов степняков (так называемые «змиевы валы» Поднепровья) (Там же. С. 207–210).

Традиция возведения стен в перекладной технике была воспринята у западных соседей, и можно согласиться с мыслью Ю. Ю. Моргунова, что ее появление на Руси в конце X в. связано,

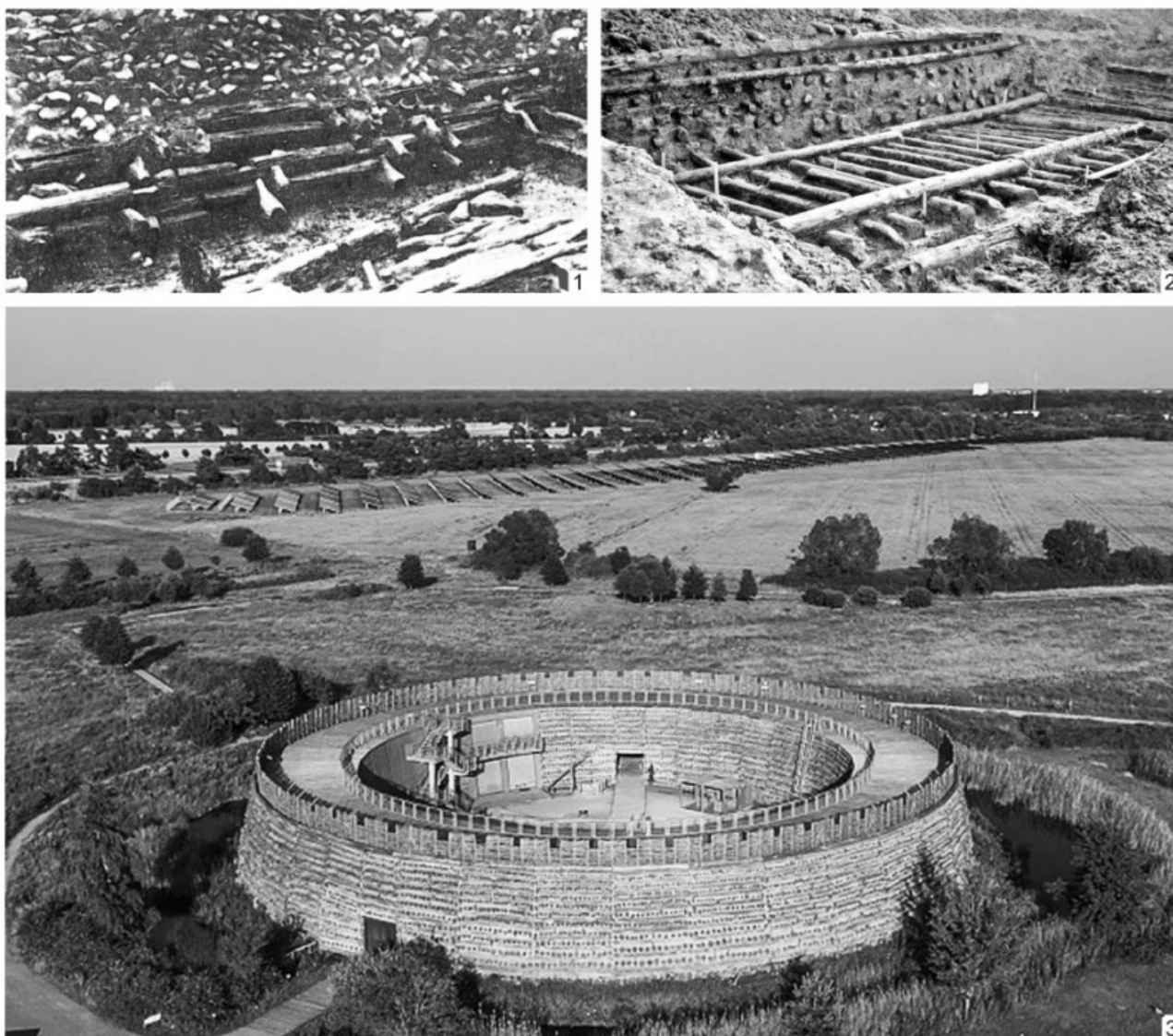

Рис. 6. Стены крюковой (хаковой) конструкции: 1 — из раскопок в Познани (Польша) (Hensel, 1971. Рис. 38); 2 — остатки стены перекладной конструкции в раскопе (Верхний замок, Витебск) (Колединский, 2012. Рис. 2); 3 — натурная реконструкция славянской крепости со стенами в перекладной технике (Раддуш, Германия)

Fig. 6. Walls with a hooked structure: 1 — from excavations in Poznan (Poland) (Hensel, 1971. Ryc. 38); 2 — remains of a wood-and-earth wall in an excavation (Upper Castle, Vitebsk) (Колединский, 2012. Рис. 2); 3 — full-sized reconstruction of a Slavic fortress with wood-and-earth walls (Raddusch, Germany)

скорее всего, с походами Владимира Святославича на Польшу, откуда могли быть приведены люди, знакомые с подобным способом строительства крепостей (Там же. С. 229). Действительно, такая техника была широко распространена в Великой Моравии, у полабских славян и в Польше (Hensel, 1971. Рис. 14, 20, 31, 34–38).

Для формирования «модели» средневековой крепости важное значение имеет также решение вопросов о наличии в ней башен и оформлении

воротных проездов. В XVII в. башни были типичным элементом фортификации, без которого не обходился ни один деревянный острог. Однако в эпоху средневековья все обстояло несколько иначе. Даже такой приверженец экстраполяций реалий нового времени на средневековую фортификацию, как П. А. Раппопорт, был вынужден признать, что в древнерусских крепостях башен практически не было. Это и неудивительно, поскольку в новое время башни были нужны, прежде всего,

для размещения огнестрельной артиллерии, которой не было еще в Древней Руси. В настоящее время имеется лишь две небольшие крепости, в отношении которых Ю. Ю. Моргунов допускал возможность существования в них немного выступавших за фронтальную линию стен сторожевых (?) башен — городища Райковецкое и Судовая Вишня (Моргунов, 2009. С. 137, 138). Однако эти исключения лишь подтверждают правило. Судя по отсутствию башен, древнерусская фортификация не была рассчитана на противодействие прямому штурму укреплений, и в этом смысле уровень ее развития еще был относительно невысок.

Особенно интересен вопрос о воротных башнях. От них П. А. Раппопорт отказаться не смог, изображая их на всех своих реконструкциях крепостей домонгольской Руси (Раппопорт, 1956. Рис. 101, 102; 1961. Рис. 139). Однако сбор всех сведений о воротных проемах в средневековых крепостях Руси показал, что реальных оснований для реконструкции таких башен нет. Ни в одном случае не зафиксирован выступ стен за их фронтальную линию в районе воротного проезда (Моргунов, 2009. С. 114–133). Вообще, таких проездов на древнерусских городищах изучено лишь несколько. К ним нельзя относить Исадские ворота Старой Рязани, поскольку там была частично зачищена лишь одна сторона проема в валу (Монгайт, 1955. С. 35–38, рис. 8–10). Поэтому реконструкция этих ворот, выполненная Г. В. Борисевичем (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 63), не вызывает доверия — она слишком подробно детализирована для столь неполноценного источника. Частично были исследованы ворота Минска, где удалось установить ширину прохода в стене (3 м) и выявить конструкцию необычных узких городней, фланкировавших этот проход (Заяц, 1996. С. 38–43, рис. 17, 18) (рис. 7). Возможно, эти узкие городни являлись опорами башни, перекрывавшей проход, но размеры ее неясны, и нельзя исключать того, что это перекрытие не было очень большим.

На двух южнорусских городищах (Сампсониев Остров и Снепород) воротный проем был оформлен простым разрывом в ряду городней или заходившими друг за друга концами стен (Моргунов, 2009. Рис. 61, 66, 67), лишь отдаленно напомилавших позднейшие захабы (рис. 8). Таким образом, воротные проезды в городах средневековой Руси оформлялись монументальными башнями лишь в редких, исключительных случаях (к числу этих случаев надо относить Золотые ворота

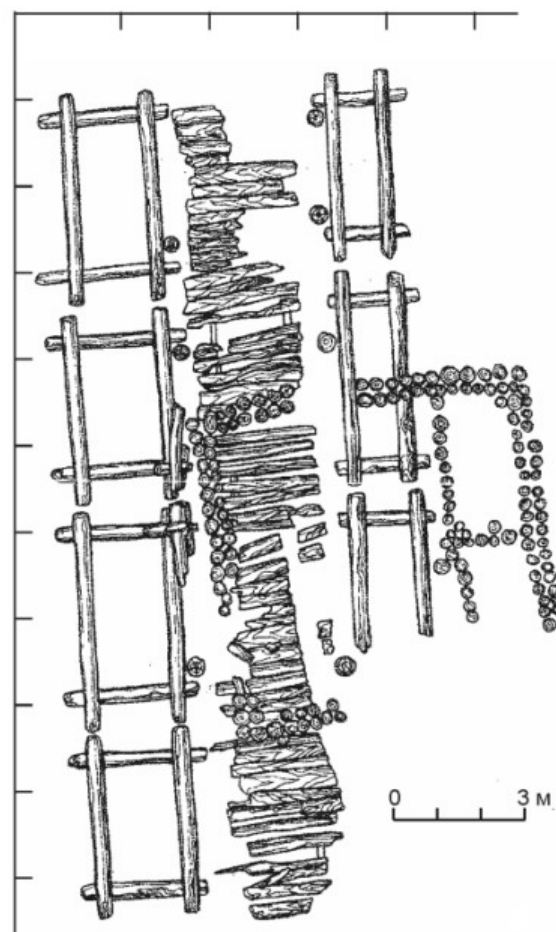

Рис. 7. Чертеж воротного прохода в стене Минска (Заяц, 1996. Рис. 18)

Fig. 7. Drawing of the gate entrance in the wall of Minsk (Заяц, 1996. Рис. 18)

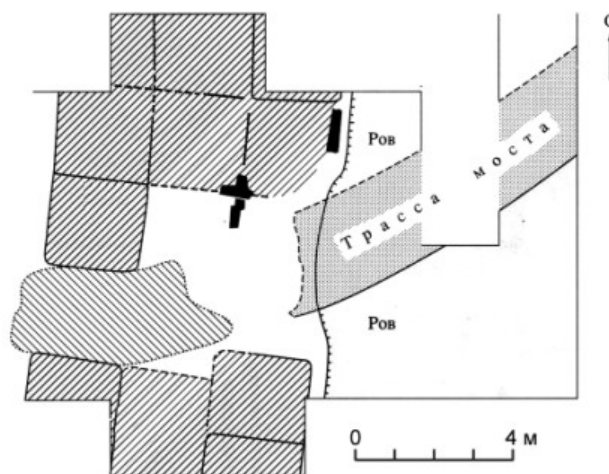

Рис. 8. Воротный проход в крепости Сампсониев Остров (Моргунов, 2009. Рис. 67)

Fig. 8. Gate entrance at the fortress of Sampsoniyev Ostrov (Моргунов, 2009. Рис. 67)

в Киеве и Владимире). В лучшем случае эти ворота имели перекрытие сверху. Примерно так же реконструируют ворота в славянских городищах IX–XI вв. германские археологи (*Biermann*, 2015. Abb. 17; *von Müller, von Müller-Mučić*, 1983. Abb. 44). И с их подходом трудно не согласиться.

Получается, что при реконструкции стен древнерусских городов, если строго следовать археологическим реалиям, необходимо демонстрировать довольно унылую картину однообразной стены из длинного ряда примерно одинаковых срубов, который не оживляется никакими башнями. Даже воротный проем в такой стене представлял собой просто разрыв в ряду городней, иногда слегка сдвинутый внутрь города и перекрытый небольшой галереей.

Ставя перед собой задачу реконструировать внешний вид и инженерное решение той или иной фортификации, проектирующий архитектор должен, прежде всего, определить, насколько продолжительна история существования оборонительного сооружения, для которого создается реконструкция, сколько и каких этапов перестройки она включает, и, наконец, главное — фортификацию какого этапа он реконструирует. Потому что невозможно (или чрезвычайно сложно, подобных примеров мировая практика не знает) в одном проекте соединить все эти этапы. Для русских древо-земляных крепостей домонгольского или раннезолотоордынского времени, как показано выше, стены городов создавались из заполненных грунтом городней и не имели башен. Если же делается попытка восстановить крепость XVII в., то такое сооружение имело уже гораздо более выразительный вид. Но в этом случае не следует выдавать формы сооружений Нового времени за древние, домонгольские.

Для обывателя (администратора, туриста) сложная архитектура крепостей XVII в., разумеется, более привлекательна, чем внешне примитивные стены города XII в. Поэтому возникает опасность массового тиражирования именно этих поздних образцов оборонного зодчества. Собственно, так сейчас и происходит в России. Даже там, где укреплений XVII в. вообще никогда

не было (г. Болгар, Татарстан) при «реконструкции» фортификации XIV в. сооружаются башни, копирующие постройки XVII в. Такая тенденция может завести очень далеко.

Здесь в самый раз вернуться к мыслям, высказанным в начале этой статьи. Движение за «восстановление» древних деревянных (и не только) построек в натуре следует всячески поддерживать, но это движение желательно направлять таким образом, чтобы оно не прикасалось даже в слабой степени к объектам культурного наследия, требующим сохранения и находящимся на государственной охране. «Модели» крепостей, жилых домов, дворцов и каких угодно других реконструируемых построек должны размещаться в специально отведенных для этого местах, не обладающих признаками объектов культурного наследия. Здесь их можно строить, разбирать, перестраивать, даже сжигать (если это нужно для задач исторической реконструкции), восстанавливать заново и т. п.

Хотелось бы также подчеркнуть, что при всем уважении к знаниям и опыту архитекторов, берущихся за разработку проектов реконструкции древних фортификационных сооружений, их работа может иметь научную и общественную ценность лишь в том случае, если она предварялась археологическими раскопками. Только выявленные при археологическом изучении валов и рвов факты могут быть достаточным основанием для проектных решений, если они претендуют на научность, на соответствие древним реалиям, а не одним только «общим представлениям». В последнем случае мы получаем «типовой проект», оторванный от той реальности, которая имела место в прошлом. В то же время, такая работа накладывает особую ответственность на археологов, проводящих исследование оборонительных сооружений. Раскопки, проведенные на методическом уровне полувековой давности, не способны выявить те следы, которые сохранились в земле валов, и могут привести только к бесполезному повреждению уникальных подлинных памятников. Методические наработки в этой области уже имеются (*Моргунов*, 2019), дело за их реальным применением.

Аношко, Клименко, 2019 — *Аношко О. М., Клименко А. И.* Тобольский посадский острог XVII в. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2019. № 3 (27). С. 7–19.

Артемьев, 1999 — *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII в. Владивосток: Приморский полиграфический комбинат, 1999. 335 с.

- Белов и др.*, 1980 — *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Ч. 1. Л.: Гидрометеоздат, 1980. 164 с.
- Борисевич*, 1987 — *Борисевич Г. В.* Сооружения городища Слободка // *Никольская Т. Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. М.: Наука, 1987. С. 180–183.
- Бородовский, Горохов*, 2009 — *Бородовский А. П., Горохов С. В.* Умревинский острог. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 244 с.
- Гольдин, Рассказов*, 2001 — *Гольдин А. Л., Рассказов Л. Н.* Проектирование грунтовых плотин. М.: Изд-во Ассоциации Строительных Вузов, 2001. 375 с.
- Гончаров*, 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1950. 217 с.
- Даркевич, Борисевич*, 1995 — *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. 225 с.
- Заяц*, 1996 — *Заяц Ю. А.* Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. Минск: Издатель В. Н. Милютин, 1996. 79 с.
- Кирпичников*, 1958 — *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия древней Руси: из истории средневекового оружия XI–XV вв. // А. Н. Кирпичников, Н. Н. Воронин, В. В. Косточкин, И. Н. Хлопин. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М.: Наука, 1958 (МИА; № 77). С. 7–51.
- Коваль*, 2015 — *Коваль В. Ю.* Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. 2015. № 1. С. 73–87.
- Коваль*, 2019 — *Коваль В. Ю.* Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019. Т. 2. С. 307–324.
- Колединский*, 2012 — *Колединский Л. В.* Виталитивная культура Витебска в конце XIII — середине XIV в. (по материалам раскопок Верхнего замка) // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: мат-лы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск: Беларус. навука, 2012. С. 437–455.
- Костылёва, Повелихин*, 2011 — *Костылёва Е. Л., Повелихин А. В.* Охранные исследования оборонительных валов XIV–XVI вв. в п. Лух Ивановской области // АО 2008 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 157.
- Крадин*, 1988 — *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 190 с.
- Ласковский*, 1858 — *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1858. Ч. 1. 321 с.
- Молодин, Добжанский*, 1978 — *Молодин В. И., Добжанский В. Н.* Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 191–202.
- Монгайт*, 1947 — *Монгайт А. Л.* Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XVII. 1947. С. 28–37.
- Монгайт*, 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.: Наука, 1955 (МИА; № 49). Т. IV. 228 с.
- Моргунов*, 2009 — *Моргунов Ю. Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.
- Моргунов*, 2019 — *Моргунов Ю. Ю.* К методике изучения валов древнерусских городищ. М.: ИА РАН, 2019 (Методика полевых археологических исследований; Вып. 10). 31 с.
- Никитин*, 1961 — *Никитин А. В.* Братский острог // СА. 1961. № 2. С. 213–226.
- Полонская*, 1911 — *Полонская Н. Д.* Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909–10 г. в м. Белгородке // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М.: б. и., 1911. 258 с.
- Раппопорт*, 1956 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л.: Наука, 1956 (МИА; № 52). Т. V. 184 с.
- Раппопорт*, 1961 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.: Наука, 1961 (МИА; № 105). 246 с.
- Строительство...*, 2013 — *Строительство автомобильных дорог* / Ред. В. В. Ушаков, В. М. Ольховикова. М.: КНОРУС, 2013. 576 с.
- Султанов*, 1907 — *Султанов Н. В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1907 (ИАК; Вып. 24). 154 с.
- Чёрная*, 2002 — *Чёрная М. П.* Томский кремль середины XVII — XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
- Biermann*, 2015 — *Biermann F.* Wehrelemente slawischer Burgen im frühen und hohen Mittelalter // J. Zeune (Hrsg.). «Dem Feind zum Trutz». Wehrelemente an mittelalterlichen Burgen. Kolloquium Goslar 2013. Veröffentlichungen der Deutschen Burgenvereinigungen. Braubach, 2015. S. 51–68.

- Hensel*, 1971 — *Hensel W.* Archeologia I prahistoria: Studia I szkice. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1971. 619 s.
- Herrmann*, 1966 — *Herrmann J.* Tornow und Vorberg: Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1966. Bd. 21. S. 53–78.
- von Müller*, *von Müller-Mučí*, 1983 — *von Müller A.*, *von Müller-Mučí K.* Die Ausgrabungen auf dem Burgwall in Berlin Spandau. Teil 1. Berlin: Verlag Volker Spiess, 1983 (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 3). 173 s.
- Schuldt*, 1965 — *Schuldt E.* Behren-Lübchin, Eine spät-slawische Burgranlage in Mecklenburg. Berlin: Akademie Verlag, 1965. 157 s.
- Štefanovičová*, 1975 — *Štefanovičová T.* Bratislavský hrad v 9–12 storočí. Bratislava: Obzor, 1975. 154 s.

The problems of reconstruction of the mediaeval Russian wooden fortifications

V. Yu. Koval'

At present, the increasing interest in the past of Russia has launched a public bid for reconstructions of defensive installations which protected towns of mediaeval Rus'. However, in the attempts to produce life reconstructions of such a kind, the designing architects often use the documented examples of wooden fortifications of the 17th century or earthen ramparts of the 18th–19th century (redoubts, schanzen), taking no consideration of the fact that these were constructed in the period of dominating firearms still lacking in the Middle Ages. The application of present-day methods has allowed the researchers to establish that the so-called 'ramparts' (relief earthen banks encircling Russian towns) are no mounds but represent the ruins of wooden walls with their inner space filled with earth. Two types of such walls were employed: *srebs* (rectangular log frames) and latticeworks constructed of layers of earth and logs. In both cases, an upright barrier (wall) was raised. However, these walls quickly decayed or were burned so that in the course of their ruination the earth collapsed with formation of a bank ('rampart'). With the further renovation of these walls, the 'banks' became ever higher.

Investigations of the remains of fortresses of western Slavs in Germany, Poland, Slovakia, and Hungary demonstrated an analogous situation. Unfortunately, in Russia this archaeological fact still has not been recognized by the majority of the colleagues nor it is known to the community of architects fulfilling the projects of 'restoration' of mediaeval fortresses. The conviction has been expressed that similar 'restorations' should not be carried out in the areas of early towns since they disturb the authentic remains of old structures warranting no identity with the latter. It is much more proper to place them beyond the limits of archaeological sites.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Научная литература «на грани коронакризиса»: анонс новейших польских публикаций по археологии средневековья

А. Е. Мусин²

Ключевые слова: археология средневековья, он-лайн публикации, междисциплинарные исследования, визуальный поворот, городища, архитектура, материальная культура, погребальный обряд, археология пограничья, христианизация.

Keywords: archaeology of the Middle Ages, on-line publications, interdisciplinary studies, visual turn, fortified settlements, architecture, material culture, burial customs, archaeology of borderland, Christianization.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-277-283

Казалось, 2020 г. должен был быть страшен для научной литературы. Но, подводя его итоги, стоит сказать, что литература, как истинная дама, не скатилась по «граням нервного срыва», а с честью пережила кризис человеческого общения, вызванный вирусом и его последствиями. Быть может, это заложено в самой природе книги как написанного слова — быть посредником человеческого общения при сохранении социальной дистанции.

Неслучайно в главных национальных книгохранилищах древнюю книгу можно взять лишь в перчатках. Другой образ общения с книгой — обязательный временной разрыв между ее написанием, опубликованием и прочтением — сродни оберегающей «маске», в большинстве случаев предполагающий предварительное знакомство с содержанием, опережающее персональный контакт с автором. Таким образом, книга оказалась гениальным и провидческим изобретением человечества, подготовившим его к интеллектуальному существованию в эпоху COVID-19. Прав был Анатолий Николаевич Кирпичников, покинувший нас в этом коронавирусном году, но оставивший нам свои книги: «Слава проходит, написанное — никогда!». Я всегда знал, что учитель имел в виду «напечатанное»...

Пандемия и вызванная этим изоляция исследователей имели для книгопечатания четыре взаимосвязанных последствия. Во-первых, сидя дома, люди стали больше думать и писать. Стоит ожидать взрывообразного появления новых книг и статей вскоре после окончания этого вынужденного домашнего затворничества. Во-вторых, уже подготовленные к печати книги «застряли» в типографиях, закрытых во время «локдауна», или на пути к ним. Это определенно задержало появление печатных версий новых книг и их публичные презентации. Часто книги с годом издания 2019 фактически появлялись только в конце 2020. Однако эта задержка создала ситуацию «в-третьих». У авторов и редакторов появилась дополнительная возможность перечитать, исправить и дополнить, пусть и незначительно, уже созданное. Это «в-третьих» способствовало улучшению качества научной работы. Однако это новое качество было бы невозможно без «в-четвертых». Научное сообщество не ослабило своих тесных связей, лишь перенес их из очного формата в виртуальный. Трафик идей, споров и ПДФ создал беспрецедентную сеть обмена информацией и концентрацию мысли, сомкнувшись с первым последствием пандемии.

Академический мир убедился в том, во что не хотел долго верить: электронная книга, виртуальная публикация — не просто случайное детище

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

эпохи Интернета. Это будущее любой науки, к которому надо не только быть готовым, но и готовиться. Осмелюсь утверждать, что это случится к радости не только государственных казначейств, которые сэкономят на печати малопонятных для них книг, главбухов академических институтов, избавленных от избыточной финансовой отчетности, и разнообразных экологических движений, чья борьба против вырубки лесов и загрязнения окружающей среды отчасти увенчается успехом. Это окажется полезным самим исследователям и науке, которой они служат.

Не будет преувеличением сказать, что польская археология средневековья оказалась готовой к этой ситуации лучше других. Естественное желание поддержать книгу в руках сегодня сочетается со свободой доступа к ней в системах Open Access. Пока не все издатели и редакторы готовы принять эту ситуацию. Но академическое сообщество предчувствовало ее заранее. Еще в 2010–2014 гг. в Польше, при участии Европейского Союза — Европейского фонда регионального развития (ERDF), был запущен проект «Цифровой архив научных институтов» (RCIN; Digital Repository of Scientific Institutes / Repozytorium Cyfrowe Instytutów Naukowych), который в 2018–2021 гг. вышел на новый этап — «Открытые ресурсы Цифрового архива научных институтов» (OZwRCIN; Open Resources in the Digital Repository of Scientific Institutes / Otwarte Zasoby w Repozytorium Cyfrowym Instytutów Naukowych). Сегодня по ссылке <https://rcin.org.pl/dlibra> любой (ну почти, так как часть материалов доступна только с IP-адресов специализированных библиотек) желающий может получить доступ более чем к 163 500 цифровых и оцифрованных изданий (или их содержанию). Удобно, полезно? Несомненно! Особенно, когда библиотеки по-настоящему закрыты в заботе о человеческих жизнях и здоровье.

В силу разных причин в виртуальном архиве нельзя найти всего, а его сегодняшний формат не всегда удобен для работы. Но у этого постоянно совершенствуемого формата — будущее. Когда-то Виктор Гюго, сетуя на прогресс и имея в виду утрату коммуникативного значения романской и готической храмовой скульптуры, написал, что книга убила здание. Сегодня «цифра» дает книге новую жизнь. Унифицированная база данных и библиотека с дружественным интерфейсом должны повсеместно прийти на смену обычаям

провинциальной ярмарки выставлять товар в собственной интернет-лавке.

Процесс написания новых книг и их издания в разных форматах в Польше эпохи пандемии не прекращался. Пальму первенства здесь удержал Институт археологии и этнологии Польской академии наук (ИАЭ ПАН). Эта «пальма» — не просто стремление доказать свою полезность обществу в условиях, когда государство судорожно придумывает, чтобы такое сделать с ПАН как с детищем коммунистической эпохи. Научное лидерство института в области публикаций связано с серьезностью их подготовки, отбора и рекомендации к печати. Совершенно невозможно «договориться» с директором и ученым секретарем о согласии на печать задним числом, ссылаясь на необходимость «отчета по проекту» или закрытия плановой темы. Никаких кулуарных обсуждений в своем кругу, в своих отделах. Для этого существует Издательская комиссия, независимая (или почти) от администрации. Существует жесткая процедура получения внешних рецензий, составители которых не могут быть рекомендованы авторами книг на основе комплиментарности. Конфликты интересов, иногда неизбежные, разрешаются дискуссией в самой комиссии. Автор получает рецензии и отнюдь не анонимные: каждый должен нести ответственность за свои слова. Эти рецензии — не отписки. Отписки оцениваются соответственно. Задачей комиссии является максимально улучшить книгу в процессе профессионального обсуждения, избежать ошибок или некомпетентности в смежных областях. Эта миссия выполнима. Обиды случаются, но переживаются серьезной работой авторов над ошибками, которые, увы, неизбежны при серьезных научных трудах. Описанная процедура в определенной степени касается и периодических изданий.

Лично для меня событием «коронного года» стало появление коллективной междисциплинарной монографии под редакцией Анджея Буко об исследованиях резиденции середины XIII в. князя Даниила Галицкого на Соборной горе в Хелме — древнерусском Холме в 2010–2018 гг. (Буко, 2019а; ср.: Буко, 2009. С. 170–185). Этот памятник в 1910–1912 гг. раскапывал от имени Императорской археологической комиссии П. П. Покрышкин. Надо сказать, что коллективность, междисциплинарность и монографичность — вообще стиль современной польской археологии. В данном случае важно отметить продуктивное сотрудничество

польских археологов с украинскими коллегами из Львова, хотя тема Холма/Хелма и короля/князя Даниила не относится к простым сюжетам польско-украинского общего прошлого. В книге — история исследований и анализ летописных свидетельств (Д. Домбровский), характеристика палеорельефа (Р. Добровольский), стратиграфия архитектурных остатков и их характеристика (Т. Дзеньковский, В. Петрык, С. Голуб, М. Бевз, А. Буковская, Ю. Лукомский, Т. Родзиньска-Хоранжы), материальная культура, оружие, нумизматика, керамика, палеозоология (Б. Худзиньская, М. Волошин, А. Паниц, Б. Пашкевич, М. Аух, А. Ласота-Москалевская, К. Немчак, У. Ивашык, В. Воутерс и др.). Холм короля Даниила — как Петербург царя Петра: вознесся горделиво на почти пустом месте. Но его ждал медленный упадок после пожара 1256 г. и смерти самого творца. Отдельны находкам, как, например, фрагментам уникальной византийской иконки из стеатита с изображением двенадцати праздников, будут посвящены специальные исследования (см., например: *Vuko et al.*, 2021).

Вообще, города, городища и замки оказываются излюбленной темой польской археологии. Коллективная монография, посвященная современным методам исследования раннесредневековых городищ, изданная отделом ИАЭ ПАН во Вроцлаве (*Współczesne metody...*, 2019), предвещает фундаментальную энциклопедию этого типа памятников в Западно-Поморском, Куявско-Поморском, Любуском, Нижнее-Шленском и Малопольском воеводствах (*Wczesnośredniowieczne grodziska...*, 2019). Шесть томов — это только первый печатный результат большого проекта, частично доступного в Сети ([Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://atlasgrodzisk.pl/>).

Продолжают выходить тома, посвященные раннегородским центрам Польши в серии «*Origines Polonorum*», начатой еще в 1999–2004 гг. в рамках проекта Комитета научных исследований «Польские земли на рубеже тысячелетий». К ранее изданным Люблину (2006), Колобжегу (2007), Перемышлю (2010), Щецину (2011), Плоцку (2011), Волину (2013, 2014), Мендзыречу (2015), Вислице, Черску (2016) и Острову Ледницкому (2016) недавно добавились Завихост, Санток и Гнезно (*Tabaczyński et al.*, 2018; *Zamelska-Monczak*, 2019).

Традиционно основу изданий составляет обзор палеорельефа, письменных источников,

топонимики и системы расселения, романской и предроманской архитектуры, а окончание презентует 3D-реконструкции объектов. Подробное исследование церковного комплекса на Горе Леа в Гнезно позволило выявить не только мастерскую по производству напольных поливных керамических плиток конца XII в., но и существующую рядом с ней (при ней?) стеклоделательную мастерскую и следы производства ювелирных изделий из золота. Такой «синкретизм» позволяет заново поставить вопрос о социальной организации и нерасчлененности средневекового ремесла в Центрально-Восточной Европе.

С изданием капитальных трудов «*Origines Polonorum*» исследование вошедших в серию городов не прекратилось. Так, вышло два тома, посвященных археологическому слою и материальной культуре Волина (*Rębkowski*, 2019). Продолжается изучение близлежащих укрепленных городищ, такого как Любин (*Rębkowski*, 2018). Несколько монографий посвящены укрепленным поселениям на главных торговых путях. Интересные материалы — польские, западноевропейские, древнерусские и византийские — найдены на городище Пиотровка около Радома, жители которой сумели сохранить жизнь и статус поселения на протяжении всей эпохи Пястов X–XIV вв. Книга уже появилась он-лайн (*Trzeciński*, 2020)². Столь же интересны новые материалы из стоящего на р. Нарев Насельска, откуда происходят как арабские дирхемы, так и таможенные пломбы Пястов (*Błoński*, 2018). Опубликованы материалы конференции, посвященной изучению, сохранению и ревитализации средневековых городищ, расположенных сегодня вдали от цивилизации (*Wołoszyn, Florkiewicz*, 2019; ср.: [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.archeologia.ur.edu.pl/wp-content/uploads/2019/08/AAR_13_pdf.pdf).

Тема пограничий как средневековых, так и современных является одной из приоритетных в польской археологии. Укрепленное поселение Сураж, существовавшее с XIII в. на Подляшье в зоне тесных контактов Польши, Литвы и Руси, стало предметом археологических исследований и специальной монографии (*Krasnodębski, Olczak*, 2020), которую уже можно посмотреть

² <https://rcin.org.pl/dlibra/publication/188315/edition/154109/grodzisko-piotrowka-w-radomiu-w-swietle-badan-archeologicznych-2010-2013-czesc-i-stratygrafia-i-chronologia-trzeciński-maciej-auch-michal-stanczuk-katarzyna?language=pl>

в цифровом архиве ([Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://www.rcin.org.pl/dlibra/publication/186902#structure>).

Вообще же изучение восточных границ средневековой Польши заметно активизировалось. Пример тому — труд коллектива авторов разных научных специальностей, посвященный системе расселения в районе мазовецко-древнерусской границы междуречья р. Нарев и Буг в контексте смены веры и переживания погребальных традиций (Вуко, 2019b). В основу проекта были положены исследования микрорегионов и динамика их природного и культурного ландшафта. Естественно, вновь встал вопрос о происхождении могил с каменными обкладками, который в несколько позитивистском ключе решается за счет заимствований или влияний с востока. Физико-антропологические исследования не обошлись без анализов ДНК, результаты которых не всегда способны прояснить историко-археологическую картину.

Интересный археолого-географический проект был посвящен исторической Хелминской земле в Куявско-Поморском и Варминско-Мазурском воеводствах. Лазерное сканирование рельефа, сочетание исторической топографии и картографии с данными аэрофотосъемки и археологии позволили создать насыщенную картину страны орденских замков (Wiewióra, 2020. Т. 1–2; ср.: [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://www.igipz.pan.pl/skaning-aktualnosc/items/zamki-krzyzackie-2017.html>). Исторические земли Куявии, христианизация местного населения и его культуры также стали предметом монографического исследования (Danielewski, 2019), как и процессы развития организации Костела в этом и соседних регионах (Dobosz, 2019).

Польша, пожалуй, единственная страна, где продолжают серьезно изучать славянское язычество. Быть может, потому, что местная археология предоставляет для этого достаточные и достоверные материалы. Помимо многочисленных статей в научной периодике, можно упомянуть ряд монографий, часть которых связана с Поморьем и скандинавской религией (Kajkowski, 2019; Gardela, 2019; Szczepanik, 2020).

Погребальный обряд также продолжает привлекать внимание исследователей. Можно назвать как публикации некрополей раннего средневековья, например, могильника Цепле эпохи ранних Пястов со следами скандинавского влияния

(Wadył, 2019) или Декановице рядом с Островом Ледницким (Wrzesiński, 2018), так и капитальный труд, построенный на стыке текста, архитектуры и археологии и впервые представивший аналитический каталог погребений польского и литовского католического епископата XVI–XVIII вв. Речи Посполитой Обоих Народов (Prokop, 2020).

Происхождение и распространение ингумации в разных культурных традициях всего света и ее победа стали предметом исследования и объяснения Пшемислава Урбанчика (Urbańczyk, 2020). Неожиданно созвучна этой теме оказалась публикация, посвященная археологическим методам в современной судебной медицине и криминалистике (Godzień, 2017).

Все эти издания можно отнести как к произведениям университетской, так и академической науки. Наука музейная вносит сегодня свой существенный вклад в археологию средневековья. Обычно побудительным мотивом для ее изданий являются выставки, позволяющие создать и опубликовать каталоги. Таков новый взгляд на присутствие викингов в Польше, подкрепленный археологической панорамой из Щецина и Острова Ледницкого (Bogacki et al., 2019), а также материалы средневекового Плеснеска, долго пролежавшие в музейных фондах Кракова (Liwoch, 2018). Материалы Острова Ледницкого, будь то оружие или крестильные купели, также традиционно являются предметом музейного показа и изучения (Sankiewicz, Wyrwa, 2018; Górecki, 2019).

Было бы несправедливо не упомянуть издание сборника материалов конференции, посвященной юбилею уникальной находки 1962 г. — почти полному набору средневековых шахмат из раскопок Сандомира (Stempin, 2018). Новые находки и интерпретации шахматной (и не только) игры на востоке и западе Европы в Средние века составили основное содержание статей, хотя не все достижения последнего времени — например, комплект фигур из Новгорода, найденный недавно в слоях XIV в., — оказались охвачены этим интересным сборником. Будем надеяться, что в скором времени нам удастся подержать в руках солидный каталог европейских находок шахматных фигур, подготовленный к печати археологом Люком Буржуа, профессором университета г. Кан в Нижней Нормандии.

Ложная скромность не заставит автора анонса умолчать о двух томах, ставших итогом большого коллективного проекта Национального

центра науки Польши, в котором ИИМК РАН и его сотрудники приняли самое разнообразное и деятельное участие (*Musin, Wołoszyn, 2019; Florkiewicz et al., 2020*). Исследование с претенциозным названием «Сфинкс славянской сфрагистики» — так Кароль Болсуновский назвал дрогичинские пломбы — было посвящено анализу и публикации 1085 пломб, собранных Марчиным Пиотровским и его коллегами во время разведок в Чермно на Любельщизне, надежно отождествимого с упоминаемым в древнерусских летописях городом Червень. Однако было бы непростительно не поместить их в широкий культурно-географический контекст, опубликовав рядом находки из Новгорода, Старой Ладogi, Курска и других городов и весей. В результате стало ясно, что изучаемые пломбы уже с трудом вмещаются в эпонимное название «дрогичинские». Появившись в конце XI в., они стали характерны не только для фискальной системы Рюриковичей, просуществовав в разных модификациях до конца XV в. Фундаментальный географический каталог находок пломб с их краткой характеристикой, составленный Петром Гайдуковым, вбирает в себя более 900 позиций и учитывает более 35 000 находок. На этом характеристику издания, в котором я непосредственно принимал участие, считаю этичным прекратить.

Эти два последних тома, появившиеся с некоторым опозданием, с ярким иллюстративным

рядом, повествующем о символике собственности и власти в средневековой Европе, неожиданно перекликаются с еще одной новой польской работой, к средним векам отношения как будто не имеющей. Книга Малогжаты Маркевич из отдела ИАЕ ПАН во Вроцлаве посвящена расписной гальштатской керамике (*Markiewicz, 2020*). Главное слово здесь не «керамика», а «расписная». Мир образов становится новым источником понимания прошлого, что соответствует «визуальному повороту» в современной археологии, преобладающему ее иллюстративность, столь соблазнительную для историков и социологов. Гордон Чайльд некогда сказал: «Археология — одна!», имея в виду принципиальное единство ее методов в изучении различных эпох и культур. Очевидно, археология средневековья тоже может ждать своего «визуального поворота», который пока лишь в незначительной степени дает себя знать в построении 3D-реконструкций.

Таков сегодняшний анонс новой польской литературы по археологии средневековья. Если нам удалось заинтересовать читателя, то «Археологические вести» постараются удовлетворить его любопытство уже в ближайших номерах³.

³ Сердечно благодарю за помощь в работе с библиографией Барбару Худзиньскую, научного сотрудника Института археологии Ягеллонского университета в Кракове.

Буко, 2009 — Буко А. Проблемы археологии и истории средневековых Холма и Столпье в свете новых исследований // Записки ИИМК. СПб.: ИИМК РАН, 2009. Вып. 4. С. 170–185.

Błoński, 2018 — Błoński M. Nasielsk we wczesnym średniowieczu. Warszawa: IAE PAN, 2018. 350 s.

Bogacki et al., 2019 — Bogacki M., Janowski A., Kaczmarek Ł. Wikingowie w Polsce? Zabytki skandynawskie z ziem polskich. Gniezno-Szczecin: Muzeum Początków Państwa Polskiego, 2019 (Collectio Catalogorum Gnesnensium; Vol. 1). 400 s.

Buko, 2019a — Buko A. (red.). Średniowieczny zespół rezydencjonalny na Górze Katedralnej w Chełmie. Warszawa: IAE PAN, 2019. 464 s.

Buko, 2019b — Buko A. (red.). Początki chrześcijaństwa na pograniczu mazowiecko-ruskim. Warszawa: IAE PAN, 2019. 388 s.

Buko et al., 2021 — Buko A., Dzieńkowski T., Gołub S., Kruk M. P., Michalik M., Musin A., Rafalska-Łasocha A.,

Wołoszyn M. Fragments of a steatite icon with the Great Feasts cycle excavated in Chełm (eastern Poland) // *Byzantinische Zeitschrift*. 2021. Vol. 114 (1). (In print). DOI 10.1515/bz-2021-0003.

Danielewski, 2019 — Danielewski M. Cuiavia Christiana. U progu chrześcijaństwa i Kościoła na Kujawach w X–XII wieku. Poznań: UAM, 2019. 304 s.

Dobosz, 2019 — Dobosz J. Ecclesia, monasteria, privilegia... *Studia z dziejów Kościoła w średniowiecznej Polsce* / Red. M. Matla. M. Danielewski, M. Biniaś-Szkopek, R. Tomczak. Poznań: Instytut Historii UAM. 402 s.

Florkiewicz et al., 2020 — Florkiewicz I., Jusupović A., Musin A. et al. The Sphinx of Slavic sigillography — small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno. Material evidence = Sfinks słowiańskiej sfragistyki — plomby “typu drohicyńskiego” z Czermna. Podstawy źródłowe. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Saint Petersburg; Warszawa: Leibniz-Institut für Geschichte

- und Kultur des östlichen Europa [GWZO] / Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk / Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego / Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2020 (with annexes prepared by the Authors and T. Dzieńkowski, M. Wołoszyn, S. Toropov, A. Lozhkina, A. Garbacz-Klempka, E. Pańczyk, M. Perek-Nowak, J. Dudek) (U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej = Frühzeit Ostmitteleuropas; Vol. 6, part 2). 626 p.
- Gardela*, 2019 — *Gardela L.* Magia, kobiety i śmierć w świecie Wikingów. Szczecin: Triglav, 2019. 256 s.
- Godzień*, 2017 — *Godzień A.* Archeologia sądowa. Zarys problematyki. Rzeszów: Zimowit, 2017. 316 s.
- Górecki*, 2019 — *Górecki J.* (red.). U źródeł chrześcijaństwa w Polsce: baseny chrzcielne z Ostrowa Lednickiego. Katalog wystawy. Lednica: Muzeum Pierwszych Piastów, 2019. 95 s.
- Kajkowski*, 2019 — *Kajkowski K.* Obrzędowość religijna Pomorzan we wczesnym średniowieczu: studium archeologiczne. Wrocław: Chronicon, 2019. 494 s.
- Krasnodębski, Olczak*, 2020 — *Krasnodębski D., Olczak H.* (red.). Suraz — średniowieczny gród na pograniczu mazowiecko-rusko-litewskim Warszawa: IAE PAN, 2020. 551 s.
- Liwoch*, 2018 — *Liwoch R.* Zabytki z wykopalisk Teodora Nieczuja-Ziemieckiego w latopisowym Pleśniku (Podhorce na Ukrainie) = Artefacts from excavations by Teodor Nieczuja-Ziemiecki in mediaeval Plisnes'k (Pidgirci in Ukraine). Kraków: Muzeum Archeologiczne, 2018 (Biblioteka Muzeum Archeologicznego w Krakowie; T. 7). 168 s.
- Markiewicz*, 2020 — *Markiewicz M.* Przedstawienia obrazowe jako wizualne formy przekazu w studiach archeologicznych. Przykład halsztackiej ceramiki malowanej z Domasławia. Wrocław: IAE PAN, 2020. 235 s.
- Musin, Wołoszyn*, 2019 — *Musin A., Wołoszyn M.* (eds.). The Sphinx of Slavic sigillography: small lead seals of "Drohiczyn type" from Czermnno in their East European context = Sfinks słowiańskiej sfragistyki: plomby "typu drohicyńskiego" z Czermnna w kontekście wschodnioeuropejskim. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Saint Petersburg; Warszawa: Leibniz-Institut für Geschichte und Kultur des östlichen Europa [GWZO] / Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk / Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego / Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2019 (U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej = Frühzeit Ostmitteleuropas; Vol. 6, part 1). 1128 p.
- Prokop*, 2020 — *Prokop K. R.* Nekropolie biskupie w nowożytniej Rzeczypospolitej (XVI–XVIII w.). Prawodawstwo. Lokalizacja pochówków. Formy komemoracji. Warszawa: IAE PAN, 2020. 298 s.
- Rębkowski*, 2018 — *Rębkowski M.* (ed.). Lubin: Early Medieval stronghold at the mouth of the Oder river. Szczecin: IAE PAN, 2018. 500 s.
- Rębkowski*, 2019 — *Rębkowski M.* (ed.). Wolin: the old town. Szczecin: IAE PAN, 2019. Vol. I: Settlement structure, stratigraphy & chronology. 358 p. Vol. II: Studie on finds. 578 p.
- Sankiewicz, Wyrwa*, 2018 — *Sankiewicz P., Wyrwa A. M.* (red.). Broń drzewcowa i uzbrojenie ochronne z Ostrowa Lednickiego, Giecza i Grzybowa. Lednica: Muzeum Pierwszych Piastów, 2018 (Biblioteka Studiów Lednickich, Fontes; T. 1). 372 s.
- Sawicki, Bis*, 2018 — *Sawicki T., Bis M.* (red.). Gniezno. Wczesnośredniowieczny zespół grodowy. Warszawa: IAE PAN, 2018 (Origines Polonorum; T. XI). 494 s.
- Stempin*, 2018 — *Stempin A.* (ed.). The culturale role of chess in medieval and modern times: 50th anniversary jubilee of the Sandomierz chess discovery. Poznań: Muzeum Archeologiczne w Poznaniu, 2018 (Bibliotheca Fontes Archaeologici Posnanienses; Vol. 21). 248 s.
- Szczepanik*, 2020 — *Szczepanik P.* Rzeczywistość mityczna Słowian północno-zachodnich i jej materialne wyobrażenia: studium z zakresu etnoarcheologii religii. Toruń: Wydawnictwo UMK, 2020. 410 s.
- Tabaczyński et al.*, 2018 — *Tabaczyński S., Wyczółkowski D., Cyngot D.* Zawichost we wczesnym średniowieczu. Warszawa: IAE PAN, 2018 (Origines Polonorum; T. XII). 439 s.
- Trzeciecki*, 2020 — *Trzeciecki M.* (red.). Grodzisko Piotrówka w Radomiu w świetle badań archeologicznych 2010–2013 r. Cz. 1: Stratygrafia i chronologia. Warszawa: IAE PAN, 2020. 478 s.
- Urbańczyk*, 2020 — *Urbańczyk P.* Trudna historia zwłok. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2020. T. 1: "Wrócisz do ziemi". 346 s.
- Wadyl*, 2019 — *Wadyl S.* (red.). Ciepłe: elitarna nekropola wczesnośredniowieczna na Pomorzu Wschodnim. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 2019. 672 s.
- Wczesnośredniowieczne grodziska..., 2019 — Wczesnośredniowieczne grodziska w Polsce. Wrocław: IAE PAN, 2019. T. 1–6 (T. 1: Powiat bydgoski, województwo kujawsko-pomorskie / pod red. W. Chudziaka, J. Bojarskiego; T. 2: Powiat drawski, województwo zachodniopomorskie / pod red. W. Chudziaka,

- R. Kaźmierczaka; T. 3: Powiat nowosądecki, województwo małopolskie / pod red. J. Poleskiego; T. 4: Powiaty bocheński, brzeski, gorlicki, myślenicki, olkuski, oświęcimski, tarnowski, województwo małopolskie / pod red. J. Poleskiego; T. 5: Powiat polkowicki, województwo dolnośląskie / pod red. K. Chrzana, S. Moździocha, S. Rodaki; T. 6: Powiat nowosolski, województwo lubuskie / pod red. K. Chrzana, S. Moździocha, S. Rodaki.
- Wiewióra*, 2020 — *Wiewióra M.* (red.). *Castra Terrae Culmensis: na rubieży chrześcijańskiego świata: interdyscyplinarne badania nad warownym budownictwem zakonu krzyżackiego w świetle źródeł archeologiczno-architektonicznych, historycznych i przyrodniczych = Castra Terrae Culmensis: on the boundary of Christian world: interdisciplinary studies on fortified constructions of the Teutonic Order in the light of archaeological, architectonic, historical and natural sciences sources.* Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2020. T. 1–2. T. 1: 170 s.; T. 2: 312 s.
- Wołoszyn, Florkiewicz*, 2019 — *Wołoszyn M., Florkiewicz I.* (eds.). *Gone with the wind? Early medieval Central Places in Today's Rural Areas. Between research, preservation and re-enactment.* Rzeszów: Zemowit, 2019 (*Analecta Archaeologica Ressoiviensia*. T. 13). 488 s.
- Wrzesiński*, 2018 — *Wrzesiński J.* (red.). *Groby z biżuterią wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w Dziekanowicach.* Lednica: Muzeum Pierwszych Piastów, 2018. T. 1–2 (*Biblioteka Studiów Lednickich. Fontes*; T. 8/1/2). T. 1: 557 s.; T. 2: 489 s.
- Współczesne metody...*, 2019 — *Współczesne metody badań wczesnośredniowiecznych grodów Europy Środkowo-Wschodniej / pod red. K. Chrzana, S. Moździocha, S. Rodaki.* Wrocław: IAE PAN. 2019. 314 s.
- Zamelska-Monczak*, 2019 — *Zamelska-Monczak K.* (red.). *Santok. Strażnica i klucz Królestwa Polskiego.* Warszawa: IAE PAN, 2019 (*Origines Polonorum*; T. XIII). 502 s.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК–ЗАПАД

Международная конференция «Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез» (Москва, 3–5 февраля 2020 г.)

Ключевые слова: Кавказ, Восточная Европа, Ближний Восток, палеолит, неолит

Keywords: Caucasus, Eastern Europe, Near East, Paleolithic, Neolithic

В декабре 2019 г. научная общественность отметила 70-летие руководителя Отдела каменного века Института археологии РАН академика Х. А. Амирханова. В феврале 2020 г. Отдел каменного века совместно с Отделом палеолита ИИМК РАН провел международную конференцию, посвященную юбилею одного из ведущих археологов нашей страны. Разнообразие тематики собрания полностью соответствовало широте научных интересов юбиляра, внесшего фундаментальный вклад в изучение каменного века Северного Кавказа, центра Русской равнины и Аравии (см. Васильев, 2019). Институт археологии выпустил в свет объемистый том избранных трудов исследователя (Амирханов, 2020).

Торжественную часть собрания открыл вступительной речью директор Института археологии РАН академик Н. А. Макаров; в чествовании юбиляра принял участие академик А. П. Деревянко.

Форум собрал большое число специалистов по изучению древнейшего прошлого (археологов, антропологов, палеозоологов, палеогеографов, геологов) из различных исследовательских центров России, Белоруссии и Казахстана, в том числе представительную делегацию сотрудников ИИМК РАН (С. А. Васильев, Е. В. Беляева, А. А. Бессуднов, Е. Ю. Гиря, М. Н. Желтова, С. А. Кулаков, С. Н. Лисицын, А. К. Очередной, Г. Н. Поплевко, А. А. Синицын, Г. В. Синицына, К. Н. Степанова). Тезисы докладов были изданы в электронном виде (Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток..., 2020).

Представленные на конференции доклады можно разделить на несколько групп. В первую входят выступления, посвященные древнекаменному веку Кавказа. А. Л. Чепалыга (Москва)

предложил общую схему членения плейстоцена Понто-Каспия и хронологии палеолитических местонахождений. С. В. Наугольных (Москва) говорил о связи раннепалеолитических находок с четвертичными палеопочвами.

Нижнепалеолитические памятники Дагестана, области, где сконцентрированы ныне основные усилия юбиляра, находились в центре внимания участников собрания. В докладе Е. М. Столпниковой и Н. О. Ковалевой (Москва) были изложены итоги палеопедологического исследования разрезов стоянок Мухкай II и Мухкай IIa. Д. В. Ожерельев (Москва) описал индустрию финала раннего плейстоцена, открытую в верхней части отложений на стоянке Мухкай II (слои 3–15), проследив эволюцию олдована к раннему ашелю. Раскопки раннеплейстоценового слоя 7в на стоянке Мухкай IIa в 2019 г. позволили А. И. Таймазову (Махачкала) выделить разнофункциональные участки обитаемого пространства. В выступлении А. Г. Рыбалко (Новосибирск) была дана развернутая характеристика ашельских комплексов памятника Дарвагчай-Залив 4 в Приморском Дагестане.

С. А. Кулаков (Санкт-Петербург) сформулировал краткое технологическое определение индустрий олдована и ашеля применительно к кавказским материалам. Вопросы уточнения археологической номенклатуры были подняты также Е. В. Беляевой (Санкт-Петербург), указавшей на различия терминов «бифас» и «рубило».

Антрополог С. В. Васильев (Москва) проанализировал морфологию черепов из нижнепалеолитической стоянки Дманиси в Грузии и отметил сходство древнейших обитателей Кавказа с африканскими формами, что может свидетельствовать

в пользу южного пути первоначального заселения региона.

А. А. Анойкин (Новосибирск), основываясь на материалах многослойных памятников Приморского Дагестана (Рубас 1 и Тинит 1), отметил особенности перехода от среднего к верхнему палеолиту, что может свидетельствовать в пользу сложения верхнепалеолитической культуры на востоке Кавказа на местной основе. Н. Б. Ахметгалеева (Курчатов) и Н. Тушабрамишвили (Тбилиси, Грузия) сопоставили характер следов от раскалывания кости и облик костяной индустрии средне- и верхнепалеолитических горизонтов пещеры Ортвала-Клде. Е. В. Леонова и О. И. Успенская (Москва) изучили морфологию и функции сегментов, характерных для памятников Северо-Западного Кавказа на рубеже плейстоцена и голоцена.

В презентации М. Г. Жилина (Москва) была представлена полная сводка радиоуглеродных датировок памятников финального палеолита и мезолита Горного Крыма и обрисована хронология археологических культур.

Основная масса выступлений была посвящена палеолиту Русской равнины. Внимание участников привлек проблемный доклад А. К. Очередного (Санкт-Петербург), предложившего оригинальную методику технологического изучения бифасиальных форм изделий из камня среднего палеолита. К. Н. Степанова (Санкт-Петербург) охарактеризовала костяные орудия, найденные при раскопках последних лет на среднепалеолитическом памятнике Хотылево 1.

В докладе С. А. Васильева (Санкт-Петербург) была прослежена история формирования современной методики раскопок верхнепалеолитических стоянок открытого типа и освещены спорные проблемы интерпретации скоплений костей и бивней мамонта.

Особой обстоятельностью отличалось выступление А. А. Сеницына (Санкт-Петербург), развернувшего панораму древнейших («доориньякских») верхнепалеолитических культур Восточной Европы. Интересные результаты были получены Я. В. Кузьминым (Новосибирск) и коллегами при новом датировании костных остатков из захоронений Сунгирия, свидетельствующие в пользу мнения о том, что погребения были спущены с уровня уже накопившегося культурного слоя.

А. А. Бессуднов (Санкт-Петербург) обрисовал сложную ситуацию с культурной атрибуцией и стратиграфической привязкой комплекса верхнего

слоя стоянки Костёнки 17. С. Н. Лисицын (Санкт-Петербург) с соавторами рассказал о мало известной граветийской стоянке Костёнки 9.

В коллективном докладе, представленном С. Ю. Львом (Москва), были подведены предварительные итоги работ последних лет на Зарайском комплексе памятников, подчеркнута особая роль идентификации криогенных явлений. Фаунистические остатки из раскопок пункта Зарайск Е были представлены Е. Н. Мащенко (Москва) с соавторами. В выступлении К. Н. Гаврилова и Е. В. Воскресенской (Москва) были рассмотрены вопросы планиграфической и стратиграфической привязки находок произведений искусства (статуэток, лопаточки и поделки с навершием) в Хотылево 2. В стендовом докладе С. П. Медведева (Москва) содержалась краткая информация о результатах возобновления полевых исследований на стоянке Авдеево и была дана характеристика стратиграфического положения культурного слоя на разных объектах памятника. В. И. Беляева (Санкт-Петербург) остановилась на дискуссионных вопросах типологии и технологии ножей костенковского типа.

А. Н. Бессуднов (Липецк) с соавторами проанализировали большую серию определений радиоуглеродного возраста, полученных для группы позднепалеолитических костеносных местонахождений в Дивногорье. Возглавляемый А. В. Паниным (Москва) исследовательский коллектив на протяжении последних лет провел значительный объем работ по изучению геолого-геоморфологической позиции стоянок Елисеевичи и Юдиново в долине реки Судость. Г. А. Хлопачев (Санкт-Петербург) описал интересные объекты — «кладки» находок, расчищенные в черепах мамонтов на позднепалеолитических стоянках Подесенья. Н. Б. Ахметгалеева (Курчатов) зачитала совместный с Н. Д. Буровой (Санкт-Петербург) доклад о результатах исследования фаунистической коллекции со стоянки Быки 7, остановившись на вопросах определения сезонности обитания и реконструкции охотничьей деятельности обитателей стоянки.

Общим вопросам изучения каменной индустрии эпиграветта юга Русской равнины был посвящен постер Д. С. Сивачевой (Нантерр, Франция). Ю. Н. Зоров (Ростов-на-Дону) проинформировал об открытии в Приазовье ряда местонахождений с материалами, близкими «эпиориньяку» Мураловки. Н. А. Хайкунова и А. А. Симоненко (Москва) рассказали о необычном по облику очаге, расчищенном на периферийном участке 2 культурного слоя стоянки Третий Мыс.

Группа специалистов во главе с А. Н. Сорокиным (Москва) изложила результаты междисциплинарного исследования Заболотского торфяника, которые позволили реконструировать палеогидрологическую обстановку котловины в плейстоцене и существенно удревить возраст появления здесь людей — носителей ресетинской культуры. Темой доклада Г. В. Синицыной (Санкт-Петербург) стали древнейшие стоянки Валдайской возвышенности, отражающие расселение человека в финале палеолита на территориях, освобождавшихся от ледников. А. Д. Горшков (Минск, Белоруссия) провел пересмотр материалов памятников, расположенных в бассейне Немана и ранее относимых к культуре бромме-лингби.

Отдельное место в программе конференции заняла тематика неолита Восточной Европы. Внимание собравшихся привлек обстоятельный доклад международной группы исследователей, зачитанный А. Н. Мазуркевичем (Санкт-Петербург); выступление содержало сводку данных о времени появления древнейшей керамики в различных регионах Восточной Европы. Трасологический анализ находок из раскопок последних лет на знаменитом поселении Ракушечный Яр на Дону стал темой сообщения Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург). Картирование находок антропоморфной и зооморфной мелкой пластики эпохи неолита было представлено в презентации Е. А. Кашиной (Москва). В постере А. Ю. Тарасова (Петрозаводск) с соавторами были изложены результаты метрического анализа больших серий сколов — отходов производства рубящих орудий на памятниках энеолита Онежского озера.

Мало изученному древнекаменному веку Поволжья был посвящен доклад Н. С. Березина (Чебоксары) с соавторами, где были приведены данные по датировке и реконструкции природных условий эпохи аллерада на стоянке финального палеолита Шолма 1 в Чувашии. В. С. Житенев (Москва) рассказал о результатах работ последних лет

в Каповой пещере на Урале. В презентации В. К. Мерца (Павлодар, Казахстан) были представлены новые материалы по горизонтам, относящимся к финальному палеолиту и раннему мезолиту, на многослойной стоянке Шидерты 3 в районе Сары-Арка.

Был зачитан доклад С. Н. Астахова (Санкт-Петербург) о связи расположения стоянок-мастерских каменного века Тувы и Забайкалья с палеовулканами. М. Н. Мещерин (Красноярск) в стендовом докладе обратил внимание на соотношение серий радиоуглеродных датировок, полученных различными лабораториями для памятников Афонтовой Горы на Енисее. Немодифицированные каменные орудия неолита-энеолита из поселения Самогнет 1 на Оби стали сюжетом постера Д. С. Тупахина (Салехард).

Не осталась без внимания близкая юбилею восточная тематика. В развернутом выступлении Н. Ю. Петровой (Москва) с соавторами были охарактеризованы результаты технологического исследования неолитической керамики памятников юго-западного Ирана. Кроме того, участники конференции могли ознакомиться с постером А. Аль-Маамари (Эр-Рияд, Саудовская Аравия), посвященном открытию на территории Йемена ашельской стоянки Джебаль Аль Укла.

Наконец, общие вопросы изучения технологии обработки камня в древности были рассмотрены в презентации Е. Ю. Гири (Санкт-Петербург) с соавторами, сформулировавшими доказательства раннего появления техники отжима пластинчатых заготовок (по материалам стоянок Японии и Сахалина).

Тематика собрания отразила многообразие современных проблем изучения каменного века. Ход работы конференции сопровождался оживленными дискуссиями, посвященными вопросам выделения древнейших верхнепалеолитических культур на Русской равнине, методике технологического и трасологического исследования каменных индустрий.

С. А. Васильев,
ИИМК РАН, Санкт-Петербург

Амирханов, 2020 — Амирханов Х. А. Первобытные древности Западной Евразии: статьи разных лет. М.: ИА РАН, 2020. 432 с.

Васильев, 2019 — Васильев С. А. Хизри Амирханович Амирханов: жизнь в археологии // РА. 2019. № 4. С. 7–9.

Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток..., 2020 — Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. М.: ИА РАН, 2020. 102 с. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib/el-cat/el-books/el-books-2020/kamen-2020> (дата обращения: 12.12.2020).

Международная археологическая конференция «Вещь в контексте погребального обряда» (Москва, 28–30 января 2020 г.)

Ключевые слова: конференция по древним погребальным обрядам, 4-я конференция в России, артефакт в контексте погребального ритуала, основные темы дискуссий.

Keywords: conference on ancient funeral rites, 4th conference in Russia, artifact in the context of funeral rites, main topics of the discussions.

Конференция 2020 г. «Вещь в контексте погребального обряда» относится к тематическим научным форумам, которые с различной периодичностью и специфической проблематикой в рамках выбранного направления проводятся в разных городах России. Она являлась *четвертой* по счету в серии аналогичных научных встреч, посвященных особым *аспектам древних некрополей и погребальной обрядности*. Первая из них («Археология древних ограблений и символических захоронений») была организована в Челябинске в январе 2015 г.; вторая («Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей») — в Петербурге в ноябре 2016 г.; третья («Мужской и женский мир в отражении археологии») — в Уфе в ноябре 2018 г. Серия таких конференций задумана авторами этих строк как платформа для дружеского, неформального и более детального обсуждения различных вопросов, редко затрагиваемых на других научных мероприятиях по близкой тематике¹. Основные участники конференций — ученые из России, Казахстана и Украины; кроме археологов, в них участвуют немногочисленные религиоведы и этнологи.

В ходе подготовки конференции 2020 г. члены Оргкомитета, прежде всего, отбирали доклады

¹ Любопытной особенностью этих конференций является обстоятельство, что в числе постоянных членов Оргкомитета нет ни одного ученого, занимающего административный пост.

с аналитической составляющей и включающие новые, важные материалы. Хронология и география представленных докладов были очень разнообразны. Более всего было выступавших по культурам эпохи бронзы, отчасти — раннего железного века (особенно ранних кочевников), несколько докладов посвящены средневековью и, частично, его традициям в некоторых современных религиозных практиках.

На четвертой конференции председателем Оргкомитета был представитель РГГУ, д-р ист. наук С. А. Яценко. Ко дню открытия Издательским центром Российского государственного гуманитарного университета был опубликован сборник избранных статей конференции (Вещь в контексте погребального обряда: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С. А. Яценко, Е. В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. 271 с.). Заседания происходили в так называемой Профессорской аудитории, созданной в 1910 г. в первом негосударственном Народном университете Российской империи (рис. 1, 1). Участники конференции имели возможность регулярно осматривать хранящуюся в залах Главного здания РГГУ часть коллекции слепков мировых шедевров, собранной И. В. Цветаевым для открывшегося в 1912 г. Музея изящных искусств.

На январской встрече в РГГУ были заслушаны доклады исследователей из России, Украины, Казахстана и Кыргызстана. К сожалению, не все желающие смогли сделать запланированные

Рис. 1. Фотографии, сделанные во время конференции: 1 — заседание в Профессорской аудитории, созданной в 1910 г.; 2 — одно из заседаний; 3 — во время заседания; 4 — неформальное дружеское общение

Fig. 1. Photos taken during the conference: 1 — conference meeting in the Professorial Auditorium, established in 1910; 2 — one of the conference meetings; 3 — during the conference meeting; 4 — informal friendly communication

доклады²: за три дня работы конференции было представлено 27 докладов³. Всего в работе конференции участвовало 40 докладчиков, так как шесть докладов были подготовлены 2–6 соавторами. Среди докладчиков и активно участвовавших в обсуждении гостей были представители разных научных учреждений четырех стран. Наибольшее число участников представлено коллегами из различных учреждений России: Москва (Институт археологии РАН, РГГУ, Государственный музей изящных искусств, Институт востоковедения РАН, Государственный исторический музей, ГосНИИР, МГПУ), Санкт-Петербург (Институт

истории материальной культуры РАН), Самара (Самарский областной историко-краеведческий музей, СГСПУ), Екатеринбург (Институт истории и археологии УО РАН), Ростов-на-Дону (Южный научный центр РАН, ЮФУ), Ижевск (УдГУ), Челябинск (ЧелГУ, ЮУрГГПУ) и Кемерово (КемГУ). Казахстан был представлен вузами Караганды (КарГУ) и Павлодара (ПГПУ), Украина — одним из академических институтов в Киеве (Институт востоковедения НАНУ), Кыргызстан — Институтом истории, археологии и этнологии НАН Кыргызстана в Бишкеке. О ходе работы конференции в Интернете опубликованы видео⁴ и фотоальбомы⁵.

² Вследствие объективных обстоятельств авторы 11 предполагавшихся докладов не смогли присутствовать на заседаниях.

³ См. Программу конференции на сайте РГГУ: https://www.rsu.ru/upload/main/culture/images/Новости/program_artifact_in_the_context_2020.pdf.

⁴ https://www.youtube.com/watch?v=5Wlg6LMobdM&feature=emb_logo&fbclid=IwAR1v9V5HGqgfPKxHGbHFXE02rWWqAea1CpZdH17GEI8mHrit8PizSTnwBo.

⁵ https://vk.com/album-16479782_270061376; https://www.facebook.com/sergey.yatsenko/media_set?set=a.10213195687165049&type=3.

На данном научном мероприятии предполагалось обсуждение новых подходов к артефактам, обнаруженным в погребениях разных типов, в курганных насыпях, во внешнегильных тризнах, в том числе связанных с созданием погребений, с их неоднократным использованием, а также погребальным моделям вещей и ритуальному повреждению последних, использованию парциальных артефактов, комплектов импортных изделий. Оргкомитет отдавал предпочтение не публикационным, а аналитическим докладам, содержащим интересные обобщения по отдельным типам артефактов в погребальном контексте и взаимосвязи разнотипных артефактов, сообщения по технологической экспертизе соответствующих категорий изделий. Представлялось изначально необходимым именно личное, а не заочное участие в работе конференции для продуктивного обсуждения докладов и ведения дискуссии. Решено и впредь не допускать на конференции серии «отчетных» и описательных докладов.

Много новых наблюдений содержалось в докладах и дискуссиях по культовому и статусному осмыслению различных типов оружия и конской упряжи в эпоху бронзы и в раннем железном веке, следов подготовки коллективных поминальных пиров (на материале керамики), анализу органических материалов в древних погребениях, изображений, связанных с поминальной

обрядностью (раннетюркских, древнееврейских и др.), специфике статуса женщин и детей в некрополях древних культур, специфическим деталям позднесредневековой христианской обрядности. В ходе дискуссий были уточнены отдельные позиции докладчиков. Обсуждениям было уделено много времени и внимания, а некоторые дискуссии продолжались по окончании основной программы каждого дня во время дружеских чаепитий (рис. 1, 2–4).

Следующая, пятая, конференция планируется в Краснодаре в 2022 г., ее организатор — Б. А. Раев. В состав Оргкомитета введен новый член — египтолог, сотрудник Института востоковедения НАНУ (Киев), д-р ист. наук Н. А. Тарасенко.

В целом Оргкомитет состоит из соучредителей первых конференций, проводивших затем конференции в своих городах: Килуновская Марина Евгеньевна, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург); Куприянова Елена Владиславовна, канд. ист. наук, Челябинский гос. университет (г. Челябинск); Раев Борис Аронович, канд. ист. наук, Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону); Рафикова Янина Валерьевна, канд. ист. наук, Уфимский научный центр РАН (г. Уфа); Николай Александрович Тарасенко, д-р ист. наук, Институт востоковедения НАНУ (г. Киев); Яценко Сергей Александрович, д-р ист. наук, РГГУ (г. Москва).

*С. А. Яценко
Кафедра истории и теории культуры,
Российский государственный
гуманитарный университет, Москва*

*М. Е. Килуновская
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа,
ИИМК РАН, Санкт-Петербург*

ИСТОРИЯ НАУКИ

Императорское Русское военно-историческое общество и изучение памятников Древней Руси. 1908–1914 гг.

Л. П. Рудакова¹

Аннотация. Деятельность Разряда военной археологии и археографии (ВАиА) Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО) до настоящего времени недостаточно изучена и не нашла еще полного освещения в исторических исследованиях. Статья посвящена работе членов ИРВИО по поиску мест древних битв и изучению древнерусских крепостей. Работа базируется на документах Научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Annotation. The activities of the Office of Military Archaeology and Archaeography (VAiA) of the Imperial Russian Military Historical Society (IRVIO) until now have not been sufficiently studied and are not comprehensively covered by historical investigations. This paper is devoted to the activities of members of IRVIO concerned with research of places of old-time battles and early Russian fortresses. The study is based on documents from the Scientific Archives of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps.

Ключевые слова: история науки, крепости, укрепления, разряд Военной археологии.

Keywords: history of science, fortresses, defences, Office of Military Archaeology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-290-300

Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО) было учреждено в Петербурге 27 августа 1907 г. Оно объединило в своих рядах немало видных ученых и общественных деятелей, издателей и редакторов крупнейших газет и журналов, ведущих специалистов государственных архивов, коллекционеров военной старины и офицеров русской армии, проявлявших интерес к отечественной истории. Номинально во главе ИРВИО стоял почетный председатель — император Николай II, но фактически главным распорядительным органом являлся Совет общества, возглавляемый генералом от кавалерии (с 1914 г. генерал-адъютантом) Д. А. Скалоном (НА ВИМАИВиВС². Ф. 11. Оп. 1. Д. 30. Л. 3).

Общество, возникшее в Петербурге, вскоре вышло за рамки столицы, организовав местные отделы в 14 центральных военных округах, что способствовало более полному изучению истории на местах. Для более широкого освещения различных вопросов военной истории было признано необходимым выделить отделения, получившие наименование Разрядов (Ф. 11. Оп. 1. Д. 56. Л. 77). Основные направления деятельности Разрядов определял Совет общества, но в практической реализации им предоставлялась полная самостоятельность. Были созданы четыре Разряда: военной археологии и археографии, полковых и корабельных историй, истории войн, истории военных специальностей. Любой член Общества мог состоять в одном или нескольких Разрядах.

Разряд военной археологии и археографии (ВАиА) был образован 26 января 1908 г. Его становление и развитие были тесно связаны не только с известными специалистами в области отечественной истории и археологии, такими как Н. И. Веселовский, Н. К. Рерих, А. А. Спицын,

¹ Научный архив, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи; Александровский парк, д. 7, Санкт-Петербург, 197046, Россия.

² Далее во всех случаях даются ссылки на материалы Научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, поэтому специально его название (НА ВИМАИВиВС) не приводится.

Н. В. Покровский, П. П. Покрышкин, но и с целым рядом молодых и талантливых ученых, набравшихся опыта у старших коллег. Первые шаги своей деятельности Разряд начал под руководством крупного сановника и видного военного историка генерала от инфантерии А. З. Мышлаевского. Его заместителями были избраны: член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Н. И. Веселовский и профессор Николаевской академии Генерального штаба полковник А. К. Байов. Секретарем Разряда избрали военного историка и археографа полковника (с 1912 г. генерал-майора) Д. П. Струкова, заведовавшего Артиллерийским историческим музеем.

Воинский долг вынуждал многих членов Общества часто менять место службы, что объясняло перемены и в президиуме Разряда. В мае 1909 г. председателем Разряда был избран Н. И. Веселовский, признанный специалист в области ориенталистики, много и успешно проводивший раскопки на юге России и в Средней Азии. Его заместителем стал гвардии полковник в отставке Ф. П. Козлянинов, большой знаток военной старины и крупный коллекционер, создавший домашний Конногвардейский музей. Секретарем Разряда был утвержден военный археолог подполковник (с 1913 г. полковник) Н. М. Печенкин, раскопки которого в районе Древнего Херсонеса получили признание в научном мире (Разряд..., 1913. С. 4; Печенкин, 1905; 1911).

Одним из важнейших направлений деятельности Разряда ВАиА, которое привлекало пристальное внимание различных слоев русского общества, было изучение древнерусских крепостей и укреплений псковско-новгородской земли, ставших опорой в политических и экономических событиях в истории России. В середине XIX в. военный инженер генерал-лейтенант Ф. Ф. Ласковский писал: «Сила и характер наших старинных крепостей вполне соответствовал времени и военному образованию соседних народов, а чувство красоты руководило строительством крепостных стен и башен» (Ласковский, 1858. С. 61). Поводом к исследованию древних защитных сооружений послужило обращение к членам ИРВИО в июне 1909 г. графини П. С. Уваровой, одного из организаторов Всероссийских археологических съездов, с предложением участвовать в XV археологическом съезде по теме «Обследование русских крепостей» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 76). Члены Совета ИРВИО ответили согласием и поручили эту

исследовательскую работу Разряду ВАиА. Поскольку съезд было решено проводить в Новгороде, то Разряд наметил для исследования укрепления псковско-новгородской земли, почти не затронутые тогда вниманием специалистов и не освещенные с военно-археологической стороны (Ф. 11. Оп. 1. Д. 70. Л. 137об.).

Основой для изучения древних оборонительных сооружений и защиты их от разрушения временем и человеческой деятельности стала программа, разработанная в 1909 г. Особой комиссией под председательством А. К. Байова (Там же. Л. 22), включавшей известных специалистов в области истории, археологии, архитектуры и фортификации (Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 90).

Существенную роль в работе комиссии сыграл выпускник Высшего художественного училища при Академии художеств К. К. Романов, прошедший школу мастерства при изучении Ферапонтова и Тихвинского монастырей, а также древних строений в Юрьеве-Польском (Там же. Л. 76). За исследования Георгиевского собора в Юрьеве-Польском Константин Константинович был награжден серебряной медалью Императорского Русского археологического общества (Гайдуков, Жервз, 2011. С. 311). Секретарь Разряда Н. М. Печенкин, оценивая деятельность Романова, отмечал: «Как архитектор он оказал комиссии громадную услугу, выработав программу работы по обмерам и обследованиям древних крепостей с архитектурно-археологической стороны и программу требований к научным фотографиям» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 37. Л. 17). В основу правил съемки легли разработки петербургского фотографа В. Ф. Найденова «О применении фотограмметрии в изучении памятников военной старины» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 7. Л. 120).

К концу 1909 г. Особая комиссия завершила все подготовительные работы. Помимо обширной и многолетней программы исследований крепостей и укреплений, была составлена смета предполагаемых расходов и выработаны инструкции по проведению изыскательских работ (Ф. 11. Оп. 1. Д. 56. Л. 88). Для начинающих археологов Н. М. Печенкин написал памятку «Исследование древних укрепленных мест», где особо отмечал: «Методы разведок и раскопок могут быть изучены под руководством опытного археолога без труда, но изучение собранного материала доступно лишь лицам, положившим много труда специальному изучению древностей по их отношению к культуре» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 70. Л. 47).

Рис. 1. Каменная церковь Св. Николая Чудотворца в Изборске (НА ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 83)

Fig. 1. Stone Church of Nickolas the Wonderworker in Izborsk (Scientific Archives of VIMAIViVS. Arch. col. 11. Inv. 1. F. 82. Sh. 83)

Разработки комиссии были изданы в 1911 г. Приложением к первому тому Записок Разряда военной археологии и археографии ИРВИО. Главным элементом в исследовании древних фортификационных сооружений был детальный архитектурный обмер всех сохранившихся частей строений. Члены общества полагали, что только создание подробных чертежей, сопровождаемых достаточным числом фотографий, позволит в дальнейшем не только изучать крепости и укрепления, но и проводить их реставрационные работы без искажений (Разряд..., 1913. С. 3). При этом они понимали, что непосредственные обмеры требуют весьма опытных исполнителей, которые с любовью и преданностью будут выполнять тяжелую работу, требующую много времени и денежных расходов.

Обмер стен древнерусских крепостей был поручен группе молодых архитекторов: А. Я. Белобородову, Д. М. Котану, Н. К. Рериху, В. Н. Талепоровскому, А. А. Шиловскому и Е. Н. Мандражи,

которые приобрели достаточный опыт при обмерах стен Смоленского кремля по поручению Императорской Археологической комиссии (Там же. С. 5). Летом 1910 г., несмотря на финансовые затруднения, удалось отправить археологические экспедиции в Изборск и Новгород.

Для определения раннего периода заселения Изборска археологическую разведку производил Н. И. Репников (Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 58). В отчете за 1910 г. он писал, что земляное городище расположено на берегу Городищенского озера в полуверсте от современного города. Часть городища занята каменной церковью Св. Николая Чудотворца (рис. 1), выстроенной в стиле псковских церквей XV в. В стенах церковного подвала находятся ниши с гробницами, которые неоднократно подвергались разрушениям со стороны местных жителей с целью найти что-нибудь привлекательное (Там же. Л. 77). На кладбище при церкви особо выделялась братская могила воинов, павших при защите Изборска в 1657 г. Изначально на могиле стоял каменный крест, позднее замененный чугунным с шаблонным литьем.

По результатам раскопок был сделан вывод, что до закладки псковским посадником Шелогою крепости Изборск в 1330 г. местность эта заселена не была. С момента возникновения крепости и до периода, когда она потеряла свое военное значение, местное население внутри нее не проживало, а пряталось там лишь в годину вражеских нашествий (Ф. 11. Оп. 1. Д. 137. Л. 6). Н. И. Репников отметил приспособление башен крепости к огнестрельному оружию.

Архитектурные обмеры и фотосъемка Изборской крепости были выполнены А. Я. Белобородовым и В. Н. Талепоровским под наблюдением К. К. Романова (Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 63). Осенью 1910 г. на заседании Разряда был заслушан его доклад о проведенных исследованиях, представлены чертежи генерального плана крепости с детальным обмером шести ее башен с пряслами и свыше 300 фотографий, дополняющих чертежи. В заключении К. К. Романов высказался за продолжение работ (Ф. 11. Оп. 1. Д. 373. Л. 176) и исследования тайного хода из крепости к реке, который хранил в себе еще множество загадок (Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 175).

Полному восприятию истории Изборской крепости способствовала выставка предметов из раскопок, на которой были представлены громадные железные петли от крепостных ворот,

фитильный ружейный замок, кистень, каменные и чугунные ядра, обломки архитектурных украшений и многое другое (*Там же*. Л. 124). Подводя итог экспедиции в Изборск в 1910 г., председатель Разряда Н. И. Веселовский сказал: «Благодаря работам членов ИРВИО Изборск является единственной древней крепостью, которую можно изучить. Никакая другая древняя крепость России не может считаться изученной, даже Московский кремль, так как не предпринималось архитектурных исследований: не сделано точных обмеров, не дано документальных чертежей» (*Там же*. Л. 123об.).

В апреле 1911 г. работы в Изборске были продолжены. В. Н. Талепоровский и А. Я. Белобородов исследовали тайный ход, известный еще по описи Изборска 1701 г. и представлявший собой крытый сводом и маскированный извне ход из крепости к колодцу с ключевой водой. Часть свода к тому времени обвалилась. Устройство хода исследователи отнесли к XVI в., времени перестройки и утолщения крепостных стен (*Журналы...*, 1912. С. XII). Помимо К. К. Романова, в раскопках принимали участие секретарь Разряда подполковник Н. М. Печенкин и князь Д. З. Ухтомский. Николай Михайлович Печенкин произвел раскопки у Плоской башни и внутри крепостных стен, между башнями Рябиновка и Вышка (Ф. 11. Оп. 1. Д. 59. Л. 3). Он описал особую узорчатую плиточную кладку стен у башни Куковка, на которую еще в 1903 г. обратил внимание Н. К. Рерих, а также рельефные кресты, украшавшие западный фасад крепости. Участники археологической экспедиции отметили необходимость срочного укрепления башен Рябиновка и Куковка. По инициативе Общества в 1911 г. были приняты меры к охране крепости и ее частичному ремонту (Ф. 11. Оп. 1. Д. 90. Л. 115). Помощь в сохранении памятника также оказала Императорская Археологическая комиссия в лице академика архитектуры П. П. Покрышкина (Ф. 11. Оп. 1. Д. 9. Л. 133).

По завершении второго этапа работ в Изборске были заслушаны доклады Н. И. Репникова «Археологическая разведка в Изборске» и К. К. Романова «Изборский тайник», на которых представлялись чертежи, диапозитивы, архивные источники и археологические находки (Ф. 11. Оп. 1. Д. 90. Л. 181). Итогом двухлетнего изучения стал альбом обмерных чертежей крепости, сделанный студентами-архитекторами Высшего художественного училища при Академии художеств

под руководством В. Н. Талепоровского (Ф. 11. Оп. 1. Д. 165. Л. 90). Эта трудоемкая работа стала важным вкладом Общества в историю отечественной фортификации. Альбом планировали издать в 1914 г. (Разряд..., 1913. С. 4–5), но этому помешало начало Первой мировой войны. В настоящее время судьба альбома неизвестна.

Исследование Новгородского кремля было поручено Н. К. Рериху, который давно желал заняться изучением Новгородского детинца и ожидал от предстоящих изысканий больших результатов. Раскопки планировалось проводить в южной части кремля, где предположительно могли находиться княжеские терема и служебные постройки. Весной 1910 г. Николай Константинович писал в «Биржевых ведомостях»: «Если посчастливится, то могут быть обнаружены великолепные остатки великокняжеской поры» (Переписка..., 1999. С. 256).

В мае 1910 г. были представлены предложения Н. К. Рериха по исследованию Новгородского детинца (Ф. 11. Оп. 1. Д. 37. Л. 49), а сами работы начались 5 июля 1910 г. совместно с Новгородским обществом любителей древности и местным строительным отделением. Для раскопок новгородская Дума безвозмездно предоставила в кремле огородное место, при условии его приведения в прежний вид по окончании работ, с сохранением культурного слоя земли (Переписка..., 1999. С. 244).

Благодаря археологическим раскопкам вблизи башен Кукуй и Княжой были обнаружены остатки стен и фундаментов, а также деревянные конструкции, которые Н. К. Рерих изначально определил как настилы мостовых улиц города, что позднее подтвердилось. При раскопках была обнаружена гончарная и лепная керамика. Последние находки, по оценке А. А. Спицына, «подобны тем, какие Репников нашел близ Старой Ладogi» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 48).

По мнению Н. К. Рериха, в дальнейшем будет возможно реконструировать план расположения улиц и зданий Новгородского кремля и тем самым решить большую национальную задачу. «Ведь каждая раскопка, каждое восстановление древности не есть лишь обращение к прошлому, но всегда будет признаком расширения народного сознания» (Рерих, 1999. С. 375). Работы продолжались до 21 июля; они не дали богатых находок, но доказали, что культурный слой кремля не перекопан. Сложности работ отражены в письме

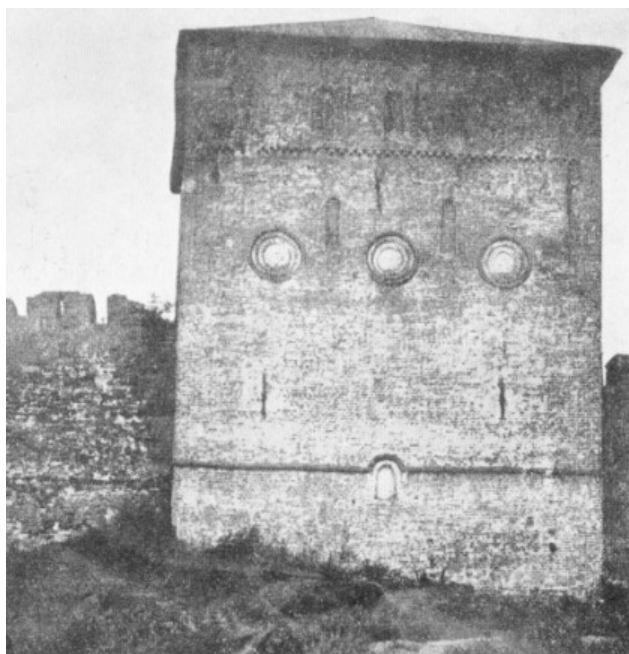

Рис. 2. Дворцовая башня Новгородского кремля (Рерих, 1911)

Fig. 2. Dvortsovaya Tower of Novgorod Kremlin (Rerikh, 1911)

Н. К. Рериха Н. М. Печенкину от 29 июля 1910 г.: «Наши раскопки начались очень удачно, но со стороны новгородцев было высказано такое недоброжелательство и тупость, что в знак протеста мы с Макаренкой немедленно уехали» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 70)³.

Архитектурные обмеры ИРВИО и фотографирование южной части кремля продолжались до середины августа под руководством младшего брата Н. К. Рериха Бориса, с участием Д. М. Котана и А. А. Шиловского (Там же. Л. 38). В ходе работ Б. К. Рерих докладывал Н. М. Печенкину, что стены и башни южной части крепости лишены всякого ухода и охраны, растаскиваются их кладка и деревянные части башен (Там же. Л. 70).

Результаты работ новгородской экспедиции Б. К. Рерих изложил на заседании Разряда ВАиА осенью 1910 г. К докладу были представлены генеральный план кремля начала XIX в., обнаруженный при изучении документов городского архива, чертежи детального обмера семиэтажной сторожевой Кукуевской башни и башни Живописная,

³ Н. Е. Макаренко в 1910 г. вместе с Н. К. Рерихом производил раскопки в Новгородском кремле и Рюриковом городище.

а также многочисленные фотографии, дополнявшие чертежи (рис. 2; 3; Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 120). В отчете Борис Константинович отметил, что новгородцы, игнорируя запрет Императорской Археологической комиссии на застройку в кремле, ведут подготовительные работы для строительства там реального училища (Там же. Л. 95). Эти сведения Н. М. Печенкин довел до ИАК, которая принудила местные власти принять меры к охране памятника. Специальное решение о запрете любых строений на территории кремля было принято на XV Археологическом съезде в 1911 г. (Протоколы..., 1914. С. 181; Гайдуков, Жервэ, 2011. С. 152).

Примечательной находкой Б. К. Рериха было обнаружение в Архивной башне большого количества старинных дел новгородской судебной палаты и казначейства (Рерих, 1911; Ф. 11. Оп. 1. Д. 37. Л. 4). Этот архив ранее не изучался, и члены ИРВИО решили ознакомиться с документами, совершив поездку в Новгород осенью 1910 г. (Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 126). По ходатайству ИРВИО меры по сохранности архива были возложены на местные власти и губернатора (Ф. 11. Оп. 1. Д. 7. Л. 154). Вскоре новгородский архитектор на основе чертежей и архитектурных обмеров, сделанных Разрядом ВАиА, разработал проект приспособления Кукуевской башни под архив старинных дел судебной палаты и казначейства (Там же. Л. 156).

В 1911 г. были продолжены исследования в Новгороде под руководством Н. К. Рериха. В течение лета братья Е. Н. и П. Н. Мандражи завершили архитектурные обмеры башен Дворцовой и Княжой с пряслами (Разряд..., 1913. С. 5). По завершении этого сезона на заседании Разряда Б. Н. Рерих представил генеральный план южной части Новгородского детинца с четырьмя башнями и пряслами, планы семиэтажной башни Кукуй и альбом обмерных чертежей башен Княжой и Дворцовой, исполненных Мандражи в качестве иллюстрации к докладу Н. К. Рериха на XV Археологический съезд (Журналы..., 1912. С. XII).

В целом, материалы, полученные при исследовании древнерусских крепостей, были отражены в двух докладах, заявленных на XV Археологический съезд: К. К. Романова «Исследование Изборска» и Н. К. Рериха «Исследование южной части Новгородского детинца» (Ф. 11. Оп. 1. Д. 73. Л. 58). Доклады не были заслушаны и не вошли в два тома материалов этого съезда, вероятно, они вообще не были подготовлены. Об этом Н. М. Печенкин писал А. К. Байову 7 июля 1911 г.: «Лица,

Рис. 3. Башня Кукуй Новгородского кремля (Рерих, 1911)

Fig. 3. Kuku Tower of Novgorod Kremlin (Rerikh, 1911)

давшие согласие выступить с докладами, конечно до сих пор не приступили к работе. Нужно будет, однако, во избежание недоразумений, все обдумать толком, чтобы наша деятельность не была сведена к нулю» (Там же. Л. 44).

На открытии съезда с приветственным словом от имени ИРВИО выступил Н. М. Печенкин (Там же. Л. 63). Как результат работы Разряда ВАиА на съезде была представлена выставка предметов из раскопок в Новгороде и Изборске, а также более 50 чертежей и фотографий. «Выставка Ваша производит фурор, о ней много и хорошо говорят. Сердечно поздравляю Вас с тем», — писал Н. М. Печенкину Д. П. Струков 25 июля 1911 г. (Там же. Л. 58об.).

В 1912 г. Разряд ВАиА изучал фортификационные сооружения Псковского кремля, где ведущую роль играла шестиярусная Гремячая, или Козьмодемьянская, башня (рис. 4), высотой 20 м. Этот сложный и чрезвычайно интересный памятник древнерусского оборонительного зодчества (Ф. 11. Оп. 1. Д. 141. Л. 8об.) исследовали К. К. Романов и В. С. Биркинберг. На основе местных легенд, сказаний и архивных документов они

проследили историю башни и установили дату ее постройки — 1525 г. (Ф. 11. Оп. 1. Д. 90. Л. 307). При этом отметили, что памятник, сыгравший важную роль в защите псковско-новгородской земли, разрушается временем и местным населением. Благодаря заботам В. С. Биркенберга летом 1912 г. на средства Псковского археологического общества удалось закрепить верхние части башни, угрожавшие обвалом (Ф. 11. Оп. 1. Д. 165. Л. 136), а также возложить охрану башни на один из батальонов 94-го пехотного Енисейского полка, квартировавшего неподалеку (Ф. 11. Оп. 1. Д. 168. Л. 16).

Летом 1913 г. были продолжены раскопки у основания Гремячей башни, и открылась каменная лестница, ведущая в подвальное помещение. В ходе изучения был собран ценный исторический материал, который решили издать отдельной книгой, приурочив ее к открытию XVI Всероссийского археологического съезда, намеченного на август 1914 г. К. К. Романов подготовил к изданию монографию «Гремячая башня Псковской крепости», но она не была опубликована.

Рис. 4. Гремячая башня в Пскове (НА ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 203. Л. 59)

Fig. 4. Gremyachaya Tower in Pskov (Scientific Archives of VIMAIViVS. Arch. col. 11. Inv. 1. F. 203. Sh. 59)

Работы ИРВИО по архитектурным обмерам Новгородского кремля вскоре оказались востребованными. В январе 1914 г. Государственная дума приняла решение о выделении 200 тыс. руб. на реставрацию древнерусских памятников. Часть этих средств выделялась Новгороду. В апреле 1914 г. председатель новгородской комиссии Леон Вилькинский обратился к секретарю Разряда с просьбой сделать копии чертежей архитектурных обмеров южной части кремля, что значительно облегчило бы задачу комиссии по составлению сметы на реставрационные работы в детинце и существенно сократило бы проволочки на выделение средств, тем самым ускорило бы начало работ (Ф. 11. Оп. 1. Д. 90. Л. 307).

В круг интересов Разряда ВАиА входило исследование в Старой Ладоге. По своему местоположению этот город с момента возникновения был не только центром соединения великих торговых путей, но и важнейшей крепостью на северных рубежах страны, препятствовавшей экспансии варягов в славянские пределы (*Кирпичников*, 2013. С. 42). Ранние этапы археологического

изучения Старой Ладоги и реставрация в крепости, с фиксацией на фото, связаны с именем генерал-лейтенанта Н. Е. Бранденбурга. В 1880-е гг. он произвел тщательные обмеры и фиксацию сохранившихся каменных стен и башен крепости, а также остатков древнерусских храмов. Результатом его работ стала монография «Старая Ладога» (*Бранденбург*, 1896).

В начале XX в. Н. И. Репников организовал широкомасштабные работы на Земляном городище, приведшие к открытию деревянной жилой застройки раннесредневекового поселения. Результаты своих раскопок 1909–1910 гг. он представил осенью 1910 г. на заседании Разряда ВАиА в реферате «Так называемая Рюрикова крепость в Старой Ладоге и ее памятники». Это сообщение побудило членов ИРВИО оказать содействие в продолжении исследований, в первую очередь, снять полный инструментальный план Земляного городища Ладоги с окрестностями в пространстве одной квадратной мили (Ф. 11. Оп. 1. Д. 90. Л. 76). За помощью в этом Совет ИРВИО обратился к начальнику военно-топографического отдела

Генерального штаба, найдя в его лице понимание и поддержку. Весной 1912 г. офицеры корпуса военных топографов за счет средств ИРВИО и Генерального штаба произвели топографическую съемку городища Ладоги и ее окрестностей (*Там же*. Л. 220).

Новый доклад Н. И. Репникова «Гибнущий памятник военной старины», заслушанный в январе 1913 г., осветил тяжелое положение Ладожской крепости, которая разрушалась в большей степени расхищением, а не естественным путем. Местные жители растаскивали камень и похищали бревенчатые крепы, установленные еще Н. Е. Бранденбургом. Фотографии одних и тех же участков крепости, снятые Н. Е. Бранденбургом в конце XIX в. и Н. И. Репниковым в 1912 г., отражали очень сильное разрушение крепости за столь короткий промежуток времени. Вскоре действительный член ИРВИО князь С. Н. Щербатов предложил материальную помощь для срочного укрепления разрушающихся мест крепости (Ф. 11. Оп. 1. Д. 168. Л. 1об.).

В своем выступлении Н. И. Репников предложил передать Ладожскую крепость под управление светского научного учреждения, изъяв памятник из ведения местного причта, не осознающего его важность и никак не охраняющего его. Также он предложил запретить совершать новые погребения у церкви на территории крепости (*Там же*. Л. 1). После обсуждения доклада Разряд возбудил ходатайство об установлении Министерством внутренних дел охраны Ладожской крепости как особо значимого военно-исторического памятника (Ф. 6. Оп. 5. Д. 294. Л. 3).

Археологическими исследованиями военно-исторических памятников активно занимались и члены Киевского отдела Общества. В 1908 г. ИАК развернула систематические раскопки на Старо-Киевской горе, рассчитанные на 10 лет. Киевский отдел ИРВИО сосредоточился на изучении Десятинной церкви (Успения Пресвятой Богородицы). Раскопки под руководством члена ИАК историка и археолога Д. В. Милеева дали очень ценный материал. Были обнаружены остатки восточной части древнего храма, крепостной вал, найден клад, в котором были золотые и серебряные монеты, а также женские украшения тонкой ювелирной работы. Изначально клад был помещен на хранение в Эрмитаж, где и находился до 1932 г., когда его передали в Харьковский исторический музей имени Г. С. Сковороды. Во время Великой Отечественной войны клад пропал (*Корзухина*, 1954. С. 32).

Скоропостижная смерть Д. В. Милеева от сыпного тифа 19 июля 1914 г. не позволила довести исследования до конца и полностью опубликовать материалы раскопок. Члены Киевского отдела были заинтересованы в совместной работе с ним по изучению крайне интересного памятника — крепостного вала (Ф. 11. Оп. 1. Д. 91. Л. 145об.). Тем не менее в 1909 г. они успешно завершили исследование вала Старо-Киевской крепости, находившегося в усадьбе М. М. Петровского.

Раскопки в центральной части Киева вызвали небывалый интерес у ряда общественных организаций и подтолкнули их заняться сохранением этих исторических памятников. После раскопок журналисты назвали усадьбу Петровского «Русским Капитолием». Для сохранности столь ценного памятника в 1911 г. на XV Археологическом съезде было решено приобрести владения М. М. Петровского в казну, но с началом Первой мировой войны все финансовые дела по этому вопросу были прекращены (*Корзухина*, 1956. С. 319).

Летом 1910–1911 гг. члены Киевского отдела присоединились к раскопкам В. В. Хвойко, начатым в 1909 г. в с. Белгородка. Совместно с известным археологом они исследовали вал Белгородской крепости (Ф. 11. Оп. 1. Д. 223. Л. 21). Раскопки показали, что в цепи укреплений Киевского треугольника Белгород являлся одним из важнейших военно-торговых узлов. При изучении вала выяснено, что материалами для его необычайно прочных и сложных по конструкции массивных уступообразных стен служили кирпич-сырец, дерево и глина (рис. 5). На гребне вала был открыт частокол из дубовых кольев (Ф. 11. Оп. 2. Д. 52. Л. 16об.). Удачно подобранный материал и сама конструкция Белгородского вала позволили увеличить высоту и крутизну его склонов.

В 1914 г. В. В. Хвойко продолжил раскопки древнего трехапсидного храма Святых Апостолов, чему ранее мешали хозяйственные постройки владельца усадьбы. К 1914 г. эти постройки перенесли в другое место, что позволило открыть все части церкви. Удалось обнаружить один из столбов храма с великолепными фресками в чисто византийском стиле. Обращали на себя внимание и остатки прекрасных поливных плит, покрывавших пол в церкви (*Там же*. Л. 15об., 17).

Также проводились археологические исследования одноапсидной церкви, конструкция которой напоминает базилики Херсонеса, и частных зданий XI в., где выявлены остатки пола с поливными

І. РЕКОНСТРУКЦІЯ ВАЛА.

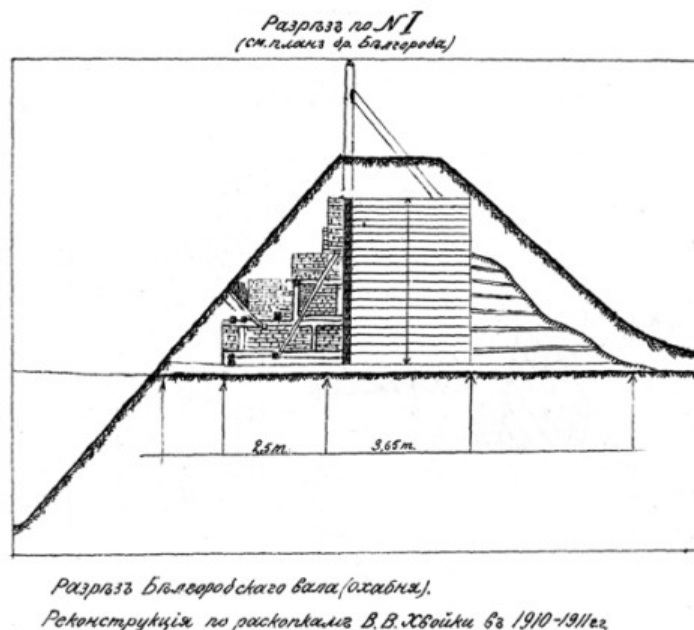

Рис. 5. Разрез Белгородского вала. Реконструкция по раскопкам 1910–1911 гг. (НА ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 2. Д. 52. Л. 14об.)

Fig. 5. Section of the Belgorod rampart. Reconstruction after excavations of 1910–1911 (Scientific Archives of VIMAIViVS. Arch. col. 11. Inv. 2. F. 52. Sh. 14rev.)

плитками, схожие с плитками храма Святых Апостолов. Интригой в археологических разведках В. В. Хвойко в июне 1914 г. стало обнаружение тайного хода, который был прослежен на 23 м. Работы были прекращены из-за удушливых газов, появившихся на этой глубине. По старинным преданиям, во время осады Белгородской крепости в 1240 г. в тайник были спрятаны колокола, богатая церковная утварь и драгоценности. Хвойко предполагал, что сокровища могли находиться в тайнике, так как старинные клады в Белгородке ранее не находили (*Там же*. Л. 17–17об.). Для привлечения внимания специалистов к этим исследованиям в Белгородке Киевский отдел ИРВИО организовал 6 июля 1914 г. экскурсию на открытые объекты (Ф. 11. Оп. 1. Д. 223. Л. 30).

Начало Первой мировой войны помешало В. В. Хвойко завершить намеченные исследования, а в ноябре 1914 г. он скоропостижно скончался. Его раскопки этого года не были завершены, они почти неизвестны исследователям.

В 1914 г. Киевский отдел планировал провести военно-историческое и археологическое исследование Китаевского городища с прилегающими к нему пещерами и могильниками (*Там же*.

Л. 20об.). В начале июня 1914 г. председатель Киевского отдела генерал-адъютант Н. И. Иванов просил совет ИРВИО ходатайствовать перед ИАК о выдаче Открытого листа для производства раскопок действительному члену Общества полковнику Г. Н. Гамзагурди (*Там же*. Л. 20). Руководить раскопками должно было образованное постоянное Совещание, членами которого стали: командир 6-го понтонного батальона полковник Г. Н. Гамзагурди, заслуженный профессор Киевской духовной академии В. З. Завитневич, археолог В. В. Хвойко, знаток топографии Киева и окрестностей Л. П. Добровольский и редактор «Военно-исторического вестника», издаваемого Киевским отделом Общества, капитан Н. Ф. Наркевич (*Там же*. Л. 21).

Для предстоящих работ был снят детальный план Китаевского городища, Китаевской пустыни и ее окрестностей. Раскопки в городище планировались на несколько лет вперед. Их основной целью было определить время основания городища и этапы его развития. Необходимо было проверить предположения видного украинского ученого профессора М. А. Максимовича о том, что Китаевское городище — это древний Пересечень,

и установить связь этого выдающегося фортификационного сооружения с другими древними защитными памятниками вокруг Киева. Раскопки всех трех валов городища члены Киевского отдела начали в июне 1914 г. (*Там же*. Л. 48об.), но Первая мировая война прервала эти исследования. Задачи раскопок остались нерешенными.

В круг интересов членов ИРВИО помимо исследования крепостей входило и изучение полей древних битв. Долгое время попытки многих исследователей прояснить этот вопрос были неудачными. Так, Н. Е. Бранденбург интересовался местом битвы на реке Калке 1223 г. В 1902 г. он совершил поездку в Мариупольский уезд для сбора информации и проведения археологической разведки. Однако все его усилия дали ничтожно мало материала (*Бранденбург*, 1908. С. 182).

30 марта 1910 г. на заседании Разряда ВАиА был заслушан доклад А. А. Спицына «Поход на Калку», содержащий анализ всех письменных источников об этом историческом событии, включая китайскую историю Юань-ши. В заключение автор высказал пожелание к членам Общества организовать археологическую разведку для поиска места битвы. А. А. Спицын предложил кандидатуру В. В. Саханева как вполне подготовленного специалиста для проведения таких изысканий. Стоимость работ была определена в 150 руб., и секретарь Разряда Н. М. Печенкин предложил принять на свой счет расходы по проведению изыскательских работ (*Журналы...*, 1911. С. X).

Летом 1910 г. В. В. Саханев был командирован на предполагаемое место битвы на Калке. План его действий предполагал движение вверх по реке Кальчик с осмотром ее берегов и разведочными раскопками (*Разряд...*, 1913. С. 6). Но работы не были выполнены из-за холерной эпидемии, начавшейся тогда в Мариупольском уезде.

При содействии Одесского отдела ИРВИО в лице воинского начальника Мариуполя полковника И. Лебедева и священника Б. Кириакова, который давно интересовался вопросом и даже собрал коллекцию старинных воинских предметов с этих мест, В. В. Саханев только смог внимательно изучить местность. Визуальный осмотр не дал точных результатов, но исходя из летописных описаний, Всеволод Владимирович пришел к заключению, что столкновение татар с князем Мстиславом Галицким произошло в верховьях Кальчика, на поле вблизи с. Малый Янисоль. Битва Мстислава Киевского, по его мнению,

произошла в верховьях р. Каратыш, в местности «Каменные могилы». Жители ближайших селений передали ему несколько наконечников стрел и сообщили о находке множества человеческих костей (Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 126).

После командировки В. В. Саханев предложил Разряду ВАиА продолжить изучение вопроса о месте битвы на Калке путем проведения ряда раскопок, которые могут дать, помимо костей, наиболее характерные вещи: крестики, шлемы, мечи, шпоры, из которых могут быть особо ценные с надписями (*Саханев*, 1915. С. 34). По предложению председателя Разряда, было решено продолжить археологическую разведку в следующем году, но сделать этого не удалось (Ф. 11. Оп. 1. Д. 82. Л. 57).

По предложению Предварительного комитета XVI Всероссийского археологического съезда, намеченного на август 1914 г. в Пскове, члены Разряда занимались археологической разведкой в поисках места Шелонской битвы 1471 г. Еще в 1889 г. Н. Е. Бранденбург совершил поездку к р. Шелонь и оставил отчет, в котором отразил, что отыскать «Дрянью реку», по выражению Псковской летописи, не представляется возможным. Тем не менее, согласуясь с преданиями, он предполагал, что сражение произошло у д. Велибицы. В 1848 г. крестьяне этой деревни при раскопке одного из курганов обнаружили русское воинское снаряжение, переданное в Новгородский земский музей. В 1875 г. часть предметов из этой коллекции (железный полированный шлем, украшенный полукольцами и острыми углами, кольчуга и панцирь) поступили в Артиллерийский музей (Ф. 22. Оп. 111. Д. 3. Л. 169).

Поиски места Шелонской битвы проходили по программе Особой комиссии под председательством А. К. Байова (*Известия...*, 1913. С. 165). Связанные с этим мероприятия выполнял Н. М. Печенкин. Он предварительно собрал все легенды о битве, бытовавшие у населения, и изучил местные церковные архивы. Работы, начатые летом 1913 г., включали в себя археологические разведки и раскопки в окрестностях д. Велебицы со снятием плана местности. Н. М. Печенкин шурфовал вероятное поле битвы в местах, где ранее находили кости. Его разведки не дали определенных результатов, хотя археолог согласился с мнением Н. Е. Бранденбурга, что битва на Шелони скорее всего происходила около д. Велебицы (Ф. 11. Оп. 1. Д. 168. Л. 52).

В результате проведенных изысканий А. К. Байов издал обстоятельное исследование о Шелонской битве (Байов, 1915). По мнению автора, эта битва является одним из замечательных образцов военного искусства нашей старины.

Следует признать, что археологические раскопки, архитектурные обмеры и исследования мест древних битв, произведенные Разрядом

Военной археологии и археографии ИРВИО, внесли весомый вклад в развитие отечественной археологической науки. Члены Разряда проделали немалую работу по изучению и сохранению старинных русских защитных сооружений, что явилось в высшей степени важным и своевременным предприятием, значение которого трудно переоценить.

НА ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5. Д. 294; Ф. 11. Оп. 1. Д. 7, 9, 30, 37, 56, 59, 60, 63, 70, 73, 78, 82, 90, 91, 137, 141, 165, 168, 223, 373; Оп. 2. Д. 52; Ф. 22. Оп. 111. Д. 3.

Байов, 1915 — Байов А. К. Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля. Пг.: Тип. Императорской Николаевской воен. академии, 1915. 85 с.

Бранденбург, 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб.: Тип. Гл. управления уделов. 323 с.

Бранденбург, 1908 — Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб.: Голике и Вильборг, 1908. 223 с.

Гайдуков, Жервэ, 2011 — Гайдуков П. Г., Жервэ Н. Н. XV Археологический съезд в Новгороде 1911. Путеводитель. М.: ИА РАН, 2011. 327 с.

Журналы..., 1911 — Журналы заседаний разряда Военной археологии и археографии // Записки разряда Военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1911. Т. I. С. I–XXXI.

Журналы..., 1912 — Журналы заседаний разряда Военной археологии и археографии // Записки разряда Военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. Т. II. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1912. С. I–XIX.

Известия..., 1913 — Известия Императорского Русского военно-исторического общества. Деятельность Общества // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 4. С. 159–165.

Кирпичников, 2013 — Кирпичников А. Н. Первая столица Руси Старая Ладога // Наше наследие. М., 2013. № 106. С. 37–49.

Корзухина, 1954 — Корзухина Г. Ф. О причинах закрытия кладов // Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 158 с.

Корзухина, 1956 — Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. 1956. Т. XXV. С. 318–342.

Ласковский, 1858 — Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб.: Изд-во Имп. Академии Наук, 1858. Ч. I: Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. 315 с.

Печенкин, 1905 — Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях Севастополя // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1905. № 38. С. 32–37.

Печенкин, 1911 — Печенкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1911. Вып. 42. С. 108–126.

Протоколы..., 1914 — Протоколы // Тр. XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. / Ред. П. С. Уварова. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. С. 1–197.

Переписка..., 1999 — Переписка Н. К. Рериха и членов Императорской Археологической Комиссии (1894–1922) // Петербургский рериховский сборник. Вып. II–III / Ред. А. А. Бондаренко. Самара: Изд. дом «Агни». С. 151–357.

Разряд..., 1913 — Разряд военной археологии и археографии // Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества 1907–1912 гг. СПб.: Тип. Имп. Николаевской военной академии, 1913. С. 3–11.

Рерих, 1911 — Рерих Б. К. Новгородские стены. Отдельный оттиск доклада автора 4-му Съезду русских зодчих. СПб.: Гос. тип., [1911]. 8 с.

Рерих, 1999 — Н. К. Рерих в публикациях императорской Археологической комиссии (1896–1919) // Петербургский рериховский сборник. Вып. II–III / Ред. А. А. Бондаренко. Самара: Изд. дом «Агни». С. 361–767.

Саханев, 1915 — Саханев В. В. Разведка на месте битвы при реке Калке 1224 г. // ЗОРСА ИРАО. Пг., 1915. Т. XI.

Российская эпитафия после Латышева (1921–1941).

I. Керамические клейма^{1, 2}

Н. А. Павличенко³

Аннотация. В статье рассматривается история изучения керамических клейм в России в два предвоенных десятилетия — 1921–1941. В это время были атрибутированы керамические клейма двух причерноморских центров производства — Гераклеи Понтийской и Синопы и собран материал для III тома IOSPE, на котором основываются современные исследования по керамической эпитафии в России и за рубежом.

Annotation. This paper considers the history of studying ceramic stamps in Russia within the two pre-war decades of 1921–1941. It was during this period that ceramic stamps of two North Black Sea manufacturing centres, i.e. Herakleia Pontike and Sinope, were identified and the data were collected for IOSPE. vol. III which is the basis of modern investigations on ceramic epigraphy in Russia and abroad.

Ключевые слова: В. В. Латышев, российская эпитафия, керамические клейма, III том IOSPE.

Keywords: V. V. Latyshev, Russian epigraphy, ceramic stamps, volume III of IOSPE IOSPE. vol. III.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-301-311

2 мая 1921 г. исполняется 100 лет со дня смерти Василия Васильевича Латышева — филолога-классика, достигшего равного успеха в академической и служебной карьере, блестящего эпитафиста, чьи заслуги как ученого, поднявшего русскую эпитафику вровень с западноевропейской, признавались и в России, и за рубежом (Жебелев, 1926. С. 105–110; Яйленко, 1972. С. 175–188; Тункина, 1999. С. 172–288; 2017. С. 388–389). После выхода в свет I тома *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini* он стал, по определению С. А. Жебелева, «монопольным хозяином» отечественной эпитафии, который крайне ревниво относился ко всем коллегам (Жебелев, 1926. С. 108). Неодно-

кратно указывалось, что такая концентрация материала в одних руках имела как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, это обеспечивало высокий уровень издания всех попадавших в его руки эпитафических памятников. С другой — не давало молодым исследователям возможности специализироваться в области изучения причерноморских лапидарных надписей, хотя именно у Латышева, преподававшего на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1884–1890) и в Историко-филологическом институте (1883–1887), директором которого он стал после смерти К. В. Кедрова (1903–1918), была наилучшая возможность найти хотя бы нескольких склонных к занятиям эпитафикой молодых людей.

О характере взаимоотношений Латышева с коллегами можно судить, например, по истории издания декрета Акорниона из Дионисополя (совр. г. Балчик). Осенью 1895 г. В. В. Шкорпил сообщает В. В. Латышеву о просьбе своего брата, болгарского археолога Карела Шкорпила, «издать вместе с ним замечательную греческую надпись, которая проливает яркий свет на исто-

¹ Статья представляет первую часть работы о путях развития русской эпитафии после смерти акад. В. В. Латышева и посвящена истории изучения керамических клейм в 1921–1941 гг. Вторая часть будет посвящена истории изучения лапидарной эпитафии этого периода.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-09-40115 (Древности).

³ Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 199186, Россия.

рию царя Биребисты» (IGBulg. Vol. I. 13) и пересылает ему несколько хороших фотографий декрета и заметки К. Шкорпила об этой надписи. В. В. Шкорпил пишет, что для него важно, «чтобы надписи, находимые моими братьями в Болгарии, издавались в России, а не в Вене» (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–8). Латышев мгновенно издает ее, но только под своим именем, К. Шкорпил упоминается в ней только как автор находки (Латышев, 1896. С. 1–19; Тункина, 1999. С. 189–190).

В декабре 1915 г. директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев, отвечая на очередной запрос В. В. Латышева, написал: «Ваша просьба о пересмотре всей коллекции надписей Музея застала меня как раз за этой работой — уже летом я при помощи Е. О. Прушевской приступил к подготовке каталога надписей музея — работа эта успешно продвинулась. Можно сказать, что $\frac{3}{4}$ материала опознано и переписано с указанием соответствующей литературы... И приступая к работе, имею в виду Ваше благосклонное содействие, в котором прошу не отказать, в появлении нашего каталога в печати. Конечно, необходимо, чтобы в него вошел и весь новый еще не изданный материал, который я Вам в скором времени представлю...» (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 33. Л. 3об.–4об.). Судя по письму Л. А. Моисеева от 2 апреля 1916 г., В. В. Латышев не счел нужным сообщить ему о своих планах по переизданию I тома IOSPE — «В общем же очень жаль, что мне не было, до моего приезда в Петроград, известно о переиздании Вами всего *Corpus*, если бы я знал, то не затрачивал бы минувшим летом время на подготовку издания каталога херсонесских надписей и своевременно доставил бы Вам необходимые для Вас эстампажи» (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 33. Л. 7).

Подобные ситуации, демонстрирующие достаточно пренебрежительное отношение к коллегам, пожалуй, объясняют, почему Латышев не оставил после себя научной школы. Что же происходило с российской эпиграфикой и, в частности, с керамической эпиграфикой после 1921 г.?

История издания III тома IOSPE восходит к 1897 г., когда В. В. Латышев предложил Совету РАО передать составление этого тома, куда, по первоначальному плану А. Я. Гаркави, И. В. Помяловского и Ф. Ф. Соколова, должны были войти надписи на различных предметах утвари,

включая и керамические клейма⁴, Е. М. Придику (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 152. Л. 53).

Эта рекомендация оказала определяющее влияние на развитие керамической эпиграфики в России. Масштабность задачи, необходимость совмещать подготовку III тома с работой в Эрмитаже и преподаванием не дали Е. М. Придику возможности вовремя закончить этот том, о чем довольно резко высказывались его коллеги (Жебелев, 1923. С. 99, прим. 2; Ростовцев, 1925. С. 175; Тункина, 1999. С. 191; Павличенко, 2000. С. 196–204). Действительно, несмотря на то что сбором и обработкой материала для III тома IOSPE Придик в той или иной мере занимался всю свою жизнь, после 1898 г. занятия керамическими клеймами отошли для него на второй план вплоть до 1919 г., когда он становится сотрудником РГАК, а затем РАИМК, и работа над этим томом была заявлена в качестве его плановой темы (Виноградов, 2013. С. 161). В 1919 г. В. В. Латышев писал в отчете разряда древностей греческих колоний юга России РАИМК: «...работа настолько продвинута вперед, что в других, более благоприятных условиях можно было бы уже приступить к печатанию...» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 1). Возможно, он слегка преувеличивал, но хранящаяся в Научном архиве ИИМК картотека керамических клейм и граффити (НА ИИМК. РО. Ф. 33. Д. 1–65) показывает, что степень готовности рукописи была действительно достаточно высока. В статьях 1920-х гг. Придик отмечает, что он вынужден дать предварительный список имен встреченных в Северном Причерноморье родосских и синопских эпонимов и фабрикантов, так как, хотя рукопись давно готова, III том IOSPE не может быть напечатан по независящим от него обстоятельствам (Pridik, 1926. S. 307; 1928. S. 3). Таким образом, работа над рукописью III тома заняла у Е. М. Придика около 30 лет.

Мог ли кто-то другой взять на себя смелость предложить вместо него свою кандидатуру, например в 1901 г., когда Совет РАО пенял Е. М. Придику на задержку с выходом III тома (НА ИИМК. РО. Ф. 3. Д. 152. Л. 67–68)? Ведь публикация корпуса, несомненно, дала бы толчок

⁴ Публикации керамических клейм, иногда с кратким комментарием, упоминаются в библиографических обзорах причерноморской эпиграфики (Новосадский, 1938. С. 200–202, 206; Kosevalov, 1948. S. 263–270; Авдеев, Ефремов, 2012. С. 554–594).

развитию керамической эпиграфики точно так же, как это произошло с изучением лапидарных надписей после выхода в свет I и II томов IOSPE.

В последней четверти XIX и начале XX в. найденные в Северном Причерноморье керамические клейма публиковались главным образом исследователями, жившими и работавшими на юге России — например, В. В. Шкорпиллом, Э. Р. фон Штерном, В. Н. Юргевичем, Хр. П. Ящуржинским (Федосеев, 2012а. С. 376–385). Все они были слишком заняты своей непосредственной деятельностью. Сомнительно, чтобы кто-то из них рискнул взяться за публикацию всех южно-русских клейм и отважился соперничать с хранителем императорского Эрмитажа, впоследствии возглавлявшим его I Отделение, чья кандидатура была предложена РАО самим В. В. Латышевым. Также сомнительно, что их кандидатура устроила бы Совет РАО, который был инициатором издания IOSPE и который принимал решение о выборе составителей корпуса.

В 1924 г., когда теперь уже РАИМК настаивала на скорейшей публикации III тома, его издание вряд ли было возможно и из-за стоимости издания, и из-за того, что Придик снова совмещал работу в академии с работой в Эрмитаже и университете, и из-за его ухудшающегося зрения. И. Г. Спасский в очерке истории отдела нумизматики в Эрмитаже пишет, что в 1922 г. А. Н. Зограф возглавил отделение «вместо очень состарившегося, почти ослепшего Е. М. Придика» (Спасский, 1970. С. 189, 204).

В результате, сложилась парадоксальная ситуация: Е. М. Придик в течение многих лет удерживал за собой издание корпуса причерноморских клейм, являлся признанным специалистом в этой области, но работ по керамической эпиграфике оставил совсем немного. Правда, и весь список его публикаций насчитывает только около 30 пунктов (Павличенко, 2000. С. 205, 206).

Помимо «Инвентарного каталога» клейм эрмитажного собрания (Придик, 1917), рассматривавшегося современниками как некая вынужденная замена III тома IOSPE (Reinach, 1923. P. 198), керамической эпиграфике посвящены только две его ранние статьи о клеймах западного склона Акрополя (Придик, 1896, 1897) и две статьи 1920-х гг., в которых публикуется материал, собранный во время подготовки этого тома.

В статье в Кlio Придик рассматривает несколько штампов из раскопок родосского Иали-

са, в лемму которых входят два личных имени и название месяца (Придик, 1926. S. 303–331). Ряд исследователей, среди которых были Х. фон Герtringен и М. Нильссон, полагали, что в этих штампах объединены имена эпонима и гончара; К. Шухардт, напротив, считал второе имя патронимиком, употребленным для того, чтобы различить омонимы. В одном случае, основываясь на причерноморских аналогиях, Придик доказывает правоту Шухардта, а во втором предлагает правильное чтение клейма по гипсовому слепку, присланному ему в 1925 г. из Британского музея. В этой же статье Придик подводит итог своих занятий родосскими клеймами (по его словам, всего ему известно 4764 штампа) и приводит список эпонимов и фабрикантов, засвидетельствованных в Северном Причерноморье.

Статья об именах астиномов в клеймах на амфорах и черепице (Придик, 1928. S. 3–41) представляет собой предваряемые небольшим введением списки имен астиномов в сочетании с встречающимися с ними именами фабрикантов. Херсонесских астиномов и астиномов из клейм с эмблемой «орел на дельфине», которые, по его мнению, имеют безусловно синопское происхождение, Придик выделяет в отдельные группы. Учитывая, что имена на монетах некоторых малоазийских полисов совпадают с именами астиномов в керамических клеймах (как, например, имя Ἰφίς на синопских монетах), он предполагал, что и остальные астиномные клейма также происходят из какого-то ионийского полиса в Малой Азии.

Хотя в обеих статьях отсутствуют какие бы то ни было общие выводы, да и вопрос о сочетаемости имен в родосских штампах относится скорее к числу частных, тем не менее приведенные Придиком списки корреляции имен родосских и синопских эпонимов и фабрикантов, равно как и его каталог эрмитажных клейм, в то время, когда рукопись III тома IOSPE была недоступна для западных ученых, имели важное значение для исследователей, занимающихся вопросами абсолютной и относительной хронологии родосских и синопских клейм (см., например: Grace, 1934. P. 276; 1953. P. 116).

В последней статье Е. М. Придика публикуются 208 клейм на амфорах Синопы, Родоса, Книда, Фасоса, Гераклеи Понтийской, Аканфа и на боспорской черепице, обнаруженных при раскопках Тиритаки и Мирмекия 1933–1934 гг. (Придик, 1941. С. 173–193) Краткие характеристики

истории изучения и современного состояния исследования клейм всех этих центров, вероятно, являются переработанным текстом введения к соответствующим разделам III тома IOSPE (ср.: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 33. Д. 1. Л. 1–15). Самым значительным отступлением от этого историографического обзора является пассаж об обязанностях астиномов: в отличие от Б. Н. Гракова, он считал их не магистратами с чисто полицейскими функциями, но полагал, что астиномы играли роль своего рода «городских голов, бургомистров» (Придик, 1941. С. 173, 174)⁵. Статья о клеймах Тиритакки и Мирмекия была опубликована посмертно — Е. М. Придик умер в 1936 г. Как следует из редакционного примечания, она была закончена Б. Н. Граковым (*Там же*. С. 173, прим. 1).

Московский филолог-классик, археолог и эпиграфист Б. Н. Граков начинал работать в Государственном историческом музее, где он, еще будучи студентом, занимался обработкой коллекции амфорных и черепичных клейм (Мелюкова, Свиридов, 2004. С. 47–49). Поступив в 1924 г. в аспирантуру РАНИОН, он обнаруживает, что для занятий керамическими клеймами коллекций ГИМ недостаточно. В том же году он едет в Эрмитаж, где знакомится с Е. М. Придилом. В декабре 1924 г. Граков сообщает О. А. Кривцовой, что приняли его «очень радушно», и что «особенно Придик помогает мне своим неопубликованным корпусом» (*И жизнь...*, 2011. С. 7, 8). По всей видимости, их отношения быстро стали дружескими. Во всяком случае, в 1928 г. Е. М. Придик объясняет отсутствие хронологического определения клейм с именами астиномов тем, что «mein junger moskauer Freund, Hr. Boris Grakow» подготовил обширное исследование об этих клеймах (Придик, 1928. С. 3). В статье 1926 г. Придик оставляет в стороне вопрос о хронологии родосских эпонимов, так как «молодой многообещающий московский ученый Борис Граков занят этой интересной и сложной проблемой, и я не хочу предвосхищать его результаты. Я предоставил в его распоряжение все свои материалы и надеюсь, что с привлечением всех эпиграфических и нумизматических

источников он сможет решить этот вопрос» (Придик, 1926. С. 320).

Можно предположить, что под «mein ganzes Material» имелись в виду не только родосские клейма, но и весь материал к III тому IOSPE, и что Придик в значительной степени направлял занятия Гракова по керамической эпиграфике. На вероятность такого предположения указывает то, что его кандидатская диссертация «Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов» (Граков, 1928) имеет посвящение «Профессору Евгению Мартиновичу Придику». О почтительном отношении Б. Н. Гракова к своему учителю и старшему коллеге, которого он считал «крупнейшим знатоком керамических надписей» (*Там же*. С. 15), свидетельствует и тот факт, что на титульном листе рукописи III тома IOSPE фамилия учителя стоит на первом месте⁶, и то, что даже в частной переписке, упоминая о работе над корпусом клейм, он часто говорил о нем, как о «корпусе Придика» (см., например, письма к О. А. Кривцовой от 17 и 27 августа, 16 сентября 1948 г. — *И жизнь...*, 2011. С. 258, 269, 291).

Уже в первой своей статье о керамических клеймах (Граков, 1926. С. 165–206) Граков ставит и успешно решает чрезвычайно важный для причерноморской археологии вопрос об атрибуции амфор с энглифическими клеймами на горлах, которые являются одной из самых многочисленных групп амфорной тары для Северного Причерноморья IV — начала III в. до н. э. Граков предположил, что их производила Гераклея Понтийская или, с меньшей долей вероятности, еще один дорийский полис — Каллатис⁷. Его аргументы,

⁶ Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (IOSPE. Vol. III). Составители Е. М. Придик и Б. Н. Граков // НОА ИА РАН. Р-2, № 2157–2198.

⁷ Еще до Б. Г. Гракова мнение о гераклейском происхождении этой группы клейм в осторожной форме и без какой бы то ни было аргументации высказывалось Ю. Ю. Марти (Марти, 1913. С. 78). Следует отметить, что несколько десятилетий спустя сам Граков полностью не исключал возможности каллатийского происхождения амфор с энглифическими клеймами (Граков, 1954. С. 82). De visu Граков имел возможность ознакомиться только с коллекцией энглифических клейм из собрания Гос. исторического музея (в конце работы приведен каталог энглифических клейм ГИМ — всего 65 экз.), остальной материал (около 800 экз.) он знал по публикациям и по снабженной прорисовками картотеке Е. М. Придика (Граков, 1926. С. 167).

⁵ Хотя функции астиномов, несомненно, различались от полиса к полису, следует отметить, что и в идеальном государстве Платона, и в некоторых малоазийских полисах астиномы занимали достаточно высокое положение в полисной администрации (Novoselova, *Namoylik*, 2018. Р. 302–305).

впоследствии изложенные в расширенном виде в предисловии к гераклейскому разделу III тома IOSPE (НОА ИА РАН. Р-2, № 2179), сводились к следующему: 1) ареал распространения этих клейм ограничен Причерноморьем; 2) дорийский диалект, ряд особенностей которого указывает на Мегары; 3) присутствие малоазиатских имен в леммах этих клейм; 4) эмблема «палица», находящаяся соответствия в монетных эмблемах только трех мегарских колоний: Гераклеи Понтийской, Каллатиса и Херсонеса Таврического.

Е. М. Придик, считавший эту атрибуцию Б. Н. Гракова «вероятным предположением», полностью ее одобрил (Придик, 1941. С. 173, 178). В 1950-е гг. она была принята многими его современниками (Нейхардт, 1951. С. 7–8; Максимова, 1954. С. 52).

Другие ленинградские исследователи, впрочем, сомневались в правоте московского коллеги. В 1934 г. Т. Н. Книпович опубликовала в приложении к статье о находках 1928 г. на городище у станицы Елизаветовской список найденных там клейм (Книпович, 1934. С. 200, 201)⁸. Комментируя находки амфорного материала, она указывает на ряд соответствий личных имен в английских и херсонесских клеймах и на многочисленные находки в Херсонесе столовой керамики той же глины, что и амфоры с английскими клеймами, и приходит к ошибочному выводу о вероятности херсонесского происхождения этой группы амфор (Там же. С. 158, 159). В последующих публикациях она уже полностью принимает точку зрения Гракова (Книпович, 1949а. С. 26).

Аргументированное несогласие с атрибуцией Гракова высказал также харьковский филолог-классик А. С. Коцевалов. Указав на фонетические явления, общие для дорийских диалектов западной группы древнегреческого языка, он не увидел в диалекте английских клейм никаких «специфически мегарских» черт и противопоставил атрибуции Гракова гипотезу о происхождении амфор с английскими клеймами, «например, из одной из коринфских колоний» (Коцевалов, 1940. С. 270, 271). Эта гипотеза противоречит тому факту, что в Причерноморье отсутствуют коринф-

ские апойкии, и тому, что в IV и тем более в III в. до н. э., к которому в то время относили амфоры с английскими клеймами, все греческие диалекты испытали сильное влияние койне, так что язык сохраняет только наиболее стойкие диалектные черты. В своем послевоенном обзоре советской литературы по античной эпиграфике Коцевалов уже не упоминает об этой своей гипотезе, по-видимому, соглашаясь с предположением Б. Н. Гракова о производстве этих амфор в Гераклее Понтийской или Каллатисе (Коцевалов, 1948. С. 269)⁹.

В 1928 г. была опубликована кандидатская диссертация Б. Н. Гракова «Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов» (Граков, 1928). По его словам, целью исследования было «возможно полное описание» клейм с именами астиномов на ручках амфор и на черепице, происходящих из ионийского центра, — херсонесские клейма с именами астиномов к тому времени были уже надежно атрибутированы. Граков первым применил для атрибуции и датировки группы клейм совокупность нескольких методов: 1) палеографического, 2) «метода исследования эмблем» (нумизматического), 3) установление синхронизма имен магистратов и фабрикантов, 4) ономастического, 5) лингвистического, 6) стратиграфического или археологического (Там же. С. 102–106). В пользу синопского происхождения этой группы клейм, по его мнению, свидетельствует поразительное единообразие глины и типа амфор с подобными клеймами, единообразие и постоянство ономастикона, указывающего на северное побережье Малой Азии, находящий аналогии в Милете ионийский диалект с небольшой примесью доризмов, полное совпадение эмблем с эмблемами синопских монет и ограничивающаяся перипломом Чёрного моря область распространения подобных амфор (Там же. С. 20–34).

Граков разбил 218 известных ему астиномов на шесть хронологических групп и датировал их временем с конца IV по первую половину I в. до н. э. (Там же. С. 110)¹⁰.

⁹ В последнее время дискуссия об атрибуции амфор с английскими клеймами вновь оживилась. Ряд исследователей предполагает, что они могли производиться в Аполлонии Понтийской (Балабанов, 2013. С. 240–250; Balabanov et al., 2016. Р. 53–57).

¹⁰ Всего ему было известно более 4000 синопских клейм: 1630 de visu и 2500 по публикациям (Граков, 1928. С. 9).

⁸ Клейма из раскопок 1928 г. были обработаны и подготовлены к печати бывшим в то время сотрудником Эрмитажа О. О. Крюгером (Книпович, 1934. С. 128). Естественно, возникает вопрос, почему Т. Н. Книпович не обратилась с просьбой определить клейма к признанному специалисту в этой области Е. М. Придику.

Эта книга Гракова сразу же вызвала оживленные отклики. А. Н. Зограф в обширной рецензии полностью одобрил сопоставление эмблем на синопских монетах и в астиномных клеймах и предложенную локализацию (Zograff, 1930. S. 173–178). А. С. Коцевалов, напротив, как и в случае с гераклеийскими клеймами, резко отверг синопское происхождение этой группы клейм (Kotzevaloff, 1933. S. 630–642). Сравнив их ономастикон с личными именами ольвийских, херсонесских и боспорских эпиграфических памятников, он предложил считать астиномные клейма или ольвийскими, или боспорскими. Позже он стал допускать синопское происхождение для клейм с эмблемой «орел на дельфине» (Коцевалов, 1940. С. 267–271), а в своем немецком обзоре уже просто констатирует синопскую атрибуцию Гракова (Kotzevaloff, 1948. S. 269).

Так же, как и в случае с англифическими клеймами, в вопросах локализации астиномных клейм Т. Н. Книпович опиралась на мнение А. С. Коцевалова и считала гипотезу Гракова «не достаточно обоснованной» (Книпович, 1934. С. 156–157). Но уже в 1949 г. в своем историко-археологическом исследовании о Танаисе она пишет, что теперь она «вполне убедилась в обоснованности мнения Б. Н. Гракова» (Книпович, 1949б. С. 75, прим. 1).

В. Ф. Гайдукевич, напротив, полностью принял локализацию Гракова. В рецензии на статью Коцевалова 1940 г. об эпиграфических памятниках из раскопок в Ольвии 1935 и 1936 гг. он указал на то, что степень изученности Ольвии, Пантикапея и Синопы и, следовательно, выборки доступного для сравнения ономастического материала абсолютно несопоставимы. Кроме того, он привел данные петрографических анализов, на основании которых доказывал невозможность производства амфор с астиномными клеймами в Ольвии или на Боспоре (Гайдукевич, 1934. С. 229–231; 1941. С. 134–135). Гипотезу Гракова впоследствии поддержали такие специалисты, как Н. И. Новосадский (Новосадский, 1938. С. 201), А. А. Нейхардт (Нейхардт, 1951. С. 11) и М. И. Максимова (Максимова, 1956. С. 10, 158). Проведенные в Синопе в 1951–1953 гг. раскопки окончательно подтвердили правильность его гипотезы (Akurgal, Budde, 1956. S. 1–41).

В то время как статья об англифических клеймах долгое время оставалась неизвестной западным исследователям, книга 1929 г. благодаря рецензиям Зографа и Коцевалова в немецких

журналах сразу же привлекла внимание зарубежных коллег. Среди принявших синопскую локализацию были В. Грейс (Grace, 1934. P. 217, 276) и Хр. Данов (Danov, 1938. С. 223–224)¹¹. Не согласился с атрибуцией Гракова только Карел Шкорпил (Шкорпил, 1935. С. 25), по мнению которого совпадения имен астиномов на клеймах, найденных в Истрии и в Ольвии, говорят о том, что астиномные клейма происходят из Ольвии.

Наибольшие возражения вызвали предложенные Б. Н. Граковым абсолютные датировки синопских клейм. А. Н. Зограф предлагал понизить дату начала клеймения до середины IV в. до н.э. (Zograff, 1930. S. 175). Несоответствие предложенных датировок с материалом из раскопок в Танаисе и на Боспоре отмечали Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевич (Книпович, 1934. С. 128–129; Гайдукевич, 1941. С. 136). Впоследствии эти замечания были приняты Б. Н. Граковым — так, в монографии о Каменском городище на Днепре он датирует начало клеймения третьей четвертью IV в. до н. э. (Граков, 1954. С. 90).

В своей докторской диссертации «Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли» (1939 г.) Б. Н. Граков демонстрирует возможности, которые может дать изучение клейменной керамической тары для исследования экономической истории античного мира. К сожалению, текст диссертации остался неопубликованным (НОА ИА РАН. 1939. P. 2. Д. 538; Шелов, Виноградов, 1977. С. 209–210).

Параллельно с дискуссиями о локализации и хронологии гераклеийских и синопских клейм в 1920–1930-е гг. продолжались публикации керамических клейм из раскопок различных северопричерноморских памятников. Для авторов большинства вышедших в это время статей керамическая эпиграфика не являлась предметом специального изучения. Некоторые из них были откровенно непрофессиональными. Так, в 1920-е гг. небольшие заметки о керамических клеймах из сборов и любительских раскопок в Евпатории продолжал публиковать преподаватель древних языков В. Ф. Штифтар (Штифтар, 1920. С. 304;

¹¹ Стоит упомянуть также, что, не зная о публикации Б. Н. Гракова, к такому же выводу самостоятельно пришел итальянский исследователь Г. Кантакузино (Cantacuzino, 1933. P. 614).

1927. С. 165, 166; *Кутайсов*, 2011. С. 34). Увлеченный педагог и краевед, он оставался археологом-любителем, что не могло не сказаться на уровне его публикаций (*Ростовцев*, 1925. С. 396).

В вышедшей перед самой войной статье Л. А. Ельницкий, руководствуясь совпадением ряда сокращений в боспорских черепичных клеймах и в некоторых амфорных клеймах, попробовал доказать существование в Пантикапее амфорного производства (*Ельницкий*, 1940. С. 318–324). Эта попытка оказалась неудачной, так как большинство амфорных клейм, которые он считал боспорскими, имеют книдское происхождение и принадлежат амфорам группы Б Зенона.

Керамическая эпиграфика была, к сожалению, не более чем эпизодом научной биографии и для директора Одесского историко-археологического музея, профессора Одесского Археологического института С. С. Дложевского. Проработав несколько лет в Ольвии под руководством Б. В. Фармаковского, после смерти последнего он возглавил Ольвийскую экспедицию. С. С. Дложевский опубликовал ряд статей об ольвийских эпиграфических находках и о материалах из фондов Николаевского и Херсонского музеев. В их числе было сообщение о редком клейме, которое он считал книдским, с леммой Ἀγαθοκλεῦς / καὶ τοῦ ἱερέως из раскопок в Ольвии в 1925 г. (*Дложевский*, 1930а. С. 52–53) и статья об амфорных клеймах из ольвийских раскопок 1926 г. В ней публикуется 153 клейма на амфорных ручках (большая часть, 131 экз. — родосские), найденные на участках «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е» к западу и северо-западу от Зевсова кургана, и аналогии к ним. В конце 1926 г. Одесский историко-археологический музей выслал эти клейма Е. М. Придику, намеревавшемуся включить их в рукопись III тома IOSPE. По словам Дложевского, весной 1927 г. Придик любезно разрешил ему ознакомиться с результатами своей работы и внести необходимые исправления в чтения клейм (*Дложевский*, 1930б. С. 114, прим. 1). Целью работ 1926 г. было уточнение местоположения Ольвийского городища в архаическую и эллинистическую эпоху, для чего, пожалуй, впервые фиксировалось точное место находки каждого клейма. Дложевский замечает, что в этом случае можно датировать клеймо не только на основании аналогий, но и «і за точним місцем їхнім підчас розкопів». Он делает вывод, что, как и следовало ожидать, керамические

клейма находят только в эллинистических слоях (*Там же*. С. 113).

Клейма из раскопок Ольвии 1920–1937 гг. были подготовлены к печати А. С. Коцеваловым, но, к сожалению, статья «Керамические надписи на памятниках, найденных в Ольвии в 1920–1937 гг. и на беспаспортных экспонатах Николаевского исторического музея» осталась неопубликованной. В это же время он публикует небольшую заметку о книдском клейме из раскопок Ольвии (*Kocevalov*, 1934. S. 286–288).

Время от времени отдельные керамические клейма издавались вместе с прочими находками, как, например, синопские и гераклеийские клейма на амфорах и пифосах из раскопок Херсонеса (*Белов*, 1941. С. 222; *Тихтай*, 1940. С. 54–55) или родосское клеймо из случайных находок жителей станицы Даховской (*Лунин*, 1939. С. 211–212).

В отличие от исследований по амфорным клеймам, исследования о клеймах на черепице не избежали идеологического влияния. В вышедшем в 1934 г. сборнике «Из истории Боспора» были опубликованы статьи В. Ф. Гайдукевича и Б. Н. Гракова о боспорских черепичных клеймах, в которых виден социальный заказ — исследования в области экономической и политической истории рабовладельческого общества (*Гайдукевич*, 1934. С. 211–315; *Граков*, 1934. С. 202–210). Несмотря на некоторые отличия в датировках, оба исследователя датировали боспорское черепичное клеймение серединой IV — началом II в. до н. э. и считали, что наряду с частными мастерскими существовали и являвшиеся собственностью боспорских царей черепичные заводы, где эксплуатировался рабский труд (*Гайдукевич*, 1934. С. 270; *Граков*, 1934. С. 209–210; *Кац*, 2007. С. 327–329; *Кузнецов*, 2008. С. 396; *Федосеев*, 2012б. С. 15–21). Доказательством этого они полагали наличие в клеймах имен царей или их ближайших родственников, сменившиеся затем словами βασιλικός, βασιλική¹². Обе статьи являются строго научными исследованиями, в которых всесторонне рассматривается производство черепицы на

¹² Как видно из сопоставления текста лемм боспорских черепичных клейм с текстами контрактов на поставку черепицы и клеймами на черепице из Спарты, имена царей в сопровождении слова βασιλεύς или слова βασιλικός, βασιλική означают заказчиков, для которых была произведена данная партия черепицы, но не собственников мастерских (*Кузнецов*, 2008. С. 392–400).

Боспоре, кроме того, В. Ф. Гайдукевич приводит факсимильные прорисовки всех известных на тот момент штампов. По-видимому, нежелание соглашаться с М. Нильссоном, предположившим, что имена царей на черепице означают только лишь то, что она предназначалась для принадлежавших им построек (*Nilsson*, 1909. Р. 64), было обусловлено необходимостью следовать официальной идеологической установке. Такой же отклик на веянья времени можно было видеть и в опубликованной годом раньше статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», где С. А. Жебелев доказывает, что в херсонесском декрете о Диофанте имеются доказательства о будто бы произошедшем на Боспоре в конце II в. до н. э. восстании рабов (*Жебелев*, 1933. С. 9–36; *Гаврилов*, 1992. С. 57–59; *Тункина*, 2000. С. 116–161).

Основным итогом предвоенного этапа изучения керамических клейм в России можно считать локализацию амфор с английскими и астиномными клеймами. Как справедливо заметила М. И. Максимова в середине 1950-х гг., «определения Б. Н. Гракова, несмотря на высказанные против них сначала возражения, могут сейчас считаться общепринятыми» (*Максимова*, 1956. С. 158, прим. 2). После того, как Б. Н. Граков атрибутировал гераклейские и синопские клейма, среди самых многочисленных групп клейменных амфор не осталось продукции неопределенных центров.

Б. Н. Граков впервые предложил разработанную хронологическую схему для целой группы клейм. До этого М. Нильссон, Ф. Блекман и В. Шкорпил высказывали только отдельные замечания о датировке родосских и синопских клейм (*Nilsson*, 1909. Р. 56; *Bleckmann*, 1907. Р. 14–30; *Шкорпил*, 1914. С. 119–121).

Крайне важным нововведением было использование для атрибуции группы клейм и их датировки не только сугубо филологических, но и археологических методов. Обсуждение граковской атрибуции английских и астиномных клейм показало, что локализация, опирающаяся только на сравнение ономастикона, не может быть успешной. С 1920-х гг. датировка керамических клейм стала основываться в том числе на данных археологического контекста.

Что касается публикаций клейм, то следует отметить, что античные памятники Поднестро-вья в 1920-е и 1930-е гг. были недоступны для

русских антиковедов, так как Бессарабия в 1918–1940 гг. входила в состав Королевства Румыния. В эти годы амфорные и черепичные клейма из раскопок Тиры публиковались румынскими исследователями (*Avakian*, 1924, 1931; *Nicorescu*, 1924; *Карышковский, Клейман*, 1985. С. 23–25).

В отличие от лапидарных надписей, керамические клейма относятся к категории массовых находок. Для исчисляющихся тысячами экземпляров керамических клейм создание максимально полной базы данных имело первоочередное значение, поэтому трудно недооценить работу Е. М. Придика по подготовке III тома IOSPE. Хотя он не довел его до публикации, было собрано огромное количество штампов, и Б. Н. Граков получил, таким образом, возможность делать выводы на несравненно большем, по сравнению со своими предшественниками, количестве материала. Благодаря их дружескому и научному общению и тому, что Е. М. Придик не стал ревниво утаивать свой корпус от молодого московского исследователя, в российской керамической эпиграфике сохранилась преемственность. Особой удачей было и то, что картотека Е. М. Придика не пропала в блокаду. Уже в 1944 г. она была затребована в Москву и послужила основой для хранящейся в архиве Института археологии РАН рукописи Корпуса керамических клейм Северного Причерноморья (*Павличенко*, 2000. С. 204).

Два десятилетия между датами двух кончин — академика В. В. Латышева и академика С. А. Жебелева — явились временем ускоренной смены поколений ученых. Революционные события и последующие за ними общественно-политические изменения, Гражданская война, эмиграция, репрессии привели к разрыву научных школ и изменению лица отечественной науки. Но как бы ни были тяжелы условия жизни, научная работа продолжалась. Это касалось и проведения археологических раскопок, и изучения различных групп археологических находок, включая керамические клейма. К началу войны в российской керамической эпиграфике произошел качественный скачок. В 1920–1930-е гг. удалось не только атрибутировать клейменные амфоры двух основных причерноморских центров производства, но и аккумулировать материал, на котором основываются современные исследования по керамической эпиграфике в России и за рубежом.

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1919. Д. 14: План и отчет В. В. Латышева о работе разряда Древностей греческих колоний юга России; Ф. 3. Д. 152: Об издании сборника древних греческих и римских надписей и о командировании магистра Латышева на Юг России для собрания для сего сборника материалов. 19 апр. 1882 — 19 ноября 1905; Ф. 33: Личный фонд Е. М. Придика.
- НОА ИА РАН. Р-2. 1939. Д. 538: Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли; Р-2, Д. 2157–2198: Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (IOSPE. Vol. III). Составители Е. М. Придик и Б. Н. Граков; Р-2, Д. 2179: Гераклея Понтийская. Клейма на горлах амфор и на калиптерах и керамидах.
- СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 1. Д. 90: «Дионисоповский декрет». Греческий текст (фотоснимки и переписанный от руки) и письма В. В. Шкорпилу; Ф. 110. Оп. 2. Д. 33: Моисеев Лаврентий. Письма к В. В. Латышеву.
- Авдеев, Ефремов, 2012* — Авдеев А. Г., Ефремов Н. В. Античные керамические клейма и их изучение в Российской империи и СССР. Краткий библиографический указатель // ВЭ. Вып. VI. 2012. С. 554–594.
- Балабанов, 2013* — Балабанов П. Заметки об амфорах с энглифическими клеймами // Античный мир и археология. Саратов: Научная книга, 2013. Вып. 16. С. 240–254.
- Белов, 1941* — Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М.: Изд. АН СССР, 1941 (МИА; № 4). С. 201–267.
- Виноградов, 2013* — Виноградов Ю. Г. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Под ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.
- Гаврилов, 1992* — Гаврилов А. К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IRE Γ² 352=Syll.³ 709) / Гаврилов А. К. (ред.). Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 53–73.
- Гайдукевич, 1934* — Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. Вып. 104. 1934. С. 211–325.
- Гайдукевич, 1941* — Гайдукевич В. Ф. Рец. на: [Кочевалов, 1940] // КСИИМК. М.; Л., 1941. Вып. 10. С. 130–136.
- Граков, 1926* — Граков Б. Н. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Тр. ГИМ. М.: Изд. М. С. Сабашниковых, 1926. Вып. 1: Разряд археологический. С. 165–206.
- Граков, 1928* — Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.: Центр. Изд. Нар. СССР, 1928. 225 с.
- Граков, 1934* — Граков Б. Н. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее // ИГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 104. С. 202–210.
- Граков, 1954* — Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. М.; Л., 1954 (МИА; № 36). 240 с.
- Данов, 1938* — Данов Хр. Изъ древната икономическа история на западного Черноморие до установляването на римского владичества // ИБАИ. София, 1938. Т. XII. С. 185–258.
- Дложевський, 1930а* — Дложевський С. С. Епіграфічні дрібниці (з нових матеріалів Північного побережжя Чорного моря) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Української Академії наук. 1930. Ч. 4–5. Секція археологічна. Одесса: Видання Одеської комісії краєзнавства при УАН, 1930. С. 49–57.
- Дложевський, 1930б* — Дложевський С. С. Афорні ручки з клеймами ольбійських розкопів р. 1926 // Записки Всеукраїнського Археологічного комітету. Київ: Київ-Друк, 1930 [обл. 1931]. Т. I. С. 113–127.
- Ельницький, 1940* — Ельницький Л. А. О боспорских амфорных клеймах // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 318–324.
- И жизнь..., 2011* — И жизнь, и слезы, и любовь... / [Составитель А. Г. Плешивенко]. Запорожье: Ліпс, 2011. 368 с.
- Жебелев, 1923* — Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг.: Наука и школа, 1923. Ч. 1: История археологического знания. 199 с.
- Жебелев, 1926* — Жебелев С. А. Василий Васильевич Латышев: некролог // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 105–110.
- Жебелев, 1933* — Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ИГАИМК. Вып. 70. 36 с.
- Кац, 2007* — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2007. 480 с.
- Карышковский, Клейман, 1985* — Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев: Наукова думка, 1985. 160 с.

- Книпович*, 1934 — *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Акад. истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 111–201.
- Книпович*, 1949а — *Книпович Т. Н.* Ольвийская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. 27. С. 21–30.
- Книпович*, 1949б — *Книпович Т. Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 178 с.
- Кузнецов*, 2008 — *Кузнецов В. Д.* Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. Магнитогорск: ООО «Аналитик», 2008. Вып. 21. С. 392–403.
- Кутайсов*, 2011 — *Кутайсов В. А.* История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма // МАИЭТ. Керчь: Керченська міська друкарня, 2011. Т. 17. С. 30–63.
- Коцевалов*, 1940 — *Коцевалов А. С.* Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. Т. I. С. 259–271.
- Латышев*, 1896 — *Латышев В. В.* Эпиграфические этюды. VII. Декрет из города Дионисополя, сообщенный В. В. Шкорпиллом // ЖМНП. 1896. № 1. Отд. 5. С. 1–19.
- Лунин*, 1939 — *Лунин Б.* Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3. С. 210–223.
- Максимова*, 1954 — *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 33). С. 45–57.
- Максимова*, 1956 — *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа, Аμισ, Трапезунд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 472 с.
- Марти*, 1913 — *Марти Ю. Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. Одесса: Славянская типография Е. Хрисогелос, 1913. 88 с.
- Мелюкова, Свиридов*, 2004 — *Мелюкова А. И., Свиридов А. В.* Борис Николаевич Граков (1899–1970) // Портреты историков. М.: Наука, 2004. Т. 3: Древний мир и средние века. С. 45–63.
- Нейхардт*, 1951 — *Нейхардт А. И.* Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИИМК РАН (Ленингр. отд.). Л.: б/и, 1951. 13 с.
- Новосадский*, 1938 — *Новосадский Н. И.* Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917–1937) // ВДИ. 1938. № 4. С. 200–213.
- Павличенко*, 2000 — *Павличенко Н. А. Е. М.* Придик, петербургский филолог и эпиграфист. К истории создания третьего тома IOSPE // Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. II. С. 189–206.
- Придик*, 1917 — *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.: Тип. Российской Академии Наук, 1917. 191 с.
- Придик*, 1941 — *Придик Е. М.* Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 4). С. 173–193.
- Ростовцев*, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Ленинградский Гублит, 1925. 623 с.
- Спасский*, 1970 — *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // НЭ. М.: Наука, 1970. Т. VIII. С. 123–234.
- Тахтай*, 1940 — *Тахтай А. К.* Античные клейменные пифосы из Херсонеса // КСИИМК. 1940. Вып. V. С. 54–55.
- Тункина*, 1999 — *Тункина И. В. В. В.* Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–288.
- Тункина*, 2000 — *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. II. С. 116–161.
- Тункина*, 2017 — *Тункина И. В.* Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Жебелев С. А. (ред.). Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. М.: Индрик, 2017. 672 с.
- Федосеев*, 2012а — *Федосеев Н. Ф.* История изучения коллекции керамических клейм Керченского музея // Вопросы эпиграфики. М., 2012. Вып. VI. С. 371–386.

- Федосеев, 2012б — Федосеев Н. Ф. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Керамические клейма. Боспор. Киев: Мистецтво, 2012. 160 с.
- Шелов, Виноградов, 1977 — Шелов Д. Б., Виноградов Ю. Г. Б. Н. Граков и античная эпиграфика в СССР // Граков Б. Н. Ранний железный век (культуры западной и юго-восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 205–213.
- Шкорпил, 1914 — Шкорпил В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // ИАК. Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1914. Вып. 51. С. 119–128.
- Шкорпил, 1935 — Шкорпил К. Печати върху амфори отъ Черноморското крайбръжие // ИБАИ. София: Придворна печатница, 1935. Т. 8. С. 24–43.
- Штифтар, 1920 — Штифтар В. Ф. Эпиграфическая находка // ИТУАК. Симферополь: Тип. Таврического Губернского Земства, 1920. Т. 57. С. 304.
- Штифтар, 1927 — Штифтар В. Ф. Неизданные штемпеля на ручках греческих амфор, найденных в Евпатории // ИТОИЭ. Симферополь: Крымполиграфтрест, 1927. Т. 1 (58). С. 165–166.
- Яйленко, 1972 — Яйленко В. П. Александр Васильевич Никитский (К 50-летию со дня смерти) // ВДИ. 1972. № 4, С. 175–188.
- Akurgal, Budde, 1956 — Akurgal E., Budde L. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope / Türk Tarih Kurumu Yayınlarından (5 ser.), No 14, Ankara, 1956. 41 s.
- Avakian, 1924 — Avakian G. Stiri noua din Tyras: manusi de amfore, tige si caramizi cu stampile // CNA. 1924. T. V. № 49–50, 53–54, 59–62. P. 3–22, 27–51.
- Avakian, 1931 — Avakian G. Stiri noua din Tyras // АС-МІВ. 1931. Fasc. 3. P. 47–104.
- Bleckmann, 1907 — Bleckmann F. De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodiis. Gottingae: Officina academica Dieterichiana, 1907. 44 p.
- Balabanov et al., 2016 — Balabanov P., Garlan Yv., Avram A. Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av. J.-C.) // Pontica XLVIII-XLIX Suppl. IV. Constanța, 2016.
- Cantacuzino, 1933 — Cantacuzino C. Timbres amphoriques inédits trouvés en Roumanie // Dacia. III–IV. 1933. P. 612–619.
- Grace, 1934 — Grace V. Stamped Amfora Handes Found in 1931–1932 // Hesperia. Vol. III. 1934. P. 197–310.
- Grace, 1953 — Grace V. The eponyms named on Rhodian Amphora Stamps // Hesperia. 1953. Vol. 22, no. 2. P. 116–128.
- Kotzevaloff, 1933 — Kotzevaloff A. S. [рецензия на Граков, 1928] // Philologische Wochenschrift. 1933. № 23/24. S. 630–642.
- Kochevalov, 1934 — Kochevalov A. S. Zur Deutung eines neulich herausgegebenen knidischen Stempels // RhM. 1934. Bd. LXXXIII. Heft 4. S. 286–288.
- Kochevalov, 1948 — Kochevalov A. Die antike Epigraphik der euxinischen Kolonien in den letzten Jahren // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1948. B-d 3. Nr. 2. S. 263–270.
- Nicorescu, 1924 — Nicorescu P. Scavi e scoperte a Tyras // Ephemeris Dacoromana. 1924. Vol. 2. P. 378–415.
- Nilsson, 1909 — Nilsson M. Timbres amphoriques de Lindos. Copéhnague: Imprimerie Bianco Luno, 1909. (Exploration archéologique de Rhodes (Fondation Carlsberg). V). 335 p.
- Novoselova, Namoylik, 2018 — Novoselova N., Namoylik A. A. Chalcedonic Die of Astynomos Ἡράκλειτος from Tauric Chersonesus // Hyperboreus. 2018. Vol. 24, fasc. 2. P. 389–314.
- Pridik, 1896 — Pridik E. Amphorenhenkel aus Athen // Mitteilungen des Kaiserlichen Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 1896. Bd. 21. S. 127–187.
- Pridik, 1897 — Pridik E. Neue Amphorenhenkel aus Athen // Mitteilungen des Kaiserlichen Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 1897. Bd. 22. S. 148–158.
- Pridik, 1926 — Pridik E. Zu den rhodischen Amphorenstempeln // Klio. 1926. Bd. 20. S. 303–331.
- Pridik, 1928 — Pridik E. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland / Sonderabdruck aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl. Berlin, 1928, Bd. 24, S. 1–41.
- Reinach, 1923 — Reinach S. Bibliographie // Revue Archéologique. 5e Série. 1923. T. 17 (janvier-juin), P. 198.
- Zograff, 1930 — Zograff A. N. [рецензия на Граков, 1928] // Zeitschrift für Numismatik. 1930. Bd. XL, hft. 1–2. S. 173–178.

Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания¹

Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева, Е. Г. Панкратова²

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей Таманской экспедиции ГАИМК, которую возглавлял А. А. Миллер. Несмотря на возрастающее количество публикаций, посвященных истории отечественной археологии в 1920–1930-х гг., многие моменты ее деятельности остаются неизвестными. Это относится к истории организации и проведения Таманской экспедиции в 1930 г.

Annotation. This paper discusses the questions concerned with the Taman Expedition of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) headed by Aleksandr A. Miller. Notwithstanding the ever-increasing number of publications devoted to the history of the national archaeology during the 1920s–1930s, many of its moments still remain unknown. This is true, inter alia, concerning the history of the organization and activities of the Taman Expedition in 1930.

Ключевые слова: археология, история науки, ГАИМК, Таманский полуостров, древние поселения.

Keywords: archaeology, history of science, GAIMK, Taman Peninsula, ancient settlements.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-312-329

История советской археологии 1920–1930-х гг., несмотря на возрастающее количество публикаций, все еще остается очень слабо изученной. До сравнительно недавнего времени исследователи не имели возможности касаться многих сложных и даже трагичных моментов, пережитых нашей страной в то время. Сейчас все табу уже сняты и запретов на дискуссии по этим вопросам, в общем, не существует.

В истории ГАИМК важное значение имела Таманская экспедиция, созданная в 1930 г. Экспедицию возглавил А. А. Миллер — выдающийся археолог и организатор науки, руководивший

в то время еще и Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК (о нем см.: Алёкшин, 2015). Новый проект был нацелен на проведение комплексного обследования Таманского полуострова, в ходе которого было необходимо зафиксировать все археологические памятники, относящиеся к доисторической эпохе, железному веку, периоду античности и средневековья, а также провести раскопки ряда ключевых памятников. С позиций современной науки деятельность этой экспедиции оценивается весьма высоко (Алёкшин, 2013. С. 126–127; Паромов, 2020. С. 242–243), но ее история, связанная со сложнейшим переплетением интересов других научных учреждений и конкретных лиц в изучении Тамани, до сих пор является абсолютно неизвестной для широкого круга исследователей.

Вполне очевидно, что для адекватного понимания этих вопросов в первую очередь необходимо обратиться к документам, хранящимся в Научном архиве ИИМК РАН. Немалый интерес представляют и архивно-следственные дела, заведенные в отношении Г. И. Боровки³ и А. А. Миллера

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20–09–00180А «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)»).

² Виноградов Ю. А. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vincat2008@yandex.ru. Медведева М. В. — Научный архив, ИИМК РАН; e-mail: margiyam@mail.ru. Панкратова Е. Г. — Отдел обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов СПбФ АРАН; Университетская наб., д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: pankratova0484@yandex.ru.

³ Боровка Григорий Иосифович (1894–1942), историк, скифолог, археолог; научный сотрудник Гос.

и хранящиеся в Архиве Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160, П-30695. Т. 1–5). Наиболее важным и информативным из них является «Отзыв о работах научного сотрудника Таманской экспедиции ГАИМК Г. И. Боровки» А. А. Миллера, датированный 30 апреля 1931 г. и подшитый в следственное дело Г. И. Боровки (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 51–56). Не вызывает никаких сомнений, что этот документ был подготовлен по запросу ГПУ; его копия в Архиве ИИМК РАН по понятным причинам отсутствует. Последнее обстоятельство заставляет опубликовать полный текст этого «Отзыва» (см. Приложение 1).

Первоначально предполагалось, что археологическое изучение Таманского полуострова будет предпринято совместно с учеными из Германии (см. далее). Неизвестная до настоящего времени информация, касающаяся организации совместного советско-германского проекта археологической экспедиции на Тамани, содержится в письменных показаниях Г. И. Боровки, данных им в сентябре 1930 — июне 1931 г. Из его показаний можно также получить некоторые важные подробности, касающиеся работ Таманской экспедиции и пребывания в ней самого исследователя. Отрывочная информация о работах Таманской экспедиции содержится также в протоколах допросов А. А. Миллера, арестованного в 1933 г. (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-30695. Т. 1, 2).

Интерес руководства ГАИМК к Тамани проявился задолго до 1930 г. Еще в 1924 г. в Академии разрабатывался проект по археологическому исследованию Таманского полуострова, первоочередной задачей которого должно было стать выявление античных городищ, нуждающихся в охранных раскопках. По мнению Г. И. Боровки, такими

памятниками являлись городище близ станции Сенной (Фанагория), Тмутаракань/Гермонасса, а также Семибратнее городище и курганы. Помимо топографической фиксации планировалось проведение раскопок с целью установления границ памятников и выяснения их стратиграфии. Все работы должны были сопровождаться зарисовкой, фотофиксацией, съемкой карт, планов и чертежей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 105. Л. 24).

Активная деятельность в направлении реализации задуманного началась несколько лет спустя. В 1928 г. Г. И. Боровка был направлен в непродолжительную командировку на Таманский полуостров, после чего в Академии им был сделан доклад об античной топографии региона и важности продолжения работ по изучению разрушающихся памятников. В ноябре этого же года Н. Я. Марр, используя полученную информацию, писал в Главнауку: «На Таманском полуострове идет усиленное заселение мест, важных в археологическом отношении. Городища и кладбища застраиваются и, главным образом, засаживаются виноградниками вследствие перехода населения от земледелия к садоводству. Огромный вред приносит и добытие населением глины и камня на городищах. Необходимо было бы, по мнению Академии, приступить к осуществлению охраны городищ и кладбищ этого исключительного по своему значению района. Необходимо, чтобы здесь по примеру Керченского района были бы выделены <в> заповедники некоторые наиболее важные археологические места и, по мнению Академии, было бы целесообразно поручить заведующему Темрюкским музеем С. Ф. Войцеховским выработать конкретный план мер охраны археологических памятников в районе Таманского полуострова» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 201. Л. 1).

В марте 1929 г. Г. И. Боровка представил руководству ГАИМК тезисы «Организация исследования и охраны памятников древности на Таманском полуострове» (Там же. Л. 12–15). В этом документе состояние памятников археологии в районе было признано угрожающим в результате природного и антропогенного воздействия. Для спасения ситуации следовало немедленно приступить к его систематическому, планомерному изучению. Работы должны были вестись комплексно, то есть с привлечением специалистов в области всех археологических культур, представленных на Тамани, а также с осуществлением

Эрмитажа, РАИМК (ГАИМК); сотрудник Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМК (1930). По обвинению в шпионаже в октябре 1931 г. был приговорен к 10 годам заключения в ИТЛ. Срок заключения отбывал в Ухт-Печерском лагере в г. Усть-Ухта. 21 сентября 1940 г. был освобожден из лагеря, но не выпущен из Коми АССР. Работал геологом при Ухтомском комбинате. 6 ноября 1941 г. Г. И. Боровка был вторично арестован, 4 апреля 1942 г. по ст. 58-10 приговорен Московским верховным судом к высшей мере наказания и 29 июня этого же года расстрелян (Васильков, Сорокина, 2003. С. 73–74; Zerbst-Boroffka, 2015). Реабилитирован 11 сентября 1989 г.

геологических и гидрографических обследований, планомерных топографических работ и т. д. Важнейшим принципом организации исследований декларировался их коллективизм, к ним необходимо было привлечь все заинтересованные силы как в центре, так и на местах. Руководящим учреждением должна была стать ГАИМК. Из центра следовало привлечь Государственный Эрмитаж, Московскую секцию ГАИМК, Государственный исторический музей, Музей изящных искусств, Археологический музей РАНИОН, из местных учреждений — Темрюкский и Керченский музеи, а также музейные и краеведческие организации Краснодара, Ростова-на-Дону и Симферополя. Масштабные работы следовало провести по обеим сторонам Керченского пролива. В отношении Тамани были обозначены следующие неотложные задачи (*Там же*. Л. 14об.).

1. Общее обследование района (в особенности важны работы в северо-западной части полуострова Фонтан).

2. Раскопки городища около Пересыпского гирла, гибнущего от размыва морем.

3. Раскопки некрополей в Тузлинском районе, усиленно покрываемом садами.

4. Топографические работы в районе станции Сенной (то есть в районе городища Фанагории) с целью подробного выяснения ландшафтного окружения городища и его связи с искусственными сооружениями в окрестностях.

В документе особо оговаривалось: «Раскопки должны вестись осторожно. В процессе работ следует учиться методу раскопок, ибо у нас сейчас нет подготовленного вполне специалиста» (*Там же*. Л. 13об.). Вопрос о специалистах в советской археологии того времени, конечно, стоял очень остро, но, возможно, в данном случае Г. И. Боровка имел в виду несколько иное, а именно необходимость тесного сотрудничества с иностранными учеными.

Нет сомнения, что своими соображениями о желательности продолжения изучения Тамани Г. И. Боровка поделился с Ф. В. Кипарисовым (о нем см. *Платонова*, 2013; *Застрожнова (Панкратова)*, 2019б. С. 156), пришедшим в 1929 г. на пост заместителя председателя ГАИМК⁴. По словам

⁴ Кипарисов Федор Васильевич (1889–1936). 18 января 1929 г., после «дела академика Жебелева», по приглашению Н. Я. Марра, он занял пост заместителя председателя ГАИМК. Н. Я. Марр, ввиду ухудшения состояния здоровья, стал все более отходить от

Г. И. Боровки, «я говорил товарищу Кипарисову о том, что это такая большая задача, которая требует больших средств, и поставил вопрос о возможности сотрудничества с немцами, рассказав о том, что я знаю об их желании сотрудничать в области археологии с нами и указал на профессора Виганда, который работой в Тамани несомненно заинтересуется» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 33). Судя по всему, Ф. В. Кипарисов поддержал идею о сотрудничестве с немцами «и взялся весь вопрос организации исследований на Тамани выяснить и согласовать с соответствующими органами в Москве» (*Там же*. Л. 33). В апреле 1929 г., перед отъездом Г. И. Боровки в Берлин, Ф. В. Кипарисов поручил ему ведение предварительных, но вполне официальных переговоров от имени ГАИМК о возможности организации совместной экспедиции для исследования Таманского полуострова. Г. И. Боровка выполнил это поручение, сообщив Ф. Шмидт-Отту⁵ и Т. Виганду⁶ об актуальности изучения античного наследия Тамани, обратив особое внимание на памятники, разрушаемые морем: Фанагорию, район Пересыпи и Тузлы, а также «городище на Кубанском берегу около Семибратних курганов, которое при условии заболачивания Кубани должно быть особенно сохранным». Согласие на проведение подобных исследований было получено, однако открытым оставался вопрос финансирования, и насколько можно заключить из документов, средства на проведение экспедиции должны были быть выделены в 1930 г. Кроме того, во время этой

административной и научно-организационной работы, поэтому фактически после вступления в должность Ф. В. Кипарисов принял на себя все руководство Академией, прекрасно осознавая необходимость обоснования практической пользы археологии для государства (*Панкратова*, 2020. С. 698–722).

⁵ Шмидт-Отт Фридрих (1860–1956) – юрист, правовед. Президент Общества содействия немецкой науке (1920–1934). В 1928 г. посещал Москву в рамках Недели советских историков, участвовал в проведении Русской исторической недели в Берлине (7–14 июля 1928 г.). В 1927–1930 гг. проводил переговоры с Ф. А. Брауном и С. Ф. Платоновым по организации советско-немецкой экспедиции для решения «готской проблемы в Крыму» (*Непомнящий*, 2016. С. 37).

⁶ Виганд Теодор (1864–1936) – археолог, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР (1927). Президент Немецкого археологического института (1932–1936).

командировки в Германском археологическом институте Г. И. Боровка прочитал доклад об античной топографии Таманского полуострова, «темой которого была локализация названий античных городов, переданных нам древними авторами, на основании восстановления предположительной древней конфигурации местности» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 33).

По возвращении в Ленинград Г. И. Боровка, конечно, сообщил Ф. В. Кипарисову о состоявшихся переговорах. Архивных документов, освещающих дальнейшие действия руководства ГАИМК по итогам переговоров Г. И. Боровки в Берлине, на настоящий момент выявлено чрезвычайно мало, однако позиция Академии, ориентированная на централизацию исследований на Таманском полуострове, представляется очевидной.

В июне 1929 г. в Главнауку Наркомпроса было направлено письмо за подписью Ф. В. Кипарисова, в котором, в частности, говорилось: «В план работ Государственной Академии Истории Материальной Культуры уже ряд лет вносилось исследование Таманского полуострова, но приступить к осуществлению этого задания не удавалось за отсутствием средств. Между тем территория Таманского полуострова представляет исключительный интерес, будучи одним из главнейших центров северного побережья Черного моря. Значение этого района оценивается и западноевропейской наукой, и в 1929/30 г. предположено приступить к исследованию Таманского полуострова совместно с германскими учеными. Однако было бы целесообразным этим же летом произвести предварительные работы, чтобы выработать совместно с имеющим прибыть в СССР представителем германских научных учреждений точный план будущих работ. Считая проведение этих предварительных работ необходимой предпосылкой успешности предстоящих исследований, Академия просит Главнауку об ассигновании на эти работы, имеющие продлиться 2 месяца, сумму в 1500 р. В распоряжении Академии, как известно Главнауке, соответственных средств не имеется» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 201. Л. 6).

Несколько отвлекаясь от основной темы, следует отметить, что в апреле 1929 г. к археологическому обследованию Таманского полуострова решил официально подключиться заведующий Темрюкским краеведческим музеем С. Ф. Войцеховский, упоминавшийся ранее в письме Н. Я. Марра.

Он обратился в Музейный подотдел Наркомпроса с заявлением о выдаче ему Открытого листа. Отметив свое участие в археологических работах на Тамани с 1919 г., Сергей Францевич писал: «Развитие дальнейших моих работ на территории полуострова и его окрестностей, часто связывающееся с работами по топографической съемке городищ и селищ, проведению разведочных траншей или зачисток на естественных обнажениях, иногда срочных исследований и исследований памятников материальной культуры при случайном их обнаружении (производство населением хозяйственных работ, производство дорожного строительства, обвалы прибрежных участков и пр., и пр.), обязывают меня ставить все эти работы в плоскость легализации и контроля перед соответствующими компетентными организациями не только своего округа и края, но и соответствующих организаций и учреждений центра» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 201. Л. 4).

Просьба С. Ф. Войцеховского была поддержана Г. И. Боровкой и А. С. Башкировым (*Там же*. Л. 5). Руководство ГАИМК тоже не возражало против выдачи Открытого листа, но подчеркивало, что «некоторые предположения С. Ф. Войцеховского (например, „проведение разведочных траншей“ при исследовании городищ) свидетельствуют о незнакомстве его с техникой работ раскопного характера. Поэтому Академия считала бы целесообразным ограничить его работы разведкой с очисткой поверхностных слоев на естественных обнажениях и исследованием памятников, которым угрожает опасность разрушения» (*Там же*. Л. 7).

Осенью 1929 г. в Музейном и Археологическом отделе Главнауки Наркомпроса состоялось совещание по делу о рассмотрении заявок учреждений на экспедиции 1930 г. Н. Я. Марр не смог на нем присутствовать, поэтому представителем от ГАИМК выступил Ф. В. Кипарисов, от Русского музея в заседании участвовал А. А. Миллер, от Музея изящных искусств — директор музея В. П. Полонский и научный сотрудник Л. П. Харко. Последним в ходе заседания был сделан доклад о необходимости продолжения работ на территории Таманского полуострова, которые проводились сотрудниками ГМИИ совместно с РАНИОН начиная с 1927 г. Он обратил внимание и на то, что проведение раскопок не было согласовано с ГАИМК. В ответ на это Ф. В. Кипарисов

заявил, что с этого момента всю организацию и производство работ на Таманском полуострове ГАИМК берет на себя (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 53). По свидетельству А. А. Миллера, «заявление это для меня являлось полной неожиданностью, так как об этом проекте ранее я ничего не слышал» (*Там же*). Итогом этого совещания стало принятие решения об организации в 1930 г. «большой объединенной экспедиции — ГАИМК, ГМИИ с привлечением немецких ученых» (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 46).

Позднее в личной беседе Н. Я. Марр и Ф. В. Кипарисов сообщили А. А. Миллеру, что именно ему будет поручено руководство Таманской экспедицией, и поэтому на время, возможно, придется отказаться от Северо-Кавказской экспедиции, которую тот возглавлял уже несколько лет. Не вполне понятно, почему руководство ГАИМК отказалось от кандидатуры Г. И. Боровки, проявившего ранее столь большой интерес к исследованиям на Тамани, но надо признать, что выдвижение Александра Александровича на эту должность было вполне оправдано, — другого столь же опытного и авторитетного исследователя в ГАИМК попросту не существовало. Стоит отметить и то, что, как явствует из приведенных далее документов, А. А. Миллер оценивал профессиональные качества Г. И. Боровки весьма критично.

В 1930 г. в ГАИМК было подготовлено письмо в Берлин с приглашением немецким специалистам принять участие в исследованиях, планировавшихся на Тамани и в Эски-Кермене. В архиве ИИМК РАН сохранилась только машинописная копия письма без указания отправителя и адресата, но в нем имеются отсылки к договоренностям о советско-немецком проекте во время личных встреч с Г. И. Боровкой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 1–2). В 1930 г. совместная экспедиция так и не состоялась, и все же надежда на участие немецких археологов в исследованиях ГАИМК на Тамани и в Крыму в будущем еще явно оставалась.

Несмотря на неудачу с организацией совместной экспедиции, в ГАИМК началась подготовка к летнему сезону 1930 г. В начале 1930 г. А. А. Миллером была подготовлена смета расходов предстоящей экспедиции на 3447 руб., а также объяснительная записка к ней (*Там же*. Л. 7–9).

В этой записке, в частности, говорилось: «Ставя в первую очередь задачи разведочного характера, Академия полагает, что в течение полевых работ

текущего года возможно будет исполнить детальную разведку лишь в пределах Фонтанного и Таманского полуостровов, в границах их коренных берегов у древних протоков. Вместе с этим, возможно будет исполнить и предварительные работы по ознакомлению с памятниками старины на древнем островке у Курчанского лимана и по коренному берегу Кубани от станицы Варениковской до морского берега к югу от Кызыл-ташского озера. Этот последний район может быть детально обследован лишь в 1931 году, одновременно с началом стационарных работ, которые, как это уже теперь можно предвидеть, связаны будут с территорией Фонтанного и Таманского полуостровов. Разведочные исследования будут продолжены и в последующие годы для детального обследования остатков древних поселений, как по берегам Кубани в глубь края, так и по восточному берегу Азовского моря. В 1930 году в пределах, намеченных для разведки, работы будут проведены в полном охвате всякого рода памятников старины, но основное внимание экспедиции сосредоточено будет на городищах и остатках древних поселений, которые будут обследоваться с особой тщательностью и, где это окажется возможным, с применением разведочных раскопок в пределах задач возможно полного выявления культурной стратиграфии» (*Там же*. Л. 8–8об.).

Формируя состав экспедиции, А. А. Миллер отмечал, что «учитывая необходимость широких территориальных обследований, и с другой стороны намереваясь подойти к изучению всего исторического процесса развития человеческого общества на Тамани, я должен был привлечь к участию лиц разной специализации». В числе первых он планировал включить в состав А. А. Иссена, М. И. Артамонова и Т. Н. Книпович, особо отмечая, что на участии Г. И. Боровки отдельно настаивали Н. Я. Марр и Ф. В. Кипарисов. Кроме уже перечисленных, в состав экспедиции 1930 г. были включены сотрудники ГАИМК А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, Г. В. Григорьев, А. Н. Карасев, фотограф Русского музея А. А. Гречкин, руководитель Таманского музея А. Г. Остроумов, заведующий Темрюкским краеведческим музеем С. Ф. Войцеховский⁷, научный сотрудник МАЭ

⁷ Сотрудничество с С. Ф. Войцеховским, к сожалению, оказалось непродолжительным, — он трагически погиб 8 марта 1931 г. (*Лунин*, 1932. С. 64).

С. А. Семенов-Зусер и группа студентов-практикантов из Ленинграда и Краснодара (Миллер, 1931). В связи с чисткой персонального состава ГАИМК весной 1930 г. (Виноградов, 2013. С. 166–167), работы по подготовке к экспедиции были начаты только в июле (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 98), а смета и сроки работ были несколько сокращены.

В конце июня состоялось заседание под председательством А. А. Миллера, где собрались все участники будущей экспедиции для последнего обсуждения плана работ. На нем А. А. Миллер сообщил об уменьшении бюджета экспедиции до трех тысяч рублей, количества студентов-практикантов до трех человек и срока полевых работ с двух месяцев до шести недель. Участники были распределены на несколько отрядов в соответствии с их специализацией, намечены маршруты и единая методика исследований. Базой экспедиции стала станица Тамань, дату начала работ назначили на 15 июля, но затем сроки сдвинулись на 20-е числа того же месяца. В протоколе заседания особо зафиксированы предложение А. А. Иессена использовать аэрофотосъемку для выявления подводных древних сооружений и сообщение Г. И. Боровки о желательности связаться перед началом работ со штабом пограничной охраны и попросить у них для использования карты-одновёрстки Таманского полуострова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 98–98об.).

Стремясь к утверждению приоритета ГАИМК в области археологического изучения Тамани, А. А. Миллер заявил о необходимости временной передачи ему «карт, планов и чертежей, которые были исполнены в последние годы на Таманском полуострове сотрудниками Музея Изыщных Искусств» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 14). Вряд ли стоит удивляться тому, что в музее это не нашло никакого понимания. В июле 1930 г. оттуда был получен ответ: «Подтверждая получение Вашей просьбы о передаче во временное пользование подготовленных к изданию рабочих материалов экспедиций на Таманский полуостров, Государственный Музей Изыщных Искусств выражает свое глубокое удивление по поводу этой просьбы. Из Сектора Науки НКП нами не получено никаких сведений и указаний относительно согласования ранее ведшихся Музеем работ на Тамани с предполагающими-

ся Академией, несмотря на то, что этот вопрос подымался на совещании при Главнауки 28/XI–29 г., в связи с проектировавшейся экспедицией (не состоявшейся) Немецкого Археологического Института. Экспедиция ГМИИ в настоящее время уже выехала на Тамань для работ по плану, утвержденному НКП» (Там же. Л. 35). Конфликтная ситуация в отношениях московских и ленинградских археологов, как видим, обозначилась уже до начала работ Таманской экспедиции ГАИМК.

Между тем, к будущим полевым работам еще следовало подготовиться. Современному человеку трудно представить ситуацию тех лет в нашей стране, все трудности, связанные со снабжением экспедиции оборудованием и необходимыми материалами. Для лучшего понимания приведем некоторые документы.

Для качественного проведения фотофиксации были необходимы ортохроматические пластины. В соответствующую инстанцию был направлен запрос на 40 дюжин таких пластин (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 16). В «Бумсиндикат» было послано письмо с просьбой выделить за наличный расчет тетради, бумагу писчую и бумагу для рисования (Там же. Л. 29). В полевых условиях, естественно, были необходимы медикаменты — хина (Там же. Л. 24), а также отсутствующие в свободной продаже марлевые бинты, вата, йод и пирамидон (Там же. Л. 28).

Сотрудникам экспедиции требовалась и специальная одежда. В «Севзапторг» было отправлено письмо следующего содержания: «Государственная Академия Истории Материальной Культуры, отправляя экспедицию на Таманский полуостров, где предстоят работы в течение 1½ месяцев, причем сотрудникам придется производить обследования пешком, просит не отказать отпустить участникам экспедиции в количестве 6 человек и 3 студентам-практикантам по 1 паре кожаной обуви за наличный расчет» (Там же. Л. 25). Дополнительно требовались 6 пар спортивных туфель (Там же. Л. 26); Ю. В. Подгаецкий нуждался в паре парусиновых туфель (Там же. Л. 36). В «Доме Ленинградской кооперации» просили продать по непромокаемому пальто (макинтош) участникам экспедиции Г. И. Боровке и Т. Н. Книпович (Там же. Л. 27). М. И. Артамонову надо было выдать пару кожаной обуви и одни брюки (Там же. Л. 39).

Но и это еще не все! Экспедиции требовалось «мыло для стирки и туалетное мыло по расчету 12 человек и на срок в 6 недель» (*Там же*. Л. 38). Поскольку работы предстояло провести «в значительном отдалении от населенных пунктов», необходимо было иметь запас табака и папирос для следующих участников экспедиции: 1) А. А. Миллер, 2) Г. И. Боровка, 3) А. Н. Карасев, 4) Ю. В. Подгаецкий, 5) А. П. Круглов и 6) М. И. Артамонов (*Там же*. Л. 37). Наконец, точнее, в первую очередь, была направлена заявка на получение за наличный расчет продуктов питания: консервов, шоколада, карамели, печенья (*Там же*. Л. 22). Мы не можем сказать, были ли эти требования удовлетворены (за исключением ортохроматических пластин, которые были получены, хотя не без путаницы), но вполне очевидно, что организаторы Таманской экспедиции ГАИМК пытались сделать очень многое, чтобы обеспечить более комфортную жизнь сотрудников в полевых условиях.

Во второй половине июля участники экспедиции, кроме ее руководителя А. А. Миллера, выехали из Ленинграда в Керчь. На время отсутствия А. А. Миллера его заместителем был назначен А. А. Иессен. Сам А. А. Миллер выехал из Ленинграда в Ростов⁸, откуда отправился в Краснодар, после чего в Темрюк и потом уже в Тамань. По его свидетельству, в Ростове и Краснодаре ему необходимо было «установить связь с краевыми и местными научно-исследовательскими организациями, для привлечения молодых сил на практику». Кроме того, он должен был получить в южном военно-топографическом отделе ГПУ разрешение на приобретение секретных карт, согласовать археологические работы в пограничной полосе и «закладку шурфов на высоких морских берегах». ОГПУ из Ростова направило «письменное извещение уполномоченному ГПУ в Анапе для оповещения местных агентов на Таманском

полуострове» о работах экспедиции (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 54).

25 июля группа во главе с А. А. Иессеном прибыла в Тамань (рис. 1). В этот же день А. А. Миллеру стало известно, что экспедиция Музея изящных искусств под руководством Л. П. Харко и К. Э. Гриневича приступила к работам на городище Фанагория. Действительно, в 1930 г. Открытый лист на раскопки Фанагории был выдан заведующему Отделом скульптуры ГМИИ К. Э. Гриневичу, а его заместителем был назначен Л. П. Харко (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 10). Но знал ли об этом А. А. Миллер? Вероятно, нет. Во всяком случае, он писал уполномоченному по охране памятников старины Таманского района Кубанского округа, что, узнав о раскопках экспедиции ГМИИ в Фанагории, запросил информацию по этому вопросу ГАИМК и «получил по телеграфу ответ с известием о том, что по справке в Главнауке открытые листы на право производства археологических раскопок тт. Гриневичу и Харко выданы не были» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 77). В таком случае закономерно возникает вопрос — неужели руководство ГАИМК откровенно дезинформировало А. А. Миллера? Или же неверная информация была сообщена Главнаукой в ГАИМК?

Основной целью экспедиции ГМИИ было проведение шурфования городища и некрополей Фанагории, а также исследование «периферийных городищ — селищ, окружавших город в древности» (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 46). Сотрудниками экспедиции было заложено несколько шурфов в прибрежной части Фанагории для выяснения уровня разрушения городища от береговой абразии. На плато к западу от ложины была обнаружена гончарная печь, датированная римским временем, которая была исследована только в 1931 г. (*Гайдукевич*, 1934. С. 51–92).

Факт появления экспедиции ГМИИ А. А. Миллер признал крайне вредным для Таманской экспедиции ГАИМК. В Ленинград было направлено письмо, в котором, в частности, говорилось: «Прежде всего должен указать, что Фанагорийское городище входило в план обследовательских работ нашей экспедиции в этом году и обойтись без этого я считаю совершенно невозможным. Затем, я сейчас веду переговоры с научным Комитетом при Краевом исполкоме о тех основных положениях, которые можно будет принять за основной

⁸ По дороге в экспедицию у А. А. Миллера случилась неприятность, о которой руководство ГАИМК было информировано телеграммой: «22-го июля в буфете Тульского вокзала у меня был похищен кошелек с деньгами и некоторыми документами, в числе которых было и командировочное удостоверение ГАИМК. Прошу не отказать и послать мне новое удостоверение спешной почтой по адресу: станция Таманская Кубанского округа. В удостоверении прошу именовать меня начальником Таманской экспедиции» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 49).

Рис. 1. Усадьба Николича в ст. Таманской, где предполагалось расположить базу экспедиции. Таманская экспедиция, 1930 г. Фото А. А. Гречкина. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.13–46

Fig. 1. Estate of Nikolich in the village of Tamanskaya where it was planned to place the expedition base. Taman Expedition, 1930. Photo by A. A. Grechkin. SA of IHMC RAS. Photographic Department. Imprints O.13–46

момент к последующему соглашению между ГАИМК и Комитетом на совместные и длительные работы на Тамани, при условии сохранения плана и руководства за Академией. Переговоры эти пока вполне успешны... Я веду эти переговоры, но рискую срывом, который может произойти в случае, если обнаружится, что нет единого плана, что на Тамани работает еще какая-то экспедиция из центра. Особенно трудным мое положение может оказаться в Краснодаре, где наверно осведомлены об экспедиции Харко — Гриневича» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 48).

Как видим, А. А. Миллер прекрасно осознавал все сложности, связанные с проведением экспедиции на Тамани, но отказаться от нее он, конечно, не мог. Руководство ГАИМК приняло твердое решение, что именно Академия должна стать ведущей и руководящей силой в изучении древностей этого района.

А. А. Миллер прибыл в Тамань 29 июля вместе с С. Ф. Войцеховским. Полевые исследования

продолжались до начала сентября 1930 г. (рис. 2). Некоторые обстоятельства работы и быта экспедиции кратко описаны в письме А. А. Миллера от 12 августа секретарю председателя ГАИМК В. А. Миханковой: «Работы экспедиции идут пока очень успешно благодаря прекрасному составу сотрудников. Т. Н. Книпович к моему удивлению дает пример выносливости в самых трудных условиях. С питанием тоже у нас все наладилось, основное здесь — хлеб и молоко, это наша база. Скоро мы собираемся сделать большую Робинзонаду на Фонтанный полуостров, разделившись на несколько партий. В Ростове я выхлопотал некоторые средства на практикантов из Краснодара, и теперь у меня работают 4 студента, безусловно, подающие надежды. Сама Таманская станица — засыпанное пылью сонное Гоголевское селение. Событием для нас является получение почты. В почтовом окошке в трусиках сидит Андрей Иванович, которого ежедневно мы умоляем: „Да посмотрите, Андрей Иванович, еще <в> той пачке,

Рис. 2. Общий вид берегового раскопа на Таманском городище (в белом костюме стоит А. А. Милер). Таманская экспедиция, 1930 г. Фото А. А. Гречкина. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.12—23

Fig. 2. General view at the shore excavation at the Taman townsite (A. A. Miler standing in white costume). Taman Expedition, 1930. Photo by A. A. Grechkin. SA of IHMC RAS. Photographic Department. Imprint O.12—23

нет ли там писем... Да не завалились ли они куда-нибудь в другом месте?» Андрей Иванович, который себе не доверяет в такой же степени, как и мы ему, послушно всюду ищет, но обычно ничего не находит» (НА ИИМК РАН. РО. Оп. 2. Ф. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 53об.).

Материалы Архива УФСБ по СПб. и ЛО, как это ни странно, позволяют лучше понять ход работ экспедиции. Из них мы узнаем, что у станции Таманской весь состав экспедиции работал вплоть до 15–16 августа, после чего были начаты археологические разведки территории от Панагии до Бугаза и Кизилташа, по направлению к Киммерийскому валу с выходом к Азовскому побережью у Пересыпи и работы у берегов бывшего протока у Шимарданского залива. По свидетельству А. А. Миллера, «вся партия под моим руководством приступила к работам 17 августа. В течение этого дня я обошел городище, ознакомился с Шимарданским заливом, как бывшим устьем протока, обошел также прилегающую местность и в точности указал те места береговых обнажений,

где следовало сделать разведочные подчистки. При этом мной даны были и все технические указания» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 53). Судя по всему, после проведения этого комплекса работ, экспедиция была разделена на два небольших отряда: так называемый Фанагорийский отряд в составе Г. И. Боровки, А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, Т. П. Кругликовой, А. А. Гречкина (фотографа) и отряд для продолжения разведок на территории Фонталовского полуострова во главе с А. А. Миллером в составе А. А. Иессена и С. Ф. Войцеховского.

Руководство Фанагорийским отрядом было возложено на Г. И. Боровку, хотя А. А. Миллер отмечал, что «зная его слабую подготовленность я поручил всю технику дела Круглову и Подгаецкому, которые и раньше, будучи студентами ЛГУ, работали со мной на практике» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 53).

Стоит отметить, что работы Фанагорийского отряда были начаты только после того, как экспедиция ГМИИ закончила раскопки 7 августа, а

Рис. 3. Фанагория. Восточный некрополь. Таманская экспедиция, 1930 г. Фото А. А. Гречкина. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.13–67

Fig. 3. Phanagoria. Eastern necropolis. Taman expedition, 1930. Photo by A. A. Grechkin. SA of IHMC RAS. Photographic Department. Imprint O.13–67

Л. П. Харко оставался на месте работ еще на два дня. Об этом была послана телеграмма в ГАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 52).

Исследования Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМК на территории памятника осуществлялись на протяжении девяти дней (рис. 3, 4). А. А. Миллер по этому поводу отметил, что «Боровка сдал мне <полученный ранее> аванс, но никаких отчетных данных о результатах исследований я от него непосредственно не получил. Занятый главным раскопом и необходимостью довести его до конца (на территории Гермонассы), я отложил обсуждение работ Фанагорийского отряда до возвращения в Ленинград». Фотографом А. А. Гречкиным «были сделаны нужные технические снимки и сданы мне в Ленинграде полностью, а что касается расчисток в обнажениях Сенного городища, то все чертежи слоев находятся в материалах экспедиции» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 54).

Краткий отчет о результатах исследований был направлен А. А. Миллером в Ленинград

28 августа (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 55–57об.), в нем констатировалось, что основная цель работ экспедиции была достигнута. А. А. Миллер при этом особо выделял пять основных пунктов.

«1). Все городища и остатки древних поселений охарактеризованы со стороны их связи с местностью, бывшими береговыми линиями и проч., также — в отношении фортификационных остатков, материалов строительства и культурной стратиграфии. Весь край был необыкновенно густо заселен, начиная уже с классической поры, поселения с архаической греческой культурой относительно редки. На северной части (Фонтанный полуостров) преобладают поселения с небольшими крепостцами римской эпохи, совершенно аналогичные южно-донским.

2). Пользуясь во время территориальных исследований для установления культурной стратиграфии естественными обнажениями, я нашел необходимым все же в двух городищах (Таманском и Сенном) сделать разрезы у береговых обрывов.

Рис. 4. Раскопки в береговой части Фанагории. Таманская экспедиция, 1930 г. Фото А. А. Гречкина. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.14–9

Fig. 4. Excavation in the coastal area of Phanagoria. Taman expedition, 1930. Photo by A. A. Grechkin. SA of IHMC RAS. Photographic Department. Imprint. O.14–9

Разрезы эти дали основного значения материал, относящийся к хорошим, не поврежденным отложениям. Наша стратиграфия для Сенного городища (вероятно, Фанагории) совсем иная, чем та, которую мы знаем по печатным и рукописным отчетам Башкирова (Гриневича) — Харко.

3). Особо должен сказать о третьем отряде в Таманском городище. Здесь мы имеем до 8 с лишним метров не поврежденных разновременных отложений, не считая слоев XIV–XV вв. и более поздних, которые в месте нашего раскопа были скрыты местными жителями, но имеются налицо по соседству. Ни в одном из городищ, включая и Кобяковское, где имеются погребенные почвенные слои, я не наблюдал картины совершенно непрерывного течения в развитии поселения вплоть до наших дней, как это имеется налицо здесь. В особенности интересен переход от

римской эпохи к раннему средневековью, чему в донских городищах обычно отвечает ясно выраженный перерыв (VI–VII вв.). <...> Не имея здесь возможности говорить о характере этой замечательной стратиграфии по существу, я укажу лишь на то особенное значение, которое имеет каменный строительный материал. В разные эпохи он был различным, но в особенности сложен его состав в период IX–XII вв. Здесь имеется утилизированный для фундаментов судовой балласт (т. наз. „савур“). Среди этих булыжников хорошо выделяются группами следующие породы: 1) камни с черноморского побережья, 2) камни совсем иностранного происхождения и 3) днепровский гранит Александровского района (!). В иные эпохи этот гранит здесь не встречается, да и вообще весь состав строительных каменных материалов совсем иной. Чрезвычайно большой интерес

с этой стороны представляет собой городская мостовая V в. до н. э., изучением которой я буду занят завтра, сейчас же пока ничего сказать не могу.

4). Что касается материальной культуры эпох раннего железа и бронзы, то соответствующих поселений на Таманском полуострове мы пока не обнаружили, что стоит в противоречии с наличием погребений в скорченном положении. У меня имеется на этот счет некоторые предположения, но они должны быть проверены дальнейшими работами.

5). Общая обстановка на Таманском полуострове очень своеобразна благодаря двум обстоятельствам: а) наличие в некоторых районах значительных наносов (эоловых и водных), под которыми оказались погребенными некоторые городища и б) последовательные поднятия и опускания суши. Обычно здесь наличие „приморских“ поселений, ныне стоящих в значительном удалении от берегов, имеются несомненные русла протоков, ныне сухие и поднятые значительно выше уровня воды. Разумеется, здесь имеется немало конкретных вопросов, которые возможно будет разрешить лишь в большом плане работ с применением геологических шурфов или бурения» (*Там же*. Л. 55–56).

А. А. Миллер в своем отчете обозначил также некоторые организационные моменты, связанные с дальнейшим проведением исследований. Естественно, он не обошел вниманием и вопрос взаимодействия с московскими коллегами: «В отношении деятельности на Таманском полуострове Башкирова — Харко — Гриневича теперь, после осмотра их раскопок у ст. Сенной и в городище у Красной Звезды, я могу сказать следующее: очевидно, им совершенно не известно археологическое содержание термина „стратиграфия“, который они часто употребляли в своих отчетах в качестве некоторой цели их исследований. Я видел только поиск в направлении отдельных частных тем: цементированный пол, часть стены, гончарная печь. Если же их раскопы в Фанагории (Сенной), будучи по существу бесполезными, в то же время являются относительно и безвредными со стороны возможных дальнейших разрушений обнажения берега, то нельзя, к сожалению, этого же сказать о раскопке А. С. Башкирова в замечательном во многих отношениях городище у коммуны Красная Звезда. По возвращении в Ленинград мне, как члену Комиссии по раскопкам, предстоит сделать по этому делу доклад, считая работу

Рис. 5. Средневековые отложения на Таманском городище. Раскопки Таманской экспедиции 1930 г.

Фото А. А. Гречкина. НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.12–51

Fig. 5. Mediaeval deposits at the Taman townsite.

Excavation of the Taman Expedition of 1930. Photo by A. A. Grechkin. SA of IHMC RAS. Photo Department. Imprint O.12–51

Башкирова худшим видом разрушения памятника старины» (*Там же*. Л. 56об.–57).

Таким образом, в течение полевого сезона 1930 г. был собран значительный материал для составления детального плана работ в ближайшие годы. В ходе работ экспедиции были обследованы: западная часть Таманского полуострова, берег Азовского моря до Пересыпи, берег Черного моря до Кизилташского лимана, пространство между Ахтанизовским и Кизилташским лиманами до берега у старого русла Кубани (*Войцеховский*, 1929–1930. С. 4–9). В общей сложности тогда было изучено около 60 древних поселений, а в городищах Таманском, Сенном и у Фанагорийской крепости были произведены разведочные раскопки с целью установления их стратиграфической характеристики. Особо среди обследованных памятников А. А. Миллер выделил Таманское

городище по протяженности занимаемой территории и по мощности напластований культурного слоя (Миллер, 1931. С. 28; Чхаидзе, 2008. С. 15).

Несмотря на возникшие трудности, руководство ГАИМК не теряло надежды на создание совместной экспедиции с немецкими археологами. В декабре 1930 г. профессор Шмидт-Отт в письме Н. Я. Марру выразил готовность к советско-германскому научному сотрудничеству в процессе раскопок в Эски-Кермене и систематического изучения археологических памятников Тамани, на что председатель ГАИМК отозвался с большим энтузиазмом (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 3–7). Упоминания о предполагаемом проекте с немцами постоянно фигурировали на страницах переписки по организации экспедиции 1931 г. Из проекта советско-германского сотрудничества так ничего не получилось, но он, безусловно, сыграл свою трагическую роль в судьбе Г. И. Боровки.

После возвращения из экспедиции в сентябре 1930 г. Григорий Иосифович был арестован. При аресте у него изъяли фотоаппарат со сделанными во время экспедиции снимками, которые впоследствии использовались для обвинения Г. И. Боровки в шпионаже. В следственном деле в качестве вещественных доказательств находится только пять фотографий с видом на Керченский пролив с горы Митридат (Застрожнова, 2019а. С. 182–183, рис. 86–88), хотя наверняка снимков было сделано больше. Очевидно, что в ходе проведения следствия требовалась более обширная доказательная база «шпионской деятельности» Г. И. Боровки в экспедиции, именно поэтому в апреле 1931 г. соответствующий отзыв о его работе в экспедиции запросили у А. А. Миллера (см. Приложение 1). Несмотря на то, что документ был написан под давлением ОГПУ, в отзыве отсутствует прямое указание на возможный шпионаж, отмечается лишь неопытность и «незрелость методического подхода» Г. И. Боровки (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 55). Позже и сам руководитель Таманской экспедиции А. А. Миллер попал под беспощадный пресс политических репрессий 1930-х гг. Он был арестован 7 сентября 1933 г. и обвинен по делу «Российской национальной партии». Однако в 1930 г. А. А. Миллер еще был открыт полученными результатами

первого сезона работ Таманской экспедиции и предполагал масштабное многолетнее продолжение проекта.

В заключение, можно обозначить три важнейших момента, связанных с исследованиями Таманской экспедиции ГАИМК в 1930 г.

1. Несмотря на ограниченность работ, они показали безусловную перспективность дальнейших исследований (Миллер, 1932).

2. Таманская экспедиция не была нацелена только на Тамань. Уже в упомянутой выше «Объяснительной записке», составленной А. А. Миллером в начале 1930 г., было указано на необходимость проведения специальных работ «для детального обследования остатков древних поселений, как по берегам Кубани в глубь края, так и по восточному берегу Азовского моря» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 8). Эти работы следовало довести «до устья Дона, т. е. до района, ранее проработанного Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 68об.). Более подробно об этих замыслах было сказано следующим образом: «Одновременно с раскопками и детальным изучением основных тем, связанных с Таманским городищем, необходимо будет постоянно детализировать данные о поселениях в западной части полуострова и распространять территориальное обследование к востоку по Кубани, по ее левому коренному берегу, а также и по восточному берегу Азовского моря до устья Дона. В этом случае мы в результате работ 1931–33 годов сможем получить ту объективную картину, которая теперь начинает обрисовываться лишь в отдельных ее моментах» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 3). Как видим, предполагалось охватить исследованиями огромную территорию от Кавказа до Дона, но осуществить эти планы в полном объеме не удалось. В перспективе он задумывал расширить работы и на территорию Крыма, а также подключить к исследованиям украинских коллег для обследования «украинского побережья» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 71об.).

3. Сезон 1930 г. обозначил полную несогласованность работ ленинградских и московских археологов, что, как представляется, в конечном итоге стало одной из причин печальной судьбы Таманской экспедиции ГАИМК.

ОТЗЫВ

А. А. Миллера о работах научного сотрудника Таманской экспедиции ГАИМК — Г. И. Боровки

Копия
В дело Боровка КА-3

Работы последних лет
на Таманском полуострове

В течение последних лет на Таманском полуострове производились археологические работы следующими лицами: А. С. Башкировым (Москва), Л. П. Харко (ГМИИ), Ю. Ю. Марти (Керчь), С. Ф. Войцеховским (зав[едующий] Темрюкским музеем).

С. Ф. Войцеховским обследована была вся территория полуострова с геологической стороны и, в частности, в отношении полезных ископаемых и грязей, содержащих йод. Интересуясь произошедшими и происходящими видоизменениями в топографии края (поднятие и опускание почвы, переменчивость в протоках Кубанской дельты, <наличие> древних городов, названия которых нам сохранили писатели античного времени). Этим исследователем в значительной степени была подготовлена почва для начала плановых работ по изучению полуострова с исторической стороны.

Что касается исследований зав[едующего] Керченским музеем Ю. Ю. Марти, то они имели характер работ, приуроченных лишь к отдельным памятникам или случайным находкам, сигнализировавшим о наличии в том или ином районе древностей античного периода.

Несколько иной характер носили исследования московских работников — А. С. Башкирова и Л. П. Харко. Производя разведку на территории полуострова, они обратили особенное внимание на остатки приморского города у станции Сенной, в которой хотели видеть азиатскую столицу Боспорского царства — Фанагорию. В этом городище произведены были некоторые небольшие раскопки. Помимо этого, Башкировым сделана была раскопка и в городище у коммуны «Красная Звезда» с применением совершенно недопустимого приема, а именно — здесь им был вырыт глубокий шурф в культурных отложениях древнего города. Работая первое время совместно, исследователи эти впоследствии резко разошлись, и расхождение это приняло форму грубого столкновения с взаимными обвинениями.

Из докладов и печатных отчетов видно было, что исследования, производившиеся Башкировым, имели совершенно поверхностный характер, что же

касается работ Харко, то их также не было оснований считать предприятием, достаточно обоснованным методологически и проведенным сколько-нибудь удовлетворительно со стороны методики полевой археологической работы. Достаточно указать например, на то, что исследователь этот в разных неровностях поверхности Сенного городища и его окружения хотел видеть остатки древних «стадионов эллинов, амфитеатра»⁹. В 1930 году мною на месте проверены были все эти предложения совместно с участниками Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМК. Признано было, что все эти предположения, а в особенности догадки об амфитеатре имеют лишь анекдотическую ценность.

Г. И. Боровка и его работа в этот период

Научный сотрудник ГАИМК и хранитель Гос[ударственного] Эрмитажа Г. И. Боровка, получивший «классическое образование в Петроградском университете, занимаясь изучением скифской культуры и исторической топографии Таманского полуострова», в 1928 и 1929 гг. настойчиво в ГАИМК проводил мысль о том, что работы Башкирова на Таманском полуострове не являются серьезным научным предприятием. Г. И. Боровка вместе с этим указывал и на то, что остатки древних поселений на Тамани гибнут, уничтожаемые процессом разрушения морских берегов.

Г. И. Боровкой представлена была по этому поводу особая записка в ГАИМК с предложением организовать со стороны Академии особую экспедицию на Таманский полуостров с участием геолога, «которого персонально наметить сейчас не представляется возможным»¹⁰.

Г. И. Боровкой сделан был доклад в ГАИМК о состоянии памятников старины на Таманском полуострове, а вместе с этим им была представлена и особая записка как «План археологического обследования Таманского полуострова».

В записке совершенно правильно указано на то, что «работы, которые сейчас производятся на

⁹ В московских газетах «Известия», «Вечерняя Москва» и «Рабочая Москва» за 1927 г. вышли заметки, сообщавшие, что «в песках на Таманском полуострове близ станции Сенной удалось обнаружить следы огромного античного театра», о чем самим Л. П. Харко было сделано опровержение (ОР ГМИИ. Ф. 34. Оп. I. Раздел III. Д. 217. Л. 56).

¹⁰ См.: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 105.

Таманском полуострове, не разрешают те задачи, которые следует поставить во главу дела археологического изучения этой местности».

В записке этой, однако, совершенно обоснованной в указанном отношении, имеются моменты методологически устарелые и не отвечающие современным установкам длительных и систематических исследований. В записке говорилось о необходимости выяснить «античную топографию», о необходимости также систематического обследования Таманского полуострова, который «в древности являлся одним из наиболее важных центров греческой жизни на побережье Черного моря».

Дело в том, однако, что, ставя систематические исследования на полуострове, совершенно недопустимым было бы сужение задач до периода греческой городской жизни, тем более, что приморские древние поселения даже этого периода в действительности не были «греческими» в полном смысле этого слова, а представляли собой, уже в причинной зависимости их возникновения, некоторое взаимодействие греков с одной стороны и так называемых «варваров» — с другой.

Помимо этого, судя по имевшимся данным, на Таманском полуострове имелись остатки поселений и последующих, как и более ранних исторических периодов.

Таманская экспедиция как предприятие ГАИМК

В 1929 г. осенью состоялось совещание в Музейном и Археологическом отделе Главнауки Наркомпроса по делу о рассмотрении заявок учреждений на экспедиции 1930 г.

Представителями ГАИМК были Н. Я. Марр и его заместитель Ф. В. Кипарисов (Н. Я. Марр в заседании не смог принять участия). Я был в заседании как представитель Государственного Русского музея. От Музея изящных искусств в Москве был один представитель (кажется, директор музея), а также и Харко, которым и была сделана заявка об экспедиции на Таманский полуостров в 1930 г. в продолжение работ ранее происходивших. Представитель музея изящных искусств после доклада Харко указал на то, что работы музеем действительно производились, но что музею не ясно насколько они нужны, а затем, что работы эти не были увязаны с ГАИМК. После этого Ф. В. Кипарисов заявил, что все дело постановки и проведения плановых и длительных работ на Таманском полуострове берет на себя ГАИМК. Заявление это для меня являлось полной неожиданностью, так как об этом проекте ранее я ничего не слышал.

После заседания я пришел в Институт народов Востока СССР¹¹, где остановился. Там же останавливается обычно и Н. Я. Марр. Вечером, когда он возвратился я доложил ему об общей наметке средств для экспедиции 1930 года. Вскоре пришел и Ф. В. Кипарисов, и совместно мы обсуждали, каким образом можно организовать таманские работы. Я понял, что вопрос этот, очевидно обсуждался в совещаниях президиума уже раньше. Со своей стороны, я высказал ту мысль, что Таманский полуостров следует брать в целом, во всей совокупности памятников старины, а не ставить лишь частную задачу изучения «античного периода», да еще суженного пределами деятельности греков. После этого я ушел, но поздно ночью в канцелярию, где я спал на столе, пришел Н. Я. Марр и вновь поднял вопрос о Тамани. Он сказал, что мне будет дано поручение по руководству этим делом, что это предприятие должно будет создать известную школу для всех работников Академии, что мне придется быть может отказаться на первое время от работ на Северном Кавказе и пр.

Впоследствии я получил подобные же указания в Ленинграде и от т[оварища] Кипарисова.

Тем не менее, неопределенное продолжение длилось очень долго. В течение зимнего периода я лично готовился к предстоящей работе, но этому много времени не отдавал, не будучи уверен в том, что предприятие это состоится в 1930 году в том масштабе, о котором говорилось.

В начале 1930 года, представив смету и объяснительную записку, я докладывал об этом Н. Я. Марру и Ф. В. Кипарисову, причем каждый из них высказал пожелание о том, чтобы в состав экспедиции включен был и Г. И. Боровка. Насколько я понял, мотивами для этого служили следующие соображения: 1) Боровка проводил в Академии мысль о необходимости организовать исследования Таманского полуострова со стороны ГАИМК и 2) Боровке нужно было дать возможность серьезно заняться усвоением методики полевых археологических исследований.

Я вполне разделял эти мотивы и не возражал против включения Боровки в состав экспедиции, хотя знал, что едва ли экспедиция получит от него серьезный вклад по крайней мере в первый год работ. Строя экспедицию в учете необходимости широких территориальных обследований, а с другой стороны намереваясь подойти к изучению всего исторического процесса развития человеческого общества на Тамани, я должен был привлечь к участию лиц

¹¹ Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН (1925–1930).

разной специализации, во-первых, а затем и хорошо подготовленных прежними работами в составе Северо-Кавказской экспедиции. Такими лицами были А. А. Иессен (... формация), М. И. Артамонов (феод. форм — средневековые) и Т. Н. Книпович (античные города). Из них двум первым, как подготовленным к полевой работе, я предполагал на месте давать и отдельные ответственные поручения. Никаких самостоятельных работ поручать Боровке я не имел в виду.

Дело с экспедицией очень затянулось, вследствие весенней чистки в ГАИМК¹², и только в конце июня или в начале июля утвержденный личный состав приступил к подготовке.

Экспедиция

Во второй половине июля участники экспедиции выехали к месту работ, в Таманскую станицу из Ленинграда через Керчь.

Я лично выехал иным маршрутом: Ленинград—Ростов, Краснодар, пароходом — Краснодар—Темрюк и на лошадях Темрюк—Тамань.

Мне необходимо было остановиться в Ростове и Краснодаре для установления связи с краевыми и местными научно-исследовательскими организациями, для привлечения молодых сил на практику и проч. Помимо этого необходимо было получить в южном военно-топографическом отделе карты полуострова, а также получить разрешение для работ в пограничной полосе.

Все это было исполнено.

1. В оперативном отделе Штаба СК военного округа мне дано было разрешение на приобретение секретных карт (масштаб в дюймах) под расписку с известными обязательствами, которые и исполняются.

2. В том же отделе я получил разрешение на производство небольших земляных выемок на высоких морских берегах.

3. В пограничном отделе ГПУ мне разрешено было производить исследования в пограничной полосе, причем об этом было послано письменное извещение Уполномоченному ГПУ в Анапе для оповещения местных агентов на Таманском полуострове.

Предвидя возможность моего опоздания на Тамань на несколько дней, я на это время поручил А. А. Иессену быть моим заместителем. Задание было дано такое — осмотр всей территории Таманской станицы и ее ближайших окрестностей и археологический осмотр берегов до мыса Тузла.

¹² Материалы по чистке сотрудников ГАИМК (стенографические отчеты общих собраний, протоколы и переписка) см.: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 4.

А. А. Иессен по приезде в Тамань был у агента ГПУ, предъявил ему документ и, объяснив цели и задачи экспедиции, сейчас же приступил к работе, и экспедиция к моему приезду выполнила задание полностью. В этих работах принимал участие и Боровка, приехавший в Тамань 25 июля из Керчи (выехал из Ленинграда 21 июля).

Я лично приехал в Тамань из Темрюка на извозчике 29 июля вечером, вместе с зав[едующим] Темрюкским музеем т. Войцеховским, приглашенным в состав экспедиции.

В дальнейшем, работы, в которых принимал участие Боровка протекали в таком порядке:

1. Небольшой раскоп внутри станции у берега высохшего водоема. Раскоп производился под моим руководством при постоянном наблюдении и присутствии Г. И. Боровки и Книпович. Качественная оценка материала (керамика) и его отношения к слоям производилась Т. Н. Книпович. Боровка присутствовал и оказывал небольшую помощь.

2. Основной раскоп у берегового обрыва. Боровка присутствовал, но существенной работы не производил.

3. Отряд под руководством Иессена для обследования территории от Панагии до Бугаза и Кизилташа. Участвовал Боровка. Сколько видно из отчета Иессена, основная работа исполнена была им и Книпович.

4. Разведочные подчистки в городище у станции Сенной и территориальные обследования в направлении так наз[ываемого] Киммерийского вала с выходом к Азовскому побережью у Пересыпи, а также обследование берегов бывшего протока от Шимарданской бухты.

Вся партия под моим руководством приступила к работам 17 августа. В течение этого дня я обошел городище, ознакомился с Шимарданским заливом, как бывшим устьем протока, обошел также прилегающую местность и в точности указал те места береговых обнажений, где следовало сделать разведочные подчистки. При этом мной даны были и все технические указания. Боровка принимал участие в работах 17 августа.

18 августа я выехал на подводе с Иессеном и Войцеховским в станицу Фонтанная для всего обследования всего Фонтанного полуострова, откуда возвратился непосредственно в Тамань 24 августа. «Фангорийский отряд», оставленный мною для производства указанных работ; производил исследования под руководством Боровки, которому для этого я выдал аванс. Зная, однако, его слабую подготовленность, я поручил всю технику дела Круглову и Подгаецкому, которые и раньше, будучи студентами ЛГУ, работали со мной на практике.

Отрядом план был выполнен, и 26 августа он вместе с Боровкой возвратился на Тамань. Боровка сдал мне аванс, но никаких отчетных данных о результатах исследований я от него непосредственно не получил. Занятый главным раскопом и необходимостью довести его до конца, я отложил обсуждение работ Фанагорийского отряда до возвращения в Ленинград. В это же время все мы заняты были помимо главного раскопа — упаковкой обширных материалов экспедиции. Все счетоводство лежало также на мне.

29 августа я выдал Боровке аванс на обратный проезд в Ленинград, считая его работу законченной, а 2 сентября я выехал вместе с Иессеном на извозчике в Темрюк с тем, чтобы на пароходе ехать обратно в Краснодар, а затем по железной дороге в Нальчик для начала работы другой экспедиции (Северо-Кавказской), руководство которой лежало также на мне.

Приехав в Ленинград в октябре месяце, я узнал, что Боровка арестован. Что касается расчисток в обнажениях Сенного городища, то все чертежи слоев находятся в материалах экспедиции, но никаких сведений о территориальном обследовании до Пересыпи я не имею, как не имею и тех фотоснимков, которые исполнены были Боровкой на полуострове.

Мне известно, что у него имелся небольшой аппарат. Его снимки я видел и раньше и находил, что они в техническом отношении неудовлетворительны. Вследствие этого для ответственных фотоснимков мною командирован был временно в Фанагорийский отряд фотограф А. А. Гречкин (фотограф экспедиции), которым были сделаны нужные технические снимки и сданы мне в Ленинграде полностью.

Заключение

Никаких положительных результатов участия Боровки в работах Таманской экспедиции я отметить не могу. Усвоено ли им что-либо в отношении методики полевых исследований, мне неизвестно. В частых обсуждениях очередных задач экспедиции, происходивших на работах, за вечерним чаем в группе всех участников работ, Боровка обнаруживал

некоторую книжную подготовленность, интересуясь, главным образом, вопросами приурочения тех или иных исторически известных городов к ныне существующим городищам полуострова, базируясь в своих предположениях на данных древних писателей. С этой стороны его очень интересовали общие ландшафты края. Однако участники экспедиции стояли на иной точке зрения, а именно:

1. На первом месте — вопрос качественного анализа городищ существующих.

2. Ландшафты имеют связь лишь в учете всех произошедших видоизменений, и что с этой стороны необходимо провести параллельно исследования реконструктивного порядка.

Познакомившись на Тамани несколько ближе с подготовленностью Боровки к полевым исследованиям, я лучше понимаю и то, что и его работы в Монголии не могли дать положительных результатов, в том объеме как этого можно было ожидать по самому характеру территории.

Я меньше знаю исследования Боровки по скифскому вопросу. Но общее впечатление из слышанных его докладов таково:

1. Безусловно хорошее знание вещественного материала в Эрмитаже.

2. Знание соответствующей литературы как русской, так и иностранной.

Но вместе с этим:

преимущественное пользование формально-типологическим методом в работе над вещественным материалом, что является прямым отражением той школы, которую прошел Боровка и которая при современных установках советской науки, считается по справедливости — отжившей.

А. А. Миллер
30 апреля 1931

Верно

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 51–56

Машинопись. Копия

(Публ. впервые)

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Следственное дело № 12325: По обвинению Фриде Марии Алексеевны и других. Т. 1, 2; П-30695. Следственное дело № 918-31: По обвинению Боровко Григория Осиповича.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 105: Исследование Таманского полуострова; 1929 г. Д. 201: 1930 г. Д. 4: Материалы по чистке сотрудников ГАИМК (стенографические отчеты общих собраний, протоколы и переписка); Исследование

Таманского полуострова; 1930 г. Д. 118: Исследование Таманского полуострова. Таманская экспедиция, начальник А. А. Миллер. Ч. I. Переписка и план работ; 1931 г. Д. 777: Таманская экспедиция в 1931 году. Переписка, планы, предварительные отчеты, дневник и чертежи; 1932 г. Д. 111: Переписка об организации Таманской экспедиции.

НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.12-23; Отп. О.12-51; Отп. О.13-46; Отп. О.13-67; Отп. О.14-9.

- ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42: Отчетный материал, дневники, перечень находок и зарисовки отдельных предметов, найденных в Фанагории, а также записки об экспедиционной работе ГМИИ за 1930 г.; Ф. 34. Оп. I. Раздел III. Д. 217: Выписки из архивных дел, история Таманского полуострова.
- Алёшкин, 2013 — Алёшкин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Алёшкин, 2015 — Алёшкин В. А. А. А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 2. С. 6–19.
- Васильков, Сорокина, 2003 — Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Звенья, 2003.
- Виноградов, 2013 — Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.
- Войцеховский, 1929–1930 — Войцеховский С. Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднеейшему времени // ЗСКОАИЭ. Ростов н/Д., 1929–1930. Кн. 1 (Т. 3). Вып. 5–6. С. 4–9.
- Гайдукевич, 1934 — Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 80.
- Застрожнова, 2019а — Застрожнова Е. Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.). СПб.: Нестор-История, 2019.
- Застрожнова (Панкратова), 2019б — Застрожнова (Панкратова) Е. Г. «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...»: К биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела) // СА. 2019. № 2. С. 154–166.
- Лунин, 1932 — Лунин Б. В. Сергей Францевич Войцеховский // СГМИИ. М., 1932. Вып. 3–4. С. 64–65.
- Миллер, 1931 — Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. Л., 1931. № 1. С. 26–29.
- Миллер, 1932 — Миллер А. А. Выставка работ экспедиций Государственной академии истории материальной культуры // СГАИМК. Л., 1932. № 7–8. С. 43–50.
- Непомнящий, 2016 — Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов — куратор изучения крымских памятников в 20-е гг. XX в. // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». Тез. докл. и сообщ. Межд. науч. конф. Севастополь: б. и., 2016. С. 36–37.
- Панкратова, 2020 — Панкратова Е. Г. Последний председатель ГАИМК — Ф. В. Кипарисов (новые материалы к биографии) // ВДИ. 2020. № 3. С. 698–722.
- Паромов, 2020 — Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991) // БИ. Симферополь, 2020. Вып. 40. С. 239–305.
- Платонова, 2013 — Платонова Н. И. Федор Васильевич Кипарисов // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 19–22.
- Чхаидзе, 2008 — Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 328 с.
- Zerbst-Boroffka, 2015 — Zerbst-Boroffka Irene. Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland. Hamburg, 2015.

Основные направления исследований археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг.¹

Н. А. Сутягина²

Аннотация. Статья посвящена изучению основных направлений исследования погребальных памятников в горах Ноин-Ула в 1924–1935 гг. В результате анализа учетно-хранительской документации и материалов камеральной обработки были выявлены наиболее актуальные для указанного периода научные и организационные вопросы, связанные с изучением, реставрацией, хранением и популяризацией материалов этого уникального археологического памятника. Итогом десятилетия стало завершение реставрации значительной части коллекции, введение в научный оборот наиболее интересных находок, а также определение места постоянного хранения коллекции. Нерешенной осталась одна из наиболее важных задач — полная публикация материалов раскопок Монголо-Тибетской экспедиции.

Annotation. This paper is devoted to the main objectives of the studies of burials in the mountains of Noin-Ula in 1924–1935. Through accounting and curator's documentation and materials from laboratory treatment, the most urgent at the period under consideration scientific and organizational problems were identified concerning the study, restoration, keeping and popularization of this unique archaeological complex. The present decade has resulted in the completion of the restoration of a considerable part of the collection, scientific publication of the most interesting finds, as well as the decision on the place of the permanent housing of the collection. One of the most important tasks has remained unsolved: the complete publication of the materials of the Mongolia-Tibetan expedition.

Ключевые слова: Ноин-Ула, хунну, археологический комплекс, музейная коллекция, история исследования.

Keywords: Noin-Ula (Noyon Uul), Xiongnu, archaeological complex, museum collection, history of investigation.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-330-342

Введение

Раскопки курганов хунну в горах Ноин-Ула, проведенные Монголо-Тибетской экспедицией под руководством П. К. Козлова, стали одним из самых значительных событий для археологии Центральной Азии первой трети XX столетия. Новые материалы принципиально меняли представления ученых о древней истории восточноазиатского региона, что требовало скорейшего введения всей коллекции в научный оборот. Наиболее сложный

этап в истории изучения ноин-улинских курганов пришелся на 1924–1935 гг. Эти хронологические рамки определяются началом раскопок с одной стороны и завершением передачи коллекции в Государственный Эрмитаж — с другой.

Процесс исследования Ноин-Улы в контексте институциональной истории и политических событий был изучен Т. И. Юсуповой (Юсупова, 2010. С. 26–67; 2011. С. 9–51). В то же время история изучения этого памятника как археологического комплекса никогда не становилась объектом научного познания. Основными задачами данного исследования являются представление корпуса учетно-хранительской документации и данных камеральной обработки, а также анализ связанных с материалами Ноин-Улы исследовательских концепций, методов и результатов реставрации предметов с целью определения наиболее

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005.

² Отдел Востока, Государственный Эрмитаж; Дворцовая набережная, д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: na.sutiagina@gmail.com.

актуальных для указанного периода организационных мероприятий, основных направлений исследований и научных проблем, многие из которых сохраняют свою значимость до сих пор.

Для изучения археологических комплексов Ноин-Улы принципиальное значение имеют постановления специальной подкомиссии комиссии СНК СССР для «Рассмотрения отчетов о работах Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова»³, зафиксированные в стенограмме и протоколе заседания. Наиболее дискуссионными стали вопросы о порядке изучения и хранения коллекций, об издании материалов Монголо-Тибетской экспедиции, о выполнении обязательств по возвращению части коллекций в Монголию, об информировании зарубежных научных учреждений и изданий о результатах работы экспедиции. В некоторых случаях определяющей для итогового заключения оказывалась позиция НКВД и Главнауки. Согласно пункту II, 1 протокола заседания археологические коллекции передавались в Российскую академию истории материальной культуры (далее — РАИМК) на временное хранение для исследований. Обсуждение вопроса о постоянном месте хранения откладывалось до завершения исследований. В пункте IV, 2 было закреплено решение о целесообразности издания материалов Монголо-Тибетской экспедиции в виде брошюры на восьми листах с 70–80 иллюстрациями и 10–15 фотографиями. Одновременно в пункте X зафиксирована возможность информировать зарубежные научные учреждения и издания о результатах работы Монголо-Тибетской экспедиции через Отдел печати НКВД. Что касается соглашения П. К. Козлова и Ц. Жамцарано о передаче Ученому комитету Монголии материалов одного кургана, то НКВД выразил намерение подтвердить существующие договоренности (пункт VII). Отбор предметов для отправки в Монголию поручили сотрудникам РАИМК (пункт V, б) (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 8–14, 43–47). Фактически эти решения определили программу научной обработки и изучения коллекции на десятилетие.

³ Заседание состоялось 7 февраля 1925 г. под председательством Н. П. Горбунова. На заседании присутствовали члены Российской Академии наук (С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман), Русского географического общества (Ю. М. Шокальский, П. К. Козлов, В. Л. Комаров), профессор Б. Б. Полюнов, а также представители НКВД и Главнауки (подробнее о комиссии см.: Юсупова, 2006. С. 54–62; 2011. С. 38; 2018. С. 67–94).

Естественнонаучное изучение и реставрация предметов

Одной из самых сложных исследовательских задач этого периода стали естественнонаучное изучение и реставрация предметов. С конца 1925 г. работа проводилась в Институте археологической технологии (далее — ИАТ) РАИМК (с 1926 г. — Государственной академии истории материальной культуры, ГАИМК) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г., Д. 41. Л. 10–12; Юсупова, 2011. С. 43–45). Для исследования уникальных находок здесь разрабатывались и применялись новые методы фотоаналитического, микроскопического, спектрографического, микрохимического и гистологического анализа (Платонова, 2018. С. 286–288). Ученый секретарь ИАТ М. В. Фармаковский сформулировал методические и методологические основы предстоящей работы, которые предусматривали детальную технологическую систематизацию всех предметов коллекции и экспериментальное исследование методов очистки. Подобная подготовка требовалась для текстиля, кожи и меха, керамики, металлических изделий, красок и лаков. Экспериментальный фонд включал около 600 предметов, причем максимальное количество — 266 образцов — составляли ткани. Химическая очистка этих образцов предполагала сохранение подлинного ворса и закрепление красок, для кожи и меха — восстановление эластичности материалов, для металлических изделий — термическую и химическую очистку, для предметов с лакокрасочным покрытием предполагалось провести серию аналитических исследований, для всех образцов растительных и животных остатков — очистку от внешних наслоений и дезинсекцию. Химическая обработка керамических фрагментов включала выщелачивание, пропитку и покрытие поверхности различными составами для предотвращения разрушения. Завершающим этапом работ для всех материалов должна была стать мантировка предметов для безопасного хранения, для керамических сосудов — реконструкция формы, для тканей — подбор и соединение разрозненных фрагментов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г., Д. 130. Л. 3–10). В общей сложности за время исследования в ИАТ было передано более 1350 предметов. Это был беспрецедентный по масштабам исследования опыт работы с археологической коллекцией, результаты которого стали основой для дальнейшего изучения материала.

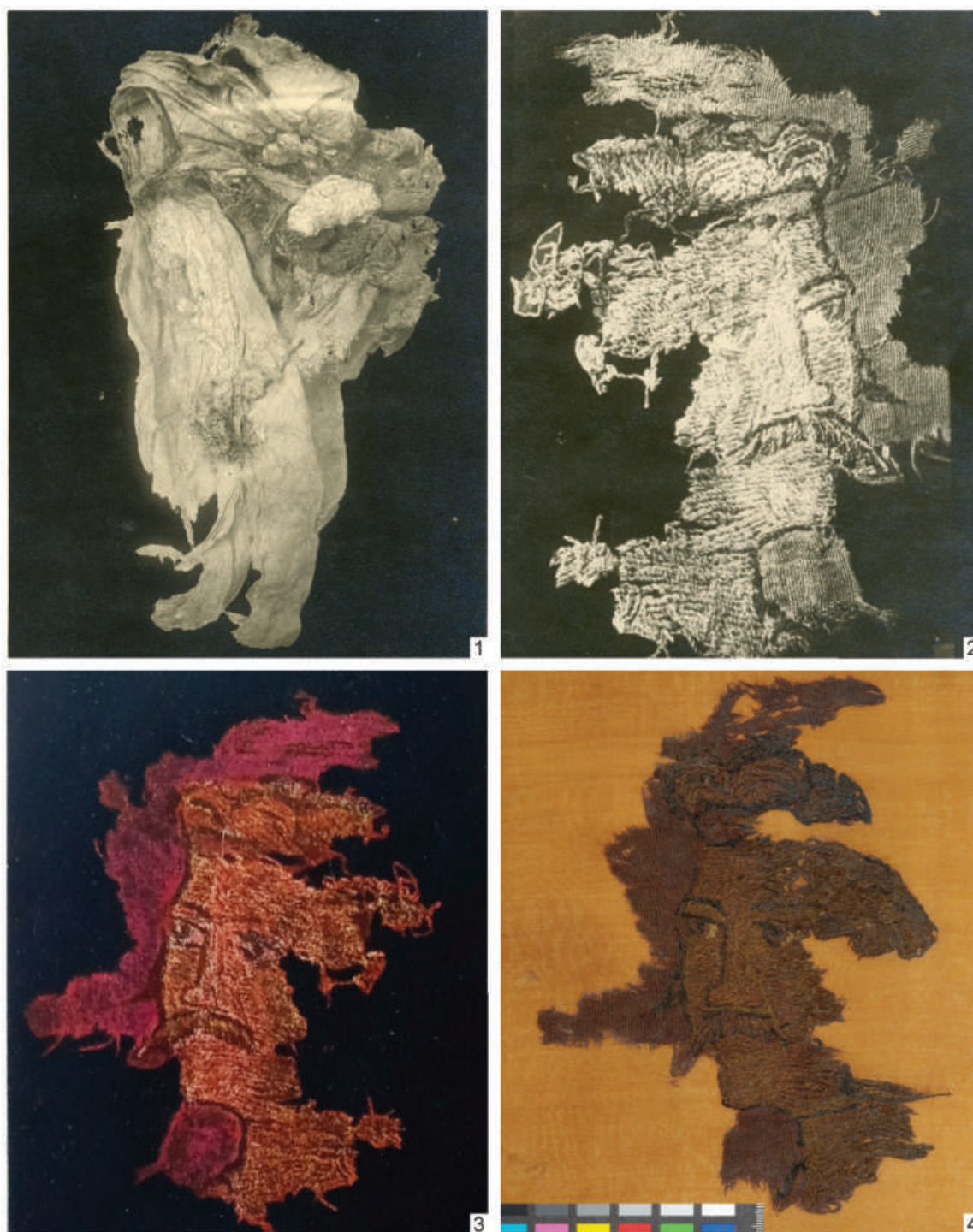

Рис. 1. Ноин-Ула. Курган № 25. Фрагмент шерстяной ткани с вышивкой с изображением головы мужчины: 1 — первоначальный вид фрагмента (НА ИИМК РАН. ФО. Q.707-238); 2 — фото изображения по методу каскадного усиления (НА ИИМК РАН. ФО. Q.707-239); 3 — восстановленная цветовая палитра (Тихонов, 1931); 4 — современный вид (МР-2521)

Fig. 1. Noin-Ula. Kurgan № 25. Fragment of a wool textile with an embroidery representing a male head: 1 — initial view of the fragment (Photoarchives of IIMK RAS. Q.707-238); 2 — photograph of the representation using the method of cascade (Photoarchives of IHMC RAS. Q.707-239); 3 — reconstructed colour gamma (Тихонов, 1931); 4 — present view (МР-2521)

Основные результаты исследования археологических тканей были изложены в тематическом сборнике ГАИМК (Технологическое изучение..., 1932). С помощью химико-технологических анализов установили тип нитей и структуру переплетений шелковых и шерстяных тканей, технические особенности вышивок и орнаментов, составы красителей, что позволило уже в те годы обозначить проблему определения места производства текстильной продукции (Клейн и др., 1932. С. 11–75; Воскресенский, Лукашевский, 1932. С. 99–107). Фотоаналитическим методом были реконструированы первоначальные цвета вышитых тканей (Тихонов, 1931. С. 17–19; Воскресенский, Тихонов, 1932. С. 7–9). На основании проведенных технологических анализов большого ковра исследователи предположительно определили овечью шерсть, использованную для изготовления войлока и шнурков, красители ализарин и пурпурин, изучили технику шитья и аппликаций. Разница в способах изготовления различных деталей позволила предположить, что в работе над ковром принимали участие несколько мастеров (Воскресенский, Кононов, 1932. С. 76–94; Головчинер, 1932. С. 94–98; Восстановление..., 1937). В результате очистки фрагментов шерсти от различных засорений (смолы, окислы железа) с применением новых на тот момент методов и технологий удалось обнаружить одну из вышивок с изображением головы мужчины и реконструировать ее первоначальную цветовую палитру (Тихонов, 1931. С. 17–19) (рис. 1, 1–4).

В результате осмотра 595 металлических предметов П. В. Латышев и Н. Н. Курнаков нашли их состояние удовлетворительным. Для всех изделий был предложен метод механической обработки поверхности от загрязнений с помощью дистиллированной воды с дальнейшей просушкой в сушильном шкафу. Налет и потускнение на золотых предметах предлагалось убрать специальными безопасными растворами. Состояние изделий из серебра не требовало каких-либо дополнительных действий кроме механической очистки. На некоторых бронзовых вещах были обнаружены пятна патины, для избавления от которых рекомендовалось использовать термические способы обработки. Изделия из железа были покрыты слоем светло-желтой ржавчины и требовали более сложной обработки химическими растворами (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 41–43).

По мнению группы экспертов, керамика была однородной по типологическому признаку и по

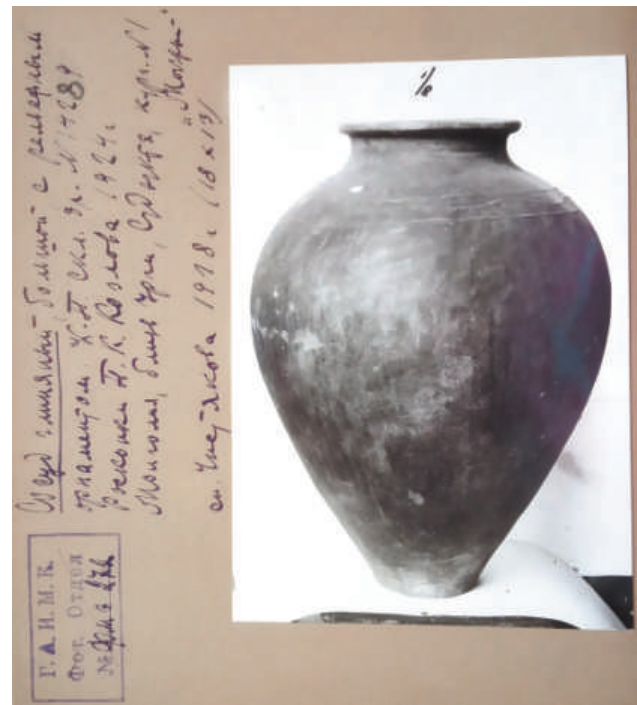

Рис. 2. Ноин-Ула. Курган № 1 «Мокрый». Керамический сосуд после проведенной в ИАТ реставрации (НА ИИМК РАН. ФО. О.246-15)

Fig. 2. Noin-Ula. Kurgan № 1 “Wet”. The ceramic jar after restoration carried out in the Institute of Archaeological Technology (SA IHMC RAS. Photoarchives. O.246-15)

качеству глины. Глиняная масса представляла собой разновидность местной глины и содержала крупные включения кварца. Шлифы демонстрировали отличие изученных фрагментов от прочей керамики этой местности. Формовка сосудов производилась вручную, внешняя поверхность выравнялась, внутри сохранились следы ладоней, пальцев и специальных лопаточек. Температура обжига не превышала 700–800 °С, в результате чего получался темный цвет поверхности. Эти факты позволили во второй половине 1920-х гг. предположить, что керамические сосуды производились на месте и уровень мастерства был невысок. Для склеивания фрагментов сосудов были разработаны специальные составы, заполнение утрат осуществлялось водорастворимым материалом. Полностью был восстановлен один из сосудов (КП ГАИМК 14064) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 44, 112, 116–118; Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 37. Л. 13) (рис. 2).

Важными для изучения археологических материалов и погребального обряда ноин-улинских курганов стали определения и анализы костных, растительных и прочих органических останков

(кожа, мех, древесный уголь), а также металлических сплавов, камня, лакового покрытия (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 17–19, 105, 105об, 115–118; Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 37). Согласно плану исследований коллекции ИАТ предполагал провести антропологические и палеозоологические определения. Несмотря на плохую сохранность костей М. П. Грязнов сделал предварительное заключение о половой и возрастной

принадлежности индивидов из восьми курганов, а В. И. Громова определила видовую принадлежность животных, останки которых происходят из пяти курганов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 51–52, 79, 89–90). Полученные результаты представляют собой уникальную информацию о найденных в курганах останках, поскольку позднее подобные анализы более не проводились (табл. 1–2, рис. 3).

Таблица 1. Антропологические определения останков погребенных в курганах Ноин-Улы, выполненные М. П. Грязновым (таблица составлена по материалам: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 51–52, 79)

Table 1. Anthropological definitions of the remains of the buried in barrows of Noin-Ula made by M. P. Gryaznov (the table is compiled after materials: SA IHMC RAS. Manuscript Department. Arch. col. 2. Inv. 1. 1925. F. 41. Sh. 51–52, 79)

Курган, номер или название	Половая принадлежность и возраст индивидов	Опись антропологического материала
6 («Верхний»)	Взрослый мужчина	Фрагменты черепа, бедренной, двух больших берцовых и тазовой костей, несколько позвонков и др.
23	Взрослый индивид (женщина?)	Две лучевые кости, фрагменты бедренных, локтевой и мелких костей
24 («Теплоуховский», № 12)	Останки не менее двух индивидов. 1. Взрослая женщина (не старше 40–50 лет) 2. Индивид юношеского возраста. Пол не определен	1. Черепная крышка, две бедренные кости и, возможно, тазовая кость 2. Нижний эпифиз бедренной кости Определить принадлежность остальных костей затруднительно: нижняя челюсть, плечевая, большая и малая берцовые, две коленные чашечки
25	Взрослая женщина (?)	Фрагменты бедренной, двух больших берцовых и одной малой берцовой костей
Андреевский (курган «А»)	Взрослый индивид. Пол не определен	Обломок нижней челюсти с хорошо развитым третьим моляром
Баллодовский	Взрослый мужчина (не старше 40–50 лет)	Черепная крышка, обломок позвонка
Малый курган III	Индивид юношеского возраста (7–10 лет). Пол не определен	Фрагменты бедренных, большой и малой берцовых костей и ребра
1 («Мокрый»)	Индивид юношеского возраста или взрослый. Пол не определен	Три зубные коронки (третьи моляры)

Таблица 2. Палеозоологические определения костных останков из курганов Ноин-Улы, выполненные В. И. Громовой (таблица составлена по материалам: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 89–90)*

Table 2. Palaeozoological definitions of the skeletal remains from barrows of Noin-Ula made by V. I. Gromova (the table is compiled after materials: SA IHMC RAS. Manuscript Department. Arch. col. 2. Inv. 1. 1925. F. 41. Sh. 89–90)

Курган, номер или название	КП ГАИМК, №	Описание материала	Заключение
23	13944	Рог	Сибирский олень. Зафиксированы следы обработки ножом
6	13904bis	Кости и зубы	Домашние животные: бык, лошадь, баран. Некоторые кости были определены предположительно: джигетай (кулан). Значительная часть костей — зубы. Сохранность костей плохая. На некоторых костях зафиксирована синяя краска**. Часть костей лошади обожжена
23	13915, 13940		
24	1499–14206		
Андреевский	14013		
Кондратьевский	14053, 14062, 14067, 14068		
Монгольский	14087–14095, 14105		
Принадлежность к кургану неизвестна	14106–14110, 14303		

* Часть переданных материалов определена как останки человека.

** Вероятно, это следы голубой глины, которая использовалась в погребальном обряде.

№ 16
51

Кости человека из Ноин-Улинских курганов, раскопанных Матвеевской экспедицией Н.К.Козлова в 1924г.

Среди остеологических материалов коллекции Матвеевской экспедиции в 8-ми курганах оказались кости человека. Большинство принадлежат различным частям скелета, или другим частям его скелета, кости которых очень обильны. Полная скелетная серия представлена лишь несколькими костями: черепом, плечевой костью, локтевой костью и некоторыми другими костями. Также представлены отдельные кости и даже косточки, сделаны также некоторые измерения на них, благодаря чему, вероятно, удалось в расовой принадлежности их к той или иной этнической группе не представляется возможным. По мере того как кости человека мы делали в некоторых случаях определены пола и возраста человека. В прилагаемой таблице эти сведения изложены.

Курган 6. Кости взрослого человека. Обломки черепа, бедренной, 2-х л. берцовых и локтевой костей и некоторые позвонки и др.

Курган 19. Кости принадлежат человеку, лет 2-х и подростку.

1. Взрослая женщина (по возрасту 40-50 лет) К правой стороне принадле-

жат черепная кость, 2 бедренных кости и л. берцовая кость.

2. Взрослая женщина (по возрасту) К левой стороне принадлежат локтевая и бедренная кости. (возр.?).

Обломки других костей трудно отнести к тому или тому человеку. Это следующие кости: черепная кость, локтевая, 2-х л. берцовых и 2 позвонка шейных.

Курган 23. Кости принадлежат взрослому человеку (по возрасту?). В черепе выделены кости и обломки бедренной, локтевой и некоторых мелких костей.

Курган 25. Кости взрослого человека (возр.?). Обломки бедренной, л. берцовых и л. берцовой костей.

Курган 29. Обломки черепа и кости взрослого человека (по возрасту подростка). (возр.?).

Балладавский курган. Зубная кость взрослого человека (по возрасту 40-50 лет) и обломки некоторых позвонков.

Малый курган 5. Кости подростка 7-10 лет (возр.?). Обломки бедренной, л. берцовых костей и ребра.

Малый курган. 3 коронки прорезавшихся зубов (мол.?). Принадлежат взрослому или подростку (возраст не ясно). (возр.?)

28 января 1926г.
М. Грязнов.

Рис. 3. Заключение М. П. Грязнова по определению антропологических останков погребенных в курганах Ноин-Улы. Рукопись (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 51-52)

Fig. 3. Conclusion of M. P. Gryaznov on the identification of the anthropological remains of the buried in kurgans of Noin-Ula. Manuscript (SA IHMC RAS. Manuscript Department. Arch. col. 2. Inv. 1. 1925. F. 41. Sh. 51-52)

Образцы семян, стручков и игла из курганов № 23 и 24 (КП ГАИМК 13938, 1-2; 14129; 14435) были переданы для определений Н. И. Вавилову, а изучение растительных остатков проводил старший хранитель музея Ботанического сада И. В. Палибин. Для исследования поступили образцы содержимого войлочного мешка, представляющие собой массу сильно спрессованных сухих пленок длиной 1,5-2,0 мм. Морфологический анализ при двадцатикратном увеличении показал наличие «штриховатости» и «зубчатости» поверхности чешуек. Это наблюдение позволило И. В. Палибину

сделать вывод об идентичности строения чешуек археологических образцов и метельчатого проса (*Panicum miliaceum*). Внутреннее содержимое семян (крахмал) не сохранилось. Войлочный мешочек был сделан, предположительно, из шерсти верблюда (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 20, 50).

Для изучения лакокрасочных материалов из раскопок в Монголии был взят образец черного цвета (размеры 2 × 0,5 см; вес 0,025 г), с одной стороны покрытый слоем буровато-красного цвета. Последний отслаивался, а при его удалении обнажалась поверхность черного-бурого цвета.

Исследуемый лак оказался нерастворимым в обычных растворителях (вода, спирт, эфир, ацетон). При нагревании постепенно сгорал, распространяя запах, напоминающий жженный каучук. Дальнейшие исследования с использованием хи-

мических растворов показали присутствие ртути, что позволило исследователям предположить наличие киновари в составе красного красочного слоя (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 258. Л. 1-1 об.) (рис. 4).

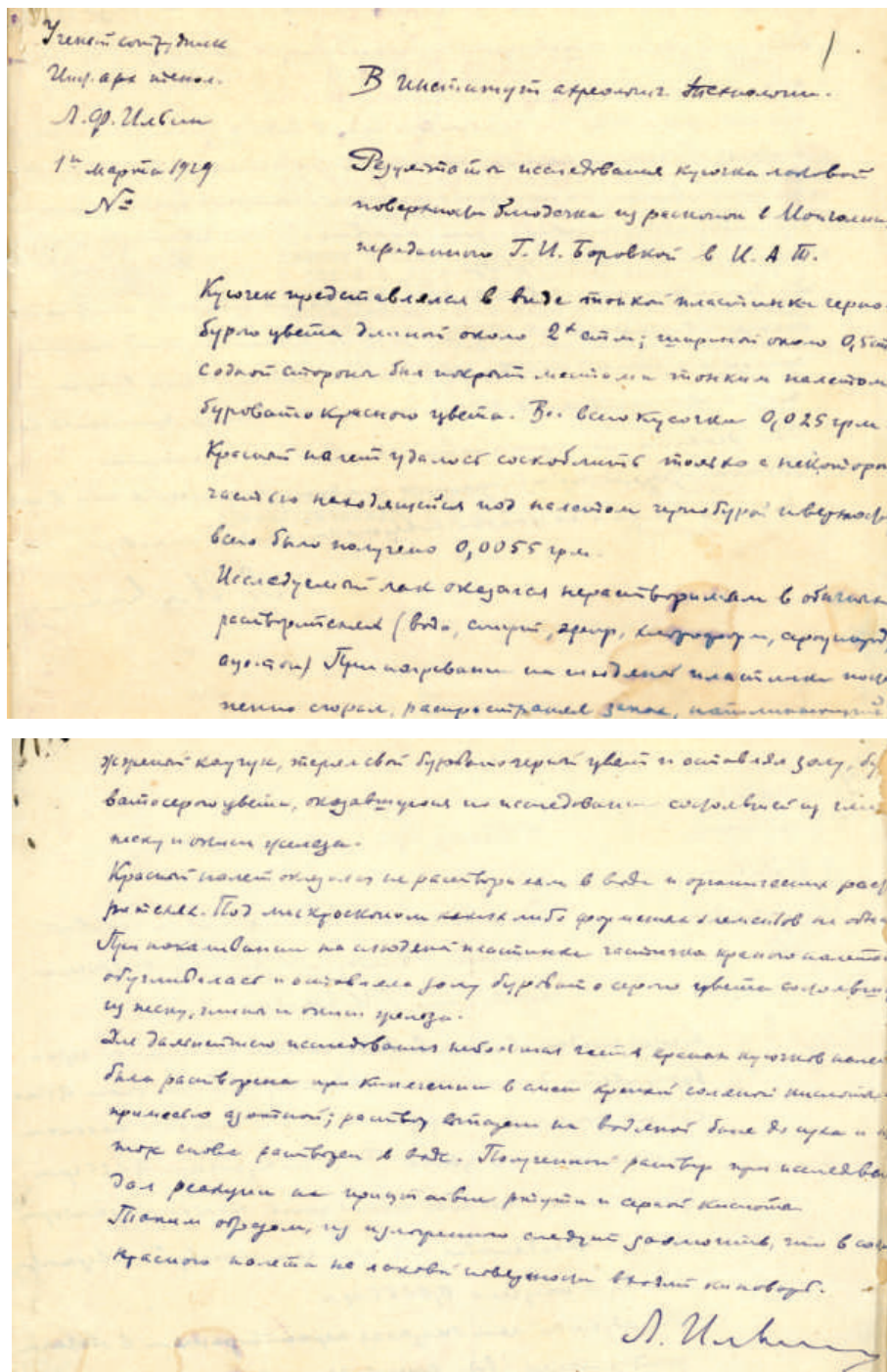

Рис. 4. Заключение Л. Ф. Ильина по исследованию «лаковой поверхности блюдечка из раскопок в Монголии» [номер кургана установить не удалось]. Рукопись (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 258. Л. 1-1об)

Fig. 4. Conclusion of L. F. Il'in on the study of "the varnish surface of the saucer from excavations in Mongolia" [the number of the barrow could not be determined]. Manuscript (SA IHMC RAS. Manuscript Department. Arch. col. 2. Inv. 1. 1929. F. 258. Sh. 1-1rev)

Определение места хранения коллекции и возвращение части предметов в Монголию

Одновременно с реставрационными работами обсуждались проблемы определения места дальнейшего хранения коллекции и возвращения части находок в Монголию. Согласно достигнутой между П. К. Козловым и Ц. Жамцарано договоренности Ученому комитету Монголии необходимо было передать материалы одного, среднего по богатству, кургана, который определяют сотрудники ГАИМК под наблюдением С. Ф. Ольденбурга. Г. И. Боровка предложил вернуть материалы кургана № 1 («Мокрого»), «дающего наиболее полный и типичный подбор предметов», а также дополнить этот комплекс дублетами типичных материалов из других курганов. Эта идея была поддержана всеми членами комиссии, кроме С. А. Теплоухова. Он подчеркивал, что деление археологических комплексов «неминуемо затруднит исследовательскую работу». В результате согласно постановлению комиссии⁴ в список находок, подлежащих возвращению Ученому комитету Монголии, были включены все материалы кургана № 1 («Мокрого»), а также некоторые предметы из курганов № 6, 23, 24, 25 и погребения в пади Гуджиртэ (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 1, 9, 45, 239–245; НА ИИМК РАН. РО. Оп. 1. 1927 г. Д. 119. Л. 7–8). Выбранные вещи подлежали скорейшему изучению и реставрации, которая завершилась в 1926 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 55. Л. 13–14). Предметы передавались в Монголию по акту с прилагаемой описью,

⁴ На заседании 17 мая 1927 г. присутствовали Г. И. Боровка, В. И. Крыжановский, Н. Я. Марр, И. А. Орбели, С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, Б. В. Фармаковский. Председательствовал С. Ф. Ольденбург. Г. И. Боровка предложил выделить материалы кургана № 1 («Мокрого») и дублеты из остальных курганов, встречающиеся в них «в многочисленных и однородных экземплярах». Это предложение было поддержано Б. В. Фармаковским и С. И. Руденко. С. А. Теплоухов предложил выделить полностью комплекс кургана № 2 («Монгольский курган») и не дробить прочие комплексы. Н. Я. Марр считал правильным передать в Монголию весь материал с сохранением за ленинградскими учеными права его изучения и издания. С. Ф. Ольденбург согласился с необходимостью выделить для Монголии максимальное количество предметов. (Подробнее о процессе передачи части коллекции Ноин-Улы в Монголию см.: Юсупова, 2011. С. 30–35; 2018. С. 111–114).

в которой указывались номера полевой описи П. К. Козлова, номер по Книге поступлений ГАИМК (далее — КП ГАИМК), название предмета и принадлежность к кургану (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 239). Это решение позволило выполнить все существующие договоренности и продолжить исследования в Монголии. Однако археологические комплексы курганов Ноин-Улы оказались разделенными между двумя государствами, что затруднило их дальнейшее изучение и введение в научный оборот.

В СССР основными претендентами на эту коллекцию являлись Этнографический отдел Русского музея и Государственный Эрмитаж, заявившие о своих намерениях в начале 1925 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 194–198). После окончания выставки находок, прошедшей в Русском географическом обществе (далее — РГО), предметы были переданы в Русский музей. В присутствии П. К. Козлова происходила распаковка второй очереди вещей на Складе древностей ГАИМК, где им были присвоены номера по КП ГАИМК с учетом полевых описей находок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1926 г. Д. 83. Л. 50–52; Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 64. Л. 9, 9об.). В 1925 г. случился серьезный скандал из-за обвинений в адрес специалистов Русского музея в некачественной реставрации и порче вещей (Юсупова, 2011. С. 44–45). В результате в ноябре того же года все полномочия, связанные с реставрацией находок, были переданы ИАТ. Русский музей был вынужден передать туда же находившиеся в его ведении вещи из Ноин-Улы вместе с музейными описями находок по курганам и указателями с расшифровкой «легенды», составленными С. А. Теплоуховым (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 16–21, 27, 33–48; Оп. 1. 1926 г. Д. 107. Л. 18–22). К 1926 г. оставшаяся в Ленинграде часть коллекции вместе с учетно-хранительской документацией Склада древностей и Русского музея сосредоточилась в ГАИМК, где она дополнилась сведениями о проведенной реставрации и результатами естественнонаучных исследований органических и неорганических материалов. В 1930 г. было принято решение о расформировании Склада древностей ГАИМК, и вопрос о месте хранения археологической коллекции из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции вновь стал актуальным (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 65. Л. 3, 4; Оп. 1. 1931 г. Д. 750. Л. 19–23). В октябре 1931 г. было принято решение о передаче на постоянное

хранение всех находок из курганов Ноин-Улы в Государственный Эрмитаж (АГЭ. 1931. Д. 1208. Л. 7). Процесс передачи завершился в 1935 г. Описи предметов с указанием номеров по КП ГАИМК и номерами хранения Русского музея, реставрационные протоколы и черновые материалы передавались вместе с коллекцией предметов. Таким образом, в Отделе Востока Государственного Эрмитажа сосредоточена не только большая часть коллекции, но и сопроводительные документы. Они позволяют проследить путь передвижения вещей и способы учета материалов во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг., оценить объем отреставрированных в то время предметов и степень вмешательства в воссоздание их внешнего облика. Кроме того, совокупность этих сведений дает возможность восстановить для каждого из раскопанных курганов предметные комплексы, частично перепутанные в процессе межинституциональных передач.

Изучение и издание археологических материалов

Информация о глубоких погребениях и находках необычайно хорошей сохранности очень быстро стала известна отечественным и зарубежным исследователям. Руководитель Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлов, прекрасный оратор и популяризатор, активно выступал с сообщениями о раскопках в Ноин-Уле на различных научных собраниях и в прессе, что обеспечило огромный интерес к результатам его археологической деятельности (Юсупова, 2011. С. 22–48). Увлеченно занимаясь просветительскими и организационными вопросами, он не ставил перед собой задач по изучению материалов раскопанных археологических памятников, а его многочисленные публикации носили обобщающий характер (Козлов, 1925. С. 1–12; 1926. С. 51–56; 1928. С. 1–3; АРГО. Ф. 18. Оп. 5. Д. 27, 78). Вопреки установившейся традиции итоговый экспедиционный отчет о работах Монголо-Тибетской экспедиции так и не был написан.

Под влиянием специальной комиссии⁵ краткие отчеты о проведенных исследованиях были изданы уже в 1925 г. и носили предварительный характер (Краткие отчеты..., 1925). С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка (Боровко) сделали первое научное описание археологических памятников

в горах Ноин-Ула и предложили их культурную атрибуцию. На примере кургана № 24, раскопанного ими согласно методическим требованиям полностью, было дано описание погребального обряда и устройства кургана, погребальной деревянной конструкции, сопроводительного инвентаря, по фрагментам тазовых костей определены останки женщины. С. А. Теплоухов выделил три типа наземных конструкций погребальных сооружений и сделал первичную классификацию находок, в основу которой были положены материал, функция предмета и происхождение. Последний критерий позволил ему определить китайские, западные и скифо-сибирские компоненты культуры, которую он связал с гуннами. Опираясь на данные китайских письменных источников, С. А. Теплоухов предположил, что столь широкие контакты, о которых свидетельствовало разнообразие находок, могли осуществлять именно гуннские племена. Территория распространения этой новой культуры, по его мнению, охватывала не только бассейн Селенги и Забайкалье, но «заходила в Минусинский край и на Алтай». На основании археологических материалов Забайкалья и Китая, типологически близких находкам из Ноин-Улы (лакированные чашечки, фрагмент зеркала), С. А. Теплоухов датировал раскопанные курганы эпохой Западная Хань (Теплоухов, 1925. С. 14–22).

Г. И. Боровка, в целом соглашаясь с точкой зрения С. А. Теплоухова, полагал, что эти погребения стоит отнести к местному варианту культуры скифо-сибирского типа, о существовании которой в Забайкалье было известно благодаря раскопкам Ю. Д. Талько-Грынцевича. Такая культурная атрибуция находит подтверждение в аппликациях со сценами борьбы животных на одном из войлочных ковров. На основании этой находки Г. И. Боровка сделал вывод о том, что «скифо-сибирское искусство пользовалось... текстильной техникой», а образы демонстрируют характерные для этого искусства особенности: «изумительную живость изображения, удивительное понимание животных форм и вместе с тем все же сильную и смелую стилизацию». Эта «местная культура», по его мнению, активно контактировала с другими культурными центрами, о чем свидетельствуют изображения на фрагментах тканей: пальметки, фигура крылатого грифона, орнаментальные фризы, человеческая фигурка с характерными греческими атрибутами. На основании типов одежды и

⁵ О деятельности Комиссии смотри ранее.

формы причесок всадников с вышитого полотна Г. И. Боровка предположил, что это скифы, а сама ткань была изготовлена греческими мастерами в одной из «колоний в Скифии, на берегах Черного моря». Греческое влияние на местную традицию он видит в композиции ковра и компоновке фигур, а в изображении «древнемесопотамского древа жизни» — влияние древневосточных культур посредством ахеменидской Персии. Г. И. Боровка полагал, что причинами беспрепятственного проникновения этих культурных влияний в глубины Центральной Азии были однородность и единство культуры на всей этой территории. Обращаясь к китайским по происхождению вещам, ученый сформулировал идею о сильном влиянии на Китай со стороны скифо-сибирских культур и «несомненности сильнейшего культурного течения с запада на восток» (Боровка, 1925. С. 26–37).

Несмотря на широкие культурно-исторические интерпретации материалов, С. А. Теплоухов и Г. И. Боровка верно определили хронологическую и этническую принадлежность раскопанных курганов. Они обозначили в своих статьях основные направления в изучении могильников Ноин-Улы, которые сохраняют свою актуальность до сих пор, а вывод Г. И. Боровки о влиянии скифо-сибирской традиции на культуру древнего Китая обрел подтверждение уже на современном научном уровне.

На фоне всеобщего интереса к достижениям Монголо-Тибетской экспедиции в Иркутске появляется публикация, посвященная раскопкам А. Я. Баллода. По инициативе директора Иркутского музея Я. Н. Ходукина в 1926 г. были опубликованы адресованные ВСОРГО письма А. Я. Баллода, в которых он подробно описал процесс и методы произведенных им раскопок и дополнил это описание находок и рисунками некоторых предметов (Ходукин, 1926. С. 3–13). П. К. Козлов и другие участники экспедиции негативно оценивали деятельность А. Я. Баллода, хотя в одном из докладов С. А. Теплоухов отметил его заслуги (Теплоухов, 1925. С. 12; Козлов, 2003. С. 144, 359). В то время эта публикация осталась незамеченной, хотя и содержала важные для понимания погребального обряда курганов хунну в пади Цзурумтэ подробности (Ivanov, 2011. Р. 285–289; Сутягина, 2014а. С. 281–283; 2014б. С. 258–277).

Поскольку информирование зарубежных коллег об открытии Ноин-Улы было согласовано с НКВД, то в европейских журналах также

публиковались статьи об этом памятнике. Одними из первых сведения о раскопках появились в кратких заметках и небольших аналитических статьях У.-П. Йеттса (W.-P. Yetts) (Yetts, 1926a, b). Он полизировал с Г. И. Боровкой о происхождении некоторых сюжетов текстильных изделий, но в целом принимал точку зрения о времени существования и принадлежности раскопанных комплексов к культуре кочевников (Yetts, 1926a. Р. 174–176, 181, 182, 185). С разрешения С. Ф. Ольденбурга фотографии шелковых тканей, войлочного ковра, лакированной чашечки были сделаны для С. Умэхары (S. Umehara), П. Пеллио (P. Pel-liot), А. Сальмони (A. Salmony) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 294. Л. 22, 24, 39; Юсупова, 2010. С. 61–64). Открытием ноин-улинской коллекции для европейской науки стало участие 100 предметов в выставке древнекитайского искусства, состоявшейся в Берлине в 1929 г. (Ausstellung chinesischer Kunst..., 1929; Yetts, 1929b. Р. 337–339). Ко времени издания каталог этой выставки оказался наиболее объемной публикацией материала: он содержал краткие аннотации и фотографии находок из Ноин-Улы. Снимки вещей были снабжены указанием на номер кургана и инвентарным номером по КП ГАИМК, поэтому представляют собой ценный источник для исследования как отдельных предметов, так и реконструкции археологических комплексов (НА ИИМК РАН. ФО. О.759; Кукина, Сутягина, 2017. С. 182–184; Сутягина, Кукина, 2020 (в печати); Sutiagina, Kukina, 2020, Р. 605–615). Кроме того, некоторые подробности о внешнем виде предметов дают описания, сделанные У.-П. Йетсом в посвященных выставке статьях. Например, в отверстиях, расположенных по внешнему краю серебряных блях, определенных им как детали конской упряжи, в то время еще сохранялись узкие кожаные ремешки для крепления. Он же сообщает, что в 1928 г. профессор Отто Кюммель прочитал и предложил перевод иероглифической надписи на донце чашечки, позволившей датировать находку 2 г. до н. э. (Yetts, 1929a. Р. 128). Позднее А. Сальмони, основываясь на сведениях Я. Н. Ходукина, ввел в европейскую историографию материалы раскопок А. Я. Баллода. Опираясь на современные ему данные, он предложил собственную интерпретацию находок текстиля, нефритовых пластин и бронзовых деталей колесницы (Salmony, 1930–1932. Р. 86–92).

В СССР первый каталог коллекции Ноин-Улы был издан только в 1932 г. Годом ранее

К. В. Тревер опубликовала его описательную часть, где подробно разобрала данные китайских письменных источников применительно к находкам из северной Монголии. Она впервые воссоздала цепочку исторических событий, способствовавших появлению погребений хуннской знати и разнообразию сопроводительного материала. Делая акцент на социально-экономической структуре этого общества, она критикует археологов за отсутствие интереса к рядовым погребениям. Резкой критике подверглась и концепция Г. И. Боровки о скифо-сибирской культурной принадлежности курганов. Опираясь на исторические данные, К. В. Тревер указывает на Бактрию и парфянский Иран как более реальный источник поступления «западных» вещей. Вслед за А. Альфёльди (А. Alföldi) она обращается к фольклорным материалам для атрибуции сюжетов, отказываясь от греческих аналогий (Тревер, 1931. С. 41–47; Trever, 1932. Р. 15–25). Безусловным достоинством опубликованного К. В. Тревер каталога является предложенный ей подход анализировать не отдельные находки коллекции, а археологические комплексы. Опираясь на полевую документацию Монголо-Тибетской экспедиции, она приводит описи предметов из курганов № 1, 6, 23, 24 и 25 в пади Суцзуктэ с указанием номера находки и ее местоположения в погребальной камере (Trever, 1932. Р. 55–74). Тем не менее нельзя согласиться с мнением Ю. А. Заднепровского, считавшего это издание полной публикацией материалов Ноин-Улы (Заднепровский, 1993. С. 241–242). В общей сложности в каталог вошли иллюстрации не более семидесяти находок из двух тысяч предметов коллекции, а информация о погребальном обряде ограничивалась лишь материалами пади Суцзуктэ, в то время как экспедиция также раскопала курганы в падах Цзурумтэ и Гуджиртэ. Кроме того, в тексте встречаются неточности в описании погребальной конструкции кургана № 6 и расположения предметов сопроводительного инвентаря (Trever, 1932. Р. 10–12).

Заключение

Таким образом, к середине 1930-х гг. был завершен значительный объем запланированной работы по исследованию и обработке коллекции археологических материалов из курганов Ноин-Улы. Наиболее интересные находки были введены в научный оборот и стали доступны для изучения отечественным и зарубежным исследователям. Значительная часть предметов была отреставрирована. В процессе реставрации удалось очистить от загрязнений образцы тканей, признанные первоначально не подлежащими сохранению, и дополнить собрание. В то же время была сделана серия естественнонаучных анализов и определений, которые существенно дополнили сведения о погребальном обряде хунну. До сих пор некоторые из полученных тогда результатов сохраняют свою актуальность, поскольку позднее подобные исследования не проводились. Несмотря на тяжелые условия удалось выполнить все международные договоренности перед Монголией. Оставшаяся в СССР часть коллекции в 1931–1935 гг. поступила на постоянное хранение в Отдел Востока Государственного Эрмитажа вместе с документами, связанными с камеральной обработкой, описями ГАИМК, реставрационными книгами, составив важнейший фонд источников для археологической реконструкции погребального обряда погребений хунну в Ноин-Уле.

В то же время появились новые проблемы научного и организационного характера, которые определили курс дальнейших исследований. Поступление коллекции в Государственный Эрмитаж требовало от сотрудников сил и времени для хранительской и экспозиционной работы. В результате разделения коллекции между Монголией и СССР комплексное изучение археологических материалов осложнилось. Но самой важной задачей стала подготовка так и неопубликованного труда по исследованию всей коллекции Ноин-Улы, хотя значительная часть работ уже была выполнена.

АГЭ. 1931. Д. 1208: Материалы об обмене художественными ценностями между Эрмитажем и другими музеями. Т. 2.

АРГО. Ф. 18. Оп. 5. Д. 27: Газетные вырезки со статьями П. К. Козлова о Монголо-Тибетской экспедиции; Д. 78: Газетные вырезки со статьями П. К. Козлова о Монголо-Тибетской экспедиции. Известия ЦИК — 1925, 1926 и 1927 гг.

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10: О Монголо-Тибетской экспедиции под руководством Козлова (1923–1926 гг.).

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924 г. Д. 130: [Смета на очистку и реставрацию монгольских вещей из коллекции П. К. Козлова]; 1925 г. Д. 41: О Козловской коллекции из раскопок в Монголии (Смета и план работ, докладные записки об очистке,

- реставрации, консервации и изучении и протоколы заседаний); 1925 г. Д. 68: О передаче в Академию коллекций, добытых экспедицией П. К. Козлова в Монголии. Опись вещей, отчеты С. Теплоухова и С. Кондратьева, протоколы, переписка и акты; 1926 г. Д. 83: [Сведения о работе Склада древностей]; 1926 г. Д. 107: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова. Описи предметов из раскопок в 1924–1925 гг., переписка о выделении предметов для Ученого Комитета Монголии; 1927 г. Д. 37: ГАИМК. Институт археологической технологии. Обзор деятельности за трехлетие 1925–1927 гг.; 1927 г. Д. 119: Монголо-Тибетская экспедиция под начальством П. К. Козлова. Переписка, акты, описи, журналы заседаний комиссии по изучению древностей, добытых экспедицией; 1928 г. Д. 55: Склад древностей. Смета и отчеты; 1928 г. Д. 76: Об изучении коллекции Монголо-Тибетской экспедиции; 1929 г. Д. 258: Результаты анализов Институтом археологической технологии различных материалов по заданиям экспедиций и музеев; 1929 г. Д. 294: Книга заказов фотоотдела; 1930 г. Д. 64: Указатель к книге поступлений Склада древностей; 1930 г. Д. 65: Монголо-Тибетская экспедиция; 1931 г. Д. 750: Комиссия по ликвидации Склада древностей (передача по актам).
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 246: Фонд Монгольской экспедиции Академии Наук СССР; О. 759: Боровка Г. И. Выставка китайского искусства в Берлине (фото); Q.707: Юбилейная выставка к 30-летию Октября.
- Боровка*, 1925 — *Боровка Г. И.* Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 23–40.
- Восстановление...*, 1937 — *Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Улы.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 15 с.
- Воскресенский, Кононов*, 1932 — *Воскресенский А. А., Кононов В. Н.* Химико-технологический анализ большого ковра № 14568 // Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Л.: Изд-во ГАИМК, 1932 (ИГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9). Ч. 1. С. 76–91.
- Воскресенский, Лукашевский*, 1932 — *Воскресенский А. А., Лукашевский В. А.* Анализ шерстяных тканей из кургана № 6 раскопок П. К. Козлова // Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Л.: Изд-во ГАИМК, 1932 (ИГАИМК. 1932. Т. XI. Вып. 7–9). Ч. 1. С. 99–107.
- Воскресенский, Тихонов*, 1932 — *Воскресенский А. А., Тихонов Н. П.* Технологические методы исследования археологического материала (Вместо предисловия) // Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Л.: Изд-во ГАИМК, 1932 (ИГАИМК. 1932. Т. XI. Вып. 7–9). Ч. 1. С. 1–10.
- Головчинер*, 1932 — *Головчинер В.* Исследование ковра со стороны техники обработки его вышивки // Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Изд-во ГАИМК, 1932 (ИГАИМК. 1932. Т. XI. Вып. 7–9). Ч. 1. С. 94–98.
- Заднепровский*, 1993 — *Заднепровский Ю. А.* Камилла Васильевна Тревер (1892–1974) // РА. 1993. № 4. С. 240–244.
- Клейн и др.*, 1932 — *Клейн В. К., Хвальковский В. Н., Воронков Н. В.* Шелковые монгольские ткани из раскопок П. К. Козлова // Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Изд-во ГАИМК, 1932 (ИГАИМК. 1932. Т. XI. Вып. 7–9). Ч. 1. С. 11–75.
- Козлов*, 1925 — *Козлов П. К.* Северная Монголия — Ноин-Улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 1–12.
- Козлов*, 1926 — *Козлов П. К.* Нойон-Ульские курганы // Вестник Маньчжурии (Manchuria Monitor). Харбин: Тип. КВЖД, 1926. № 1–2. С. 51–56.
- Козлов*, 1928 — *Козлов П. К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции ГРГО 1923–1926 гг. Северная Монголия. Т. III. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. 47 с.
- Козлов*, 2003 — *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб.: Наука, 2003. 1037 с. (Серия: НН; Т. 30).
- Краткие отчеты...*, 1925 — *Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова.* Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.
- Кукина, Сутягина*, 2017 — *Кукина Д. А., Сутягина Н. А.* Коллекция находок из курганов Ноин-Улы (северная Монголия) на выставке в Берлине в 1929 году // Азия и Африка: Наследие и современность. Тр. XXIX Междунар. конгр. по ИИСАА / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. Т. 1. С. 182–184.
- Платонова*, 2018 — *Платонова Н. И.* Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв.

- ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.
- Сутягина, 2014а — Сутягина Н. А. Баллодовский курган (Ноин-Ула, Северная Монголия) // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 281–283.
- Сутягина, 2014б — Сутягина Н. А. Баллодовский курган (Ноин-Ула, Северная Монголия). Исследователи и коллекции // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова). СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 258–277.
- Сутягина, Кукина, 2020 — Сутягина Н. А., Кукина Д. А. Находки из курганов Ноин-Улы на выставке в Берлине 1929 года (по материалам архива ИИМК РАН) // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Лукониной. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2020. В печати.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.
- Технологическое изучение..., 1932 — Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Ч. 1 // ИГАИМК. 1932. Т. XI. Вып. 7–9. 106 с.
- Тихонов, 1931 — Тихонов Н. П. Обработка древних тканей фотоаналитическим путем // СГАИМК. 1931. № 9/10. С. 17–19.
- Тревер, 1931 — Тревер К. В. Находки из раскопок в Монголии 1924–1925 гг. // СГАИМК. 1931. № 9/10. С. 40–47.
- Ходукин, 1926 — Ходукин Я. Н. Первые раскопки в горах Ноин-Ула // БВНОВ (Иркутский филиал). Иркутск: б/и, 1926. С. 3–13.
- Юсупова, 2006 — Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953). СПб.: Нестор-История, 2006. 278 с.
- Юсупова, 2010 — Юсупова Т. И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // ВИЕТ. 2010. № 4. С. 26–67.
- Юсупова, 2011 — Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 9–51.
- Юсупова, 2018 — Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.
- Ausstellung chinesischer Kunst..., 1929 — Ausstellung chinesischer Kunst. Veranstaltet von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst und der Preußischen Akademie der Künste. Berlin: Würfel Verlag, 1929. 458 S.
- Ivanov, 2011 — Ivanov G. L. The early History of the Study of the Mounded Tombs at the Noyon Uul Necropolis — the Collection of Andrei Ballod at the Irkutsk Museum of Regional Studies // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Stepper Empire in Inner Asia. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 285–289.
- Salmony, 1930–1932 — Salmony A. Der erste Fund von Noin-ulla // AA. Vol. 4. 1930–1932. No. 2/3. S. 86–92.
- Sutiagina, Kukina, 2020 — Sutiagina N., Kukina D. Finds from the Noin-Ula Barrows at an Exhibition in Berlin in 1929 (Based on materials from the archive of the Russian Academy of Sciences Institute of the History of Material Culture) // St Masters of the steppe: The impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum (27–29 October 2017) / Eds. J. Simpson, S. Pankova. London: Archaeopress. P. 605–615.
- Trever, 1932 — Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Fedorov, 1932. 76 p. (МАНМС; Vol. III).
- Yetts, 1926a — Yetts W. P. Discoveries of the Kozlów Expedition // BMC. 1926. Vol. 48, no. 277 (Apr., 1926). P. 169, 172–177, 180–182, 185.
- Yetts, 1926b — Yetts W. P. Report on the Expeditions to Study Northern Mongolia Associated with the Mongol-Tibetan Expedition of P. K. Kozlów by P. K. Kozlów, S. A. Teploúkhov, G. I. Boróvka, B. B. Polýnov, V. I. Kryzhanóvski // JRAS. 1926. № 3. P. 555–558.
- Yetts, 1929a — Yetts W. P. Chinese art in Berlin // BMC. 1929. Vol. 54, no. 312 (Mar., 1929). P. 128, 132–135, 139.
- Yetts, 1929b — Yetts W. P. Exhibition of Chinese Art in Berlin // JRAS. 1929. No. 2. P. 337–339.

«Уголовное дело № 2782-31 по обвинению Репникова Н. И. и группы лиц в контрреволюционной деятельности»¹

Н. А. Абрамова²

Аннотация. В марте 1931 года был арестован археолог Н. И. Репников. Причины и обстоятельства его задержания оставались долгие годы неизвестными. На основании малодоступных материалов, из Архива Управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, повествуется о ходе следствия. Приведены протоколы допросов ученого, содержащие интересную информацию об организации и деятельности Эски-Керменской экспедиции.

Annotation. In March of 1931, the archaeologist Nikolay I. Repnikov was arrested. The causes and circumstances of his detention have been unknown for many years. The judicial inquiry is here described basing on the rather not easily accessible documents from the Archives of the Russian FSB of the city of Saint Petersburg and Leningrad Oblast. Records of the interrogations of the scholar are presented and information on the organisation and activities of the Eski-Kermen expedition is published.

Ключевые слова: Н. И. Репников, Эски-Керменская экспедиция, идеологический контроль, Академическое дело.

Keywords: Nikolay I. Repnikov, Eski-Kermen Expedition, ideological control, "Academic case".

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-343-348

В марте 1931 г. известный археолог Николай Иванович Репников (рис. 1) был обвинен в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-6 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г. Причиной ареста ученого, вероятно, послужили близкие рабочие контакты с фигурантами Академического дела профессором С. Ф. Платоновым и востоковедом А. М. Мервартом, обвинявшихся в шпионаже в пользу Германии.

Будучи выходцем из крестьянской семьи, Репников еще студентом Императорского Санкт-Петербургского Археологического института начиная с 1902 г. работал в Археологической Комиссии в качестве сверхштатного сотрудника при А. А. Спицыне (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 253. Л. 42–43). Наибольшую известность Николаю Ивановичу принесло исследование

1903–1905 гг. раннесредневекового варварского могильника в урочище Суук-Су Ялтинского уезда Таврической губернии (теперь это территория пгт. Гурзуф, Республики Крым). При раскопках были выявлены различные погребальные сооружения: склепы, каменные гробницы, грунтовые могилы, перекрытые досками. Репников выделил два периода функционирования могильника. Ранний горизонт археолог датировал V–VII вв., поздний — IX–XI вв. Все датировки были сделаны на основе византийских монет из неразграбленных погребений (Репников, 1906). Нужно отметить, что публикация материалов раскопок на высоком научном уровне, с подробным описанием инвентаря сделала могильник Суук-Су на долгое время единственным эталоном для обоснования хронологии раннесредневековых древностей не только Крыма, но и варваров Центральной и Западной Европы (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 13).

Репников продолжал археологические исследования на территории Российской империи с 1903 по 1916 г., но изучение крымских памятников было

¹ Автор благодарит Архив УФСБ по СПб. и ЛО за возможность работы с малодоступным архивным делом. Данные материалы публикуются впервые.

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

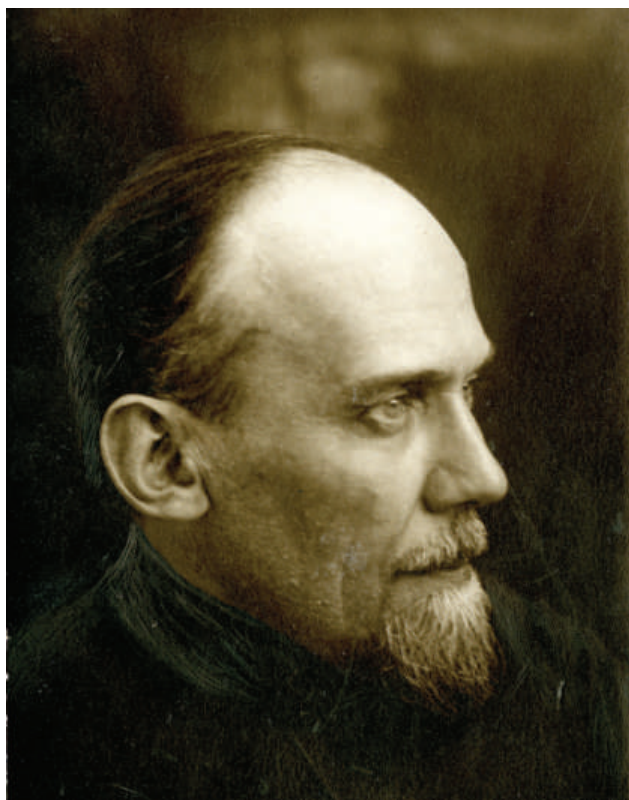

Рис. 1. Николай Иванович Репников (1882–1940), 1930 г. Фото из архива НА ИИМК РАН. НА ИИМК РАН. ФО. Позитив О1226-28)

Fig. 1. Nikolay Ivanovich Repnikov (1882–1940), 1930. Photo from the Scientific Archives of IIMK RAS (Photographic Department. Positive O1226-28)

у него в приоритете (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 253. Л. 42–43).

Последующие события в жизни страны вынудили археолога сделать перерыв в полевых исследованиях более чем на 10 лет.

23 мая 1927 г. Репников получает Открытый лист на право обследования города Эски-Кермен (Бахчисарайский район, Крым), но без проведения археологических изысканий. Летом этого же года Главнаукой РСФСР была сформирована археологическая экспедиция в Крым с привлечением Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ, г. Москва) для обследования памятников с сохранившейся древней живописью, в том числе и пещерных церквей Эски-Кермена. Руководство реставрационными мастерскими осуществлял И. Э. Грабарь (1871–1960), он и пригласил Репникова принять участие в этой экспедиции (*Эрнст*, 1929. С. 34).

Летом 1928 г. на территории «пещерного города» Эски-Кермен были организованы первые рекогносцировочные раскопки. Деньги на них были отпущены Главнаукой РСФСР и ЦГРМ. Руководителем экспедиции был назначен Н. И. Репников (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 105. Л. 3–6).

Во время полевого сезона проведены обширные археологические исследования, были зачищены, обмерены следующие объекты (для них также составлены планы и сделаны фотографии): пещерный храм «Трех всадников» (не позднее XIII в.), пещерный храм «Успения» (не позднее конца XII — XIII в.), вырубной храм с усыпальницей на юго-восточном обрыве, усыпальница на главной улице, пещерный храм «Донаторов» (первая половина XIV в.), могильник, пещерный храм в юго-восточном обрыве и высеченные рядом усыпальницы и гробницы (согласно вещественным находкам эти погребения были датированы VIII–X вв.), произведена зачистка южного склона плато.

Основываясь на данных, полученных при исследовании города в этом полевом сезоне, археологом была выдвинута рабочая гипотеза о том, что Эски-Кермен являлся первоначальным Доросом, столицей Готии, которая позднее была перенесена на соседний Мангуп. На это указывает ряд фактов.

1. Датировать начало жизни на Мангуп-Кале нельзя ранее XI–XII вв.

2. Город на плато Эски-Кермен имел значительные размеры. На территории города имеются остатки общественных зданий. Постройки сделаны из хорошо обработанного камня. Наличие мощного археологического слоя, датировать который по находкам возможно V–XII вв.

3. Отличная оборонительная система, которая была создана в период императора Юстиниана I Великого (527–565), возможно ранее.

4. Большой по площади могильник, использовавшийся с V–VII вв.

5. Нет ни одного другого места в Юго-Западном Крыму, которое могло бы претендовать на роль Дороса.

Репников подчеркивал необходимость систематического изучения «сердца Крымской Готии» в качестве одного из основных путей решения готской проблемы. Эта гипотеза встретила резкую критику и породила бурные дебаты в академической среде, а также вызвала живой интерес

к данным исследованиям со стороны немецких ученых, которые выказали желание посетить место раскопок. Организацией приезда в Крым немецких археологов занимался профессор С. Ф. Платонов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1928. Д. 105. Л. 1–2; Д. 214. Л. 10–11; Репников, 1932. С. 107–152).

Экспедиция 1929 г. была организована силами Центральных реставрационных мастерских, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Комиссии по экспедиционным исследованиям СССР, а также Севастопольского музея краеведения. Работы начались 10 августа под руководством Н. И. Репникова и продолжались по сентябрь, в течение 42 дней. Были исследованы: комплекс городских ворот на юго-западном обрыве плато — главный въезд в город, ключевая позиция обороны; линия крепостных стен на западном склоне; линия водопровода из балки Бильдеран; могильник.

Исследованию могильника придавалось большое значение, потому что полученный материал давал возможность датировать этапы жизни Эски-Кермена. Все захоронения, исследованные в 1928–1929 гг., Репников классифицировал по типу погребения на три основные группы: 1) простые земляные склепы, 2) подбойные могилы, 3) земляные склепы. Всего исследовано 83 погребения, подавляющее большинство которых были ограблены еще в средневековье, в период прекращения жизни на плато Эски-Кермена. Время функционирования могильника Репников датировал периодом с V по XIII в. (Репников, 1932а. С. 107–152; 1932б. С. 153–180).

В начале сентября 1929 г. для осмотра города и материалов раскопок из Германии прибыли профессор И. Зауер и доктор Г. Финдейзен. Основываясь на своих наблюдениях, полученных в результате осмотра Эски-Кермена, иностранные коллеги согласились с выводами Репникова, отнеся датировку строительства города ко времени Юстиниана I (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1928. Д. 214. Л. 10–11).

В дальнейшем визит немецких коллег в Крым имел негативные последствия для ученых, имевших отношение к экспедиции 1929 г. на Эски-Кермене, некоторые из них в 1930 г. были арестованы и обвинены в шпионаже в пользу Германии (С. Ф. Платонов, П. П. Бабенчиков, А. М. Мерварт, Г. И. Петров, а в 1938 г. и Н. Л. Эрнст). Общение с немецкими учеными на Эски-Кермене также вменялось им в вину.

Рис. 2. Дом предварительного заключения. Ленинград, ул. Воинова, д. 25. Фото 1930-х гг. Из коллекции Государственного исторического музея, инв. № ФМЛ ФОЛ-4936

Fig. 2. House of imprisonment before trial. Leningrad, ul. Voinova, 25. Photo of the 1930s. From the collection of the State Historical Museum, inv. no. ФМЛ ФОЛ-4936

Как уже упоминалось, в марте 1931 г. был арестован научный сотрудник ГАИМК Николай Иванович Репников. Он был заключен под стражу на два месяца в Доме предварительного заключения ОГПУ на ул. Воинова (Шпалерной), д. 25, в Ленинграде (рис. 2). Этот факт биографии археолога хорошо известен исследователям, но причины и обстоятельства ареста оставались невыясненными до настоящего времени (Виноградов, 2019. С. 19; Тункина, 2008. С. 201; Юрочкин, 2017. С. 298).

6 марта 1931 г. правоуполномоченный второго отделения Секретного отдела ОГПУ в ЛВО Н. Лупандин вынес Постановление о производстве обыска и задержании подозреваемого по делу № 920-31 Н. И. Репникова, который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-6 УПК РСФСР.

8 марта Репников был арестован. В его квартире по адресу пр. Добролюбова, д. 13, квартира 6 был произведен обыск. Согласно протоколу, находящемуся в деле, в Полномочное представительство ОГПУ в ЛВО были изъяты: переписка, документы, значок Военно-исторического общества, значок филологического факультета. Комната была опечатана (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-10566. Л. 85).

Археолог проходил по Следственному делу № 2782-31³ по обвинению Чаева Николая Сергеевича и других. Чаев был арестован по Академическому делу в 1930 г., а 12 февраля 1931 г. было принято решение рассматривать его антисоветскую деятельность как протекавшую независимо от «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», само же дело Чаева в составе дела других четырнадцати подсудимых было выделено в самостоятельное следственное производство (Академическое дело..., 1993. С. VII).

В архиве УФСБ РФ по СПб. и ЛО (Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области) хранится Следственное дело № 2782-31 по обвинению Чаева Николая Сергеевича и других (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-10566), состоящее из восьми частей, по каждому из фигурантов процесса. Одна из них — документы по обвинению Н. И. Репникова в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-6 Уголовного кодекса (УК) РСФСР в редакции 1926 г.: шпионаж. Статья предусматривала лишение свободы сроком от трех лет и полную или частичную конфискацию имущества, а в особых случаях — высшую меру социальной защиты, то есть смертную казнь.

В части дела, касающейся Репникова, были собраны следующие документы: ордер № 1682 от 8 марта 1931 г. на обыск и арест (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-10566. Л. 83), постановление о производстве обыска и задержании подозреваемого по делу № 920-31 (*Там же*. Л. 84), протокол обыска с перечнем изъятого (*Там же*. Л. 85), справка из архива от 11 марта 1931 г. (*Там же*. Л. 86), анкета Репникова Н. И. (*Там же*. Л. 86–88), дубликат квитанции с перечнем личных вещей арестованного (*Там же*. Л. 89), протоколы допросов в рукописном и машинописном вариантах (*Там же*.

Л. 90–98об.), постановление о мере пресечения (изменение меры пресечения) по делу № 920-31 г. (*Там же*. Л. 99–99об.).

После заключения под стражу Репникова не допрашивали больше недели. На допросе, состоявшемся 16 марта 1931 г., он охарактеризовал свое отношение к советской власти как сочувствующее, изложил свои биографические данные и подробно рассказал о трудовой деятельности, начиная с 1903 по весну 1931 г. Судя по содержанию протокола допроса, следователи особо интересовали состав и организация экспедиции в сезон 1929 г. на Эски-Кермене.

Из показаний Репникова⁴: «Летом 1929 г. на средства ЦГРМ, МАЭ и АН была снова снаряжена разведочная экспедиция в Эски-Кермен в составе меня, Репникова Н. И., Мазуревич Л. А. (*Мацулевич Л. А.*)⁵, Веймарн (*Веймарн Е. В.*), Старжелецкого (*Стржелецкий С. Ф.*), Петрова (*Петров Г. И.*), Берштам (*Бернштам А. Н.*), фотографа Шиллинга Мих. Леонидовича (ныне студент ЛИЛИ). К экспедиции были прикомандированы: Бабенчиков П. П. и другие Севастопольские краеведы. Во время работ экспедиции ее посетили ученый хранитель МАЭ Мерварт А. М., С. Ф. Платонов с представителями крымских музеев Полкановым А. И., Опаловым и председателем Крымского общества археологии Маркевичем А. И. Перед самым окончанием работ экспедиции мною была получена телеграмма от АН, извещающая о прибытии на работы немецких археологов: Зауэр и Финдейзен с женой. Пробывали на работах они два дня. За это время осмотрели раскопки. После их отъезда приезжал еще иностранец Саломон, но кто он и откуда я не знаю. Работы ему показывал Л. А. Мозулевич (*Мацулевич Л. А.*).

По получению телеграммы от АН о приезде немецких ученых на Эски-Кермен мною был послан С. Ф. Стражелецкий (*Стржелецкий С. Ф.*) в Бахчисарай, чтобы известить Мерварта об этом. Мерварт приехал и принял участие в их приеме, разговаривал с ними по-немецки и с ними же уехал на Мангубкале (*Мангун-Кале*). С ним же вместе уехал Н. Л. Эрнст (*Симферополь*)» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-10566. Л. 95–95об.).

⁴ Текст дается с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации протокола допроса Н. И. Репникова.

⁵ Здесь и далее в скобках курсивом указаны правильные фамилии и географические названия.

³ Среди документов этого архивного дела фигурирует иной номер следственного дела № 920-31.

В протоколах допросов Н. И. Репникова не упомянут ни один из обвиняемых по делу Чаева. Истинной причиной ареста, с большой вероятностью, стали близкое знакомство и служебные отношения с фигурантами Академического дела: историком С. Ф. Платоновым и этнографом А. М. Мервартом. В то время С. Ф. Платонов как академик являлся куратором раскопок на Эски-Кермене. Поэтому осенью 1928 г. Н. И. Репников сделал для него доклад о результатах археологических работ за сезон в письменном виде, который он вместе со Спицыным отвезли ему домой. Такой интерес академика Платонова к работам на памятнике был вызван вновь открывшимися данными о пребывании готов в Крыму.

Вероятно, следователю Н. Лупандину были хорошо известны обстоятельства приезда немецких ученых на Эски-Кермен в 1929 г. из показаний С. Ф. Платонова, полученных на допросах годом ранее.

После ареста зимой 1930 г. Платонов в своих показаниях упоминает раскопки Репникова, которыми он заинтересовался в 1928 г. и написал о них в Германию.

Следователь подробно расспросил, при каких обстоятельствах Репников познакомился с Мервартом (еще одним из ключевых фигурантов Академического дела, «главным» немецким шпионом по версии ОГПУ). На допросе уточнялась информация о степени близости отношений Репникова с Мервартом и роли Мерварта во встрече немецких коллег.

Далее в протоколе приводятся следующие показания Н. И. Репникова: «После первой экспедиции в Эски-Кермен примерно во второй половине ноября 1928 г. я, по требованию С. Ф. Платонова, сделал ему краткое сообщение о работах в Эски-Кермене. Сообщение мною было доставлено ему на квартиру в письменном виде. В этом же месяце я сделал доклад о работах экспедиции на ученом Совете Музея Антропологии и Этнографии, на котором присутствовал А. М. Мерварт. Здесь я впервые с ним и познакомился. Мерварт проявил очень большой интерес к раскопкам и стал часто ко мне заходить (в МАЭ) и мы беседовали о работах в Эски-Кермене. В январе 29 г. ко мне на квартиру пришел А. М. Мерварт. Поговорили о моей работе по Эски-Керменским раскопкам, затем он обратил внимание на собрание старинных русских икон и сказал, что это очень ценные вещи и их можно продать через его посредство. Куда он

хотел продать иконы, я не помню» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-10566. Л. 97).

Последний допрос Репникова был произведен следователем 17 марта: «В дополнение к показаниям от 16 февраля с. г.⁶ добавляю, что А. М. Мерварт действительно предлагал свое посредничество для продажи имеющихся у меня старинных русских икон за границу. По его словам, эта продажа могла быть очень выгодной. Техники переправы икон за границу мы в разговоре не касались» (Там же. Л. 98об.).

После этого допроса Репникова продолжали содержать в Доме предварительного заключения до конца апреля. А в апреле следователем Лупандиным принимается Постановление о мере пресечения (изменении меры пресечения) по делу № 920-31 об освобождении из-под стражи Репникова Н. И. в связи с тем, что обвинение не подтвердилось (Там же. Л. 99об.).

Николая Ивановича освобождают из-под стражи, взяв подписку о невыезде из Ленинграда. Ему выдают для предоставления на работе удостоверение «в том, что он содержался в Доме Предварительного Заключения с 8 III по 9 V 1931 г. и согласно ордера П. П. О. Г. П. У. в Л. В. О. от 8 мая 1931 г. за № 3137 из-под ареста освобожден сего числа» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 554. Л. 73).

Историк был признан невиновным по ст. 58-б и освобожден из-под ареста, однако только 30 мая 1931 г. штатный практикант 4-го отд. СПО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО Дембицкий принимает Постановление по следственному делу № 920-30. «... Рассмотрев настоящее дело по обвинению группы лиц в принадлежности к контрреволюционной монархической организации — „ВСБВСР“⁷ и принимая во внимание, что контрреволюционная деятельность и принадлежность к настоящей организации гр. гр. (идет перечень лиц, седьмым по счету упомянут Репников Н. И.).

Постановил: Следственный материал в отношении перечисленных выше лиц, из настоящего дела выделить, производство прекратить и сдать в архив. Подписки, отобранные у всех о невыезде из г. Ленинграда, — аннулировать.

Личную переписку, изъятую при обыске, вернуть» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-10566. Л. 115).

⁶ Допрос состоялся 16 марта, а не февраля.

⁷ «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».

Проанализировав содержание архивных документов, проливающих свет на короткий, но один из сложнейших моментов жизни Репникова, истинная причина ареста археолога остается неочевидной. Возможно, он был арестован для получения дополнительных показаний, которые могли быть

использованы против С. Ф. Платонова и А. С. Мерварта при обвинении по Академическому делу. В свою очередь, обвинения, выдвинутые против Репникова, были инструментом давления для получения сведений, нужных следствию. Как оно было на самом деле, мы, вероятно, уже никогда не узнаем.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1928. Д. 105. Л. 1–2.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1928. Д. 214. Л. 10–11.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 253.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 554.

Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-10566. Следственное дело № 2782-31 по обвинению Чаева Николая Сергеевича и других.

Айбабин, Хайрединова, 2017 — Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.

Академическое дело..., 1993 — Академическое дело 1929–1931 гг. СПб.: БАН, 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. LXXIV, 295 с.

Виноградов, 2019 — Виноградов Ю. А. Н. И. Репников. Штрихи к портрету // Гераклейский сборник / Виноградов Ю. А., Смекалова Т. Н. (ред.). СПб.: Алетейя, 2019. Вып. 1: «Гераклейский сборник» 1936 г. С. 16–24.

Репников, 1906 — Репников Н. И. Некоторые могильники области Крымских Готов // ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. Вып. 19. С. 1–80.

Репников, 1932а — Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия ГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 107–152.

Репников, 1932б — Репников Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // Известия ГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 153–180.

Тункина, 2008 — Тункина И. В. А. А. Спицын и Готская группа ГАИМК // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения чл.-кор. РАН, проф. А. А. Спицына (26–29 ноября 2008 г., Санкт-Петербург). СПб.: СПбГУ, 2008. С. 199–203.

Эрнст, 1929 — Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия ТОИАЭ. Симферополь: б. и., 1929. Т. 3 (60). С. 15–43.

Юрочкин, 2017 — Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2017. 496 с.

Личный архив В. А. Городцова и опыт его научного использования (по материалам учетно-справочной документации ОПИ ГИМ)¹

Н. И. Демирова²

Аннотация. Документы из личного архива выдающегося российского археолога В. А. Городцова доступны для исследователей с 1989 г. Документация по учету использования документов, вводимая в ОПИ ГИМ, позволяет проанализировать и систематизировать опыт научного использования этого собрания. В статье приводятся обобщенные данные об организационной принадлежности исследователей, изучавших материалы этого архива; география научных центров, которые они представляли; анализ тематики осуществленных исследований. В результате удалось очертить общую картину использования в историографии документов из архива В. А. Городцова и наметить возможные пути дальнейшей разработки архива ученого и, прежде всего, — изучение системы профессиональных коммуникаций археолога и его творческой лаборатории.

Annotation. Since 1989, documents of the prominent Russian archaeologist Vasilii A. Gorodtsov are available for scientific studies. Registration of various documents conducted at the Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI SHM) allows the researchers to analyse and systemize the practice of the scientific usage of the museum's documentary collection. In the present paper, summary data are presented on the academic belonging of the researchers who studied materials from these archives, the geography of the scientific centres which they represented and analysis of the subjects of the investigations carried out. This study has resulted in sketching the general situation of the historiographic use of documents from V. A. Gorodtsov's archives and outlining of the presumable directions of the further examination of the scholar's archives and, particularly, of the study of the system of the archaeologist's professional communications and of his 'creative laboratory'.

Ключевые слова: историография, архивоведение, археология, В. А. Городцов, научный архив, архив ученого, ОПИ ГИМ.

Keywords: historiography, archive studies, V. A. Gorodtsov, scientific archives, archives of a scientist, OPI SHM.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-349-355

Личные фонды ученых традиционно привлекают внимание исследователей истории науки. Причем взгляд на них постепенно меняется. Во второй половине XX в. основной ценностью научного архива историка считались работы, которые автор не успел опубликовать при жизни.

По меткому выражению А. Л. Хорошкевич, это были «кладбища подготовленных публикаций» (Хорошкевич, 2015. С. 8). Основным направлением работы с ним была подготовка посмертных изданий многочисленных неопубликованных трудов. Сегодня, помимо невышедших в свет статей и монографий, мы ищем в этих документах многое другое. Это и личность творца, путь его становления, мировосприятие и, самое главное, замершую в бумагах архива творческую лабораторию уже ушедшего с научной сцены исследователя.

Важнейшей проблемой является вопрос сохранения личных научных архивов. Чаще всего сохраняются бумаги академиков, да и то далеко не всех и подчас в сильно урезанном виде. Тем ценнее

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-09-40115 (Древности) «Научные коммуникации в отечественной археологической науке во второй половине XIX — первой четверти XX в. (на основе неопубликованных архивных источников)».

² Отдел письменных источников, Государственный исторический музей; Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия.

для историков науки те документальные комплексы, которые были созданы трудами ее рядовых деятелей и которые удастся сохранить в наиболее полном виде. Одним из крупных центров собирания подобных материалов стал Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Здесь на государственном хранении находится несколько десятков документальных собраний историков XVIII–XXI вв., в том числе более 15 личных архивов археологов. Среди них и научный архив В. А. Городцова (ОПИ ГИМ. Ф. 431), одного из крупнейших отечественных исследователей, многолетнего сотрудника Исторического музея, преподавателя Московского археологического института, Московского института философии, литературы и истории, 1-го Московского государственного университета, Народного университета им. А. Л. Шанявского. Личный архив В. А. Городцова был передан в дар ГИМ его сыном, Мстиславом Васильевичем Городцовым (также работавшим в музее) в 1959 г. Впоследствии архив неоднократно пополнялся материалами, обнаруженными в Отделе археологических памятников ГИМ, через покупку отдельных документов или дарение. Научно-техническая обработка фонда была проведена научными сотрудниками ОПИ И. В. Белозеровой, Н. Б. Стрижовой и О. И. Самсоновой в 1982–1985 гг. В связи с тем, что в 1984–1988 гг. читальный зал ОПИ был закрыт из-за переезда³, введение материалов из личного архива В. А. Городцова в научный оборот началось только с 1989 г. Таким образом, на сегодняшний день фонд уже 30 лет доступен для исследователей, проявляющих к нему постоянный интерес на протяжении всего этого времени.

Важным статистическим материалом является документация по учету исследовательских запросов, ведущаяся сотрудниками ОПИ ГИМ. Она представлена картотекой исследователей, картотекой использования фондов, анкетами исследователей, журналами посещения читального зала и выдачи дел в читальный зал. Сведения об использовании документов из фонда В. А. Городцова, собранные в отделе, достаточны для того, чтобы обрисовать обобщенную картину научного опыта, сложившегося на базе этого документального комплекса. Анализ данных позволяет определить структуру исследовательских запросов, их

тематический охват, выявить те группы документов в рассматриваемом фонде, которые стали за эти годы хорошо известны исследователям, и те, которые еще только ждут своего часа. На основе этих сведений можно наметить перспективные направления для дальнейшего введения материалов из собрания В. А. Городцова в научный оборот.

С 1920-х и до 1990 г. основным средством учета обращений исследователей к документам из собрания ОПИ ГИМ была картотека использования фондов, в которой на каждый из них была заведена карточка, фиксировавшая кто, с какой темой, от какого учреждения запрашивал те или иные единицы хранения. Однако обращения исследователей к фонду В. А. Городцова, в основном начавшиеся после 1989 г., практически не отражены в ней. Выявление тех же данных после 1990 г. возможно при помощи сплошного просмотра журналов выдачи дел в читальный зал, где указаны фонды и номера единиц хранения, выданных исследователю в конкретный день. На основе журналов выдачи можно составить список читателей, запрашивавших документы из интересующего нас фонда и дату, когда это обращение имело место. Затем необходимо сопоставить полученные данные с анкетами исследователей, содержащими информацию о научной теме, с которой исследователь пришел в читальный зал, и направлявшую его организацию.

Результатом этой работы стала сводная таблица всех исследовательских запросов к личному архиву В. А. Городцова с 1988 г. по декабрь 2019 г. Под исследовательским запросом в данном случае мы понимаем работу одного исследователя по отдельной теме в течение одного календарного года. Всего за то время, что документы из фонда В. А. Городцова были доступны для ознакомления, в учетной документации ОПИ ГИМ зафиксировано 165 запросов к ним. Некоторые исследователи вели многолетнюю работу с архивом ученого, поэтому в таблице содержится 118 фамилий.

Наибольший интерес к материалам фонда В. А. Городцова был зафиксирован сразу после завершения его описания. Это показывает заинтересованность научного сообщества в изучении документов из личного собрания археолога. Исследователи были проинформированы о появлении возможности доступа к этому документальному собранию благодаря отдельному выпуску «Трудов ГИМ», полностью посвященному

³ Переезд осуществлялся из здания на Красной площади на Измайловский остров.

научному наследию В. А. Городцова и, в частности, его архиву. Все это определило довольно большой интерес к материалам, только что ставшим доступными для изучения. Затем интерес несколько снизился и на протяжении последующего времени колебался в достаточно узком коридоре: 3–6 запросов в год, крайне редко превышая или не достигая этих цифр. Таким образом, мы видим, что документы из собрания В. А. Городцова стабильно привлекают внимание исследователей, интерес к ним определяется их научной значимостью, а не какими-либо случайными тенденциями и острыми темами «на злобу дня».

Анализ данных по организационной принадлежности исследователей, работавших с документами из фонда В. А. Городцова, также позволяет сделать ряд выводов. Используя документацию по учету исследовательских запросов, удалось установить организации, от представителей которых исходил 151 запрос. 142 из них (94 %) исходили из музеев и учреждений в структуре АН СССР — РАН, других научных центров, институтов, вузов. Практически не было запросов от частных лиц, отсутствовали запросы от представителей издательств, средств массовой информации и телевидения, представителей церкви, характерные для других личных и семейных архивов в собрании ОПИ ГИМ (Сиротина, 2015; Демирова, 2019). Во многом это объясняется составом материалов, отложившихся в фонде: отсутствие общеисторической коллекции документов по разным периодам истории; сосредоточение фондообразователя на археологической и сопутствующих ей узкоспециализированных тематиках (геология, палеонтология и т. п.) при создании и отборе документов, вошедших в архив; относительно малая известность В. А. Городцова за пределами профессионального археологического сообщества. Таким образом, основное направление разработки материалов данного фонда имеет научный характер. Материалы, которые можно использовать в экспозиционных или популяризаторских целях, оказались пока что совершенно невостребованными.

Более трети запросов исходили от представителей музеев, из них 23 запроса — от сотрудников ГИМ, что закономерно: фонд наиболее актуален в месте своего хранения. Еще треть запросов исходила от преподавателей, аспирантов и студентов различных высших учебных заведений. При этом их количество достаточно высоко, из чего

следует, что далеко не все результаты, полученные в ходе работы с материалами архива В. А. Городцова, были введены в научный оборот — большая их доля осела в виде неопубликованных дипломов и диссертаций на кафедрах.

Довольно обширна география исследователей, обращавшихся к материалам рассматриваемого фонда. Естественно, поскольку архив хранится в Москве и с этим городом связаны основные вехи профессиональной биографии ученого, именно здесь сложился основной центр изучения этого документального собрания. Тем не менее обращения к данному собранию документов от представителей различных регионов достаточно часты и перечень городов обширен: Владимир, Калуга, Нижний Новгород, Великий Новгород, Рязань, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Смоленск, Ставрополь и др. Помимо Москвы можно говорить о центрах изучения архива В. А. Городцова в Санкт-Петербурге и Воронеже, о большом внимании к личности ученого в среде сибирских исследователей. Вообще соотношение московских и региональных запросов (78 и 43 соответственно) показывает широкий интерес к фигуре археолога, обусловленный его собственным профессиональным охватом: раскопки во многих регионах нынешних России и Украины (интерес со стороны украинских коллег также присутствует — шесть запросов), контакты со множеством региональных музеев и научных центров, с археологами, преподавателями, музейщиками со всех уголков страны, — все это нашло свое отражение в материалах архива В. А. Городцова и определило широкую географию обращений к документам, отложившимся в нем (Сафонов, 2002а; Лопатина, 2009; Вдовин, Кузьминых, 2012).

Для понимания степени изученности документов, составляющих фонд В. А. Городцова, наиболее значим анализ тематики исследовательских запросов. Как было сказано выше, начиная с 1988 г. к материалам его архива обращались 118 человек. Чаще всего посетители вели многолетнюю работу над одной и той же темой, однако были и случаи, когда они год от года менялись. Поэтому для анализа проблематики исследований, в рамках которых использовались интересующие нас материалы, целесообразно объединять несколько исследовательских запросов в один тематический запрос, то есть учитывать работу одного посетителя над одной темой на протяжении одного или нескольких лет. Именно соотношение

тематических запросов, на наш взгляд, и позволяет очертить круг уже разрабатываемых в историографии проблем, а при их сопоставлении с анализом содержания единиц хранения, вовсе не использованных или крайне мало использованных, наметить возможные перспективные направления дальнейшей научной разработки материалов фонда, имеющие для этого неактуализированную источниковую базу.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов, необходимо сделать еще одно замечание. В некоторых случаях в анкетах читателей не были указаны темы. Наиболее часто это встречается в случае обращений к материалам сотрудников Исторического музея. Кроме того, отсутствует практика фиксации использования тех или иных документов сотрудниками ОПИ ГИМ. В случае с архивом В. А. Городцова, это, безусловно, дает определенную погрешность к нашим выкладкам, так как большая работа по изучению и опубликованию документального наследия ученого на протяжении многих лет ведется научными сотрудниками ОПИ ГИМ и Института археологии РАН И. В. Белозеровой и С. В. Кузьминых. В этом и других подобных случаях, где это было возможно, тематика запросов была установлена через обращение к публикациям исследователей. Тем не менее некоторые информационные потери остались, нам удалось определить тематику 111 исследовательских запросов (связка исследователь-тема без привязки ко времени работы над ней).

Почти треть запросов к фонду В. А. Городцова (30 %) имела археологическую тематику. Такая ситуация вполне понятна и обусловлена как биографией фондообразователя, так и характером материалов, хранящихся в фонде. Наличие полевых дневников, зарисовок предметов, материалов по организации отдельных полевых экспедиций и т. п. естественно побуждает профессиональных археологов обращаться к этому фонду для поиска данных, которые не успел опубликовать сам автор раскопок. К тематике истории археологического изучения отдельных памятников, культур, регионов и периодов близко примыкает еще одна небольшая группа запросов (4 %), когда исследователей интересовали именно раскопки В. А. Городцова. Эти запросы можно было бы объединить, однако мы сочли уместным разбить их на две группы, так как, на наш взгляд, важно, что ставит исследователь в центр своей работы. Если предмет

исследования — конкретный археологический объект, то фигура В. А. Городцова встает в ряд ему подобных исследователей этого объекта. Если же работа строится вокруг фигуры самого В. А. Городцова и его деятельность оказывается смысловым центром исследования, то архив археолога становится источником информации о нем самом как ученом, а не просто источником неопубликованных археологических данных (Сафонов, 2001).

Еще три темы, значительно уступающие по частоте первой группе запросов, но тоже тесно связанные с профессиональной биографией В. А. Городцова, имеют примерно равный удельный вес: история музеев и музейного дела (15 %); история науки и образования (14 %); поиски сведений о биографиях других ученых (12 %).

Запросы к фонду В. А. Городцова, касающиеся истории музейного дела, можно разделить на две группы. Одну из них составляют темы, связанные с Историческим музеем и работой там самого ученого. Это и исследование роли Исторического музея в культурной жизни России, и тематика связей Исторического и других музеев, и история Общества друзей Исторического музея (Лебединская, 1993; Белозерова, 1988; Кузьминых, Белозерова, 2012 и др.). Вторую группу составляют запросы, обусловленные деятельностью В. А. Городцова в Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины в составе НКП РСФСР. К таким запросам можно отнести изыскания по истории отдельных музеев, музейного строительства в регионах, общие запросы по истории формирования музейной сети в советской России (Гусалова, 1991; Назипова, 2006).

Исследователи, разрабатывающие проблематику истории науки и образования, также находили ценные для себя материалы в фонде В. А. Городцова. Для конкретно поставленных тем, как то: история Московского археологического института (Стрижова, 1997) и Московского археологического общества (Серых, 2012); археологические съезды (Цыбин, 1999; Вдовин и др., 2008; Серых, 2014) запрашивали документы о личном участии В. А. Городцова в съездах, о его педагогической деятельности и т. п. Иногда проблематика была более широкой: история науки и, в частности, археологии в дореволюционной и советской России или проблемы перестройки науки и образования с первые годы советской власти, выстраивания ее отношений с представителями интеллигенции. В этом случае В. А. Городцов был интересен как

ученый, сформировавшийся в императорской России, искавший и находивший (хотя не всегда благополучно) свое место в новой системе науки.

Обширные профессиональные контакты В. А. Городцова определили еще одну довольно распространенную группу запросов — поиск сведений о третьих лицах. Зачастую речь идет о коллегах В. А. Городцова, а основным направлением интереса являлись переписка и дневники ученого. Исследователей интересовали сведения об А. В. Арциховском, Ю. В. Готье, Б. Н. Гракове, С. Н. Замятнине, Н. Е. Макаренко, П. Д. Рау, М. И. Ростовцеве, В. И. Сизове, В. Ф. Смолине, А. А. Спицыне, А. М. Тальгрене, А. А. Фомине, М. Г. Худякове (*Бухтоярова*, 2015; *Зуев*, 1991; *Кузьминых*, *Сафонов*, 2014; *Мандрик*, 2001). Естественно, что этим списком далеко не исчерпывается сеть профессиональных связей В. А. Городцова, и он может быть существенно дополнен в ходе дальнейшей научной разработки материалов архива ученого.

Еще четыре группы тем дали сравнительно небольшую частоту среди исследовательских запросов — это история художественной культуры (7 %); исследования, посвященные жизни и судьбе самого В. А. Городцова (7 %); краеведческая тематика (6 %); история архитектуры (4 %).

К группе историко-архитектурных исследований мы относим изыскания по истории застройки русских городов (Москва, Ярославль и др.) и по изучению русских усадеб. В данном случае вновь актуальны материалы по деятельности В. А. Городцова в Отделе по делам музеев и его работы «на местности». Близкая к ним историко-художественная тематика затрагивает вопросы изучения промыслов и декоративно-прикладного искусства. И здесь на первый план снова выступают материалы о научных связях В. А. Городцова. В основном исследователей интересовали две фигуры: художницы-эмальера, коллекционера и меценатки М. К. Тенишевой, а также археолога, этнолога, коллекционера, музейного деятеля Е. Н. Клетновой (*Белозерова*, 2017; *Журавлева*, 1994; *Стрижова*, *Журавлева*, 1992).

Вновь упомянем об отдельно выделенной ранее группе тем, затрагивающей результаты собственных раскопок В. А. Городцова, которая была упомянута в связи с конкретно-археологической тематикой исследований. На первых порах после поступления архива ученого в читальный зал ОПИ ГИМ интерес к археологическим данным,

отложившимся в нем, но не опубликованным самим фондообразователем, очевидно преобладал. Но постепенно вектор внимания смещается, и другие стороны профессиональной деятельности В. А. Городцова (музейная, педагогическая, методологическая) начинают привлекать все больший интерес исследователей (*Мелешко*, 1996; *Сафонов*, 2002б; *Белозерова*, 2010; *Кузьминых*, *Белозерова*, 2015, 2019).

Завершить обзор опыта использования архива В. А. Городцова уместно краткой характеристикой тех материалов из него, которые пока еще не вполне изучены или вовсе не введены в научный оборот. Прежде всего, это эпистолярное наследие археолога. Оно уже было объектом исследовательского внимания, имеется и ряд публикаций (*Кузьминых*, *Сафонов*, 2003; *Белозерова*, 2016; *Гайдуков*, 2014; *Кузьминых*, *Белозерова*, 2014; *Стрижова*, 2016 и др.), тем не менее за кадром остались письма от многих представителей региональных музеев и археологов, корреспонденция от иностранных (английских, французских, скандинавских) научных обществ и организаций.

Сравнительно полно введены в научный оборот материалы по педагогической деятельности В. А. Городцова. Но оказались не востребованными исследователями конспекты курса лекций по истории первобытного искусства, который он читал в 1920 г. Ограниченно изучен раздел архива, содержащий подготовительные материалы и отражающий творческую лабораторию ученого (выписки, заметки, зарисовки, конспекты и пр.). Практически не затронуты ранние конспекты и выписки сформировавшегося исследователя. Еще не стала предметом самостоятельного изучения объемная картотека к карте неолита. Материалы по отдельным памятникам, вошедшие в нее, привлекались в различных работах выборочно и в основном как фактологический материал к научной биографии ученого. Они не рассматривались как самостоятельный комплекс, служащий источником информации для изучения творческой лаборатории составителя этой картотеки.

Совершенно не использован комплекс картографических материалов, собранный В. А. Городцовым, хотя на многих картах есть пометы и аннотации ученого. Интерес в связи с изучением системы научных контактов археолога может представлять коллекция изданий и оттисков, подаренных ему коллегами по цеху, равно как и записная книжка с адресами и номерами теле-

фонов, датированная 1930 г. Вырезки из газет и периодических изданий, собираемые В. А. Городцовым на протяжении многих лет, позволяют реконструировать круг его интересов и ценностей (научных, общественных и политических).

Таким образом, документы из архива В. А. Городцова стали ценным источником не только для уточнения биографических сведений об их создателе, но и были использованы в целом ряде работ по истории науки и культуры конца XIX — первой половины XX в. В них были запечатлены процессы ломки дореволюционной научной инфраструктуры и формирования новой, советской; деятельность по охране памятников истории и культуры; взаимоотношения между московской и региональными научными школами и другие сюжеты. Обширная география научных интересов

самого В. А. Городцова определила широкий круг исследователей, обращающихся сегодня к материалам его архива как за неопубликованными археологическими сведениями, так и данными по истории российской науки. Многие темы, раскрытие которых вполне возможно на основе материалов этого архивного фонда, разработаны лишь частично. Прежде всего, актуальным видится дальнейшее изучение системы профессиональных и общественных контактов В. А. Городцова, работа над созданием целостной модели коммуникаций ученого. Другой важный сюжет — изучение исследовательской лаборатории археолога, понимание его научного метода через системный анализ подготовительных материалов и рукописей работ, изучение картографической коллекции и картотек, отложившихся в фонде.

Белозерова, 1988 — Белозерова И. В. Музейная деятельность В. А. Городцова // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии. М.: ГИМ, 1988. Тр. ГИМ. Вып. 68. С. 14–26.

Белозерова, 2010 — Белозерова И. В. Жизнь и научная деятельность В. А. Городцова в годы Великой Отечественной войны: по материалам личного архива в ОПИ ГИМ // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 690–702.

Белозерова, 2016 — Белозерова И. В. «В надежде на Ваше доброе отношение ко мне, остаюсь с полным к Вам уважением и преданностью». Письма Е. Н. Клетновой к В. А. Городцову: из собрания ОПИ ГИМ // Край Смоленский. 2016. № 5. С. 83–95.

Белозерова, 2017 — Белозерова И. В. «И болит мое сердце, болит!»: 1917 г. в судьбе и научной деятельности Е. Н. Клетновой // 1917 год: российская археология на переломе эпох: Материалы междунар. науч. конф. М.: ИА РАН, 2017. С. 7–9.

Бухтоярова, 2015 — Бухтоярова И. М. Научная деятельность С. Н. Замятина по материалам его переписки // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 21. С. 423–427.

Вдовин и др., 2008 — Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // РА. М.: Наука, 2008. № 4. С. 170–177.

Вдовин, Кузьминых, 2012 — Вдовин А. С., Кузьминых С. В. «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали»: В. А. Городцов и археология

Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово: РИО КемГУ, 2012. Вып. 26. С. 49–54.

Гайдуков, 2014 — Гайдуков П. Г. Переписка А. В. Орешникова и В. А. Городцова // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ. Вып. 201). С. 204–208.

Гусалова, 1991 — Гусалова М. З. Из истории церковно-археологических музеев (к проблеме развития отношений музеев с церковью) // Музееведение. На пути к музею XXI века: музеи-заповедники. М.: НИИК, 1991. С. 212–229.

Демирова, 2019 — Демирова Н. И. Учетная документация отдела письменных источников Государственного исторического музея как инструмент оценки эффективности научного и экспозиционного использования источников визуальной информации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки. М.: ИНИОН, 2019. С. 871–880.

Журавлева, 1994 — Журавлева Л. С. Княгиня Мария Тенишева. Смоленск: Полиграмма, 1994. 318 с.

Зуев, 1991 — Зуев В. Ю. Творческий путь М. И. Ростовцева // ВДИ. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1991. № 1. С. 148–153.

Кузьминых, Белозерова, 2012 — Кузьминых С. В., Белозерова И. В. В. А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. М.: ГИМ, 2012 (Тр. ГИМ; Вып. 189). С. 22–34.

- Кузьминых, Белозерова, 2014* — Кузьминых С. В., Белозерова И. В. Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.) // *Stratum plus*. КИШИНЕВ: ВАШ, 2014. № 1: Фрагменты доистории. С. 229–294.
- Кузьминых, Белозерова, 2015* — Кузьминых С. В., Белозерова И. В. Лекционный курс В. А. Городцова «История археологии»: несвоевременный опыт // *Очерки истории отечественной археологии (середина XVIII в. — 1950-е гг.)*. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 4. С. 147–168.
- Кузьминых, Белозерова, 2019* — Кузьминых С. В., Белозерова И. В. Человек, который сделал себя сам: о личности Василия Алексеевича Городцова // *АВ*. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Вып. 25. С. 313–318.
- Кузьминых, Сафонов, 2003* — Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн: диалог в переписке // *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф., часть 1*. М.: ГИМ, 2003. С. 6–8.
- Кузьминых, Сафонов, 2014* — Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений // *РА*. М.: Наука, 2014. № 4. С. 145–154.
- Лебединская, 1993* — Лебединская О. М. Исторический музей в культурной жизни России (1872–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. МГУ. М.: б/и, 1993. 229 с.
- Лопатина, 2009* — Лопатина О. А. В. А. Городцов у истоков археологического изучения Каширского края // *Оки связующая нить; археология Среднего Поочья*. Ступино: б/и, 2009. С. 24–37.
- Мандрик, 2001* — Мандрик М. В. К биографии Ю. В. Готье // *Петербург и Москва: Две столицы России в XVIII–XX вв.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 116–128.
- Мелешко, 1996* — Мелешко Б. В. Научное наследие В. А. Городцова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. ИА РАН. М., 1996. 17 с.
- Назипова, 2006* — Назипова Г. Р. «Музейный бум» в Поволжье и Приуралье в конце XIX — начале XX в. // *Собор лиц: материалы конференции «История и современность российских музеев»*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 240–249.
- ОПИ ГИМ. Ф. 431 — Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 431. Научный архив В. А. Городцова.
- Сафонов, 2001* — Сафонов И. Е. Раскопки В. А. Городцовым курганов эпохи бронзы в Изюмском уезде летом 1901 г. (по архивным материалам) // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Самара: НТЦ, 2001. С. 11–18.
- Сафонов, 2002а* — Сафонов И. Е. В. А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Воронежский гос. ун-т. Воронеж: б/и, 2002. 23 с.
- Сафонов, 2002б* — Сафонов И. Е. Подготовка В. А. Городцовым второго тома серии «Археология» // *Археология в российских университетах*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. АвЛ. Вып. 16. С. 62–70.
- Серых, 2012* — Серых Д. В. Как ликвидировали Московское археологическое общество // *Евразийский археолого-историографический сборник*. СПб.; Красноярск: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 124–130.
- Серых, 2014* — Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX в. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
- Сиротина, 2015* — Сиротина О. А. Методы изучения личных и семейных архивов. По материалам фонда Уваровых: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: б. и., 2015. 28 с.
- Стрижова, Журавлева, 1992* — Стрижова Н. Б., Журавлева Л. С. Их сблизил археологический институт // *Край Смоленский*. Смоленск, 1992. № 5. С. 21–31.
- Стрижова, 1997* — Стрижова Н. Б. Московский археологический институт // *Москва в начале XX века*. М.: Мосгорархив, 1997. С. 152–169.
- Стрижова, 2016* — Стрижова Н. Б. Диалог археологов: из переписки П. С. Уваровой и В. А. Городцова (по материалам ОПИ ГИМ) // *КСИА*. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. Вып. 242. С. 245–253.
- Хорошкевич, 2015* — Хорошкевич А. Л. Вопросы издания творческого наследия советских историков русского феодализма // *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века*. М.: Аквариус, 2015. С. 5–27.
- Цыбин, 1999* — Цыбин М. В. В. А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-восточного порубежья Древней Руси // *Исторические записки: Научные труды Исторического факультета Воронежского университета*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. Вып. 4. С. 204–215.

AD MEMORIA

Памяти Владимира Алексеевича Завьялова (10.02.1946–01.08.2020)

1 августа 2020 г. на 75-м году жизни скоропостижно скончался Владимир Алексеевич Завьялов — известный российский исследователь кушанских древностей Центральной Азии, Афганистана, Пакистана и Северной Индии.

Владимир Алексеевич связал свою жизнь с Ленинградским отделением института археологии АН СССР (с 1991 г. — Институт истории материальной культуры РАН) в далеком теперь 1971 г. Именно тогда он начал работать в хоздоговорных экспедициях ЛОИА АН СССР, будучи еще студентом кафедры археологии Ленинградского государственного университета (ныне Санкт-Петербургский государственный университет), куда он поступил в 1968 г. после демобилизации из рядов Советской Армии. За годы обучения Владимиру Алексеевичу довелось проводить полевые изыскания в южнорусских, сибирских и забайкальских степях, но основным полем его деятельности стала Центральная Азия. Восточная археология увлекла и очаровала его. Вначале он работал на юго-востоке Туркменистана, где в составе Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР в течение нескольких полевых сезонов изучал древнеземледельческое поселение энеолита и бронзового века Алтын-депе. Со временем Владимир Алексеевич стал специализироваться в области кушанской археологии. В составе Бактрийской экспедиции ЛОИА АН СССР он фактически руководил раскопками Зартепа — одного из крупнейших памятников античной и раннесредневековой эпох на юге Узбекистана. Наставником и учителем молодого исследователя был д-р ист. наук В. М. Массон — многолетний заведующий Сектором/Отделом археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа и руководитель ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.

В 1975 г. Владимир Алексеевич был зачислен в штат Лаборатории камеральной обработки

института, где выполнял обязанности ее ученого секретаря, а с 1978 г. он становится сотрудником Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. Начинаясь один из самых плодотворных и напряженных периодов его жизни. Владимир Алексеевич продолжал работать на Алтын-депе, участвовал в исследованиях Сумбарской экспедиции на юго-западе Туркменистана. Однако ярче всего его талант археолога раскрылся на юге Узбекистана, в процессе раскопок кушанского города Зартепа. Трактровка археологических коллекций, полученных Владимиром Алексеевичем при исследовании этого эталонного памятника, явилась важным вкладом исследователя в изучение спорных проблем кушанской археологии.

По результатам своих изысканий на Зартепа Владимир Алексеевич защитил в 2005 г. на Специализированном совете ИИМК РАН кандидатскую диссертацию «Культура Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени (по материалам Зартепа)». Это квалификационное исследование, изданное в 2008 г. (В. А. Завьялов «Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа», СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 296 с.: ил.), получило высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов.

Впоследствии Владимир Алексеевич переключился на изучение фортификации античного и раннего средневекового времени в Центральной Азии, став ведущим специалистом России в этой области археологии. Материалы для разработки такой темы он получил в Мерве, где провел не один полевой сезон в составе российско-туркменско-английской экспедиции (1992–2003 гг.). Исследование фортификации он продолжил в ходе раскопок раннесредневекового уйгурского укрепления Пор-Бажин в Туве (2007–2008 гг.).

Следует также отметить работы ученого в составе туркменско-английской экспедиции в Анау (2000, 2003 гг.) и в Южном Вьетнаме (советско-вьетнамская и российско-вьетнамская экспедиции в 1989, 1991, 2008–2010 гг.).

Владимир Алексеевич обладал особым умением видеть и разбирать культурные отложения, включая их самые тончайшие прослойки. Коллеги поражались этому дару, благодаря которому ученый безошибочно фиксировал любые археологические контексты. Вследствие своего многолетнего полевого опыта Владимир Алексеевич стал в 2002 г. председателем Санкт-Петербургской группы ОПИ ИИМК РАН, которой он руководил до последнего дня своей жизни. На этой должности он не только курировал экспедиционные работы археологов Санкт-Петербурга, но и передавал свой богатый опыт молодым сотрудникам института, членам ОПИ, среди которых он пользовался непререкаемым авторитетом. Владимир

С уходом Владимира Алексеевича Завьялова полевая археология Центральной Азии лишилась одного из самых опытных и квалифицированных своих представителей.

Владимир Алексеевич учился в Ленинградском государственном университете у А. В. Давыдовой, Л. С. Клейна и подготовил диссертацию под научным руководством Вадима Михайловича Массона, получив образование и специализированную подготовку в русле великой традиции советской археологической школы. Из множества памятников, на которых он работал, предметом его особой привязанности стало городище Зартепа в древней Бактрии. Он изучал его более десятилетия, а результаты этих работ легли в основу его диссертации. В ходе обширных раскопок была открыта большая часть жилых кварталов Зартепа и его оборонительная стена, а также получено развернутое представление об административном устройстве и повседневной жизни города под кушано-сасанидским владычеством. Итоги своего исследования Владимир Алексеевич подвел в монографии, опубликованной в 2008 г. (В. А. Завьялов «Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа», СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 296 с.: ил.).

Алексеевич всегда давал конструктивные советы авторам рецензируемых им полевых отчетов. При составлении отзывов на отчеты он был корректен, требователен и принципиален.

Обладая литературными способностями, Владимир Алексеевич в течение нескольких лет был членом редколлегии журнала ИИМК РАН «Археологические вести», редактируя статьи по тематике Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа.

Владимир Алексеевич был по натуре оптимистом. От него исходили внимательность, доброжелательность, деловитость и энергия. Он был предан археологии, его любили и ценили коллеги. Вся его жизнь являлась образцом высокого служения избранным в молодости идеалам науки.

Со смертью Владимира Алексеевича Завьялова российская восточная археология понесла невосполнимую потерю, но его дело будет продолжено. Мы сохраним память о прекрасном специалисте, добром и отзывчивом человеке.

*М. Т. Каишуба, В. А. Алёшкин,
ИИМК РАН, Санкт-Петербург*

В работе Владимира Алексеевича как археолога со временем произошел важный перелом. Прежде доступная для изучения советская Средняя Азия распалась тогда на несколько независимых государств, что затрудняло организацию долгосрочных экспедиций, а то и вовсе делало невозможным их проведение. Независимость, вновь обретенная этими странами, подтолкнула археологов к международной кооперации, в которую были вовлечены и западные научные институты. В 1992 г. Владимир Алексеевич стал участником Международного Мервского проекта — туркмено-российско-британской исследовательской группы, занятой изучением в первую очередь сасанидских слоев древнего города. Совместная работа группы, включавшей представителей таких разных научных традиций, как тогдашняя советская и британская, неизбежно вела к сравнению принятых в каждой методов исследования. Однако Владимир Алексеевич умел, взвесив особенности этих школ, уважать сильные стороны обеих и использовать их в своей исследовательской практике. Его занимала содержательная сторона вопроса, а не шовинистические прения.

Володя (как звали его коллеги по Международному Мервскому проекту) был очень ценим всеми за этот непрядвзятый и деловой подход.

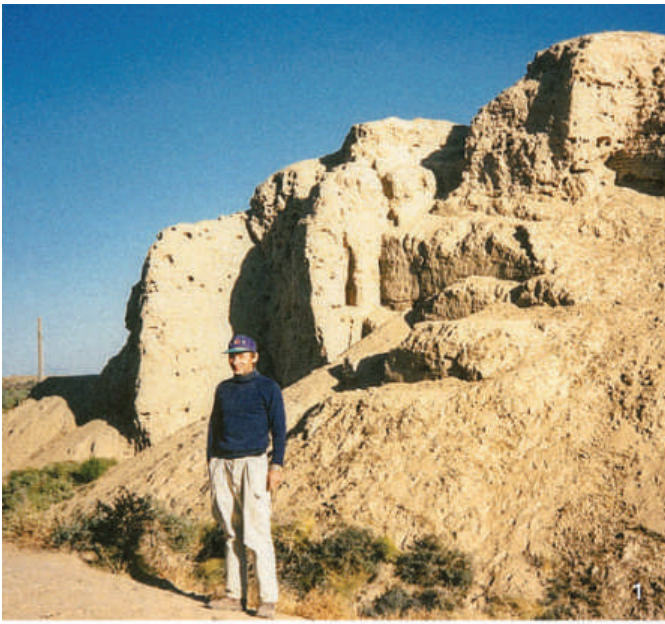

Рис. 1. 1 — Мерв, Гяур Кала, 1997 г.; 2, 3 — Мерв, Гяур Кала, последний сезон раскопок крепостной стены; 4 — Мерв, 2002 г.

Fig. 1. 1 — Merv, Gyaur Kala, 1997; 2, 3 — Merv, Gyaur Kala, the last season of excavations the fortress wall; 4 — Merv, 2002

Его скромность и сдержанность контрастировали с теми огромными знаниями и опытом, которыми он обладал. Он мог поделиться профессиональным суждением в частной беседе, но никогда не навязывал своего мнения. Он прислушивался к оппоненту и охотно разделял его оценку, если тот на этом настаивал.

Сферой научных интересов Владимира Алексеевича были великие империи Кушан и Сасанидов и их культура. В ходе раскопок Гяур Калы и Эрк Калы он выделил кушано-сасанидский горизонт, уже исследованный им в Зартепа; теперь была возможность увидеть его в иной перспективе, исследовав как многочисленные соответствия, так и существенные различия. Изучение политических и культурных процессов поздней древности в итоге привело его к проблематике предшествовавшей, эллинистической, эпохи Центральной Азии.

С 1997 г. он проводил в рамках Международного Мервского проекта раскопки городской стены Гяур Калы, задачей которых было проследить

историю развития оборонительных сооружений города с момента их заложения, а также критически оценить результаты прежних раскопок. К 2002 г., когда раскопки подошли к концу, ему удалось реконструировать историю возведения стены, уточнив при этом ряд важных деталей.

Анализ итогов этих раскопок Володя продолжил во время научной стажировки в Великобритании (2003–2004 гг.), где он представил результаты своих работ на конференции (2004, *The Fortifications of the City of Gyaur Kala, Merv*. In: *After Alexander. Central Asia before Islam*. J. Cribb and G. Herrmann (eds.). Oxford University Press).

Помимо Центральной Азии, Володя участвовал в раскопках на территории Тувы и Вьетнама. В последние годы, когда он уже не работал в поле, в круг его научных интересов вошла история манихейства.

Коллегам и друзьям будет не хватать Володи, его спокойного и веселого нрава, однако мы сохраним благодарную память о совместно проведенных полевых сезонах, наших оживленных дискуссиях и дружеских вечерах.

*Габриэле Пушницг,
Институт иранских исследований
Австрийская Академия наук
(Вена, Австрия)*

Памяти Анатолия Николаевича Кирпичникова (25.06.1929–16.10.2020)

16 октября 2020 г. на 92-м году жизни от нас ушел Анатолий Николаевич Кирпичников — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин Ленинградской области, один из ведущих и признанных в стране и за рубежом специалистов в области изучения археологии, истории и культуры Древней Руси — России и сопредельных стран Северной Европы, автор более 700 научных трудов. За его плечами был огромный опыт научных, полевых и научно-организационных работ, многолетняя борьба за сохранение памятников культуры России.

Анатолий Николаевич родился 25 июня 1929 г. в Ленинграде. Ребенком он чудом выжил в годы страшной ленинградской блокады 1941–1944 гг., потеряв при этом мать, убитую немецким снарядом. В 1948 г., закончив школу, поступил на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. В 1949 г. он впервые поехал в археологическую экспедицию профессора М. К. Каргера, ставшего на многие годы его научным руководителем. Своим становлением как ученого А. Н. Кирпичников обязан в не меньшей степени лекциям блестящих историков и археологов — В. В. Мавродина, М. И. Артамонова, В. И. Равдоникаса и других ученых, преподававших тогда на историческом факультете.

В 1953 г. после окончания с отличием университета А. Н. Кирпичников был принят на работу научным сотрудником в Артиллерийский музей (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи). Богатейшие коллекции музея, выходящие за рамки огнестрельного периода истории оружия, привлекли молодого исследователя к малоизученной тогда теме древнерусского вооружения и древней военной

техники. Недаром одним из директоров музея был выдающийся археолог конца XIX — начала XX в. Н. Е. Бранденбург. С его научным наследием Анатолию Николаевичу предстояло столкнуться 20 лет спустя в связи с изучением Староладожской крепости. Пока же исследователя увлекла идея поисков в руинах Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря арсенала, известного по описи XVII в. На эти раскопки в 1953 г. Анатолий Николаевич получил свой первый Открытый лист. С тех пор ежегодные полевые исследования не прекращались более 60 лет. Первые поиски окончились неудачей — арсенал монастыря был расхищен еще в конце XVIII в. Но в процессе исследований сформировалась еще одна тема научных интересов, которую А. Н. Кирпичников пронес через всю жизнь, — оборонное зодчество Северо-Запада России.

В 1955 г. А. Н. Кирпичников поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры Российской академии наук). С этого момента его работа и жизнь оказались неразрывно связаны с институтом. В 1963 г. Анатолием Николаевичем была успешно защищена кандидатская диссертация «Русское вооружение ближнего боя X–XIII вв.», а в 1975 г. — докторская диссертация «Военное дело Руси IX–XV вв.». А. Н. Кирпичников на основе изучения всего массива археологического материала выдвинул концепцию формирования комплекса вооружения Древней Руси как творческого синтеза западноевропейского и азиатско-кочевнического направлений развития вооружения. С 1966 г. в серии «Свод археологических источников» стали выходить корпуса, посвященные древнерусскому вооружению. 37-летний ученый

сразу стал классиком отечественной археологии.

Новым направлением в изучении оружия стала клинковая эпитафия — раскрытие знаков и надписей на лезвиях мечей. А. Н. Кирпичникову удалось расчистить и изучить более 300 клинков из музеев России, Украины, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии. Впервые на нескольких раннесредневековых клинках были раскрыты русские именные надписи.

Вторым направлением научных интересов А. Н. Кирпичникова стало изучение крепостей Северной Руси. Им были проведены раскопки в Старой Ладоге, Орешке, Копорье, Ямгороде, Пскове, Порхове, Гдове, Новгороде, Велье, Кирилло-Белозерском монастыре, Кореле и Тиверском городке. В результате сформировалась детализированная картина двух этапов формирования северо-западного крепостного щита Северной Руси — новгородского и московского. Из изучения северных крепостей логически вытекает еще одно направление научной деятельности А. Н. Кирпичникова — исследование и публикация позднесредневековых письменных и графических источников, касающихся городов Северной Руси. В частности, под редакцией А. Н. Кирпичникова впервые опубликованы и прокомментированы дневники и рисунки Николааса Витсена — голландца, посетившего Московию в царствование Алексея Михайловича.

Начиная с 1972 г. внимание А. Н. Кирпичникова привлекает Старая Ладога, где начинает работать экспедиция под его руководством. В этой экспедиции работали в разные годы большинство сотрудников Отдела славяно-финской археологии, который с 1974 г. возглавил А. Н. Кирпичников. Первоначально он провел цикл полевых исследований каменной крепости и выявил три периода ее строительства. Результаты были опубликованы в 1984 г. в книге «Каменные крепости Новгородской земли». В 1985 г. вышла в свет коллективная монография «Средневековая Ладога», подводившая итоги первого этапа работ Староладожской экспедиции: исследования Земляного городища, посада и погребальных памятников. Принципиально новым, по сравнению с раскопками первой половины — середины XX в., было получение серии дендродат на раскопах Е. А. Рябина на Земляном городище и

Анатолий Николаевич Кирпичников
Anatolij Nikolaevich Kirpichnikov

В. П. Петренко на Ладожском посаде. Была обоснована дата возникновения Ладожского поселения: середина VIII в. В 1984 г. А. Н. Кирпичников начинает многолетний цикл полевых исследований Земляного городища. Его итогом стала монография «Старая Ладога — первая столица Руси». Анатолий Николаевич внес огромный вклад как в популяризацию археологических исследований Старой Ладоги, так и в дело сохранения ее уникальных архитектурных памятников.

Научная деятельность Анатолия Николаевича логично сочеталась и находила продолжение в его общественной деятельности — пропаганде изучения прошлого нашей страны, борьбе за совершенствование охраны памятников ее истории и культуры. С 1978 г. он являлся заместителем председателя Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а с 1997 г. — его председателем и членом Президиума Центрального совета ВООПИК. В первую очередь благодаря его

усилиям в 1984 г. в Старой Ладогe создан историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Не замыкаясь в архитектурно-археологической проблематике, близкой его научным интересам, Анатолий Николаевич болел душой за всё культурное наследие нашей Родины. Оружиеведческие труды А. Н. Кирпичникова и его лекционная деятельность получили достойное воплощение в деятельности многочисленных молодежных клубов исторической реконструк-

ции. На фестивалях, регулярно устраиваемых не только в Старой Ладогe, но и в других городах России и Украины, Анатолий Николаевич всегда был желанным гостем: реконструкторы по праву считали его своим духовным отцом.

21 октября после отпевания в Смольном соборе Санкт-Петербурга Анатолий Николаевич Кирпичников был похоронен на Алексеевском погосте в Старой Ладогe, исследованию которой он посвятил почти половину столетия.

*С. В. Белецкий, В. А. Лапшин,
ИИМК РАН, Санкт-Петербург*

Памяти Константина Константиновича Марченко (06.09.1939–01.10.2020)

Из жизни ушел наш друг и коллега, Константин Константинович Марченко — известный археолог, оставивший яркий след в изучении античного Причерноморья. Он родился 6 сентября 1939 г. в семье директора одного из крупных заводов Ленинграда. Вся его жизнь была связана с этим городом, за исключением военных лет (1941–1945), когда он вместе с семьей оказался в эвакуации в Нижнем Тагиле. Вскоре после возвращения юный Костя поступил в среднюю школу, которую закончил в 1958 г. После неудачной попытки поступить в Ленинградский университет ему пришлось три года осваивать рабочие специальности электромонтера и слесаря. Только потом он поступает на кафедру археологии исторического факультета. Это был год, когда из Мавзолея на Красной площади вынесли Сталина и в космос полетел Юрий Гагарин — время хрущевской оттепели, пора больших надежд.

В такой обстановке начиналась археологическая биография будущего ученого, с радостью погрузившегося в изучение античной истории и культуры. Его учителями стали известные исследователи Ольвии — А. Н. Карасев (1902–1972) и Е. И. Леви (1903–1996). В этом качестве он даже попал в научно-художественную книгу А. Л. Никитина «Распахнутая земля», где ученик Карасева, Костя Марченко, взирает на праздных посетителей ольвийского раскопа «с высоты своего двухметрового роста» (Никитин, 1973. С. 213–214). В отношении роста это, конечно, было небольшое преувеличение, но молодой студент действительно отличался весьма высокой фигурой, имел импозантный вид и пользовался успехом у девушек. Широкая натура, раскованное поведение всегда привлекали к нему внимание. Неудивительно, что его часто сравнивали с Адриано Челентано, который был почти ровесником Константина Константиновича. Сам он в молодые, да и в зрелые годы, безусловно, был романтиком: наизусть

читал стихи Николая Гумилева, любил фантастику и, имея с детства двух самых близких друзей¹, ощущал себя «одним из трех мушкетеров».

Обучение в университете окончилось в 1966 г., и через год К. К. Марченко был принят в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН). В стенах этого учреждения он прошел долгий путь от научно-технического сотрудника, лаборанта до ведущего научного сотрудника и заведующего Отделом истории античной культуры, который он возглавлял в 1998–2005 гг. Здесь Константин Константинович стал одним из крупнейших специалистов в области античной археологии Северного Причерноморья, профессионалом высшей пробы. При этом его всегда увлекала фундаментальная проблема изучения взаимодействий греческих колоний региона с местными племенами на основе археологических материалов. Он стал одним из энтузиастов исследования малоэстетичной по своему облику лепной керамики, изготовленной в традициях местных племен, что многим тогда представлялось бесперспективным. Тем не менее К. К. Марченко удалось убедительно продемонстрировать информационные возможности этого своеобразного археологического источника. Много внимания он уделял технологии изготовления и классификации лепной керамики, вопросам интерпретации ее нахождения в различных культурных слоях. Именно этим проблемам была посвящена успешно защищенная им в 1974 г. кандидатская диссертация «Варвары в составе населения Березани и Ольвии». Позднее, дополненная новыми данными и идеями, она была опубликована в виде монографии под названием «Варвары в составе

¹ Одним из них был В. А. Булкин (1937–2016) — известный искусствовед, исследователь древнерусского искусства.

Константин Константинович Марченко
Konstantin Konstantinovich Marchenko

населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. По материалам лепной керамики» (Марченко, 1988).

Конечно, сердце Константина Константиновича всегда принадлежало «жемчужине» северо-причерноморской античности — Ольвии, ведь именно здесь он сформировался как полевой исследователь, но его научные интересы простирались гораздо дальше — в сторону ольвийской хоры. В конце 1970-х гг. он создал и возглавил Нижнебугскую античную экспедицию ЛОИА АН СССР, проводившую масштабные раскопки таких сельских поселений, как Козырка 2 и 12, Старая Богдановка 2, Куцуруб 1, Лупарево 2, а также городища Станислав. Это была экспедиция, творческая атмосфера которой способствовала формированию профессиональных навыков и, безусловно, повлияла на многих молодых археологов, впоследствии занявших ведущие позиции в различных отраслях науки, так или иначе связанных с античной археологией.

Работа на раскопе органично перетекала в вечернее застолье, где начальник всегда был готов

выступить в роли тамады и поддержать своим пением что-нибудь из традиционного песенного набора античных экспедиций, скажем, особенно любимую им «Крамбамбули». Нельзя не вспомнить и присущее ему чувство юмора, проявлявшееся порой в неожиданно возникшей ситуации. Как известно, в советский период все начальники экспедиций перед отправкой в «поле» получали некоторое количество спирта, который потом нужно было списать специальным актом. Как-то раз после произведенного К. К. Марченко списания в помещении Группы античной археологии ворвалась главный бухгалтер В. П. Чайкина, восклицая: «Костя, ты списал шесть литров, а ведь получил всего три!», на что тот тут же невозмутимо отреагировал: «Валентина Павловна, но я же разбавлял!».

Впрочем, как любил говорить сам Марченко: «Все в сторону!». Со временем благодаря изучению сельской округи Ольвии, четко реагировавшей на изменение военно-политической ситуации в степях региона, он сумел осознать одну из глубинных закономерностей, объясняющих динамизм исторического развития Северного Причерноморья в древности. Это позволило разработать принципиально новую периодизацию истории Скифии. Краеугольным камнем ее стало выявление периодов дестабилизации обстановки в степной зоне, связанных, прежде всего, с периодическими продвижениями на запад новых кочевнических этносов. И вот в 1991 г. появилась на свет уже докторская диссертация — «Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н. э.» (Марченко, 1991).

Судьба сложилась так, что кроме Ольвии и ее хоры, на протяжении многих лет К. К. Марченко довелось работать в дельте Дона, которая в древности тоже была зоной активных греко-варварских контактов. Здесь он вместе с И. Б. Брашинским проводил масштабные исследования на Елизаветовском городище и его могильнике. После смерти своего старшего товарища в 1982 г. Константин Константинович возглавил Южно-Донскую экспедицию ЛОИА АН СССР, которая под его руководством сделала на городище выдающиеся археологические открытия. В частности, удалось обнаружить остатки боспорской колонии, возникшей в начале III в. до н. э. на руинах варварского города. Результаты изучения этого археологического памятника в целом были обобщены в прекрасно изданной монографии «Елизаветовское городище на Дону» (Марченко и др., 2000).

Надо сказать, что Константин Константинович не смог в полной мере вписаться в новую, постсоветскую эпоху, когда прекратилось регулярное государственное финансирование археологических экспедиций. Теперь многое зависело от способности получить грант или спонсорские деньги, а это не у всех получалось. Впрочем, даже в этот сложный период Марченко не стремился быть осторожным ни в жизни, ни в своей профессиональной деятельности, предпочитая всегда выступать «с открытым забралом». Он был слишком требователен к себе и другим, но доброжелательный характер, готовность помочь примиряли с резкостью, подчас свойственной его суждениям о людях.

Последние полевые сезоны Константин Константинович провел на острове Березань, где раньше вел раскопки его старый приятель, сотрудник Эрмитажа Я. В. Доманский (1928–2004). В Березанской археологической экспедиции, которую после смерти Доманского возглавил Д. Е. Чистов, на К. К. Марченко были возложены обязанности научного консультанта. Потом в силу разных причин и от этих летних выездов на юг пришлось отказаться. В 2015 г. он окончательно расстался с ИИМК РАН, где ему, ссылаясь на возраст, не продлили контракт. Теперь пространство его жизни сузилось до пределов Колпино, где удалось приобрести небольшую квартиру в «хрущевской» пятиэтажке.

В последние годы Константин Константинович отошел от дел, порой испытывал проблемы со здоровьем и не показывался в ИИМК, чтобы, как он сам порой повторял, его помнили прежним, полным сил и энергии. Тем не менее написанные им почти двести научных работ по-прежнему востребованны. Многие из них стали в полном смысле этого слова классическими, заслужив признание не только в нашей стране, но и за ее рубежами. К их числу, бесспорно, относится вдохновенная им коллективная монография «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху», выдержавшая к 2018 г. уже два издания (*Андреев и др.*, 2005; 2018).

Преодолев 80-летний рубеж, Константин Константинович предпочитал общаться только с ближним кругом своих коллег, но всегда живо интересовался тем, что происходит в научной жизни, и не раз говорил, что «мемуары ему писать еще рано». Казалось, тяжелая болезнь, немощь — это не про него. Даже, когда он оказался в Покровской больнице, где ему диагностировали COVID, думалось, все обойдется. Но судьба распорядилась иначе. 1 октября 2020 г. для нас умер не только замечательный археолог, но и собеседник, друг, большой человек в прямом и переносном смысле. Невозможно не испытывать глубочайшей скорби от того, что столь выдающегося ученого и замечательного человека уже нет среди живущих. Заменить его никто не сможет. Светлую память о нем навсегда сохраняют наши сердца.

*Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский,
ИИМК РАН, Санкт-Петербург*

Андреев и др., 2005 — *Андреев Ю. В., Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетейя, 2005. 463 с.

Андреев и др., 218 — *Андреев Ю. В., Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетейя, 2018. 464 с.

Марченко, 1988 — *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э.:

По материалам лепной керамики. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 141 с.

Марченко, 1991 — *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного причерноморья VII–I вв. до н. э. (проблемы, контакты, взаимодействия): Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии. Л., 1991. 40 с.

Марченко и др., 2000 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М.: ИА РАН, 2000. 181 с.

Никитин, 1973 — *Никитин А. Л.* Распахнутая земля. М.: Детская литература, 1973. 255 с.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АВЛ — Археология восточноевропейской лесостепи
- АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа
- АИК — Археологические исследования Крыма
- АИУ — Археологические исследования на Украине
- АІДУ — Археологія і давня історія України. Київ
- АРГО — Архив Русского географического общества
- АСГЭ — Археологический сборник
Государственного Эрмитажа
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология
Евразии
- б. и. — без указания издательства
- БВНОВ — Бюллетень Всесоюзной научной
организации востоковедов
- БИ — Боспорские исследования
- БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению
четвертичного периода
- БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук
- ВАС — Всероссийский археологический съезд
- ВАШ — Высшая антропологическая школа
- ВГУ — Воронежский государственный университет
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИЕТ — Вопросы истории естествознания и
техники
- ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-
исследовательский геологический институт
им. А. П. Карпинского
- ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение
Русского географического общества
- ГАП — Главный архитектор проекта
- ГАРФ — Государственный архив Российской
Федерации
- ГБО ВО РК — Государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования Республики Крым
- ГИМ — Государственный исторический музей
- Главнаука — Главное управление научных и
музейных учреждений Народного комиссариата
просвещения РСФСР
- ГМИР — Государственный музей истории религии
- ГРГО — Государственное Русское географическое
общество
- ГРМ — Государственный Русский музей
- г. х. — год хиджры
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ЖМНП — Журнал Министерства народного
просвещения
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения
Российского археологического общества
- ЗОРСА ИРАО — Записки отделения русской и
славянской археологии Императорского Русского
Археологического общества
- ЗСКОАИЭ — Записки Северо-Кавказского краевого
общества археологии, истории и этнографии
- ИА — Институт археологии
- ИАК — Извѣстія Императорской Археологической
комиссії. СПб. (Пг.)
- ИАЭ — Институт археологии и этнографии
- ИГАИМК — Известия Государственной академии
истории материальной культуры
- ИД — Издательский дом
- ИИМК РАН — Институт истории материальной
культуры Российской академии наук
- ИИСАА — Источниковедение и историография
стран Азии и Африки
- ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
- ИЛАИ — Известия Лаборатории археологических
исследований
- ИЛАИ КемГПИ — Известия Лаборатории
археологических исследований Кемеровского
государственного педагогического института
- ИМКУз — История материальной культуры
Узбекистана
- ИНИОН — Институт научной информации
по общественным наукам

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИРВИО — Императорское Русское военно-историческое общество
- КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
- КПГАИМК — Книга поступлений Государственной академии истории материальной культуры
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
- КФУ — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
- ЛенГИСИЗ — Ленинградский трест инженерно-строительных изысканий
- МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. М., Тюмень, Нижний Новгород
- МИА — Материалы и исследования по археологии
- МИАР — Материалы и исследования по археологии России. М.
- МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований
- НА ИИМК РАН — Научный архив ИИМК РАН
- НАНУ — Национальная академия наук Украины
- НИИК — Научно-исследовательский институт культуры
- НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- НКВД — Народный комиссариат по иностранным делам
- НН — Научное наследство
- НОА ИА РАН — Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
- НТЦ — Научно-технический центр
- ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
- ОАК — Отчетъ Императорской Археологической Комиссии. СПб. (Пг.)
- ОНТИ — Объединенное научно-техническое издательство
- ПВЛ — Повесть временных лет
- ПИК — Памятники истории и культуры
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
- РА — Российская археология. М.
- РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.
- РГО — Русское географическое общество
- РИО КемГУ — Кемеровское отделение Российского исторического общества на базе Кемеровского государственного университета
- РО — Рукописный отдел
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
- РХГА — Российская Христианская Гуманитарная Академия
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
- СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- СПбФАРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- ССПК — Старожитности степового Причорномор'я і Криму: збірник наукових праць
- СТАКЭ — Северо-Таджикская археологическая комплексная экспедиция
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.)
- УФИЦ РАН — Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
- ФГБУ — Федеральное государственное бюджетное учреждение
- ФО — Фотоотдел научного архива
- ЮНЦ РАН — Южный научный центр Российской академии наук
- АÉ — Archaeologiai Értesítő. A Magyarrégészeti, művészettörténeti és éremtani társulat tudományos folyóirata. Budapest
- ВМС — The Burlington Magazine for Connoisseurs
- ВМFEА — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
- САМ — crassulacean acid metabolism
- IAE PAN — Instytut Archeologii i Etnologii Polska Akademia Nauk
- JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
- SA — Scientific Archives
- МАНМС — Memoirs of the Academy of History of Material Culture

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 30

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Издательская группа ИИМК РАН
А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 46. Тираж 300 экз. Заказ 211

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 30 —

